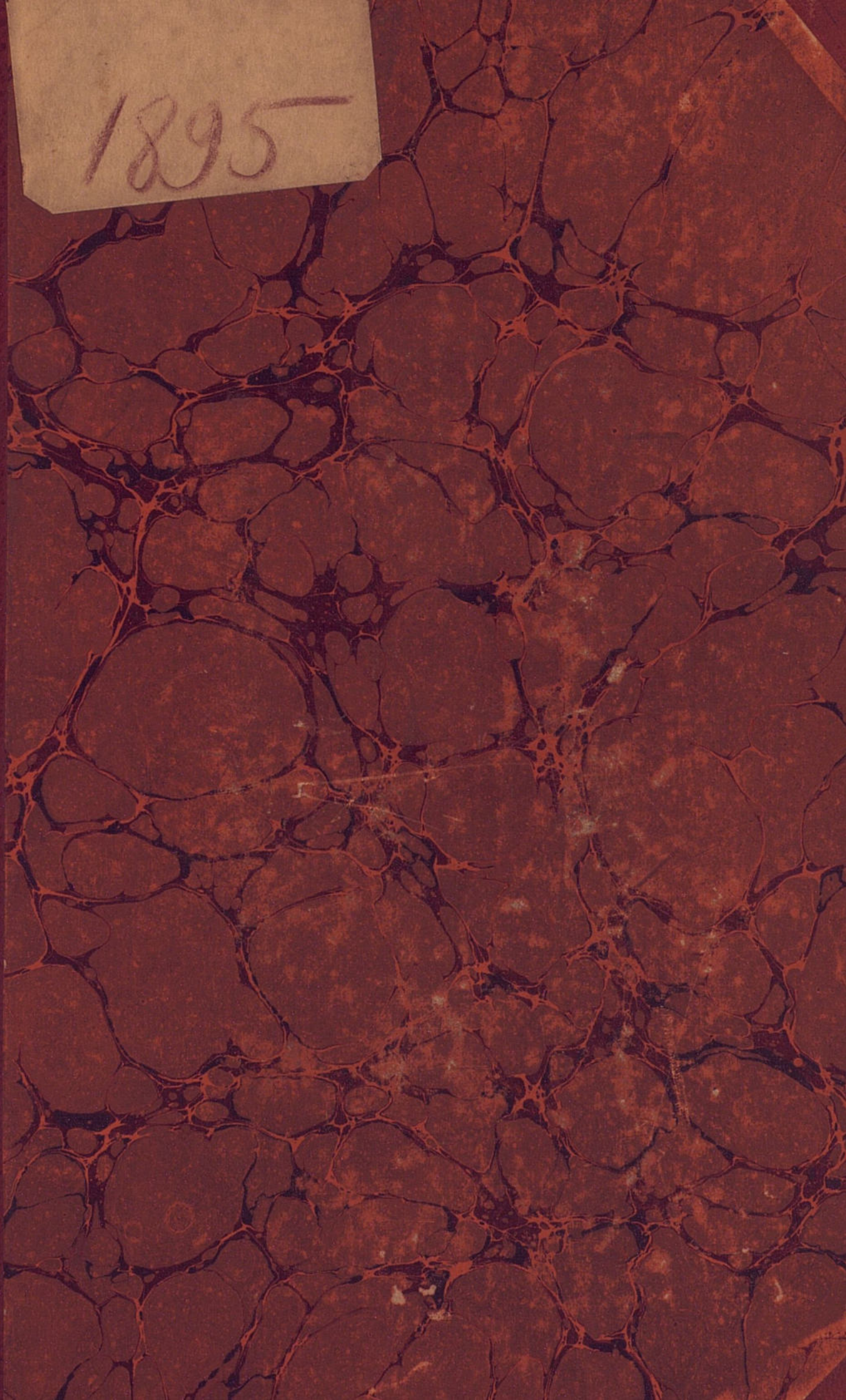

1895

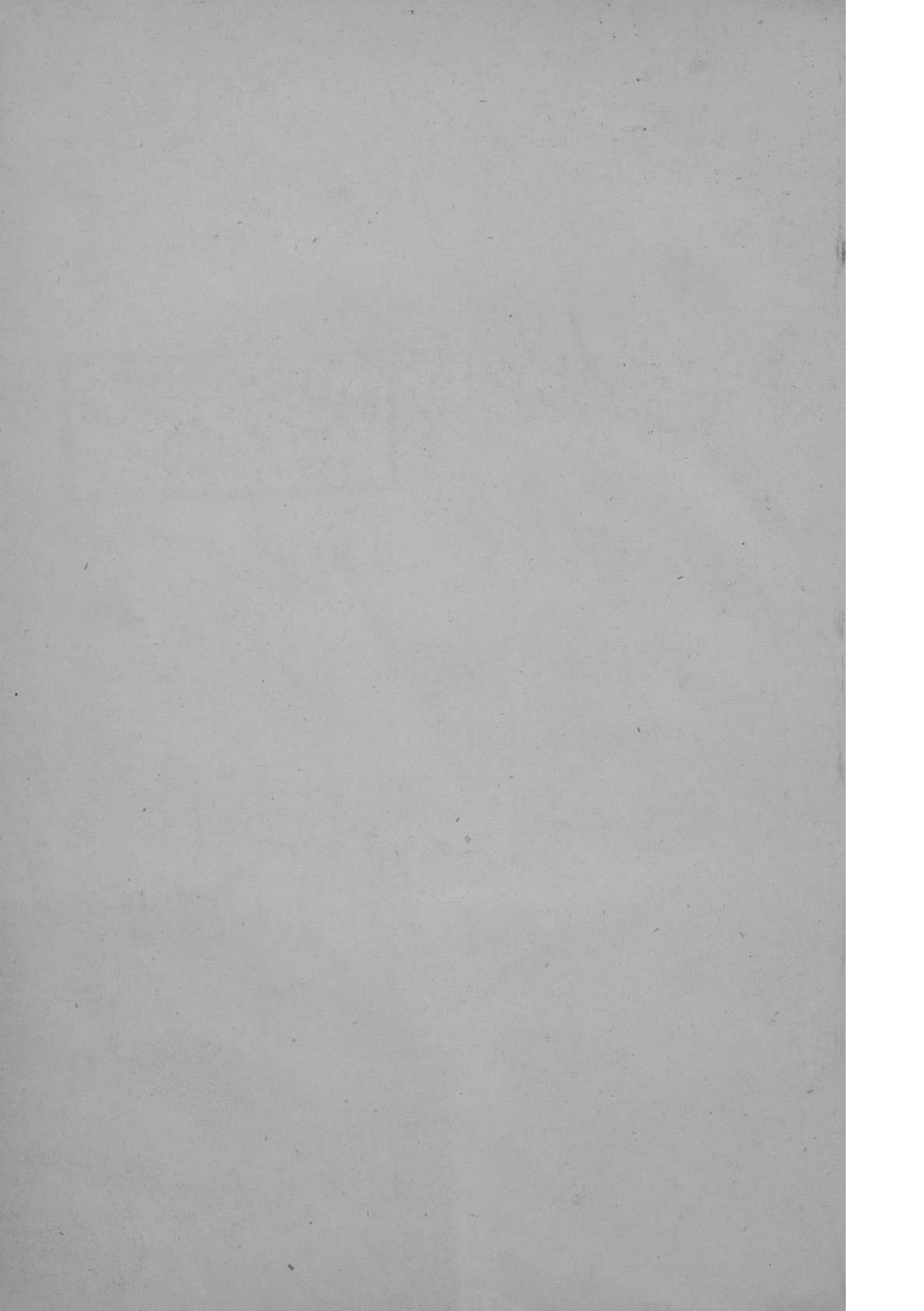

зала 20 68.
шкафъ
полка 2.
№ 21. 15

Консультационно-
Бюро с. ж. ж. в.
в Ленинграде

сп 3583

1895.

IX

IX

ХАРЬКОВСКІЙ СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „Харьковскому Календарю“ на
1895 г.

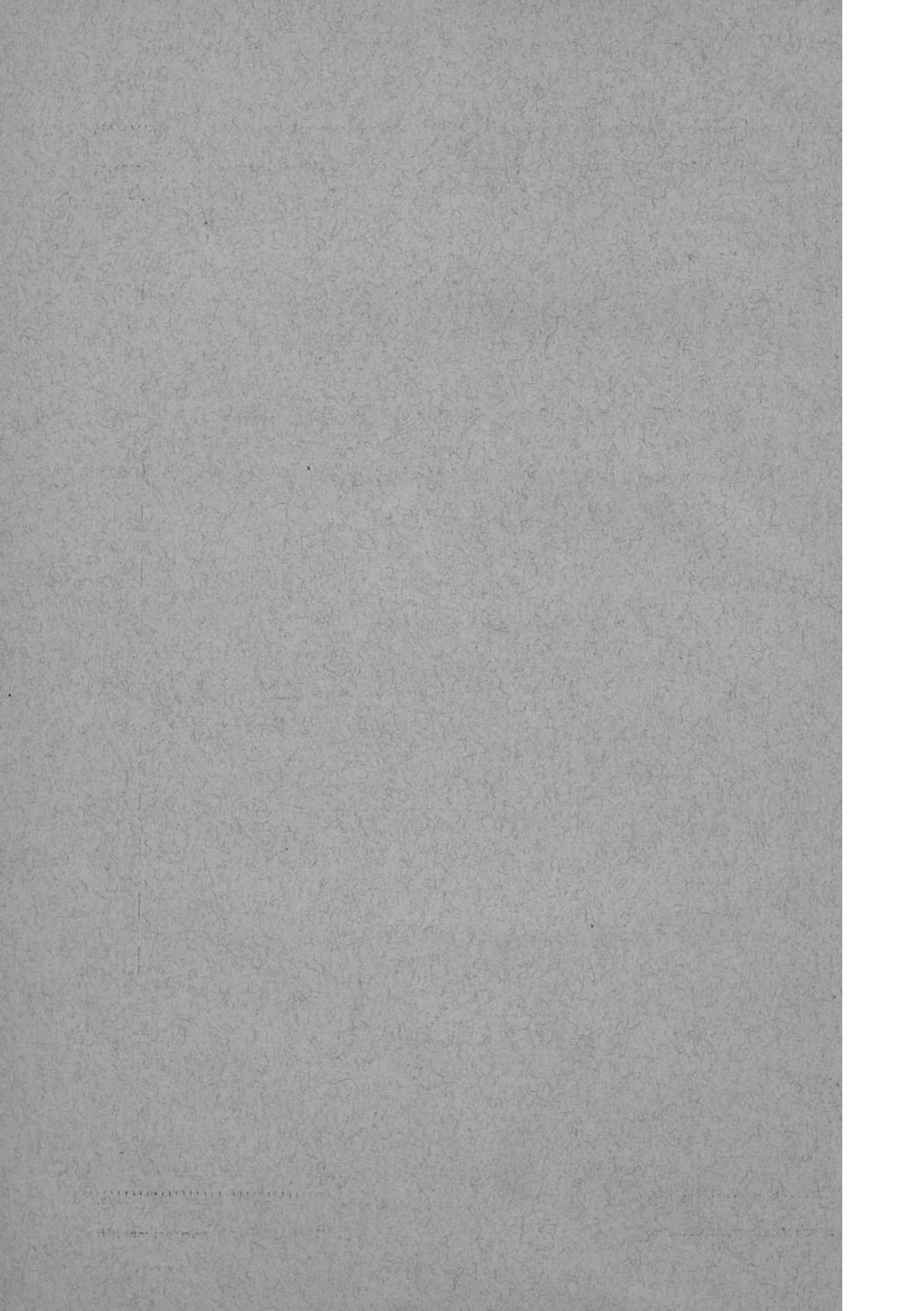
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. В. Иванова.

Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
карты Слободскихъ полковъ за 1764 годъ.

ВЫПУСКЪ 9-й.

ХАРЬКОВЪ.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1895.

С 591 Хар.
А-32

ХАРЬКОВСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложіе къ „Харьковскому Календарю“
на 1895 годъ.

ВЫПУСКЪ 9-й.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

карты Слободскихъ полковъ за 1764 годъ.

ИЗДАНИЕ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

В. В. ИВАНОВА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17.
1895.

3583

ХАРЬКОВСКИЙ

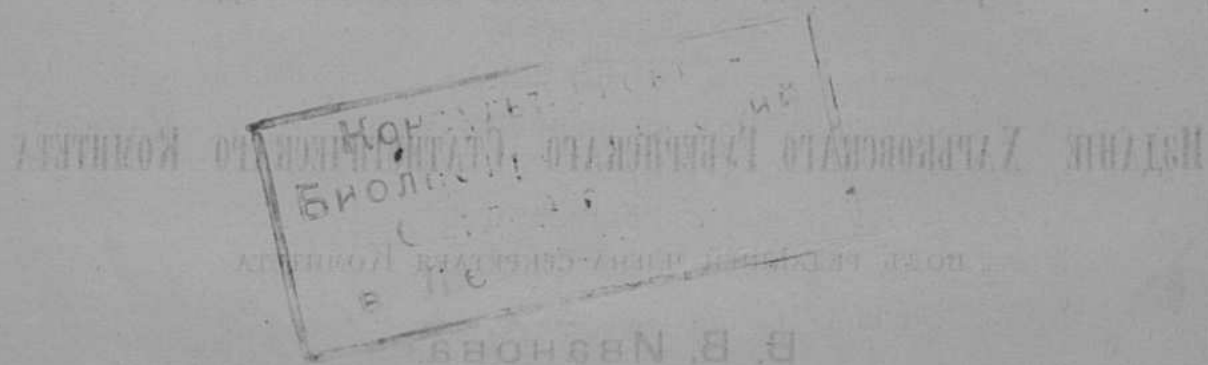
Харьков
А-32

СБОРНИКЪ

Историко-научное приложение к "Харьковскому Еженедельнику"
въ 1895 году

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

напечатано въ Харьковѣ въ 1894 году

ХАРЬКОВЪ

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер. № 17.

1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отъ редакціи	I

А) Отдѣлъ I-й.

1.—Исторія Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка. Е. А. Альбовскаго	1
2.—Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи (окончаніе). В. А. Демидова . . .	100
3.—Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій (окончаніе). Прот. Н. А. Лашенкова . . .	129
4.—Историческій очеркъ крестьянскаго суда. Н. С. Илла- ріонова	201
5.—О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда (продолженіе)	218

Б) Отдѣлъ II-й.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губерніи. Гл. 1. Старобѣльскій уѣздъ (продолженіе):

12) Сл. Бѣло-Куракино (продолж.). П. М. Шинкарева . . .	239
13) Сл. Курячевка. Д. Шинкаревой	343
14) Сл. Пантюхино. И. Н. Шухмина	364
15) Сл. Райгородка. Е. А. Коробовой	382
16) Сл. Боровское. В. Лютова	399
17) Сл. Бахмутовка. А. Коломейцевой	413
18) Сл. Ново-Айдарь. А. Г. Жижкова	429
19) Сл. Больше-Черниговка. Е. С. Тихоновой	443
20) Сл. Спѣваковка. Е. В. Поповой	452
21) Сл. Шульгинка. Е. И. Будянской	454
22) Сл. Литвиновка	474
23) Сл. Баранниковка. С. И. Костикова	479
24) Сл. Нижне-Баранниковка. А. Кристь	483
25) С. Безгинова. Тремпольцевой	487

ОТДѢЛЕНІЕ

Слѣд.

1

Отдѣленіе

О мѣстѣ А-В

- 1.—Методъ Харьковскаго губернскаго землемѣра
Е. А. Алёксеева
- 2.—Первое-второе издѣніе по землемѣрному
Въ Харьковскомъ губернскомъ землемѣрѣ Е. А. Алёксеева
- 3.—Харьковский-первый землемѣръ
и Харьковскій землемѣръ Нотъ Н. А. Алёксеева
- 4.—Харьковский землемѣръ
и Харьковскій землемѣръ Н. С. Алёксеева
- 5.—О правѣ землемѣрѣ и землемѣрѣ Харьковскаго губернскаго землемѣра

О мѣстѣ А-В

- Материалъ для статистическаго изслѣдѣнія Харьковскаго губернскаго землемѣра
- 12) Г. В. Алёксеева (продолженіе) Е. М. Шенкелева
 - 13) Г. В. Алёксеева Д. Шенкелева
 - 14) Г. В. Алёксеева Н. Н. Шенкелева
 - 15) Г. В. Алёксеева Е. А. Шенкелева
 - 16) Г. В. Алёксеева Е. Шенкелева
 - 17) Г. В. Алёксеева А. Шенкелева
 - 18) Г. В. Алёксеева А. Т. Шенкелева
 - 19) Г. В. Алёксеева Е. С. Шенкелева
 - 20) Г. В. Алёксеева Е. В. Шенкелева
 - 21) Г. В. Алёксеева Е. В. Шенкелева
 - 22) Г. В. Алёксеева
 - 23) Г. В. Алёксеева О. В. Шенкелева
 - 24) Г. В. Алёксеева А. Шенкелева
 - 25) Г. В. Алёксеева Шенкелева

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Желая пополнить пробѣлы прошлыхъ выпусковъ «Харьковскаго Сборника» по общей исторіи края, помѣщаемъ въ предлагаемомъ выпускѣ изслѣдованіе, касающееся прошлаго «Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка». Къ этой статьѣ прилагается карта Слободскихъ полковъ, изъ которыхъ образовалась нынѣшняя Харьковская губернія; она относится къ 1764 году и представляетъ собою весьма интересный историческій документъ, впервые появляющійся въ свѣтъ.

Опубликованными статьями по этнографіи Харьковской губерніи, въ прошломъ и предлагаемомъ выпускахъ «Харьковскаго Сборника», еще не исчерпывается весь имѣющійся матеріалъ по Старобѣльскому уѣзду. Остальныя статьи по этому уѣзду будутъ помѣщены въ слѣдующемъ выпускѣ «Сборника». За матеріалами по Старобѣльскому уѣзду будетъ слѣдовать печатаніе матеріаловъ по смежному Купянскому уѣзду.

Печатаніе собранныхъ обширныхъ матеріаловъ по обычному праву въ Харьковской губерніи отложено до слѣдующаго выпуска «Сборника».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Желая поощрять подобныя труды, редакція «Харьковскаго Губерника» по общей исторіи края поминетъ въ предстоящемъ выпускѣ № 1-го извѣщеніе о прочтеніи «Харьковскаго Губерника» въ 1864 году. Въ этой статьѣ приваляется краткое изложеніе той части, которая относится къ Харьковскому Губернику, и въ которой изложены всѣ историческія факты, относящіеся къ Харьковскому Губернику.

Одновременно съ этимъ редакція «Харьковскаго Губерника» въ предстоящемъ выпускѣ № 1-го извѣщеніе о прочтеніи «Харьковскаго Губерника» въ 1864 году. Въ этой статьѣ приваляется краткое изложеніе той части, которая относится къ Харьковскому Губернику, и въ которой изложены всѣ историческія факты, относящіеся къ Харьковскому Губернику.

Въ предстоящемъ выпускѣ № 1-го извѣщеніе о прочтеніи «Харьковскаго Губерника» въ 1864 году. Въ этой статьѣ приваляется краткое изложеніе той части, которая относится къ Харьковскому Губернику, и въ которой изложены всѣ историческія факты, относящіеся къ Харьковскому Губернику.

ОТДѢЛЪ I-й.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ

ОБЩАГО ХАРАКТЕРА.

ОТДРП I-Н

ДНТРАТАУНО-НАУНЫ СЛАП

ОБЩАГО ХАРАКТЕРА

ИСТОРІЯ

Харьковскаго Слободекаго козачьяго полка.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ мѣстности, гдѣ теперь находится Харьковская губернія съ богатымъ и цвѣтущимъ городомъ Харьковомъ, въ былыя времена кочевали дикія орды разныхъ народовъ. Служа широкою дорогою, край этотъ видѣлъ въ теченіе долгихъ столѣтій много племенъ, смѣнявшихъ другъ друга и являвшихся изъ многолюдной Азіи. Были здѣсь Готы и Гунны въ IV вѣкѣ, Авары и Обры въ VI. Слѣдуя другъ за другомъ, они оставляли по себѣ разные памятники, сохранившіеся до нашего времени:—это „могилы“ (майданы)—большіе земляные курганы, во множествѣ разбросанные по всему необъятному югу Россіи; истуканы каменные, очень грубой работы, извѣстные у народа подъ именемъ „бабъ“, разставленные по высокимъ могиламъ, будто для стражи; лѣхи—какія-то подземелья, соединяющіяся между собою, и городища. Въ этихъ могилахъ и лѣхахъ находили различныя старинныя металлическія вещи—оружіе и женскія украшенія, а также и римскія монеты съ изображеніемъ императоровъ первыхъ вѣковъ, свидѣтельствующія, что этотъ край былъ заселенъ уже въ то время.

Затѣмъ здѣсь были Хозары, о которыхъ имѣется уже болѣе извѣстій, какъ жившихъ позднѣе,—въ IX вѣкѣ; ихъ, въ свою очередь, смѣнили Печенѣги, потомъ Торки и Половцы.

Нѣкоторыя названія населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи и нынѣ свидѣтельствуютъ о пребываніи здѣсь этихъ народовъ. Такъ, напр., Хозарское городище, Хозарское поле, близъ г. Валокъ, Коганово городище, Когановъ перевозъ, м. Печенѣги, въ 23-хъ верстахъ отъ г. Чугуева, и др. Городищами назывались мѣста, на которыхъ прежде существовали какіе-то города, остатки которыхъ сохранились. Предполагаютъ, что время существованія этихъ городовъ относится къ до-татарскому нашествію, т. е. къ XII вѣку; такъ были: Коломацкое городище, Донецкое городище и множество другихъ.

Половцы вели постоянныя войны съ славянскими племенами и долгое время опустошали ихъ земли. Извѣстны два похода въ половецкую землю, одинъ въ 1111 и другой въ 1185-мъ году—походъ Игоря Святославовича, кончившійся пораженіемъ русскихъ князей. Походъ этотъ описанъ въ высоко-поэтическомъ произведеніи „Слово о полку Игоревѣ“, въ которомъ неизвѣстный авторъ воздастъ хвалу тому Донцу, по берегамъ котораго селились впослѣдствіи Харьковскіе козаки¹⁾.

„О Донче! не мало ти величія, лелеявшу князя на волнахъ, ставшу ему зелену траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу; строжила е гоголемъ на водѣ, чайкамъ на струяхъ, чрънядьми (особенный родъ черныхъ утокъ) на вѣтрѣхъ“²⁾.

И какъ было не селиться людямъ въ этой благословенной Господомъ землѣ! Здѣсь было все: непроходимые лѣса, въ которыхъ въ изобиліи водились звѣри и разнаго рода дичь, рѣки, кишашія рыбою, рядомъ съ густымъ лѣсомъ,—луга, покрытые чудною травою, и привольныя необъятныя степи, въ которыхъ водились даже дикія лошади.

Климатъ этой мѣстности прекрасный, умѣренный; почва плодородна, съ избыткомъ вознаградившая-бы трудъ человѣка, если-бы онъ захотѣлъ ее обрабатывать.

¹⁾ По малороссійскому выговору произносится *козакъ*. Такъ какъ во всѣхъ документахъ и подлинныхъ бумагахъ полка это слово пишется чрезъ о, то мы поэтому вездѣ и удержали эту орфографію.

²⁾ Слово о полку Игоревѣ. Изд. 2. Вельмана. Москва. 1866 г.

И вотъ, начала появляться здѣсь понемногу осѣдлость.

Губительнымъ, всеокрушающимъ ураганомъ пронеслись татары Чингисъ-Хана и Батые по этому краю, превращая на пути своемъ все въ пепель и кучи развалинъ, дѣлая изъ городовъ—городища, и покорили своей власти всю страну. Даже Кіевъ, гдѣ сидѣлъ когда-то Олегъ, наводившій страхъ на могучій Цареградъ, былъ разрушенъ до основанія и долго не могъ оправиться отъ такого погрома. Жители, которымъ удалось избѣжать смерти или неволи, ушли въ болѣе безопасныя мѣста; „набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспрепятствовать обиталища“¹⁾.

Нападенія дикихъ татаръ обезлюдили эту мѣстность въ XIII вѣкѣ, а притѣсненія и несправедливости другаго народа, почитавшаго себя цивилизованнымъ, въ XVII населили ее снова.

Край этотъ, подвергавшійся постояннымъ нашествіямъ татаръ, чрезъ который проходили такъ называемые шляхи и сакмы—степныя дороги (Муравскій, мурава—трава, и др.) ведущіе въ Московское государство, заселенъ ими также не былъ, хотя нѣкоторыя названія бродовъ и перелазовъ и другихъ мѣстъ говорятъ объ ихъ тамъ пребываніи: Ахтырка—Акты-Яръ²⁾—татарскій юртъ, гдѣ татары загоняли свои стада, Изюмская Сакма—чисто татарскія названія.

Южными пограничными русскими городами, „глядѣвшими прямо въ степь“, въ XVI вѣкѣ были: Алатырь, Мценскъ, Орель, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль и другіе. Открытость границъ, незащищенныхъ природою, внезапность и опустошительность татарскихъ нападеній побудили московское правительство еще въ XIV вѣкѣ завести сторожевую службу. Въ царствованіе Іоанна Грознаго (1571 г.) было для нея составлено кн. Воротынскимъ общее уложеніе, и въ немъ были собраны тѣ правила, которыми должны были руководствоваться станичники³⁾.

Пограничные города высылали въ степь разъѣзды, на обязанности которыхъ лежало зорко слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что

1) Топограф. опис. Харьк. Намѣст. Хар. 83 г., стр. 8.

2) Пр. Филаретъ. Истор.-стат. оп. Харьк. епар. Мос. 57 г., отд. 3, стр. 1.

3) Бѣляевъ. О сторож., стан. и полев. службѣ.

дѣлалось въ степи, и предупреждать воеводъ о возможности непріятельскаго нападенія. Служба эта была до крайности трудная. Вотъ что говорится въ уложеніи: „А стояти сторожемъ на сторожахъ съ коней не съсѣдая перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь-же на право и на лѣво по два человекѣ по наказамъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ не дѣлать, а огни класти не водномъ мѣстѣ, коли каша сварити и тогда огня водномъ мѣстѣ не класти дважды, а вкормъ мѣстѣ кто полднелъ а въ томъ мѣстѣ не ночевати, а въ лѣсѣхъ имъ не ставится... и того беречи на крѣпко, на которые Государевы Украины воинскіе люди пойдутъ... а которые сторожи, не дождався собѣ обмѣны съ сторожи сойдутъ... и тѣмъ... быти казненнымъ смертию“¹⁾.

Отъ сторожей, на обязанности которыхъ лежало предупреждать о появленіи татаръ, требовалось много внимательности и тонкаго знанія степной жизни: иногда малѣйшіе признаки служили предзнаменованіемъ появленія шакаловъ—степныхъ татаръ;—крики птицъ и звѣрей, убѣгавшихъ предъ ордою, уже были ясными предвѣстниками хищниковъ, несущихъ съ собою гибель и разореніе²⁾. „Сторожи“—это мѣсто въ степи, гдѣ останавливались сторожа, но останавливались, какъ видно изъ приведеннаго, очень не надолго, такъ что ихъ обитаемыми пунктами назвать нельзя.

Въ 1593 году были основаны гг. Бѣлгородъ, Осколь и Валуйки; граница Московскаго государства, такимъ образомъ, отодвинулась на югъ, отодвинулись и сторожи. Въ росписаніи сторожей этого времени упоминаются уже рѣчки и урочища, находящіеся на территоріи Слободской Украины, заселенной въ XVII столѣтіи. Край этотъ, прилегавшій къ южнымъ границамъ Московскаго государства, не принадлежалъ ему; не принадлежалъ онъ собственно никому, хотя частое появленіе здѣсь татаръ дѣлало его какъ-бы татарскимъ. Москва-же продолжала стремиться расширить свои границы далѣе на югъ. Такъ, въ царствованіе Бориса Годунова, въ

1) Бѣляевъ. О сторожевой, станич. и полк. службѣ, стр. 12—13.

2) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, 42 г., часть I, стр. 122.

1598 г. былъ построенъ г. Царево-Борисовъ ¹⁾, далеко лежащій за рубежомъ; но этотъ городъ, выдвинутый одиноко въ степь, продержался недолго, и уже въ 1644 г. въ царскихъ грамотахъ (отъ 14 апрѣля и 4 декабря) встрѣчается только „Царево-Городище“ и „Борисово-Городище“ ²⁾.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (въ 1636—40 гг.) построенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ—„Бѣлгородская Черта“ на протяженіи 300 верстъ между рѣками Ворсклой и Днѣпромъ. Эта черта охранялась двѣнадцатью крѣпостями (Вольное, Хотмыжскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нижегородскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколь, Верхососенскъ, Ольшанскъ и Коростоякъ). Пространство между этими городами защищалось землянымъ валомъ. Вокругъ этихъ крѣпостей, подъ ихъ защитою, и вдоль вала были поселены служилые московскіе люди. Укрѣпленная черта эта не вполне достигала своего назначенія, ибо нападенія были такъ внезапны, что татары легко прорывались черезъ нее.

Какъ мы уже говорили, уцѣлѣвшіе остатки жителей мѣстностей, сильно пострадавшихъ отъ татарскихъ нашествій, ушли за Днѣпръ. Край этотъ, по разрушеніи Кіева монголами, пересталъ быть центромъ Руси, ибо великокняжескій престолъ былъ перенесенъ во Владиміръ. Подверженный постояннымъ нападеніямъ татаръ и терзаемый междоусобіями русскихъ князей, Кіевъ не могъ оставаться самостоятельнымъ, и въ 1320 г. со всѣми землями по Днѣпру былъ покоренъ Ольгердомъ. Покореніе это для южно-русскаго населенія было благотѣльно, ибо Литва, въ то время почти уже христіанская держава, присоединила къ себѣ этотъ край, даровавъ жителямъ совершенную равноправность и свободу вѣроисповѣданія. Пробывъ недолго во власти Литвы, южноруссы были подчинены Польшѣ при Владиславѣ-Ягеллѣ, женившемся на королевѣ Ядвига и соединившемъ владѣнія Литвы и Польши въ одно государство. Отъ этого для жителей поднѣпровскихъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ первое время, ибо и къ Польшѣ они были присоединены на тѣхъ же

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 49.

²⁾ Ibidem, отд. V, стр. 56.

правахъ, т. е., какъ равные къ равнымъ. Съ теченіемъ времени эти отношенія начали измѣняться, и русское населеніе подверглось разнымъ притѣсненіямъ. Желая отъ нихъ избавиться, многіе уходили въ никѣмъ незанятые пустынные, недоступныя и поэтому непривлекательныя для наѣздниковъ мѣста, лежація при днѣпровскихъ порогахъ, мѣста болотистыя, густо заросшія тростникомъ,—и селились тамъ вольными ватагами, которыя, по мѣрѣ того, какъ численность ихъ увеличивалась, составили цѣлую общину, получившую въ послѣдствіи правильное устройство, которое имъ далъ Евстафій Дашкевичъ (+1535), староста черкасскій и каневскій, въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1503 г.) находившійся также на службѣ у московскаго царя ¹⁾. Община, имъ устроенная, получила названіе Коша (съ татарскаго—станъ) и раздѣлялась на курени. Главнымъ начальникомъ запорожскихъ козаковъ былъ кошевой атаманъ, и первымъ изъ нихъ—Евстафій Дашкевичъ, этотъ бичъ Божій для татаръ.

Такимъ образомъ образовалось „славное запорожское низовое войско“. Живя въ странѣ, постоянно подвергавшейся нападеньямъ татаръ, жители, естественно, должны были всегда быть готовыми къ отраженію непріятеля. Мирно заниматься хлѣбопашествомъ они не могли, ибо труды ихъ въ одинъ день часто бывали уничтожаемы. Эти условія жизни выработали у нихъ особенный строй воинскій, а постоянная боевая обстановка—лихость и отвагу. Они не ограничивались уже пассивною дѣятельностью наблюденія за непріятелемъ, но и сами стали иногда на него нападать; такъ въ 1515 году кошевой Евстафій Дашкевичъ и первый малороссійскій гетманъ Предиславъ Ланцкоронскій (+1531), введшіи воинское устройство среди малороссійскихъ жителей, опустошили Буджакскую орду (между устьями рр. Днѣпра и Дуная). Образование такого воинственнаго народа на южныхъ границахъ государства полякамъ было очень выгодно, такъ какъ они могли не держать здѣсь своего постоянного войска, предоставляя защиту края козакамъ.

Это отлично понималъ Сигизмундъ I и, желая поддержать

¹⁾ П. А. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. 74 г. Томъ I, стр. 45.

дальнѣйшее развитіе козаковъ, даровалъ имъ права, равныя съ правами польскаго шляхетства,—позволилъ селиться хуторами выше пороговъ по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра.

Первый разъ южноруссы получили названіе козаковъ въ 1516 г.¹⁾ Слово „козакъ“, по всей вѣроятности, происхожденія татарскаго и означаетъ вольнаго, свободнаго, легко вооруженнаго воина—всадника. Очень возможно, что поселившаяся по Днѣпру община получила свое названіе козаковъ отъ татаръ, съ которыми она вѣчно воевала и удержала его за собою, тѣмъ болѣе, что до того времени она не носила какого-либо самостоятельнаго названія. Главою малороссійскихъ козаковъ былъ гетманъ, жившій въ Черкасахъ.

Козацкая община росла, поощряемая правительствомъ, дѣлалась все сильнѣе такъ, что въ послѣдствіи даже возбудила опасеніе королей. Козаки, нападая на границы польской сосѣдки—Турціи и грабя на Черномъ морѣ ея корабли, нерѣдко ссорили эти два правительства. Стефанъ Баторій, предвидя отъ козаковъ опасность для самого государства и для Польскаго господства въ Украинѣ, первый старался ихъ ослабить, но дѣлалъ это очень осторожно; онъ учредилъ реестровыхъ козаковъ, такъ сказать, „подъ ружьемъ“, ограничилъ число ихъ шестью тысячами. Слѣдовательно всѣмъ козакамъ, не вошедшимъ въ число реестровыхъ, предлагалось, забывъ свою вольность и любезную или боевую жизнь, обратиться въ гречкосѣевъ и подчиниться власти помѣщиковъ. Къ неудовольствію, вызванному такимъ стѣсненіемъ ихъ вольностей, присоединилось еще раздраженіе, обусловленное преслѣдованіемъ за исповѣданіе православной вѣры, которую поляки презрительно называли „хлопскою“, и козаки стали уходить на днѣпровскіе острова, гдѣ вскорѣ и образовалась запорожская сѣчь. Эта заставившая громко говорить о себѣ, сѣчь сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ козаковъ, желавшихъ отомстить Рѣчи Посполитой за всѣ свои обиды; поводами для набѣговъ ихъ на Польшу были преимущественно религіозныя притѣсненія, слабыя вначалѣ, но ставшія нестерпи-

¹⁾ А. П. Кулишъ. Исторія возсоедин. Руси, т. I, стр. 44. Бантышъ-Каменскій. Истор. Малой Россіи. Москва. 42 г. Часть I, стр. 101.

мыми съ того времени, какъ, призванные въ Польшу Стефаномъ Баторіемъ для борьбы съ протестантизмомъ, іезуиты воздвигли, *ad maiorem Dei gloriam*, жесточайшія гоненія на греко-россійскую вѣру.

Іезуиты, для подчиненія западно-русской церкви власти папѣ придумали унію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: православные должны были признать главенство папы, какъ намѣстника Христа и главы вселенской церкви, обряды западной церкви—наравнѣ со своими; церковный языкъ оставался славянскій. Главная-же цѣль этой уніи, конечно, была въ подчиненіи русской церкви власти папѣ, къ которой они постоянно, но неудачно, стремились.

На брестскомъ соборѣ (1596 г.) унія официально была принята, узаконена и начала вводиться силою, жестокостями, вызвавшими рядъ козацкихъ возстаній, повлекшихъ за собою отпаденіе Малороссіи отъ Польши и ослабленіе этого государства.

Каковъ былъ характеръ преслѣдованій и въ какомъ беззащитномъ состояніи находился народъ, можно видѣть изъ того, что, отдавая свои имѣнія въ аренду, польскіе помѣщики вмѣстѣ съ этимъ давали право жиду арендатору „казнить крестьянъ смертью“ за разные проступки, по ихъ усмотрѣнію¹⁾. Вмѣстѣ съ землею въ аренду попадали и храмы Божіи, изъ которыхъ жида извлекали большую выгоду, ибо за всякую потребу—за крещеніе ребенка, похороны, свадьбу, за право совершать это въ церкви, жидъ бралъ деньги; ни одинъ попъ безъ квитка, взятаго отъ „риндаря“ (арендатора), не имѣлъ права крестить или вѣнчать²⁾.

„Во власти Іуды былъ храмъ Господень, Іуда продавалъ причастіе Духа святаго, Іуда продавалъ Крестъ спасенія“.

Храмы иные были запечатаны, другіе обращены въ синагоги, иконы и церковные сосуды переливались на монеты.

Притѣсненіе православной вѣры и, главнымъ образомъ, отнятіе вольностей, заставило козаковъ—этихъ „*religionis nullius*“, о которыхъ поляки говорили, что „*nie ludzie*“, а просто сволочь,

¹⁾ Рус. Ист. Соловьева, стр. 196; П. А. Кулишъ. Ист. возс. Руси, томъ II, стр. 358.

²⁾ Ibidem, томъ II, стр. 357.

скопище разбойниковъ,—возстать открыто. Къ нимъ присоединились и крестьяне, изнемогавшіе подъ гнетомъ жидовъ, этихъ вампировъ, высасывавшихъ у нихъ послѣдніе гроши. Первое возстаніе было поднято при гетманѣ Косинскомъ. Хотя этотъ Косинскій кончилъ жизнь свою во время попойки въ Черкасахъ, гдѣ былъ убитъ однимъ шляхтичемъ, но народная фантазія сочинила легенду, что онъ погибъ мученикомъ за вѣру православную, будучи замуравленъ живымъ въ каменномъ столбѣ поляками, схватившими его предательствомъ. Имя-же Косинскаго, Криштофъ,—заставляетъ болѣе предполагать, что и возстаніе, поднятое имъ, имѣло своею цѣлью ратовать за свои вольности козацкія, на которыя посягало польское правительство, а не за вѣру, такъ какъ даже гетманами у нихъ бывали нерѣдко католики—поляки знатнаго происхожденія.

Второе возстаніе поднялъ Наливайко (Гвоздичъ—дворянинъ бѣлорусскій). Дѣла козаковъ вначалѣ были удачны—они побили поляковъ подъ Чигириномъ, но, понесъ пораженіе подъ Лубнами, исполняя требованія Жолкевскаго, сами выдали своего гетмана, который и былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Но и о немъ сложили легенду, будто онъ былъ сожженъ „у мідяному волю“, такъ ужасно погибнувъ за вѣру-же православную¹⁾.

Народъ изнывалъ также подъ тяжестью всевозможныхъ денежныхъ поборовъ и содержанія польскаго войска, которое введено было на Украину поляками, предвидѣвшими возможность возстанія, но въ фанатическомъ ослѣпленіи своемъ шедшими по пути гнета и насилія все дальше и дальше. Не обринуло поляковъ даже и такое проявленіе взрыва народной ненависти, какъ „тарасова нічъ“ (1628 г.), знаменитая своею свирѣпостью и ясно показавшая, что терпѣніе украинскаго народа имѣетъ свои границы, перейдя которыя онъ превращается въ неумолимаго и не дающаго пощады мстителя.

Возстаніе слѣдовало за возстаніемъ; но всѣ они были неудачны, и вожди ихъ, обыкновенно, мучительною смертью платились за поднятіе оружія.

Сеймъ въ 1638 году сдѣлалъ слѣдующее энергичное поста-

¹⁾ П. А. Кулишъ. Ист. воз. Руси. Томъ II, стр. 54—55; 124, 143 и 147.

новленіе даже относительно запорожскихъ козаковъ, которые на самомъ дѣлѣ, были почти независимы отъ короны польской: „запорожскіе козаки за поднятіе возстанія утрачиваютъ навсегда всѣ свои права, привилегіи, старшину и доходы и другія преимущества и обращаются въ хлоповъ“¹⁾. О Малороссіи-же, гдѣ польское вліяніе было несравненно сильнѣе и гдѣ легче было приводить въ исполненіе сеймовыя постановленія, и говорить нечего,—народъ тамъ былъ лишенъ всего, чего только лишить было возможно.

Изнemoженный страданіями и доведенный жидами до крайняго разоренія, народъ, не вѣря въ возможность измѣненія обстоятельствъ къ лучшему у себя на родинѣ, сталъ прибѣгать къ переселеніямъ. Къ этому влекло его еще то, что по сосѣдству лежала земля одноплеменной и единовѣрной Россіи со своими обильными и никѣмъ незанятыми привольными пустошами.

Между тѣмъ среди Украинскаго народа появился вождь, своею энергіею, умомъ и воинскими дарованіями далеко превосходившій всѣхъ, бывшихъ раньше — это Богданъ Хмельницкій, „козакъ расторопный и въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у письмѣ бѣглый“²⁾; но не любовь къ родинѣ, къ несчастію, воодушевляла его, когда онъ брался за оружіе, а личная месть.

Не находя въ судѣ справедливости и защиты противъ своего оскорбителя Чаплинскаго, который силою занялъ его хуторъ Субботово, отнялъ у него любовницу и высѣкъ сына, послѣ чего тотъ и умеръ, Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю; но слабый Владиславъ IV не могъ ему помочь ни въ чемъ, хотя и желалъ; что могъ онъ сдѣлать въ государствѣ, гдѣ его подданные магнаты, опираясь на свои колоссальныя богатства, пріобрѣтенныя поборами съ народа, платя деньги шляхтѣ, своевольной и безтолковой толпѣ, за которыя она готова была дѣлать, что угодно,—были далеко сильнѣе короля,

¹⁾ „Kozacy Zaporozcy pro rebellione wzrystkie swoje prawa, przywileje, starryznę i dochody i inne decora in perpetuum utraca ją i w chlopów są obróceni“. M. Gliszczynski. Znaczeniu i wew. zyc. Zaporozza, стр. 94.

²⁾ Лѣтопись Самовидца. Кіевъ, 78 г., стр. 78.

выбраннаго ими-же съ условіемъ подтверждать и расширять ихъ вольности. Онъ только напомнилъ Хмельницкому, что у козаковъ есть сабли, чтобы мстить за свои обиды. Этимъ Владиславъ указывалъ путь къ возстанію противъ того правительства, представителемъ котораго былъ онъ самъ. Послѣ такого отвѣта самага короля, Хмельницкому ничего не оставалось, какъ послушаться его и взяться за оружіе. По другимъ источникамъ, словъ этихъ Владиславъ не говорилъ Хмельницкому, но подобное писалъ Черкасскому полковнику Барабашу: „ежели-де жолнѣре есте добрыи, шаблю и силу имѣете, и кто вамъ за себе стать воспящаетъ“¹⁾. Это будто-бы письмо Хмельницкій обманомъ добылъ и съ нимъ отправился въ обычное въ то время мѣсто для всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ—въ Запорожье, гдѣ его козаки приняли съ радостью; оттуда онъ ушелъ въ Крымъ и склонилъ хана на войну противъ Польши. 21 апрѣля 1648 года Хмельницкій выступилъ изъ сѣчи въ походъ уже гетманомъ съ 8 тысячами козаковъ и отрядомъ татаръ, подъ предводительствомъ Тугай-бея, мурзы Перекопскаго.

Прежде всего Хмельницкій направился противъ Чигирина, чтобы отомстить своему врагу.

Рядъ одержанныхъ побѣдъ надъ польскими войсками: у Желтыхъ водъ, Корсуня, подъ Пилявой—высоко поставилъ его въ глазахъ украинскаго народа.

Хмельницкій универсаломъ (отъ 28 мая 1648 г.), въ которомъ именовалъ себя „гетманомъ войска запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ сущей Украйны малороссійской,“ призывалъ народъ къ оружію, объясняя тѣ поводы, которые побуждали его начать возстаніе; причемъ говорилъ, что поднималъ онъ его не противъ короля. Все, что только было способно на Украинѣ носить оружіе, откликнулось на призывъ гетмана и устремилось къ Бѣлой Церкви, куда звалъ универсалъ. Народъ возсталъ и вооружился поголовно. Огонь запылалъ по всей Украинѣ; война велась съ обѣихъ сторонъ съ такимъ ожесточеніемъ, что содрогаешься отъ ужаса, читая повѣствованія лѣтописцевъ, относящіяся ко времени этой истребитель-

¹⁾ Литопись Самовидца, стр. 219; Г. Успенскій. Опытъ повѣс. о древ. рус. стр. 709; Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Р. 1 ч., стр. 206.

ной войны. Жители всѣхъ городовъ, которые брались непріятелемъ, подвергались обыкновенно поголовному избіенію; полъ и возрастъ не спасали никого отъ ножа разсвирѣпѣвшихъ убійцъ.

Послѣ одержанной козаками побѣды подъ Зборовымъ, заключенъ былъ договоръ, по которому число реестровыхъ козаковъ было увеличено до 40 тысячъ. Договоръ этотъ не обезпечивалъ мира: всѣ, невошедшіе въ число реестровыхъ, должны были, положивъ оружіе, приняться за мирныя занятія. Но трудно это было исполнить народу, у котораго война уничтожила все, трудно тѣмъ болѣе еще, что народъ испыталъ сладость побѣды, свободы. Это понималъ и самъ Хмельницкій, говоря: „поляки поддѣли меня,—я подписалъ договоръ, котораго исполнить нельзя. Только 40 тысячъ козаковъ! что-же мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ!“

Не умѣлъ Хмельницкій воспользоваться плодами побѣдъ своихъ. Думалъ-ли онъ, собираясь поднять возстаніе съ цѣлью только отомстить за себя, что событія такъ далеко заведутъ его? Послѣ пилевской побѣды Варшава была открыта, тѣмъ болѣе, что въ ней „чернь (католическая) готовилась подняться противъ шляхты по-козацки, и если-бы хотя одинъ козацкій полкъ появился на берегахъ Вислы, то вельможные паны бѣжали бы изъ Варшавы опречью“¹⁾; а со взятіемъ ея Хмельницкій могъ-бы продиктовать полякамъ миръ, какой-бы пожелалъ, миръ, который могъ-бы принести и полное освобожденіе, и самостоятельность его родины. Но Хмельницкій, въ разсчеты котораго это, повидимому, не входило, колебался, не пошелъ дальше, не смотря на требованіе козаковъ—„веди насъ на Ляхивъ, кинчай Ляхивъ!“ А вмѣсто того онъ, нѣсколько разъ побѣждавшій поляковъ, бравшій гетмановъ въ плѣнъ, „какъ вѣрноподданный“, послушался приказанія вновь избраннаго короля, Яна Казимира, слабаго изъ слабыхъ, отступить на Украину. Съ этого момента дѣло козаковъ, начавшееся такъ удачно, было проиграно; результатомъ этихъ славныхъ побѣдъ—было полное разореніе края.

Хмельницкій разсылаетъ новые универсалы, народъ напря-

¹⁾ П. А. Кулишъ. Ист. воз. Руси, томъ I, стр. 11.

гаетъ свои послѣднія силы; пришли и татары подъ предводительствомъ самого хана—Исламъ-Гирея; армія союзниковъ простиралась до 300 тысячъ; правда у Хмельницкаго былъ всякій сбродъ, вооруженный чѣмъ попало.

Союзники осадили поляковъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Збаражемъ (1649 г.), на помощь которымъ двинулся король. Хмельницкій съ ханомъ поспѣшили къ нему на встрѣчу и снова одержали полную побѣду. Самъ король, защищаемый горстью храбрецовъ, едва держался. И въ этотъ моментъ Хмельницкій приказываетъ прекратить бой и отступить! Снова былъ упущенъ благопріятный случай и теперь уже навсегда. Заключенный договоръ былъ выгоденъ только для татаръ, да для гетмана съ его реестровыми. Хмельницкій не позаботился объ участи народа, думая только о себѣ; Хмельницкій преклонилъ колѣни, цѣловалъ королевскую руку и благодарилъ за этотъ договоръ, отдававшій несчастный украинскій народъ снова во власть его мучителей.

Миръ продолжался недолго, украинцы не хотѣли подчиниться его рѣшенію, и война вспыхнула снова. Въ битвѣ подъ Берестечкомъ (1651 г.) козаки понесли страшное пораженіе. Этимъ заключилось возстаніе, поднятое при такихъ, казалось, благопріятныхъ условіяхъ. По бѣлоцерковскому договору, число реестровыхъ козаковъ было ограничено 20 тысячами, гетманъ утверждался королемъ и обязывался не вступать ни въ какія сношенія съ сосѣдними странами; народъ оставался въ прежней зависимости у поляковъ и жидовъ.

Истощивъ всѣ силы въ бесполезной борьбѣ, приведшей Украину въ полное разореніе, народъ понялъ, что ему собственными силами не избавиться отъ ига своихъ гонителей и, не надѣясь уже болѣе на своего гетмана, не счумѣвшаго воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, видѣлъ все свое спасеніе только въ бѣгствѣ изъ этихъ неблагопріятныхъ для него мѣстъ. И вотъ, потянули они цѣлыми толпами, часто прокладывая себѣ путь вооруженною рукою, искать себѣ новаго отечества, гдѣ бы не было ни пановъ, ни жидовъ, ни уни.

ГЛАВА I.

Переселеніе малороссіанъ въ земли, лежавшія южнѣ рубежа Московскаго государства.—Состояніе этихъ земель до переселенія.—Первое массовое переселеніе 1638 г. подъ предводительствомъ Якова Остряницы.—Грамота Московскаго царя по этому поводу.—Раздоръ между переселенцами, уходъ ихъ обратно въ Литву.—Переселенія послѣ Берестецкаго пораженія.—Разрѣшеніе на то Хмельницкаго.—Полтавщина.—Состояніе правобережной Украйны.—Борьба съ татарами изъ-за обладанія землями.—Причины противодействій татаръ заселенію края.—Отношеніе Московскаго правительства къ черкасамъ.—Острогожскій полкъ.—Различіе между этимъ полкомъ и другими слободскими.—Основаніе полковыхъ городовъ Сумъ и Ахтырки.

Еще задолго до бѣлоцерковскаго договора, разочаровавшаго козаковъ въ ихъ надеждахъ избавиться отъ поляковъ, начались переселенія съ правой стороны Днѣпра въ дикія, никѣмъ незанятые и собственно никому не принадлежащіе мѣста, находившіяся къ югу отъ рубежа тогдашняго Московскаго государства, лежавшаго по мѣстности, гдѣ позднѣе была построена, такъ называемая, Бѣлгородская черта. Всѣ историки согласно повѣствуютъ о томъ, что земли, гдѣ впоследствии возникли слободскіе полки, со времени нашествія татаръ и до половины XVII столѣтія „были пустыни, дики и не имѣли постоянныхъ жителей“¹⁾. Квитка говоритъ, что „земля, на которой поселились слободскіе полки, была необитаема“²⁾.

Первое извѣстное массовое переселеніе³⁾ относится къ 1838 году, когда гетманъ Яковъ (Яцко) Остряница съ сотниками и съ 865 козаками явился на мѣсто Чугуева горо-

1) И. И. Срезневскій. Истор. обзор. граж. уст. Слоб. Укр. Хар. 1883 г., стр. I.

2) Квитка. Зап. о Слоб. пол. Хар. 1883 г., стр. 3.

3) Пр. Филаретъ говоритъ, что въ 1617 г. 10000 козаковъ вышли изъ Польши и отошли къ Донцу, но что иные изъ нихъ потомъ снова возвратились обратно. (Отд. I, стр. 3).

дища, „гдѣ они и построили городъ съ крѣпостью“¹⁾. Въ грамотѣ отъ 14 мая 1641 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ по тому поводу пишетъ: „они (гетманъ и пришедшіе съ нимъ) изъ Литовскія стороны въ наше Московское государство пришли для того, что польскіе и литовскіе люди ихъ крестьянскую вѣру нарушили и церкви Божія разоряютъ и ихъ побиваютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ и всякое строеніе разорили и пограбили.... И мы, Великій Государь, жалѣя, что они, черкасы, православныя крестьянскія вѣры греческаго закона, и видя ихъ отъ поляковъ во изгнаніи и смертномъ посѣченіи, велѣли ихъ принять подъ свою царскую высокую руку и велѣли устроить на Чугуевѣ“²⁾.

Черкасами въ Московской Руси назывались днѣпровскіе козаки, по городу Черкасамъ, столицѣ днѣпровскаго козачества. Это названіе распространилось впослѣдствіи на весь южно-русскій народъ. Пришедшіе съ Острианицею черкасы были приведены къ присягѣ на вѣрность московскому государству; имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованіе на первое время. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Чугуевѣ былъ присланъ воевода Щетининъ и съ нимъ 200 человекъ русскихъ служилыхъ людей.

Продержались эти выходцы въ Чугуевѣ недолго, ибо въ 1641 году между ними произошли раздоры, кончившіеся тѣмъ, что гетманъ былъ убитъ, а украинцы ушли изъ этого города обратно въ Литву, а, вмѣсто нихъ, сюда были присланы дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкарі и козаки³⁾.

Со времени этого неудачнаго водворенія козаковъ въ Чугуевѣ, переселенія малороссіанъ, по словамъ писателей, продолжались; но извѣстія, приводимыя ими о времени выхода ихъ изъ-за Днѣпра и о мѣстахъ, гдѣ размѣщались эти поселенцы, расходятся между собою и часто одни другимъ противорѣчатъ. Эпоха козацкихъ войнъ Хмельницкаго, съ его побѣдами надъ поляками, подававшими козакамъ надежду избавиться отъ ненавистнаго имъ польскаго господства на Украй-

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 3.

²⁾ Ibidem, отд. I, стр. 2.

³⁾ Ibidem, отд. IV, стр. 41.

нѣ, должно было остановить на время эти переселенія, такъ какъ малороссіянамъ не было основанія покидать свою родину въ этотъ періодъ, они рассчитывали добиться желаемой независимости у себя дома.

Послѣ-же берестецкой битвы и бѣлоцерковского договора, показавшаго всю несбыточность ихъ желаній, Богданъ Хмельницкій, противъ котораго былъ сильный ропотъ по всей Малороссіи, желая успокоить народъ, объявилъ универсаломъ о своемъ позволеніи, до прибытія на Украину польскаго войска, переходить куда ему угодно на новыя мѣста — въ Полтавщину, въ Крымъ и Россію.

„Тогда жъ Хмельницкій, ожидая угоднаго къ отомщенію времени, позволилъ утѣсняемому народу отъ Ляховъ вольно сходить изъ городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье. Изъ того времени начали осѣдать: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и иныя слободскія мѣста ажъ до рѣки Дону козацкимъ народомъ“¹⁾.

Событіе это въ лѣтописи Самовидца показано подъ 1651-мъ годомъ.

Полтавщиной назывались земля, принадлежавшія Полтавскому полку, — пустыя мѣста по теченію рр. Псла, Сулы и Ворсклы, гдѣ паслись стада и табуны гетманскіе и лошади козацкой артиллеріи, для надзора за которыми тамъ были хутора²⁾.

Пользуясь позволеніемъ, народъ потянулъ цѣлыми толпами и селился по теченію рѣкъ Ахтырки, Сулы, Псла, при впаденіи р. Харькова въ Лопань, по Тихой Соснѣ и Сѣверскому Донцу³⁾. Переселенія эти, начавшіяся съ 1651 года, продолжались непрерывно до 1654. Украина почти опустѣла, представляя изъ себя однѣ только развалины: „въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города“. „Изъ большихъ и малыхъ городовъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами (переселенцами) съ ихъ семьями и пожитками; на вѣки оставляя родину своихъ предковъ, они

1) Лѣтопись Самовидца. Изд. 78 г. Кіевъ, стр. 234.

2) П. Головинскій. Слоб. коз. пол. Прим. 21.

3) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колон. и быта, стр. 392.

нерѣдко сожигали свои жилища¹⁾). Переселенцамъ пришлось, на первыхъ-же шагахъ, вступить въ борьбу съ татарами, завоеывая себѣ отъ нихъ силою оружія тѣ мѣста, которыя они выбирали для своего селенія. Крымцамъ, конечно, очень не нравилось пришествіе воинственныхъ козаковъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Этотъ опытъ они получили въ постоянныхъ стычкахъ и нападеніяхъ даже на ихъ собственное гнѣздо—Крымъ. Не нравилось это имъ потому, что черкасы заслоняли собою южныя границы Московскаго государства, къ которымъ татары проложили себѣ торныя дороги, часто разгуливая по нимъ съ цѣлю поживиться московскимъ добромъ. Недовольные заселеніемъ этимъ, татары, естественно, мѣшали козакамъ своими частыми нападеніями, такъ что черкасамъ на первое же время приходилось вести упорную борьбу, строить укрѣпленія и жить въ вѣчномъ страхѣ, ожидая ежеминутнаго нападенія дикихъ хищниковъ. Но они, закаленные въ опасностяхъ, предпочитали все это тѣмъ угнетеніямъ на своей родинѣ, отъ которыхъ могли избавиться только бѣгствомъ. Подкрѣпляемые постоянно новыми волнами, сгущавшими население, переселенцы крѣпли, дѣлались сильнѣе и, въ концѣ, прочно завоевали отъ татаръ Москвѣ этотъ край, чего эта послѣдняя въ продолженіи долгаго времени не въ силахъ была сдѣлать.

Московское правительство съ самаго начала смотрѣло очень дружелюбно на переселеніе черкасъ, селя ихъ по Бѣлгородской чертѣ; заселеніе-же дикихъ мѣстъ южнѣе своихъ границъ оно должно было встрѣтить еще болѣе сочувственно, такъ какъ переселенцы прикрывали „государевы украины“ и такимъ образомъ, брали на себя борьбу съ степными хищниками. Царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ приказаніе: „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить имъ Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впредь царскою милостью они жалованы будутъ“²⁾).

¹⁾ Д. И. Багалъй. Заселеніе Харьков. края, стр. 6—7.

²⁾ Квитка. Зап. о сл. пол., стр. 7; И. И. Срезневскій. Ист. обозрѣніе, стр. 5; П. Головинскій. О сл. пол., стр. 50—53. Пр. Филаретъ. Ист.-ст. обозрѣніе, отд. IV, стр. 37.

„Тотъ часъ послѣ берестецкаго сраженія тысяча козаковъ возникшаго тогда Острогожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ,—гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣждали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ.“ „Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они того хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее козацкое устройство: чинъ полковника, сотниковъ, эссауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободской полкъ“¹⁾.

Этотъ Острогожскій полкъ (онъ назывался также еще Рыбинскимъ), хотя и носилъ названіе Слободскаго, но во многомъ отличался отъ остальныхъ полковъ, ибо возникъ онъ нѣсколько при иныхъ условіяхъ да и общаго съ ними почти ничего не имѣлъ. Онъ поселился не самовольно, а съ разрѣшенія Московскаго правительства, причемъ даже просьба переселенцевъ занять земли около Бѣлгорода и Путивля была неисполнена; между тѣмъ какъ остальные полки заняли мѣста самовольно и послѣ уже признали свою зависимость отъ Москвы. Черкасы, пришедшіе съ Ив. Дзинковскимъ, по приглашенію воеводы Арсеньева, нашли готовые даже дома, снабженные хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія, черкасамъ-же другихъ полковъ самыя земли часто приходилось занимать не иначе, какъ съ бою. Поселеніе притомъ Острогожскаго полка на самой Бѣлгородской чертѣ дѣлало жизнь его не такою опасною, какъ городовъ, лежащихъ за этою чертою, да и укрѣпленъ былъ этотъ полковой городъ несравненно лучше другихъ полковыхъ поселеній. Нахожденіе-же его на самой чертѣ обусловило то, что полкъ этотъ болѣе тяготѣлъ къ великорусскимъ городамъ, ибо, благодаря своему положенію, находился въ болѣе тѣсной связи съ ними. Да и самая территорія этого полка относительно другихъ слобод-

¹⁾ Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельн., 3 изд., стр. 4—5.

скихъ лежала на сѣверо-востокъ и отдѣлялась отъ нихъ большимъ и незаселеннымъ пространствомъ ¹⁾).

„Извѣстно, что селился онъ (Острогожскій полкъ) по зазывной грамотѣ воронежскаго воеводы Арсеньева, но сей полкъ ни случаевъ, ни обстоятельствъ, сообразно Сумскому, Харьковскому и Ахтырскому и общаго участія службы съ помянутыми тремя полками не имѣлъ“ ²⁾).

„Сей полкъ присоединенъ къ другимъ полкамъ слободскимъ по единственному соизволенію Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича въ 1700 году“ ³⁾).

„Поселеніе Острогожскаго полка на берегу Тихой Сосны началось при другихъ условіяхъ дѣла, чѣмъ объясненное поселеніе Слобожанъ“ ⁴⁾).

Время возникновенія этого полка относится къ 1652 году, по сообщеніямъ П. Головинскаго, когда воевода Арсеньевъ послалъ зазывную грамоту (отъ 30 іюля). Совмѣстно съ черкасами были поселены въ Острогожскъ и великороссіяне ⁵⁾, что еще болѣе отличаетъ его отъ другихъ слободскихъ полковъ.

Полковой городъ Сумы основанъ въ 1652 году; черкасы поселились „на дикомъ гиляковомъ полѣ, гдѣ прежде татары ходили воевать путивльскія, рыльскія и др. украинскія мѣста“ ⁶⁾).

Г. Ахтырка (Ахтырскъ) еще до переселенія черкасъ былъ пограничнымъ городомъ Польши и заселенъ уже Малороссіянами, которые оставили этотъ городъ послѣ перехода его въ 1647 году подъ власть московскаго государства. По удаленіи черкасъ, правительство прислало въ Ахтырку своихъ служилыхъ людей, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вновь заселена Ахтырка выходцами изъ-за Днѣпра, „какъ кажется“ ⁷⁾, въ 1654 г.; другіе относятъ это заселеніе къ 1653 году ⁸⁾, „но неизвѣстно, когда именно“. Этотъ городъ сдѣлался въ скорости

1) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.

2) Квитка. Зап. о слоб. п., стр. 26.

3) Ibidem.

4) П. Головинскій. Слоб. коз. п., стр. 57.

5) Ibidem, гл. I.

6) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.

7) Ibidem, стр. 429.

8) П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. I.

центромъ возникшаго Ахтырскаго Слободскаго козачьяго полка.

Такъ какъ поселенія переселенцевъ, начавшись съ запада, по мѣрѣ прихода новыхъ партій, шли по теченіямъ рѣкъ далѣе на востокъ до р. Сѣверскаго Донца, то Сумской уѣздъ теперешней Харьковской губерніи заселился ранѣе и гуще другихъ. И даже теперь замѣчается бѣльшая густота населенія въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи, сравнительно съ юго-восточными.

Такъ произошло возникновеніе трехъ слободскихъ украинскихъ городовъ, послужившихъ центромъ образовавшихся затѣмъ трехъ самостоятельныхъ козацкихъ полковъ—Острогожскаго, Сумскаго и Ахтырскаго.

ГЛАВА II.

Преданіе объ основаніи полковаго города Харькова.—Историческія данныя, доказывающія неосновательность этого преданія.—Портреты Харька.—Время возникновенія г. Харькова по преданію.—Названіе „рѣки Харкова“ по „Книгѣ, глаголемой большой чертежъ“.—Возникновеніе города на какомъ-то городищѣ.—Мнѣніе профессора Аристова о происхожденіи названія г. Харькова.—Другое преданіе объ основаніи г. Харькова.—Несостоятельность его.—Мнѣнія о годѣ основанія города.—Грамота Петра Великаго, свидѣтельствующая о свободномъ доступѣ на Украину татаръ.—Появленіе черкасъ на городищѣ и постройка города.—Размѣры его и первоначальныя укрѣпленія.—Мѣсто, занимаемое укрѣпленіемъ.—Иванъ Каркачъ, первый Харьковскій осадчій.—Назначеніе Война Селифонта Харьковскимъ воеводою.—Отсутствіе въ то время въ городѣ полковника.—Отказъ черкасъ строить новыя укрѣпленія, приказанныя воеводою.—Мотивы этого отказа.—Жалоба В. Селифонтова на харьковцевъ въ Москву.—Недоразумѣнія между черкасами, воеводою и московскими служилыми людьми.—Указъ Алексѣя Михайловича.—Обязанности воеводъ.—Постройка новыхъ укрѣпленій.—Описаніе ихъ.—Окрестности г. Харькова.—Просьба къ Черниговскому архіерею о присылкѣ священниковъ.—Икона Елецкой Божіей Матери.—Постройка церквей.—Учрежденіе бѣлгородской епархіи.—Слободское духовенство.

„Еще дѣдъ моего дѣда зашелъ въ этотъ край, а именно въ окрестности Харькова, когда было здѣсь весьма мало народу. Татары кочевали тогда на этомъ берегу Донца и разбѣзжали въ теперешней Харьковской губерніи, какъ въ своей землѣ. Первые поселенцы, прорываясь сюда съ разныхъ мѣстъ Польши и Малороссіи небольшими партіями и даже отдѣльно семьями, должны были выбирать для своего поселенія мѣста скрытныя и недоступныя. Для этого удобнѣе другихъ было мѣстоположеніе между двумя рѣками Харьковомъ и Лопанью, тамъ, гдѣ эти рѣки, сливаясь между собою и имѣя весьма болотистые берега, поросшіе частымъ луговымъ лѣсомъ, дѣлали его съ трехъ сторонъ мѣстомъ недоступнымъ, а съ четвертой оно прикрывалось сплошнымъ лѣсомъ, по горѣ между рѣками, доходившимъ тогда до теперешняго кафедральнаго собора. Оно

представляло такое скрытное убѣжище, что, вѣроятно, было избрано для поселенія еще первыми переселенцами, которые, по слабости силъ своихъ, были не въ состояннн защищать открыто себя и свои имущества отъ хищничества татаръ. Гдѣ-же на описанномъ мною мѣстоположеннн могло быть первое поселеніе, какъ не тамъ, гдѣ чистая, здоровая вода давала первую, необходимѣйшую, послѣ пищи, потребность въ быту поселянина. Рѣчная вода не представляла еще такого удобства. На всемъ этомъ пространствѣ въ одномъ только мѣстѣ есть родниковая вода, при самой р. Харьковѣ, такъ называемая, Бѣлгородская криница“.

„Первый поселенецъ, конечно, поселился при ней хуторомъ. Хуторъ его, какъ первое поселеніе, дало названіе своему мѣсту, потомъ рѣкѣ и уже впослѣдствнн городу; и этотъ первый поселенецъ былъ Харько. Жилъ онъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ (т. е., не позже 20-хъ годовъ XVII ст.), вышелъ онъ изъ Польши въ качествѣ предводителя нѣсколькихъ семействъ; часто онъ истреблялъ партіи татаръ, грабившихъ поселенцевъ; одинъ разъ, преслѣдуя грабителей, онъ былъ разбитъ ими и потонулъ въ Донцѣ; жилище его было разграблено и уничтожено; долго оно, такимъ образомъ, оставалось впустѣ, пока не явились новые выходцы, которые заселили лѣвый берегъ Лопани, при устьѣ которой образовался впослѣдствнн городъ, но названіе свое онъ получилъ по первому поселенію“¹⁾.

Таково преданіе объ основаннн Харькова, но заслуживаетъ ли оно довѣрія,—это другой вопросъ. Смахиваетъ этотъ рассказъ на многія другія преданія, которыми, за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣннй, старались всегда объяснить возникновеніе городовъ, причемъ ихъ названнми пользовались для воспроизведеннн имени основателя. Такимъ образомъ, первые лѣтописцы наши розыскали Кія, основавшаго будто-бы Кіевъ.

Невѣроятнаго, конечно, въ этомъ рассказѣ нѣтъ ничего, и принять его было-бы можно, если бы онъ опирался хотя на какія-либо документальныя данныя и не шелъ-бы, къ тому-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Основаніе г. Хар. Харьковскій Календарь 86 г., стр. 67.

же, въ разрѣзъ съ другими болѣе точными извѣстіями по этому поводу. Тѣмъ не менѣе, это повѣствованіе долго принимали за историческую истину, и міѳологическій Харько почитался патріархомъ черкасъ, поселившихся нѣкогда на теперешней территоріи г. Харькова; о томъ, что преданію этому придавали вѣру, свидѣлствуютъ портреты Харька, продававшіеся въ Харьковѣ ¹⁾).

Преданіе говоритъ, что основаніе города относится къ 20-мъ годамъ XVII вѣка, но ни одинъ документъ не подтверждаетъ этого; напротивъ, намъ вѣдъ извѣстно, что въ 1638 году появился Яковъ Острияница и на мѣстѣ Чугуевского городища построилъ городъ.

Въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ“, писанной въ 1627 году, а составленной въ концѣ XVI вѣка, ибо „сдѣланъ былъ этотъ чертежъ давно при прежнихъ государяхъ“, говорится: „а рѣка Угримъ пала въ Уды, а Лопинъ пала въ Харкову, а Харкова пала въ Уды“ ²⁾)... „А выше Донецкаго городища, съ правой стороны впала въ Уды рѣка Харкова, отъ городища съ версту, а въ Харкову пала рѣка Лопина“ ³⁾. Итакъ, этотъ старинный документъ повѣствуетъ, что названіе рѣки „Харькова“ было уже извѣстно за много лѣтъ до переселенія черкасъ изъ-за Днѣпра и постройки, слѣдовательно, города. Донецкое городище—это остатки г. Донца, бывшаго въ XII вѣкѣ; въ этотъ городъ прибѣжалъ изъ половецкаго плѣна князь Сѣверскій, Игорь Святославовичъ.

Г. Харьковъ, подобно очень многимъ городамъ этой мѣстности, возникъ также на какомъ-то городищѣ ⁴⁾, которыми, естественно, поселенцы охотно пользовались, какъ представляющими болѣе защиты отъ нападенія. Значитъ, до возобновленія городища черкасами, здѣсь была прежде жизнь, былъ цѣлый городъ.

Н. Я. Аристовъ въ своей статьѣ „о землѣ Половецкой“ говоритъ, что г. Харьковъ позднѣе былъ построенъ на мѣстѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 68.

²⁾ Книга, глаг. бол. чертежъ. Изд. Г. И. Спасскаго. М. 1846, стр. 14.

³⁾ Ibidem, стр. 32.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колон., стр. 422 и Матеріалы, том. I, стр. 22.

древняго половецкаго города Шаруканя, названнаго по имени хана Шарука; объ этомъ городѣ упоминается въ лѣтописяхъ, говорящихъ о походахъ русскихъ князей въ половецкую землю. Названіе города Шаруканя, по его разрушеніи, было присвоено рѣкѣ. Явились сюда козаки и построили городъ на городищѣ, назвавъ его именемъ рѣки ¹⁾, причемъ передѣляли названіе по своему, принявъ во вниманіе „филологическую возможность перехода Ш въ Х“ ²⁾. Если брать этимологическій путь для объясненія происхожденія названія города, то слово „Харьковъ“ несравненно ближе подходитъ къ слову „Каркачъ“—имени перваго Харьковскаго осадчаго, положившаго основаніе города, чѣмъ къ „Шарукань“. Если Ш легко переходитъ въ Х, то для К сдѣлать это обыкновенно бываетъ еще легче. Каркачъ—Харкачъ—звучать почти одинаково. Но все это празднаго соображенія, ибо Каркачъ съ черкасами появился здѣсь и строить сталъ городъ въ половинѣ XVII вѣка, а названіе рѣки „Харкова“ извѣстно уже было въ XVI стол.

Объ основаніи Харькова, впрочемъ, существуетъ, кромѣ преданія о Харькѣ, еще и другая варіація.

Нѣкій Андрей Квитка, прозванный такъ за свою красоту (квитка, по малороссійски, цвѣтокъ), оставшись послѣ смерти своего отца, умершаго въ тюрьмѣ, на попеченіе вѣрнаго слуги Агафона, былъ привезенъ имъ въ Кіевъ; потомъ, попавъ въ домъ Кіевскаго воеводы, у котораго была дочь,—Квитка, какъ водится, влюбился въ нее. Но такъ какъ сирота Квитка, безъ роду и племени, не могъ надѣяться, чтобы воевода отдалъ за него свою дочь, то влюбленная пара бѣжала, сочеталась бракомъ и поселилась съ немногими козаками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ г. Харьковъ, и хуторъ свой назвали „Основой“. Около бѣлгородской криницы, на берегу рѣки, стоялъ другой хуторъ, очень понравившійся Квиткѣ. Въ то мѣсто онъ началъ зазывать переселенцевъ, бѣжавшихъ изъ Польши; когда-же число ихъ значительно увеличилось, то они стали строить городъ, осно-

1) Топограф. опис. Хар. намѣст., стр. 49.

2) Д. И. Багалъй. Основ. Хар., стр. 77.

ваніе котораго преданіе это относитъ къ 1646 году, когда въ немъ впервые раздался звонъ колокола ¹⁾).

Преданіе это еще менѣе имѣетъ общаго съ истиной и разбивается уже тѣмъ, что „Основа“ была куплена полковникомъ Григоріемъ Семеновичемъ Квиткою въ 1713 году у Захаржевскихъ, владѣвшихъ ею до этого времени ²⁾).

Одновременно по всей территоріи Харьковской губерніи начали возникать многіе города и селенія; одни нѣсколькими годами раньше, другіе позже. Подъ именемъ города нужно понимать укрѣпленные мѣста; а укрѣпляли тогда не одни города—даже самыя маленькія поселенія, напр., пасѣки не оставались безъ укрѣпленій—рва, вала, или полисада ³⁾. А такъ какъ Харьковъ въ числѣ ихъ ничѣмъ особеннымъ не отличался, то и основаніе его прошло совершенно незамѣтно; вслѣдствіи этого ни одному изъ историковъ не удалось опредѣлить точно года его возникновенія. Преданіе относитъ его начало къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія, Квитка къ 1646, профессоръ Д. И. Багалъй къ 1654-му ⁴⁾, неизвѣстный авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“ къ 1653-му ⁵⁾.

Въ грамотѣ Петра Великаго, данной Харьковскому полку отъ 7 мар. 1705 г., сказано, что козаки Харьковскаго полка пришли изъ разныхъ заднѣпровскихъ и малороссійскихъ городовъ и „поселились въ Харьковѣ и того полку городѣхъ на татарскихъ займахъ, куды былъ ихъ бусурманскій свободный подъ украинскіе города проходъ, и построили хутора и мельницы и всякіе заводы завели по своей черкасской обычности“ ⁶⁾. Изъ этой выдержки видно, что первые поселенцы поселились на землѣ, непринадлежавшей тогда Москвѣ или, по крайней мѣрѣ, гдѣ власть ея была очень ничтожна; на землѣ скорѣе татарской, куда они имѣли „свободный“ доступъ.

¹⁾ Г. Квитка. Основаніе Харькова. „Молодыкъ“ на 1843 г. Укр. Литер. Сбор., изд. И. Бецкаго, ч. I.

²⁾ Пр. Филаретъ. Оп. Хар. епар. Отд. II, стр. 129.

³⁾ Кулишъ. Ист. воз. Руси., т. I, стр. 387.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очеркъ изъ ист. колон., стр. 427.

⁵⁾ Стр. 49.

⁶⁾ В. В. Гуровъ. Сбор. рѣшеній, стр. 521—524.

На Харьковское городище одновременно явилась цѣлая партія черкасѣ, а не одинъ человекъ, какъ повѣствуетъ преданіе; извѣстіе это несомнѣнно, ибо опирается на документахъ, найденныхъ почтеннымъ изслѣдователемъ мѣстной старины проф. Д. И. Багалъемъ. Количество переселенцевъ въ этой партіи было довольно значительное, такъ какъ своими поселеніями они заняли все городище, „наставили дворами“, дома же въ то время строились очень скученно, почему ихъ должно было помѣститься на городищѣ не мало, ибо окружность его, по чертежу Чугуевского воеводы Гр. Спешнева, равнялась 530 саженьямъ ¹⁾. Первымъ дѣломъ переселенцевъ было озаботиться о своей безопасности отъ татарскихъ набѣговъ—они начали строить укрѣпленіе, окружили себя тыномъ, хотя онъ, наскоро построенный, былъ низкій и рѣдкій ²⁾. Укрѣпленіе заняло возвышенное мѣсто, въ углу между сливающимися здѣсь рр. Харьковомъ и Лопанью, то, гдѣ въ настоящее время находятся Присутственные мѣста, соборъ и университетъ.

Подобно другимъ партіямъ переселенцевъ, имѣвшимъ своихъ предводителей: Чугуевская—Якова Остряницу, Острогожская—Ивана Дзенковского, Харьковская пришла подъ начальствомъ нѣкоего Ивана Каркача, который былъ первымъ Харьковскимъ осадчимъ, что видно изъ „хронографическаго описанія г. Харькова“ ³⁾ 1767 года. Это-же самое подтверждаетъ и другой документъ (описаніе г. Харькова), представленный въ Екатеринославскую комиссію ⁴⁾. Пришлая партія имѣла уже особую организацію; это видно изъ того, что первый Харьковский воевода, Воинъ Селефоновъ, долженъ былъ, по царскому указу, строить крѣпость, „посоветовавшись съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами“ ⁵⁾, хотя о полковникѣ и полковомъ старшинѣ здѣсь и не говорится.

Есть предположеніе, что въ 1655 году въ Харьковъ явилась и другая партія черкасѣ въ 800 человекъ съ атаманомъ Максимомъ Тимофеевымъ ⁶⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы къ ист. колон., т. I, стр. 22.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. II, стр. 216.

⁴⁾ Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 428.

⁵⁾ Его-же—Матеріалы, т. I, стр. 22.

⁶⁾ Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 427.

Изъ указа Бѣлгородскаго воеводы Чугуевскому отъ 22 декабря 1655 года видно, что во вновь возникшій г. Харьковъ воеводою былъ тогда назначенъ Воинъ Селефоновъ ¹⁾. Въ другомъ документѣ отъ 23 марта 1656 года говорится: „По нашему указу велѣно быти на нашей службѣ въ чугуевскомъ уѣздѣ, для городского строенія въ Зміевѣ Якову Хитрову, а въ Харьковѣ Воину Селефонову и велѣно имъ тѣхъ городовъ зміевскихъ и мохначескихъ и печенѣжскихъ и хорошевскихъ черкасъ вѣдать во всемъ, а тебѣ тѣхъ черкасъ вѣдать ни въ чемъ не велѣно... А будетъ тебѣ на Чугуевѣ... про проходъ татаръ учинятся вести... и ты бы... ссылаясь съ Яковымъ Хитрово и Воиномъ Селефоновымъ... сообщая за одинъ... новые города Зміевъ и Харьковъ и тѣхъ городовъ служилыхъ людей черкасъ отъ татарскія войны заступили и въ плѣнъ и въ расхищеніе не выдалъ“ ²⁾. И въ этомъ документѣ о полковникѣ и старшинѣ не говорится, а Харьковъ названъ городомъ новымъ; такъ какъ воеводы съ появленіемъ полковниковъ и слободскихъ полковъ черкасами не заведывали,—въ ихъ распоряженіи были только московскіе служилые люди, то, значитъ, въ то время (1656 г.), когда отдавался приказъ Селефонову и Хитрову „вѣдать“ черкасъ, полковника въ Харьковѣ можно сказать утвердительно, еще не было. Московскій воевода, назначенный сюда „для городского строенія“, по своемъ приѣздѣ съ состоящими при немъ московскими людьми, сразу-же хотѣлъ приступить къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, по образцу московскихъ городовъ, признавая укрѣпленія, построенныя козаками по ихъ „черкаскому извычаю“, недостаточными. Согласно указу, онъ началъ совѣтоваться съ начальными людьми, но съ первыхъ-же ша-

¹⁾ Д. И. Багалъй, Матеріалы, стр. 77.

Примѣчаніе. Это самый старинный документъ, въ которомъ говорится о г. Харьковѣ. Въ этомъ указѣ Бѣлгородскій воевода, дѣлая выговоръ воеводѣ Чугуевскому, вслѣдствіи жалобы Селефопова на то, что въ Харьковѣ изъ Чугуева посылаются служилые люди, несоотвѣтствующіе своему назначенію, малолѣтніе, безъ лошадей, безъ оружія и не въ полномъ числѣ,—грозитъ гнѣвомъ царя и на будущее время предписываетъ поступать по указу, ибо отъ его „бездѣльной корысти“ можетъ случиться „какое дурно“.

²⁾ Пол. Собр. Зак. Т. I, № 175.

говъ у нихъ пошли недоразумѣнія. Черкасы хотѣли удовольствоваться построенными уже укрѣпленіями, не желая строить новыхъ, мотивируя свой отказъ: „мы людишка бѣдные, голодные, еще паши не распахали и хлѣбомъ не обзавелись и дворами не построились“, ¹⁾ обѣщая исполнить требованіе воеводы, когда выполнѣ устроятся, грозя даже въ противномъ случаѣ покинуть городъ: „дѣлать де намъ такой острогъ не вмогъ и всѣмъ-де намъ отъ такого острожнаго дѣла разбрестись розно“ ²⁾.

Кромѣ того „черкасы учинились непослушны“ и въ другомъ, отказались нести сторожевую службу („на отъѣзжія сторбжи“) въ степи и исполнять другіе наряды. Воевода жаловался въ Москву, что Харьковцы „безпрестанно пьютъ и бражничаютъ, а унять ихъ некому“ ³⁾. „Многожды“ жаловался Селефонтовъ въ Москву, но отвѣта никакого не получалъ, ибо московское правительство дорожило новыми своими подданными, ясно сознавая всю пользу отъ нихъ для безопасности своихъ южныхъ границъ.

Между черкасскими поселенцами, съ одной стороны, и воеводами и Московскими служилыми людьми, съ другой,—были вѣчныя недоразумѣнія. Привыкнувъ у себя въ Московскомъ государствѣ къ безусловному повиновенію своей власти, воеводы, естественно, стремились подчинить тому-же и малоросіянъ, не хотѣвшихъ сносить всей тяжести московскихъ порядковъ. Воеводамъ было не по нраву, что черкасы свободно занимаютъ себѣ земли, не несутъ никакихъ повинностей, не признавая никакихъ законовъ, кромѣ своей „черкасской обычности“, зная притомъ, что государь на ихъ сторонѣ, приказавъ воеводамъ „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ распоряженіи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впередъ царскою милостью они жалованы будутъ“ ⁴⁾.

На обязанности воеводы лежало заботиться о городскихъ

¹⁾ Д. П. Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 22.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Пассекъ. Очеркъ Хар. губ., стр. 39. и др.

укрѣпленіяхъ, завѣдывать русскими служилыми людьми, состоящими при нихъ. Заботясь о безопасности города, воевода завѣдывалъ городскими караулами и посылалъ разѣзды въ степь, „чтобы татарова и воры черкасы къ Харькову безвѣстно не пришли и людей не побили и въ полонъ не поймали и конскихъ и животинскихъ стадъ не отогнали“. О полученныхъ отъ сторожей и разѣздовъ извѣстіяхъ относительно движенія татаръ воевода немедленно долженъ былъ извѣщать Бѣлгородскаго воеводу. На храненіи у воеводы былъ ключъ отъ пороховаго погреба—„зелейной казны“,—онъ раздавалъ и записывалъ приходъ и расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ ¹⁾.

Воевода Воинъ Селефонтовъ пробылъ въ Харьковѣ съ 1655 года по 1658 г. и въ теченіи этого времени окончилъ укрѣпленіе города. По описанію г. Харькова 1663 года (разыскано проф. Д. И. Багалъемъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), укрѣпленія его состояли въ слѣдующемъ:

„Крѣпость его или острогъ состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками, помостами и засыпными тарасами; обламы—это брустверь въ стѣнѣ, высотой въ грудь стрѣлка, котки—бревна, которыя помѣщались на вершинѣ стѣны или башни, и скатывались на врага во время приступа; стѣна рубленая тарасами состояла изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу подъ прямымъ угломъ поперечными стѣнами, такъ что образовались клѣтки, которыя наполнялись землею или камнями. Тынъ былъ окруженъ ровомъ. Воевода Сухотинъ (бывшій въ Харьковѣ въ 1660—62 гг.) построилъ другой тынъ и сдѣлалъ ровъ возлѣ него въ ширину и глубину по 2 саж. Въ стѣнахъ находились 10 башенъ („баштъ“), покрытыя дранью; однѣ изъ нихъ были проѣзжія, т. е. имѣли ворота, другія—глухія; вся окружность стѣны равнялась 475 саж., т. е., немного менѣе одной версты, форму она имѣла четырехугольную, на четырехъ углахъ ея было по башнѣ, и эти башни носили названіе наугольныхъ;—одна изъ нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстовой; въ ней висѣлъ вѣстовой колоколъ (въ 10 пуд. вѣсу, прислан-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Хар. въ XVII ст. Харьковскій Календарь 85 г., стр. 618.

ный въ 1675 г. изъ Москвы¹⁾, другая находилась у р. Харькова, третья у р. Лопани, а четвертая тоже у Лопани; въ башнѣ Тайницкой помѣщался тайникъ съ колодцемъ, простиравшійся въ длину на 16 саж., а поперекъ на $1\frac{1}{2}$ саж.“²⁾.

„Всѣхъ пушекъ (пищалей) было 12: 10 желѣзныхъ, 11-я мѣдная, а 12-я затинная. Около рва подлѣ города былъ набить честики въ дубовыя колоды; это частоколъ, состоящій изъ кольевъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ шахматномъ порядкѣ, колья были вбиты въ дубовыя колоды, позади честика были еще расположены надолобы, т. е., обрубки дерева, стоямя вкопанные въ землю въ одинъ или нѣсколько рядовъ“³⁾.

Тотъ-же воевода Вас. Сухотинъ, на случай осады города непріателемъ, чтобы дать пріютъ жителямъ деревень, немѣвшихъ своихъ укрѣпленій и дѣлавшихся жертвою татарскихъ нападеній, къ главному укрѣпленію пристроилъ пригородокъ; онъ обнесенъ былъ тыномъ изъ стоялаго дуба съ обломами, котками и помостами; высота стѣны была $1\frac{1}{2}$ саж. а окружность 240 саж.⁴⁾.

Внутри крѣпости помѣщались дома казаковъ, храмъ Успенія Пр. Богоматери, приказная изба; въ крѣпости было вырыто шесть колодезей. Значить, г. Харьковъ состоялъ какъ бы изъ двухъ городовъ: одинъ внутренній, помѣщавшійся въ крѣпости; другой между крѣпостью и наружною стѣною,— послѣдній назывался большимъ городомъ и „мистомъ“. Кромѣ козаковъ, въ этомъ второмъ городѣ жили еще мѣщане, занимавшіеся разными промыслами и торговлею. Такимъ образомъ, г. Харьковъ, лежащій въ углу сливающихся двухъ рѣкъ, бывшихъ, по свидѣтельству многихъ писателей, въ то время

1) Описаніе г. Хар., составл. воев. В. Сухот.—Хар. Календ. 85 г., стр. 621.

2) Всѣ 10 башенъ носили слѣд. названія: Московская, Чугуевская, Лопинская, Рождественская, Никольская (опис. г. Хар., сост. воев. В. Сух.), Тайницкая (Багалъй. Основ. г. Хар., стр. 75), Протопоповская (соч. Квитки, том. III, стр. 122), Деркачевская, Новая (Ibidem) и Шаповаловская (Хар. Ист. Ар. Отд. I, № 124).

3) Д. И. Багалъй. Осн. Хар., стр. 74—75. Затинная пищаль—длинное крѣпост. орудіе, которое устанавливалось на затинѣ—барбетѣ. (Энцикл. воен. и мор. наукъ г. Леера, т. III, стр. 241).

4) Д. И. Багалъй. Осн. Харькова.

очень полноводными, былъ защищенъ, кромѣ своихъ искусственныхъ сооруженій, съ трехъ сторонъ водою, съ четвертой же, съ сѣвера, его защищалъ дремучій лѣсъ, доходившій въ былыя времена до самаго города. Дикіе хищники—татары и калмыки, такіе ловкіе и неуловимые въ степи, не любили лѣса и избѣгали его.

Съ восточной стороны города, подъ горою, р. Харьковъ текла въ болотистой долині, по которой разбросаны были рощи; эти болота на далекое разстояніе простирались какъ въ одну, такъ и въ другую сторону отъ города; съ южной и западной стороны Харьковъ былъ окруженъ дико растущими плодовыми деревьями—яблоневыми, грушевыми, вишневыми, черешневыми и др., а также сосновыми и березовыми рощами, которыя далѣе на западъ прерывались снова болотами по теченію р. Лопани. А дальше, за этими рощами и болотами, съ нагорной части города, съ крѣпости, видны были синѣющіе лѣса, уходящіе въ даль ¹⁾.

Есть преданіе, что Харьковцы, приступая къ постройкѣ города, обратились съ просьбою къ Черниговскому архіерею прислать имъ священниковъ для построенія храмовъ. Исполняя эту просьбу, архіерей, вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ на это дѣло, прислалъ въ Харьковъ и подлинную икону Елецкой Божіей Матери ²⁾. Пришедшее духовенство, кончивъ свое дѣло, возвратилось обратно, но иконы съ собою не взяло, боясь нападенія татаръ. Образъ этотъ такъ и остался въ городѣ. По словамъ-же пр. Филарета икона эта попала въ Харьковъ въ 1687 г., когда ее привезъ съ собою кн. Барятинской и, будучи при смерти, отдалъ ее въ Успенскій соборъ ³⁾. Если то преданіе справедливо, то значитъ, въ первое время въ церковномъ отношеніи черкасы зависѣли отъ архіереевъ Малороссіи. Оставляя родной край, переселенцы везли съ собою обыкновенно и всѣ церковныя принадлежности, даже колокола, и на мѣстѣ, избранномъ для поселенія складывали новые себѣ церкви. Въ Харьковѣ, одновременно съ его возникно-

¹⁾ С. И. Кованько. Истор. стат. оп. Хар., Хар. Губ. Вѣд. за 1859 г., № 8.

²⁾ Сочиненіе Квитки, т. III, стр. 88.

³⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 12.

веніемъ, была построена церковь св. Николая чудотворца; вскорѣ былъ построенъ въ крѣпости и Успенскій соборъ, деревянный, стоявшій въ 25 саж. отъ настоящаго. Церкви—Благовѣщенія Пр. Богородицы, Рождества Христова и Воскресенія Христова построены въ 1655 г.¹⁾

Въ 1667 г. была учреждена Бѣлгородская епархія, и Харьковскій полкъ въ числѣ другихъ слободскихъ, въ церковномъ отношеніи съ этого времени былъ подчиненъ бѣлгородскимъ митрополитамъ (первый митр. Θεодосій, сербъ)²⁾.

Украинское духовенство не представляло изъ себя того замкнутого сословія, въ которомъ священство переходило-бы отъ отца къ сыновьямъ, какъ-бы по наслѣдству. Нерѣдко священники бывали избираемы самими прихожанами изъ своей-же среды, какъ по своему желанію, такъ и по указанію старшины, иногда даже и лицъ шляхетскаго происхожденія. Бывали примѣры, что вліятельные козаки мѣняли свою лихую черкеску съ откидными рукавами на скромную рясу священника, а сыновья этихъ послѣднихъ отдавали предпочтеніе саблѣ, вступая въ ряды ранговыхъ козаковъ. Духовенство полка состояло изъ одного протопопа, живущаго въ г. Харьковѣ, и приходскихъ священниковъ, которымъ полагались подданные. Такъ, въ вѣдомости 1728 г. показано, что за духовенствомъ и церковными служителями Харьковскаго полка числилось 91 дворъ съ 350 человѣками подданныхъ³⁾.

1) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 30, 33, 38 и 43.

2) Ibidem, отд. I, стр. 5 (изд. 52 г.).

3) Мос. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

ГЛАВА III.

Сохранение переселенцами прежнего своего козацкого устройства.—Происхождение названия слободъ.—Неизвестность точного года основания полка.—Отсутствие въ городѣ Харьковѣ въ первое время полковника.—Постепенное сложение полка.—Балаклейскій полкъ.—Полковникъ Яковъ Черниговецъ.—Указъ о соединеніи Балаклейскаго полка съ Харьковскимъ.—Кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко.—Г. Салтовъ.—Выдѣленіе г. Харькова изъ числа другихъ поселеній.—Мнѣніе о времени, съ котораго полковникъ Ѳ. Репко управлялъ Харьковскимъ полкомъ.—Повелѣніе Алексѣя Михайловича о вѣдѣніи слободскихъ полковъ посольскому приказу.—Грамота жителямъ г. Салтова.—Дѣленіе населенія полка.—Дворянскіе роды.—Владѣніе землею.—Подраздѣленіе ранговыхъ козаковъ.—Свойственники, подпомощники, подсосѣдки, посполитые, владѣльческіе и др.—Положеніе ихъ.—Область полка; дѣленіе полка на сотни.—Мѣстечки и города, входившіе въ составъ полка.—Члены полковой старшины.—Клейноды.—Полковая рада.—Число выборныхъ козаковъ.—Вооруженіе и снаряженіе ихъ.—Лошади.—Одежда слободскихъ козаковъ.—Хлѣбопашество, скотоводство.—Опасность отъ татарскихъ нападений.—Письмо протоіерея Балаклеи и челобитье жителей г. Савинска.—Винокуреніе.—Покровительство Москвы.—Дѣлота, пожалованныя козакамъ.

На мѣстахъ новой своей осѣдлости, козаки, не зная никакого другого устройства, кромѣ воинскаго козачьяго, завели естественно, тѣ-же порядки, къ какимъ привыкли изстари; и порядки эти сохранились еще даже тогда, когда Слободская Украина вполнѣ подчинилась вліянію Москвы, ибо царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ „не препятствовать слобожанамъ въ устройствѣ ихъ поселеній и не мѣшаться въ ихъ внутренній распорядокъ“¹⁾.

Переселившіеся изъ за Днѣпра малороссіяне, помимо даннаго имъ Москвою наименованія—черкасы, стали называться еще слобожанами, а весь ихъ край „Слободской Украиной“:

Г. Квитка даетъ слѣдующее объясненіе этимъ словамъ. „свободное поселеніе и занятіе земли по произволу на мало-

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. полки. Гл. I.

россійскомъ языкѣ выражается—„поселиться слободно (свободно)“; это дало сему поселенію наименованіе „слободъ“; по народу-же, приходившему большею частью изъ Украйны и поселяющемуся „на Украйнѣ“ (на границѣ)—„украинскихъ слободъ“¹⁾. Слѣдовательно, козаки въ этомъ названіи, которое они сами себѣ дали, выразили ту свободу и приволье, которыя встрѣтили здѣсь.

Образовавшіеся изъ слободскихъ козаковъ полки стали называться „слободскими козачьими полками“ (московское правительство называло ихъ еще „черкасскими“ и „украинскими“). Подобно тому, какъ неизвѣстно точно появленіе партіи черкасъ съ Иваномъ Каркачемъ на Харьковскомъ городищѣ и основаніе города, неизвѣстно также точно образованіе Харьковскаго слободскаго полка. Первые грамоты были выдаваемы московскими царями не на имя полковника или полковой старшины, а просто въ Харьковѣ, „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ“ (1659 г.)²⁾. Въ указѣ В. Селефонтову приказывалось совѣтоваться при постройкѣ укрѣпленій съ черкасскими „начальными людьми“. Рядъ-же жалованныхъ грамотъ съ 1668 г. по 1743 г. данъ уже на имя полковниковъ. Изъ этого нужно вывести то заключеніе, что до этого времени правильнаго дѣленія на полки, какое видимъ въ послѣдствіи, еще не было.

Въ составъ Харьковскаго полка при томъ не сразу вошли всѣ тѣ села и города, которые позднѣе, при полковникѣ Григоріи Донцѣ, составляли область его. Одновременно съ существованіемъ уже полковника въ Харьковѣ, въ Балаклеѣ, напр., былъ свой полковникъ, управлявшій имъ до 1673 г.; кромѣ того, былъ тамъ сотникъ Шумейко, атаманъ Коляда и другая старшина. Самъ полковникъ балаклеійскій, Яковъ Черниговецъ, въ письмѣ своемъ къ воеводѣ Саковкину писалъ, что онъ стоитъ „со своимъ“ полкомъ тамъ-то. Слѣдовательно, тогда былъ балаклеійскій самостоятельный полкъ. Этотъ Яковъ Черниговецъ былъ лихой воинъ, часто билъ татаръ,

1) Г. Квитка. О сл. пол., Современ., томъ XVII, стр. 65.

2) Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 119—20, 127, 129.

„леталъ соколомъ“ за ними по степямъ. Прийдя съ козаками на Слободскую Украину въ 1663 г. и пробывъ полковникомъ въ Балаклеѣ 14 лѣтъ, Як. Черниговецъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ силу распоряженія кн. Ромодановскаго, воеводы бѣлгородскаго, отъ полковничества отставленъ въ 1677 г., а „булыклѣйскій полкъ“ велѣно полковнику Гр. Донцу соединить съ Харьковскимъ „воедино“ и писаться „однимъ Харьковскимъ полкомъ“¹⁾.

Далѣе, очень близко отъ Харькова—въ Мерефѣ—жилъ кошевой атаманъ запорожской сѣчи—Иванъ Сѣрко. Что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно, но трудно допустить, чтобы такое лицо, какъ кошевой, могъ-бы подчиняться Харьковскому полковнику. Такъ какъ въ Сѣчи жить женщинамъ не позволялось, а женатые козаки держали свои семейства гдѣ-нибудь на сторонѣ, то, можетъ быть, и присутствіе Сѣрка въ Мерефѣ этимъ только и объясняется, ибо онъ все время до смерти (1680²⁾ съ 1658 г. былъ кошевымъ; хотя рядомъ-же съ этимъ есть извѣстіе, что Сѣрко завѣдывалъ во время смутъ, произведенныхъ гетманомъ Брюховецкимъ, Зміевскими, Мерефянскими и Печенѣжскими черкасами. Сѣрка даже называютъ Харьковскимъ полковникомъ³⁾.

Далѣе, нами разыскана въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ грамота, данная царемъ въ 1668 г. жителямъ г. Салтова, принадлежавшаго послѣ къ Харьковскому полку. Если-бы Салтовъ въ то время былъ въ составѣ полка, то эта грамота не была бы выдана жителямъ этого города отдѣльно, ибо въ томъ же году и въ то-же число—19 февраля—подобная-же грамота, только нѣсколько иной редакціи, была пожалована и Харьковскому полку.

Такой порядокъ замѣчался и на позднѣйшихъ территорияхъ другихъ полковъ: такъ, въ Котельвѣ, напр., былъ свой полковникъ Жученко,—а Котельва, вѣдь такъ близко отъ полковаго города Ахтырки⁴⁾.

1) Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 180.

2) Лѣтопись Самовидца, стр. 150.

3) Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 500—1.

4) Пр. Филаретъ. Отд. III, стр. 89.

Изъ этого всего можно видѣть, что Харьковскій полкъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ является ко времени принятія полка Донцомъ, сложился далеко не сразу, а въ составъ его постепенно входили города и села. Видимо, по нѣкоторымъ причинамъ г. Харьковъ началъ выдѣляться изъ всѣхъ сосѣднихъ поселеній, сдѣлался центральнымъ пунктомъ, къ которому начали тяготѣть другіе признавая своею зависимость отъ него. Въ первые годы существованія города, въ Харьковѣ, по всѣмъ даннымъ, не было и полковника. Пр. Филаретъ дѣлаетъ предположеніе, что полковникъ Репко „вѣроятно съ 1657 г. принялъ на себя завѣдываніе полка“,—а этотъ Репко былъ первымъ полковникомъ харьковскимъ. Не имѣя ни какихъ документальныхъ данныхъ, которыя говорили-бы за или противъ этого предположенія, мы, съ своей стороны, ничего не можемъ сказать по этому поводу.

Сложившимся тремъ самостоятельнымъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому—царь Алексѣй Михайловичъ, повелѣніемъ 1668—69 годовъ, приказалъ быть въ вѣдѣніи посольскаго приказа. Это распоряженіе свидѣлствуетъ, что московское правительство смотрѣло на слободскіе полки скорѣе какъ бы на своихъ союзниковъ, чѣмъ какъ на своихъ обыкновенныхъ подданныхъ ¹⁾. Такъ грамота жителямъ г. Салтова, о которой мы упоминали выше, очень характерно рисуетъ отношенія московскаго правительства къ черкасамъ. Гетманъ Брюховецкій, ради привлеченія козаковъ на свою сторону, возвелъ на царя разныя небылицы. Алексѣй Михайловичъ, желая, вѣроятно, поддержать вѣрность между салтовскими черкасами, прислалъ имъ грамоту, въ которой, „свидѣтельствуясь Господомъ Богомъ“, увѣрялъ ихъ, что у него „и у мысли“ ничего такого не было, въ чемъ обвинялъ его гетманъ; говоря, что онъ всегда желалъ и желаетъ жителямъ покоя, тишины и благоденствія, царь вмѣстѣ съ тѣмъ *проситъ*, напоминая ихъ „обѣщаніе“ быть вѣрными, наговорамъ этимъ не довѣрять, а вѣрить его словамъ, обѣщая, въ награду за все то милость „свыше прежняго“ ²⁾. И это пи-

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. II. В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 99—100.

²⁾ Грамота 1668 г. См. приложение.

шетъ самодержавный Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, хотя добрый и „тишайшій“, а все-же непривыкшій говорить такимъ тономъ со своими великороссійскимъ подданными.

Все населеніе полка, который занималъ не одинъ городъ, а, какъ увидимъ далѣе,—цѣлую область, дѣлилось на козаковъ, мѣщанъ и селянъ (посполитыхъ). Среди козаковъ было много шляхтичей, лицъ дворянскаго происхожденія; быть шляхтичемъ въ Польшѣ не значило быть католикомъ и непременно полякомъ: этимъ достоинствомъ пользовались и лица русскаго происхожденія. Въ Харьковскомъ полку такими дворянскими родами были Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе и др.

Панство, которое обыкновенно составляло полковую и сотенную старшину, въ свою очередь дѣлилось на шляхетство и простыхъ пановъ. Различіе между ними заключалось въ томъ, что первые имѣли у себя во владѣніи крестьянъ, вторые-же этимъ правомъ могли только пользоваться временно, когда состояли на службѣ, вмѣсто денежнаго жалованія, котораго не получали. Спустя столѣтіе, въ царствованіе Екатерины II, въ 1762 г. Харьковской полковой канцеляріи указано было представить вѣдомость всѣмъ лицамъ шляхетскаго происхожденія съ доказательствомъ своихъ правъ на это достоинство, т. е. имъ было предписано доставить царскія и польскіе королей жалованныя грамоты. Канцелярія отъ себя разослала предписанія во всѣ сотни съ приказомъ переписать всѣхъ шляхтичей, если таковые гдѣ есть, и представить вѣдомости съ доказательствами въ полкъ. Не смотря на то, что въ полку жили Квитки, Донцы, Шидловскіе, Ковалевскіе и др., всѣ сотники донесли, что въ ихъ степяхъ не оказалось ни одного такого шляхтича, который могъ-бы это свое достоинство доказать ¹⁾.

Всѣ сословія полка пользовались земельною собственностью, которую пріобрѣтали или путемъ „заимки“—свободнымъ занятіемъ никѣмъ незанятыхъ пустопорожнихъ земель, (право первыхъ поселенцевъ—*jus primi occupantis*), или съ позволенія полковника. Подобно панству, раздѣлялось такъ-же и ду-

¹⁾ Харьк. Ист. арх., отд. I, № 329.

ховное сословіе; изъ нихъ лица шляхетскаго происхожденія имѣли своихъ крестьянъ.

Выборные козаки (ранговые, реестровые или регистровые), которые, кромѣ службы войсковой, никакихъ другихъ повинностей не несли, имѣли нѣсколько разрядовъ. Реестровые или сотенные козаки составляли собственно полкъ, ходили въ походы и несли другіе воинскіе наряды. Въ козаки выбирались люди способные къ боевой службѣ; отъ нихъ требовалось удалство, ловкость, сила и лихое наѣздничество. Далѣе слѣдуютъ хорунжевые козаки—они состояли при полковомъ штабѣ (прапорѣ), находились въ непосредственномъ вѣдѣніи полковника и составляли какъ-бы его гвардію. При полковомъ прапорѣ, кромѣ того, находилась еще команда, составленная изъ такъ называемыхъ полковыхъ козаковъ, выбираемыхъ изъ старшинскихъ дѣтей полковникомъ; они назначались для разныхъ командировокъ съ командами, для посылки съ приказаніями и т. п.; они не получали никакого содержанія отъ полка, но изъ нихъ назначались сотники на открывающіяся вакансіи.

Въ крѣпостяхъ были еще пушкаріи при пушкахъ, которыя пріобрѣтались на средства полковой или сотенной старшины.

Семейства козаковъ распадались на слѣдующія группы, подобно той роли, которую играли онѣ въ козачествѣ. Къ первой категоріи принадлежали всѣ семейства козаковъ и ихъ свойственники, изъ которыхъ выбирались способные нести строевую козачью службу; ко второй группѣ принадлежали семейства, которыя не выставляли служилыхъ козаковъ, но зато должны были содержать этихъ послѣднихъ; на деньги, собираемыя съ нихъ, покупались лошади (по двѣ на каждаго козака), оружіе, сѣдла и платье, а такъ-же провіанты въ походахъ; они во время походовъ брались такъ-же погонщиками. Эти козаки носили названіе „подпомощниковъ“ („подпомощники“). Такихъ подпомощниковъ давалось старшимъ отъ 2 до 6 человекъ; козакамъ же выборнымъ (они назывались позднѣе еще козаки—компанійцы) отъ 2 до 8 на каждаго, смотря по зажиточности—богатымъ меньше, бѣднымъ больше¹⁾. Кто же изъ подпомощниковъ не имѣлъ собственнаго хозяйства, тотъ

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы. Томъ I, стр. 181.

денегъ не платилъ, но за то долженъ былъ, живя въ семействахъ, выставившихъ козака на службу, работать на нихъ; въ такомъ случаѣ они назывались „подсосѣдками“.

Наконецъ, между селянами различались владѣльческіе, монастырскіе и свободные; они жили въ селахъ и хуторахъ, занимались земледѣліемъ и состояли во владѣніи старшинъ, но положеніе ихъ было не тяжелое: владѣльческіе подданные работали на своихъ пановъ, какъ это видно изъ переписи, произведенной въ 1732 году майоромъ Хрущевымъ, по большей части по 2 дня въ недѣлю (такихъ показано 25 мѣстъ); были такіе, которые работали по одному дню (6) и такіе что работали только одну недѣлю въ году (1). Но были даже и такіе владѣльцы, подданные которыхъ вовсе не работали и не платили ни какихъ денегъ (6). Отработавъ положенное число дней, поданные остальными днями располагали по своему усмотрѣнію; главнымъ-же ихъ преимуществомъ былъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто¹⁾. Въ Слободской Украинѣ простой народъ, какъ и въ Малороссіи, назывался посполствомъ; такъ его именуютъ и царскія грамоты: „и всѣмъ того полку старшинамъ и всему *посполству* наше Великаго Государя, милостивое слово“²⁾. Слово „посполство“ польское и означаетъ общенародный, но подъ этимъ именемъ разумѣли только простой народъ³⁾. Мѣщане жили въ городахъ и мѣстечкахъ и занимались ремеслами и торговлею.

Нынѣшніе уѣзды Харьковскій, Валковскій, часть Изюмскаго и Волчанскаго, Купянскій и Зміевскій⁴⁾ составляли область полка при полковомъ городѣ Харьковѣ, въ которомъ жилъ полковникъ и полковая старшина; въ немъ помѣщалось управленіе полка военное и гражданское; въ немъ жили воеводы, назначаемые Московскимъ правительствомъ.

Полкъ дѣлился на сотни. Дѣленіе это было административно-территоріальное; сотню составлялъ извѣстный участокъ земли со всѣми селеніями и хуторами, находящимися въ немъ, чис-

1) Д. И. Багалъй, Матеріалы. Томъ I, стр. 204.

2) В. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. рус., 1818 г., стр. 725.

3) И. И. Срезневскій. Ист. обоз., стр. 7. П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. I.

4) Ibidem, стр. 8.

ленность сотенъ была неодинакова. Вначалѣ полкъ раздѣлялся на 5 сотенъ, но, по мѣрѣ того, какъ населеніе полка росло, увеличивалось и число сотенъ; сотни назывались по главному мѣстечку, находившемуся въ ней, гдѣ жила сотенная старшина и помѣщалось управленіе сотни. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Харьковскомъ полку было уже 15 сотенъ, въ концѣ-же XVII вѣка 8 ¹⁾ (вслѣдствіе отдѣленія къ Изюмскому полку). Въ составъ полка входили слѣд. мѣстечки и города:

Волчанскъ (съ 8 селами), Салтовъ (съ 4-мя), Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дерев.), Золочевъ (съ 2-мя), Ольшанка (съ 2-мя), Валки (съ 4-мя)—„сей-же есть древнѣйшій изъ городовъ слободскихъ, понеже всѣ иные упредилъ“ ²⁾, Мерефа (съ 3-мя), Соколовъ, Зміевъ (съ 4-мя), Маяцкій, Соленый; слѣдующіе, входившіе въ составъ Харьковскаго полка, впоследствии были отчислены къ Изюмскому полку: Перекопъ (съ 1 дер.), Бишкинъ, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинскъ, Изюмъ, Царево-Борисовъ, Острополю, Сеньковъ, Купецкій, Двурѣчная, Каменка; всего значить, 25 городовъ и мѣстечекъ,—54 села и деревни ³⁾.

Во главѣ полка стоялъ полковникъ, который совмѣстно съ полковою старшиною ему подчиненною, управлялъ имъ, соединяя въ себѣ власть военную и гражданскую. Выбирался полковникъ вольными голосами—старшиною и полчанами, которые собирались для этой цѣли въ полковой городъ ⁴⁾, и избирался на всю жизнь, что дѣлало его положеніе очень самостоятельнымъ; воеводѣ онъ подчиненъ не былъ. Власть полковника была велика: онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ полку; ему подчинялись всѣ сословія, жившія на тер-

¹⁾ Думаютъ, что на мѣстѣ этого города было прежде укрѣпленіе половецкаго хана Кончака, память о которомъ сохранилась и до нынѣ подъ названіемъ «Салтановскаго городища». Объ этомъ говорится также и въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ“. Застроенный въ 1639 г. пришедшими съ гетманомъ Яв. Остриницею козаками и оставленный ими снова въ 1641 году, Салтовъ заселился черкасами одновременно съ другими украинскими городами. Во второй половинѣ XVII в. въ немъ была уже церковь и укрѣпленіе (Геогр. стат. слов. П. Семенова).

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 199.

³⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 542.

⁴⁾ Его-же. Матеріалы, том. I, стр. 167—168.

риторіи, составлявшей полкъ; онъ имѣлъ право раздавать въ потомственное владѣніе, по своему усмотрѣнію, ни кѣмъ не занятые пустопорожніе мѣста, въ награду за заслуги, кого считалъ достойнымъ того; въ свою очередь, и самъ имѣлъ право для себя занимать земли, остававшіяся послѣ во владѣніи его рода. Полковникъ завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ полка, водилъ его въ походы; его утвержденіе было необходимо для законной силы приговоровъ по разнымъ преступленіямъ и по другимъ судебнымъ дѣламъ; онъ имѣлъ право наказывать даже смертію. Такъ, полковникъ Ѳеодоръ Репко приказалъ разстрѣлять въ Харьковѣ Левку Жигалку за убійство служилыхъ людей ¹⁾. Власть наказывать смертію и другими тѣлесными наказаніями полковникъ имѣлъ даже надъ членами полковой старшины, выбравшими его въ это званіе. Это можно вывести изъ письма ²⁾ харьковского полковника Тевяшева къ полковому судѣ по случаю неисполненія этимъ послѣднимъ уже разъ отданнаго приказанія: „по полученіи сего извольте, Ваше благородіе, всѣ тѣ чины сыскать, прислать къ полку конечно къ завтрешнему числу подъ опасеніемъ за неисполненіе лишенія чести Вашей и живота“. Всѣ свои распоряженія и рѣшенія онъ утверждалъ письменными приказами, которые назывались универсалами, какъ и въ гетманщинѣ, за своею подписью и приложеніемъ своей гербовой печати, употреблявшейся, какъ полковая. Какъ знакъ своей независимости, къ своей подписи полковники прибавляли „властною рукою“ ³⁾ и писались: „мы, полковникъ харьковскій“; о немъ всегда говорили: „ясновельможный панъ полковникъ“ и „его милость панъ полковникъ“.

Во время отправленія своихъ обязанностей, полковникъ держалъ въ рукѣ, какъ знакъ своего достоинства, такъ называемый, шестоперъ (родъ булавы), который состоялъ изъ рукоятки, кончавшейся шаромъ съ шестью гранями, отъ чего и получилъ свое названіе, такъ какъ эти грани имѣли нѣкоторое подобіе перьевъ и были глухія или съ прорѣзами.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

²⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

³⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

Иногда знаки эти дѣлались съ большимъ числомъ граней (церьевъ) и тогда носили названіе „перначъ“. Дѣлались они изъ серебра, золота, украшались драгоценными камнями, по желанію полковниковъ. Ихъ брали съ собою и въ походъ и возили съ правой стороны на сѣдлѣ въ нарочно сдѣланной для того петлѣ; носили его такъ-же и за поясомъ ¹⁾).

Въ полку было знамя полковое, называемое хоругвею; оно почиталось полковою святынею, — на немъ изображался ликъ святого, почитавшагося патрономъ полка; на украшеніе хоругви собирались по всему полку деньги, и козаки обыкновенно гордились богатствомъ своего знамени ²⁾; хранилось оно у полковника. Кромѣ полковой хоругви, было у каждой сотни свое собственное знамя, на которомъ обыкновенно изображался крестъ, писался № сотни и обозначался полкъ. Какъ уже упомянуто выше, въ полку была гербовая полковничья печать, считавшаяся полковою. Все это называлось полковничьими клейнодами (драгоценностями).

Вторымъ лицомъ по своему значенію за полковникомъ былъ полковой обозный; его обязанностью было завѣдывать пушками, всею артиллеріею полка и укрѣпленными мѣстами. Во время болѣзни полковника или его отсутствія полковой обозный управлялъ всѣмъ полкомъ, но властью всею не пользовался; такъ, напр., универсаловъ давать не имѣлъ права. Полковой судья — на его обязанности лежало завѣдываніе судебными дѣлами полка; онъ засѣдалъ въ полковой ратушѣ и рѣшалъ дѣла, но утвержденіе его приговоровъ всегда зависѣло отъ полковника. Два полковыхъ есаула (асауль) — помощники полковника — одинъ старшій, другой младшій — по воинской части. Полковой хорунжій — онъ хранилъ во время похода хоругвь, завѣдывалъ хорунжевыми козаками. Два полковыхъ писаря; они исполняли должность секретарей въ полковой ратушѣ; одинъ изъ нихъ былъ по воинской части, другой по гражданской; при ратушѣ, кромѣ двухъ штатныхъ писарей, было еще четыре, состоявшихъ на содержаніи отъ полка. Изъ нихъ

¹⁾ Висковатый. Истор. опис. одежды, част. I, стр. 67—68. Ефименко. Харьк. Сбор. на 87 г., стр. 176.

²⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. I.

назначались полковые писаря при открытіи вакансіи на ту должность.

Всѣ эти лица составляли полковую старшину и полковую раду, на которой рѣшались всѣ важные вопросы по большинству голосовъ, при чемъ всѣ члены рады имѣли равные голоса, кромѣ полковника, имѣвшаго два. Такой порядокъ вель иногда къ большимъ недоразумѣніямъ, дѣлалъ рады очень шумными; иногда онѣ оканчивались драками, даже настоящими битвами между ея членами, которые для этой цѣли вооружали своихъ крестьянъ¹⁾. Распорядителемъ на радѣ былъ полковой обозный. Кромѣ того въ городѣ еще былъ атаманъ—онъ исполнялъ полицейскія обязанности²⁾.

Управленіе сотни было сходно съ полковымъ управленіемъ; въ дѣлахъ важныхъ она подчинялась полковнику, а управлялась вполнѣ самостоятельно „паномъ“ сотникомъ, которому были подчинены жители селъ и хуторовъ, составляющихъ сотню; въ сотнѣ была своя сотенная старшина; она состояла изъ сотника, атамана, есаула и хорунжаго. Атаманъ послѣ сотника было первое лицо, присутствовалъ въ канцеляріи и рѣшалъ гражданскія дѣла, исполняя обязанности судьи; у него помощникомъ былъ сотенный писарь; въ отсутствіе сотника атаманъ управлялъ сотнею. Есаулъ и хорунжій были помощниками сотника по воинской части; послѣдній въ походѣ хранилъ сотенное знамя. Назначеніе лицъ, составлявшихъ сотенную старшину, зависѣло отъ сотника, равно и смѣщеніе недостойныхъ старшинъ, снова послѣ того переходившихъ въ разрядъ рядовыхъ казаковъ.

Число выборныхъ козаковъ доходило до 800. Вооружены они были саблями, пистолетами, ружьями и копьями. На красоту сабли, съ которою казаки никогда не разставались, такъ что даже пахарь, идя за сохою, былъ препоясанъ ею, обращалось большое вниманіе; она служила предметомъ щегольства и украшалась золотыми и серебрянными насѣчками. Особенно цѣнились сабли турецкія. Ножны обкладывались краснымъ бархатомъ,

1) П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. I.

2) Г. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. Рус., стр. 760.

украшались драгоценными камнями и оправлялись въ серебро и т. п., смотря по состоянію ¹⁾).

Пистолеты и ружья („пищали, ручницы“) были по большей части турецкаго происхожденія, а также нѣмецкаго и тульскаго. Боевые припасы носились въ рогахъ, лядункахъ и барахахъ (мѣшки для пуль); рога были буйволовыя съ серебрянными отдѣлками; лядунки и барахи шились золотомъ и серебромъ. Ѣздили слобожане на лошадяхъ разной породы, какія приходилось гдѣ добывать; но была у нихъ и своя порода— „черкасскіе жеребцы“—красивая, но уступавшая всѣмъ прочимъ по своей крѣпости ²⁾. Ѣздили на уздечкахъ и украшали ихъ серебромъ. Сѣдла у нихъ были польскія и черкесскія. Подушки сѣдельныя дѣлались изъ бархата, сафьяна, сукна, кожи, и также украшались шитьемъ, равно какъ и сѣдельные войлоки, крытые сафьяномъ и бархатомъ³⁾. Сѣдла были высокія, и Ѣздили на нихъ на короткихъ стременахъ, по татарски, что очень уродовало посадку и дѣлало ее не крѣпкою, но давало возможность всаднику легко обращаться во всѣ стороны, уклоняясь отъ ударовъ саблею противника.

Одежда слободскаго козака состояла изъ черкески съ откидными рукавами, нижняго полукафтання, широкихъ шароваръ и дѣлалась всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ, на кумачевой подкладкѣ. Обкладывалась черкеска и полукафтання кругомъ матеріею другаго цвѣта, и называлась эта обложка „подпущкомъ“, цвѣтъ котораго всегда былъ другой; такъ, напр., если черкеска дѣлалась желтаго цвѣта, то подпущекъ лазоревый; если дымчатая, то подпущекъ зеленый. Полукафтання подпоясывалось поясомъ, на который обращали большое вниманіе, и стоили пояса обыкновенно не дешево; пуговицы дѣлались изъ серебра. Шапки носили мѣховыя, большею частью изъ смушка. Полковники поверхъ всего надѣвали еще и мантию—епанчу ⁴⁾. Одежда выборныхъ (ранговыхъ) козаковъ не отличалась ничѣмъ отъ одежды прочихъ, не подчинялась

¹⁾ П. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 174.

²⁾ Висковатый. Ист. оп. воор. и одеж., ч. I, стр. 79.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ П. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 172.

какой либо формѣ и зависѣла вполнѣ отъ вкуса каждаго ¹⁾).

Волосы слобожане подстригали въ кружокъ, подбривая голову немного выше ушей; они обыкновенно носили огромные усы, спущенные всегда книзу, бороду-же брили ²⁾).

Таково было управленіе полка, вполнѣ самостоятельное, свободное. Въ сравнительно короткій періодъ времени послѣ своего переселенія изъ Польши, гдѣ они подвергались, какъ мы видѣли, всевозможнымъ притѣсненіямъ, козаки устроились на новыхъ мѣстахъ; города, слободы, хутора росли и развивались; и такъ какъ слобожане въ новомъ своемъ отечествѣ нашли почти тѣ-же климатическія условія, какія были и по правую сторону Днѣпра, то имъ легко было скоро примѣниться къ мѣстности. Первое время, когда пришлось силою пробиваться на новыя мѣста, ежечасно ждать нападенія татаръ, черкасы не могли заняться хлѣбопашествомъ, а получали хлѣбъ изъ Бѣлгорода, покупая его тамъ; сами-же промышляли звѣриною и рыбною ловлею. По мѣрѣ-же того, какъ строились укрѣпленныя мѣста, слобожане, подъ ихъ защитою, стали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; привольные луга съ чудною травою вполнѣ тому благопріятствовали. Правда, опасность отъ нападенія татаръ, истреблявшихъ въ одинъ часъ весь трудъ земледѣльца, не позволяла Харьковскимъ козакамъ вполнѣ отдаться мирнымъ занятіямъ. При первомъ извѣстіи о появленіи татаръ сельское населеніе должно было забирать все свое имущество, скотъ, все, что только было можно, и бѣжать подъ защиту городовъ. Даже жители полковаго города, гдѣ были и пушки и болѣе вооруженныхъ людей, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ поселеніи полка, должны были быть постоянно на сторожѣ. Воевода и днемъ и ночью держалъ вездѣ караулы; на полевые работы дозволялось выходить только тогда, когда все кругомъ было спокойно и о татарахъ не было никакихъ вѣстей отъ высланныхъ въ степь станичниковъ; даже въ такое, повидимому, спокойное время дозволялось выходить въ поле „не малыми людьми съ пищалями и всякимъ оружіемъ“. Скотъ выгонять можно было, „только провѣдавъ про воинскихъ

1) П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

2) Гербель. Изюм. Слоб. коз. п., изд. 52 г., стр. 34.

людей до пряма“. Иногда, при вѣсти о появленіи татаръ, жители запирались въ городъ, отсиживались тамъ долго, а хлѣбъ между тѣмъ зрѣлъ и высыпался. Такъ, въ 1668 г. жители г. Балаклеи, страшась нападенія татаръ, просидѣли въ городѣ, на работы въ поле не выходили, и хлѣбъ остался совсѣмъ не сжатымъ. Протоіерей балаклейскій писалъ: „на той Украинѣ жить нельзя, прокормиться нечѣмъ; ради прихода татаръ пахать нельзя“ ¹⁾. Въ 1674 г. жители г. Савинска подали челобитье, гдѣ просили себѣ хлѣбнаго жалованья, такъ какъ безъ него помрутъ съ голоду и разбредутся врозь; пахать и сѣять за приходомъ воинскихъ людей имъ невозможно. Просьба ихъ была уважена ²⁾.

Это, конечно, въ значительной степени отравляло жизнь харьковцевъ, но, не смотря на то, имъ жилось гораздо лучше здѣсь, ибо они знали одного только непріятеля и бились съ нимъ, у себя-же дома были свободны, могли дѣлать, что хотѣли; надъ ними не тяготѣлъ гнетъ ни пановъ, ни жидовъ — арендаторовъ; они могли свободно исповѣдывать религію своихъ отцовъ, не боясь ни насмѣшекъ ни наказанія; духовенство-же, не стѣсненное ничѣмъ, могло безъ помѣхи исполнять свое назначеніе—служить дѣлу нравственнаго развитія своей паствы.

Харьковцы на своихъ рѣкахъ построили мельницы, на пригоркахъ наставили вѣтряки и занялись своимъ любимымъ дѣломъ—винокурениемъ; этою привиллегіею они больше всего дорожили, ибо, что грѣха таить, козаки любили выпить; безъ „горілки“ они жить не могли; такъ что воевода В. Селефоновъ, можетъ быть, и былъ отчасти правъ, когда, жалуясь на Харьковцевъ за ихъ непослушаніе, писалъ, что „сами они безпрестанно пьютъ и бражничаютъ“ ³⁾.

Московское правительство, чтобы пріохотить козаковъ, ласкало ихъ и предоставило имъ всевозможныя льготы; козаки-же за это своею грудью заслоняли московскія границы отъ татаръ.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 137.

²⁾ Ibidem, отд. IV, стр. 137.

³⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 22.

Льготы, которыя были пожалованы Алексѣемъ Михайловичемъ Харьковскому полку, были слѣдующія: 1) право свободного занятія пустопорожнихъ земель; 2) устройство козацкое и самоуправленіе, въ которое не вмѣшивались воеводы; 3) дозволялось безпошлинно заниматься всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокурениемъ и продажею вина; 4) козаки были избавлены отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военныхъ козацкихъ и 5) право содержать на откупѣ таможи, мосты и перевозки.

ГЛАВА IV.

Царская грамота 1659 г. харьковскимъ черкасамъ.—Положеніе дѣлъ въ Малороссіи.—Гетманъ Иванъ Выговскій.—Измѣна его.—Универсалъ Выговскаго Сумскому полковнику Кондратьеву.—Непоколебимость слобожанъ въ вѣрности царю.—Добровольное участіе Харьковцевъ въ дѣлахъ противъ измѣнниковъ.—Судьба Выговскаго.—Гетманъ Иванъ Брюховецкій.—Недовольство украинскаго народа гетманомъ.—Андрусовскій договоръ.—Измѣна гетмана.—Универсалъ Харьковцамъ.—Клеветы Брюховецкаго на царя.—Вѣрность слобожанъ.—Склоненіе Ивана Сѣрка на сторону мятежниковъ.—Волненіе въ полку, избіеніе воеводъ и московскихъ служилыхъ людей.—Письмо кн. Ромодановскаго.—Увозъ изъ Зміева Донцомъ пушекъ въ г. Харьковъ.—Убіеніе Брюховецкаго.—Стремленіе Дорошенка завладѣть обѣими Украйнами.—Появленіе бунтующихъ партій снова въ области полка.—Битва подъ Чугуевомъ.—Нападеніе татаръ и козаковъ Полтавскаго полка на Харьковскій полкъ.—Мятежъ въ полковомъ городѣ.—Убіеніе полковника Ренко и сотника Ѳедорова.—Число мятежниковъ.—Населеніе полковаго города.—Безукоризненное поведеніе Сѣрка до измѣны Брюховецкаго.—Причины, объясняющія волненіе въ полку.—Взглядъ на это Москвы.—Похвальная грамота 1668 г.—Обложеніе полчанъ пошлинами.—Просьба полковъ объ отмѣнѣ ихъ.—Царская грамота 1669 г.—Возвращеніе льготъ.—Отголоски бунта Стеньки Разина въ полку.

Въ Харьковъ пришла отъ московскаго государя, Алексѣя Михайловича, грамота отъ 23 сентября 1659 г., „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ“. Въ ней сообщалось объ измѣнѣ гетмана Ивана Выговскаго, и царь увѣщевалъ харьковцевъ не приставать къ измѣнникамъ, быть вѣрными присягѣ, обѣщая за это „жалованіе“ ¹⁾. Грамота эта была вызвана слѣдующими событіями, происходившими въ Малороссіи.

15 августа 1657 г. гетманъ Богданъ Хмельницкій, „Хмель“, какъ его называли козаки, умеръ, послѣ трогательнаго прощанія съ народомъ, въ Чигиринѣ. На его мѣсто въ гетманы былъ выбранъ сынъ его Юрій, человекъ „разумомъ слабенькій“, по выраженію народной поэзіи, неспособный къ какой либо,

¹⁾ Грамота 1659 г. В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 469—470.

требующей энергіи роли; этого избранія и самъ Юрій не особенно то хотѣлъ, ибо, подѣ влияніемъ совѣтовъ Выговскаго, отъясался отъ гетманства по причинѣ малолѣтства и былъ помѣщенъ въ Кіевское училище. Народъ-же сдѣлалъ этотъ выборъ единственно изъ уваженія къ памяти отца. Впослѣдствіи Хмѣльницкій снова былъ гетманомъ, передался польскому королю, присягалъ ему на вѣрность, былъ монахомъ, архимандритомъ, невольникомъ въ Константинополѣ, сдѣлался потурнакомъ („потурчився, побусурманився“), носилъ громкій, но ничего незначившій титулъ князя малороссійской Украины — безъ княжества и подданныхъ. Наконецъ, печально кончилъ свою ничтожную жизнь, полную превратностей и измѣны, будучи убитъ кошевымъ атаманомъ Ив. Сѣркомъ со всѣми бывшими при немъ козаками¹⁾. Выговскій, генеральный писарь, былъ любимецъ Богдана, который вымѣнялъ его изъ татарскаго плѣна на лошадь и сдѣлалъ при себѣ писаремъ (1648 г.). Выговскій имѣлъ громадное вліяніе на Юрія, который, подавшись его наущеніямъ, выдалъ ему миллионъ талеровъ изъ казны отца своего. Съ помощію этихъ денегъ Выговскій, подкупая кого слѣдуетъ, расположилъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ козаковъ въ свою пользу и былъ избранъ въ гетманы старшиною и шляхетствомъ. Полякъ по происхожденію, какихъ много было тогда среди козачества, онъ задумалъ, въ расчетѣ на личныя выгоды, подчинить Малороссію, по прежнему, власти Польши. Эта мысль встрѣтила сочувствіе даже среди народа, недовольнаго новыми порядками, которые имѣли цѣлью постепенное ослабленіе воинственнаго духа, привычки по всякому, даже пустому сравнительно поводу, обращаться къ оружію и наклонности къ необузданному своевольству, къ чему онъ такъ привыкъ за послѣднія возстанія, и что мѣшало массѣ народной обратиться всецѣло къ мирнымъ занятіямъ. Къ тому-же поляки, со своей стороны, желая возвратить потерянную Малороссію, заигрывали съ народомъ и не скупились на обѣщанія. Выговскій заключилъ съ Польшею договоръ въ сентябрѣ 1658 г., по которому Малороссія и запорожцы переходили къ Польшѣ. Чтобы привлечь

¹⁾ Бантишъ-Каменскій. Ист. Малой Россіи, ч. II, стр. 160. Ригельманъ, Лѣт. нов. о Мал. Р., I, стр. 171.

козаковъ на свою сторону и заставить ихъ согласиться на этотъ договоръ, гетманъ сталъ распускать слухи, что будто бы московскій царь хочетъ ограничить число реестровыхъ козаковъ, а народъ обратить въ драгуны. И вотъ, склоняя всѣхъ на свою сторону всевозможными средствами, Выговскій прислалъ универсалъ и въ слободскій полкъ, въ которомъ приглашалъ слобожанъ стать на его сторону. Этотъ универсалъ былъ написанъ на имя Сумскаго полковника Кондратьева. Гетманъ просилъ снять съ универсала копію и разослать въ другіе полки—Харьковскій, Ахтырскій и Острогожскій; но онъ ошибся въ расчетъ своемъ: Кондратьевъ не поддался на тѣ обольстительныя предложенія, которыя дѣлалъ универсалъ за измѣну Москвѣ; онъ созвалъ раду, разорвалъ на глазахъ у полковой старшины универсалъ, сказалъ посланному, что Выговскій или глупъ отъ природы или одурѣлъ по смерти Богдана, что слобожане—не гетманцы и за безчестіе считаютъ равняться съ ними, послѣ ихъ измѣны царю и присягѣ, что они вѣрно и прежде служили Его Пресвѣтлому Царскому Величеству и всегда на томъ останутся. Посолъ былъ выгнанъ со стыдомъ ¹⁾).

Когда вѣсть объ измѣнѣ гетмана и о его приглашеніи пристать къ нему облетѣла Харьковскій полкъ, то харьковцы не только не поддались на увѣщанія Выговскаго, но даже многіе изъ нихъ добровольно и охотно пристали къ русскому войску Ромодановскаго, шедшему изъ Бѣлгорода противъ измѣнившаго гетмана, и „немилосердно грабили и разоряли малороссійскіе города и села“. Кромѣ напраснаго кровопролитія и разоренія многихъ городковъ, изъ этого ничего не вышло, Малороссія осталась по прежнему за Москвой; только царь послѣ этого сталъ подозрительно смотрѣть на малороссійскихъ козаковъ, не довѣряя имъ; поведеніе же слобожанъ, оставшихся вѣрными и даже помогавшихъ подавленію измѣны, еще болѣе расположило Алексѣя Михайловича къ черкасамъ, которые „памятуя Бога... служили со всякимъ усердствомъ безъ всякаго сомнѣнія... и совѣту и сыску съ ними не имѣли“.

Самъ Выговскій, видя свое дѣло проиграннымъ, ушелъ въ

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. каз. п., гл. II.

Польшу, гдѣ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Москвою, схваченъ польскимъ полковникомъ Маховскимъ, судимъ за измѣну и разстрѣлянъ въ Корсунѣ въ 1664 году ¹⁾.

Съ бѣгствомъ Выговскаго смуты въ Малороссіи не прекратились; его неудачи и печальный конецъ не научили Брюховецкаго быть вѣрнымъ Москвѣ. Избранный гетманомъ, благодаря запорожцамъ, Брюховецкій, простой слуга Хмельницкаго, въ благодарность за это окружилъ себя почти исключительно запорожцами и предоставилъ имъ всѣ высшія должности. Сѣчевики не замедлили возстановить противъ себя жителей своимъ распутствомъ и пьянствомъ. Первое время Брюховецкій былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ Москвою, ѣздилъ туда представляться царю, женился на русской боярынь Долгорукой, причемъ Алексѣй Михайловичъ самъ устраивалъ этотъ бракъ. Гетманъ получилъ титулъ стольника, былъ пожалованъ бояриномъ. Козакамъ очень не нравилось производство ихняго гетмана въ русскіе бояры; это какъ то отчуждало его отъ нихъ, и они уже стали смотрѣть на него, не какъ на своего брата козака. Полковникамъ-же, ѣздившимъ въ Москву съ гетманомъ и пожалованнымъ дворянами, не было проходу отъ насмѣшекъ, и они просто боялись показаться козакамъ на глаза.

Народъ былъ также недоволенъ своимъ гетманомъ; это неудовольствіе усилилось еще отъ того, что московскіе воеводы, жившіе по городамъ, позволяли себѣ мелкія несправедливости; малороссіяне, видя хорошія отношенія гетмана къ Москвѣ, думали, что Брюховецкій самъ покровительствуетъ этимъ чиновникамъ и дѣйствуетъ вообще съ ними за одно въ ущербъ своему народу. По андруссовскому договору (1667 г.), окончившему войну между Москвою и Польшею, этой послѣдней были уступлены земли, лежація по правую сторону Днѣпра; такимъ образомъ, Малороссія раздѣлилась на двѣ части—правобережную, отошедшую къ Польшѣ, и лѣвобережную, оставшуюся за Москвой; это раздѣленіе, естественно, еще болѣе посѣяло смуту между народомъ. Между тѣмъ Брюховецкій круто измѣнилъ Москвѣ и задумалъ отдѣлиться отъ

¹⁾ Ген. Лееръ. Энциклопедія воен. и мор. наукъ, п. II, стр. 343.

нея совершенно; онъ встрѣтилъ себѣ сочувствіе во многихъ полковникахъ. На созванной радѣ (1668 г.) было рѣшено перебить всѣхъ русскихъ воеводъ и чиновниковъ и отложиться отъ Москвы. Думая привлечь на свою сторону слободскіе полки, гетманъ прислалъ универсалъ, въ числѣ другихъ полковъ, харьковцамъ, въ которомъ ввѣдиль всевозможныя небывлицы на царя, говоря, что онъ „побратался съ ляхами, условился съ ними всѣхъ православныхъ на Украинѣ, Донѣ, Запорожьѣ и слободахъ съ ихъ дѣтьми истребить мечемъ, а другихъ загнать въ Сибирь, а земли козацкія обратить въ дикія поля и звѣриныя жилища“¹⁾. Харьковцы не сдались на подговоры Брюховецкаго, остались по прежнему вѣрными Москвѣ. Гетманъ послѣ того пытался силою принудить слобожанъ къ измѣнѣ и послалъ на нихъ шайки татаръ и веприцкихъ козаковъ, которыя и проникли въ область Харьковскаго полка.

Жившій въ это время въ Мерефѣ кошевой атаманъ, Ив. Сѣрко, непримиримый врагъ ляховъ и татаръ, громившій неоднократно послѣднихъ, забираясь въ самое ихъ гнѣздо—въ Крымъ, освободившій не одну тысячу христіанскихъ плѣнныхъ²⁾, отбивая ихъ обыкновенно у татаръ при возвращеніи ихъ съ набѣга, склонился на сторону измѣнниковъ. Своимъ авторитетомъ, которымъ пользовался между всѣми казаками, Сѣрко увлекъ къ бунту и черкасъ Зміева, Царевоборисова, Маяцка, Валокъ и на Торскихъ озерахъ. Возставшіе козаки начали съ того, что поубивали воеводъ и русскихъ служилыхъ людей, своими несполнѣ добросовѣстными и несправедливыми поступками возбудившихъ противъ себя ненависть черкасъ, разграбили въ означенныхъ городахъ огнестрѣльные припасы, а Зміевъ, Царевоборисовъ разорили и сожгли. Въ уѣздахъ Чугуевскомъ и Харьковскомъ бунтовщики эти произвели большія опустошенія, жгли села, деревни и хлѣбъ, жителей, отказывавшихся приставать къ нимъ, убивали или брали

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. II. Грамота 1668 жителямъ г. Салтова. См. приложение.

²⁾ Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., II, стр. 50.

въ плѣнъ, уподобляясь татарамъ ¹⁾). Мятежъ тотъ вспыхнулъ 4 марта 1668 года.

Черкасы-же полковаго г. Харькова, вся старшина и козаки, съ полковникомъ во главѣ, остались вѣрными своему долгу, что подтверждается письмомъ ²⁾ кн. Ромодановскаго, гдѣ тотъ воевода говоритъ, что харьковцы вѣрно служатъ великому государю, не пристають къ измѣнникамъ и „надъ ними промыслы чинятъ“. Въ томъ же письмѣ къ чугуевскому воеводѣ, онъ приказываетъ ему соединиться съ харьковскимъ воеводою Л. Сытинымъ „надъ измѣнниками промыслы и поиски чинить и въ полонъ имать и села и деревни жечь, сколько милосердый Богъ поможетъ“.

Въ Зміевѣ, послѣ его разоренія, остались неувезенными измѣнниками 7 пушекъ. Изъ Чугуева за ними былъ посланъ Александръ Марченко съ ратными людьми; но удалось имъ увезти съ собою только три пушки, ибо дорога по причинѣ весенней распутицы была очень плоха. Остальныя-же 4 пушки Марченко закопалъ въ землю, въ расчетѣ забрать ихъ послѣ ³⁾, что ему не удалось, ибо отрядъ харьковцевъ, подъ начальствомъ своего сотника Григорія Донца ⁴⁾, поспѣшилъ въ Зміевъ и увезъ съ собою въ Харьковъ эти желѣзныя пушки; изъ нихъ двѣ горѣли во время пожара въ городѣ и потому къ стрѣльбѣ не годились ⁵⁾.

Кошевой Сѣрко съ бунтовщиками 11 марта подходилъ къ самому полковому городу, схватилъ нѣсколько харьковцевъ; изъ крѣпости по нимъ стрѣляли, причемъ одну пушку разорвало ⁶⁾. Послѣ этого, перейдя въ двухъ верстахъ отъ города р. Уды, Сѣрко ушелъ дальше.

Между тѣмъ гетманъ Брюховецкій дорого заплатилъ за свою измѣну Москвѣ—онъ былъ убитъ козаками; но со смертию его смуты въ Малороссіи не прекратились. Гетманъ правобережной Украины—Дорошенко—стремился подчинить своей

¹⁾ Письмо Чуг. воев. къ бѣлгородскому (Пр. Филаретъ, Отд. IV, стр. 62).

²⁾ Пр. Филаретъ, Отд. II, стр. 52.

³⁾ Ibidem, отд. IV, стр. 191.

⁴⁾ Ibidem, отд. II, стр. 53.

⁵⁾ Описаніе г. Хар., состав. воев. В. Сухот., Харьк. Календарь 1885 г., 628.

⁶⁾ Пр. Филаретъ, Отд. II, стр. 52.

власти всю Малороссію (право и лѣво бережныя Украины). Ему сочувствовалъ и весь народъ, бывшій сильно озлобленъ за подобное раздѣленіе. Чтобы добиться своей завѣтной цѣли, Дорошенко вступилъ въ союзъ съ татарами и, по смерти Брюховецкаго, разослалъ воззванія къ бунту.

Бунтующія-же партіи козаковъ въ іюнѣ мѣсяцѣ снова появились въ области Харьковскаго полка, въ Печенѣгахъ, рассчитывая получить здѣсь подкрѣпленія и идти подъ Чугуевъ. Опасаясь этого, Чугуевскій воевода, обратился къ полковнику Репко, прося его о помощи. Вѣрный своему долгу, Репко съ полкомъ своимъ поспѣшилъ на помощь и 28 іюня явился въ Чугуевъ. Въ битвѣ подъ Чугуевомъ Репко нанесъ непріятелю поражение, и 30-го числа возвратился уже въ Харьковъ ¹⁾. Въ наказаніе за это гетманъ Дорошенко выслалъ противъ Харьковскаго полка отрядъ въ числѣ тысячи татаръ съ мурзами и двумя стами козаковъ Полтавскаго полка подъ начальствомъ Кульбицкаго. Отрядъ этотъ опустошилъ Мерефу, Васищево и Чугуевскія села ²⁾. Нападеніе это не было неожиданнымъ, такъ какъ полковникъ Репко былъ о томъ предупрежденъ. Онъ сталъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ непріятеля ³⁾ и предупредилъ Чугуевскаго воеводу. Волненія на этомъ не прекратились, и въ половинѣ октября того же года ночью вспыхнулъ мятежъ въ самомъ полковомъ городѣ; въ Харьковѣ измѣнники неожиданно напали на полковничій домъ, убили вѣрнаго царю полковника Репко и сотника Константина Оедорова; они стремились склонить на свою сторону и остальныхъ жителей Харькова, но это имъ не удалось,—харьковцы къ нимъ не пристали и заперлись въ крѣпости.

Въ ту же ночь харьковскій протопопъ Захарій Филимоновъ поспѣшилъ въ Чугуевъ, рассказалъ о случившемся воеводѣ и просилъ помощи.

Разсказъ этотъ мы почерпнули изъ письма бѣлгородскаго воеводы чугуевскому, въ которомъ онъ предписываетъ ему идти на выручку въ Харьковъ. Изъ него видно, что чугуевскій вое-

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

²⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 10.

³⁾ С. И. Кованько. Ист. стат. опис. г. Хар. Хар. Губ. Вѣд. 1859 г., № 8.

вода, основываясь на показаніи протопопа Филимонова и чугуевского вѣстовщика Раслабова, доносилъ, что въ Харьковѣ бунтовщиковъ было немного—человѣка 20 („Ивашка Кривошлыкъ да Степка и Тарасъ—человѣкъ съ двадцать“) ¹⁾.

Надо полагать, что бунтовщиковъ въ Харьковѣ было гораздо больше чѣмъ 20 человѣкъ, ибо трудно допустить, чтобы такая горсть людей могла силою проникнуть въ домъ полковника, несмотря на караулы, бывшіе повсюду въ городѣ и около дома полковника, гдѣ хранилась полковая хоругвь. Если-бы дѣйствительно ихъ было такъ мало, то нужно-ли было-бы остальнымъ жителямъ, непричастнымъ той измѣнѣ, запереться въ крѣпости, а протопопу обращаться за помощью въ Чугуевъ, когда имъ легко было и самимъ управиться съ такою ничтожною горстью людей, такъ какъ въ городѣ въ то время было 62 человѣка однихъ русскихъ служилыхъ людей, бывшихъ въ распоряженіи воеводы, да 1491 человѣкъ черкасъ ²⁾.

Этимъ и завершились волненія среди харьковцевъ. Правда, и этотъ случай нельзя особенно строго ставить въ укоръ полку, въ которомъ только нѣкоторые города (о которыхъ мы упоминали выше), да часть жителей полковаго города, по своему легкомыслію, поддавшись наговорамъ и соблазнительнымъ обѣщаніямъ, склонились на сторону измѣнниковъ. Винить ихъ тѣмъ болѣе трудно, что во главѣ измѣнившихъ харьковскихъ козаковъ стала такая личность, какъ Ив. Сѣрко, въ которомъ всѣ видѣли героя, заклятаго врага поляковъ и татаръ, громившаго неоднократно даже самый Крымъ. Къ тому-же личность эта занимала такой видный постъ, какъ кошевого атамана сѣчевиковъ, которыхъ козаки ставили себѣ обыкновенно въ идеаль и всегда подражали имъ: Сѣрко притомъ былъ до этого времени постоянно вѣренъ царю, а въ 1664 году даже остерегалъ его, говоря, что онъ Брюховецкому не вѣритъ, что съ нимъ соединиться поэтому не хочетъ, и безупречно велъ себя во время смутъ гетмановъ Выговскаго и Тетери. Можно-ли

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 246. Черезъ 2 года—въ 1670 г. населеніе возрасло до слѣд. цифръ: дѣтей боярскихъ 157, приказныхъ и полковыхъ козаковъ 256, черкасъ 2100. (Ibidem).

винить козаковъ, увлекшихся такою личностью! Трудно было бы требовать, чтобы слобожане сразу отрѣшились окончательно отъ той родственной связи, которая соединяла ихъ съ гетманщиною. Бунтовщики убивали московскихъ чиновниковъ и воеводъ, отъ которыхъ освободиться было очень соблазнительно и харьковцамъ, ибо они видѣли въ нихъ только своихъ притѣснителей и недоброжелателей.

— Это отлично понимала Москва и не только какими либо репрессивными мѣрами не высказала своего гнѣва, а, напротивъ, по окончаніи смуты, освободила полки отъ налоговъ и даровала другія льготы. Похвальная и увѣщательная грамота отъ 19 февраля 1668 г. была прислана царемъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому. О томъ, что эта грамота была пожалована и Харьковскому полку, говорятъ П. Головинскій и И. И. Срезневскій, причемъ послѣдній опирается на бывший у него въ рукахъ „экстрактъ о слободскихъ полкахъ“ — документъ официальнойнаго происхожденія; авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“, имя котораго остается неизвѣстнымъ, а также В. В. Гуровъ и Г. Квитка утверждаютъ тоже самое¹⁾. Одинъ только профессоръ Д. И. Багалъй высказываетъ сомнѣніе по этому поводу, говоря, что „она (грамота) не могла быть пожалована ему (полку), потому что харьковцы приняли участіе въ возмущеніи Брюховецкаго“²⁾. Сомнѣніе это возникло только отъ того, что подлинная грамота эта не найдена нигдѣ, имѣется только копія съ нея. Хотя, къ несчастью, небольшая часть жителей Харьковскаго полка и приняла участіе въ этомъ возмущеніи, но грамота эта все таки могла быть пожалована и Харьковскому полку, ибо дана она была 19 февраля 1668 г., между тѣмъ какъ волненія въ полку начались уже послѣ того числа: 4 марта вспыхнулъ мятежъ въ Зміевѣ, Царево-Борисовѣ и др.; 11 марта непріатели подступили къ Харькову; 6 марта было послано письмо кн. Ромодановскаго о вѣрности харьковскихъ

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., стр. 86. И. И. Срезневскій. Ист. об., стр. 9, Топогр. опис. Хар. нам., 29; В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 100. Квитка. О сл. пол. Современникъ 1840 г., т. XVII, стр. 75.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 448

черкасъ государю ¹⁾. Все это, случившееся послѣ пожалованія грамоты, не могло препятствовать тому, чтобы она могла быть выдана и Харьковскому полку въ числѣ другихъ, о чемъ согласно говорятъ вышеприведенные писатели.

Всѣ слободскіе полки, не получая отъ Московскаго правительства равно никакого содержанія, до 1665 г. за то и не несли никакихъ налоговъ, но въ этомъ году Бѣлгородскій разрядъ, въ вѣдѣніи котораго состояли въ это время слободскіе полки, обложилъ оброчными деньгами таможи, шинки, мосты и др. Въ Харьковскомъ полку, впрочемъ, подобными пошлинами былъ обложенъ только одинъ городъ Харьковъ. Эти налоги слобожане встрѣтили очень недружелюбно и вносили ихъ крайне туго, что видно изъ того, что изъ числа 10,458 руб. 50 к., подлежащихъ уплатѣ за время съ 1665 г. по 1669 г., были уплачены только 3,120 руб.; за харьковскимъ полкомъ числилось 2,226 руб. 50 коп. Слобожане Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ, видя къ себѣ милостивое расположеніе московскаго царя, обратились къ нему съ просьбою отмѣнить эти пошлыны. Въ отвѣтъ на это прошеніе, Харьковскому полку, на имя полковника Григорія Донца, была пожалована царская грамота отъ 5 мая 7177 (1669) года, которою давались разныя льготы за „прежнія и нынѣшнія службы и за разоренія“, понесенныя полкомъ во время смутъ Брюховецкаго, и за „осадное сидѣніе“ этою грамотою козаки; освобождались отъ платежа налоговъ на винные и пивные котлы и шинки, а такъ-же прощались имъ недоимки за прошлые годы въ количествѣ 2,226 руб. 50 коп. и тѣ, которыя были уже взяты—849 руб.—возвращались обратно ²⁾. Пожалованіе этой милостивой грамоты, послѣ происшедшихъ въ полку безпорядковъ, служить также доказательствомъ, что царь не гнѣвался на Харьковскій полкъ, бѣльшимъ своимъ составомъ оставшійся ему вѣрнымъ.

Этою грамотою, стало быть, возвращались полку тѣ льготы, которыми онъ пользовался до 1665 года. Особенно пришлось по сердцу харьковцамъ свободное винокуреніе и продажа

¹⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 9.

²⁾ Грамота 1669 г. Пол. соб. зак., I, № 449.

вина. Такъ какъ привилегія свободнаго винокурения на великорусское населеніе не простиралась, то харьковцы получали отъ этого большія выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ слободскимъ полкамъ быть въ вѣдѣніи Московскаго Посольскаго приказа, чѣмъ царь показывалъ свое благоволеніе и милость ¹⁾.

Бунтъ Стеньки Разина также не прошелъ вполне благополучно для полка — въ Чугуевѣ, Царевоборисовѣ, Балаклеѣ и Мерефѣ происходило волненіе, но скоро оно было подавлено; въ Острогожскомъ-же полку даже самъ полковникъ Дзинковскій увлекся воззваніями и планами Стеньки, за что и былъ казненъ ²⁾.

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. II.

²⁾ Ibidem.

ГЛАВА V.

Избрание Харьковским полковникомъ Григорія Ерофеевича Донца.—Проведение оборонительнаго вала отъ г. Царево-борисова до г. Коломака и продолженіе перекопскаго вала.—Обязанности пограничныхъ козаковъ.—Постройка Изюмской крѣпости.—„Вѣдѣніе“ 1726 г.—Царская грамота 1682 г.—Льготы изюмцамъ.—Царскія грамоты 1682 и 1684 гг.—Выдѣленіе особаго Изюмскаго слободскаго казачьяго полка.—Первый Изюмскій полковникъ; царская ему грамота 1685 г.—Отдѣленіе мѣстечекъ и городовъ отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому. Постройка Куряжскаго Преображенскаго монастыря.—Роль монастырей въ колонизаціи края.—Образецъ полковничьяго универсала.

Послѣ смерти вѣрнаго Московскому правительству полковника Ѳедора Репки, на радѣ въ Харьковѣ полковникомъ Харьковскаго полка былъ выбранъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій — „въ воинствѣ, въ побожности мужъ зело избраннѣй“¹⁾, происходившій изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ-за Днѣпра; между слобожанами онъ прославился своими подвигами, давшими ему прозваніе Донца, такъ какъ на этой рѣкѣ билъ онъ часто татаръ. Григорій Ерофеевичъ былъ извѣстенъ не только какъ опытный и храбрый воинъ, но также какъ дѣятельный администраторъ и строитель многихъ укрѣпленій. Онъ провелъ валъ, тянувшійся отъ г. Царевоборисова по рр. Дону и Мжѣ до г. Коломака. Началась эта постройка немного ранѣе 1680 г. и вызвана была частыми нападеніями татаръ. Весь этотъ валъ на протяженіи около 200 верстъ былъ построенъ безъ всякой посторонней помощи Гр.Ер. Донцомъ и козаками Харьковскаго полка; даже русскихъ служилыхъ людей не было на этой работѣ²⁾. Кромѣ этого вала Григорій Ерофеевичъ продолжилъ еще бывшій уже перекопскій валъ, но къ 7-ми верстамъ онъ прибавилъ еще цѣлыхъ 100 верстъ³⁾.

¹⁾ Изъ эпитафіона, писан. въ 1786 г. Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 57, прим. 35.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 487.

³⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

Козаки городовъ, лежащихъ по вновь построенной чертѣ, должны были спеціально заниматься сторожевой и станичной службой, слѣдить за движеніями татаръ. Постройкой этой черты и заселеніемъ Изюма, какъ увидимъ ниже, Григорій Ерофеевичъ нѣсколько обезопасилъ отъ татарскихъ нападеній свой Харьковскій полкъ, который отчасти пересталъ, такимъ образомъ, быть уже пограничнымъ; жители его теперь могли болѣе спокойно предаваться своимъ занятіямъ, почему въ Харьковѣ сторожевая служба сдѣлалась болѣе легкой, и число станичниковъ и сторожей въ городахъ поэтому уменьшилось. Главною же заслугою Донца, какъ строителя, была постройка укрѣпленнаго г. Изюма, въ мѣстности болѣе всего подверженной нападеніямъ татаръ. Городъ этотъ впослѣдствіи сталъ центромъ возникшаго 5-го слободскаго козачьяго полка. Вновь построенный городъ былъ очень хорошо укрѣпленъ,—онъ состоялъ изъ большого и малаго города, лежалъ на возвышенности, на самомъ берегу р. Донца въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ р. Изюмець съ лѣвой стороны.

Въ „вѣдѣніи“, присланномъ 31 іюня 1726 г. изъ полковой Изюмской канцеляріи объ Изюмскомъ слободскомъ полкѣ говорится: „г. Изюмъ и прочіе того полку мѣстечки и села набраны изъ-за Днѣпра и г. Корсуня и изъ прочихъ разоренныхъ тамошнихъ заднѣпровскихъ мѣстъ, и изъ Малой Россіи, и изъ Слободскихъ полковъ Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго малороссійскими служилыми черкасами, въ прошлыхъ давнихъ годахъ. А населенъ оный Изюмскій полкъ и устроенъ крѣпостями за старою бѣлгородскою чертою, отъ Крымской и Нагайской стороны, въ дикихъ степяхъ надъ рр. Сѣверскимъ Донцомъ и Осколомъ на татарскихъ бродахъ и перелазахъ въ прошломъ сто восемьдесятъ девятомъ году“¹⁾. Уѣзжая изъ Харькова на постройку изюмской крѣпости, полковникъ Донецъ взялъ съ собою для работы 500 харьковскихъ козаковъ; 1000 шли за нимъ, кромѣ того велъ еще съ собою козаковъ и сынъ его Константинъ²⁾. Построенъ городъ, значитъ, былъ въ 1681 г., въ слѣдующемъ же 1682 г. Григорій Ерофеевичъ

¹⁾ В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 594—595.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 534.

Донецъ получилъ отъ Московскаго царя грамоту, которая разрѣшила ему, согласно его „челобитью“, жить въ новопостроенномъ г. Изюмѣ, заселить какъ его, такъ и смежныя съ нимъ мѣста—Спѣваковку и Пришибъ, призывая съ тою цѣлью козаковъ своего и другихъ слободскихъ полковъ „неслужилыхъ черкасѣ“¹⁾. Грамота опредѣляла льготы новымъ переселенцамъ на 10 и на 15 лѣтъ, смотря по ихъ достаткамъ; они могли вести беспошлинную торговлю во всѣхъ городахъ, держать шинки, податей и оброковъ никакихъ не платить и „дальней полковой службы не нести“ и т. д. Григорій Ерофеевичъ, хотя и жилъ теперь въ г. Изюмѣ, но по прежнему оставался въ званіи Харьковскаго полковника; въ Харьковѣ-же жилъ сынъ его Константинъ и сталъ называться Харьковскимъ полковникомъ²⁾.

19 февраля 1684 г., въ царствованіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, полковникъ Донецъ получилъ вторую грамоту, въ которой подтверждались льготы, данныя грамотою 1682 г., и, между прочимъ, говорилось, что „пашенныя земли пахать и всякими угодьями владѣть по отводу генерала нашего и воеводы Гр. Ив. Косогова, а про межъ собою по раздѣлу по ихъ черкасскимъ обыкностямъ“ и, что составляетъ особенность, не бывшую въ другихъ полкахъ, „а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣхъ городѣхъ въ тѣ льготные годы у нихъ не быть, а вѣдать ихъ тебѣ и полку твоего урядникамъ; и въ тѣ-же льготные годы въ тѣхъ городѣхъ торговать имъ черкасы всякими товарами беспошлино“... и т. д.³⁾.

Такимъ образомъ Григорій Ерофеевичъ дѣлался полнымъ хозяиномъ во вновь заселенной мѣстности, не будучи стѣсненъ ни воеводами, ни другими русскими чиновниками. Подобнаго довѣрія онъ, конечно, вполне заслуживалъ, ибо все это было созданіе его рукъ; правительство было ему благодарно къ тому-же за устройство новой оборонительной линіи по Донцу.

Особый Слободскій Изюмскій полкъ выдѣлился въ 1685 г.⁴⁾.

1) Грамота 1682 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

2) Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 180.

3) Грамота 1684 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

4) Д. И. Багалъй. Очерки, 535. Грамота 1685 г. Филаретъ. Ист. стат. опис. Хар. епархія, V, стр. 8.

Авторъ исторіи Изюмскаго полка—Г. Гербель, стремится доказать, что полкъ этотъ возникъ не позже, какъ было на самомъ дѣлѣ, а, наоборотъ, ранѣе другихъ Слободскихъ полковъ, и, значитъ, ранѣе своего родителя—Харьковскаго полка. На страницѣ третьей¹⁾ своего сочиненія онъ говоритъ: „во всякомъ случаѣ, по времени поселенія Изюмскій полкъ, за исключеніемъ Рыбинскаго (нынѣ несуществующаго), *безспорно* есть самый старый полкъ изъ всѣхъ слободскихъ полковъ, что свидѣлствуютъ Коннискій, Маркевичъ и др.“

Въ доказательство своего „безспорно“ онъ приводитъ слѣдующіе источники: „Исторія Русовъ“ (неправильно приписываемую могилевскому епископу, этотъ памфлетъ, „такъ долго вводившій въ заблужденіе многихъ историковъ“), и „Исторію Малороссіи“ Маркевича; этотъ послѣдній источникъ не сообщаетъ намъ ничего новаго, ибо буквально, слово въ слово, перепечатывается, безъ указанія откуда взято, 104 страницу изъ „Исторіи Руссовъ“²⁾, чего авторъ исторіи Изюмскаго полка, вѣроятно не замѣтилъ. Остается пожалѣть, что авторъ не указалъ, какіе это именно „и др.“ источники, кромѣ названныхъ имъ двухъ, онъ имѣлъ въ виду.

Первымъ полковникомъ Изюмскаго полка былъ Константинъ Григорьевичъ Донецъ - Захаржевскій, дѣятельно помогавшій отцу своему строить крѣпость Изюмъ и заселять область новаго полка. При назначеніи своемъ полковникомъ Конст. Гр. Донецъ получилъ царскую грамоту (отъ 31 ген. 1685 г.), въ которой говорится, что онъ, „харьковскій наказной полковникъ, за многія службы его отца“ назначается полковникомъ вновь образованнаго Изюмскаго полка, но назначается не вполнѣ самостоятельно, а „съ отцомъ его, Григоріемъ, вмѣстѣ“. Царь внушалъ новому полковнику служить вѣрно, „такъ-же, какъ и отецъ его, Григорій, котораго слушаться приказывалось во всемъ“³⁾. Полковникъ Конст. Донецъ былъ раненъ въ сраженіи и умеръ въ 1692 г. По этой грамотѣ 1685 года отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому были отдѣлены слѣдующіе

1) Н. Гербель. Изюм. Слоб. коз. полкъ. С.-Пб. 52 г., стр. 3.

2) Г. Коннискій. Ист. Руссовъ или Малой Россіи. Моск. 46 г., стр. 104.

3) Грамота 1685 г. Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 18.

мѣстечки и городки: Изюмъ, Острогожскъ, Двурѣчное, Новый Перекопъ, Балаклея, Андреевы лозы, Бишкинъ, Лиманъ, Савинцы, Царевоборисовъ, Сеньковъ, Купецкій и Каменка ¹⁾ и, кромѣ того, вѣроятно, были отдѣлены позднѣе еще слѣд.: Печенѣги, Махначъ, Зміевъ, Спѣваковка, Купенка и Торъ ²⁾ (нынѣ Славянскъ).

Дѣятельность Григорія Ерофеевича не ограничивалась постройкою однихъ укрѣплений,—онъ заботился такъ-же объ увеличеніи числа храмовъ Божіихъ: такъ былъ основанъ имъ, съ помощью нѣкоторыхъ старшинъ полка, въ 1663 г., въ 8-ми верстахъ отъ Харькова, Куряжскій Преображенскій монастырь, существующій и понынѣ. Для устройства монастыря были вызваны изъ Святогорской обители архимандритъ Іоиль съ братіей,—онъ и былъ первымъ настоятелемъ вновь созданнаго монастыря.

Свое названіе Куряжскій монастырь получилъ по фамиліи нѣкоего Алексѣя Куряжскаго, пасѣка котораго стояла на томъ мѣстѣ; оно было у него куплено Бѣлашемъ Тенетевскимъ за 150 грошей. Этотъ послѣдній продалъ его полковнику Донцу подъ монастырь за 200 злотыхъ и въ придачу получилъ еще мельницу на р. Харьковѣ ³⁾. Первое время монастырь существовалъ на пожертвованія, которыя дѣлалъ Григорій Ерофеевичъ и его преемники. Монастырю были отведены земли и угодья. Мѣсто для постройки было выбрано очень удачно по своему живописному положенію. Въ дѣлѣ заселенія края и развитія его культуры монастыри играли видную роль: владѣя большими землями и угодьями, монастыри не имѣли возможности обрабатывать все это руками одной братіи, поэтому они старались зазывать крестьянъ, селя ихъ на своей землѣ. Хозяйство, веденное въ большихъ

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 18.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 535. Г. Квитка. О слоб. пол. Совр. 40 г., т. XVII, стр. 66; Грамота 1685 г. Пр. Филаретъ. Отд. V, 18.

Примѣчаніе. На мѣстѣ г. Тора, какъ думаютъ, въ древности было поселеніе торковъ, степного народа, обитавшаго въ этихъ мѣстахъ. Въ росписаніи сторожей 1571 года упоминается одна сторожа, стоявшая на р. С. Донцѣ противъ р. Торцы, гдѣ былъ построенъ послѣ городъ.

³⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 55.

размѣрахъ, служило образцомъ для населенія, тѣмъ болѣе, что монастырь не ограничивался веденіемъ только хлѣбопашества, скотоводства и пчеловодства—монахи выдѣлывали себѣ сами все то, въ чемъ нуждались въ своей домашней жизни. Татарскія нападенія, отъ которыхъ монастыри также не были избавлены, заставляли укрѣплять ихъ, имѣть свои пушки и держать ратныхъ людей.

Для примѣра того языка, которымъ писали жители слободской Украйны, а такъ-же какъ образецъ полковничьяго универсала, помѣщаемъ здѣсь документъ 1678 г., которымъ люботинская мельница назначалась Куряжскому монастырю. Къ тому-же этотъ документъ рисуеть одинъ эпизодъ изъ жизни полка.

„Великодержавнаго Благочестиваго Царя и Вел. Кн. Алексѣя Мих., всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, я, полковникъ Григорій Ерофѣевичъ Донецъ, вѣстно чиню всѣмъ, о семъ комуколько будетъ вѣдать въ полку нашемъ Харьковскомъ, же застаючи я на полковничествѣ Харьковскомъ по указу Царя Вел. Алексѣя Мих., всея Россіи сам., яко дано мнѣ вѣдать о всемъ въ полку Харьковскомъ, свѣдалъ: которое то дѣло прилучилось неподобное еще за полковника Ѳедора Рѣпки въ полку нашемъ Харьковскомъ убійственны же Левко Жигалка да Омелянъ мельники, жители Гавриловскіе, позабивали изъ Бѣлгорода служивыхъ дѣтей боярскихъ, идучихъ изъ службы изъ-подъ Валокъ котораго-то забойцу одного поймавши, Левку Жигалку мельника, полковникъ Ѳедоръ Рѣпка казалъ разстрѣлять въ г. Харьковѣ; а Омелянъ мельникъ убѣждалъ, гдѣ онъ зналъ. Которыхъ то грунта отъ того часу въ запустеніи zostавали. Когда-же, по Указу Его Цар. Вел., Алексѣя Мих., всея Россіи самод., мнѣ, Григорію Ерофѣевичу, дано полковничество Харьковского полку, я узнавши извѣстно отъ людей о тѣхъ грунтахъ и займѣ на млынѣ по рѣчцѣ Люботинцѣ, приняемся къ тому, яко приналѣжно старшимъ вѣдать о всемъ, въ чемъ намѣреніе мое исполняючи, Всемилостивому Спасу и Св. Великомученику Георгію завѣвши я монастырь на своемъ грунтѣ, иже подъ Куряжемъ, подли шляху zostаетъ, прида-

ленъ и оный грунтъ Омеляновъ мельниковъ забойцовъ до монастыря своего харьковского Преображенскаго за всѣми принадлежностями, съ землею и зъ сѣнными покосами, которые внизъ рѣчки Люботинки до Удѣ остаются, тымъ бокомъ рѣчки горою и симъ бокомъ внизъ Удами на долину, по два дуба на горѣ пахатнаго поля, который то грунтъ знаючи сполна кумъ мой Логвинъ, сотникъ Люботинскій, да Григорій Капустянскій, житель тожъ Люботинскій, и Степанъ Ушкало, писарь тожъ Люботинскій, которые-то заводцами (свидѣтелями) были съ товариствомъ многимъ козацкимъ села Люботинскаго, а за мною Полковникомъ Харьковскимъ, Григоріемъ Донцомъ, изъ г. Харькова судья Тимофей Ключко, да Алексѣй Рудій, братчикъ Рождества Христова, да Лонгвинъ Крамарь, жители Харьковскіе, совокупно со мною бывши подъ р. Люботинкою оные всѣ мнѣ показывали грунта и займу на млинъ Омеляна мельника забойцы которіе-то грунта отъ заводцевъ вышеписанныхъ я узнавши истотне, принялся оныхъ и давши достатокъ своего скарбу, вручилъ Лонгвину Ѳедоровичу, жителю Харьковскому, вкладчику со мною монастыря Харьковскаго, жебы греблю засыпавъ и млинъ збудувалъ на оной греблѣ, на р. Люботинцѣ внизъ на грунтъ Омеляновомъ мельника, жителя гавриловскаго. Который взявши скарбъ отъ меня Лонгвинъ Ѳедоровичъ и познавъ мѣрошника Лаврина Кубру на оное дѣло всѣмъ моимъ достаткомъ построилъ мельницу и греблю на р. Люботинѣ и то построивши все совершенно належитое въ млинъ и потомъ вручилисмо Герману, архимандриту монастыря нашего Харьковскаго, съ братією его. Кабы въ тѣ всѣ грунта никто не важилъ втругатися отъ жадныхъ пріятелей моихъ ближнихъ и дальнихъ, жаднымъ способомъ кривды и перешкоды чинить сурово симъ письмомъ нашимъ вручаемъ и приказуемъ и для крѣпости во всемъ на оный грунтъ сей поступной листъ за подписомъ руки и печати нашей притѣсненной далисмо въ монастырь нашъ чернецамъ, иже надъ Куряжею живутъ. Писанъ въ Харьковѣ при заводцахъ вышеписанныхъ, року отъ Рожд. Христ. 1678 авг.

17 дня¹⁾. На подлинномъ по польски: „Григорій Ерофеевичъ Донецъ и полковникъ Харьковскій рукою властною“. За всѣ дѣла свои и преданность Москвѣ Григорій Ерофеевичъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ царей; въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей онъ былъ пожалованъ званіемъ стольника²⁾, почему въ универсалахъ и другихъ бумагахъ именовался: „стольникъ и полковникъ“.

1) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

2) Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 23.

ГЛАВА VI.

Татарскія нападенія, характеръ ихъ.—Выносливость татарскихъ лошадей.—Время набѣговъ.—Переправа чрезъ рѣки.—Численность лошадей.—Средства замѣтыванія слѣдовъ и скрятія истиннаго числа нападающихъ.—Отсѣживание жителей въ укрѣпленныхъ мѣстахъ.—Численность татаръ при набѣгахъ на Украйну.—Внезапность нападеній.—Одиночныя нападенія.—Убытки, приносимые татарами краю.—Плѣнные.—Судьба ихъ.—Обращеніе съ ними.—Освобожденіе плѣнныхъ, выкупъ, отбиваніе.—Плачь невольниковъ.—Невольничьи рынки.—„Половянничьи сборы“.—Распространеніе тревоги, майки.—Погоня за грабителями.—Клады.—Услуга, оказанная Гр. Ер. Донцомъ Харьковскому полку.—Перечисленіе татарскихъ набѣговъ на Харьковскій полкъ.—Битвы Харьковцевъ съ ними.—Убытки.

Со времени поселенія черкасъ въ новыхъ мѣстахъ, какъ мы уже о томъ говорили, они безпрестанно подвергались нападеніямъ татаръ; а когда этихъ нападеній не было, то надъ ними тяготѣлъ постоянный страхъ предъ ними, не позволявшій имъ заниматься мирными трудами; страхъ заставлявшій ихъ всю силу и энергію тратить на укрѣпленія своихъ городовъ и несеніе трудной сторожевой службы. Ко времени управленія полкомъ Григорія Ерофеевича относится цѣлый рядъ такихъ нападеній, между которыми нѣкоторыя были очень опустошительны.

Степные хищники-татары были очень искусны въ дѣлѣ внезапныхъ набѣговъ, въ веденіи партизанской войны; будучи мастерами такого рода, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были трусливы въ открытомъ полѣ. Когда слобожане бывали во время извѣщены о появленіи непріятеля и успѣвали выйти ему навстрѣчу, то этотъ врагъ уже дѣлался не страшенъ; его часто били, если только онъ не уклонялся отъ боя, а татарамъ дѣлать это было легко на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ. Если они видѣли, что появленіе ихъ въ мѣстности открыто и жители готовы дать имъ отпоръ,

они улетали въ степь, разсѣивались по ней въ разныя стороны и дѣлались поэтому неуловимы; догнать-же татарина въ степи было трудно—кони ихъ были быстрѣе малороссійскихъ и очень выносливы: проскакать для татарской лошади 75 верстъ не представляло особенной трудности. Къ тому-же, татаринъ, отправляясь въ походъ, бралъ съ собою двѣ, даже три лошади, которыхъ велъ въ заводу какъ для того, чтобы навьючивать на нихъ награбленную добычу, такъ и для того, чтобы имѣть подъ рукою свѣжую, неистомленную тяжестью всадника лошадь, когда пришлось-бы уходить отъ преслѣдованія; на всемъ скаку перескакивалъ татаринъ на другую съ измученной, которая, будучи къ тому приучена, послѣ этого сама перебѣгала на правую сторону, чтобы, когда прійдетъ ея очередь, хозяину было-бы удобнѣе снова на нее перескочить. Ковали лошадей своихъ татары на бычачій рогъ, прикрѣпляя его къ копыту кожею, что конечно, было не прочно. Татары избѣгали дѣлать свои нападенія во время безснѣжныхъ зимъ и гололедицы, когда ихъ лошади скользили; хотя рядомъ съ этимъ излюбленнымъ временемъ года для набѣговъ была зима,—тогда замерзали рѣки, болота, и ничто уже не могло удерживать татаръ. Выступая въ походъ, по большей части въ началѣ января, они рассчитывали время такъ, чтобы къ началу весенняго разлива поспѣть домой. Но и въ лѣтнее время рѣки, даже такія широкія, какъ Днѣпръ, не служили такою уже для татарина преградой, надъ которою бы онъ особенно задумался. Путешествуя всегда налегкѣ, безъ обоза, они легко переправлялись чрезъ рѣки, устраивая для этой цѣли родъ небольшого плота изъ палокъ и рѣчного камыша, который находили вездѣ по берегамъ рѣкъ. На устроенный, такимъ образомъ, плотъ они клали свое платье, сѣдла и оружіе, привязывали его къ хвосту лошади и рядомъ съ нею переплывали чрезъ рѣку, гребя только одною рукою, а другою направляя лошадь. Если рѣки и могли служить препятствіемъ для татаръ, то при обратномъ ихъ шествіи, когда награбленную добычу и плѣнныхъ нельзя было переправлять на такихъ утлыхъ плотахъ. Вслѣдствіе обыкновенія брать по нѣсколько лошадей на каж-

даго всадника, численность орды всегда почти казалась вдвое, втрое многочисленнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—„не такъ часты бывають деревья въ лѣсу, какъ конница татарская, выступившая въ поле. Ее можно уподобить нѣкоторому облаку, на горизонтѣ плывущему и, по мѣрѣ приближенія своего, распространяющемуся“. При нападеніяхъ лѣтомъ, когда высокая трава въ степи легко могла-бы обнаружить козакамъ численность орды, татары, желая скрыть это, прибѣгали къ слѣдующей хитрости, возможной только при обширности тѣхъ степей, которыя служили ареною ихъ разбойничьей дѣятельности: не доходя 20—30 миль до границы, орда дѣлилась на четыре равныя части, и эти отдѣлившіеся отряды отходили въ четыре противоположныя стороны—впередъ, назадъ, вправо и влѣво—мили на полторы отъ мѣста отдѣленія, гдѣ, раздѣлясь опять на три равныя части, снова раздѣзжались въ три стороны—впередъ, вправо и влѣво; каждая часть, отойдя на нѣкоторое разстояніе, дѣлилась въ свою очередь опять на три отряда. Такимъ образомъ, если первоначально партія состояла изъ 400 человѣкъ, то при послѣднемъ дѣленіи являлась уже человѣкъ въ 11. Прямая трава отъ такого, сравнительно небольшого, числа лошадиныхъ ногъ чрезъ нѣкоторое время поднималась снова, и всякій слѣдъ прохода въ этомъ мѣстѣ татаръ исчезалъ. Другая выгода такого маневра состояла въ томъ, что сторожа, высланные въ степь для наблюденія, наткнувшись на немногочисленную партію непріятеля, о ней только и давали знать, что и вводило слобожанъ и воеводъ часто въ заблужденіе. А татары, между тѣмъ, продѣлавъ этотъ маневръ на крупной рыси не болѣе какъ въ 1¹/₂ часа, сходились въ условленномъ заранѣе мѣстѣ и дѣлали нападенія въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ ихъ предполагали встрѣтить ¹⁾. Если же Крымцамъ приходилось иногда вступать въ сраженіе въ открытомъ полѣ, то тогда они прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы поставить непріятеля въ худшія условія; они старались нападать такъ, чтобы вѣтеръ и солнце были

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., гл. XIX, часть I, написанная по Боплану.

въ глаза врагу. Грудью, такъ сказать, они не бились,—а, подскакавъ къ непріятелю, пускали въ него тучи стрѣлъ чрезъ лѣвое плечо, стрѣляя шаговъ съ 60—100; сдѣлавъ это, они убѣгали опять, разсѣивались по степи; соединясь снова, кружились около непріятеля; стрѣляли же татары изъ лука очень мѣтко. Стрѣлы свои они носили въ колчанахъ, гдѣ помѣщалось ихъ около 20, за спиною. Татары не любили нападать и на укрѣпленные пункты, такъ что жители легко могли отсиживаться отъ нихъ; но такое отсиживание конечно, дорого стоило имъ. При извѣстїи о появленіи татаръ, жители сель и хуторовъ должны были, забирая съ собою свое имущество и скотъ, спѣшить подъ защиту городскихъ укрѣпленій; если-же это случалось во время жатвы, то имъ приходилось бросать всѣ полевые работы; когда-же тревожное время продолжалось долго, то хлѣбъ такъ и оставался неубраннымъ, высыпался, а тѣ, которые положили не мало труда, чтобы его посѣять, оставались на зиму безъ своего хлѣба, имъ приходилось его покупать. (Выше мы уже приводили въ примѣръ этому челобиты Савинскихъ жителей и письмо протоіерея г. Балаклеи). Татары-же, между тѣмъ какъ черкасы отсиживались въ городахъ, хозяйничали по окрестностямъ и немилосердно жгли деревни и хутора. Татарамъ часто удавалось незамѣтно пробираться въ край, обреченный ими огню и мечу; когда имъ случалось захватить въ степи сторожей ¹⁾, то некому уже было давать знать объ ихъ появленіи. Подобравшись къ валу, они прокапывали его и прорубливали топорами сдѣланныя на немъ засѣки.

Численность силъ при нападеніи бывала различна; иногда самъ ханъ крымскій предпринималъ походъ, тогда съ нимъ шла многочисленная орда; таковы были, напр., нападенія 1680 и 1693 гг. ²⁾; но чаще набѣги предпринимались сравни-

¹⁾ Сторожама, разѣзжавшимъ по степи для наблюденія за движеніями татаръ и для предупрежденія нечаяннаго ихъ нападенія на черкасскія слободы, полагалась особая плата. Въ росписаніи сборовъ съ полка за 1726 годъ на жалованье сторожамъ выведено въ расходъ 128 руб.—сумма очень небольшая, если взять во вниманіе немалое число постовъ, а также трудность и отвѣтственность самой службы. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 462; Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 26.

тельно небольшими шайками, численность которых доходила до нѣсколькихъ тысячъ и даже нѣсколькихъ сотенъ человекъ. Пробравшись къ селамъ, на которыя намѣревались напасть, татары раздѣлялись на двѣ половины,—одна оставалась на мѣстѣ, становилась кошемъ и служила какъ-бы резервомъ другой половины, которая грабила окрестности. Весь залогъ своихъ успѣховъ татары полагали во внезапности своихъ нападеній; чтобы дать понятіе о такой внезапности, приведемъ въ примѣръ нападеніе татаръ на г. Изюмъ, который, какъ полковой, долженъ былъ, казалось-бы, хорошо охраняться и, тѣмъ не менѣе, въ 1690 г. татары среди бѣла дня ворвались въ городъ для грабежа, когда жители выходили изъ церкви ¹⁾).

Кромѣ нападенія цѣлою ордою, подъ предводительствомъ хана, кромѣ нападеній небольшими партіями, татары постоянно рыскали по Украинѣ и небольшимъ числомъ, въ нѣсколько десятковъ, въ нѣсколько человекъ, а то просто даже въ одиночку охотились на жителей, какъ на какихъ либо звѣрей, подстерегая ихъ по дорогамъ. Время для своихъ нападеній они выбирали, когда полчане уходили куда либо въ походъ, а что дѣлалось у слобожанъ, татарамъ хорошо было извѣстно. Дерзость этихъ охотниковъ на людей иногда доходила до того, что они днемъ, незамѣтно подкравшись къ селенію или городу, хватали неосторожно вышедшихъ оттуда жителей. Вотъ очень характерный примѣръ этого: „козакъ Игнатъ Сѣренко увидѣлъ на другой сторонѣ рѣки татарина, который увозилъ его жену, рѣшилъ пустить вслѣдъ за нимъ пулю изъ своей „ручницы“. Но къ большому счастью жена живая свалилась на землю. Застрѣленъ былъ наповалъ только похититель, а борзый конь достался въ добычу“ ²⁾).

Цѣль всѣхъ этихъ татарскихъ нападеній были грабежъ и плѣнные (яссиръ). Крымъ былъ чисто разбойничье гнѣздо, откуда время отъ времени вылетали дикіе хищники для своей обычной работы. Татары выжигали цѣлыя села; жителей убивали и уводили въ плѣнъ, сколько были въ состояніи захва-

1) Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 462; Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 26.

2) В. Каразинъ. Взглядъ на Укр. стар., Молодикъ 1844 г., стр. 36.

тить; угоняли съ собою также „конскія и животинскія стада“; послѣ этихъ варваровъ оставались только трупы да сожженные деревни. О вредѣ, приносимомъ татарами, можно судить изъ слѣдующихъ цыфръ: въ набѣгѣ 1680 г. въ Харьковскомъ полку (кромѣ того, что въ Золочевѣ) „всего было захвачено въ плѣнъ 215 чел., уведено 11,299 штукъ скота, сожжено 11 дворовъ и 8 хуторовъ и, наконецъ, пограблено и сожжено много хлѣба въ зернѣ и копнахъ“¹⁾.

Плѣнниковъ, уводимыхъ татарами, ждала горькая судьба. Молодые дѣвушки и женщины, которыхъ татары особенно охотно забирали, поступали къ нимъ въ наложницы, или изъ Крыма разсылались по разнымъ невольничьимъ рынкамъ; мужчины-же и некрасивыя женщины должны были нести ручныя тяжелыя работы; вся прислуга въ Крыму была изъ невольниковъ, съ ними обходились очень жестоко, клеймили лобъ и щеки. Сильныхъ-же мужчинъ и женщинъ ждала особенно горькая судьба—ихъ засаживали на турецкія галеры и обращали въ машины, — они должны были, сидя прикованными на мѣстѣ у веселъ, работать ими день и ночь. Турки себѣ преспокойно спали, а „бѣдны невольники“ съ правильностью парового винта принуждены были дѣлать свое дѣло, неся по морю тирановъ часто въ битву противъ своихъ-же братьевъ; машину, для легкости хода смазываютъ масломъ, а тѣхъ несчастныхъ людей для поощренія били по спинѣ прутьями, которые были извѣстны у нихъ подъ именемъ „червоной таволги“. Для большаго удобства производить эту экзекуцію спины козаковъ—невольниковъ постоянно до пояса бывали обнажены. Молчаливо, съ глубоко затаенною въ сердцѣ ненавистью, сносили все это бѣдныя жертвы варварскаго вѣка и религіознаго фанатизма; праздника для нихъ никогда не было, а отдыхъ былъ только, когда галера стояла у пристани. Этимъ несчастнымъ оставалось только проклинать „землю турецкую, віру бусурманскую“; единственнымъ лучемъ надежды на освобожденіе была встрѣча галеры съ козаками и побѣда послѣднихъ—тогда только невольниковъ ждало освобожденіе. Козаки для всѣхъ плѣнниковъ, которые не могли питать надежды на выкупъ,

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 461.

являлись единственными спасителями. Не мудрено, что народъ обожалъ козаковъ, которые посвящали себя для борьбы съ монгольскимъ міромъ; любовь эта сильно вкоренилась въ сердцахъ украинцевъ, и память объ этихъ народныхъ герояхъ живетъ до послѣднихъ дней. „Тяжкая неволя турецкая“ и самыя цѣпи—„кайданы“, не умерли до сихъ поръ, когда все это давно отошло уже въ область преданій. Народная поэзія восхваляетъ козака,—освободителя, называя его всегда именами нѣжными, а устами невольниковъ посылаетъ горячую молитву Богу, прося Его:

„Ой, визволь, Господи,	У край веселій,
Нас всіх бідних невольників	У мір хрещений!
З тяжкої неволі турецкої,	Вислухай, Боже, у прозьбах
З каторги бусурманської	щирих,
На тихі води,	У нещасних молитвах
На ясні зорі	Нас, бідних невольників“.

Цѣлыя десятки тысячъ подобныхъ несчастныхъ мучениковъ приводили татары изъ Польши и Московіи. Торговля невольниками была правильно организована, центромъ ея былъ въ малой Азіи г. Кафа, а въ Крыму—Козловъ (Евпаторія). Слобожанки, захваченныя въ плѣнъ, продавались въ Турцію, Персію и др. государства. Нѣкоторымъ изъ плѣнниковъ—„полонянниковъ“ удавалось уходить изъ неволи съ дороги, употребляя разныя хитрости, другимъ изъ Крыма и даже Царьграда. Такъ харьковская слобожанка, Ульяна Свынарева, дочь крестьянина полковника Донца, захваченная въ плѣнъ татарами въ с. Новой Ладогѣ, ушла ночью и счастливо встрѣтилась съ полтавскими козаками, ловившими рыбу въ Великомъ лугу¹⁾. Полоняники, которымъ уйти не удавалось, бывали иногда выкуплены своими родственниками, которые, купивъ фирманъ (свободный пропускъ), пускались по Крыму и Турціи искать своихъ братьевъ, отцовъ, женъ и дочерей, переходя съ одного невольничьяго рынка на другой, разыскивая ихъ слѣдъ. Въ московскомъ государствѣ существовалъ даже особенный фондъ—„полонянничный сборъ“, который пополнялся путемъ сбора съ народа; дѣятельное участіе въ дѣлѣ выкупа плѣнныхъ при-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 466.

нимала православная церковь; при выкупѣ платилось за человека отъ 100 до 15 рублей, смотря по его достоинству ¹⁾).

Незавидно было житье харьковцевъ, особенно первое время! Это ежеминутное ожиданіе непріятеля, который бывало налетитъ неожиданно на деревню, разграбитъ все, сожжетъ домъ, уведетъ жену и дѣтей—даже грудныхъ дѣтей увозили татары съ собою, чтобы обратить ихъ въ магометанство. Козакъ, собираясь въ походъ, или куда либо въ командировку, прощался обыкновенно со своею женою, какъ-бы навсегда, ибо часто самъ ложился на полъ битвы, или попадался въ плѣнъ, или, возвратясь домой, находилъ деревню разграбленною, а жену и дѣтей уведенными въ неволю; и онъ дѣлался круглою сиротою безъ надежды на возвратъ ему близкихъ людей. Мужчинамъ часто удавалось освобождаться изъ плѣна: ихъ иногда выкупали, но женщины, обыкновенно, назадъ уже не возвращались, ибо, при недостаткѣ денегъ, выкупались только мужчины, которые могли еще пригодиться на службу. При частыхъ стычкахъ съ татарами, казаки почти не брали послѣднихъ въ плѣнъ, а прямо истребляли. Татарамъ плѣнные были нужны для продажи, для заработка, для обращенія въ рабовъ, которые исполняли-бы всѣ тяжкія работы; казаки-же, какъ христіане, гнушались первымъ и не нуждались въ послѣднемъ. Къ тому-же татаринъ предпочиталъ смерть, а въ неволю живымъ не отдавался, почему на размѣнъ плѣнныхъ рассчитывать было нельзя. Правда, плѣнныхъ часто отбивали. Ранговые казаки, узнавъ о нападеніи, бросались за грабителями и настигали ихъ, ибо татары, обремененные награбленною добычею, не могли такъ быстро уходить, какъ дѣлали это на легкѣ; татары, видя за собою погоню, бросали обыкновенно все и уходили. Для достиженія этого нужно было только, чтобы тревога возможно быстрѣе распространилась по деревнямъ и достигла-бы сотеннаго городка, для чего прибѣгали къ слѣдующей мѣрѣ: около всякаго селенія, на возвышенномъ мѣстѣ ставили маяки, сдѣланные изъ легко воспламеняющагося матеріала. Когда случалось нападеніе на какое

¹⁾ Уложеніе Алек. Мих., изд. 1737 г., гл. 8 о искупленіи плѣнныхъ §§ 1—7, стр. 21—22.

либо селеніе, то жители спѣшили прежде всего зажечь свои маяки; замѣтивъ этотъ зловѣщій сигналъ, сосѣднія села зажигали свои; такимъ образомъ тревога распространялась всюду ¹⁾. При видѣ горящихъ маяковъ, жители вооружались, готовились къ отпору, пряча свое имущество въ укромныхъ уголкахъ. Ранговые-же казаки неслись къ мѣсту нападенія бить врага, или его преслѣдовать, если онъ, сдѣлавъ свое дѣло, спѣшилъ уходить. Деньги и что поцѣннѣе, обыкновенно, казаки держали закопанными въ землѣ, гдѣ нибудь въ саду, въ лѣсу, чѣмъ и объясняется большое количество „кладовъ“, находимыхъ и нынѣ на Украинѣ, ибо, закопавъ въ землю свои капиталы, хозяинъ часто бывалъ или убитымъ, или уводимъ въ неволю, а клады оставались лежать не одну сотню лѣтъ въ землѣ, чтобы послѣ, случайно, при рытьѣ погребѣ или колодезя появляться на свѣтъ.

Смоляные маяки приносили въ извѣстной степени пользу и нерѣдко спасали слобожанъ отъ неволи, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда нападенія дѣлались небольшими партіями, да и то достигалась цѣль маяковъ только отчасти, вслѣдствіе того, что сдѣлавъ внезапный набѣгъ и забравъ, что можно, татары часто успѣвали уходить. При нападеніи же огромными силами, какъ это стали дѣлать татары по мѣрѣ того, какъ строились укрѣпленія, маяки не могли уже спасти отъ грабежа и плѣна; тогда казаки были уже безсильны и могли спастись только отсиживаясь въ крѣпостяхъ, что спасало жизнь, но не имущество.

Уводомъ жителей въ плѣнъ татары наносили полку очень большой вредъ, не говоря уже о томъ, что дѣлали нравственное ихъ положеніе ужаснымъ, ибо часто мужъ лишался жены, молодыя дѣвушки—„дівкі бранки“ становились наложницами ненавистныхъ бусурманъ; наносили вредъ самому полку, изъ рядовъ котораго ежегодно выхватывали много козаковъ, что было очень чувствительно при тогдашнемъ рѣдкомъ населеніи.

Изъ всего этого мы видимъ, какую громадную услугу оказалъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ своему Харьковскому полку, защитивъ его рядомъ укрѣпленій и заселивъ большое

¹⁾ Г. Квитка. Сочинен., т. III, стр. 109.

пространство на юго-востокъ отъ него, создавъ новый Изюмскій полкъ, отчасти, такимъ образомъ, заслонившій собою Харьковскій отъ крымцевъ и калмыковъ. Но, кромѣ этихъ мѣръ, полковникъ велъ постоянную и упорную борьбу съ татарами, удачно отражая ихъ нападенія на Харьковскій полкъ, и нерѣдко нанося имъ пораженія.

Въ 1672 г. разбилъ онъ подъ Мерефою татаръ и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя; цѣлую зиму онъ простоялъ въ Ахтыркѣ, охраняя территорію своего полка отъ вторженія въ нее татаръ ¹⁾. Въ слѣдующемъ году татары подходили подъ Печенѣги, Малиновку и Андреевы Лозы ²⁾. Въ 1678 г. татары совершенно разрушили Савинскъ и д. Двурѣчное. Харьковскій наказной полковникъ сотникъ Гаврило Могильниковъ бился съ татарами подъ г. Савинскомъ. Изъ разсказа взятаго въ плѣнъ татарина оказалось, что подъ Савинскъ подходили 540 азовцевъ и 6 куреней нагайцевъ подъ командою азовца Синей-Оги. На Савинскъ ордынцы напали „безвѣстно загономъ“ и обложили городъ, продержавъ въ осадѣ Могильникова, и хозяйничали въ окрестностяхъ. Жена Могильникова, дѣти и многіе жители были истреблены, или взяты въ плѣнъ, а скотъ угнанъ ³⁾. Этотъ-же сотникъ Могильниковъ („Могилка“) въ 1675 г. въ стычкахъ нахватавъ множество татаръ въ плѣнъ, которые и были отосланы въ Москву. За это полковникъ Донецъ, какъ пишетъ Орловскій, получилъ похвальную грамоту ⁴⁾.

Къ 1679 г. татары разорили Чугуевъ; подъ Харьковомъ они были разбиты Григоріемъ Ерофеевичемъ; онъ у нихъ отбилъ скотъ и набранныхъ плѣнныхъ ⁵⁾, за что такъ-же получилъ похвальную грамоту ⁶⁾.

Къ 1680 г. относится одинъ изъ опустошительнѣйшихъ набѣговъ, которымъ только подвергалась Слободская Украина. Во главѣ Крымской орды сталъ самъ ханъ, посланный на

¹⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 464.

³⁾ Ibidem, стр. 463.

⁴⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 36.

⁵⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 463.

⁶⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

этотъ разъ въ набѣгъ Турціею для отвлеченія силъ русскихъ отъ Кіева, на который турки сами собирались напасть. Въ этомъ году одновременно съ Крымцами на Слободскую Украину сдѣлали нападеніе азовскіе татары, калмыки и черкесы, условившись въ одинъ день сдѣлать во многихъ мѣстахъ нападенія. Ханъ перешелъ валь между Коломакомъ и Перекопомъ 22 янв. ночью и, пройдя Мерчикъ, остановился ¹⁾, по татарскому обыкновенію, съ половиною войска кошемъ, гдѣ и простоялъ до самаго ухода; около-же Перекопа осталась многочисленная застава для обезпеченія, вѣроятно, пути отступленія; другая половина, какъ водится, разбрелась въ разныя стороны для своей губительной работы; подверглись разоренію слѣд. села полка: Золочевъ, гдѣ взято въ плѣнъ 122 человекъ, угнано 1697 головъ скота, унесено 50 ульевъ съ пчелами, 6 руб. денегъ и 30 ведеръ вина ²⁾, Деркачи, Лозовая, Липцы, Борщевое, Жихарь и др. Скотъ и имущество этихъ деревень были пограблены, жители частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ. Этими, впрочемъ, селами татары и ограничились, не подходили ни къ Харькову, ни къ другимъ городамъ полка. Общій итогъ того, что здѣсь надѣлали татары въ 1680 г. (кромѣ Золочева), мы уже приводили выше. Подверглась разоренію и деревня, принадлежавшая Григорію Ерофеевичу, на р. Удахъ, гдѣ взято было въ плѣнъ 4 челюдника, 25 душъ подданныхъ, уведено 1104 головы скота, унесено 30 ульевъ пчелъ, пограблено и сожжено 1294 четв. хлѣба, сожжено 11 дворовъ. Въ с. Борщевомъ татары разграбили церковь, обобрали иконы, взяли съ собою напрестольное Евангеліе и все, что нашли цѣннаго.

По полученіи извѣстія о движеніи татаръ, воевода харьковскій оповѣстилъ объ этомъ жителей, которымъ приказано было со всѣмъ имуществомъ спѣшить въ Харьковъ; Григорій-же Ерофеевичъ съ полкомъ пошелъ къ Золочеву, гдѣ тогда произошли двѣ битвы. У татаръ была отнята вся добыча. Въ этой битвѣ полковникъ „Захаржевскій громилъ“, по словамъ очевидца, сотника Щербины, „враговъ въ раз-

¹⁾ Д. И. Багал'й. Матеріалы, томъ II, стр. 97.

²⁾ Ibidem.

ныхъ мѣстахъ, и острая сабля его плавала въ крови поганныхъ“. Результатомъ этого было то, что татары пошли изъ русскихъ городовъ Муровскимъ шляхомъ, а полкъ 29 янв. возвратился въ Харьковъ ¹⁾.

Въ 1687 г. на Харьковскій полкъ сдѣлала нападеніе азовская орда въ числѣ 5 тысячъ человѣкъ и внесла большія опустошенія. Ее разбилъ полковникъ Донецъ.

Въ слѣдующемъ году (1688) татары въ числѣ 5 тысячъ чел. сдѣлали нападеніе на наказного полковника, валковскаго сотника, Фед. Мураховца, который стоялъ таборомъ въ 7 верстахъ отъ Валокъ, около Фомина рога. 6 іюня съ утра до полудня непріятель лѣзъ на таборъ. Битва произошла жаркая; съ нашей стороны много людей и лошадей было переранено, а 2 козака, стоявшіе на сторожѣ, взяты были въ плѣнъ. Непріятель, потерявъ много людей и лошадей убитыми и не добывъ табора, ушелъ оттуда къ Полтавѣ ²⁾. Въ 1689 г. татары нападали на Водолажку. Около Водолаги была многочисленная орда, противъ которой выходилъ весь Харьковскій полкъ ³⁾.

Въ 1691 г. буйныя толпы грабителей внесли большія опустошенія въ полки Харьковскій и Изюмскій. Особенно сильно опустошенію подвергнулись Чугуевскій уѣздъ, Зміевъ, Лиманъ, Бишкинъ. Слѣдующія цифры краснорѣчивѣе всего указываютъ на опустошительность этого набѣга. Въ названныхъ мѣстахъ взято въ плѣнъ и убито всего 1915 чел. (109 русскихъ служилыхъ людей и 1806 черкасъ), отогнано 4902 гол. скота, сожжено и разорено 65 дворовъ съ гумнами и хлѣбомъ, 1 хуторъ, 2 пасѣки (взято 40 ульевъ пчелъ), нѣкоторое количество оружія и всякой рухляди. Въ с. Терновомъ была разграблена церковь и „попы поколоты“, съ престола и жертвенника сняты ризы, съ иконъ ободраны оклады; наконецъ, похищены сосуды церковные, ризы и книги ⁴⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 254, 460, 465 и Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 60.

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 200.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 465.

ГЛАВА VII.

Независимое состояніе Слободской Украины.—Внутренняя жизнь.—Отношеніе московскаго правительства къ полкамъ.—Предъявленіе требованій правительства.—Война съ Турціею 1678 г.—Дневникъ Петрика Гордона.—Проектъ Юрія Крыжанича.—Политика Москвы относительно Крыма.—Русскіе послы въ Крымѣ, ихъ сообщеніе.—Договоръ Россіи съ Польшею.—Заключеніе „вѣчнаго мира“.—Причины войны.—Походъ кн. В. В. Голицына.—Участіе въ немъ Харьковскаго полка.—Медленность движенія арміи; причины.—Степной пожаръ.—Сильная жара.—Недостатокъ воды и фуража.—Военный совѣтъ.—Отступленіе арміи.—Награды.—Судьба гетмана Самойловича.—Нападеніе ордынцевъ на Харьковскій полкъ.—Разбитіе ихъ подъ Андреевкою.—Второй походъ Голицына.—Переговоры съ татарами.—Участіе Харьковскаго полка.—Отступленіе арміи.—Сраженіе при Черной Долинѣ.—Нападеніе татаръ на Украину.—Вредъ, причиненный ими.—Царскія грамоты Харьковскому полку.—Челобиты полковниковъ.—Отвѣтная царская грамота 1688 г.—Смерть Гр. Ер. Донца.—Дѣти его.—Новый полковникъ Харьковскій.—Нападеніе на Украину Нуреддина.—Петрикъ, его планы.—Участіе полка въ арміи Шереметьева.—Нападеніе Крымцевъ.—Отбитіе ихъ.

Со времени своего образованія, слободскіе полки были предоставлены самимъ себѣ; зависимость ихъ отъ Москвы выражалась только въ присутствіи въ городахъ воеводъ, назначенныхъ сюда какъ бы въ помощь самимъ черкасамъ—„для городского строенія“. Наложеніе пошлинъ на нѣкоторыя отрасли торговли и промышленности, правда, указывало на то, что бѣлгородскій разрядъ смотритъ на слобожанъ, какъ на подданныхъ московскаго правительства, но, по просьбѣ полковниковъ, царь въ 1669 г., не только отмѣнилъ эти пошлины на будущее время и простилъ таковыя-же за прошлые года, но даже изъялъ въ то время слободскіе полки изъ вѣдома этого разряда, наложившаго пошлины, и подчинилъ ихъ по-сольскому приказу, ясно показавъ этимъ, что онъ смотритъ на переселенцевъ иначе, выдѣляя ихъ изъ числа обыкновенныхъ своихъ подданныхъ. Харьковцы жили своею внутреннею

жизнiю, не принимая никакого участiя въ политической жизни Москвы. Эта послѣдняя если и допускала все это въ первое время, то только изъ желанiя привязать къ себѣ новыхъ своихъ подданныхъ; въ томъ можно видѣть глубокое соображенiе и вѣрный расчетъ Алексѣя Михайловича, принявъ во вниманiе, что Москва, вообще, въ то время не имѣла обыкновенiя церемониться со своими подданными. Такая политика ея была, впрочемъ, только временная, вызванная обстоятельствами. Предъявивъ въ первый разъ въ 1678 г. требованiе слободскимъ полкамъ принять участiе въ войнѣ съ Турцiею, Москва, съ того времени, все чаще и чаще начинаетъ давать понять слобожанамъ, что Слободская Украина, хотя и находящаяся въ нѣсколько иныхъ условiяхъ, чѣмъ другiя области государства, все-же не болѣе, какъ часть его, правда, пользующаяся особенною милостью царя. Требованiя свои Московское правительство начало предъявлять, постепенно ихъ усиливая, вводя понемногу реформы, пока окончательно не сравняла эту Украину съ другими своими землями, но сдѣлала это уже тогда, когда надобность въ козакахъ миновала, когда они спѣли свою пѣсню, т. е. когда Крымъ пересталъ уже быть страшнымъ для Россiи.

Въ войну 1678 г. турки въ iюнѣ осадили Чигиринъ, укрѣпленiя котораго были исправлены послѣ осады его въ предшествующемъ году. Гарнизонъ крѣпости былъ также усиленъ; въ немъ было 10 тысячъ русскихъ, малороссiянъ и слобожанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленiе, Чигиринъ палъ, благодаря устроеннымъ туркамъ подкопамъ. Хотя на выручку осаждаемымъ и поспѣшилъ кн. Ромодановскiй съ гетманомъ Самойловичемъ, но помѣшать туркамъ они не могли, и Чигиринъ былъ разрушенъ; слобожане-же своею геройскою защитою покрыли себя славою.

По дневнику ген. Патрика Гордона, въ которомъ онъ приводитъ подробное росписанiе Чигиринскаго гарнизона, упоминается изъ слободскихъ полковъ только Сумской (300 чел.) и Ахтырскiй (1200 чел.) полки¹⁾. О присутствii этихъ полковъ говорится нѣсколько разъ, приводится даже число ихъ

¹⁾ Дневникъ г. Пат. Гордона, изд. Салтыковой. М. 92 г., часть II, стр. 143.

прибытія, о Харьковскомъ-же не говорится ни слова, почему и можно заключить, что его тамъ вовсе и не было; въ другихъ-же источникахъ находимъ извѣстіе, что въ этомъ Чигиринскомъ дѣлѣ принимали участіе всѣ слободскіе полки.

Въ слѣдующемъ, 1679 г., хотя враждебныя отношенія между Россією и Турцією продолжались, но война была чисто оборонительная; слободскіе козаки оставлены были у себя дома для охраны границъ отъ нашествія крымцевъ, которыхъ, какъ мы уже говорили въ обзорѣ татарскихъ набѣговъ, полковникъ Донецъ разбилъ подъ Харьковомъ.

Въ 1681 г. былъ заключенъ Бахчисарайскій миръ, окончившій эту войну, стоившую слободскимъ полкамъ многихъ трудовъ и потерь.

Москва, столько страдавшая отъ хищныхъ своихъ сосѣдей—крымцевъ, тратившая много силъ и денегъ на постройку оборонительныхъ линій, неприносившихъ къ тому-же особенной пользы, рѣшилась, наконецъ, въ свою очередь сдѣлать нападеніе на татаръ въ ихнемъ гнѣздѣ—Крыму, куда иногда только отважные сѣчевики—запорожцы дѣлали набѣги, подъ начальствомъ своихъ удалыхъ кошевыхъ атамановъ. Еще въ царствованіи Алексѣя Михайловича сербъ Юрій Крыжаничъ подалъ царю проэктъ, въ которомъ совѣтовалъ ему оставить войны съ сосѣдями и стремленіе раздвигать границы государства на западъ и востокъ, но исключительное вниманіе обратить на Крымъ, чтобы въ союзѣ съ государствами, которыми онъ такъ-же приносилъ не мало хлопотъ, постараться завоевать его и выгнать оттуда татаръ. Крыжаничъ доказывалъ, что татары, сильные только внезапностью своихъ набѣговъ и опасные враги въ этого рода степныхъ войнахъ, въ то-же время у себя дома почти беззащитны, за отсутствіемъ укрѣпленныхъ городовъ. Крыжаничъ даже совѣтовалъ перенести туда столицу изъ Москвы, представляя всю выгоду, которая отъ этого могла послѣдовать. Но мысль эта не нашла примѣненія въ политикѣ Алексѣя Михайловича, ведшаго постоянную борьбу съ Польшею изъ-за обладанія Малороссією. Впрочемъ, царь былъ совершенно правъ, не предпринимая

ничего рѣшительнаго противъ Крыма и стараясь иными путями сдерживать хищническіе порывы татаръ; онъ хорошо понималъ, что завоевать Крымъ и удержать его навсегда за собою онъ не въ состояніи и что временное его занятіе и даже совершенное разореніе не привело бы ни къ чему. Разсѣявшіеся по степи предъ нашими войсками толпы собрались-бы по нашемъ уходѣ снова, и страшная месть ихъ не замедлила-бы обрушиться на пограничныхъ жителей. Русскіе послы, стольникъ Тяпкинъ и дьякъ Зотовъ, ѣздившіе въ Крымъ въ 1680 г., докладывали, возвратясь оттуда, что они тамъ высмотрѣли все и убѣдились, что татары въ Крыму беззащитны, что завоевать ихъ полуостровъ нетрудно, стоитъ туда лишь только добраться.

Между Польшею, Австріею и Венеціей былъ заключенъ договоръ, по которому эти государства должны были соединенными силами напасть на Турцію со всѣхъ сторонъ; имъ было нужно привлечь на свою сторону Москву; ради этого польскій король, Янъ Собѣсскій, знаменитый своею побѣдою подъ Вѣною, не задумался даже предъ жертвою уступить Москвѣ Кіевъ, бывшій до этого времени яблокомъ раздора. Участіе Россіи въ этой войнѣ необходимо было ему, чтобы она своимъ нападеніемъ на Крымъ лишила Турцію помощи татаръ. Уступка Кіева и собственныя выгоды при успѣхѣ этого предпріятія побудили правительницу Софью заключить съ Польшею на этотъ разъ даже „вѣчный миръ“ (27 апрѣля 1686 года); тогда какъ до этого времени, обыкновенно, между обоими государствами заключались только продолжительныя перемирія (напр., въ 1666 году былъ заключенъ миръ „на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ“).

Къ предстоящему походу будущаго года осенью было приказано произвести наборъ. Въ обнародованной по этому поводу грамотѣ причиною, вызвавшею необходимость похода, выставлялось то, что „русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ отъ того данью все жъ не охраняетъ; ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, разоряетъ русскіе города, храмы Божіи разрушаетъ“.

Сборными пунктами русской стотысячной армии были назначены слободские города — Ахтырка, Сумы, Красный Кутъ, а также и Хотмыжскъ, и начальство надъ нею поручалось любимцу царевны Софьи, князю В. В. Голицыну, незаявившему себя до того времени воинскими дарованіями. По своемъ сосредоточеніи, причемъ не обошлось безъ обычныхъ замедленій, неявокъ въ срокъ и наказаній „батожемъ“, армія двинулась чрезъ р. Коломакъ по степи, идя по ней въ одномъ большомъ каре, равнявшемся по фронту 557 саженьямъ и въ глубину двумъ верстамъ. По дорогѣ, на р. Самарѣ, 30 мая, къ арміи присоединилось еще 50 тысячъ козаковъ, пришедшихъ подъ начальствомъ гетмана Самойловича.

Въ этотъ походъ, во главѣ съ Константиномъ Григорьевичемъ Донцомъ, сыномъ Харьковскаго полковника, выступила и половина Харьковскаго полка; другая-же, подъ начальствомъ самого полковника, осталась для охраны южныхъ границъ Харьковскаго и Изюмскаго полковъ.

Въ продолженіи семи недѣль, Голицынская армія, въ которой развѣвалось даже знамя, видѣвшее покореніе Казани Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, прошла въ глубь степей только 300 верстъ. Приготовленій къ этому походу Голицынъ не сдѣлалъ никакихъ, не принялъ во вниманіе всей трудности лѣтнаго перехода по безводнымъ „дикимъ полямъ“. По переправѣ 13 іюня чрезъ р. Конскія воды, въ двое сутокъ армія подвинулась на югъ не болѣе 12 верстъ; причиною этого было то, что татары, желая препятствовать движенію арміи, выжгли степь; къ этому средству они прибѣгали нерѣдко. Арміи пришлось, такимъ образомъ, двигаться впередъ по выжженной степи; удушливый дымъ и пыль были настолько сильны, что съ трудомъ можно было различать предметы; главное-же мученіе было въ недостаткѣ воды; лошади едва двигались отъ жажды и голода, ибо кормить ихъ было нечѣмъ. Къ тому-же обозъ этой огромной арміи былъ очень великъ: за нею тянулось 20 тыс. повозокъ! Ко всѣмъ этимъ невгодамъ присоединился большой зной, страшно изнуравшій людей и лошадей. Движеніе арміи Голицына продолжалось до р. Карокчакрокъ, дойдя до которой, русскіе не встрѣтили ни единого татарина.

Продолжать походъ при вышеуказанныхъ условіяхъ было невозможно, а до Перекопа оставалось еще 200 верстъ. Голицынъ созвалъ совѣтъ (17 іюня), на которомъ было рѣшено, въ виду истощенія запасовъ, повернуть назадъ. Прійдя къ этому рѣшенію, армія начала такое быстрое отступленіе, подъ прикрытіемъ козаковъ и кавалеріи, какъ будто за нею по пятамъ гнался сильнѣйшій непріятель—даже обозъ былъ брошенъ назадъ. На р. Мерло въ армію пріѣхалъ бояринъ Шереметьевъ, присланный царевною Софьею. Онъ привезъ многочисленные подарки и награды покорителю Крыма, главнокомандующему кн. Голицыну, и благодарность за успѣшный походъ. Награды получили также и воеводы, а армія, изнуренная бесполезнымъ походомъ, была распущена по домамъ¹⁾. Поплатился также гетманъ Самойловичъ, котораго Голицынъ, желая снять съ себя отвѣтственность за неудачный походъ, неоправдавшій надеждъ союзниковъ, обвинилъ въ сношеніи съ татарами и въ томъ, что онъ умышленно зажегъ степь. Самойловичъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свою жизнь, несправедливо перенеся наказаніе, заслуженное главнокомандующимъ²⁾.

Походъ этотъ нисколько не устрасилъ татаръ. Весною слѣдующаго года, какъ бы мстя слобожанамъ за ихъ участіе въ предпріятіи Голицына противъ Крыма, они выслали азовскую орду въ набѣгъ, въ количествѣ 5 тысячъ человѣкъ. Эти хищники много причинили вреда Харьковскому полку, предавая все огню и мечу и уводя плѣнниковъ. Неутомимый полковникъ Донецъ встрѣтился съ ордою и разбилъ ее подъ Андреевкою; наказной же полковникъ Ив. Сербинъ бился съ ордынцами подъ Валками³⁾.

Во второмъ Крымскомъ походѣ, армія, подъ начальствомъ того-же Голицына, добралась до самого Перекопа. Татары были въ ужасѣ и собирались уже бѣжать съ женами и дѣтьми за море⁴⁾, но у Голицына не хватило мужества внести опустошеніе въ это разбойничье гнѣздо, столько времени неда-

1) Г. Л. Лееръ. Энцикл. воен. и мор. наукъ, томъ 4, стр. 426.

2) Н. П. Ламбинъ. Ист. Петра В. Спб. 1843 г., стр. 109.

3) К. П. Щелковъ. Харьк., стр. 11.

4) Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 132.

вавшее покоя Россіи, отомстить за безконечное число христіанскихъ плѣнниковъ, томившихся здѣсь въ продолженіи не одного столѣтія, и освободить тѣхъ, которые были въ неволѣ въ то время! Голицынъ, полюбывавшій Перекопомъ издали, къ изумленію самихъ татаръ, вступилъ съ ними въ постыдные переговоры, выговаривая себѣ безопасное отступленіе. Во время этого второго похода, часть Харьковскаго полка стояла съ Константиномъ Григорьевичемъ у Царевоборисова, подъ начальствомъ Чугуевского воеводы; самъ-же полковникъ оберегалъ свои полки, стоя на перекопскомъ валу. Въ этотъ походъ особенно пострадали полки Сумской и Ахтырскій въ бою при Черной Долинѣ (16 мая). Въ обоихъ полкахъ едва осталось 150 чел.; пушки, знамена—все было потеряно¹⁾. А Голицынъ и за этотъ походъ получилъ грамоту, гдѣ „милостиво и премилостиво“ его „похваляли“, за то, что онъ „съ (такими) славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратился въ цѣлости“²⁾. Въ этомъ году орда также дѣлала набѣгъ, но Харьковскій полкъ мало подвергся опустошенію, ибо непріятель былъ отраженъ у Водолаги; Изюмскій-же полкъ не такъ легко отдѣлался³⁾. По переписнымъ книгамъ полковника Донца видно, что въ 1691 г. татары въ произведенныхъ погромахъ въ Зміевѣ, въ Бишкинѣ и въ Лиманѣ взяли, убили и сожгли 1915 человекъ, изъ этого числа мужчинъ взято въ плѣнъ 838, женщинъ 1009, угнали лошадей 358, воловъ, коровъ, козъ и овецъ 4554⁴⁾.

Во времени управленія полкомъ Гр. Ер. Донца относятся слѣдующія царскія жалованныя грамоты: отъ 5 мая 1684 г., которою Харьковскимъ козакамъ предоставлялась беспошлинная торговля всякими товарами; пошлина собиралась только съ пріѣзжихъ черкасъ и съ русскихъ людей и не русскими чиновниками, а самими козаками⁵⁾. Въ грамотѣ отъ 10 іюня 1686 г., присланной Харьковскимъ полковникамъ Григорію Ер. и Конст. Гр. Донцамъ, государи сообщали, что послы польскаго короля

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 38.

²⁾ Соловьевъ. Томъ XIV, стр. 62—63.

³⁾ Ibidem, отд. II, стр. 320.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы. Томъ I, стр. 157—163.

⁵⁾ Грамота 1684 г. Н. Чижевскій. Старозаимочныя земли, стр. 5.

Яна Собѣсскаго съ московскими послами заключили вѣчный миръ. По этому договору уступили и написали намъ, Великимъ Государямъ, многіе прибыльные, славные титула, т. е., насъ писать пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими великими государями, писаться вѣчно Кіевскими, Черниговскими и Смоленскими“. Сообщалось, что православной вѣрѣ въ польскомъ королевствѣ выговаривалась свобода исповѣданія и т. д. Говоря о заключеніи мира, государи писали, что они „отъ той всемірной радости молебствовали“. Для ознаменованія-же этого мира, снисходя къ вѣрной службѣ Харьковскаго полка, жалуютъ полковника и старшину вотчинами, землями, всякими угодьями и промыслами и „васъ-же полковниковъ и полку вашего урядниковъ и козаковъ, за вашу вѣрную службу жалуетъ и милостиво похваляетъ“. Далѣе приказывалось, по полученіи этой грамоты, отслужить „молебное пѣніе со звономъ“ и послѣ него, собравъ всѣхъ, объявить о заключенномъ мирѣ, сказавъ, что государи за службу вѣрную всѣхъ „милостиво“ хвалятъ и чтобы дальше служили вѣрно и за то ожидали-бы „милости и жалованіе свѣше прежняго“¹⁾.

Въ томъ-же году была получена на имя полковниковъ „память“ (именно такъ она названа въ самомъ документѣ); прислана она была по слѣдующему поводу: Государи сообщали, что до ихъ вѣдома дошло, будто въ слободскихъ полкахъ приказные люди не велятъ владѣть занятыми землями, говоря, что „всякія угодья велѣно мѣрить“, между тѣмъ какъ указа объ этомъ не было. Поэтому приказывалось, „какъ ся память придетъ“, объявить всѣмъ чинамъ полка, чтобы они владѣли занятыми угодьями по прежнему „по своимъ черкасскимъ обыкностямъ“ и чтобы надѣялись и впередъ на „государскую милость безъ всякаго сумнѣнія“²⁾.

Эта память краснорѣчивѣе другихъ показываетъ съ какимъ вниманіемъ московское правительство относилось къ черкасамъ. Далѣе полки, основываясь на грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1669 г., просили отмѣнить оброки на мельницы; въ Харьковскомъ полку было обложено такими оброками 36 мельницъ

¹⁾ Грамота 1686 г. (10 іюня). В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 475—480.

²⁾ Ibidem. Грам. 1686 г. (4 нояб.). Ibidem 480—481.

на сумму 99 руб. 25 алт. Челобитная трехъ слободскихъ полковниковъ—Харьковского, Ахтырскаго и Сумскаго была уважена, и эти налоги царскою грамотою 1688 г., выданною въ каждый полкъ отдѣльно, были отмѣнены ¹⁾).

Въ 1691 году полкъ понесъ большую утрату въ лицѣ своего незамѣнимаго полковника: Гр. Ер. Донецъ-Захаржевскій скончался на 22 году своего управленія полкомъ. Въ продолженіи всего этого немалого времени онъ неуспѣшно трудился, защищая полкъ свой и московскія границы отъ нападеній дикихъ хищниковъ и занимаясь его внутреннимъ устройствомъ, проводя укрѣпленныя линіи, строя и населяя города. Властно управляя такою большою территоріею, какую представляли изъ себя полки Харьковскій и Изюмскій, созданный трудами Харьковскаго полковника, Григорій Ерофеевичъ доказалъ свою способность, умъ и энергію, которые по заслугамъ были оцѣнены московскими царями. Они съ уваженіемъ относились къ своему стольнику, оказывая ему полное довѣріе, что уже доказывается тѣмъ, что въ заселенный имъ Изюмскій полкъ, это дѣтище Харьковскаго полка, обязанный ему своимъ возникновеніемъ и устройствомъ, не были даже назначены, какъ мы уже о томъ говорили, воеводы и другіе русскіе чиновники. Это уже знакъ особой милости и довѣрія, которыя харьковскій полковникъ въ продолженіи 22-хъ лѣтъ своей безпрестанной боевой жизни несомнѣнно заслужилъ.

Во всѣхъ трудахъ многосторонней полковничьей дѣятельности принимали непосредственное участіе и сыновья Григорія Ерофеевича— Ѳеодоръ, Константинъ и Иванъ Григорьевичи, вода неоднократно команды Харьковскаго полка въ бой и нанося пораженія непріятелю.

Ѳеодоръ Григорьевичъ, знакомый съ дѣломъ управленія полкомъ, закаленный въ походахъ боевой жизни съ семилѣтняго возраста, изъ уваженія къ заслугамъ отца и его собственнымъ, былъ избранъ радю Харьковскимъ полковникомъ.

Ѳ. Гр. Донецъ, подобно отцу своему, продолжалъ борьбу съ татарами; такъ, скоро послѣ принятія полка, въ 1693 г.

¹⁾ Ibidem. Грам. 1688 г. Пол. Соб. Зак. II № 1279.

ему пришлось уже биться съ ними, защищая свой полкъ. Въ этомъ году зять самага султана—Нуреддинъ—сдѣлалъ нападеніе на Харьковскій полкъ, прійдя съ 15 тысячами татаръ и отрядомъ янычаръ. Вмѣстѣ съ Нурединомъ былъ сынъ султана, Шаринъ-бей, и Петрикъ (Петръ Иваненко) съ небольшимъ числомъ козаковъ приверженцевъ. Этотъ Петрикъ, бывшей раньше войсковымъ канцеляристомъ, задумалъ добиться гетманства, для чего еще въ 1692 г. склонилъ хана на походъ въ Украину. Для отраженія того нашествія былъ поставленъ отрядъ изъ слободскихъ полковъ силою въ двѣ тысячи человѣкъ, съ отрядомъ великороссіянъ по городкамъ, лежащимъ по р. Самарѣ. На случай успѣха въ своемъ предпріятіи, Петрикъ составилъ планъ, который пришелся очень по душѣ татарамъ: онъ хотѣлъ выселить на правую сторону Днѣпра слободскихъ черкасъ, что открыло-бы татарамъ дорогу въ великороссійскіе города; поэтому-то они такъ охотно и поддерживали Петрика¹⁾. Татары страшно опустошили въ тотъ свой набѣгъ города и мѣстечки, набрали, по своему обыкновенію, множество плѣнныхъ. Отряды грабителей были въ 20 вер. отъ самага Харькова, въ Мерефѣ. Нападеніе это было сдѣлано внезапно, почему харьковцы къ нему приготовлены не были.

Наскоро собравши, сколько было можно, своихъ козаковъ, полковникъ напалъ на непріятеля, нанесъ ему пораженіе, отбилъ плѣнныхъ, всю награбленную добычу и взялъ въ плѣнъ „четырнадцать важныхъ поганцевъ“²⁾. Пораженіе это, нанесенное харьковцами Нуредину пріобрѣтаетъ особенную важность—оно, такимъ образомъ, избавило Украину отъ большихъ внутреннихъ смутъ, которыя могли бы въ ней произойти отъ силою навязаннаго ей султанскаго гетмана, если бы врагъ не былъ разбитъ и прогнанъ. Въ благодарность за этотъ подвигъ полковникъ получилъ царскую похвальную грамоту; цари подарили полку двѣ пушки и дали нѣкоторые другія отличія³⁾.

Полковнику Оед. Гр. Донцу, подобно тому какъ и его пред-

¹⁾ Н. Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы, стр. 107, 109 и 119.

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 64.

³⁾ Ibidem.

шественнику, не пришлось ограничиться однимъ отраженіемъ своихъ враговъ, на его долю выпало участвовать съ полкомъ во всѣхъ почти войнахъ, которыя вела Москва; ея требованія къ полку предъявляются все чаще и чаще и начали уже ясно показывать о перемѣнѣ отношеній московскаго царя къ слободскимъ полкамъ.

Въ 1694 г. полкъ Харьковскій былъ назначенъ въ армію Шереметьева на р. Міусъ, дѣйствовавшую противъ Азова. Между тѣмъ крымскіе татары шли на обычную свою работу въ предѣлы Харьковскаго полка и подошли уже къ Берестовкѣ. Узнавъ во время обѣ атомъ, полковникъ далъ знать Шереметьеву, который поспѣшилъ стать на Джгунѣ. Этимъ движеніемъ татары были отрѣзаны и отражены. Харьковцы погнались преслѣдовать ихъ, отняли дабычу, которую крымцы по дорогѣ успѣли захватить, и въ происшедшей стычкѣ взяли 70 человекъ въ плѣнъ¹⁾.

1) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 64.

ГЛАВА VIII.

Реформы Петра Великаго; стремленіе въ морю.—Дѣйствія противъ Азова.—Участіе полка въ арміи Шереметьева.—Взятіе Казикермена и др. крѣпостей.—Поставка воловъ и барановъ для арміи.—Похвальная грамота полку.—Компанія 1696 г.—Полкъ подъ начальствомъ Гетмана Мазепы.—Высылка подпомощниковъ съ подводами.—Возстановленіе укрѣплений Казикермена и Тавани.—Участіе полка въ этой работѣ.—Возвращеніе домой.—Нападеніе татаръ, отраженіе ихъ.—Численность населенія Харьковскаго полка; мѣстечки и города, входящіе въ его составъ.—Участіе полка въ походѣ кн. Долгорукова къ Перекопу.—Поставка продовольствія для русскихъ войскъ.—Нападеніе татаръ.—Разореніе слободъ.—Опасность, грозившая полковому городу.—Царская грамота 1695 г.—Подати, наложенныя на подпомощниковъ.—Просьба полчанъ объ отмѣнѣ этой подати.—Конфирмація; льготы полку, опредѣленныя ею.—Царская грамота 1700 г.—Число ранговыхъ козаковъ.—Грамота 1705 г.—Жалоба харьковцевъ на воеводу.—Повелѣніе воеводамъ выѣхать изъ городовъ.—Смерть Харьковскаго полковника Ѳед. Гр. Донца.—Характеристика Донцовъ.—Просьба харьковцевъ назначить имъ полковникомъ Ѳед. Вл. Шидловскаго.—Грамота царя о назначеніи его.—Ссора Шидловскаго съ Меншиковымъ.—Опала Шидловскаго.—Слѣдствіе и судъ надъ нимъ.—Рѣшеніе.—Письмо царя къ Апраксину.—Наказной Харьковскій полковникъ, Лов. Ив. Шидловскій.—Утвержденіе его.—Полковникъ Пр. Вас. Куликовскій; его заслуги.—Полковникъ Гр. Сем. Квитка.—Его происхожденіе.

Въ это время, когда почти все содержаніе жизни козаковъ Слободской Украины исчерпывалось одною только борьбою съ татарами и, казалось, не предвидѣлось конца обусловленной ею неурядицы и не было надежды на лучшія времена, на возможность мирнаго развитія Украины, въ жизни Московскаго государства наступилъ рѣзкій переломъ—Москва вступила въ эпоху великихъ преобразованій, которыя не могли, конечно, не отразиться и на слободахъ Украины, все тѣснѣе сливавшейся съ Москвою.

По смерти царя Іоанна и устраненіи царевны Софіи отъ управленія государственными дѣлами, царь Петръ Алексѣевичъ сталъ монархомъ единодержавнымъ и съ необычайной энер-

гѣей сталъ приводить въ исполненіе свои планы преобразованія всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Едва-ли не на первомъ планѣ онъ ставилъ преобразование вооруженныхъ силъ Россіи, сухопутныхъ и морскихъ, и, на первое, по крайней мѣрѣ, время, его особенно заботила ясно сознавая имъ необходимость для Россіи обладанія моремъ. Сказавшаяся еще въ раннемъ дѣтствѣ Петра любовь его къ водѣ, страсть къ морю и желаніе придвинуть къ нему границы Россіи побудили Петра предпринять походъ, съ цѣлью завоеванія того Азова, отъ обладанія которымъ его дѣдъ—царь Михаилъ Ѳедоровичъ отказался, когда ему предлагали принять подъ свою державу эту крѣпость козаки, отнявшіе ее у турокъ (1642 г.).

Было составлено двѣ арміи, одна для непосредственнаго дѣйствія подъ Азовомъ подъ начальствомъ самого царя въ числѣ 31 тысячи; въ составъ этой арміи вошелъ Острогжскій полкъ, Харьковскій-же въ числѣ остальныхъ слободскихъ полковъ назначенъ былъ въ другую армію боярина Шереметьева (120 тыс.). Весною 1695 г., когда травы въ степи поднялись на столько, что могли прокормить лошадей, эта вторая армія двинулась къ низовьямъ р. Днѣпра и осадила крѣпости, лежащія на немъ. Назначеніе этой арміи было отвлечь силы татаръ отъ другой, осаждавшей Азовъ. Подъ Казикермень (нынѣ Берисловъ) армія подступила въ іюлѣ и расположилась около крѣпости внѣ выстрѣла. Осаду повели очень энергично: на другой же день пошли на приступъ пѣшіе козаки, между которыми были и слободскіе, прогнали вышедшихъ къ нимъ на встрѣчу янычаръ и на ихъ плечахъ ворвались въ сады и огороды, гдѣ успѣли насыпать шанцы, окруживъ ими весь городъ. Снаряды, пускаемые въ городъ, причиняли очень большой вредъ жителямъ; бомбардировка эта продолжалась въ теченіи четырехъ сутокъ. Подведенный подъ стѣну подкопъ произвелъ проломъ, послѣ чего гарнизонъ сдался и былъ взятъ въ неволю. Часть его была взята Москвою, часть гетманскими войсками. Не смотря на запрещенія, козаки ворвались въ городъ и принялись грабить, но произвели пожаръ и едва успѣли уйти оттуда. Не имѣя возможности удержать за собою крѣпость, русскіе срыли стѣны ея до основанія.

Равнымъ образомъ были покорены крѣпости Таванскъ, Исламъ-Керей, Мубарекъ-Кермень и др. — эти крѣпости, впрочемъ, сдались безъ боя.

Для дѣйствовавшей на Днѣпрѣ арміи изъ Слободской Украины поставлялись вола и бараны; за вола платилось отъ 1 до 3 рублей, за барана 6 алт. и 4 денежки ¹⁾). Полковникъ съ Харьковцами участвовалъ въ этомъ походѣ, за что и получилъ похвальную грамоту ²⁾).

Въ слѣдующемъ году Харьковскій полкъ, вмѣстѣ съ другими слободскими полками (кромя Острогожскаго), подъ начальствомъ малороссійскаго гетмана Мазепы, вошелъ снова въ составъ арміи Шереметьева, которая на этотъ разъ ограничилась тѣмъ, что стояла на р. Коломакѣ и оберегала русскія границы отъ нашествія татаръ. Харьковскій полкъ въ этотъ походъ, кромѣ того, что выставилъ въ поле всѣхъ полковыхъ козаковъ, выслалъ еще, повинаясь требованіямъ Шереметьева, и значительное число подпомощниковъ съ подводами ³⁾). По взятіи Азова 19-го іюня, Харьковскій полкъ былъ отпущенъ домой.

Весною 1697 г. было приказано возстановить укрѣпленія крѣпости Казикерменя и окончить постройку начатой Таванской крѣпости, а также построить 30 галеръ къ веснѣ будущаго года въ виду предстоящей осады Очакова. Полкъ Харьковскій, въ числѣ другихъ (кромя Острогожскаго), находился въ распоряженіи начальника бѣлгородскаго разряда — Долгорукаго и исполнялъ разныя работы подъ Казикерменемъ. Когда полкъ съ этой работы возвращался обратно домой, то узналъ о нападеніи все тѣхъ же татаръ на свои слободы, Харьковцы подъ начальствомъ брата полковника — Ивана Григорьевича — стремительно напали на татаръ, заставивъ бѣжать ихъ „неоглядкою“. Нападенія повторялись и въ слѣдующемъ году, но были отбиты.

Набѣги татаръ послѣдняго времени, вообще, далеко были слабѣе прежнихъ; по большей части они бывали неудачными

¹⁾ Н. Костомаровъ. Мазена и мазепинцы, стр. 123—124, 132; Лѣтопись Самовидца, стр. 166.

²⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 12.

³⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. III.

и дѣлались съ небольшими сравнительно силами. Татаръ постоянно отражали и побивали. Это происходило какъ отъ того, что населеніе полка къ тому времени возросло, такъ и отъ присутствія въ странѣ російскихъ войскъ.

Полкъ Харьковскій, считавшій въ 1677 г. 7,773 козака, а въ 1691 г.—7,005 (уменьшеніе это произошло отъ отдѣленія части къ Изюмскому полку), въ 1698 г. заключалъ въ себѣ уже 7,939 козаковъ ¹⁾. При всемъ томъ область полка была большая—въ немъ считалось въ 1692 г., за отдѣленіемъ 13 городовъ въ составъ Изюмскаго полка, слѣд. населенныя мѣста: 1) Волчанскъ (съ 2-мя селами), 2) Салтовъ (съ 4-мя сел и 2 дерев.), 3) Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дер.), 4) Золочевъ (съ 2 сел.), 5) Ольшанка (съ 2 сел.), 6) Валки (съ 4 сел.), 7) Мерефа (съ 3 сел.), 8) Соколовъ, 9) Зміевъ (съ 4 сел.), 10) Маяцкій и 11) Селеный ²⁾.

Въ 1698 г. полкъ, въ числѣ другихъ слободскихъ полковъ, вмѣстѣ съ малороссійскими козаками, подъ начальствомъ гетмана Мазепы, принялъ участіе въ походѣ кн. Долгорукаго къ Перекопу и въ осадѣ этой крѣпости впервые русскими войсками. Хотя и этотъ походъ, подобно походамъ Голицына, не принесъ никакой особенной пользы, такъ какъ армія Долгорукаго, дѣйствовавшая съ большимъ успѣхомъ первое время противъ татаръ, должна была снять осаду Перекопа и отойти на Украину вслѣдствіе подкрѣпленія, полученнаго крѣпостью, и недостатка фуража, но дорога въ Крымъ была уже проложена и покореніе этого разбойничьяго государства составляло уже вопросъ времени.

Полкъ въ этотъ походъ долженъ былъ поставлять провіантъ для продовольствія русскихъ войскъ. Это большою тяжестью ложилось на подпомощниковъ, ибо они, кромѣ того, что должны были содержать ранговыхъ козаковъ, доставляли провіантъ въ русскіе войска. Это отрывало ихъ отъ полевыхъ работъ въ самую горячую пору. Привольное время начало проходить! Въ этотъ-же годъ, когда армія ходила усмирять крымцевъ, орда ворвалась въ Слободскую Украину, разорила многія

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 561.

²⁾ Ibidem, стр. 542.

слободы по р. Сѣверскому Донцу и г. Салтовъ; самому полковому городу грозила большая опасность, его едва успѣли отстоять ¹⁾).

Въ 1695 г., во время перваго азовскаго похода, была пожалована полку грамота на имя Харьковскаго воеводы Зурова;—этою грамотою подтверждались права Харьковцевъ на беспошлинное владѣніе мельницами ²⁾).

По окончаніи-же азовскихъ походовъ, въ 1697 г., по повелѣнію царя Петра Алексѣевича, на подпомощниковъ козацкихъ была наложена подать въ размѣрѣ одного рубля съ души. Непривыкшіе къ какимъ-бы-то ни было поборамъ, слобожане подали челобитье царю, въ которомъ просили ихъ отъ этой подати избавить. Въ отвѣтъ на эту просьбу послѣдовало опредѣленіи, или конфирмація, которою козаки всѣхъ слободскихъ полковъ за ихъ вѣрныя и безпорочныя службы жаловались промыслами, владѣніемъ землями и всякими угодьями, мельницами, рыбными ловлями, беспошлиннымъ куреніемъ вина, правомъ открывать шинки, свободою отъ какихъ либо податей и платы таможенныхъ денегъ. За всѣ эти милости козаки должны были только оберегать границы отъ нашествія татаръ, зорко слѣдить за ними, донося о всякомъ ихъ движеніи къ границамъ государства ³⁾).

Въ грамотѣ, пожалованной полку отъ 28 февраля 1700 г., повелѣвалось въ Харьковскомъ полку быть „въ конной службѣ“ 850 выборнымъ козакамъ—компанейцамъ. Въ это число должны были выбираться козаки и мѣщане, но изъ тѣхъ, которые не состояли въ книгахъ, присланныхъ въ бѣлгородскій разрядъ воеводою; остальные-же козаки подпомощники, на которыхъ была наложена подушная подать, отмѣна которой подтверждалась этою грамотою, должны были помогать въ службѣ выборнымъ козакамъ, снабжая ихъ конями, оружіемъ, запасами въ походахъ, чтобы „скудности имъ никакой не было“. Распределение этихъ повинностей предоставлялось грамотою самому полку, „по ихъ черкасскому обыкновенію“. Далѣе въ грамотѣ

¹⁾ Н. Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, стр. 165.

²⁾ Грамота 1695 г. Н. Чижевскій. Староз. земли, стр. 113.

³⁾ Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 10—11.

говорилось, что выборныхъ козаковъ „кромѣ той валой конной службы никуда на городовую службу не посылать и иныхъ тягостей и подводъ у нихъ... безъ указу и безъ грамотъ изъ разряду никому не имать“. Всѣ права и преимущества, перечисленные въ конфирмаціи этою „милостивою жалованною грамотою“ подтверждались снова. Далѣе козакамъ предлагалось, „видя къ себѣ нашу Великаго государя... премногую и превысокую милость и жалованіе“, быть вѣрными въ службѣ и „надъ непріятельскими людьми промыслы и поиски чинить со всякимъ усердіемъ и радѣніемъ“ и пр., за что обѣщалось, что служба ихъ „забвенна никогда не будетъ“ ¹⁾.

Въ 1705 была пожалована еще грамота отъ 7 марта, на имя воеводы Вас. Кир. Толстого, съ приказомъ, снявъ копію, подлинную передать старшинѣ. Этою грамотою козаки снова освобождались отъ налоговъ на мельницы, на которыя хотѣли въ этомъ году наложить оброки ²⁾.

Недоразумѣнія между полковою старшиною, черкасами и воеводами продолжались постоянно. Не желая далѣе сносить всѣ тѣ притѣсненія и обиды, которыя воеводы позволяли себѣ по отношенію къ населенію, жители харьковскіе и золочевскіе обратились словесно къ Харьковскому полковнику съ жалобою, говоря, что воеводы и приказные люди „ихъ, черкасъ, непрестанно бьютъ и подати съ нихъ всякія силуютъ“, ³⁾ „и отъ того-де они разорились, а иные и разбрелись по слобо-

¹⁾ Грамота 1700 г. Пол. Соб. Зак. IV № 1771.

Примѣчаніе. Харьковскій Слободской полкъ послѣ этого состоялъ изъ слѣдующихъ чиновъ: полковникъ, обозный, судья, по 1; асауловъ, писарей, хорунжихъ, городовыхъ, сотниковъ, ратушныхъ, атамановъ,—по 2; уѣздныхъ сотниковъ—22; сотенныхъ хорунжихъ—10; молодыхъ писарей при ратушѣ—6; сотенныхъ писарей-пушкарей по 24; трубачей—4; фурмановъ, литаврщиковъ по 1; ратушныхъ послушниковъ—26; сотенныхъ послушниковъ (асаульцевъ)—30; компанейцевъ служащихъ—850, а всего всѣхъ чиновъ 1011 человекъ. Кромѣ того, въ полку были еще „куренщики“;—такъ назывались козаки, назначаемые старшинамъ на время похода для ихъ личныхъ услугъ. Часто эти куренщики и по возвращеніи домой оставались старшинами при своихъ дворахъ и обращались постепенно въ подданныхъ. Название куренщиковъ происходитъ отъ того, что имъ поручался „курень“ старшины (походныя палатки для хозяина и его прислуги) (Мос. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 25 св. 321 и „Павелъ Полуботокъ“ Лазаревскаго, Рус. Арх. 1880 г., кн. I, стр. 137).

²⁾ Ibidem, грамота 1705 г. В. В. Гуровъ. Сбор. суд. рѣш., стр. 521—524.

³⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 182.

дамъ, да и достальные хотять итить врознь“¹⁾. Объ этомъ всемъ Ѳеодоръ Григорьевичъ донесъ царю, и результатомъ этого была послѣдняя царская грамота, полученная имъ въ 1706 г. отъ 28 февр., которою повелѣвалось воеводамъ и приказнымъ людямъ выѣхать изъ городовъ, а городовыя постройки, дѣла, ключи, „зелейную и свинцовую казну передать Харьковскому полковнику. Русскихъ-же людей велѣно было приписать къ Чугуеву, болховому“²⁾. Такимъ образомъ, полкъ этою грамотою былъ избавленъ отъ русскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ много терпѣлъ несправедливостей.

Въ томъ-же 1706 г. скончался полковникъ и стольникъ Ѳед. Гр. Донецъ-Захаржевскій, до послѣдней минуты своей жизни исполнявшій возложенныя на него обязанности; онъ умеръ на р. Самарѣ, гдѣ находился въ то время съ командою полка своего для наблюденія за крымцами. Тѣло его было перевезено въ Харьковъ, гдѣ протекла вся его жизнь, полная боевыхъ тревогъ и неусыпной многосторонней дѣятельности, и погребено въ нижней церкви Покровскаго монастыря. И теперь еще на металлической дощечкѣ видна надпись: „Року 1706 августа 28 дня въ среду представился рабъ божій Федоръ Григорьевичъ Захаржевскій, полковникъ Харьковскій, въ полку на Самарѣ и погребенъ въ Харьковѣ“³⁾.

Донцы—отецъ и сынъ, потрудившіеся на славу своего полка, сдѣлавшіе такъ много для Московскаго государства, охраняя его отъ татаръ и прочно закрѣпивъ за нимъ большую область земли, оставили по себѣ добрую память на Украинѣ. Орновскій, панегиристъ рода Захаржевскихъ, посвятилъ памяти Ѳедора Григорьевича цѣлую книгу, небывшую, къ несчастью, въ нашихъ рукахъ, гдѣ выставлялъ его заслуги⁴⁾.

По смерти третьяго по счету Харьковскаго полковника, кандидатовъ въ полку на эту должность, видимо, не было; сынъ покойнаго былъ еще малолѣтній. Вся полковая старшина и

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 49.

4) Ornowsky. „Bogaty Wiridarz legatus Theodorowi Zacharzewskiemu“, изд. 1705 г. Этой книги, по наведеннымъ нами справкамъ, не оказалось и въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

козаки подали „полковую заручную челобитную“ на имя царя (12 сент. 1706 г.), въ которой, изложивъ кратко исторію заселенія Изюмскаго полка Гр. Ер. Донцомъ, просили царя назначить Харьковскимъ полковникомъ Изюмскаго полковника Ѳедора Владиміровича Шидловскаго, зятя основателя г. Изюма. Просьбу свою они основывали на томъ, что „Харьковскаго и Изюмскаго полку города поселены между собою поблиску, и селилъ ихъ одинъ полковникъ, тестъ его—Григорій Донецъ, и вѣдалъ за одинъ полкъ, чтобы намъ отъ посторонняго полковника въ конецъ не разориться“¹⁾. Харьковцы, бывшіе до того времени всегда подъ управленіемъ начальниковъ, родственныхъ имъ по крови, обычаямъ и интересамъ, не находя среди себя достойнаго, кому можно было-бы вручить управленіе полкомъ, обратили свои взоры на Шидловскаго, который былъ женатъ на дочери Григорія Ерофеевича; они къ тому же привыкли къ порядку управленія однимъ лицомъ двумя исполнѣ родственными полками. Такимъ образомъ, Шидловскій исполнѣ удовлетворялъ требованіямъ полчанъ, такъ какъ они видѣли въ немъ своего и, притомъ, родственника Донца, который считалъ его достойнымъ, если отдалъ за него свою дочь, а харьковцы привыкли цѣнить и уважать Донцовъ, въ продолженіи 37 лѣтъ съ честью управлявшихъ имъ, и съ именемъ которыхъ было связано для нихъ много хорошихъ воспоминаній. Петръ Великій, снисходя къ такой общей просьбѣ полка, повелѣлъ Шидловскому (указъ 17 ноября 1706 года), произведя его въ бригадиры, быть полковникомъ и Харьковскаго полка. Притомъ, согласно желанію полчанъ, высказанному въ челобитнѣ ихъ, разрѣшалось Шидловскому жить въ Харьковѣ. Грамота объ этомъ назначеніи была послана въ полкъ; и старшина, козаки и все посольство были извѣщены, что просьба ихъ уважена. Такая-же грамота была пожалована и бригадиру Шидловскому. Въ этихъ обѣихъ грамотахъ подтверждалось, что въ городахъ русскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ не быть.

Управлялъ полками Ѳед. Влад. Шидловскій недолго—скоро онъ навлекъ на себя гнѣвъ царя и отданъ былъ подъ судъ,

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 179.

такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность поспорить со всемогущимъ Меншиковымъ. Ссора эта послѣдовала изъ-за того, что Шидловскій не позволилъ собирать поборовъ съ купцовъ въ полкахъ въ пользу Рагузинскаго, въ чемъ, есть основаніе предполагать, былъ замѣшанъ и самъ Меншиковъ. Оскорбленные этимъ, вельможи своими происками достигли того, что всѣми любимый Шидловскій попалъ подъ судъ ¹⁾. Предлогомъ для этого послужилъ доносъ, обвинявшій Шидловскаго въ грабежахъ, которые онъ будто-бы производилъ въ Польшѣ ²⁾. 23 апрѣля 1711 г., по приказанію царя, Шидловскій былъ арестованъ и, подъ конвоемъ капитана Чириковского и поручика Макарова, доставленъ къ нему въ м. Яворъ (Волинской губ.), гдѣ въ то время Петръ находился ³⁾.

Послѣ произведеннаго слѣдствія, нашедшаго доносъ основательнымъ, Шидловскій былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и конфискаціи всѣхъ его имѣній. Владѣлъ-же онъ обширнымъ пространствомъ земли съ 710 дворами; все это было отдано кн. Кантеміру для раздѣла между волохами, которые прибыли вмѣстѣ со своимъ господаремъ и поступили въ русскую службу ⁴⁾, будучи поселены въ Слободской Украинѣ.

Подобной же конфискаціи ранѣе этого подверглись имѣнія и ахтырскаго полковника Перекрестова, на котораго весь полкъ приносилъ жалобу; при этомъ кое-что досталось и Меншикову ⁵⁾; не надѣялся-ли онъ на то-же при отнятіи имѣній у Шидловскаго, ведя противъ него интригу? Но царь, какъ-бы предусматривая что-то, писалъ письмо Апраксину: „Понеже сей плутъ Шидловскій зѣло богатъ, того ради гораздо въ томъ покажи вѣрность и трудъ свой, чтобы деньги его не пропали, но все чрезъ вѣрныхъ людей списать“ ⁶⁾.

Но Ѳедоръ Владиміровичъ пользовался общею любовью своихъ подчиненныхъ; это краснорѣчиво высказалось въ поданной просьбѣ, которую подписали полковые и сотенные стар-

1) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 28—29.

2) Ibidem.

3) Н. Гербель. Из. сл. коз. п., стр. 54.

4) Д. И. Багалъй. Матеріалы. Томъ I, стр. 193.

5) Шимановъ. Главн. момен. въ ист. землевл. Хар. губ., стр. 15.

6) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 28—29.

шины всѣхъ полковъ, гдѣ они просили царя помиловать ихъ любимца. И эта просьба полковъ была уважена царемъ, но только отчасти: Шидловскій былъ назначенъ въ армію генераль-маіоромъ, но отнятыя имѣнія ему возвращены не были¹⁾.

Еще ранѣе, въ 1708 году, наказнымъ Харьковскимъ полковникомъ былъ назначенъ Лаврентій Ивановичъ Шидловскій, утвержденный въ званіи полковника по волѣ царя 3 марта 1710 года, когда разразилась бѣда надъ бригадиромъ Шидловскимъ²⁾. На мѣсто-же Лаврентія Ивановича Шидловскаго, опредѣленнаго полковникомъ Изюмскаго полка, имяннымъ указомъ царя Петра, Харьковскимъ полковникомъ былъ пожалованъ Прокофій Васильевичъ Куликовскій, молдаванинъ шляхетскаго происхожденія, находившійся предъ этимъ въ службѣ волоскаго господаря, князя Кантеміра, въ чинѣ полковника. Куликовскій во время того крайне затруднительнаго положенія, въ которое попалъ Петръ (въ 1711 году), неосмотрительно начавъ войну съ Турціею,—неоднократно пріѣзжалъ къ царю отъ господаря съ секретнѣйшими бумагами. Тогда-же, въ бытность Петра на Прутѣ при арміи, Куликовскій со всѣмъ своимъ семействомъ, въ числѣ многихъ другихъ чиновниковъ, бывшихъ съ Кантеміромъ, принялъ русское подданство и переселился въ Россію. За вѣрную и безпорочную службу, оказанную имъ въ войнѣ съ Портою, Петръ и назначилъ его полковникомъ³⁾.

Куликовскаго въ 1714 году смѣнилъ Григорій Семеновичъ Квитка, происходившій изъ польскаго шляхетства, но малороссіянинъ и православнаго вѣроисповѣданія. Его дѣдъ, Афанасій Квитка, прибылъ изъ Польши и принялъ подданство въ царствованіе Алексѣя Михайловича, служилъ въ Гадячскомъ полку полковникомъ; сынъ его, Семенъ, пришелъ въ Харьковскій полкъ и былъ въ немъ полковымъ судьей⁴⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Е. А. Альбовскій.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 39.

²⁾ Ibidem. Отд. II, стр. 65.

³⁾ Мос. отд. арх. гл. шт. Оп. 109, св. 62 и 67.

⁴⁾ Квитка. Записки о сл. пол., стр. 23.

ЦЕРКОВНО-СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДѢЛАМЪ БРАЧНЫМЪ ВЪ БѢЛГОРОДСКОЙ ЕПАРХІИ. II *).

ОТМѢНА БРАКА.

Церковный судъ XVIII вѣка по дѣламъ брачнымъ (и не по однимъ только этимъ дѣламъ) дѣйствовалъ въ условіяхъ совершенно исключительныхъ, значительно усложнявшихъ задачи судьи и самое отправленіе правосудія. Всякое другое судебное мѣсто того времени руководствовалось кодексомъ своей эпохи, систематически обработаннымъ и потому не представлявшимъ большихъ трудностей въ приложеніи ¹⁾;—судъ церковный долженъ былъ неизмѣнно примѣнять правила, возникшія въ отдаленный періодъ вселенскихъ соборовъ, притомъ на обширной разноплеменной территоріи древняго христіанскаго міра. Возникновеніе правила и жизнь, къ коей она примѣнялась, норма и ея приложеніе представлялись здѣсь въ огромномъ, пространственномъ и временномъ взаимномъ отдаленіи ²⁾. Затруднительность буквального примѣненія древнихъ правилъ къ брачнымъ дѣламъ выясняется прежде всего въ церковныхъ наказаніяхъ, налагавшихся на виновныхъ супруговъ. Наказанія

*) См. Харьковскій Сборникъ, вып. V, стр. 53.

¹⁾ Уложеніе царя Алексѣя 1649 г. Воинскій уставъ (Воинскіе артикуляры) 1716 г. Морской уставъ 1720 г. Приложеніе этихъ законоположеній усложнилось только съ развитіемъ указной дѣятельности государей. Проф. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, стр. 603.

²⁾ Основными правилами, которыми главнымъ образомъ разрѣшались дѣла о незаконныхъ бракахъ были правила, извлеченныя изъ 2-го и 3-го, такъ называемыхъ, каноническихъ посланій Василия Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Оба посланія написаны въ 375 году; Филаретъ, арх. Черниг. Историч. ученіе объ отцахъ, т. II (изд. 2), стр. 116.

эти, какъ увидимъ ниже, вообще смягчились — такова общая характеристика заключеній духовныхъ управленій и мнѣній консисторій и въ особенности рѣшеній архіереевъ по вопросамъ объ отвѣтственности супруговъ. Суровая санкція древнихъ правилъ, въ частности относящихся до нарушенія чистоты брачнаго союза уже не представлялась необходимостью въ XVIII вѣкѣ. Не слѣдуетъ забывать, въ какую эпоху она возникла. „Суровости древнецерковной дисциплины, говоритъ проф. Суворовъ, съ ея тяжкимъ и продолжительнымъ покаяніемъ для грѣшниковъ, съ ея покаянными степенями, съ ея строгостію къ рецидивистамъ, могла бы съ нашей точки зрѣнія казаться непонятною и странною, если бы взвѣшивать ее, безъ соображенія съ тѣмъ, чего требовали партіи, отдѣлявшіяся отъ церкви. Сравнительно съ ними, взглядъ церкви былъ снисходительнѣе, при всей его суровости, а что онъ не могъ быть еще болѣе снисходителенъ, — это само собою понятно, если принять во вниманіе воззрѣнія времени вообще: не могли быть мягкими воззрѣнія христіанства въ такую эпоху, когда изъ за обратнаго принятія въ церковь грѣшниковъ происходили церковные расколы, выходившіе изъ мысли о поддержаніи соотвѣтствія между церковью въ идеѣ и церковью въ дѣйствительности“¹⁾. Съ исчезновеніемъ ригористическихъ направленій въ христіанствѣ, сыгравшихъ какъ и все крайнее и несовершенное въ исторіи свою временную, преходящую роль, церковь, сообразуясь съ измѣнившимися потребностями времени, стала смягчать свою суровую древнюю дисциплину. VI-й вселенскій, Трулльскій соборъ въ 102 правилѣ даетъ общія указанія пастырю церкви сообразовать размѣръ налагаемыхъ имъ запрещеній (епитимій) и съ степенью вины и съ индивидуальными особенностями виновнаго. По образному выраженію правила, повторенному въ толкованіи къ нему по нашей Кормчей книгѣ²⁾, вся забота пастыря должна состоять въ томъ, чтобы овцу заблудшую возвратить, а не гнать по стремнинамъ отчаянія, и уязвленную зміемъ исцѣлить. Резюмируя смыслъ этого правила и положеній изъ него вытекающихъ, знаменитый канонистъ Вальсамонъ замѣчаетъ, что должно „знать и точныя правила каноническихъ епитимій и положенія болѣе снисходительнаго объема, и иногда врачевать недуги по правиламъ, а иногда посредствомъ обычныхъ и болѣе снисходительныхъ лѣкарствъ“³⁾.

¹⁾ Н. Суворовъ. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикц. церкви въ періодъ вселенск. соб., стр. 30.

²⁾ Толкованіе принадлежитъ византійскому канонисту Аристину. См. правила св. вселенск. собор. съ толкованіями, изд. Моск. общ. любит. духовн. просв., ч. II, стр. 612—613.

³⁾ Тамъ же. Въ толкованіи Вальсамона на то же правило читаемъ: „и на

Буквально точнаго исполненія древнихъ опредѣленій церковныхъ объ епитиміяхъ, какъ уже отчасти упомянуто, не встрѣчалось вообще въ практикѣ церковно-судебныхъ учреждений XVIII вѣка, причемъ нельзя не замѣтить, что, чѣмъ выше стояло учрежденіе, тѣмъ чаще и рѣшительнѣе смягчались имъ наказанія въ смыслѣ сокращенія продолжительности ихъ, перемѣны мѣста и способа прохожденія, а иногда опредѣленіе объ епитиміи, дойдя до обсужденія епархіальнаго архіерея, и вовсе отмѣнялось.

Въ 1780 году Свят. Синодъ общимъ указомъ отъ 21 марта вновь подтвердилъ осмотнительное примѣненіе епитимій, предписавъ „въ разсужденіи налагаемаго преступникамъ запрещенія причащенія святыхъ таинъ поступать осмотнительно такъ, чтобъ и кающагося не обременить и не привести въ отчаяніе и въ имѣющемъ холодность къ закону не умножить оную... чтожъ надлежитъ до умаленія времени, то и въ ономъ искренно раскаявающемуся отъ церкви снисхожденіе оказывать нужно“.

На этотъ Синодскій указъ и на 102 правило Трульскаго собора и ссылалась всегда Бѣлгородская епархіальная власть, когда приходилось допускать какія-либо смягченія въ налагаемыхъ епитиміяхъ ¹⁾.

Другихъ соборахъ опредѣлено, чтобы мѣстный епископъ, получившій отъ благодати Всесвятаго Духа власть вязать и рѣшать, *не всегда обращалъ вниманіе на положенное правилами относительно епитимій, но чтобы назначилъ оныя примѣнительно къ лицамъ, подлежащимъ епитиміи, т. е. — къ возрасту ихъ и къ расположеніямъ, къ способностямъ, а, при этомъ, и къ качеству грѣха*“. Вальсаноново толкованіе на 84 прав. Вас. Вел. и 2 пр. Алкирск. соб.

¹⁾ Упомянутые указъ и правило, имѣвшіе общее значеніе, а не относившіеся исключительно къ дѣламъ брачнымъ, полагались въ основаніе всѣхъ опредѣленій объ епитиміяхъ вообще, причемъ Бѣлгородская консисторія и въ особенности архіереи пользовались всякимъ случаемъ для смягченія епитимій. Такъ наприм., по дѣламъ о проступкахъ, тѣсно связанныхъ съ достоинствомъ и неприкосновенностью чистоты брачныхъ отношеній, поводомъ къ такому смягченію нерѣдко служилъ новый бракъ, такъ сказать покрывавшій и заставлявшій забыть совершенный проступокъ. Въ 1792 г. правитель Харьковскаго намѣстничества сообщеніемъ требовалъ о наложеніи церковнаго покаянія на Ахтырскихъ жителей — солдатскую жену Анну и деверя ея Никиту Литвиновыхъ (за кровосмѣшеніе), „почему Бѣлгородскою консисторіею опредѣлено и Его Преосвященствомъ утверждено: на означенныхъ солдатку Анну и обывателя Никиту Л. за показанное ихъ преступленіе наложить церковную епитимію по прав. Василия В. 67 на 12 лѣтъ, которую исполнять имъ: Аннѣ въ Харьковскомъ Хорошевскомъ Вознесенск. Дѣвичьемъ, а Никитѣ въ ономъ Покровскомъ училищномъ монастырѣхъ, подъ присмотромъ въ дѣвичьемъ монастырѣ тамошняго священника, а въ мужескомъ искуснаго іеромонаха чрезъ три года, а достальное время въ домахъ подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, прописанныхъ въ помянутомъ правилѣ порядкомъ, а притомъ стараться тѣмъ священни-

На отступленіе отъ буквального примѣненія древне-церковной дисциплины къ виновнымъ супругамъ отнюдь не ограничивались однимъ смягченіемъ епитимій. Практика церковно-судебныхъ учреждений XVIII вѣка шла въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Подчиняясь утилитарнымъ воззрѣніямъ времени, когда продолжительное пребываніе обвиненнаго въ мона-

камъ и іеромонаху наставлятъ ихъ Анну и Никиту закону Божію, приводить къ истинному о преступленіи ихъ раскаянію и, внушая о происходящихъ отъ непостоянства худыхъ слѣдствіяхъ, предуготовить ихъ къ препровожденію впредь цѣломудренной и богоугодной жизни и чрезъ все время бытія ихъ подъ епитимією въ посты исповѣдывать, а Святыхъ Божественныхъ Таинъ не сподоблять, кромѣ смертнаго случая, а въ ономъ поступать какъ Григорія Нисскаго 5-е правило повелѣваетъ. Какіе они приносятъ будутъ плоды покаянія, о томъ изъ помянутыхъ монастырей, и по прошествіи трехъ лѣтъ изъ Ахтырскаго Духовн. Правленія репортовать Его Пр-ву погодно для поступленія съ ними, Литвиновыми, по правилу 102 шестого Вселенск. собора и 1780 года марта отъ 21 дня изъ Святѣйш. Правит. Синода указу; буде-жъ изъ нихъ Л. Анну пожелаетъ мужъ ея взять въ сожитіе, а Никита *пожелаетъ вступить въ бракъ и о томъ будетъ просить, то ихъ изъ монастырей и прежде окончанія назначеннаго времени освободитъ*. (Дѣло № 110—1793 г.).

Въ 1789 г. Харьковскій Уѣздный Судъ отнесся къ Духовному Правленію о наложеніи епитиміи на дѣвку Софію Кеневу за прижитіе младенца. Правленіе репортовало консисторіи, консисторіей опредѣлено и архіереемъ утверждено: „на означенную дѣвку... наложить церковную епитимію по 59 прав. Василия В. на семь лѣтъ, которую исполнять ей въ Харьковск. Хорошевомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, чрезъ 1 годъ подъ наблюденіемъ священника, а достальное время въ домѣ подъ присмотромъ духовнаго ея отца... въ свободные же отъ молитвы часы употреблять ее и въ монастырскую черную работу и чрезъ все бытіе ея подъ епитимією время въ святые посты ее Софію исповѣдывать, а Святыхъ Б. Таинъ не сподоблять, кромѣ смертнаго случая, какіе же она приносить будетъ плоды покаянія о томъ... репортовать по полугодно для поступленія съ нею, Софією, по правилу 102 шестаго Вселенск. собора и 1780 года марта 21 дня изъ Святѣйш. Правит. Синода указу; буде-же къ помянутой дѣвкѣ С. во время жительства ея въ монастырѣ по старанію родителей или родственниковъ *сыскаться можетъ женихъ и о выходѣ ея въ замужество просить будутъ, въ такомъ случаѣ и прежде окончанія назначеннаго времени изъ монастыря ее освободитъ и въ бракъ вступить дозволитъ*“. (Дѣло № 119).

Аналогичный случай представляетъ дѣло № 93—1793 года о дозволеніи присужденной къ церковной епитиміи дѣвкѣ Марфѣ Куридьѣ вступить въ бракъ.—Марфа за какой-то проступокъ судилась въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а затѣмъ въ Бѣлгородской консисторіи и по представленію Преосвященнаго указомъ Синода отъ 12 іюля 92 года велѣно было опредѣлить ей церковную епитимію на 10 лѣтъ (2 года въ монастырѣ и 8 лѣтъ въ домѣ) съ тѣмъ, что если во время пребыванія ея въ монастырѣ сыщется ей женихъ, то и прежде окончанія назначеннаго времени изъ монастыря ее освободитъ и въ бракъ вступить дозволитъ. Найдя крестьянина, пожелавшаго на ней жениться, она просила Преосвященнаго объ увольненіи ея изъ монастыря (Рождественскаго

стырь могло казаться непроизводительнымъ и шло въ разрѣзъ съ экономическими интересами государства, интересами фиска, епархіальная власть нерѣдко замѣняла всякое прохожденіе епитиміи тѣлеснымъ наказаніемъ. Такъ разрѣшались брачныя дѣла, въ особенности въ первой половинѣ столѣтія, надъ лицами податного состоянія, для которыхъ „жестокое (нещадное) плетью наказаніе“ признавалось болѣе соотвѣтствующимъ и даже болѣе легкимъ, нежели отрывавшія отъ хозяйственныхъ занятій продолжительныя церковныя запрещенія. Мотивы такой замѣны иногда ясно указывались въ рѣшеніяхъ; они допускались въ видахъ принадлежности виновнаго „къ такому званію, по которому онъ обязанъ платить государственныя подати и другіе поборы и дабы не могъ онъ имѣть въ хозяйствѣ своемъ разстройства“¹⁾.

Замѣна церковныхъ запрещеній тѣлесными, болевыми наказаніями практиковалась въ XVIII вѣкѣ въ духовныхъ судахъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ суровыхъ уголовныхъ законовъ Имп. Петра I-го и не имѣла никакихъ основаній ни въ каноническихъ правилахъ, ни даже въ гражданскихъ, законоположеніяхъ по дѣламъ церкви. Собственно церковныя наказанія по самому существу своему могутъ выражаться только въ формѣ запрещеній, состоя въ лишеніи члена церкви на опредѣленное время какихъ либо церковью даруемыхъ благъ²⁾. Имѣя цѣлью какъ бы перевоспитать преступника, они должны дѣйствовать исключительно на его совѣсть. „Церковная епитимія, говоритъ Вальсамонъ, не есть наказаніе, но очищеніе и врачеваніе.... а гражданскій законъ наказываетъ, а не врачуетъ“. По этому

Бѣлгородскаго) и дозволеніи вступить въ бракъ. На это послѣдовала резолюція — „учинить по точности указа о семъ“. Консисторія опредѣлила удовлетворить просительницу съ тѣмъ, чтобы возложенную на нее церковную епитимію она проходила въ домѣ; приходскому священнику вмѣненъ въ обязанность при-смотрѣть за Марфою, наставленіе ея закону Божію, а благочинному „о плодахъ покаянія“ репортовать погодно „со свидѣтельствомъ Долбинскаго приходскаго священника.“ (Указъ отъ 25 іюня).

1) Тѣлесныя наказанія виновнымъ супругамъ практиковались и въ другихъ нашихъ епархіяхъ въ прошломъ столѣтіи, напр. въ Московской. См. Розанова истор. Московск. епар. управ., ч. I, стр. 224—225; ч. II, кн. I, стр. 109; ч. II, кн. II, стр. 134 и др.

2) Ср. пр. Суворова „о церковныхъ наказаніяхъ“, стр. 16—24. Опредѣленія византійскаго законодательства о тѣлесныхъ наказаніяхъ виновнымъ супругамъ не имѣли въ виду замѣнить ими епитиміи, которымъ преступники должны были подвергаться, наряду съ наказаніями, законамъ установленными; напр., Василикъ 60 кн. 39 тит. 77 гл. опредѣляетъ тѣлесное наказаніе вступающимъ въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и др., частью вошедшія въ составъ 2-й части Кормчей книги.

замѣна одного другимъ съ точки зрѣнія канонической не можетъ быть признана правильной.

Но не только особенности епитимій, установленныхъ древними канонами, представляли затрудненія въ церковно-судебной практикѣ прошлаго столѣтія,—самая редакція каноновъ въ Кормчей книгѣ также должна была вызывать, если не недоумѣнія, то во всякомъ случаѣ нелегкій трудъ толкованія древнихъ правилъ, въ ихъ примѣненіи къ измѣнившимся и усложнившимся условіямъ новаго времени. Какъ извѣстно, Кормчая книга содержитъ въ себѣ неполный текстъ каноновъ, но сокращенный его текстъ (синопсисъ) въ формѣ краткихъ догматическихъ положеній. Большинство сопровождается краткими же толкованіями Аристина, нѣкоторые (очень немногіе)—выдержками изъ толкованій Зонары, составленныхъ въ XII вѣкѣ¹⁾. По своему содержанію и редакціи, каноны не лишены до нѣкоторой степени казуистическаго характера: составители ихъ не задавались задачей исчерпать всѣ мыслимые случаи, которые могли бы представиться на обсужденіе пастыря церкви, правила не сочинялись, не были результатомъ теоретической работы ихъ авторовъ. Они составлялись *по поводу* конкретного частнаго случая, писались и издавались большею частью по поводу даннаго событія, почему-либо обратившаго на себя вниманіе духовной власти, наприм., представлявшаго извѣстныя практическія трудности или недоумѣнія. Для правильнаго и успѣшнаго приложенія древняго каноническаго кодекса церковный судъ долженъ былъ прибѣгать къ аналогіи, къ толкованію распространительному, долженъ былъ изъ конкретныхъ опредѣленій церкви выводить общіе каноническіе принципы²⁾.

Каноническій кодексъ Вселенской церкви, вошедшій въ составъ первой части нашей Кормчей книги, служилъ главнымъ основаніемъ опредѣленій церковнаго суда по дѣламъ брачнымъ, но названный судъ долженъ былъ руководствоваться и второй частью Кормчей, содержащей: 1) постановленія болѣе поздняго времени, церковнаго происхожденія и 2) гражданскіе (византійскіе) законы. Главы 50—52 служили руководствомъ къ разрѣшенію

¹⁾ Полный текстъ каноновъ и толкованія къ нимъ Зонары и Вальсамона до текущаго столѣтія не были у насъ издаваемы, хотя, по распоряженію высшей духовной власти, нѣсколько разъ и переводились по изданіямъ западныхъ ученыхъ Леунклавне—„Jus graeco-romanum“ и Беввергія „Pandectoe sive Synodicon canonum“. Хранясь въ рукописяхъ, переводы эти не могли быть доступны для пользованія духовнымъ судамъ.

²⁾ Болѣе подробную характеристику съ юридической точки зрѣнія вселенскаго каноническаго кодекса см. у меня „Характеръ и значеніе толкованій на каноническ. кодексъ греческой церкви“. М. 88 г., стр. 33—37 и 41.

дѣлъ о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства. Остальныя главы той-же части представляютъ преимущественно заимствование изъ законодательныхъ трудовъ византійскихъ императоровъ: Юстиніана, Василя Македонянина, Льва Исаврянина, Константина Копронима, Алексѣя Комнена (VI—XII столѣтій). Если вопросъ о практическомъ значеніи всѣхъ этихъ опредѣленій считается и въ настоящее время, когда источники ихъ достаточно выяснены, вопросомъ труднымъ, то легко понять, насколько неяснымъ представлялся онъ духовнымъ судамъ прошлаго столѣтія. Многіе вошедшіе въ составъ Кормчей византійскіе законы, въ особенности по дѣламъ, изъятымъ, со времени Петра, изъ вѣдѣнія церкви, очевидно потеряли у насъ силу дѣйствующаго правила, но провести точно опредѣленную границу въ Кормчей между правомъ дѣйствующимъ и уже переставшимъ дѣйствовать было по меньшей мѣрѣ очень нелегко. Практика Бѣлгородскихъ церковно-судебныхъ учреждений не представляетъ въ этомъ отношеніи однообразія: въ дѣлахъ совершенно аналогичныхъ то дѣлаются, то не дѣлаются ссылки на византійскіе законы, то ими руководствуются, то оставляютъ ихъ безъ вниманія.

Руководствуясь столь сложнымъ сборникомъ правилъ и законовъ, какова наша Кормчая, во многихъ частяхъ своихъ *implicite* отмѣненная законодательной дѣятельностью русскихъ государей, Бѣлгородскій церковный судъ XVIII вѣка въ своей практикѣ по дѣламъ брачнымъ не могъ, естественно, избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Ясно сознавая основныя положенія брачнаго права, онъ во многихъ частностяхъ неустойчиво мѣнялъ свои взгляды и одни и тѣ-же случаи разрѣшалъ неодинаково. Опредѣленіе Бѣлгородскихъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросамъ объ отмѣнѣ брака и въ особенности объ отвѣтственности супруговъ всего менѣе можно было-бы назвать стереотипными. Въ случаяхъ совершенно однородныхъ, какъ увидимъ ниже, супруги подвергались и не подвергались запрещеніямъ, браки признавались и не признавались дѣйствительными и т. п. Въ этомъ разнообразіи встрѣчаются изрѣдка рѣшенія и безусловно антиканоничныя.

Но упомянутыя особенности условій, въ которыхъ приходилось дѣйствовать церковному суду, и которыя значительно усложняли его дѣятельность, имѣли и свою хорошую сторону. Здѣсь судья, нестѣсняемый детальными и строго точными опредѣленіями правилъ и законовъ, пользовался нѣкоторымъ просторомъ въ дѣйствіяхъ, роль его не ограничивалась только простымъ механическимъ приложеніемъ абстрактной нормы къ конкретному случаю. Безконечно разнообразныя сочетанія, создававшія-

ся жизнью и представлявшіяся обсужденію суда въ дѣлахъ о незаконныхъ бракахъ, могли получать и разнообразную оцѣнку и каждое—соотвѣтствующее разрѣшеніе. Въ опредѣленіяхъ церковнаго суда большее значеніе получилъ элементъ моральный. Нравственными соображеніями часто мотивировалась и та разность въ разрѣшеніи совершенно аналогичныхъ случаевъ, о которой нами только что упомянуто. Въ особенности сами епархіальные архіереи, имѣя дѣло съ лицами почему либо заслуживавшими жалости, обманутыми и т. д., не стѣснялись отступать отъ обычнаго порядка рѣшенія, допускали всевозможныя снисхожденія, освобождали отъ всякой отвѣтственности, придавали недѣйствительному браку силу брака законнаго. Словомъ, здѣсь вмѣсто формально—юридическаго (древне-римскаго) принципа „*fiat justitia, pereat mundus*“ выступалъ принципъ религіозно нравственный—„*суббота (законъ) для человека, а не человекъ для субботы*“ (Ев. Марк. II, 27).

Въ законоположеніяхъ и правилахъ, служившихъ основаніемъ дѣятельности церковнаго суда, всего менѣе заключалось нормъ процессуальнаго права. Обряды судопроизводства и порядокъ движенія дѣлъ во всѣхъ своихъ стадіяхъ заимствовались поэтому судомъ этимъ отъ современнаго ему суда гражданскаго. Въ частности дѣла объ отмѣнѣ браковъ велись слѣдственнымъ порядкомъ, *сыскомъ*, характерная особенность котораго состоитъ въ томъ, что направленіе дѣла отъ усмотрѣнія сторонъ не зависитъ и прекращенію миромъ не подлежитъ¹⁾. Эти дѣла возникали, заводились и получали свое движеніе, какъ только органы епархіальнаго суда освѣдомлялись о существованіи незаконнаго брака. Обыкновенно начинались они съ доношенія лица заинтересованнаго, нерѣдко лица должностнаго. Доносили прежде всего священники, совершавшіе браковѣнчаніе, когда получали свѣдѣнія о его сомнительной законности или священники, въ чьихъ приходахъ имѣли мѣсто жительства супруги, незаконно обвѣнчанные. Доносчикъ имѣлъ цѣлью оградить себя доносомъ отъ всякой отвѣтственности за соучастіе, попустительство или сокрытіе преступнаго дѣянія²⁾. Доносили, далѣе, родственники невинной обманутой стороны, очевидно желая избавить ее отъ дальнѣйшихъ невыгодныхъ послѣдствій

¹⁾ Проф. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія, стр. 982 и слѣд.

²⁾ Радковскій священникъ Константинъ Ѳеодоровъ, донося 6 апрѣля 1733 г. протопопу Изюмскому Прокопію объ обнаруженномъ въ предѣлахъ его прихода случаѣ четвероженства, между прочимъ пишетъ: „и объ оной женѣ (Евдокии) доношу пречестности вашей, какъ съ нею повелите, понеже я опасался архіерейскаго штрафа и дабы мнѣ не быть за то въ какой бѣдѣ понеже она въ приходѣ моемъ живетъ“, д. № 43 1733 г., также д. № 78 1789 г. и др.

незаконнаго брака и навлечь на виновнаго заслуженную кару¹⁾. Наконецъ доносили лица, права коихъ нарушались подобными браками, наприм., помѣщики, владѣльцы одного изъ супруговъ и даже самъ обманутый супругъ²⁾. Доносъ или извѣтъ съ какой-бы то ни было стороны признавался самъ по себѣ достаточнымъ, чтобы приступить къ розыску; но доносчикъ прежде всего долженъ былъ содѣйствовать власти въ раскрытіи и выясненіи уликъ³⁾.

Ближайшей затѣмъ задачей духовнаго правленія было произвести слѣдствіе и розыскать обвиняемыхъ и свидѣтелей. Предварительное слѣдствіе поручалось иногда произвести на мѣстѣ священникамъ, очевидно занимавшимъ какія либо церковно-

1) Вотъ образецъ такого доношенія: Изюмскаго полку, мѣстечка Каменки на духовной дворъ духовному управителю доношеніе, а въ чемъ мое доношеніе тому слѣдуютъ пункты: 1) Въ прошломъ 725 году въ августѣ мѣсяцѣ выдалъ я, ниже именованный, дочь свою Матрену Петрову замужъ за печенежскаго жителя Андрея Пшениченка и жилъ онъ Андрей съ моею дочерью понынѣ. 2) А сего 726 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ увѣдомился я про него Андрея, будто женился онъ на моей дочери Матренѣ отъ живой жены своей Ефросиніи, которую, оставя въ селѣ Деркачахъ, бѣжалъ въ мѣстечко Двурѣчную и женился на моей дочери, Матренѣ, и въ то число какъ онъ Андрей женился на моей дочери сказалъ якобы жена его Ефросинія померла въ селѣ Деркачахъ. 3) И дабы повелѣно было противъ сего моего доношеніе выше означеннаго Андрея на духовный дворъ сыскать и о упомянутой его женѣ допросить, не отъ живой ли онъ, Андрей, жены своей, Ефросиніи, женился на моей дочери Матренѣ. Доношеніе подписалъ за Петра Самохвалова дьячокъ Филимонъ Герасимовъ.

2) См. напр. д. 1776 г. № 15. Въ январѣ 1776 года солдатка Ульяна Денисова, по первому мужу Сtryжкина, вошла съ „всенижайшимъ“ прошеніемъ къ преосвященному Агею. Въ прошеніи Ульяна объясняетъ, что первый мужъ ея былъ убитъ заграницей въ сраженіи съ турками, затѣмъ пишетъ: „въ 771 году въ августѣ м. Козловскаго пѣхотнаго полку отставнымъ сержантомъ Варфоломеемъ Волосатымъ обманно не давъ мнѣ знать, что жена у него жива, взята я въ замужество, съ каковымъ, по перевѣчаніи онаго мѣстечка воскресенской церкви священникомъ Василиемъ, жила по 773 г.; а въ томъ году помянутаго сержанта являсь первая жена и съ нимъ изъ того мѣстечка тайно уѣхала на прежнее жилище будто Воронежской губерніи, а въ какое имянно мѣсто я не вѣдаю и что точно уѣхали я имѣя того-жъ полку отъ порутчика Николая Уварова свидѣтельство, при семъ подношу. Послѣжъ того я, не имѣя мужа, будучи на отдаленной отъ родства сторонѣ, доннынѣ въ пропитаніи претерпѣваю крайнюю нужду; и безъ благословенія Вашего преосв-ва замужъ итить не смѣю. Того ради Вашего преосв-ва всенижайше прошу о дачѣ мнѣ благословительнаго повелѣнія итить въ замужество учинить отеческое милосердное разсмотрѣніе.“

3) Наприм., см. д. 1795 г. № 137: по поводу прошенія помѣщика Заруднаго, донесшаго на солдата Ивана Ѳедорова что „онъ де женился на его крѣпостной, мужъ которой всего три года какъ бѣжалъ“, Волонское Духовн. Правленіе полагало истребовать отъ просителя Заруднаго доказательствъ, такъ какъ доношеніе его недостаточно обосновано.

административныя должности. Выѣздъ на мѣсто вызывался, надо полагать, необходимостью опросить большое число лицъ, проживавшихъ притомъ въ далекомъ разстояніи отъ правленія. Обыкновенно-же и обвиняемыхъ и свидѣтелей требовали въ самое правленіе, гдѣ и отбирались отъ нихъ показанія. Къ свидѣтельству привлекался и священникъ, вѣнчавшій бракъ. Для допроса вызываемые подвергались въ большинствѣ случаевъ приводу, со всею строгостью нашихъ старыхъ судебныхъ порядковъ. Чтобы лишить ихъ возможности уклониться отъ суда и слѣдствія ихъ брали „подъ караулъ“, иногда „забивали въ колодки“ и такъ доставляли въ правленіе. Исполнителями опредѣленій Духовнаго правленія о личномъ задержаніи виновныхъ и вообще прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ были: священники, чаще причетники, пономари, дьячки, а иногда даже сторожа. Если посылаемый былъ священникъ, то ему предписывалось взять съ собою „для вспоможенія дьячка съ лошадыю“¹⁾.

Порученіе дѣлалось въ письменной формѣ инструкціи, въ которой излагались задачи посылаемаго, съ неизмѣннымъ добавленіемъ объ отвѣтственности его за неправильныя дѣйствія. Съ инструкціей въ рукахъ посланный пользовался большими полномочіями, могъ употребить въ отношеніи арестуемаго силу²⁾ и потому напоминаніе ему каждый разъ о не

¹⁾ 26 мая 1736 года попъ Григорій доносилъ Изюмской духовной канцеляріи: „по силѣ инструкціи, я, нижеименованный, въ означенную слободу (Протопоповку) ѣздилъ и о вышепоказанныхъ трехъ бракахъ слѣдовалъ, допросами токмо явились попомъ Максимомъ вѣнчаны, а явился точію одинъ второй бракъ, а больше слѣдовать невозможно, ибо которыхъ подлежатъ къ допросу, то оныя не слушаютъ, многія русскія люди отправлены въ крымскій походъ, и которыхъ свидѣтелей не допрашивалъ ибо отговаривались, что они не духовнаго регламенту и въ допросахъ во свидѣтельство показать не хотятъ, а выше показанные допросы при семъ представляю“. Попъ Григорій дѣйствовалъ по инструкціи Изюмскаго духовнаго правленія отъ 17 мая 1736 года: „Ѣхать тебѣ Изюмскаго вѣдомства въ слободу Протопоповку... о вышепоказанныхъ трехъ бракахъ въ слободѣ Протопоповкѣ слѣдовать по распросу тамошняго попа Ивана, гдѣ кто жительство имѣетъ, сыскать и допросить обстоятельно, а по слѣдствію въ той слободѣ, ѣхать для слѣдствія въ прочія крѣпости и слѣдовать“...

²⁾ Указъ Е. И. В. Самодерж. Всероссійск. изъ канцеляріи преосв. Епифанія, епископа Бѣлгородскаго и об. Изюмской соборной церкви протопопу Проконію Бужинскому: сего марта 16 дня 726 г. его преосв-ву въ доношеніи твоємъ по пунктамъ написано: въ первомъ пунктѣ—увѣдомился ты, что въ городѣ Изюмѣ имѣются четвероженцы, того города жители Иванъ Суковой да Иванъ Кравецъ, которые и донинѣ съ женами своими живутъ беззаконно; во второмъ (пунктѣ) о вышеозначенныхъ беззаконно живущихъ такихъ и ежели впредь таковыя явятся о учиненіи резолюціи, что архипастырскимъ милостивымъ распоряженіемъ повелѣно будетъ. И по велѣнію его пр-ва на то доношеніе велѣно таковыхъ беззаконныхъ допрашивать, сколь давно живутъ и каковымъ образомъ сошлись, и

превышеніи власти было необходимо. Въ инструкціи прописывалось (послѣ указанія куда ѣхать и что исполнить): „токмо будучи тебѣ въ той посылки обидѣ, раззореніи и грабительствѣ отнюдь не чинить подѣ опасеніемъ жестокаго истязанія“ или „жестокаго на тѣлѣ наказанія“. Угроза объ отвѣтственности повидимому оказывала свое дѣйствіе; злоупотребленія были крайне рѣдки, по крайней мѣрѣ жалобъ на таковыя въ дѣлахъ почти не встрѣчается¹⁾. Нельзя усмотрѣть и медленности въ исполненіи порученій о личномъ задержаніи. За

кто вѣнчалъ, съ памятью-ль вѣчной или безъ памяти, и въ городъ за карауломъ къ наказанію прислать, и о томъ отпустить къ тебѣ указъ и тебѣ-бъ по полученіи сего указа о вышеписанномъ чинить по вышеписанному указу непременно, а съ кѣмъ именно оныя четвероженцы и въ Бѣлгородъ посланы будутъ, о томъ въ домовую его пр-ва канцелярію отвѣтствовать доношеніемъ безъ замедленія.

1) Одинъ изъ такихъ случаевъ находимъ въ дѣлѣ 1726 г. (невнесенномъ въ опись) о двоеженцѣ Андреѣ Ткачѣ. Въ названномъ году полковая Изюмская канцелярія сообщила проеморіей духовному Изюмскому правленію: сего 1726 г. іюня въ 24 день, въ поданномъ въ оную канцелярію прошеніи Изюмскаго полку мѣстечка Двурѣчной жителя Петра Самохвалова показано: въ прошедшемъ 725 году, октября въ первыхъ числахъ, сговорилъ онъ, Самохваль, дочь свою Матрену вдову, въ Двурѣчной, за Андрея Ткача, которую Двурѣчанскій попъ Дмитрій, взявъ сказку съ вышеписаннаго зятя его, нѣтъ-ли у него жены, вѣнчалъ, и оный-де зять его съ означеннаго числа съ оною дочерью его жили сего 726 году маія по первое число, и сего-же-де году марта 26 числа освѣдомился онъ чрезъ Печенѣжскаго крамаря Акіма Кусдиманенка; что означеннаго зятя его Андрея вторая жена въ живыхъ Харьковскаго полку въ селѣ Деркачахъ, и пошелъ-де онъ на духовной дворъ къ поповскому старостѣ, каменскому попу Іакову, и о томъ извѣстилъ, и оной-де попъ Іаковъ, по тому его, Самохвалова, извѣту, зятя его, Андрея Ткача съ Двурѣчной взялъ въ Каменку на духовной дворъ и держалъ подѣ карауломъ на цѣни. А для поданнаго-де увѣдомленія отъ второй зятя его жены, оной попъ Іаковъ посылалъ его въ вышеозначенное село Деркачи, и по той онаго попа Іакова посылкѣ, вышеписаннаго зятя его, Самохвалова, Андрея, жену его вторую въ Деркачахъ онъ, Самохваловъ, сыскалъ въ живыхъ и оная съ нимъ, С., въ Каменку не поѣхала, а по отѣздѣ-де его, С., изъ Двурѣчной въ оное село Деркачи, оной попъ Іаковъ прислалъ съ камнями дворовыхъ своихъ людей, которые, набѣжи на его, Самохваловъ, дворъ, тайно и безъ вѣдома Двурѣчанскаго старшины пограбили безвинно и взяли пару воловъ, цѣна восемь рублей, лошадь—мерина бѣлаго, цѣна пять рублей, которыми волами и лошадыю оной попъ Іаковъ въ домъ своемъ всякую работу работаетъ и по нынѣ, и какъ-де онъ, С., изъ села Деркачей возвратился и о второй женѣ зятя его, С., ему, попу Іакову, что въ живыхъ есть, извѣстилъ, и оной попъ Іаковъ не повѣрилъ ему, С., и велѣлъ нанять своего двороваго человѣка Авдѣя и послалъ вторично въ село Деркачи, и оной посланный, возвратясь оттудова, ему, попу Іакову, сказалъ, что зятя его жена въ живыхъ есть, и оной попъ Іаковъ велѣлъ взять оному своему человѣку, что ѣздилъ, съ него, С., денегъ рубль, и того ради Изюмскаго духовнаго правленія канцелярія о возвращеніи самовласно у онаго челобитчика заграбленнаго и за харчи, и убытки за волокиту, что ему, челобитчику, стало съ показаннаго старосты, пона

немногими исключеніями, когда виновный не давался въ руки, онъ доставлялся „на духовный дворъ“ въ нѣсколько дней по полученіи инструкціи ¹⁾. Съ одинаковой строгостію доставлялись въ Духовныя Правленія и обвинявшіе сомнительный бракъ свидѣтели — священники, которые, при обнаруженіи улики въ завѣдомомъ совершеніи такого браковѣнчанія, легко могли быть привлечены къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. За такими священниками посылались для привода ихъ священники-же, но часто причетники и сторожа, какъ и за прочими привлекаемыми къ отвѣтственности лицами ¹⁾. Таковъ былъ порядокъ привода во всѣхъ случаяхъ, когда вызываемый находился въ предѣлахъ епархіи при томъ, когда мѣстожителство его было извѣстно. Въ противномъ случаѣ производился розыскъ чрезъ земскіе суды, куда духовныя правленія относились промеморіями ²⁾. Подвергнутый приводу или вообще вызванный обвиняемый давалъ свои показанія духов-

Иакова, да благоволитъ учинить, какъ указы Е. И. В. повелѣваютъ, а что оной попъ Іаковъ презрѣніемъ указовъ вступаетъ въ чужія команды и самовластно грабилъ Изюмскаго полку онаго челобитчика, С., и въ томъ учинилъ обиду полковой Изюмской канцеляріи, и за ту продерзость оному, повелѣно бы учинить въ томъ духовномъ правленіи, и за показанную обиду оной канцеляріи, по указамъ и по генеральному регламенту, и что учинено будетъ, о томъ въ полковую Изюмскую канцелярію увѣдомить письменно. Изюмскаго полку полковникъ Лаврентій Шидловскій.

¹⁾ 6-го апрѣля 1733 г., получивъ отъ Радковского священника Константина Ѳедорова донесеніе объ обнаруженномъ имъ случаѣ четвероженства, протопопъ Изюмскій Прокопій Ѳедоровъ наложилъ на доношеніи резолюцію: „записавъ въ книгу, написать инструкцію на попа Комаровскаго Афонасія да Радковского Константина, дабы, взявъ понятыхъ своихъ дьячковъ или понамаревъ, сыскавъ оныхъ помянутыхъ четвероженцовъ, подъ карауломъ привезли въ духовной дворъ“. Уже 10-го апрѣля того же года порученіе было исполнено: „по данной намъ отъ превелебія вашего инструкціи, доносили посланные, Радковского жители Лазаря грека съ женою его Евдокією, которіи имѣютца четверобрачны, забивъ въ колодки, съ посыльными нашими, понамари Иваномъ Бѣлоусомъ, Степаномъ П. (?) и съ подводами нашими двома да третьяго онаго Лазаря, сего нижеписаннаго числа въ Изюмъ, на духовной дворъ, вашему прев. посылаемъ. Точію просимъ пречестности вашей объ отпуску оныхъ понамарей и лошадей не умедлить къ намъ вснять, понеже намъ затѣмъ имѣется не безъ нужды, а просрочили за лошадьми, понеже убѣгли съ двора и не вскоре ихъ изыскали. Вашего прев. богомольцы Комаровскій попъ Афонасій, Радковский попъ Константинъ“. Доставивъ Лазаря на четвертый день въ правленіе, исполнители порученія очевидно опасались, что и это будетъ признакъ медленности, и нашли нужнымъ извиниться.

¹⁾ По прод. 1735 г. № 18, попа Ѳедора доставилъ по инструкціи Изюмскій соборный дьячекъ Андрей Леонтьевъ; попа Афонасія — сторожъ церкви, Иванъ, какъ видно изъ доношенія послѣдняго отъ 16 ноября 735 г., подписаннаго, за неграмотностію Ивана, дьячкомъ той же церкви.

ному управителю и затѣмъ оставался подъ карауломъ до рѣшенія дѣла, если не находилъ надежнаго поручителя. Поручная запись надежнаго лица освобождала его отъ дальнѣйшаго личнаго задержанія. Поручитель ручался въ томъ, что представить обвиняемаго на духовный дворъ по первому требованію³⁾.

Собравъ такимъ образомъ фактической матеріалъ по дѣлу, духовное правленіе, не рѣшая его, выписывало относящіяся къ нему правила и узаконенія и затѣмъ направляло всю переписку съ своимъ заключеніемъ въ консисторію (или домовую канцелярію архіерея). Консисторія дѣло пересматривала, требовала дополнительныхъ свѣдѣній, поручала въ случаѣ надобности произвести допросы новыхъ свидѣтелей, наконецъ составляла проектъ рѣшенія, который утверждался епархіальнымъ архіереемъ либо цѣликомъ, либо съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ объ отмѣнѣ браковъ; что касается *оцѣнки доказательствъ* при постановкѣ рѣшеній, то и въ этомъ отношеніи епархіальный судъ нерѣдко руководился принципами, заимствованными изъ гражданскихъ законовъ. Положеніе „Воинскихъ Артикуловъ“ имп. Петра I-го—„собственное признаніе лучшее есть всего свѣта доказательство“ и извѣстное положеніе Екатерининскаго указа 1763 года—„лучше въ неизвѣстїи и не имѣя точнаго обличенія виновнаго освободить, нежели невиннаго истязать“—эти положенія выписывались въ мотивахъ многихъ рѣшеній Бѣлгородской Консисторіи по брачнымъ дѣламъ и ими руководствовался духовный судъ въ сужденіяхъ о доказанности или недоказанности обвиненія.

2) Тамъ же: 10 ноября 1735 г. на промеморію Изюмскаго духовнаго правленія отъ 11 октября земскій судъ сообщилъ: „промеморіею отъ онаго духовнаго правленія требовано о сыску и о присылкѣ села С. обывателя Никиты Овчарова, который-де женился отъ живой жены на вдовѣ Θεодорѣ, по которой промеморіи означенной Никита Овчаровъ съ его женою сысканъ и при семъ для допросу въ оное духовное правленіе посылается. И о томъ духовному правленію да будетъ извѣстно“. Подпись судьи. Внизу помѣтка: записать въ книгу, приобщить къ дѣлу, села Сеники жителя Никиту Овчарова съ женою его Θεодорою въ Изюмскую духовную канцелярію принять и допросить по указу. Подпись: дух. дѣлъ управитель попъ Стефанъ Герасимовъ.

3) Подобную поручную запись можно видѣть въ д. 1733 г., № 43: „1733 году маія 11-го дня, я, нижеподписавшійся, по Радковскомъ жителѣ Лазарѣ Грекѣ, который содержится въ Изюмѣ, въ духовномъ дворѣ, по духовному дѣлу, подъ карауломъ, ручаюсь, котораго и беру на свои поруки, и ежели оной грекъ Лазарь отъ духовнаго Изюмскаго двора востребуется и мнѣ-бы, поручнику его, Лазаря представить, а ежели по востребованію отъ духовнаго двора оной грекъ Лазарь отъ мене представленъ не будетъ, и за то буду штрафованъ какъ указы повелѣваютъ“.

III.

ОТМѢНА БРАКА ПО МНОГОБРАЧІЮ.

Резолюціями, наложенными на докладные пункты Св. Синода отъ 12 апрѣля 1722 года, Петръ I оставилъ въ вѣдѣніи Синода дѣла „о посягнувшихъ женахъ въ отсутствіи мужей за другихъ и о возвращеніи ихъ прежнимъ мужемъ“ и „о мужахъ въ подобныхъ тому винахъ являющихся“¹⁾. Въ такомъ видѣ оставалась подсудность многобрачія въ теченіи всего XVIII вѣка. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, этотъ видъ дѣлъ о незаконныхъ бракахъ былъ однимъ изъ наиболѣе многочисленныхъ въ Бѣлгородской епархіи. Бытовые, жизненные условія, среди которыхъ они возникали, наглядно иллюстрируются слѣдующими типичными случаями, которые заимствуемъ изъ архивной переписки.

Въ 1725 году предстали предъ Харьковскимъ духовнымъ управителемъ возвратившійся послѣ двадцатилѣтней военной службы драгунъ Карпъ Елисеевъ, жена его Лукерья, и второй мужъ Лукерьи Иванъ Соболевъ, прежде „волочащійся человекъ“, теперь „харьковскій житель“, каменщикъ. Послѣдній повѣдалъ управителю исторію многобрачія Лукерьи въ слѣдующей сказкѣ: „служилъ-де онъ, Карпъ Елисеевъ, въ драгунской службѣ; жена его, Лукерья Семахова, не дожидаясь онаго своего прежняго мужа, не вѣдаю какимъ случаемъ съ того села Удѣ пришла и жила въ селѣ Тишкахъ, и я... въ томъ же селѣ Тишкахъ былъ, а про оную женку Лукерью не вѣдалъ, есть ли у нея въ живыхъ мужъ или нѣтъ, просилъ тамошнихъ жителей и священника, чтобы меня съ нею повѣнчали и по прошенію моему бывшій Тишковскій попъ Ѳеодоръ призвалъ ее Лукерью къ себѣ и допрашивалъ, нѣтъ ли у нея въ живыхъ мужа, и она въ допросѣ сказала: былъ де у нея мужъ первый, который взять въ драгунскую службу и тамо на службѣ умре и вышла я де за другаго мужа въ Харьковѣ и жила съ нимъ лѣтъ съ десять и прижила дѣтей трое, и оной другой мужъ ея утопъ... и по тому ея допросу оной бывшій Тишковскій попъ Ѳеодоръ далъ вѣчную память и по той вѣчной памяти тогожъ села Тишковъ попъ Кондрать вѣнчалъ меня съ нею, Лукерьею, и жилъ съ нею лѣтъ шесть и прижилъ двое дѣтей, а въ прошломъ 720 году первый ея, Лукерьи, мужъ К. Елисеевъ вышелъ съ неволи и сыскавъ жену свою, что она живетъ со мною въ селѣ Тишкахъ, пріѣхалъ въ оное село и не билъ челомъ на меня

¹⁾ Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. прав. исп., т. II, стр. 174.

нигдѣ, самовольно, безъ суда отнялъ у меня свою первую жену и весь мой дворъ разорилъ и что было въ ономъ моемъ дому, все побралъ и дворъ мой продалъ и жилъ съ нею недѣль съ шестнадцать, и я, выше упомянутый Иванъ Соболевъ, былъ на работѣ въ городку Борисовкѣ и помянутая жена Лукерья бѣжала въ тотъ же городокъ Борисовъ вся убита, чуть жива отъ мужа своего означеннаго Елисеева и я.... принялъ ее къ себѣ и жилъ съ нею четыре года по прежнему въ городкахъ Борисовкѣ и въ Зміевѣ и въ Харьковѣ, и оной первый ея, Лукерья, мужъ Карпъ (снова) сыскалъ у меня жену свою и билъ челомъ на меня въ Харьковъ на духовномъ дворѣ и по тому его челобитью я, Иванъ Соболевъ, ему.... помянутую свою жену Лукерью уступилъ“ ¹⁾ и т. д.

Здѣсь мы видимъ примѣръ одной группы случаевъ многобрачія, возникавшихъ въ Бѣлгородской епархіи, благодаря ея такъ сказать военному положенію,—случаевъ, имѣвшихъ мѣсто главнымъ образомъ среди ея *военнаго элемента*. Здѣсь обвиняемыми являлись *многобрачныя жены—солдатки*.

Но едва ли не чаще возникало многобрачіе въ епархіи, благодаря тому, что въ XVIII вѣкѣ еще совершался дѣятельный процессъ ея колонизаціи. Плотники, каменщики и т. п. мастеровые, очевидно привлекаемые работой въ обстраивавшіеся украинскіе города, приходили невѣдомо откуда, останавливались на короткое время по хуторамъ и слободамъ и при случаѣ женились, не представляя иного доказательства своей свободы ко вступленію въ бракъ, кромѣ простаго утвержденія, что они холосты, законнымъ бракомъ еще не связаны. Часто на дѣлѣ оказывалось противное, и тогда поступало отъ обманутой женщины къ архіерею прошеніе такого рода, что выдалъ де ее отецъ (или вотчимъ) замужъ „за пришлого незнаемо каково человекѣ и жила она съ нимъ токмо двѣ недѣли,“ что увѣдомилась, будто у мужа есть первая жена и дѣти и взять былъ оный ея мужъ духовнымъ управителемъ подъ караулъ, изъ подъ караула бѣжалъ невѣдомо куда и донынѣ гдѣ живетъ безвѣстно и за скудостію своею кормиться ей стало нечѣмъ, а потому просить архіерейскаго указа о разрѣшеніи ей посягнуть за иного мужа“. Такъ появлялись *пришлые или волочащіеся люди—двоеженцы и многоженцы*.

Поводомъ къ скитальческой жизни обоихъ супруговъ, притомъ не вмѣстѣ, а врозь, служило иногда желаніе одного изъ нихъ переселиться, пойти „на вновь населяемые слободы“. Такое скитаніе мужей и женъ, независимо другъ отъ друга, въ разныя стороны, причемъ они невольно теряли другъ друга

¹⁾ Дѣло 1725 г. № 35.

изъ виду, подвергало ихъ также большому искушенію вступить въ новый бракъ, умолчавши о первомъ.

Въ 1781 году была привлечена къ суду за многобрачіе совершенно еще молодая женщина Ирина Васенкова, рассказавшая о своихъ долгихъ скитаніяхъ слѣдующее. Родилась она, Ирина, Чугуевскаго уѣз. въ казенной слободѣ Печенѣгахъ, отъ роду ей двадцать лѣтъ. Отецъ ея былъ казенный обыватель, Емельянъ Васенко, а мать Ксенія, и, по бѣднѣности оныхъ родителей, жила она при нихъ по хуторамъ до 14 лѣтъ, а какъ отецъ и мать померли, то по умертвіи ихъ жила она, Ирина, въ хуторѣ тамошняго жъ жителя Петра Омеляненка и жены его, Агафіи, два года въ услуженіи, въ прошломъ-же 1778 году Печенѣжскій житель Филиппъ Ткаченко посваталъ ее, Ирину, за своего работника Евфима и взялъ ее и сундукъ ея, съ имѣющимися въ сундукѣ разными вещами, въ свой домъ. Здѣсь она жила „тогожь 778 года чрезъ весь филипповъ постъ и не похотѣвши съ работникомъ вступить въ законное супружество“, оставивши у Филиппа Ткаченка свой сундукъ, пошла на Рождественскихъ святкахъ къ брату своему родному, живущему въ селѣ Хатнемъ у помѣщика майора Ивана Заруднаго, для свиданія. Поживъ у него отъ Рождественскихъ святокъ до Свѣтлаго праздника, вышла она „съ доброй ея воли въ замужество въ томъ же селѣ Хатнемъ за жителя, подданнаго помѣщика Заруднаго, Ивана Салогубенка, съ которымъ поживши только одну недѣлю, когда началъ оной мужъ ея, Иванъ, уговаривать ее идти „на вновь населяемыя въ разныхъ мѣстахъ слободы, не пожелала идти туда съ нимъ и, оставивъ его въ Хатнемъ, сама пошла въ Хотомлю и тамъ у хотомлянскаго священника, а какъ его имя и прозваніе не знаетъ, жила двѣ недѣли, по прошествіи же тѣхъ двухъ недѣль, съ оной слободы Хотомли пришла въ Харьковъ и жила у нѣмца Бусгевина въ городѣ Харьковѣ до трехъ недѣль, отъ коего отошла къ нѣмцу-же, живущему тамъ же за Лопанью въ аптекѣ, а какъ его имя и прозваніе не знаетъ, и у онаго жила недѣлю, и.... позвалъ ее, Ирину, слободскаго горнизонаго баталіона капраль Степанъ Ильинъ къ подполковнику Якову Васильевичу Тевяшеву и, пришедши она къ реченному Тевяшеву, опредѣлена была малыхъ дѣтей его смотрѣть, а между тѣмъ недѣли чрезъ двѣ начали ее, Ирину, реченный подполковникъ и капраль Ильинъ уговаривать къ выходу въ замужество за крѣпостнаго онаго подполковника человѣка, Калинника, Евстафіева сына, а прозваніе его не знаетъ, на что она имъ объявляла, что у нея есть... законный мужъ, но они научили ее, Ирину, называть себя дѣвкою и увѣряли,

что никто съ ихъ господскаго двора ее не возьметъ, чрезъ что она, и къ выходу за реченнаго крѣпостнаго въ замужество и согласилась и вѣнчана въ 1779 году въ іюлѣ мѣсяцѣ съ онымъ крѣпостнымъ города Харькова въ Вознесенской церкви—священникомъ Іоанномъ Калиновскимъ.... При вѣнчаніи капралъ Степанъ Ильинъ, когда священникъ требовалъ отъ него объясненія, сказывалъ ему, „чтобы ни въ чемъ не сумнѣвался, ибо отвѣчать будетъ подполковникъ Тевяшевъ“. И по перевѣнчаніи жила она, Ирина, въ домѣ подполковника до мая 1781 года, а мужъ ея, Калининъ, проживъ съ нею три дня бѣжалъ и въ побѣгахъ находился чрезъ все тое время.... Въ томъ-же маѣ мѣсяцѣ она, Ирина, видя на себѣ напрасныя, частыя отъ подполковницы Тевяшевой побои и не имѣя одѣянія бѣжала отъ нея сама безъ всякаго сносу въ одной только рубашкѣ и на дорогѣ подъ мѣстечкомъ Зміевымъ капраломъ Ильинымъ догнана и возвращена обратно... По наказаніи жъ ея онымъ подполковникомъ ботожемъ, отослана на хуторъ его для жатвы хлѣба, но и оттуда вдругое бѣжала одна въ городъ Валки, гдѣ взята была подъ караулъ и, какъ увѣдомился подполковникъ, что она, Ирина, содержится въ Валкахъ подъ карауломъ, прислалъ своего крѣпостнаго Ивана, коимъ взята и представлена обратно, въ то время и мужъ ея сысканъ былъ“. Два неудавшихся побѣга Ирины и понесенное ею жестокое наказаніе не удержали ее однако отъ попытки снова бѣжать, на этотъ разъ съ нѣкоторыми предосторожностями. „Когда-жъ, показывала она далѣе, онаго подполковника дѣвка Параскева объявила ей, Иринѣ, что по просьбѣ ея писарь Петръ Захарынъ написалъ имъ, Иринѣ и Параскевѣ, для удобнаго побѣгу пашпорты и оныя ей показывала, при томъ-же и самъ оный писарь Петръ при дѣвкѣ вольной, живущей у подполковника, Аленѣ Петровнѣ, во увѣреніе читалъ въ той силѣ, что онѣ якобы отъ его, господина подполковника Тевяшова, отпущены на волю и слѣдуютъ въ Курскъ и.... обѣщался еще провести ихъ на Бѣлгородскую дорогу, то онѣ. Ирина и Параскева, съ реченными писаремъ и дѣвкою Аленою отъ радости напились горячаго вина, а между тѣмъ пріѣхала подполковница къ вечеру изъ хутора въ домъ и застала ихъ пьяныхъ, призвавши къ себѣ обѣихъ, била по щекамъ, почему она, Ирина, не дожидаясь большаго наказанія, оставивши случай, что-бы вмѣстѣ съ тою Параскевою бѣжать, сама одна и въ одномъ только платьѣ, кое обыкновенно на себѣ носила, безъ всякаго сносу, бѣжала и пришла въ Хотомлю въ домъ къ тамошнему жителю, Матвѣю Крискому, для найму“. Послѣдній, узнавъ, кто таковая Ирина, представилъ

ее въ Хотомлянское земское правленіе ¹⁾). Яркую бытовую картину даетъ намъ въ своихъ подробностяхъ этотъ откровенный разсказъ (свидѣтели подтвердили все въ немъ изложенное) *волочащейся многобрачной женки* Ирины Васенковой.

Но попытки къ самовольному расторгненію существующаго законнаго брака не были всегда слѣдствіемъ злого умысла, преступной воли супруговъ. Побуждало ихъ къ этому иногда и просто *отсутствіе яснаго сознанія о нерасторжимости брачнаго союза*, наивное убѣжденіе, что достаточно одного обоюднаго согласія мужа и жены, чтобы безпрепятственно вступить имъ въ новый бракъ. Эги случаи представляются особенно любопытными съ бытовой стороны. Само собою разумѣется, что приходскіе священники, если подобные супруги не скрывали своего прошлаго, отказывали имъ въ вѣнчаніи, но и это не всегда убѣждало ихъ, а, напротивъ, заставляло еще обращаться съ жалобой къ епархіальному архіерею. Чрезвычайно интересно въ этомъ отношеніи прошеніе, поданное въ 1801 году казеннымъ поселяниномъ заштатнаго города Валокъ, Игнатомъ Иванскимъ. Изъ прошенія узнаемъ, что въ 1792 г. Игнатъ женился на дѣвицѣ Наталіи, которая, поживъ съ нимъ не болѣе 20 недѣль, оставила его и неизвѣстно куда бѣжала. По прошествіи шести лѣтъ, Иванскій, находясь на заработкахъ въ Таганрогѣ, нашелъ жену вышедшей замужъ за казеннаго поселянина слободы Покровской, Петра Будянскаго. „Я намѣревался взять ее, пишетъ проситель, но видя ее не желавшую болѣе жить со мною, не могъ принудить, которая о нежеланіи таковаго со мною сожительства и о безпрепятственномъ мнѣ вступленіи во второй бракъ дала при свидѣтеляхъ у сего прилагаемое свидѣтельство; почему я нынѣ сговорилъ за себя валковскаго-жъ жителя дочь, дѣвицу Христину, я, по обыкновенію, къ свадьбѣ все приготовлено; но священникъ приходскій къ вѣнчанію съ оной не приступаетъ. Для того, ваше пр-во покорнѣйше прошу... позволить вступить во второй бракъ и повелѣть, кому слѣдуетъ, предписать обвѣнчать меня съ выше поминаемою дѣвицею“. Приложенное къ прошенію свидѣтельство гласило: „1798 года ноября 8 дня, я, нижеподписавшаяся, Наталія Дмитріева, дала сіе разлучное (?) письмо первобрачному моему мужу Харьковской Украинской губерніи и уѣзда, слободы Валокъ, Игнату Иванскому, въ томъ, что я съ нимъ жить въ супружествѣ не желаю по нѣкоторымъ мнѣ извѣстнымъ обстоятельствамъ и потому, уйдя отъ него, вышла чрезъ шесть лѣтъ въ замужество за поселянина Таганрогскаго вѣдомства, слободы Покровской,

¹⁾ Дѣло 1781 года, въ опись не внесено.

Петра Яковлева Будянского, живу съ нимъ, а ему (Игнату) позволяю искать себѣ другую жену, въ чемъ я препятствовать... ниже прилипятся (?) къ нему по первому браку не буду, и есть-ли бы я о томъ пожелала искать и были бы отъ меня поданы просьбы присутственному мѣсту, то оныя не должны быть принимаемы отъ меня и причтены за дѣйствительныя, въ чемъ при упрощенныхъ отъ мене свидѣтеляхъ сіе и даю¹⁾. При составленіи этого документа принимали участіе и должностныя лица: онъ былъ явленъ „въ Еланчинской заставѣ“, о чемъ сдѣлана надпись начальникомъ войсковой старшины.

Не менѣе бытовой, любопытна, быть можетъ, каноническая сторона судебныхъ дѣлъ о многобрачїи. Догма дѣйствовавшего церковнаго права въ прошломъ столѣтіи въ отношеніи этого вида незаконныхъ браковъ основывалась, главнымъ образомъ, на правилахъ св. Василія Великаго и VI-го Вселенск. собора, въ большинствѣ также лишь повторившаго св. Василія Вел. (въ 87 и 93 правилахъ). Противорѣча основному понятію о христіанскомъ бракѣ, какъ пожизненномъ союзѣ одного мужчины съ одной женщиной²⁾, второй бракъ, при наличности перваго, законно нерасторгнутаго, *ничтоженъ*. По ошибкѣ ли, или злоупотребленію священника, хотя-бы и освященный обрядомъ вѣнчанія, онъ нисколько не отличается отъ внѣбрачныхъ плотскихъ сношеній между полами и влечетъ за собою одинаковыя съ послѣдними церковныя запрещенія. Супругъ, уклонившійся отъ существующаго супружескаго союза къ иному браку, подлежитъ, по 87 прав. Трулльск. собора, семилѣтней епитиміи³⁾, какъ за прелюбодѣяніе; изъ того-же положенія слѣдуетъ, что лице свободное, вступившее въ бракъ съ состоящимъ уже въ брачномъ союзѣ, совершаетъ блудъ (46 прав. Василія Вел.). Степень участія умысла въ преступномъ дѣяніи супруга вліяетъ лишь на мѣру наказанія. Жены отлучившихся мужей, вступающія въ бракъ недостовѣрясь предварительно въ смерти первыхъ мужей, хотя-бы

1) Д. № 20—1801 г.

2) „Бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и събытіе, воей жизни“. Кормчая кн., листъ 86, изд. 1786 года.

3) „Иже, отъ мужа пущена бывши жена за другаго пойдетъ, прелюбодѣица есть, и пустивый жену свою и иную поимъ, прелюбы творить“. Кормчая, часть 1-я, листъ 203. То же правило въ полной редакціи содержитъ нѣсколько иной оттѣнокъ мысли: „жена, оставившая мужа (ή καταλιποῦσα τὸν ἄνδρα) аще пойдетъ за иного, есть прелюбодѣица... законно сопряженную себѣ жену (ὁ μὲντοι καταλιπώνων τὴν νομίμως συναρθεῖσαν αὐτῷ γυναῖκα) и иную поемлющій—повиненъ суду прелюбодѣянїа“. См. Прав. св. всел. собор. съ толкованїями, ч. 2-я, стр. 552—553.

предполагаемой, не лишены, такъ сказать, „вины неосторожной“, и потому, по правиламъ (31 Василія Вел.), также подлежатъ запрещеніямъ¹⁾. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣроятность смерти мужа возрастаетъ, при безвѣстной отлучкѣ его въ чужихъ странахъ или тѣмъ болѣе на войнѣ, правила допускаютъ снисхожденіе къ многобрачному, или совершенное прощеніе его [Вас. Вел., 36, Трулльск., 92 (93)]²⁾. Обманутый супругъ во всякомъ случаѣ свободенъ отъ отвѣтственности и только въ видѣ совѣта правила указываютъ, что предпочтительнѣе было-бы ему остаться безбрачнымъ. Безусловную безотвѣтственность обманутаго подтвердило и наше гражданское законодательство XVIII вѣка. 172-й воинскій артикулъ Петра Вел. гласитъ: „ежели супругъ или хотя супруга обмануты будутъ, въ супружество вступивши съ тѣмъ, кто уже женатъ,—онъ отъ всякаго наказанія уволенъ и въ прежней чести содержимъ будетъ“³⁾.

Второй бракъ многобрачнаго ничтоженъ *безусловно и съ самаго момента заключенія* и остается таковымъ даже въ томъ случаѣ, если-бы затѣмъ послѣдовало прекращеніе перваго брака, вслѣдствіи смерти супруга, или законнаго съ нимъ развода. Съ точки зрѣнія строго канонической, связь мужчины и женщины, недостойная назваться брачнымъ союзомъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ возвыситься до значенія христіанскаго брака, даже если-бы супругъ, вовлеченный въ мно-

1) „Жена аще отъиде мужъ ея и безвѣсти боудеть, и не испытавше ни извѣдѣвши добръ яко умре, за инъ мужъ идетъ, прелюбы творить“. Кормч., листъ 236. Какимъ образомъ можетъ жена „добръ увѣдать“ о смерти мужа указываетъ помѣщенный въ 48-й главѣ Кормчей „законъ градской“ (грань 11-я): „Аще ли воини боудуть или купцы или простіи челоувѣцы или иніи нѣцыи надъ другимъ кимъ либо во воинство окружное вотчены, повелѣваемъ елико убо колиждо лѣтъ въ воинствѣ на бранехъ пребываютъ, ожидати женамъ ихъ, аще-ли грамоты, или вѣсти нѣкія отъ своихъ мужъ не пріимуть; аще-же нѣкая отъ таковыхъ женъ своего моужа оуслышитъ скончавшася, ни тогда на второй бракъ пріити ей повелѣваемъ, аще не прежде идетъ жена сама, и родители ея и инъ кто отъ своихъ ей къ писцемъ, или къ старѣйшинамъ числа того внемже моужъ ея воинствоваше, и вопроситъ, аще воистину скончался сожитникъ ея и яко убо истинную ради извѣщенія святымъ евангеліемъ предложеномъ соущемъ воспоминаніе о дѣяніяхъ исповѣдати, рекше на грамотѣ написати яко воистину моужъ ея оумре; и егда таковое сотворится, понеже воспоминаніе писанье жена за свое свидѣтельство возметъ и потомъ повелѣваемъ ей пребывати единого лѣта разстояніе и якоже по прешествіи лѣта того подобаетъ ей законно сочетатися браку“ (Кормчая, часть 2-я, л. 107).

2) Кормчая, часть 1-я, л. 236 на обор. и 237, этой же части листъ 203 на обор. и 204. Въ толкованіяхъ къ указаннымъ правиламъ цитируются гражданскія узаконенія византійскаго права.

3) Цитируется въ дѣлахъ о многобрачїи, напр. 1801 г. № 32.

гобрачіе по невѣдѣнію, сталъ домогаться признанія такого брака дѣйствительнымъ ³⁾ (послѣ законнаго прекращенія перваго брака). Съ другой стороны, второй недѣйствительный бракъ не можетъ освободить супруга отъ супружескихъ его обязанностей по первому браку, а потому мужъ, нашедшій свою уклонившуюся въ многобрачіе жену можетъ по 93 прав. Трулльск. соб. взять ее обратно, если пожелаетъ⁴⁾. Вопросъ о прижитыхъ въ многобрачїи дѣтяхъ вѣдѣнію духовнаго суда не подлежалъ⁵⁾.

Таковы основныя положенія брачнаго права, которыми могли руководствоваться Бѣлгородскія церковно судебныя учрежденія, въ разрѣшеніи дѣлъ объ отмѣнѣ браковъ по многобрачїю. Очевидно, далеко не всѣ случаи судебной практики могли найти въ этихъ положенїяхъ прямой отвѣтъ и непосредственное разрѣшеніе. Приведемъ для характеристики нѣсколько дѣлъ о многобрачїи.

1-й случай. *Виновный въ многобрачїи, при безукоризненномъ поведенїи первой жены своей, мужъ сознался въ винѣ, вторая жена вступила съ нимъ въ бракъ по невѣдѣнію* (дѣло о вступленїи казеннымъ обывателемъ гор. Бѣлополя Иродіономъ Литовцевымъ при первой женѣ своей во второе незаконное съ казенною обывательскою Агафіею Чередниченковою супружество 1795 года № 158). О двоеженствѣ Литовцева донесло Бѣлгородской Консисторїи Изюмское Духовное Правленіе. Изъ доношенія узнаемъ, что обвиняемый виновнымъ себя призналъ и что прижилъ съ Агафьей незаконно двухъ дочерей—Марїю 3-хъ лѣтъ и Пелагею 10-ти мѣсяцевъ. Правленіе, выписавъ Евангел. Матѣ., гл. V, стр. 32-й и гл. XIX, стр. 9, правила Анкирск. соб. 20, VI вселенск. 87, Карѳагенск. 112 (115) съ толкованіемъ (Аристіна), Василия В. 9 съ толкованіемъ (того-же канониста) 77, Закона Градск., гл. 48, грани 39, отдѣлен. 70, Григорія Ниск. 5 прав. и Воинск. Артикуловъ 171 главы 20—мнѣніемъ полагало:

1) „Онаго Бѣлопольскаго казеннаго обывателя Радїона Литовца съ помянутою балаклеюскою обывательскою Агафіею по отцу Чередниченковою второй бракъ, яко незаконный по положеннымъ у Евангелиста Матѣея въ главахъ 5 и 19 Христовымъ словамъ и по 9 правилу Василия В. расторгнуть вовсе и чтобы они впредь супружескаго сожителства не имѣли и онъ Родїонъ Л. не называлъ-бы ея А. своею женою,

³⁾ Thishman, Das Eherecht d. Orient. Kirche, стр. 383.

⁴⁾ По Кормчей, 92 правило „да возвратившуся мужу, аще хощетъ да поиметь ю“.

⁵⁾ Полное собраніе постановлен. и распоряжен. по вѣдом. Прав. Испов., т. II, стр. 174.

а она А. его Р. своимъ мужемъ, въ томъ обязать ихъ въ духовномъ правленіи подписками.

2) Хотя означенная первая законная его Родіона Л. жена Дарья Ѳедорова дочь, по отцу Приходькова, въ показаніи своемъ..... объявила, что она въ минувшемъ 794 году предъ Троицинымъ днемъ къ нему, мужу своему Р., чрезъ Бѣлопольскаго жителя Семена Дьяченка посылала письмо о томъ, чтобы онъ поелику преступивъ законъ Божій, женился отъ нея на другой женѣ далъ ей позволеніе войтить въ замужество за другого мужа и нынѣ она съ нимъ Литовцемъ по рѣшеніи о немъ, дѣла вовсе жить не желаетъ; однако еще одинажды ей Даріи чрезъ Бѣлопольское духов. правленіе объ ономъ объявить и истребовать отъ нея письменное показаніе, желаетъ ли она съ тѣмъ мужемъ своимъ Р. имѣть по прежнему законное въ супружествѣ сожитіе, къ чему ее въ присутствіи того довольно увѣщевать, и когда согласится то, по рѣшеніи о мужѣ ея дѣла и быть имъ въ супружествѣ по прежнему неразлучными и чтобы онъ Р. имѣлъ съ нею Д. согласное сожитіе и содержалъ ее, какъ законную жену безъ всякаго изнуренія и притѣсненія, въ томъ обязать его подпискою. Когда-же она Д. и за довольнымъ увѣщаніемъ быть съ нимъ Р. въ супружествѣ не пожелаетъ, въ такомъ случаѣ поелику города Бѣлополя казенные обыватели окольные девятнадцать человѣкъ повольнымъ обыскомъ учиненнымъ въ Бѣлопольск. городическ. правленіи ее Д. одобрили тѣмъ что она какъ во всякое время сожитія своего съ рѣченнымъ Р. мужемъ своимъ вела жизнь согласно и безпорочно и въ явномъ прелюбодѣянніи съ обѣихъ сторонъ никто изъ нихъ тогда не изобличенъ, такъ и съ тѣхъ дней, какъ оный мужъ ея Р. оставилъ ее въ Бѣлопольи, она-жъ Д. до сего времени ни въ какихъ худыхъ дѣлахъ и подозрѣніяхъ не обращалась, тожъ и въ прелюбодѣйномъ грѣхѣ не изобличена, также и чтобы она Д. живучи съ нимъ Р. въ супружествѣ не имѣла къ нему вѣрной супружеской любви, колдовала, либо для того къ колдунамъ ѣздила и ходила, либо чтобы къ себѣ таковыхъ людей для того-жъ призывала и тѣмъ-бы причинила ему Р. каковую болѣзнь, да и чтобы онъ Р., возвратясь съ погонщиковъ въ домъ свой черезъ цѣлое лѣто внѣ ума былъ раздуть какъ большой боченокъ (какъ утверждалъ самъ Родіонъ), а голова и руки и ноги были въ большой опухоли,—они про то вовсе не знаютъ и ни отъ кого не слыхали. Слѣдовательно онъ Р. безъ всякой ея Д. предъ нимъ винности самопрizioльно ее оставилъ и незаконно на другой женился, дозволить ей Д. есть ли похочеть, вступитъ съ свободнымъ лицомъ

во второй бракъ и о томъ изъ Бѣлгородской духов. консисторіи чрезъ Бѣлопольское дух. правленіе снабдить ее Д. указомъ.

3) За то, что Р. ввелъ въ обманъ священника, вѣнчавшаго его и ложно увѣрялъ о смерти жены и прижилъ блудно двухъ дѣтей..... наложить по правиламъ 9 и 77 Василя В. церковную епитимію на семь лѣтъ со исполненіемъ въ монастырѣ прописаннымъ въ тѣхъ правилахъ порядкомъ по елику ему отроду имѣется только 29 лѣтъ монастырскаго послушанія чрезъ три года съ половиною, а прочее время въ гор. Бѣлопольи въ домѣ своемъ подъ присмотромъ духовнаго его отца и во все то время ему Р. Литовцу исповѣдываться, а святымъ Христовымъ Тайнамъ кромѣ смертнаго случая не причащаться, а въ такомъ случаѣ поступать какъ Григорія Нисскаго 5-мъ правиломъ повелѣно. Чтобъ-же имъ Р. сія епитимія въ монастырѣ точно была исполнена, настоятель того монастыря долженъ наблюдать за нимъ неослабно. Буде-жъ означенная его Литовца законная жена Д. жить съ нимъ по прежнему согласится и будетъ о томъ просить, въ такомъ случаѣ и прежде окончанія той епитиміи его Р. изъ монастыря уволить,—и исполнять оную ему Р. епитимію прописаннымъ образомъ и сверхъ того быть безбрачнымъ по кончину жизни той первой жены его Даріи.

4) Что слѣдуетъ до мнимой второй жены его Р., Агафіи Чередниченковой, то хотя она въ допросѣ своемъ показала, что якобы по предложенному ей, во вдовствѣ бывшей, отъ него Р. Литовца паче-же отъ балаклейскаго казеннаго обывателя Тимофея Загребельнаго (кой уже умре) увѣренію о умертвіи изъ родовъ его, Родіона, первой жены въ городѣ Бѣлопольи и что онъ точно находится вдовъ и по невѣдѣнію объ ономъ, яко первая законная жена его Д. состоитъ въ живыхъ, вступая съ нимъ Р. въ брачное сожитіе, но таковое ея, Агафіи, показаніе къ оправданію ея не служить, ибо она на сей случай должна была истребовать у него Р. письменнаго достовѣрнаго отъ приходскаго его священника (который ту первую его жену погребалъ) въ присутственномъ мѣстѣ засвидѣтельствованнаго о томъ свидѣтельства; но она сего не учинила и съ нимъ Р. вѣнчалась и, находясь съ нимъ въ супружескомъ сожитіи... прижила незаконно двухъ дочерей—Марію и Пелагею потому и на ее, Агафію, такъ какъ и на онаго Литовца по тѣмъ-же самимъ правиламъ 9 и 77 Василя В. наложить церковную епитимію на семь лѣтъ съ тѣмъ, чтобы она А., поелику по вышепрописанному въ поданныхъ за минувшій 794 годъ Балаклеискія Успенскія церкви отъ священно и церковно-причетниковъ исповѣдныхъ росписяхъ

значится, что у нея дѣтей въ живыхъ имѣется шесть съ первымъ мужемъ Михайломъ Мандрыкою прижитыхъ четыре, а именно Іустина 15, Тимофей 14, Симеонъ 13, Евдокія 9 лѣтъ, а съ означеннымъ Р., незаконно прижитыхъ двѣ дочери—Марія 3 лѣтъ, Пелагія 10-ти мѣсяцевъ,—дабы не отягощить судьбу оныхъ неповинныхъ малолѣтнихъ ея дѣтей и безъ пропитанія и призрѣнія не повергнуть въ несчастный жребій, всю ту семейственную епитимію исполняла въ домѣ своемъ подѣ присмотромъ и прилежнымъ наблюденіемъ духовнаго отца ея, изъясненнымъ въ тѣхъ правилахъ порядкомъ и все то время епитиміи у духовнаго своего отца и исповѣдывалася-бы, а свят. Христовыхъ Тайнъ, кромѣ смертнаго случая, не приобщалася-бы, да и въ семъ случаѣ поступлено-бъ было по вышеизображенному Григорія Нисскаго 5-му правилу“.

Консисторія въ своемъ опредѣленіи по этому дѣлу значительно смягчила намѣченныя Изюмскимъ духовнымъ правленіемъ наказанія. Опредѣленіе состоялось 20 мая 1796 г. въ такомъ смыслѣ: „Какъ означенный города Бѣлополя казенный обыватель Родіонъ Л. о вступленіи его отъ живой первой своей жены во второй незаконный бракъ со вдовою казенною обывательскою Агафіею К. самъ признаніе учинилъ да и свидѣтели то-жъ подтвердили для того одного Р. Л. съ наказанною А. второй бракъ яко незаконный по положеннымъ у евангелиста Маттея въ главахъ 5 и 19 Христовымъ словамъ и по 9 правилу Василія Вел. расторгнуть вовсе и чтобы они впредь супружескаго сожителства не имѣли и онъ Р. Л. не называлъ ее А. своею женою, а она его Р. своимъ мужемъ, въ томъ обязать ихъ въ духовномъ правленіи подписками и имѣть ему Р. супружеское сожителство по прежнему съ первою женою Даріею Федоровою дочерью, къ чему ее въ Бѣлопольскомъ духовномъ правленіи и увѣщевать, а его Р., чтобы онъ имѣлъ съ нею Д. согласное житіе и содержалъ ее какъ законную жену безъ всякаго изнуренія и притѣсненія въ томъ обязать подписками ¹⁾, за вступленіе-же его Р. отъ живой жены во второй бракъ наложить на него яко на явнаго прелюбодѣя по правиламъ 9 и 77 Василія В. церковную епитимію на семь лѣтъ, которую исполнять ему въ гор. Бѣлопольѣ въ домѣ своемъ подѣ присмотромъ приходскаго священника и по все то время ему Р. Л. исповѣдываться и святыхъ Христовыхъ Тайнъ кромѣ смертнаго случая не приобщать, а въ такомъ случаѣ поступать, какъ Григорія Нисскаго 5 правиломъ повелѣно и какіе онъ Р. приносить будетъ плоды покаянія о томъ пополугодно репортовать Его Преосвящен-

¹⁾ Подписки при дѣлѣ.

ству изъ духовнаго правленія со свидѣтельствомъ священника, чтожъ касается до второй незаконной его Р. жены, Агафіи, то какъ она вступила съ нимъ Р. въ бракъ по незнанію, что первая его жена находится въ живыхъ, отъ епитиміи оставить свободно, и когда случится ей женихъ, позволить вступить въ бракъ и о томъ въ Изюмское и Бѣлопольское духовныя правленія послать указы. Но повелѣно-ль будетъ по сему учинить—внести сіе опредѣленіе Его Преосвященству. 26 мая 96 года“. Преосвященный положилъ по этому дѣлу резолюцію: „учинить по сему“¹⁾.

2-й случай. *Многобрачіе по невѣдѣнію обѣихъ сторонъ.* (Дѣло о выходѣ жены Сумскаго уѣзда слободы Высшей Сыроватки обывателя Михайла Фостиченка, Прасковьи, во время отлучки его Ф. въ замужество за другого обывателя, Семена Смольченка, 1801 г. № 32). Изъ прошенія, поданнаго Фостиченкомъ въ Сумское духовн. правленіе, узнаемъ, что въ 1792 году отлучился проситель на заработки и предъ уходомъ объявлялъ многократно женѣ о своемъ намѣреніи.... и, по отбытіи изъ слободы Высшей Сыроватки, находился въ Донскихъ станицахъ, нынѣшняго-жъ 1800 года возвратясь, уже означенной жены своей въ домѣ не засталъ, а вышла она въ замужество за обывателя Семена Василюва Смольченка тому назадъ третій годъ; какъ-же поступила она въ замужество при жизни его незаконно, то хотя онъ къ первобытному сожитію ее къ себѣ приглашалъ, но она по своему свирѣпству итти къ нему и жить съ нимъ не соглашается. Для того проситъ объ отобраніи отъ обывателя С. жены его и объ отдачѣ ему. Виновная увѣряла, что не знала, куда ушелъ ея мужъ и показала, что вышла за другаго вслѣдствіе притѣсненія со стороны свекра и желанія пристроиться.

Духовное правленіе, руководствуясь 92 пр. VI Вселенскаго собора, 31.—Василія В. и „Именнымъ Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ апрѣля 12 дня 1722 г. на докладные Святѣйш. Синода пункты“, полагало „просителя Мих. Фостиченко жену Параскеву яко не испытавшую ни увѣдавшую добрѣ о мужѣ своемъ отлучавшемся на заработки, живѣ-ли есть, или

1) Случай многобрачія, подобный вышеприведенному, разрѣшались иногда и иначе и повидимому безъ особыхъ основаній. Таково дѣло 1762 года однодворца Алексѣя Сергѣева, женившагося отъ живой, на время отлучившейся жены своей Евдокіи, на дѣвкѣ Ксеніи, не знавшей, что вступаетъ въ незаконный бракъ. Дѣло возникло по жалобѣ второй жены послѣ того, какъ первая жена Сергѣева, вернувшись, была имъ снова принята. Епархіальный судъ наказалъ строго всѣхъ троихъ супруговъ: Алексѣй и Евдокія наказаны тѣлесно, а на обманутую Ксенію наложена епитимія.

умре и вышедшую безъ изслѣдованія и дозволенія епископскаго въ противность святыхъ отецъ правилъ за другаго мужа Семена Смольченка, по разлученію ихъ отъ брачнаго союза, возвратитъ первому мужу М. Ф. А яко оказавшею себя чрезъ незаконный бракъ и прижитіе дитяти явно прелюбодѣлицею, за то оную, а равно и незаконнаго мужа ея С. вдатъ въ церковную епитимію, которую и исправлять имъ подѣ присмотромъ духовныхъ ихъ отцевъ. Дабы-же они впредь между собою не имѣли супружеской привязанности, въ томъ обоихъ ихъ обязать строжайшею подѣ неминуемымъ наказаніемъ подпискою“.

Консисторія, не рѣшая дѣла, истребовала дополнительныхъ свѣдѣній: 1) съ которыми изъ двоихъ мужей желаетъ Парасковья имѣть сожитіе, 2) пожелаетъ-ли первый мужъ снова жениться послѣ того, какъ жена его Парасковья оставлена будетъ второму ея мужу Семену С. или пожелаетъ остаться безбрачнымъ?—Парасковья дала отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что желаетъ оставаться при второмъ мужѣ, а первый ея мужъ Михаилъ требовалъ ее къ себѣ.

Консисторія опредѣлила: 1) Бракъ Семена С. съ Парасковьей, поелику онъ за явкою изъ отлучки перваго ея П. мужа Михаила Ф. есть незаконенъ, расторгнуть вовсе, а ее П. по содержанію 92 прав. VI Вселенск. собора отдать въ сожитіе первому ея мужу Ф. согласно его желанію, но прежде сдѣлать ему въ присутствіи духовнаго правленія при ней П. увѣщаніе, чтобы онъ съ нею и она съ нимъ жили мирно, согласно и другъ другу укоризнѣ, а онъ Ф. ей П. побоевъ и никакихъ изнуреній не дѣлалъ, въ чемъ и обязать ихъ подписками.

2) Какъ она П. за Семена С. въ замужество вышла, бывъ обманута данною 798 года въ октябрѣ мѣсяцѣ слободы Вышей-Сыроватки священнику Василию, кой уже умре, тоя слободы казенными обывателями Иваномъ Крючкомъ, Василиемъ Пономаренкомъ (и проч.), что будто тотъ первый ея П. мужъ въ Донскихъ мѣстахъ умре, сказкою, которой вмѣсто означенныхъ казенныхъ обывателей по ихъ якобы прошенію и за себя руку приложилъ В.-Сыроватскій же обыватель Анерей Якимовъ, то о учиненіи о семъ ложномъ ихъ поступкѣ разсмотрѣнія и законнаго положенія сообщить въ здѣшнее губернское правленіе.

3) Парасковья Т. за незаконное прижитіе младенца хотябы и подлежала къ отсылкѣ въ монастырь для понесенія тамъ епитиміи, но отъ того ее по содержанію Всемилов. манифеста во второй день апрѣля 1801 года избавить, а исправить ей за этотъ грѣхъ епитимію, если еще оной не исполнила, подѣ смотрѣніемъ духовнаго ея отца по его разсмотрѣнію.

рѣнію. Ее-жъ П. и С. Смольченка за незаконное ихъ сожитіе, поелику они вступили въ бракъ бывъ обманутыми вышеписанною данною отъ В.-Сыроватскихъ жителей сказкою по содержанію воинскаго 172 артикула отъ епитиміи уволить.

4) Какъ-же Сумское духовное правленіе къ сему дѣлу, выписавъ изъ докладныхъ Святѣйш. Синода пунктовъ, подносимыхъ Е. И. В. 1722 года апрѣля 12 дня, третью статью требованія синодальнаго, гдѣ производить дѣла, т. е. въ синодѣ или свѣтскихъ судахъ... то за сіе, а при томъ за нерезонное приговореніе къ епитиміи П. и С. за совокупное ихъ сожитіе, за невнесеніе въ приговоръ Всемиловств. Его И. В. манифеста, состоявшагося во 2-й день апрѣля 1801 года, по коему П. избавляется отъ несенія епитиміи въ монастырѣ за прижитіе ею прелюбодѣйно младенца, за упушеніе въ приговорѣ, что съ давшими ей П. будто первый ея мужъ Ф. умре ложно сказку людьми учинить подлежить, и за недоставленіе по содержанію указа Святѣйш. Правит. Синода 798 года марта 15 дня сего дѣла въ консисторію къ разсмотрѣнію подлинникомъ—оштрафовать того правленія присутствующихъ на вдовъ и сиротъ пятью рублями.

3-й случай. *Многобрачіе по умыслу обоихъ супруговъ* (вышецитированное дѣло И. Васенковой). Мнѣніе духовнаго правленія по этому дѣлу, неизмѣненное консисторіей, основано на ст. 9 гл. XIX евангел. Матѣ., ст. 2, гл. VII послан. апост. Павла Римл., правил. 35 Василия В. (и толкован.), прав. 48 его-же (съ толкован.), новыхъ заповѣдей Устиніана царя гл. 44, ст. 4, духовн. Регл., п. 12, указ. консисторіи 1769 г. окт. 30, Правил. Василия В. 58: „Ирину подвергнуть епитиміи по 35, 48 и 58 прав. Василия В., которую ей за выходъ такъ и второму ея мужу К. за вступленіе съ нею въ бракъ исправлять. Протопопъ Василій Поповъ за дозволеніе ее Ирину, съ первымъ ея мужемъ, Иваномъ, другому священнику Федору Левицкому въ приходской его церкви вѣнчать, а оный священникъ Федоръ за отважное вѣнчаніе ихъ не своего приходу въ нарушеніе духовнаго регламента 12 пункта, не истребовавъ касательныхъ отъ нихъ къ вѣнчанію указанныхъ письменныхъ свидѣтельствъ, тожъ и Харьковскій Вознесенской церкви священникъ Іоаннъ Калиновскій за вѣнчаніе же ея Ирины со вторымъ мужемъ въ противность 1769 года указа не чиня дальняго указнаго объ нихъ обыска, а увѣрясь единственно на одно данное ему священнику отъ подполковника Тевяшева извѣстіе, подлежить штрафу“....

Приведенныя нами in extenso три дѣла о многобрачii представляютъ случаи наиболѣе простые, неусложненные никакими

правственными обстоятельствами, которыя бы смягчали, или увеличивали вину уклонившихся въ незаконный бракъ супруговъ. Въ дѣлахъ послѣдняго рода рѣшенія епархіальнаго суда болѣе или менѣе отступаютъ отъ буквального смысла церковныхъ правилъ, предусматривающихъ впрочемъ, какъ мы уже видѣли, далеко не всѣ случаи многобрачія. Къ болѣе обыкновеннаго снисходительному отношенію къ виновнымъ побуждала иногда большая запутанность дѣла, когда супругъ самъ бывалъ жертвой обмана и, считая себя незаконно связаннымъ, самовольно разрывалъ брачный союзъ, для вступленія въ новый бракъ.

Въ 1733 году Радковскій попъ Константинъ Федоровъ, узнавъ, что въ питейномъ шинку слободы Радковки живетъ нѣкая Евдокія Гречка за четвертымъ мужемъ и опасаясь архіерейскаго штрафа за свою прихожанку, донесъ объ этомъ Изюмскому духовному управителю. Возникло дѣло, которымъ выяснилось, что первый мужъ Евдокіи, двоеженецъ, продалъ ее на Дону какому то молодому греку; этотъ грекъ, женившійся на ней, былъ убитъ разбойниками; третій ея мужъ покинувъ законную жену свою „въ заднѣпровскихъ городахъ“, жилъ съ ней полгода и бѣжалъ обратно къ покинутой семьѣ. Тогда женился на Евдокіи четвертый и послѣдній мужъ ея Лазарь, съ которымъ она прижила сына и дочь. Этотъ случай раскрылъ цѣлый рядъ преступленій противъ брачнаго права: обвиняемая два раза была замужемъ за двоеженцами, разъ была выдана насильно, даже просто продана мужу, какъ товаръ, и, наконецъ, самовольно признавъ свой третій бракъ недѣйствительнымъ, вышла замужъ въ четвертый разъ; но понятно, что, кромѣ жалости, Евдокія ничего не могла внушить милостивому судѣ, и архіепископъ Досиѳей такъ и отнесся къ этой несчастной женщинѣ. Принявъ во вниманіе, что прежніе ея мужья жили съ нею „недолгое время и не по законному сочетанію“ и что, кромѣ двухъ дѣтей, прижитыхъ съ грекомъ Лазаремъ, отъ прежнихъ браковъ ея „два сына и дочь остались въ сиротствѣ“, архіерей разрѣшилъ имъ жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, не подвергнувъ Евдокію никакому церковному запрещенію, признавъ лишь послѣдній бракъ ея недѣйствительнымъ. „Но, хотя, гласить указъ консисторіи по этому дѣлу, имъ жить сообщно и позволяемъ, а плотскаго сожитія между собою отнюдь не имѣть и о томъ имъ объявить и учинить присягу и подписаться для вѣдома“.

Въ мотивировкѣ означеннаго рѣшенія высказана совершенно вѣрная мысль, что незаконный бракъ (въ данномъ случаѣ двоеженство), какъ бракъ недѣйствительный, ничтож-

ный, препятствіемъ къ брачному союзу служить не можетъ ¹⁾), но тѣмъ не менѣе бракъ Евдокіи съ Лазаремъ остался неутвержденнымъ.

Любопытныя рѣшенія Бѣлгородскаго епархіальнаго начальства, утверждавшія на оборотъ вторые браки супруговъ съ расторженіемъ первыхъ браковъ опубликованы въ печати проф. А. С. Лебедевымъ въ брошюрѣ „о брачныхъ разводахъ“. Упомянемъ лишь вкратцѣ сущность этихъ рѣшеній.

а) Оставленный въ 1773 году невѣрной своей женой, крестьянинъ, съ дозволенія помѣщика, вступилъ въ бракъ съ крѣпостной дѣвкой безукоризненнаго поведенія и прижилъ съ нею дочь. Консисторіей первый бракъ расторгнутъ, второй утвержденъ съ наложеніемъ лишь епитиміи на двоеженца ²⁾).

б) Аналогичный случай—въ дѣлѣ 1764 года, причемъ, обманутымъ до крайности развратной женой, явился канцеляристъ. Первый бракъ также расторгнутъ, второй утвержденъ, двоеженецъ архіереемъ прощенъ ³⁾).

Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ Бѣлгородскихъ дѣлъ о многобрачїи таково, что здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо епархіальная власть старалась относиться бережно къ супругамъ, хотя и провинившимся, осторожно и часто съ крайней снисходительностью вмѣшиваясь въ брачныя отношенія, эти наиболѣе интимныя отношенія семейственнаго права.

Какъ далеко заходила снисходительность Бѣлгородскихъ архіереевъ въ иныхъ случаяхъ многобрачїа показываетъ приведенное въ упомянутой брошюрѣ проф. Лебедева дѣло 1796 года копїиста Василя Яковлева ⁴⁾). Выкрестъ изъ евреевъ, Яковлевъ оставилъ свою непринявшую христіанства жену и вступилъ въ бракъ съ христіанкой. По прошествіи года онъ сталъ ходатайствовать о дозволеніи вернуться къ первой женѣ, также успѣвшей креститься и выразилъ желаніе обвѣнчаться съ нею по христіанскому обряду. На основаніи Анкирск. соб. 20 прав., VI Вселенскаго 87, Василя Вел. 46—второй бракъ расторгнутъ, Яковлеву разрѣшено обвѣнчаться съ выкрестившейся первой женой, а второй женѣ дано разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ. Архіерей (пр. Θεοκτιστὴς), вопреки мнѣнія консисторіи, не подвергъ Яковлева даже епитиміи въ виду хлопотъ его къ обращенію первой жены въ христіанство.

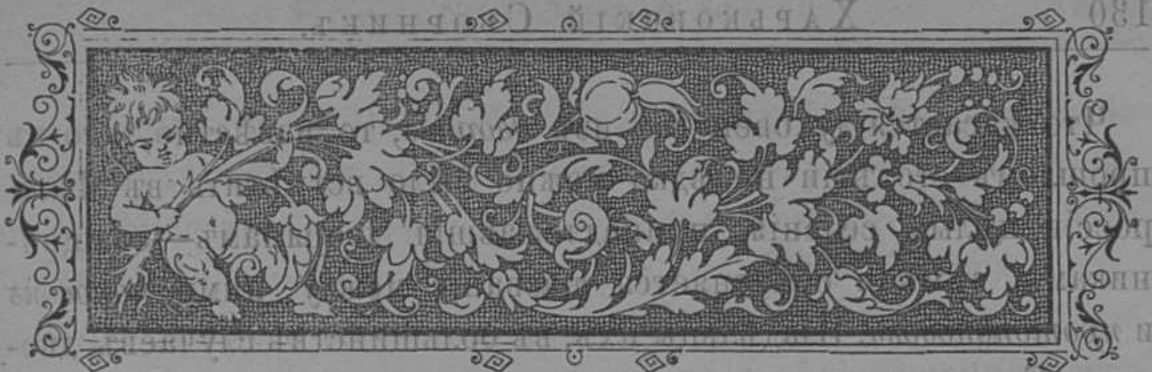
В. А. Демидовъ.

¹⁾ Срав. Thishman, Eherecht, стр. 383.

²⁾ Стр. 11—12.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Стр. 16—17.

МАТЕРІАЛЫ КЪ СТОЛѢТІЮ ХАРЬКОВСКОЙ КАФЕДРЫ.

(16 окт. 1799 г.—16 окт. 1899 г.).

**Христофоръ—первый епископъ Слободско—Украинскій и
Харьковскій *).**

(16 окт. 1799 г.—18 мая 1813 г.).

(Окончаніе).

Преосвященный Филаретъ, въ своемъ трудѣ „описаніе Харьковской епархіи“, такъ отозвался о нравственномъ состояніи современнаго ему (1859 г.) духовенства и мірянъ: „какъ духовенство епархіи, говоритъ онъ—духовенство образованное и ведетъ себя весьма прилично званію своему, такъ и паства отличаются многими прекрасными качествами“. И объясненіемъ сему онъ поставляетъ то, что „въ Харьковѣ рано открытъ былъ *коллегіумъ*, а въ числѣ духовенства въ прежнее время много было *дворянъ*, которые свой духъ и правила жизни, растворенныя духомъ христіанскимъ, распространили, какъ на все духовенство, такъ частію и на паству“¹⁾. Дѣйствительно *коллегіумъ*, открытый въ 1726 г., во все время до начала текущаго столѣтія, въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія, игралъ весьма важную роль. „*Коллегіумъ* вовсе не представлялъ тогда изъ себя узкой, спеціальной духовной школы, ни по программѣ преподаванія, ни по составу учащихся. Среди учащихся было не мало старшинскихъ, козацкихъ и мѣщанскихъ дѣтей. Питомцы *коллегіума* очень часто ѣздили на кондичіи въ деревни къ козацкой старшинѣ и обучали ея дѣтей разнымъ наукамъ“²⁾.

*) См. „Харьковскій Сборникъ“, вып. 7 и 8.

1) Историко-статистич. опис. Хар. епарх. Отд. I, стр. 44.

2) Истор. повѣсти и статьи Г. Квитки. Проф. Д. И. Багалъя. Киев. Стар. 1893 г.

Что касается духовенства изъ дворянъ, то извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи нерѣдко можно было встрѣтить въ Малороссіи цѣлыя селенія, принадлежавшія дворянамъ—священникамъ, чѣмъ и объясняется названіе между ними *поповокъ* и *протопоповокъ*. Владѣльцы ихъ, въ большинствѣ случаевъ, дворяне Екатериновскаго времени, поступившіе въ сословіе духовенства, укрываясь отъ военной службы. Нѣкоторые священники происходили изъ дворянскихъ фамилій, переселившихся изъ за Днѣпра въ Украину. Таковъ былъ духовникъ Петра I, протоіерей Тимофей Надаржинскій, уроженецъ сл. Тростянца (Ахт. у.) имѣвшій въ Ахтырскомъ уѣздѣ громадное количество земли и 4 т. пожалованныхъ ему крестьянъ.

Изъ современныхъ Христофору дворянъ — священниковъ достоинъ особой памяти усердный сотрудникъ его протоіерей Андрей Семеновичъ Прокоповичъ ¹⁾. Онъ родился въ 1756 г. ноября 28 дня, Полтавской епархіи въ мѣстечкѣ Санжары, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначально обучался въ Кіевѣ, а затѣмъ въ теченіи десяти лѣтъ прошелъ полный коллегіумскій курсъ въ Харьковѣ. Своими блестящими способностями Прокоповичъ еще здѣсь обратилъ на себя вниманіе прот. Михаила Шванскаго, извѣстнаго ученостію префекта и учителя богословія ²⁾. Шванскій предсказывалъ даровитому юношѣ, что онъ далеко пойдетъ впередъ, превзойдетъ своихъ товарищей и самихъ наставниковъ, и, если останется въ коллегіумѣ, то будетъ лучшимъ украшеніемъ его. Предсказаніе это вполнѣ сбылось. По окончаніи курса, онъ въ 1780 году поступилъ на должность учителя перваго низшаго класса, а въ 1794 году уже былъ префектомъ и учителемъ высшаго богословскаго класса. Въ должности префекта онъ прослужилъ шесть лѣтъ и въ 1801 году, первый изъ бѣлаго духовенства и тринадцатый по счету отъ учрежденія коллегіума, былъ произведенъ въ званіе ректора, каковую должность исполнялъ двадцать два года. Богословскія науки онъ читалъ двадцать

¹⁾ Изъ послужнаго списка А. Прокоповича видно, что онъ имѣлъ „помѣстье (т. е. землю), людей (т. е. крестьянъ) и достатка очень изобильнаго“.

²⁾ Шванскій Михайлъ, съ 1760 учитель Х. коллегіума, а съ 1769 протоіерей Харьк. собора, съ 1778 г. префектъ коллегіума, сконч. въ 1790 году.

восемь лѣтъ (съ 1794 по 1822 г.). Въ 1817 году комиссія духовныхъ училищъ, по преобразованіи collegіума, удостоила его именоваться профессоромъ богословскихъ наукъ. Еще быстрѣе Прокоповичъ пошелъ впередъ по службѣ епархіальной. Въ самый годъ окончанія collegіума (1780 г.) преосв. Оеоктистъ, какъ отличному студенту, далъ ему священническое мѣсто въ Харьковѣ при Николаевской церкви, считавшейся тогда лучшею послѣ городского собора. На осьмомъ году священства онъ получилъ санъ протоіерея, а въ 1790 году—должность настоятеля градскаго собора и десять лѣтъ состоялъ въ званіи первоприсутствующаго въ Харьковскомъ духовномъ правленіи. Съ открытіемъ архіерейской каѳедры епархіальная дѣятельность Прокоповича приняла еще болѣе широкіе размѣры. Несмотря на то, что онъ уже былъ настоятелемъ градскаго Успенскаго собора, преосвященный Христофоръ сдѣлалъ его настоятелемъ Каѳедрального Покровскаго собора, въ каковой должности онъ состоялъ семь лѣтъ. Двадцать три года онъ былъ членомъ слободской украинской консисторіи, 12 лѣтъ благочиннымъ и 24 года несъ должность епархіальнаго цензора. На каѳедрѣ богословскихъ наукъ Прокоповичъ, какъ даровитый наставникъ, соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя свойства рѣдкаго по тогдашнему времени профессора. Онъ обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и умѣлъ самыя глубокія и отвлеченныя истины передавать ясно и просто. По домашнимъ замѣткамъ Прокоповича видно, что число студентовъ, слушавшихъ его богословскія лекціи было 570 человѣкъ. Лучшіе изъ нихъ доканчивали потомъ свое образованіе въ кіевской духовной академіи, а нѣкоторые въ медикохирургической академіи, но большая часть поступала во священники своей родной епархіи. Еще въ семидесятыхъ годахъ встрѣчались старцы—священники—ученики Прокоповича, которые съ гордостію и восторгомъ вспоминали о своемъ знаменитомъ ректорѣ профессорѣ. У Прокоповича была очень хорошая библіотека. При увольненіи отъ ректорства онъ пожертвовалъ въ даръ библіотекѣ Харьковскаго collegіума 100 экземпляровъ разныхъ книгъ на сумму 600 руб., о чемъ тогда-же было напечатано въ московскихъ вѣдомостяхъ. Какъ человѣкъ извѣ-

стной учености онъ былъ почетнымъ членомъ ученаго общества Московскаго и Харьковскаго университета. Прокоповичъ извѣстенъ своими литературными трудами ¹⁾. Въ должности настоятеля Успенскаго собора Прокоповичъ состоялъ 36 лѣтъ. Въ 1818 году онъ, какъ настоятель собора, первый подалъ прекрасную мысль въ память знаменитыхъ побѣдъ всероссійскаго воинства, подъ личнымъ предводительствомъ Государя Императора Александра Благословеннаго воздвигнуть въ Харьковѣ при соборѣ колокольню въ величественныхъ размѣрахъ съ наименованіемъ ея „Александровскою“. Личнымъ трудамъ и хлопотамъ Прокоповича, прекратившимся съ его смертію, были обязаны всѣ распоряженія, какія въ теченіи семи лѣтъ были сдѣланы къ осуществленію задуманнаго имъ предпріятія какъ то: составленіе плана и фасада колокольни, сломка старой колокольни, устройство кирпичнаго завода, покупка дерева, вырытіе рвовъ подъ фундаментъ глубиною въ 14 сажень, первые сборы денежныхъ пожертвованій, освященіе мѣста и заложеніе фундамента и т. п. На церковной кафедрѣ Прокоповичъ, какъ краснорѣчивый ораторъ, въ продолженіи 46 лѣтней своей пастырской службы былъ неотомимымъ проповѣдникомъ. Въ теченіи 20 лѣтъ онъ, по воскреснымъ днямъ, публично толковалъ въ коллегіумскомъ залѣ посланія Св. Ап. Павла. Слова и рѣчи его всегда производили на слушателей глубокое впечатлѣніе. Нѣкоторые изъ его проповѣдей, какъ мы уже говорили, удостоивались царскаго вниманія, и отъ высочайшихъ особъ онъ получалъ награды денежные, какъ-то: 30 большихъ золотыхъ червонцовъ,

¹⁾ Его сочиненія: а) слова и рѣчи на праздники 1803 г., б) мысли при чтеніи посланій Ап. Павла 1819—1821 г., в) богословскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ, издававшіяся имъ съ 1808 по 1812 годъ на русскомъ и латинскомъ языкѣ, г) латинскія христоматіи изд. 1810—1811 и 1817 гг., д) нѣкоторыя сочиненія на латинскомъ языкѣ. Кромѣ сего Прокоповичъ издалъ нѣсколько календарей (съ 1808 г. по 1814 г.) и нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей Государю Императору Александру I-му и первымъ двумъ слободскимъ епископамъ. Подъ его редакціей въ 1807 г. были изданы переводныя сочиненія студентовъ коллегіума—рядъ статей нѣмецкаго писателя Геллерта по исторіи и теоріи словесности. Остаются въ рукописи: поучительныя слова и бесѣды, предложенныя въ систематическомъ порядкѣ на цѣлый годъ, академическія разсужденія и на разные случаи привѣтственныя рѣчи.

300 р. и 1000 р. и разныя вещи, какъ-то: золотыя часы, золотой крестъ, осыпанный брилліантами. Разсмотрѣніе и рѣшеніе трудныхъ и запутанныхъ дѣлъ по епархіальному управленію всегда были за Прокоповичемъ, онъ неоднократно былъ командированъ для ревизій духовныхъ правленій и школъ, для освященія храмовъ и т. п., его, наконецъ очень часто посылали для увѣщанія раскольниковъ и молоканъ. Последніе порученія не всегда были безопасны. Такъ, въ селѣ Русской Лозовой и Проходахъ жизнь Прокоповича подвергалась два раза опасности отъ злоумышленія закоренѣлыхъ раскольниковъ. Въ первомъ, онъ былъ спасенъ отъ явной смерти только проходившею военною командою; а во второмъ—чумаками, ѣхавшими по столбовой Липецкой дорогѣ къ Харькову. При обширномъ умѣ Прокоповичъ обладалъ прекрасными свойствами души: онъ былъ честенъ, великодушенъ, гостепріименъ и сострадателенъ. Неудивительно, что такія качества ума и сердца доставили ему извѣстность, прославили его по всей украинѣ и окружили его любовью его учениковъ ¹⁾ уваженіемъ и довѣріемъ многихъ именитыхъ лицъ,

¹⁾ Свои чувства преданности къ ректору питомца коллегіума обыкновенно выражали въ день его ангела 30 ноября въ подносимыхъ ему отъ каждого класса привѣтствіяхъ, написанныхъ въ формѣ рѣчей, стиховъ и т. п. Рукописныя копія подобныхъ привѣтствій можно находить и теперь въ домашнихъ дѣдовскихъ архивахъ нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ. Для образца мы приводимъ слѣдующее печатное поздравленіе, присланное Прокоповичу къ 30 ноября 1801 года изъ Петербурга, бывшимъ его ученикомъ, студентомъ медицинской коллегіи, Иваномъ Свѣчинскимъ.

Открылся слѣдъ благословенный
И столь давно желанный мной!
Се паки день тезоименный
Твой возсіялъ—принесъ съ собой
Отраду, радость и блаженство,
Утѣхи, счастья совершенство,
И все—съ чемъ жизнь мила для насъ;
Языкъ мой здѣсь не лезть сплетаетъ
Восторгъ весь духъ мой наполняетъ,
Вода перомъ моимъ въ сей часъ.
Оно не лезть—мою преданность
Любовь, почтенье, благодарность—
Душевыя чувства чертитъ,
И то—что сердце мнѣ велитъ....

Оно велитъ—я повторяю
Изъ дальнихъ мѣстъ къ тебѣ вѣщать
Будь счастливъ—я того желаю!
Чегожъ еще могу желать?
Пусть геній ангелъ шестокрылый
Твой будетъ вождь—хранитель, другъ—
Пусть онъ прогонитъ мракъ унылый
Дялову жизнь всякъ часъ въ твой духъ—
Пусть мирнымъ кровомъ осѣняетъ
Твое блаженство возвышаетъ.
Чегожъ еще могу желать?
Твоихъ дней мирныхъ продолженія
Спокойства—счастья, утѣшенія—
Вотъ все—что я хотѣлъ сказать!

безграничною любовію первыхъ двухъ архипастырей и всего Харьковскаго духовенства. По ходатайству Преосв. Христофора, Прокоповичъ, какъ уже было сказано, соприсчисленъ былъ въ 1803 г., при Высоч. рескриптѣ, къ ордену Св. Анны 2-й ст., а въ 1811 году также при Высоч. рескриптѣ получилъ алмазные знаки этого ордена. Съ своей стороны Прокоповичъ глубоко былъ преданъ преосвященному Христофору, имѣя въ немъ перваго своего благодѣтеля и покровителя. Это онъ ясно выражалъ и дѣломъ и словомъ. Такъ, печатая проповѣди свои, Прокоповичъ посвятилъ ихъ преосв. Христофору и посвященіе свое онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Особенное вниманіе и любовь ваша къ наукамъ, великія добродѣтели, душу вашу украшающія и тѣ высокія милости и благотворенія мнѣ оказываемыя, коихъ память вѣчно пребудетъ для меня драгоцѣнна, возбудили чувство моего сердца посвятить вашему преосвященству въ знакъ моей благодарности сей посильный мой трудъ. Преосвященнѣйшій владыко! удостойте оный благосклоннаго вашего принятія, какъ жертву сердечныхъ чувствъ истиннаго моего къ вамъ высокопочитанія, усердія и благодарности. Сіе будетъ новымъ щастіемъ для меня, имѣющаго сохранить, какъ память вашихъ благодѣяній, такъ и благодарныя къ священной особѣ вашей чувствія до послѣдней минуты моей жизни ¹⁾. Прокоповичъ очень много посвятилъ преосвященному Христофору рѣчей и одъ. Всѣ онѣ написаны, какъ водилось въ то время, витіевато и фигурно, но сквозь риторическіе прикрасы нельзя не видѣть въ авторѣ неподдѣльныя чувства сердечнаго благожеланія святителю. Для образца приводимъ слѣдующія двѣ эпиграммы:

I.

Въ дни майскіе цвѣты не для себя цвѣтутъ;

А чтобъ ихъ прелестями всѣхъ взоры веселились:

Ректору протоіерею Андрею Прокоповичу въ радостнѣйшій день его тезоименитства отъ студента государственной медицинской коллегіи Ивана Свѣчинскаго. Печатано при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. С.-Петербургъ. Ноября 30 дня 1801 года.

¹⁾ Книгу—„поучительныя слова“ Прокоповичъ принесъ въ даръ Х. университету въ день его открытія съ слѣдующею собственноручною надписью на книгѣ: „Харьковскій императорскій университетъ прошу принять въ бібліотеку на память. 1805 года Января 17 дня“. Книга эта хранится въ университетской бібліотекѣ.

Такъ пастырь дни твои не для тебя текутъ;

А чтобы паствы всей и музъ сердца живились.

II.

Какъ наше счастье въ твои дни не пресѣчно;

Такъ и желаніе, чтобы съ нами жилъ ты вѣчно.

Желаніе, конечно, не сбыточное, Христофоръ доживалъ уже осьмой десятокъ и Прокоповичу пришлось хоронить его, а затѣмъ вскорѣ и преемника его преосвященнаго Аполлоса. Съ нимъ онъ похоронилъ душевный покой свой. Послѣдніе годы жизни Прокоповича прошли для него крайне тревожно. По какимъ-то невѣдомымъ побужденіямъ пріемникъ Аполлоса преосв. Павелъ Саббатенко не возлюбилъ Прокоповича и, какъ жаловался послѣдній св. синоду, „разными способами старался очернить его предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ затмить долговременную и безпорочную его службу“. Вѣроятно изъ за личныхъ столкновеній съ этимъ архіереемъ Прокоповичъ въ 1822 году нашелъ себя вынужденнымъ совсѣмъ оставить должность ректора коллегіума, а скоро затѣмъ должность члена консисторіи, епаршескаго цензора, и др. Ему еще грозило удаленіе отъ должности настоятеля градскаго собора и это случилось бы, если бы не вступался за него Свят. Синодъ. Протоіерей Прокоповичъ обвинялся въ несоблюденіи нѣкоторыхъ епархіальныхъ распоряженій и обвинялся совершенно несправедливо ¹⁾. Консисторія, продержавъ его около четырехъ лѣтъ подъ слѣдствіемъ, присудила его къ 25 рублевому штрафу и предписала ему держать седмицу наравнѣ съ прочими соборными священниками. Преосвященный Павелъ, утверждая это постановленіе въ своей резолюціи, вы-

¹⁾ Такъ напр., Консисторія, или точнѣе преосв. Павелъ обвинялъ прот. Прокоповича за то, что онъ въ седьмомъ часу повѣнчалъ дочь Харьковскаго купца Надежду Карпову. Прокоповичъ оправдывался тѣмъ, что въ Харьковѣ не онъ одинъ, а и прочіе священники вѣнчаютъ въ эти часы, что съ дозволенія самого преосв. Павла онъ вѣнчалъ въ 1819 году племянника его преосвященства въ восьмомъ часу по полудни. Далѣе, что обвинянная Прокоповичемъ Н. Карпова была будто бы раскольница, потому что и ея отецъ былъ раскольникъ. Прокоповичъ официальными данными доказалъ, что дѣвица Н. Карпова всегда ходила въ соборъ и ежегодно говѣла, что отецъ ея былъ православный и что самъ преосв. Павелъ отпѣвалъ его соборнѣ съ Харьковскимъ духовенствомъ. Дѣло Хар. Дух. Конс. 1825 г. марта 17 д.

разилъ надежду, что прот. Прокоповичъ возчувствуетъ свою немаловажную винность противъ церковныхъ уставовъ и толь снисходительное опредѣленіе, вмѣсто довлѣемаго штрафа, въ запрещеніи и отрѣшеніи отъ мѣста состоящаго, денежной пени, примирится съ своею совѣстію и не будетъ возставать противъ власти начальства укоризнами и строптивыми защищеніями своею мнимой непогрѣшимости, такъ какъ поступокъ его явно правилами изобличается. Если же, присовокупивъ онъ, и за симъ снисхожденіемъ не будетъ поступать по уставамъ церковнымъ, при исправленіи мірскихъ требъ, и не станетъ держать седмицы, тогда отрѣшенъ долженъ быть отъ прихода ¹⁾. Протоіерей Прокоповичъ, опровергая обвиненія, взведенныя на него консисторіею въ тоже время упрекалъ ее въ томъ, что въ рѣшеніи его дѣла она дѣйствовала, какъ выражается Прокоповичъ, *по нотѣ преосвященнаго*. Съ своей стороны св. Синодъ нашель, что „консисторія допустила незаконныя, съ отступленіемъ отъ порядка, дѣйствія, неумѣстныя и вымышленныя разсужденія, показывающія пристрастіе и неосновательную склонность къ отяготительному обвиненію протоіерея“. Прокоповичъ былъ освобожденъ отъ всякаго взысканія и, по уваженію его лѣтъ и заслугъ, былъ уволенъ отъ чреды седмичнаго служенія. Объявивъ консисторіи строгое внушеніе за ея неправильныя дѣйствія въ производствѣ дѣла Прокопорича, св. синодъ присовокупилъ: „а вашему преосвященству особенно взять во вниманіе, что вы, по духу архипастырскому, всемірно должны уклоняться и уклонять подчиненныхъ (т. е. членовъ консисторіи) отъ подобныхъ дѣйствій, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неминуемаго взысканія“. ²⁾ Спустя полгода послѣ полученія этого указа, состоялось опредѣленіе св. Синода о переводѣ преосвященнаго Павла въ Астрахань. Въ тѣ самыя дни, когда преосвященный готовился ѣхать въ свою новую епархію, протоіерей Прокоповичъ, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни (31 Января 1826 года) скончался на 70 году жизни. По устному преданію чинъ погребенія

¹⁾ Дѣло Харьк. Дух. Конс. Марта 17 дня.

²⁾ Указъ св. Синода отъ 29 Іюля 1825 г. № 4169.

совершалъ преосвященный Павелъ. Прощаясь съ мертвымъ тѣломъ протоіерея Прокоповича, онъ какъ-бы прощался въ лицѣ его со всею епархіею и горько при этомъ плакалъ. Протоіерей Прокоповичъ погребенъ на Муромосицкомъ кладбищѣ,—гдѣ крестовоздвиженская церковь, рядомъ съ могилою бывшаго любимаго его наставника протоіерея Шванскаго. Отъ этого кладбища давно уже около 50 л. и слѣдовъ нѣтъ ¹⁾).

Громадное вліяніе имѣлъ, не столько на духовенство, сколько на своихъ крестьянъ-прихожанъ и на тогдашнюю украинскую интеллигенцію, дворянинъ, протоіерей Андрей Афанасьевичъ Самборскій. Онъ родился въ деревнѣ Сыроваткѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ и землевладѣльцемъ. По окончаніи курса въ Кіевской Духовной Академіи, онъ исполнялъ должность настоятеля церкви при русской миссіи въ Англіи, а затѣмъ былъ и законоучителемъ Императора Александра I-го. За ревностное исполненіе обязанности по законоучительству Императоръ Павелъ пожаловалъ о. Самборскому землю и деревню съ пятьюстами крестьянъ въ Слободско-Украинской губерніи, Изюмскаго уѣзда подъ названіемъ село Стратилатовка. Въ этомъ имѣніи была и приходская церковь и при ней священникъ, а самъ Самборскій по временамъ служилъ въ особой часовнѣ, которая имѣла значеніе его домової церкви, и при ней особый причетникъ изъ канцеляристовъ слободской консисторіи Василій Щербинскій, а иногда преосвященной Христофоръ присылалъ ему одного или двухъ пѣвцовъ изъ своего хора. Проживая въ своей деревнѣ (съ 1804—1811 г.) о. Самборскій, какъ знатокъ и любитель агрономіи, усердно занимался улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, распространеніемъ между ними болѣе здравыхъ понятій о земледѣліи. Съ этой цѣлію онъ выписывалъ изъ Англіи земледѣльческія орудія. Нѣкоторые изъ крестьянъ стариковъ и до сихъ поръ показываютъ одно дерево, на которое вѣшалъ о. Андрей Афанасье-

¹⁾ Современные Христофору Харьковскіе протоіереи В. Өотіевъ и А. Могилевскій пользовались въ свое время, подобно Прокоповичу, громкою извѣстностію: первый былъ отличный воспитатель свѣтскаго юношества, второй усердный сотрудникъ Христофора по епархіальному вѣдомству, впоследствии профессоръ богословія Харьковскаго университета. Къ сожалѣнію объ этихъ лицахъ, кромѣ сказаннаго нами прежде, другихъ свѣдѣній не имѣемъ.

вичь свою рясу и наперстный крестъ предъ тѣмъ, какъ идти показывать крестьянамъ употребленіе новаго англійскаго плуга, причемъ самъ первый начиналъ пахать. Благотворная его дѣятельность, какъ помощника, настолько выдѣлялась изъ круга обыкновенныхъ явленій тогдашней общественной жизни, что мѣстной губернаторъ Бахтинъ находилъ нужнымъ сообщить о ней тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ. „Въ ввѣренной управленію моему губерніи, писалъ онъ князю Куракину, помѣщикъ господинъ протоіерей Самборскій, въ своемъ селѣ Стратилатовкѣ, устроилъ и содержитъ на свои средства больницу и при ней доктора и особый довольно видный домъ съ лекарствами и для прививанія оспы, богадѣльню для вдовъ и сиротъ и престарѣлыхъ и домъ для училища. Деревенскіе мальчики—ученики этого училища читаютъ въ церкви внятно и поютъ согласно“¹⁾. Самборскій и самъ не скрывалъ своихъ добрыхъ дѣлъ предъ лицами, пользовавшимися близостью къ государю. Такъ во своемъ письмѣ оберъ-прокурору св. Синода князю Д. Голицину (отъ 12 ноября 1810 г.), Самборскій, перечисливъ устроенныя имъ въ селѣ Стратилатовкѣ благотворительныя учрежденія, говоритъ: „если бы бѣлое духовенство было воспитываемо такъ, чтобы споспѣшествовало симъ единственнымъ и богоуднымъ подвигамъ, здѣсь къ тебѣ преосвященный Христофоръ, вопію,—то сколько скоро родъ человѣческій могъ-бы преобразиться и соответствовать намѣреніямъ своего Преблагаго Творца. Но мы, мірскіе священники, служимъ алтарю не для Іисуса, а болѣе хлѣба куса; якоже и св. Злотоустъ глаголетъ: не вѣдѣхъ іерея спасающа, но погибающа. Сіе вамъ дерзась рещи яко ревностному новообразователю священнослужителей. Впрочемъ молю: положи Господи храненіе устамъ моимъ. Мои поселяне начинаютъ уже нѣсколько награждать меня своимъ, хотя коснымъ, исправленіемъ и признаніемъ, что я болѣе пекусь о ихъ духовномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи, нежели о своихъ доходахъ, что ихъ не обременяю заботами и наказаніями. И они меня съ любовію и уваженіемъ именуютъ батюшкою. Сією наградой я весьма доволенъ“²⁾. Къ такому откровенно-

1) Христ. Чтеніе 1894 г. Кн. Ноябрь—Декабрь стр. 451.

2) Тамъ-же.

му заявленію о. Самборскаго не лишнимъ считаемъ прибавить отъ себя, что высокопочтеннѣйшій Андрей Афанасьевичъ, какъ сельскій священникъ, находится въ исключительномъ, почти безпримѣрномъ положеніи. Денежныя его средства въ тѣ годы (1804—1813), когда онъ, удалившись со службы жилъ на покоѣ въ своемъ имѣніи Стратилатовкѣ, простирались до 11,260 р. ас.¹⁾ Находимъ умѣстнымъ замѣтить и то, что между современниками о. Самборскаго дворянами—священниками, нѣкоторые изъ нихъ своею благотворительностію, конечно, въ далеко болѣе скромныхъ размѣрахъ, также оставили по себѣ среди прихожанъ добрую память. Такъ священникъ Порфирій Ковалевскій, Андрей Жуковъ, Иванъ Холодовъ, владѣя недвижимыми имѣніями, въ округѣ прихода сл. Соколова, собственность свою употребляли на дѣла благотворенія. Священникъ сл. Бишкина Стефанъ Луценко, владѣя населенною землею, данное ему Богомъ богатство употреблялъ во славу имени Его—на украшеніе храма²⁾.

И въ ряду простыхъ пастырей времени Христофора были лица, кои значительно превышали обычный уровень тогдашняго духовенства и могли бы занять почетное мѣсто среди какого угодно образованнаго общества. Исполняя пастырскія свои обязанности, они несли съ особою ревностію разныя общественныя должности, а нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, оставили добрую память своею благочестивою жизнію. Таковъ былъ въ Острогожскѣ соборный протоіерей Сѹмеонъ Сцепинскій. Онъ имѣлъ привлекательную наружность. Фигура его поражала благородствомъ, даже величіемъ. Лицо его дышало умомъ, а манеры отличались благородствомъ и привѣтливостію. Онъ былъ не только уменъ, но и многосторонне образованъ; слѣдилъ за литературой и обладалъ рѣдкимъ даромъ слова. Его проповѣди привлекали массу слушателей. По поступленіи въ Острогожскъ, онъ скоро достигъ выдающейся роли:

¹⁾ Не смотря на такое солидное содержаніе О. Самборскаго послѣ его смерти (умеръ въ 1815 г. 84 л.) оказалось долгу на его имѣніи заемному банку 36 т. ас. Государь долгъ простилъ, а дѣтямъ былъ оставленъ пансіонъ отца 7600 р. ас.

²⁾ Ист.-стат. опис. Х. епар. Филарета. Отд. III, стр. 465.

преосвященный Христофоръ сдѣлалъ его благочиннымъ и первоприсутствующимъ духовнаго правленія. Его осыпали почестями и отличіями: онъ имѣлъ рѣдкія по тогдашнему времени награды какъ-то: камилавку, наперстный крестъ, палицу, орденъ св. Анны. Казалось его поняли и оцѣнили. Но дорого заплатилъ потомъ бѣдный отецъ Сумеонъ за всѣ эти первоначальные успѣхи. Еще при жизни Христофора этотъ достойный пастырь въ 1810 году подвергся тяжкому испытанію. Городъ Острогожскъ уже состоялъ тогда въ вѣдомствѣ Воронежской епархіи. Епархіальный архіерей Антоній Соколовъ, лишивъ Сцепинскаго должностей, занимаемыхъ имъ, замѣстилъ его своимъ роднымъ братомъ—священникомъ Николаемъ Соколовымъ—горьчайшимъ пьяницей. И таковъ былъ въ то время произволъ архіерейской власти, что Антоній могъ сдѣлать это безнаказанно. Правда лучшее городское общество было возмущено, горячилось, шумѣло, дѣлало въ пользу Сцепинскаго демонстраціи, ходатайствовало за него, но все это ни къ чему не повело. За симъ, какъ обыкновенно водится, протестующія лица устали, перестали возмущаться и продолжали только при случаѣ глумиться надъ недостойнымъ попомъ Соколовымъ. За то на самага Сцепинскаго нанесенное ему оскорбленіе произвело неизгладимое впечатлѣніе и губительно отразилось на его здоровьѣ. Спустя 15 лѣтъ послѣ этой катастрофы ему все съ избыткомъ воротили, что передъ тѣмъ отняли. Антоній умеръ, братъ его Николай Соколовъ былъ отрѣшенъ отъ должности благочиннаго, а Сцепинскій въ ней возстановленъ. Но ни силъ, ни здоровья ему уже не могли возвратить: онъ умеръ послѣ этого пять лѣтъ спустя, всего пятидесяти лѣтъ отъ роду¹⁾.

Современникъ Сцепинскаго настоятель Изюмскаго собора Іосифъ Погорлевскій, о коемъ мы уже упоминали,—бывши еще ученикомъ въ Бѣлгородѣ, своими бойкими на экзаменѣ отвѣтами понравился святителю Іосифу Горленкѣ, который велѣлъ ему называться (вмѣсто Ковалевскаго) Погорлевскимъ и взялъ его къ себѣ въ келейники. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Прослуживъ около

¹⁾ Записки и дневникъ А. В. Никитенко. Т. I, стр. 90.

8 лѣтъ священникомъ на мѣстѣ своего отца въ сл. Салтовѣ, Погорлевскій, въ теченіи пяти лѣтъ, для пользы службы, былъ переводимъ преосвященнымъ Агеемъ изъ города въ городъ—Бѣлгородъ, Зміевъ и Изюмъ. Вездѣ, согласно желанію владыки, онъ устроилъ должный порядокъ по собору и духовному правленію. Состоя благочиннымъ по Изюмскому уѣзду, онъ ревностно слѣдилъ за поведеніемъ духовенства; для мало свѣдущихъ причетниковъ онъ открылъ въ Изюмѣ школу и самъ обучалъ ихъ читать и пѣть и исполнять службу по уставу. Въ духовное правленіе являлся первый и самъ все провѣрялъ, во все вникалъ и часто самъ переписывалъ бумаги, для ускоренія хода дѣлъ. Къ чести духовенства оно цѣнило труды своего благочиннаго. Въ 1803 году причты всѣхъ церквей Изюмскаго уѣзда въ числѣ 180 человекъ письменно свидѣтельствовали предъ преосвященнымъ Христофоромъ, что „Погорлевскій должности благочиннаго и первоприсутствующаго проходитъ ревностно, рачительно и усердно и обиды никому изъ нихъ не причиняетъ“. Еще болѣе онъ усерденъ былъ въ совершеніи богослуженія; при всѣхъ занятіяхъ своихъ по правленію и по должности благочиннаго, онъ служилъ литургію не только по очереди съ другими, но любилъ отправлять службы и на седмицѣ товарищей. Въ служеніи наблюдалъ благочиніе, и очень заботился объ улучшеніи пѣнія и чтенія въ храмѣ. Самъ становился на клиросъ и самъ пѣлъ и читалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревностно занимался проповѣдываніемъ слова Божія въ храмѣ. И добрые прихожане были весьма довольны своимъ пастыремъ, что и засвидѣтельствовали въ особомъ своемъ доношеніи, представленномъ преосвященному Христофору въ числѣ 150 человекъ. „Мы по совѣсти свидѣтельствуемъ, что Погорлевскій въ проповѣданіи слова Божія и примѣрномъ наставленіи насъ догматамъ православной вѣры и православныхъ христіанскихъ добродѣтелей, равно какъ въ священнослуженіи и исправленіи мірскихъ требъ посильный трудъ и бдѣнный и неопустительный подвигъ всегда имѣетъ. О благоустроеніи и благолѣпнѣ церковномъ онъ усердное стараніе прилагаетъ, обидъ же намъ и прочимъ прихожанамъ никакихъ не причиняетъ.

А потому мы, бывъ имъ довольны, желаемъ его до послѣднихъ дней его жизни имѣть предстоятелемъ въ штатѣ причта на нашемъ приходѣ“. Дворяне всего Изюмскаго уѣзда въ числѣ 100 человекъ съ своей стороны, представили Христофору заявленіе, въ коемъ свидѣтельствовали, что „протоіерей Погорлевскій во все время нахожденія его при Изюмскомъ соборѣ въ должности настоятеля онаго ведетъ себя безпорочно, честно, добропорядочно и сановито¹⁾“. Погорлевскій, по словамъ его библиографа²⁾, былъ неутомимъ въ трудахъ. Ложился спать поздно и вставалъ рано. Постоянно видѣли его или на молитвѣ, или въ правленіи и за дѣлами по благочинію“. Такое бодрое и неунынное служеніе тѣмъ болѣе было удивительно въ немъ, что семейныя дѣла его были горькія. Они до того были грязны, что другой впалъ бы отъ нихъ въ отчаяніе. Жена его была женщина строптивая и нетрезвая, рѣдкій день проходилъ, чтобы она не была пьяна и не осыпала мужа бранью. Мало того, она еще занималась ремесломъ колдуньи и, слывя въ народѣ вѣдьмою, поставляла мужа въ самыя затруднительныя положенія предъ прихожанами и по службѣ общественной. Благочестіе его и безкорыстіе по службѣ служили для нея предметомъ неумолкаемой брани, случалось и то, что маленькаго протопопа (такъ памятенъ понынѣ Погорлевскій въ Изюмѣ по его росту) она била своими руками, тогда какъ названіе вѣдьмы колдуньи понынѣ остается въ народѣ за нею. Послѣ сего неудивительно, что, когда умерла она, онъ неутѣшно плакалъ по ней и плакалъ отъ скорби за ея участь. Послѣ смерти жены, онъ уже жилъ совершеннымъ подвижникомъ, въ строгомъ постѣ и молитвѣ, чаще былъ въ уединеніи, чѣмъ съ людьми. Онъ умеръ въ 1814 году на 74 году своей жизни, священствовалъ 44 года.

Валковскій протоіерей Василій Снѣсаревъ съ глубокимъ искреннимъ благочестіемъ, весьма близкимъ къ аскетизму, соединялъ превосходное образованіе и пастырскую ревность. Сынъ сельскаго звонаря онъ, будучи семи лѣтъ, въ церкви любилъ стоять прямо предъ царскими вратами, устремляя пол-

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1805 № 45.

²⁾ Историко-статистич. описаніе Харьков. епарх. Филарета, отд. V, стр. 94.

ный любви взоръ на нерукотворенный образъ Спасителя. „Я такъ любилъ его, говоритъ онъ, такъ влекъ къ себѣ душу мою этотъ образъ, что я готовъ былъ никогда не отходить отъ него, и, въ младенческой простотѣ, молилъ дать и мнѣ раздѣленные волосы, какіе видѣлъ на этомъ изображеніи“. Отецъ уже готовилъ ему мѣсто звонаря, но Богъ судилъ иначе. По окончаніи курса въ Харьковскомъ collegіумѣ и, по выслушаніи лекцій въ Кіевской духовной академіи, Снѣсаревъ былъ рукоположенъ въ 1786 году во священника въ Харьковской Рождественской церкви и занялъ мѣсто учителя при collegіумѣ. Здѣсь онъ, своими изустными проповѣдями, сразу обратилъ вниманіе гражданъ г. Харькова. Но жизнь въ Харьковѣ была не по немъ, душа его стремилась къ простымъ сердцамъ, къ меньшей братіи Іисуса. Къ тому же расположенность гражданъ, любившихъ внимать его поученіямъ, возбуждала въ нѣкоторыхъ духовныхъ лицахъ зависть. Занявъ открывшееся протоіерейское мѣсто при соборѣ въ г. Валкахъ, какъ мѣсто удаленное отъ шума и зависти людской, онъ прожилъ здѣсь въ тишинѣ 50 лѣтъ, назидая духовныхъ дѣтей своихъ ученіемъ и жизнью. На другой годъ священства Снѣсареву поручена была должность благочиннаго всего Валковского уѣзда. Снѣсаревъ тяготился этою должностію, самъ сознавалъ, что плохой дѣлецъ и неспособенъ повелѣвать другими. Харьковское духовное правленіе, по навѣтамъ недоброжелательныхъ людей, всякій проступокъ кого либо изъ подчиненнаго Снѣсареву духовенства объясняло его невнимательностію къ долгу службы, сдѣланное имъ лично опущеніе по службѣ—гордостію, на просьбу уволить отъ должности смотрѣло, какъ на доказательство его неповиновенія началству и т. п. „Находясь я, писалъ онъ правленію, въ должности благочиннаго съ 1787 г. ноября 3 дня до сего времени, порученное мнѣ званіе по мѣрѣ силъ моихъ старался исполнять, а какъ нынѣ, по часто приключаящимся болѣзненнымъ припадкамъ и природной силѣ слабости, которая умножается отъ чувствительнаго мнѣ притѣсненія духовнаго правленія, вышеупомянутой должности никакъ уже продолжать не могу. Того ради Харьковское духовное правленіе покорно прошу

о увольненіи меня отъ благочиннической должности, куда слѣдуетъ представить и о семъ учинить милостивое разсмотрѣніе“¹⁾. Прошеніе это духовное правленіе оставило безъ вниманія и только въ 1809 году Христофоръ уволилъ его, но уволивъ, онъ долго гнѣвался на него. О. Василій былъ неутомимый проповѣдникъ. Онъ сѣялъ слово Божіе каждый праздникъ, каждый воскресный день, проповѣдывалъ всюду: въ храмѣ, въ домахъ, въ училищѣ, гдѣ былъ законоучителемъ. Торжественные акты въ училищѣ бывали очень многочисленны, сюда собирались почти всѣ дворяне уѣзда, привлекаемые его рѣчами и ненапрасно собирались: слышанное такъ надолго оставалось въ памяти. Разъ онъ цѣлый годъ, по болѣзни глазъ, не могъ служить, но не переставалъ проповѣдывать. Жители Валокъ, особенно жившіе здѣсь дворяне, такъ привыкли къ живому, всегда исполненному чувствъ слову его, что не могли оставаться безъ него“. Похоронивъ свою жену и пристроивши на мѣсто дѣтей, Снѣсаревъ, говоритъ преосв. Филаретъ²⁾, отдалъ себя и свое время своему исключительно духовному семейству: былъ на дѣлѣ око слѣпымъ, нога хромымъ, рука безпомощнымъ; слѣдя за дѣйствіями его—невольно переносишься ко временамъ апостольскимъ, когда сердце благовѣстниковъ было едино съ вѣрующими. Такъ и незабвенный о. Василій, окончивая каждое служеніе проповѣдью и выходя изъ храма, одѣлялъ Христову братію всѣмъ, что получалъ въ тотъ день въ церкви, а, за недостаткомъ монетъ, отдавалъ и платокъ свой бѣдняку. У себя онъ не имѣлъ ни слуги, ни служанки: дрова для своей печи онъ рубилъ самъ, кушалъ по большей части сухари съ водой, а иногда заставляли его за необыкновеннымъ супомъ; на вопросъ: что вы кушаете? „да вотъ, говоритъ онъ, вздумалось сварить супъ, вскипятить воду, бросилъ нѣсколько бузиновыхъ цвѣтовъ, они распарились, прибавилъ сухариковъ и вышелъ прекрасный супъ; видите, какъ мало собственно необходимаго для поддержанія физической жизни человека“. Во время предсмертной своей болѣзни о. Василій, слушая со слезами на глазахъ чтеніе св. Евангелія и ограж-

¹⁾ Архив. Х. Д. Конс. Марта 5, 1795 г. № 12.

²⁾ Ист.-статист. оп. Х. еп., от. II, стр. 229.

дая себя крестнымъ знаменіемъ, принявъ св. Тайны, тихо предалъ Господу духъ свой. Скончался на 78 году жизни ¹⁾.

За время Христофора между сельскими іереями были пасыри, о коихъ добрая память долго потомъ жила въ приходѣ. Таковъ былъ священникъ сл. Ольшаной (Лебед. уѣз.) Тимофей Роменскій. Имѣя безбѣдное состояніе (онъ былъ вдовъ и бездѣтенъ), онъ много благотворилъ нуждающимся крестьянамъ и храмамъ Божіимъ. Время служенія его здѣсь называется лучшимъ временемъ, и онъ памятенъ съ именемъ благоразумнаго священника ²⁾. Замѣчательная была личность священникъ сл. Колядовки Іоаннъ Радковскій. Онъ, предъ началомъ каждой литургіи, служилъ молебенъ съ акафистомъ и въ каждую литургію читалъ поученія прихожанамъ. Въ приходѣ былъ сострадателенъ къ бѣднымъ и при всѣхъ случаяхъ старался объ искорененіи языческихъ суевѣрій въ народѣ, какъ-то: празднованія Ивану Купалѣ, которое совершалось наканунѣ 24 іюня; равно вооружался всею ревностію противъ кулачныхъ боевъ, оканчивавшихся иногда смертію бойцевъ. Онъ скончался въ 1805 году на 51 году своей жизни ³⁾. Священникъ сл. Ольшаной (Харьк. у.) Андрей Чернявскій, рукоположенный Христофоромъ въ 1801 году оставилъ по себѣ благодарную память неутомимымъ усердіемъ къ долгу наставника, любовію къ бѣднымъ и страждущимъ; онъ и скончался въ трудахъ, по долгу своему, во время посѣщенія страждущихъ отъ холеры въ 1832 г. ⁴⁾.

Украинское сельское духовенство въ описываемое время, страдая бѣдностію и недостаткомъ образованія, въ домашней своей жизни естественно сближалось и дружилось преимущественно съ крестьянскимъ сословіемъ ⁵⁾. Сближеніе это имѣло

¹⁾ Истор.-статистич. опис. Хар. епар. Отд. II, стр. 229.

²⁾ Тамъ-же. Отд. III, стр. 581.

³⁾ Тамъ-же. Отд. V, стр. 391.

⁴⁾ Тамъ же. Отд. II, стр. 116.

⁵⁾ Благочинническою инструкціею (1775 г. § 34) предписывалось духовенству имѣть обхожденіе и дружбу съ подобными себѣ священниками, діаконами, съ благородными помѣщиками и съ почтенными купцами и мѣщанами, а не со всякимъ безразборно обходиться и дружиться: ибо священники, особливо будучи священнымъ саномъ почтены, должны вести себя съ *осанкою* и тѣмъ другихъ приво-

много добрыхъ сторонъ. Такъ, духовенство безропотно переносило съ своими прихожанами ихъ скудость и лишенія, охотно раздѣляло съ ними ихъ патріархальную простоту и т. п., но, къ сожалѣнію, оно не только снисходительно смотрѣло на нѣкоторыя темныя стороны ихъ религіозно-нравственной жизни и молча терпѣло ихъ¹⁾, но, нерѣдко, даже заимствовало отъ нихъ нѣкоторыя грубыя порочныя привычки. Неудивительно послѣ сего, если оно, обладая тогда большимъ вліяніемъ на народъ, при всей близости къ нему, не могло имѣть на него желаннаго дѣйствія; неудивительно, если оно не могло пользоваться уваженіемъ даже у мелкаго дворянства. Изъ грубыхъ привычекъ, коихъ не чуждо было тогдашнее духовенство, особенно указываютъ на его нетрезвость. Обвиненіе это дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую долю основаній. Прихожане, представляя архіерею кандидата на свободное мѣсто при своей церкви, въ данномъ ему письменномъ одобреніи, утверждали, что онъ „не пійма“. Давая въ консисторіи подписку, кандидатъ во священника писалъ: „симъ обязываюсь, что, до произведенія и по произведеніи меня въ священника, въ пьянственной и соблазнительной страсти обращаться ни подъ какимъ видомъ не буду“. Въ послужныхъ спискахъ того времени, въ графѣ „поведеніе“ духовенства стоитъ первый вопросъ: не зараженъ ли пьянствомъ? Благодѣтельный въ этихъ спискахъ подвѣдомаго ему духовенства свидѣтельствовалъ о каждомъ членѣ причта, что „пьянствомъ онъ не занимается“, или: „отъ

дѣтъ къ почтенію себя“. На практикѣ это предписаніе оставалось однимъ благочестивымъ желаніемъ. Многіе изъ благородныхъ помѣщиковъ смотрѣли на священниковъ своихъ имѣній съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, священники же напротивъ относились къ помѣщикамъ съ подобострастіемъ. Встрѣчаясь, наприм., съ дѣтьми помѣщика, священникъ, вмѣсто того, чтобы благословить ихъ, говорилъ: „А, здравствуйте, молодые господа; пожалуйста ручку“,—и цѣловалъ ее (Рус. Стар., 1894 г. октябрь, стр. 115).

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ невѣжество и грубость нравовъ сѣлянъ были велики: съ одной стороны суевѣрія, колдовство, знахарство и т. п., съ другой—грубое обращеніе мужей съ женами, нетрезвость и безпечность и т. п. практиковались въ широкихъ размѣрахъ. Изъ вредныхъ народныхъ обычаевъ господствующими были вечерницы и гульба молодежи подъ воскресные и праздничные дни, гульба новобранцевъ предъ поступленіемъ въ военную службу, разгулъ свадебный, нерѣдко непристойный и безобразный.

пьянства удалень“, или: „пьянственной страстію очень зараженъ“. Въ тогдашней инструкціи благочиннической, въ отдѣлѣ о священно—и церковнослужителяхъ, первый параграфъ гласилъ слѣдующее: „прилѣжно наблюдать, чтобъ священники, діаконы и церковники, а особенно священники, жили честно и сановито, и наипаче съ крайнимъ вниманіемъ смотрѣть, чтобъ не пьянствовали, въ питейные дома не ходили, и вели бы жизнь трезвую. А если бы усмотрѣлъ ты кого часто напивающагося, въ пьянствѣ безчинствующа, или исправляющаго требы въ нетрезвости, о такомъ безъ всякаго закрытія представлять“¹⁾. Въ области тогдашняго консисторскаго суда весьма часто мы встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія: „послать въ монастырь подъ началъ донезели отъ пьянства престанетъ и покажетъ воздержное житіе“. Допуская обвиненіе въ нетрезвости тогдашняго духовенства и преимущественно низшихъ его чиновъ—обвиненіе, конечно, не огульное, а съ большими ограниченіями, въ то же время не слѣдуетъ отрицать, что порокъ нетрезвости своимъ происхожденіемъ весьма много обязанъ той бѣдности и той зависимости, въ какой находилось оно тогда отъ прихожанъ въ своемъ матеріальномъ быту. Въ настоящее время духовенство имѣетъ хоть небольшую денежную помощь, то въ жалованьи отъ казны, то въ платѣ за труды по училищу и т. п.; въ описываемое же время, за исключеніемъ пользованія полевыми продуктами отъ церковной земли, оно жило исключительно *на животахъ* прихожанъ, завися вполне отъ прихожанъ и ихъ ничтожной платы за исполненіе требъ; сельскій священникъ по необходимости долженъ былъ пріобрѣтать ихъ расположеніе, примѣняться къ ихъ обычаямъ, вкусамъ и даже пьянствовать съ ними. Извѣстно, что у прихожанъ есть обычай угощать свой причтъ послѣ каждой требы. Отказаться отъ угощенія—значило обидѣть прихожанина и навлечь на себя обвиненіе въ гордости, а главное лишиться сколько нибудь достаточной платы за трудъ. Въ настоящее время прихожанинъ можетъ предложить священнику чай, но въ то время самоваръ былъ большою рѣдкостію въ домѣ городского, тѣмъ

¹⁾ Инструкція благочиннымъ. Печатана въ Московской типографіи 1775 г., стр. 4.

болѣе сельскаго, жителя и онъ угощалъ своего духовнаго отца только зеленымъ виномъ¹⁾. Угощенія эти практиковались слишкомъ широко и устроились не только въ домѣ, но и въ церкви. Изъ многихъ примѣровъ приводимъ слѣдующій: въ 1800 г. Золочевскій благочинный, священникъ Іоаннъ Кіановскій, далъ духовенству и ктиторахъ своего округа такое предложеніе: „дошло мнѣ до свѣдѣнія, что въ церквахъ моего благочинія послѣ вѣнчанія браковъ и послѣ отправленія панихидъ по литургіи или вечерни, а иногда и безъ отправленія церковнаго пѣнія въ притворахъ церковныхъ священно-церковнослужители съ прихожанами, коимъ требы отправляютъ, пьютъ горячее вино и снѣдаютъ пироги и протчія брашна употребляютъ. Для сего въ притворахъ церковныхъ имѣются по одному ординарному столу съ помощенными лавочками. Какъ-же правилами святыхъ соборовъ²⁾ во вся запрещено дабы въ притворахъ церковныхъ никакія общія брашна не были употребляемы, кольми паче горячіе напитки, что немалое наводить духовенству поношеніе, а храму безчестіе, чего для симъ вамъ предлагаю, дабы таковой худо господствующій обычай во вся былъ оставленъ и, гдѣ имѣются ординарныя въ притворахъ съ лавочками столы, ктитору оныя съ притворовъ во вся выносили-бы, въ чемъ на семъ предложеніи имѣете подписаться. Буде же гдѣ сей обычай послѣ сего останется въ употребленіи или кто изъ священно-церковнослужителей и ктиторовъ не поднимется на семъ въ исполненіи, о томъ будетъ представлено съ объясненіемъ столь худо господствующаго и правиламъ церковнымъ противнаго обыкновенія обстоятельству главному духовному начальству“. Несмотря на эту угрозу всѣ ктитору и большинство изъ духовенства отказались подписать это предложеніе. Нѣкоторые священники дали отвѣтъ, но довольно уклончивый.

¹⁾ Впрочемъ, и въ позднѣйшее время епархіальное начальство указываетъ на эти же самыя причины нетрезвости духовенства. Такъ, въ отчетѣ св. Синоду преосв. Макарія Ар. Харьковскаго за 1866 годъ читаемъ: „Общій недостатокъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ духовнаго званія—нетрезвость, которая зависитъ болѣе всего отъ тяжелаго гнета *бѣдности и зависимости прихожанъ*“. (Харьк. епар. вѣд. 1867 г., стр. 420).

²⁾ Правило 28 Лаодикійскаго собора: „въ церкви трапезы не поставляются и пиры да не бывають“. Сравн. Корѳагенск. соб., пр. 48, VI Вселенск. соб., пр. 74, 76 и 97.

„По сему предложенію благочиннаго Кіяновскаго, писалъ священникъ Афанасій Высочинскій, исполнять долженъ, но въ разсужденіи общества оставить обычая не могу, опасаясь *худого приключенія*.“ Подъ „худымъ приключеніемъ“ вѣроятно онъ разумѣлъ противодѣйствіе прихожанъ силою. Вотъ что писалъ благочинный Кіяновскій въ рапортѣ своемъ преосвященному Христофору: „въ бытность мою 16 февраля въ селѣ Удахъ я усмотрѣлъ, что въ тотъ день священникъ Тимофей Терновской, по перевѣнчаніи уже къ вечеру брака, въ церковномъ притворѣ съ поѣзжанами и причтомъ до пьяна напились. Освѣдомясь, что такое обыкновеніе бываетъ и въ прочихъ церквахъ, я далъ предложеніе всему духовенству моего благочинія, дабы оное упразднить, но какъ ктитору и нѣкоторые священники презрѣли мое предложеніе, то представляю ихъ подписки и прошу въ защищеніи меня учинить благо-разсмотрѣніе“. Христофоръ предписалъ благочинному Кіяновскому объявить духовенству, чтобы оно немедленно прекратило обычай въ притворахъ устроить трапезы и удалило оттуда столы и скамьи, и при этомъ пригрозилъ слушникамъ, что таковые будутъ *во вся* удалены отъ мѣстъ своихъ ¹⁾.

Питейный откупъ за время Христофора дѣйствовалъ на Украинѣ во всей силѣ. Харьковъ и уѣздные города, въ огражденіе отъ корчемства дешевой водки, были окружены отъ пригородовъ заставами. Харьковъ былъ оцѣпленъ пятнадцатью заставами, съ стражею изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ чело-вѣкъ. Такъ-какъ въ окрестныхъ пригородныхъ селахъ водка была очень дешева, а въ городахъ очень дорога, то, не смотря на неоднократныя предписанія Христофора, — остерегаться корчемства, нѣкоторые изъ духовенства провозили водку тайно, и, попадаясь на заставахъ въ руки корчемной стражи, подвергались потомъ суду и наказанію. Были случаи, когда нѣкоторые изъ низшихъ членовъ причта производили въ своемъ домѣ тайно торговлю спиртными напитками. Представляемъ слѣдующую жалобу епархіальному начальству проживающаго въ селѣ Циркуны еврея Самуила Салтановскаго. „Оное село Циркуны, пишетъ онъ, откупилъ я для прода-

¹⁾ Архивъ Х. Д. Конс. 1799 г. № 10.

жи горячего вина, однако тамошній дячекъ Семенъ Романовскій производилъ тайно горячимъ виномъ въ своемъ домѣ торгъ, а когда прійдетъ въ село рекрутская партія, то оной дѣлаетъ прозьбу у командировъ рекрутскихъ, чтобы учинено было рекрутамъ запрещеніе, дабы не приходили ко мнѣ для покупки вина и тѣмъ мнѣ причиняетъ крайнюю обиду и разореніе. Того для прошу означенному дячку, чтобы онъ торгу не производилъ, сдѣлать запрещеніе и о томъ учинить милостивое разсмотрѣніе“¹⁾. Судъ надъ духовенствомъ по корчемнымъ дѣламъ длился чрезвычайно долго: съ этой стороны онъ былъ крайне разорителенъ, тяжелъ и унизителенъ для духовенства. Приводимъ слѣдующій примѣръ: въ 1803 году корчемная стража поймала пономаря Богодуховской соборной Успенской церкви Лободовскаго съ двумя боченками корчемнаго вина. Судъ надъ Лободовскимъ тянулся семь лѣтъ; продолжался бы и еще, но содержатель въ слободской украинской губерніи городского питейнаго откупа кол. сов. помѣщикъ Харьковскаго уѣзда села Ивановки Андрей Ивановичъ Ковалевскій самъ пожелалъ положить конецъ этому суду: въ 1810 году онъ далъ отъ себя консисторіи слѣдующее заявленіе: „Хотя претензія моя на пономаря Лободовскаго правильна, но, будучи свѣдущъ о его недостаточности и что онъ обремененъ семействомъ, снисходя на сіе изъ единого человеколюбія вину его прощаю, а съ симъ вмѣстѣ и искъ свой оставляю и потому прошу Харьк. Консисторію дѣло, оставивъ безъ дѣйствія, предать вѣчному забвенію и Лободовскаго учинить отъ оного свободнымъ“²⁾. Продѣлки корчемной стражи у заставъ, гдѣ допускалась, такъ называемая вольная продажа, перешедшіе теперь въ область преданій, по народнымъ воспоминаніямъ, были ужасны. Откупъ—это разбой, какъ тогда говорили о немъ, и наши архивы сохраняютъ массу дѣлъ, рисующихъ почти всегда кровавыя и ужасныя расправы и кары. Памятенъ откупъ и для духовенства не только Христофоровскаго, но и послѣдующаго времени. Трудно забыть то подавляющее чувство, какое приходилось испыты-

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1799 г. марта 26 № 13.

²⁾ Дѣло Хар. Дух. Кон. 1810 г.

вать священнику, при появленіи предъ нимъ корчемной стражи, всегда пьяной и буйной съ длиннымъ металлическимъ щупомъ, ея безцеремонный осмотръ вещей, не смотря на часы дня, присутствіе семьи, состояніе здоровья и т. п. Жалобы, приносимыя духовенствомъ на эту стражу, всегда были гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Да и что значила жалоба священника, когда губернаторъ,—это первое лицо въ губерніи,—по отношенію къ откупщику, находился въ какомъ-то унижительномъ положеніи и молчалъ о безобразіяхъ корчемной стражи, боясь получить замѣчаніе отъ министерства финансовъ за мнимыя будто бы притѣсненія откупщика, могущаго отказаться выплатить откупную сумму. Дабы видѣть, какъ питейная стража поступала съ духовными лицами, укажемъ на нѣкоторые факты. „Сего 1806 года 11 февраля, пишетъ консисторіи Пелагія Ильинская—дочь пономаря села Большихъ Проходовъ, бывши въ слободѣ Липцы купила я для больной замужней сестры моей, находившейся въ домѣ отца моего въ селѣ Большихъ Проходовъ горячаго вина на 6 коп. и наливши въ склянку положила туда на 2 коп. конфоры и въ близи села Большихъ Проходовъ была задержана здѣшнимъ сидѣльцемъ евреемъ и двумя десятскими, которые, не найдя въ саняхъ ничего, схватили меня за обѣ руки, распахнули пазуху и вынули изъ оной склянку, пили изъ нея и выпивши до половины насильно хотѣли посадить меня на сани, но я воспротивилась и сама добровольно пошла за санями и представили меня въ земскій судъ, гдѣ сняли съ меня показаніе. Пошелъ уже третій годъ, а я по нынѣ захожусь подъ судомъ и волокитою“¹⁾. Благодѣтельный г. Валокъ священникъ Павелъ Васильковскій донесъ консисторіи, что Валковской Богородицкой церкви священникъ, Яковъ Михайловскій, будучи отозванъ для погребенія въ деревню помѣщика Бородаевского, по окончаніи требы, выпросилъ у него боченокъ (съ полведра) уксусу для домашней надобности и для леченія больныхъ прихожанъ. Возвращаясь въ свой домъ и подѣзжая къ городской заставѣ, былъ остановленъ тремя человѣками корчемной стражи, одинъ схватилъ за

¹⁾ Арх. Х. Дух. Конс. 1806 г. № 38.

поводъ лошадь и, держа, пріостановилъ ее, другой спросилъ: есть-ли водка, и получивъ отвѣтъ, что нѣтъ, взялъ лежавшій на повозкѣ мѣшокъ съ ризами, крестомъ и книгой, бросилъ на землю такъ сильно, что деревянный крестъ переломился, книга-требникъ разбилась, взялъ себѣ платокъ, данный при погребеніи въ руки вмѣстѣ со свѣчею, потомъ схватилъ его, Михайловскаго, подъ бороду за шею, стащилъ съ повозки на землю и началъ все выбрасывать съ повозки. Вытащивши боченокъ съ уксусомъ, крикнули: поймали попа съ водкой, и при этомъ ругали его всякими дерзкими и бранными словами. Наконецъ, схвативъ за оба рукава рясы, вели по улицѣ и терзали его столько, сколько позволяла имъ наглость ихъ. Несущіе же позади, боченокъ, ощутивъ обоняніемъ, что то былъ уксусъ, сказали: братцы, оставьте попа, это уксусъ, и, поставивъ боченокъ на дорогѣ, сами хотѣли разбѣжаться. Священникъ Михайловскій сказалъ: нѣтъ, взяли боченокъ, какъ водку, везомую мною, то и несите его, куда слѣдуетъ. Случившіеся тутъ прихожане вступились за священника и принудили ихъ доставить боченокъ въ питейную контору: дали знать полиціи, былъ составленъ актъ, боченокъ и всѣ церковныя вещи были опечатаны. Затѣмъ дѣло поступило въ судъ и служители питейной конторы были судимы по закону ¹⁾. Ахтырское духовное правленіе донесло Христофору, что священно-церковнослужители, выѣзжая изъ города по собственнымъ надобностямъ, а болѣе для исправленія мірскихъ требъ и, при возвращеніи ихъ обратно въ дома свои, нерѣдко къ позорному стыду ихъ и безчестному посмѣянію духовенства сторожами и объѣздчиками питейной конторы, на караулахъ задерживаемы бываютъ тогда, когда имъ поспѣшать нужно для священнослуженія въ свои церкви и, при задержаніи отъ тѣхъ объѣздчиковъ съ повозокъ сволакиваемы, толкаемы и до рубахи раздѣваемы бываютъ. Такъ они поступили недавно съ священникомъ Ахтырско-Архангельской церкви Θεодоромъ Александровымъ и Ахтырско-Николаевской церкви діакономъ Іоанномъ Петровскимъ. Было-ли сдѣлано по этому

¹⁾ Дѣло Конс. 1811 года.

рапорту распоряженіе со стороны духовнаго и гражданскаго начальства и какое именно—послѣдствія неизвѣстны ¹⁾).

Вопросъ о мѣрахъ противъ нетрезвости духовенства въ описываемое время стоялъ, такъ сказать, на очереди. Имъ озабоченъ былъ св. Синодъ, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа. Государь императоръ Александръ I-й, усмотрѣвъ изъ рапорта Тамбовскаго гражданскаго губернатора, что города Нижняго Лома Крестовоздвиженской церкви діаконъ Ананій Петровъ умеръ отъ пьянства, Высочайше повелѣть соизволилъ: „предписать, кому слѣдуетъ, чтобы люди духовнаго состоянія удерживались отъ подобныхъ дѣяній, замѣтя притомъ, коль сіе противно ихъ званію“. Св. Синодъ, выразивъ въ своемъ указѣ крайнее сожалѣніе о томъ, что всѣ съ его стороны многократныя убѣжденія, постановленія и подтвержденія, относящіяся къ благоустройству священно- и церковнослужителей желаемаго дѣйствія и успѣха не имѣли, потребовалъ, чтобы духовныя правленія, благочинные и священники, имѣющіе отличіе, представили ему чрезъ архіереевъ мнѣнія, какія они съ своей стороны, на основаніи опытовъ и личныхъ наблюденій, усматриваютъ „ближайшія, наисильнѣйшія и пристойнѣйшія средства къ отвращенію священно- и церковнослужителей отъ противныхъ званію ихъ дѣяній, паче же къ удержанію отъ гнуснаго пьянства“ ²⁾. Слободско-украинское духовенство представило Христофору 42 мнѣнія. Онъ выбралъ 12 и съ своимъ отзывомъ отослалъ въ Синодъ, „оставивъ прочія, яко одинаковаго содержанія“. Мнѣнія эти, заключающія въ себѣ личные самостоятельные взгляды лучшихъ людей изъ среды тогдашняго духовенства, распадаются на пять группъ. Разберемся поближе съ этими мнѣніями.

По мнѣнію первой группы одно изъ лучшихъ средствъ—водворить въ служителяхъ церкви духъ трезвости—это строгій выборъ кандидатовъ на сельскія церковныя должности. „Необходимо строго наблюдать, пишеть благочинный Толмачевъ, чтобы въ духовные чины были производимы одни только окончившіе курсъ коллегіума, яко довольно въ благочестіи вос-

¹⁾ Дѣло Конс. 1808 года.

²⁾ Указъ св. Синода отъ 22 марта 1800 г. № 1824.

питанные, а въ церковнослужители люди благонравные, искусные въ чтеніи, пѣніи и письмѣ и совершенно изучившіе катихизисъ“. „Тогда только, пишетъ благочинный Черняевъ, можетъ водвориться въ духовенствѣ всецѣлая трезвенность, если въ среду его войдетъ возможно значительное число лицъ благочестивыхъ и образованныхъ. Архіереямъ отнюдь не слѣдуетъ полагаться на одобренія прихожанъ, кои часто рекомендуютъ того, кого сами не знаютъ“.

По мнѣнію второй группы духовенство всячески должно избѣгать угощеній прихожанъ. „Духовныя лица, пишетъ благочинный Спѣсивцевъ, никакихъ постороннихъ компаній не должны имѣть и въ тѣ дома, гдѣ приносятъ жертвы бахусу отнюдь не ходить“. „Священно-церковнослужители, пишетъ Харьковское духовное правленіе, исправленіе требъ должны, по возможности, сосредоточивать не въ домахъ прихожанъ, а въ самой церкви; если же въ домѣ, то, окончивъ потребу, немедленно уходить оттуда. Во время весны, пишетъ Изюмское дух. правленіе, бываетъ освященіе за селомъ полей и колодезевъ, а потомъ обѣды. Окончивъ освященіе, духовенство должно немедленно съ крестомъ и иконами идти въ церковь, а не оставаться въ полѣ обѣдать“. Интересно мнѣніе благочиннаго Рубашевского. „Матеріальное состояніе духовенства, пишетъ онъ, всецѣло зависитъ отъ милостиваго подаванія приходскихъ людей. Но простой народъ не иначе пособляетъ нуждамъ духовныхъ лицъ, какъ если они сдѣлаютъ ему удовольствіе излишнимъ совокупно съ нимъ винопитіемъ. Слѣдственно, чтобы отвратить духовенство отъ пьянства и утвердить въ поведеніи, соотвѣтственномъ его благородному званію, для сего нужно освободить его отъ зависимости прихожанъ, даровавъ ему отъ правительства достаточное *казенное жалованье*“.

Третья группа мнѣній предлагаетъ усилить надзоръ благочиннаго надъ духовенствомъ. „Дабы благочинные могли удобнѣе слѣдить за поведеніемъ духовенства, пишетъ благочинный Эннатскій и знать житіе каждаго изъ нихъ, должны они ежемѣсячно объѣзжать врученное ихъ смотрѣнію духовенство и для отмѣтокъ добрыхъ и худыхъ поступковъ духовенства имѣть особенный журналъ“. По мнѣнію нѣкоторыхъ благочинныхъ

при каждой церкви должны быть потаенные замѣчатели (фискалы) изъ надежныхъ священно-служителей, кои каждый мѣсяцъ доносили-бы благочинному не только о предосудительныхъ поступкахъ своей братіи, но и малѣйшіе ихъ неисправности. Особенно оригинально въ этомъ родѣ мнѣніе благоч. Бѣлицкаго. „О худыхъ поступкахъ духовенства, пишетъ онъ, должны доносить благочинному безъ малѣйшей утайки церковники на священниковъ, а священники на церковниковъ, чрезъ сіе, продолжаетъ онъ, выйдетъ круговая повѣрка, почему будутъ другъ друга беречься“.

Четвертая группа мнѣній рекомендуетъ усилить дисциплинарныя мѣры взысканій за нетрезвость, придавъ взысканіямъ характеръ возможно болѣе приличный. Такъ присужденные къ строжайшему выговору за нетрезвость обязаны для выслушанія его лично явиться въ присутствіе консисторіи или духовнаго правленія,—къ положенію поклоновъ—долженъ явиться въ соборный храмъ губернскаго или уѣзднаго города. Нѣкоторые находили цѣлесообразнымъ подвергать извѣстному наказанію и того прихожанина, съ которымъ духовное лицо ведетъ пьянственную компанію. Во время ссылки виновнаго въ монастырь, домашніе его, по мнѣнію бл. Сѣдакова, должны быть лишены выдѣла слѣдуемой имъ части доходовъ. „Жена и дѣти, пишетъ онъ, лишаясь дневнаго пропитанія, симъ столь горестнымъ своимъ бѣдствіемъ, могутъ отвратить его отъ пьянства и всѣхъ худыхъ его качествъ и исправить состояніе его жизни“. „Священнослужителей, послѣ всѣхъ мѣръ исправленія продолжающихъ коснѣть въ пьянствѣ, слѣдуетъ, пишетъ сумское духов. правленіе, лишать чиновъ *во вся*“. Мѣры наказаній нетрезвыхъ причетниковъ, это—посылка въ коллегіумъ для исполненія обязанности прислуги,—въ полицію—для городскихъ, уличныхъ, черныхъ работъ, посаженіе въ цѣпу, тѣлесное наказаніе розгами и наконецъ отсылка въ военную команду для опредѣленія его, куда сама команда присудитъ.

Остается разсмотрѣть мнѣніе пятой группы. Предварительно замѣтимъ, что въ это самое время, когда составлялись подобныя мнѣнія, духовенство Высочайшею волею было освобож-

дено отъ личной обработки церковной земли. „Какъ всѣ сельскіе священники и церковнослужители, пишетъ благочинный Данѣвскій, по высокомонаршей милости отъ упражненія въ земледѣльчествѣ, яко несвойственнаго ихъ сану, нынѣ уволены, а потому, дабы никто не могъ имѣть случая быть въ гнусной праздности, то слѣдуетъ ихъ неустанно упражнять въ трудахъ, доступныхъ и приличныхъ духовному сану“. „Слѣдуетъ требовать, пишетъ бл. Снѣсаревъ, дабы священнослужители во всякое отъ служенія мірскихъ требъ свободное время найприлежнѣйше занимались чтеніемъ священнаго писанія и всѣхъ толкованій его, какія только существуютъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкѣ“. „Учительные священники, пишетъ изюмское духовное правленіе, обязаны въ каждый воскресный и праздничный день говорить своего сочиненія краткія катехизическія поученія и, списавъ копіи съ нихъ, присылать въ каждый мѣсяцъ въ духовное правленіе, съ обозначеніемъ, кто когда говорилъ“. „Обязать священниковъ, пишетъ бл. Хрисанфъ Черняевъ, дабы они въ послѣ обѣденное время, во всѣ воскресные и праздничные дни, въ церкви часа по два толковали прихожанамъ, на тотъ разъ добровольно приходящимъ, краткій катехизисъ и книгу о должностяхъ христіанина, Тихона, епископа воронежскаго. Въ простые же дни, лѣтомъ въ церкви, а зимою—въ своихъ домахъ не только священники, но и причетники обучали бы дѣтей прихожанъ въ возрастѣ отъ семи до двѣнадцати лѣтъ. Сей трудъ послужилъ-бы во благо не только духовенству, но и прихожанамъ къ ихъ просвѣщенію и къ исправленію въ нравахъ“. „Наистрожайше подтвердить всѣмъ священно-церковнослужителямъ съ подписками, пишетъ волчанское духовное правленіе, чтобы они въ церквахъ своихъ сколько можно чаще и по крайней мѣрѣ каждую недѣлю три дня отправляли церковную службу, какъ-то: вечерню, утреню и литургію“. „Литургія, пишетъ благочинный Спѣсивцевъ, весьма полезное средство къ одолѣнію страстей и похотей. Чрезъ частое совершеніе литургіи усиливается въ священникѣ любовь къ Богу, а при любви къ Богу не будетъ уже ни времени, ни охоты къ страсти пьянства, а если и возстала-бы эта страсть,

то тотъ часъ душевною крѣпостію будетъ ослаблена“. Изюмское духовное правленіе совѣтуетъ духовенству въ свободное время заниматься работами: иконописною, столярною, токарною, переплетомъ книгъ и т. п. Ахтырское духовное правленіе рекомендуетъ духовенству изъ отраслей домашняго хозяйства въ особенности садоводство и пчеловодство. „Изъ опыта и примѣченныхъ между людьми склонностей, пишетъ благочинный Снѣсаревъ, усмотрѣно, что пьянство и другіе пороки происходятъ болѣе отъ праздности, слѣдственно къ обращенію оныхъ потребно дабы временемъ священно-церковно-служители имѣли и тѣлесную работу приличную, относящуюся къ хозяйственному домостроительству и пристойное въ домѣ руководѣіе, якоже апостолы дѣлающе своими руками“.

Представляемъ наконецъ мнѣніе преосвященнаго Христофора. „Неоспоримая истина, пишетъ онъ, что и между самими учениками Спасителя міра не всѣ одинаково располагали свои дѣянія, не всѣ поступки свои соображали соотвѣтственно святѣйшей Его волѣ и желанію. А сіе и заставляетъ мыслить, что сколько строго не испытывали-бы архипастыри поступающихъ въ духовный санъ людей, сколько сильно не внушали-бы, наставляли и увѣщевали ихъ о честномъ себя поведеніи, нельзя однако въ семъ усмѣть такъ, чтобы всѣ безъ исключенія и всегда были въ должностяхъ исправны, въ поведеніи честны и трезвы. Можетъ ли чіе либо наставленіе и вразумленіе быть настолько убѣдительно и сильно, какъ наставленіе, взятое отъ слова Божія и выраженное въ ставленныхъ грамотахъ, даваемыхъ священно-церковно-служителямъ при ихъ производствѣ въ чины, и которыя грамоты они обязуются подпискою читать еженедѣльно? Но если мы оставимъ Спасителево и апостольское наставленіе объ исправленіи виновныхъ въ духѣ кротости, а станемъ опредѣлять за каждый проступокъ очень строгое наказаніе, то кажется мнѣ, что чрезъ сіе умножится токмо число преступниковъ. Если же учредимъ сверхъ благочинныхъ надъ каждымъ причтомъ фискаловъ, то кажется усугубится одна только клевета, вражда и нерѣдко невинныя несчастія. Я сильно удостовѣряюсь, да и всякому извѣстно, что никакому благочинному нѣтъ средствъ,

нѣтъ никакихъ возможностей содержать на всякое время вѣдомство свое въ равновѣсіи благонравія и трезвости, если не будетъ поселено въ сердце каждаго служителя церкви благороднаго честолюбія сего, такъ сказать, внутренняго и всегдашняго наставника и руководителя къ порядочной жизни. Не ясно-ли доказываетъ сію истину не изъ дворянъ вновь произведенный изъ унтеръ-въ оберъ-офицерскій чинъ? Онъ въ тотъ же часъ перемѣняетъ прежнее свое поведеніе, обхожденіе и въ то же самое время какъ бы сосуществляется съ его духомъ и совѣстію нѣкое благородное мнѣніе, что всякая и потаенная нелѣпость оскорбляетъ честь возложеннаго на немъ благородства. Съ похвальнымъ ревнованіемъ онъ неопустительно старается во всѣхъ своихъ дѣлахъ представить свои поступки, свое поведеніе, свое обращеніе въ такомъ видѣ, въ каковомъ мнѣніи и уваженіи въ обществѣ чинъ его. Словомъ сказать, по облеченіи наружности его въ благородство, какъ-бы одѣвается купно въ оное и душа его. Премногіе въ доказательство сея истины дадутъ примѣры слободская губернія и вообще украина. Приводимъ главнѣйшіе: такъ пришедшее здѣсь въ упадокъ древнее дворянское поколѣніе употребляемо было въ общіе и одинаковые съ простыми козаками службы и наряды, по каковому неотличенію и неуваженію ихъ благородства, не отличались и они сами отъ простолюдиновъ въ поведеніи своемъ, а располагали себя сообразно съ мнѣніемъ объ нихъ простонародномъ и вели себя, какъ простые козаки, не стыдись нерѣдко и самихъ безчинствъ. Но коль скоро по депутатской комиссіи разборѣ дворянства была восстановлена ихъ прерогатива, такъ скоро, сообразно общему о благородствѣ мнѣнію, перемѣнили они и жилище и одѣяніе и обхожденіе и образъ жизни и поведеніе свое; изъ единого, такъ сказать, чувствія къ добру и благородству своему сами по себѣ сдѣлались такими, каковыми общее о благородствѣ мнѣніе требовало. Служители церкви, завися пропитаніемъ своимъ и содержаніемъ отъ добровольнаго даванія прихожанъ, нерѣдко противъ воли и склонностей своихъ воздыхающе принужденными себе находятъ въ образѣ своей жизни соответствовать быту прихожанъ, опасаясь за

несоображеніе оному презрѣнію, нищеты и гоненія. Добровольнымъ даяніемъ за трудъ свой живутъ и лѣкаря, очень часто происходящіе изъ дѣтей духовенства. Поелику же они поверстаны въ классы, то какъ въ разсужденіи сего, такъ равно и въ разсужденіи нуждъ своихъ, пріемлютъ ихъ господа съ уваженіемъ и почтительностію, а сами лѣкари побуждаются отвѣчать поведеніемъ своимъ ихъ пріемамъ и обхожденію съ ними, да и слуги и крестьяне, смотря на господъ своихъ, съ почтеніемъ и уваженіемъ къ нимъ относятся и наставленія и совѣты ихъ съ достовѣренностію пріемлютъ и исполняютъ. Но пріймутъ-ли слуги и крестьяне увѣщанія, наставленія и совѣты, какъ-бы ни были они душеспасительны, отъ такого священника, коего помѣщики и ихъ управители, по нѣкоторому неблагоразумному побужденію, въ обращеніи съ нимъ и уваженіи ставятъ его далеко ниже лѣкаря? А изъ сего открывается государственная польза и нравственная причина, по коимъ прозорливѣйшіе русскіе законодатели, лѣкарей, неимѣвшихъ прежде никакихъ классовъ, удостоили прерогативъ оныхъ и личнаго дворянства. Малороссійскіе священники, пользующіеся по статуту правомъ шляхетства и присемъ въ наукахъ образованные обращаются съ чиновниками и вельможами безъ раболѣпства и безъ робости и, бывъ принимаемы ими соотвѣтственно ихъ шляхетству, понимаютъ ихъ о себѣ благородное мнѣніе, коимъ и удерживаются въ предѣлахъ трезвости, честности и благонравія, яко благородные и яко уважаемые пастыри. Простолюдины, кои управляются одними примѣрами, видя почтеніе и уваженіе благородныхъ къ іереямъ, съ своей стороны уважаютъ и почитаютъ ихъ, правоученія ихъ и наставленія съ почтеніемъ и послушаніемъ пріемлютъ и не дерзаютъ домогаться требовать отъ нихъ участія въ низкой ихъ компаніи. Да и сами священники, опасаясь оскорбить благородныхъ о себѣ таковое мнѣніе и унижить свое благородство и свою ученость, взаимно остерегаются входить съ простолюдинами въ низкое обращеніе и компаніи, подъ опасеніемъ потерять знакомство и компанію съ людьми благородными. Вотъ въ чемъ обрѣтается нравственная пружина, которая руководствуетъ и удерживаетъ дворянъ-іереевъ

въ ихъ кругу и въ прохожденіи званія своего со всякою благопристойностію, честностію и трезвостію! А по такимъ соображеніямъ, само собою, по моему мнѣнію, открывается нижеслѣдующее ближайшее, наисильнѣйшее и существеннѣйшее средство къ удержанію духовнаго сана въ кругу честности, благородства и трезвости: исходатайствовать отъ Государя Императора Павла I-го бѣлому духовенству російскому право дворянства, назначивъ каждой степени священно-церковнослужительства приличные классы. Благочестивѣйшій Монархъ своимъ указомъ отъ 18 декабря 1797 г. уже осыпалъ бѣлое духовенство, даровавъ ему право на полученіе за свои заслуги разныхъ высокихъ наградъ, но милости царицы не имѣють предѣловъ“¹⁾.

Первая награда, коею епархіальная власть, въ описываемое время поощряла особые труды и заслуги духовенства, былъ набедренникъ. Эта награда весьма желательна была каждому священнику, какъ отличающая его отъ прочихъ рядовыхъ собратій, но она жаловалась съ большою разборчивостію. Преосвященный Христофоръ возлагалъ набедренникъ исключительно на такихъ лицъ, которые, при похвальномъ поведеніи, довольно долгое время (12—18 лѣтъ) съ особымъ раченіемъ исполняли должность увѣщателя колодниковъ, или депутата, или благочиннаго, или проявили рачительную заботу въ постройкѣ храма. Особенно цѣнилось отличное усердіе въ проповѣданіи слова Божія: такъ, ахтырское духовное правленіе, ходатайствуя предъ преосвященнымъ о награжденіи набедренниками священниковъ Джунковскаго и Рубашевскаго, указывало главнымъ образомъ на то, что эти священники заявили себя искусными въ проповѣданіи слова Божія. Христофоръ далъ такую резолюцію: „вызвать ко мнѣ помянутыхъ священниковъ для написанія проповѣдей и тогда послѣдуетъ разсмотрѣніе о награжденіи ихъ возможными отличіями“. Священнику Джунковскому тутъ же въ своемъ домѣ, онъ велѣлъ написать проповѣдь на слова апостола, взятыхъ изъ 1-го посланія къ коринѳянамъ главы 15-й ст. 19-го, а Рубашевскому изъ того же посланія главы 4-й стиха 15-го. Проповѣди

¹⁾ Дѣло Х. Д. Конс. 1800 г. № 20.

написаны были удовлетворительно и онъ наградилъ ихъ на-
бедренниками. Другая награда — это степень протопресви-
терскій. Протоіерейство было неотъемлемою принадлежнос-
тію настоятелей соборовъ уѣздныхъ городовъ. А на такіа
мѣста назначались самые лучшіе люди, такъ сказать, цвѣтъ ду-
ховенства. Кромѣ настоятелей соборовъ, протоіерейскимъ са-
номъ были удостоиваемы присутствующіе въ духовныхъ прав-
леніяхъ, а изъ сельскаго духовенства благочинные, прослужив-
шіе съ отличіемъ 20—30 лѣтъ въ этой должности. Изъ вѣ-
домостей за 1802 года мы видимъ, что, въ числѣ 745 наличныхъ
тогда священниковъ, протоіеревъ въ Харьковѣ было 3, въ
уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ 19, въ слободахъ 6. Въ Харь-
ковѣ въ 1810 году считалось, кромѣ протоіереевъ кафедраль-
наго и городского собора, девятнадцать священниковъ, но
между ними только одинъ приходскій имѣлъ санъ протоіерея.
Степень протопресвитерская, въ лицѣ настоятелей собора, въ
то время давала нѣкоторыя привиллегіи. Такъ, настоятель со-
бора уѣзднаго города въ то же время былъ первоприсутствующ-
щимъ въ духовномъ правленіи, благочиннымъ и законоучи-
телемъ уѣзднаго училища. Уѣздные дворяне и гражданскіе
начальники относились къ нему съ особымъ почетомъ. Не-
рѣдко вліяніе его простиралось на цѣлый уѣздъ, его пригла-
шали на всѣ церковно-общественныя торжества, какія слу-
чались въ уѣздѣ. Бывая по дѣламъ службы въ консисторіи,
онъ имѣлъ здѣсь стулъ наравнѣ съ присутствующими. Какъ
настоятель собора, онъ былъ свободенъ отъ седмичнаго слу-
женія и изъ братской кружки на нѣсколько процентовъ по-
лучалъ больше рядовыхъ священниковъ. Къ одной и той-же
церкви приходской, при которой уже состоялъ на лицо про-
тоіерей, другого священника, его товарища по церкви, въ этотъ
санъ не производили. Считали это нарушеніемъ церковнаго
благочинія и порядка. О производствѣ въ протоіерея извѣст-
наго лица, о переводѣ его на другое мѣсто, о смерти его
архіерей обязанъ былъ доносить св. Синоду особымъ рапор-
томъ. Палица—это была самая высшая и самая послѣдняя на-
града, которою лично располагали архіереи, награждая ду-
ховенство. Почетное это отличіе имѣли немногіе изъ настоя-

телей соборовъ. Украшенные палицею—это были, какъ видно изъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ имъ, сѣдовласые старцы, давно уже трудившіеся и заявившіе себя своею ученостію и савовитостію, старцы отличные по назидательной жизни, искусству въ проповѣданіи слова Божія и опытные канонисты. Вотъ, что мы читаемъ въ свидѣтельствѣ, выданномъ протоіерею Іосифу Погорлевскому, на право ношенія палицы. „По благодати дару и власти всесвятаго Духа, даннѣй намъ отъ самаго великаго архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, судили мы протоіерея Іосифа Погорлевскаго удостоить палицы въ воздаяніе тридцати-пяти лѣтъней его службы, за его трудолюбіе въ проповѣданіи слова Божія, пастырскій примѣръ благонравія, за долгое и старательное прохожденіе должности первоприсутствующаго въ Изюмскомъ духовномъ правленіи, за усмотрѣнный нами отличный порядокъ и точность въ отправленіи текущихъ въ ономъ правленіи дѣлъ и наконецъ за должное благочиніе въ управленіи порученнаго вѣдомству его духовенства. Сего 1806 года Іюля 1-го мы возложили на него палицу, по чину православной церкви въ Харьковскомъ Покровскомъ соборѣ, съ тѣмъ чтобы онъ ее имѣлъ всегда на себѣ и во время церковнаго служенія употреблялъ на основаніи сѣнодальнаго указа (18 декабря 1797 г.) по примѣру игуменовъ. Во увѣреніе чего дано сіе свидѣтельство за рукою нашею и при нашей печати“ ¹⁾. Императоръ Павелъ, желая чтобы бѣлое священство „имѣло образъ и состояніе важности сана соотвѣтственные“, призналъ за благо разрѣшать, по особымъ представленіямъ, бѣлому духовенству употребленіе фіолетовыхъ скуфей, камилавокъ, наперсныхъ крестовъ, митръ и орденовъ. Святѣйшій сѣнодъ, по поводу предоставленнаго Государемъ духовенству права на полученіе знаковъ отличія, въ циркулярномъ указѣ своемъ разъяснилъ духовенству, что удостоиваемые *высокомонаршихъ отличностей* *одолеваются* усугубить свою ревность объ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей ²⁾. Спустя года три послѣ учрежденія наградъ, св. Сѣнодъ предписалъ архіереямъ выда-

¹⁾ Дѣло Конс. 1806 г.

²⁾ Указъ св. Сѣнода отъ 24 марта 1799 г.

вать всѣмъ, получившимъ награды, письменныя свидѣтельства, которыя, какъ сказано въ указѣ, могутъ служить, не только удостовѣреніемъ каждаго награждаемого объ отличныхъ его дѣяніяхъ, но и *примѣромъ къ побужденію потомства ихъ къ ревностному исполненію своей должности* ¹⁾. Первое представленіе св. Синода духовныхъ лицъ Императоръ Павелъ утвердилъ въ 1798 году и первый изъ украинскаго духовенства, удостившійся получить золотой наперсный крестъ былъ Харьковскій протоіерей А. Прокоповичъ. Въ первые годы по установленіи высочайшихъ наградъ, нѣкоторымъ лицамъ изъ духовенства приходилось получать фіолетовую скуфью въ то время, когда они уже имѣли санъ протоіерея и даже палицу. Такъ, протоіерей Ѳеодоръ Щербинскій, настоятель Ахтырскаго собора и первоприсутствующій, человѣкъ учительный, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Христофора, на 5-мъ году священства былъ произведенъ въ санъ протоіерея, на 22 году получилъ палицу, а синодальною скуфіею былъ награжденъ въ 1801 году, спустя пять лѣтъ послѣ полученія палицы. Въ это время ему было болѣе 50 лѣтъ. Дворянинъ, питомецъ Кіевской духовной академіи, благочинный Ахтырскаго вѣдомства, протоіерей Покровскаго собора, Максимъ Яновскій получилъ синодальную скуфью также спустя нѣсколько лѣтъ послѣ полученія палицы, имѣя отъ роду около 70 лѣтъ. Такія должностныя лица, какъ ключарь протоіерей Афанасій Могилевскій или членъ консисторіи и градской благочинный протоіерей Іоаннъ Курасовскій, за все время епископства Христофора, не имѣли ни одной синодальной награды. О камилавкѣ, которую настоятель Валковскаго собора, протоіерей Снѣсаревъ, въ 1811 г. получилъ, по ходатайству попечителя Харьковскаго университета гр. Потоцкаго, за его труды по училищу, преосвященный Филаретъ замѣчаетъ, что это камилавка была *первая* тогда во всей Харьковской епархіи ²⁾. И дѣйствительно первая: этой награды не имѣлъ протоіерей градскаго собора Прокоповичъ, хотя уже имѣлъ наперсный крестъ и орденъ св. Анны, 2 степ.; камилавку онъ получилъ уже при преем-

¹⁾ Указъ св. Синода отъ 19 декабря 1803 г.

²⁾ Историко-статистич. опис. Х. епар. Отдѣлъ II, стр. 222.

никъ Христофора—преосвященномъ Аполлосѣ въ 1814 году, на 58 году жизни. Протоіерей Снѣсаревъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ, спустя 15 лѣтъ по полученіи камилавки. Протоіерей Максимъ Яновскій получилъ золотой крестъ на 41 году священства. „Его императорское величество, во вниманіе на сороколѣтнее и безпорочное служеніе ваше, писалъ ему министръ Дмитрій Трощинскій, засвидѣтельствованное Его Величеству преосвященнымъ Амвросіемъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, всемилостивѣйше пожаловать вамъ изволилъ золотой крестъ, на таковой же цѣпочкѣ, который при семъ препровождая, особливимъ удовольствіемъ себѣ поставляю поздравить васъ, ваше высокопреподобіе, съ таковою Монаршею милостію“¹⁾. Въ описываемое время, полученіе какой либо изъ установленныхъ императоромъ Павломъ наградъ составляло въ тогданнемъ духовномъ мірѣ, по своей новизнѣ и своего рода рѣдкости, эпоху, такое явленіе, которое производило особое впечатлѣніе, какъ выходящее изъ обычнаго теченія жизни. Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, что нѣкоторыя изъ наградъ, напр. орденъ Анны 2 ст., или крестъ наперсный присылались, за кабинетными печатями, прямо на имя того лица, который получалъ награду и что всего важнѣе—при Высочайшемъ рескриптѣ. Самое возложеніе награды происходило въ градскомъ соборѣ, при большомъ стеченіи народа. Тогда жалуемые духовнымъ лицамъ ордена надѣвались ими, при отправленіи богослуженія, поверхъ священныхъ облаченій. Совершивъ возложеніе, Христофоръ въ нѣсколькихъ словахъ, тутъ-же привѣтствовалъ получившаго награду, а послѣдній благодарилъ преосвященнаго особою на этотъ разъ сочиненною рѣчью. Были примѣры, когда сами священники просили себѣ награды. Такъ, священникъ сл. Тарановки Алексѣй Лебединскій въ 1800 г. просилъ Зміевское духовное правленіе представить его архіерею къ награжденію во уваженіи, что онъ 26 лѣтъ священствуетъ со всевозможнымъ стараніемъ, прилежаніемъ и ревностію, всегда руководствуетъ прихожанъ своихъ какъ примѣромъ, честностію и благонравнымъ поведеніемъ, такъ и проповѣдями. „Принявъ

¹⁾ Архивъ Хар. Дух. Конс. 1802 г. ноября 5, № 126.

во уваженіе, пишетъ Христофоръ, прописанныя въ семъ доношеніи Зміевского правленія заслуги священника Лебединскаго, его ученость, его долговременное и усердное прохожденіе священническаго званія, ревность къ вѣрѣ и неусыпную попечительность о врученной ему паствѣ, также примѣрную его добродѣтель въ поведеніи и родительскую тщательность въ воспитаніи своихъ дѣтей, по всему оному сужу, что таковая достохвальная отличность его между священствомъ по справедливости достойна моего вниманія и награжденія по законамъ. Для того представить его, священника Лебединскаго, на 29 іюля къ посвященію въ протоіерея для соборнаго отправления священнодѣйствія въ трехъ—приходной слободѣ Тарановкѣ Архангельской церкви, при которой онъ, Лебединскій, находится“. Другой примѣръ: Ахтырской Архангельской церкви священникъ Ѳеодоръ Александровъ въ 1803 г. пишетъ Христофору: „посвященъ я, низайшій, во священника въ 1779 г. и потому священствую 24 г., въ числѣ сихъ годовъ пять лѣтъ былъ десятиначальникомъ, четыре года депутатомъ, для чего, въ награжденіе таковой моей службы и трудовъ моихъ, прошу уничиженнѣйше удостоить меня предъ прочими священниками отличія“. Христофоръ наградилъ его набедренникомъ. Села Высочиновки священникъ, Дмитрій Сильвановскій пишетъ преосвященному Христофору: „я, низайшій, въ 1776 г. вступилъ въ коллегіумъ, гдѣ 11 лѣтъ обучался и три года былъ въ богословіи. Съ 1787 года по настоящій 1801 годъ священникомъ, съ 1790 года десятиначальникомъ и присутствующимъ въ Зміевскомъ духовномъ правленіи, а съ 1792 года депутатомъ, упражнялся въ проповѣданіи слова Божія собственными моими сочиненіями и имѣлъ возложенное попеченіе при постройкѣ Архангельской церкви въ слободѣ Высочиновкѣ. Того ради прошу сіе мое прошеніе уважить и о награжденіи меня за выше прописанные мои труды учинить милостивое архипастырское благоразсмотрѣніе“. „Съ уваженія, писалъ Христофоръ, какъ на ученіе просителя священника Дмитрія Сильванскаго, такъ и на исправное, при похвальномъ поведеніи, исправленіе возлагаемыхъ на него должностей и тщательное прохожденіе священническаго званія, опредѣляю: представить

его, Сильванскаго на 6 число сего теченія мѣсяца, для чего повелѣть ему на упомянутое число приготовиться къ священнослуженію въ здѣшнемъ градскомъ соборѣ“¹⁾). Изъ представленныхъ немногихъ примѣровъ нельзя не видѣть, что въ оцѣнкѣ заслугъ, при награжденіи, Христофоръ особое значеніе давалъ образованію, неучительныхъ священниковъ онъ совсѣмъ не награждалъ. Обращался къ нему за наградой, города Краснокутска священникъ, Іоаннъ Ильинъ. Изъ прошенія видно, что онъ священствуешь съ 1762 года, т. е. 42 года, въ 1784 году лично испросилъ деньги и вновь перестроилъ церковь и украсилъ ее утварью. „Того ради, писалъ онъ, прошу къ одобренію въ прохожденіи дальнѣйшихъ услугъ и въ воздаяніе за долговременную службу мою отличить меня отъ прочихъ іереевъ по архипастырскому благоразсмотрѣнію награжденіемъ“. Резолюція послѣдовала такая: „такъ какъ священникъ Ильинъ въ школѣ не обучался, должностей никакихъ, кромѣ приходской своей, не несъ, ни по комиссіямъ отряжаемъ не былъ, а потому къ награжденію его набадренникомъ причинъ не нахожу, тѣмъ паче, что таковыя почести относятся до учительнаго духовенства и для того ему, Ильину, въ просьбѣ его отказать“²⁾). Настоятель Харьковской Христо-рождественской церкви протоіерей Зимовскій просилъ Христофора представить его къ знаку отличія изъ установленныхъ Высочайшимъ указомъ для блага духовенства почестей и при этомъ представилъ просьбу и одобреніе своихъ прихожанъ. Вотъ что отвѣчалъ Христофоръ на это прошеніе: „такъ какъ протоіерей Зимовскій неучень, а указомъ св. Синода 1798 года велѣно представлять тѣхъ, кои преимущественно ученостію и отличными заслугами заслуживаютъ вниманіе начальства, притомъ бывшіе его труды уже достаточно награждены протоіерействомъ и палицею. Если же прихожане его дали о немъ одобреніе, то сдѣлали сіе по незнанію силы указа св. Синода отъ 22 Марта 1800 года. Указомъ же симъ тѣхъ людей, кои желаютъ отличій достигнуть происками и просьбами постороннихъ лицъ велѣно счи-

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1801 г., № 4.

²⁾ Дѣло Конс. 1803 г.

татъ подозрительными и лишенными надежды къ полученію награды“. Для низшихъ членовъ причта—причетниковъ, единственной наградой служила церковная одежда—стихарь. Стихарь это было завѣтное желаніе пономаря и дьячка. Стихарь нагляднымъ образомъ выдѣлялъ ихъ изъ толпы и давалъ имъ въ глазахъ прихожанъ нѣкоторое священное значеніе. Но эта награда получалась далеко труднѣе, чѣмъ теперь. Праматоръ въ стихарь обязанъ былъ представить одобреніе отъ причта и прихожанъ и аттестацію духовнаго правленія о знаніи причетническихъ предметовъ. Засимъ онъ держалъ экзаменъ въ толковомъ чтеніи, краснописаніи, знаніи церковнаго устава и въ пѣніи простомъ и нотномъ. По сдачѣ экзамена, онъ снова отсылался къ экзаменатору для изученія истолкованія ему причетнической грамоты. Послѣ исповѣди и принятія присяги слѣдовалъ допросъ въ консисторіи, гдѣ давалъ подписку точно исполнять причетническія обязанности. Эта процедура длилась иногда недѣли двѣ, три и болѣе.

Отличительный характеръ мѣръ взысканія и исправленія, коимъ за время Христофора подвергались лица духовнаго званія по епархіальному суду, это ихъ суровость и публичность. Такъ *изверженіе по суду изъ священническаго сана* (случаевъ добровольнаго сложенія священнаго сана или совсѣмъ не было тогда, или же были весьма рѣдки) производилось при слѣдующей обстановкѣ. По повѣсткѣ консисторіи, сюда собирались тѣ изъ клира, которые въ это самое время состояли подъ судомъ за разные пороки и жили въ Харьковѣ, выжидая рѣшенія суда. Здѣсь цѣль была та, „дабы видя на собратѣ своемъ примѣръ законнаго наказанія удерживали бы себя отъ подобныхъ законопротивныхъ проступковъ“. Присужденный за пороки къ исключенію изъ священства призывался въ присутствіе консисторіи, двери котораго въ это время были открыты. Секретарь, въ присутствіи всѣхъ членовъ консисторіи, читалъ экстрактъ дѣла и опредѣленіе консисторіи, утвержденное Синодомъ. Подсудимый, выслушавъ рѣшеніе Синода, снималъ рясу и надѣвалъ простое мужицкое платье. Приставъ консисторіи тутъ-же обрѣзывалъ ему волосы. Послѣ этого отбиралась у него подписка въ томъ, что онъ, какъ лишенный

священства *во вся*, впредь не будетъ называться чиномъ священника, не будетъ рясы носить, рукою благословлять и проч. Наконецъ приставъ, при отношеніи консисторіи, отправлялъ его въ губернское правленіе для написанія въ подушный окладъ. Лишенный сана оставался на всю жизнь извѣстенъ на языкѣ народномъ подъ позорнымъ наименованіемъ разстриги. Достойно вниманія, что Христофоръ причетника за двоеженство исключалъ изъ списка священнаго чина, или, по нынѣшнему выраженію, изъ духовнаго званія. Такъ поступалъ на основаніи слѣдующаго апостольскаго правила (17): „кто по святомъ крещеніи двумя браками обязанъ былъ, тотъ не можетъ быть въ спискѣ священнаго чина“. Въ настоящее время не по строгому, а по снисходительному примѣненію сего правила дѣлается то, что причетникъ—двоеженецъ не исключается изъ духовнаго званія, а остается при мѣстѣ, только ему возбраняется употреблять стихарь и входить въ алтарь.

Другое не менѣе позорное наказаніе было—это *посаженіе* подсудимаго *въ цѣпу*. Цѣпи употреблялись разныя: ручныя и ножныя, большія и малыя. Цѣпи хранились въ сторожевской избѣ, при консисторіи, и числились въ числѣ необходимыхъ статей канцелярскихъ расходовъ. Преступленіе, которое въ большинствѣ случаевъ влекло за собой присужденіе къ посаженію въ цѣпу,—это пьянство, соединенное съ буйствомъ. Такъ священникъ Харьковской Вознесенской церкви О. М., за причиненныя въ нетрезвомъ видѣ ругательства и обиды товарищу своему по церкви и прихожанамъ, „въ исправленіе его самаго и въ страхъ другимъ, былъ задержанъ на сутки въ сторожевской избѣ на цѣпу“¹⁾. Пономарь Бѣловодской Троицкой церкви В. за обращеніе во всегдашнемъ пьянствѣ и буйствѣ былъ присужденъ консисторіею къ посаженію на нѣсколько дней въ цѣпу²⁾. Дьячекъ Харьковской Муромосицкой церкви въ пьяномъ видѣ пробилъ голову женѣ священника Копьева. На время слѣдствія онъ содержался въ цѣпи, бывъ прикованъ къ ней за шею. Цѣпь, впрочемъ, настолько была неисправна,

¹⁾ Архивъ Дух. Конс. 1805 г. № 67.

²⁾ Дѣло Конс. 1800 г.

что подсудимый, какъ донесъ благочинный, отперъ ее палкой и во время ночи бѣжалъ¹⁾. Монастырская епитимія была известна въ то время подъ названіемъ ссылки въ монастырь подъ началъ. Время ссылки обозначалось опредѣленнымъ срокомъ на годъ, а иногда и на два, или неопредѣленнымъ— „до указа“, „донеже въ чувствіе прійдетъ“. Этому наказанію духовенство подвергалось чаще всего за проступки по дѣламъ брачнымъ. Такъ, священникъ г. Сумъ Ильинской церкви Михаилъ Чернявскій въ 1800 году повѣнчалъ козака Тимофея Будника, при жизни жены его Параскевы, съ другою дѣвицею Іуліаніею Кукловою,— повѣнчалъ, сдѣлавъ предварительно *оглашеніе*, а также исполнивъ и всѣ прочія практиковавшіяся тогда предостерегательныя правила. Консисторія постановила: священника Чернявскаго опредѣлить въ куряжскій монастырь на два года, съ запрещеніемъ ему одинъ годъ священнослуженія и ношенія рясы, употребляя его въ монастырскіе труды, а на другой годъ оставить его только при исполненіи церковныхъ обязанностей по клиросу. Христофоръ на это постановленіе консисторіи положилъ такую резолюцію: „весьма достойно и праведно исполнить по сему мнѣнію консисторіи“. Обыкновенно подначальный въ одномъ подрясникѣ стоялъ при входѣ въ храмъ наряду съ крестьянами, исполнявшими монастырскую епитимію, по приговору гражданскаго суда. Самые труды монастырскіе были нерѣдко далеко несоотвѣтственны силамъ епитимійца. Священникъ г. Купянска Михаилъ Поповъ въ 1810 г. жалуется Христофору, что онъ три мѣсяца наравнѣ съ простыми рабочими копалъ рвы вокругъ куряжскаго монастырскаго лѣса и луга, отчего сдѣлалась у него сильная въ головѣ болѣзнь съ такимъ безпрестаннымъ шумомъ, что онъ туго теперь слышитъ и плохо видитъ и всякую ночь угнетаетъ его лихорадка. Самая, такъ сказать, обычная мѣра наказанія была — *поклоны*. Число поклоновъ было различно (отъ 150 до 1000), но въ одинъ разъ полагали не болѣе ста. Присужденный къ поклонамъ долженъ былъ положить ихъ въ въ алтарѣ собора того города, въ уѣздѣ котораго онъ жилъ, а причетникъ—на солеѣ предъ мѣстною иконою. Случалось.

1) Дѣло Конс. 1804 г.

что священникъ вызывался для этого въ Харьковъ. Крестовый іеромонахъ стоялъ тутъ-же и затѣмъ, по исполненіи епитиміи, доносилъ о семъ консисторіи. Такъ, священникъ Поповъ, за отправленіе требы въ чужомъ приходѣ, долженъ былъ въ алтарѣ богодуховскаго собора положить 150 поклоновъ, священникъ Шебатинскій за то, что на молебнѣ въ церкви произнесъ многолѣтіе послѣ государя и архіерея „себѣ и другимъ кому не надлежало“, положилъ 1000 поклоновъ въ кафедральномъ соборѣ. Благочинный, въ силу инструкціи, имѣлъ право священника поставить на колѣни въ алтарѣ, а діакона—въ церкви и даже на паперти. Наконецъ, практиковалось за время Христофора еще слѣдующее довольно оригинальное наказаніе, это—стояніе въ теченіи нѣкотораго времени, при отправленіи торжественныхъ молебновъ и панихидъ и вообще при соборномъ служеніи, ниже того мѣста въ ряду священниковъ, какое, по своимъ заслугамъ, занималъ прежде. Слишкомъ строги и суровы намъ теперь кажутся подобныя мѣры взысканія и исправленія, но мы не должны забывать, что таковы тогда характеръ наказаній былъ и въ гражданскомъ судѣ. Кромѣ сего, для духовенства христофоровскаго времени, которое выросло и воспиталось подъ руководствомъ дисциплинарныхъ мѣръ второй половины XVIII вѣка, несравненно болѣе суровыхъ и жесткихъ, помянутыя мѣры не были для него чѣмъ либо необычнымъ. Тогда въ области церковнаго суда почти вездѣ существовалъ деспотизмъ власти. Провинившійся священникъ еще не былъ осужденъ судомъ, но его уже бросали въ подвальную тюрьму, или заковывали въ цѣпи или ножныя колодки: „сего попа, писалъ архіерей, взять въ цѣпь до нашего рѣшенія“. Тогда труды епитимійцевъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ соединялись далеко съ болѣшимъ страданіемъ и униженіемъ для духовенства. Тѣлесное наказаніе священно-церковно-служителей плетью и кнутомъ въ 1800 году было еще въ ходу. „Наказываемый укладывался такъ, пишетъ Д. И. Ростиславовъ¹⁾, чтобы владыка, не вставая съ дивана, могъ своими глазами видѣть, плотно ли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкли причетниковъ, за-

¹⁾ Русск. Стар. 1894 г., октябрь, стр. 102.

тѣмъ дьяконовъ, но не давали спуска и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говаривалъ: „у! жарко, бывало, дрожь пробѣгала по тѣлу“. Такимъ образомъ очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови. И такъ наказывали священно-церковно-служителей не только за уголовныя преступленія, но и съ цѣлію исправительною. И дѣло это было самое обыкновенное, никто не удивлялся и не возмущался. Государь Александръ I, вступивъ на престолъ, осудилъ эти порядки. Въ первый же годъ своего царствованія онъ освободилъ отъ тѣлеснаго наказанія по суду тѣхъ священно-служителей, кои имѣли несчастіе впасть въ уголовныя преступленія. И главнымъ побужденіемъ къ сему у Государя было желаніе „дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, каковое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть, болѣе другихъ свойственно“. Русское духовенство, движимое чувствами благодарности къ Государю Императору, за такое его благодѣяніе тогда же принесло молебствіе Господу Богу о многолѣтнемъ здравіи Его Величества съ цѣлодневнымъ звономъ. Этотъ Государь, постоянно оказывавшій знаки уваженія къ священно-служителямъ и благоговѣйно лобызавшій благословляющую руку каждаго сельскаго священника, который искренно и съ трепетомъ встрѣчалъ его на паперти своей церкви, повелѣлъ св. Синоду предписать архіереямъ, „чтобы съ людьми духовнаго званія во всѣхъ случаяхъ начальники духовные поступали съ благоразумною кротостію и обходились умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію“. И мы видимъ, что уже за время Христофора, особенно во вторую половину его службы на епископской кафедрѣ, мѣры взысканій начали терять свою публичность и суровость. Такъ, случаи лишеній сана стали бывать рѣже. Причина сему та, что прежде епархіальное начальство, само, своею властію, лишало виновныхъ священнаго сана, теперь же свое рѣшеніе о томъ оно должно было представлять на разсмотрѣніе и утвержденіе

св. Синода. Съ 1805 года посаженіе въ цѣпу вовсе не практиковалось, Христофоръ только грозилъ этимъ наказаніемъ явнымъ и упорнымъ ослушникамъ его воли. Были примѣры, когда консисторія присуждала виновнаго къ положенію поклонновъ, числомъ нерѣдко въ нѣсколько сотъ, а Христофоръ это назначеніе замѣнялъ денежными штрафами или выговорами, низведеніе въ причетники, — монастырскою епитиміею, отрѣшеніе отъ мѣста, — переводомъ на другое мѣсто и т. п. Были случаи, когда Христофоръ, не предавая виновнаго консисторскому суду и слѣдствію, самъ налагалъ довольно снисходительное наказаніе единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы виновный воспользовался онымъ, какъ средствомъ къ своему исправленію. Самыя резолюціи Христофора, коими онъ опредѣлялъ наказанія, нерѣдко сопровождались отеческими наставленіями и вразумленіями. Изъ многихъ подобныхъ резолюцій приводимъ для образца слѣдующую. „Какъ отъ нѣкоторыхъ духовныхъ и мірскихъ лицъ достойныхъ вѣроятія, пишетъ Христофоръ, дошло мнѣ къ свѣдѣнію, что Изюмскаго уѣзда села Петровскаго Преображенской церкви діаконъ Василій Чайковскій ведетъ себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не соотвѣтственно своему священно-служительскому званію, теряя духовный характеръ свой въ пьянствѣ, въ ссорахъ съ домашними и въ подобныхъ сему непристойныхъ и постыдныхъ поступкахъ, а таковымъ позорнымъ поведеніемъ своимъ жителей таможенныхъ нерѣдко приводитъ къ соблазну, для которыхъ онъ, въ разсужденіи сана своего, долженъ бы быть примѣромъ честнаго и добродѣтельнаго житія: то въ возчувствіе ему, Чайковскому, того, что такая непорядочная его жизнь не только вредна собственной чести и имени его, но и предъ глазами начальства всегда непростительна, перевести его консисторіи въ другое куда либо селеніе на діаконское же мѣсто по своему разсмотрѣнію, съ дачею ему на оное открытаго указа, обязавъ его въ обѣщаніи лучшаго поведенія строжайшею подпискою. Сіе однако же легкое и довольно снисходительное къ слабостямъ человѣческимъ оштрафованіе, яко первое, пусть пріиметъ онъ, діаконъ Чайковскій, не иначе, какъ за точное руководство къ своему исправленію, и да будетъ

ему впредь всегдашнимъ напamтoвaнiемъ тѣхъ обязательствъ его звaнiя, отъ которыхъ онъ распутствомъ своимъ далеко устранился и за неисполненiе которыхъ можетъ онъ потерять и временное и вѣчное свое счастье“¹⁾).

Въ первые же годы управленiя епархiею Христофору пришлось натолкнуться на довольно серьезныя непрiятности, вызванныя жалобой на него въ св. Синодъ нѣкоторыми священниками. Жалобы эти не всегда были вѣрны дѣйствительности, нерѣдко составлялись подъ влiянiемъ личнаго недовольства, тѣмъ не менѣе, они знакомятъ насъ съ тѣми непорядками въ тогдашнемъ епархiальномъ управленiи, на кои указывало и коими тяготилось духовенство, такъ или иначе желая устранить ихъ. Вотъ что писалъ въ своемъ прошенiи Синоду острогожской округи сл. Поповки Покровской церкви священникъ Іоаннъ Морозовъ. „Преосвященный епископъ Христофоръ резолюціею своею назначаетъ говорить каждому ученому священнику двѣ проповѣди въ годъ: одну—въ г. Харьковѣ, отстоящемъ отъ моего жилища за 350 верстъ, а другимъ около 500 верстъ, и являться за три или четыре дня до сказанiя проповѣди въ Харьковъ, къ цензору, протоіерею А. Прокоповичу, а послѣ къ нему—Христофору, по введенному обыкновенiю, *кто съ чѣмъ хочетъ*. Другую проповѣдь назначаетъ говорить въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ, отстоящемъ отъ села Поповки въ 80-ти, а отъ другихъ въ 120 верстахъ, и являться къ протоіерею Сѣмеону Сдѣпинскому также, какъ выше упомянуто, т. е., *кто съ чѣмъ хочетъ*. По сказанiи проповѣди соборный протопопъ Сѣмонъ Сдѣпинскій, имѣя отъ консисторiи указъ объ отправленiи служенiя и иныхъ потребъ, вмѣсто его, всѣми города Острогожска священниками, съ возвращенiемъ ему всѣхъ доходовъ,—оставляетъ нерѣдко меня служить вмѣсто своей очереди. Бывъ сего 1801 г., сентября 12-го, въ ономъ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ для сказыванiя проповѣди, я никакими, даже слезными и многократными прошенiями, не могъ быть уволенъ, представляя въ резонъ крайнюю свою бѣдность, что нечѣмъ содержать ни себя, ни лошадей, но что оный протопопъ угрожалъ представленiемъ меня за против-

¹⁾ Дѣло Конс. 1801 года, дек. 23.

леніе власти, чего я опасаясь, при всей своей бѣдности, принужденъ былъ оставаться. Преосвященный Христофоръ, пишетъ далѣе Морозовъ, при подачѣ отъ просителей и ставленниковъ бумагъ, принимаетъ ихъ *приносы и подарки*, почему иные, будучи имущественны и честолюбивы, формально подаютъ прошенія объ отличіи ихъ набедренниками или протопопствами, представляя какія нибудь мнимыя свои достоинства и заслуги, какихъ у иныхъ совсѣмъ не бывало. Резолюціи преосвященнаго исходятъ въ слободскую консисторію инымъ при самой подачѣ прошеній, а другимъ на четвертый и пятый день, писанныя не собственною его рукою, а только означенныя въ концѣ первоначальными буквами его титула, кои резолюціи въ консисторіи также инымъ скоро, другимъ не скоро объявляются. Только тѣхъ дѣла производятся скоро, кои имѣютъ и не жалѣютъ себя и кошту своего. Издача въ острогожское духовное правленіе метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ отъ самаго бѣднаго прихода становится священнику не менѣе десяти рублей. Протопопъ Сцѣпинскій говоритъ, что ему де самому много стоитъ, издавая оныя въ слободскую консисторію. А какъ таковое распоряженіе и заведеніе преосвященнаго есть для всѣхъ, а равно и для меня тягостно, такъ что весь почти годовый мой доходъ, состоящій не болѣе какъ въ 60-ти рубляхъ, исходитъ то на поѣздку для сказыванія проповѣдей въ Харьковъ и Острогожскъ, то на издачу метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ. Для сего покорнѣйше прошу св. Синодъ предписать преосвященному Христофору, дабы для сказыванія проповѣдей въ г. Харьковъ и Острогожскъ, по отдаленности оныхъ, мнѣ не ѣздить, а говорить бы въ своей церкви, а также указать, дабы я зналъ, сколько именно за издаваемыя метрическія и исповѣдныя книги я долженъ платить духовному правленію. По поводу этой жалобы въ указѣ св. Синода на имя преосвященнаго Христофора читаемъ слѣдующее: „прошеніе священника Морозова писано не по указной формѣ и притомъ со включеніемъ стороннихъ матерій и поносительныхъ словъ не только на слободскую консисторію и острогожское духовное правленіе, но и на ваше преосвященство, безъ всякаго по силѣ законовъ доказательства, по-

чему онаго, по силѣ узаконеній, принимать и въ дѣйствіе производить не слѣдовало бы, но поелику въ немъ показанъ доносъ, относящійся къ *инусному лихоимству*, чего безъ особливаго вниманія оставить не можно, для того оное прошеніе, на основаніи генеральнаго регламента 19 главы, удержавъ въ св. Синодѣ, послать вамъ указъ и велѣть по жалобѣ его, Морозова, о наносимой ему якобы тягости чрезъ поѣздку въ губернский и уѣздный города, для сказыванія проповѣдей, учинить распоряженіе такъ, чтобы назначеніе изъ таковыхъ отдаленныхъ мѣстъ было-бы безъ отягощенія священникамъ, если вѣрно то разстояніе, какое указано Морозовымъ. Что-же касается до упоминаемыхъ имъ, Морозовымъ, яко принимаемыхъ вашимъ преосвященствомъ *приносовъ и подарковъ*, за что нѣкоторые будто-бы отличаются набедренниками и протопопствами, да и дѣла въ консисторіи производятся скоро тѣхъ только, которые не жалѣютъ кошту своего, также о расходахъ, происходящихъ въ Острогжскомъ духовномъ правленіи на сдачу метрическихъ и исповѣдныхъ росписей по десяти рублей съ священника, о чемъ протопопъ Сцѣпинскій отозвался, что ему самому много стоитъ сдача тѣхъ книгъ въ слободской консисторіи, то вашему преосвященству, потребовавъ о семъ отъ него Сцѣпинскаго и отъ консисторіи особое показаніе, а отъ онаго Морозова противъ того доказательства съ явными доводами прислать все то въ св. Синодъ, объясняя при томъ по самой сущей справедливости и о показуемомъ на васъ". Что писалъ въ доказательство своего доноса священникъ Морозовъ и что въ защиту консисторія и преосвященный Христофоръ—свѣдѣній мы не имѣемъ ¹⁾. Намъ извѣстенъ результатъ другого доноса священника Григорія Штанкевскаго на Христофора. Штанкевскій состоялъ священникомъ при Харьковской Вознесенской церкви. Прадѣдъ его былъ еврей. При крещеніи его восприемнымъ отцемъ былъ Петръ І-й. Новокрещенный впослѣдствіи былъ стольникомъ и наконецъ полковникомъ. Дѣдъ его былъ священникомъ въ Парижѣ при министрѣ, князѣ Кантемирѣ, потомъ, при государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ придворнымъ священникомъ, а при Екате-

¹⁾ Дѣло Харьк. Дух. Конс. 1801 г.

ринъ II духовникомъ ея. Священникъ Штанкевскій отличался неугомоннымъ характеромъ. Въ теченіи своей жизни, онъ нѣсколько разъ былъ подъ судомъ и перемѣнилъ нѣсколько приходовъ. Епархіальная процедура съ Штанкевскимъ довольно характерна въ историко-бытовомъ отношеніи. Она указываетъ, во первыхъ на энергію и довольно видныя способности Штанкевскаго, попавшаго въ несвойственную ему среду, а во вторыхъ, свидѣлствуетъ о томъ неистощимомъ терпѣніи Христофора, съ какимъ онъ до послѣдней возможности относился къ безпокойному и опороченному священнику. И тутъ проявлялась не слабость, а великодушная снисходительность. А дабы видѣть, что за личность былъ Штанкевскій, достаточно привести слѣдующую резолюцію Христофора отъ 13 Мая 1803 г. „Къ крайнему огорченію и прискорбію моему многократно уже доходитъ къ свѣдѣнію моему, что Харьковской Вознесенской церкви священникъ Григорій Штанкевскій съ давняго времени будучи очерненъ многими важными доносами и жалобами и нынѣ состоитъ подъ разными слѣдствіями, не показываетъ ни малѣйшаго расположенія къ исправленію, хотя нѣсколько разъ былъ наказываемъ и обязываемъ въ консисторіи подписками. Потерявъ страхъ Божій и гласъ совѣсти, болѣе и болѣе погружается въ безчувственную развратность, всегда пьянствуетъ, ссорится не только въ частныхъ домахъ, но даже въ самой церкви, заводитъ съ своими причетниками и посторонними драки, товарищу своему дѣлаетъ многія ругательства и наглости, по городу таскается въ пьяномъ видѣ, какъ самъ я это видѣлъ, съ растрепанными волосами, въ неопрятной и неприличной священнику одеждѣ, вѣнчаетъ непозволительные браки, вмѣшивается въ чужіе приходы и нерѣдко опускаетъ молебствія въ торжественные дни и государственныя панихиды. А такой образъ распутной жизни его, сколько производитъ въ народѣ соблазна, сколько всему честному духовенству дѣлаетъ посямленіе, а начальству огорченіе. Потому, дабы пробудить въ немъ совѣсть и дать ему почувствовать, что всѣ его безчинные поступки превосходятъ уже всякую мѣру терпѣнія, запретивъ ему священнослуженіе, отправить его немедленно

въ Старо-Харьковскій Куряжскій монастырь, впредь до рѣшенія всѣхъ производимыхъ въ консисторіи о немъ дѣлъ, предписавъ указомъ благочинному, чтобы онъ употреблялъ его въ монастырскія послушанія по своему усмотрѣнію, а о поведеніи его репортовалъ ежемѣсячно“. Штанкевскій рѣшительно отказался выполнить эпитимію и остался дома. Тогда Христофоръ сдѣлалъ распоряженіе о заключеніи его въ своемъ Покровскомъ монастырѣ и отдалъ его подъ присмотръ двухъ іеромонаховъ; Штанкевскій пробылъ здѣсь двѣ недѣли и самовольно ушелъ въ свой домъ. На рапортѣ о семъ эконома Христофоръ написалъ: „священника Штанкевскаго, сыскавъ, вызвать въ консисторію допросить, гдѣ онъ шатался и затѣмъ обязать строжайшею подпискою, чтобы онъ не смѣлъ отнюдь отваживаться дѣлать подобныхъ отлучекъ изъ монастыря, *подъ опасеніемъ впредь посаженія въ цѣпю*“. Въ промежутокъ этого времени консисторія представила Христофору дѣло о Штанкевскомъ на 22 листахъ и присудила виновнаго къ дьячковской, гдѣ либо въ селѣ, должности, съ запрещеніемъ священнослуженія. „Полагая надежду, пишетъ Христофоръ на журналѣ консисторіи, что презрѣніе всенародное къ подлымъ его дѣламъ, къ каковымъ довелъ себя Штанкевскій чрезъ свое пьянство, страждущая чрезъ сіе жена его, дѣти, лишенныя воспитанія и добраго родительскаго примѣра,—всѣ эти трогательныя обстоятельства будутъ достаточны, при его преклонныхъ лѣтахъ, внушить въ сердце его чувство раскаянія, а потому учинить его свободнымъ отъ дьячковской должности, разрѣшить ему священнослуженіе, давъ ему на волю избрать себѣ, кромѣ Харькова, гдѣ либо въ селѣ священническое мѣсто и притомъ тамъ, гдѣ прихожане принять его пожелаютъ“. Штанкевскій не захотѣлъ искать себѣ такого мѣста, а послалъ жалобы на Христофора: одну въ св. Синодъ, другую—министру юстиціи, Державину. Приводимъ текстъ послѣдней. „Громкая благодѣяніи вашихъ слава разлита повсюду, хранится же и въ сердцахъ, оными оживленныхъ. Симъ прибѣгая къ покровительству вашему и на меня отъ щедротъ прошу излить лучъ милосердія. Приклони ухо твое ко мнѣ, напатствуемому, и, яко человѣколю-

бывшій меценатъ, скоро услыши мя. Изъ ревностнаго студента богословія харьковскаго коллегіума, за отмѣнность успѣховъ и добропорядочность моихъ качествъ, я 1777 года произведенъ во священника преосвященнымъ бѣлградскимъ Аггеемъ въ сл. Цареборисовку Изюмской округи. Десять лѣтъ я своимъ коштомъ ежегодно ѣздилъ за 200 верстъ въ Бѣлгородъ, по назначенію онаго епископа, проповѣдывать слово Божіе, а также въ г. Изюмъ. Семнадцать лѣтъ исправлялъ должность благочиннаго, бывъ притомъ присутствующимъ въ изюмскомъ духовномъ правленіи. Архіепископъ Теокистъ перевелъ меня въ Харьковъ къ Вознесенской церкви. И здѣсь я, по благодати Божіей, не послѣдній проповѣдникъ. Но преосвященный слободскій епископъ Христофоръ, не умѣя самъ проповѣдывать слова Божія, ибо отъ него мы никогда не слыхали слова въ храмѣ Божіемъ, съ меня ругается и нападаетъ столько, что едва могу великодушно переносить. Въ 1802 году безъ всякой моей виновности велѣлъ мнѣ при публикѣ въ соборной успенской церкви предъ мѣстною Спасителя иконою положить 200 поклоновъ, что я исполнилъ. Сего же 1803 года онъ же, епископъ, нагло и безвинно, безъ суда, запретилъ мнѣ священнослуженіе, насильно отрѣшилъ меня отъ церкви, прихода и дома, отправилъ меня въ куряжскій монастырь, а потомъ заперъ въ архіерейскій домъ, не приказалъ никому изъ ближнихъ моихъ приходить ко мнѣ и на мое мѣсто опредѣлить другого. Я же имѣю трехъ сыновъ, обучающихся въ училищахъ, жену и дочь, кои безъ меня могутъ пріити въ жесточайшее и бѣдственное состояніе, но онъ, Христофоръ, ни трудовъ, ни ученія моего, ни заслугъ моихъ не уважая, всѣ мѣры изыскиваетъ еще больше меня обидѣть. Причина же тому, что, когда прispѣтъ праздникъ Рождества и Воскресенія Христова, онъ съ самаго прибытія своего въ Харьковъ по всягодно всему града сего духовенству велитъ приходить къ нему съ визитомъ и приносить въ гостинецъ напитки по росписанію на четыре, пять, шесть и семь рублей изъ церковной суммы, въ чемъ ссылаюсь на всѣхъ харьковскихъ священно-церковно-служителей и ктиторовъ, но я не хожу къ нему съ визитомъ на поклоны, за что нахожусь отъ

его, епископа, въ сильномъ гоненіи и разореніи. Преклоня главу мою подъ державное вашего превосходительства покровительство, смиренно прошу: не отврати лица твоего отъ мене, буди мнѣ въ Бога защитителя и въ домъ прибѣжища, еже спасти мя, да среди церкви воспою тя, да прославится имя твое въ родъ и родъ“. Св. Синодъ предписалъ слободско-украинской консисторіи взять отъ Штанкевскаго показаніе съ ясными доводами и свидѣтельствами на содержаніе его жалобы и особенно по доносу, относящемуся до гнуснаго лихоимства и затѣмъ произвести надлежащее слѣдствіе, а до разсмотрѣнія сего дѣла немедленно освободить его, Штанкевскаго, отъ содержанія въ архіерейскомъ домѣ и опредѣлить по прежнему къ тому-же, Вознесенской церкви, приходу, съ разрѣшеніемъ ему священнослуженія. Дѣло затѣялось не шуточное, тянулось около двухъ лѣтъ и, какъ видно изъ нѣкоторыхъ писемъ преосвященнаго Христофора, не мало беспокоило его. Спрошенные при слѣдствіи по священству пяти градскихъ церквей священники, на коихъ указалъ Штанкевскій, и церковные старосты—по принятіи присяги, показали, что никогда никто не требовалъ у нихъ денегъ отъ церкви, для приноса преосвященному напитковъ въ дни праздниковъ и что они являясь съ визитами къ архіерею, никакими подарками никогда не презентовали его. И, при разсмотрѣніи всѣхъ расходныхъ книгъ церквей градскихъ, ни въ одной не оказался записаннымъ расходъ денегъ на покупку напитковъ преосвященному. Представляя св. Синоду настоящее слѣдственное дѣло и всѣ дѣла, прежде производившіяся о Штанкевскомъ, преосвященный Христофоръ присовокупилъ, что жалоба Штанкевскаго, будто онъ чинилъ ему притѣсненіе, гоненіе и раззореніе, есть не болѣе, какъ опытъ его неблагодарности къ тому снисхожденію, какое онъ оказывалъ ему. Что касается приказа его приносить ему разные гостинцы, то объ этомъ и намѣренія у него никакого никогда не было, почему просить св. Синодъ оказать ему правосудное удовлетвореніе, а клеветѣ—должное воздаяніе. Св. Синодъ, принявъ во вниманіе настоящее дѣло и всѣ бывшія прежде и не видя надежды къ исправленію Штанкевскаго, опредѣлилъ: „по силѣ 42 прав.

св. апостолъ и втораго вселенск. собора главы II, прав. 6-е, *яко лжеца и клеветника*, лишить священническаго сана во вся. И хотя слѣдовало бы, исключая его изъ духовнаго вѣдомства, отослать въ гражданское правительство для опредѣленія, куда годнымъ окажется, но, въ разсужденіи немолодыхъ его лѣтъ и семейства, оставя его въ вѣдомствѣ духовномъ, опредѣлить въ причетническую должность, гдѣ прихожане имѣть его пожелаютъ“. Штанкевскій на объявленный ему сѣнодальный указъ отвѣтилъ консисторіи, что причетническаго мѣста онъ не желаетъ принять, а такъ какъ онъ послалъ всеподданнѣйшую государю императору жалобу на св. Сѣнодъ, то просилъ не беспокоить его, пока не послѣдуетъ Высочайшей конфирмаціи на его дѣло. Штанкевскій вскорѣ послѣ этого скончался.

Слободская Украина, въ лицѣ бывшаго викарія Θεодосійскаго Христофора, получила перваго своего святителя, а Христофоръ въ лицѣ Слободской епархіи унаслѣдовалъ новую, но древле-православную и искони благочестивую паству. Извѣстно, что первые насельники здѣшной страны, послѣ вѣковаго ея опустошенія дикими и свирѣпыми варварами, какъ повѣствуютъ лѣтописныя сказанія, были люди вообще религіозные. Ради сохраненія въ неприкосновенной чистотѣ своего православія, они удалились сюда лѣтъ полтораста тому назадъ изъ западной окраины Россіи, находившейся тогда подъ владычествомъ польско-литовскимъ, гдѣ имъ угрожало отпаденіе отъ православной церкви и совращеніе къ чуждому и ненавистному для нихъ ученію. Отсюда—изъ-за Днѣпровья, предки—малороссійскіе козаки—вынесли теплое религіозное чувство и перенесли на свою новую родину—въ Слободскую Украину православно-церковное братство, полемическую литературу духовнаго содержанія, школы, типографіи и шпитали, вызванные къ жизни бывшимъ тамошнимъ религіознымъ преслѣдованіемъ. Во главѣ всѣхъ этихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій стояло духовенство, не только не порвавшее связей съ народомъ, но, наоборотъ, крѣпко связанное съ нимъ нравственными узами и общими духовными интересами¹⁾. Къ утвержденію и сохраненію въ здѣшной странѣ чистоты пра-

¹⁾ Истор. повѣсти и статьи Г. Квитки, проф. Д. И. Багалія. Кіев. Сг. 1893 г.

вославія и укорененію благочестія, безъ сомнѣнія, весьма много споспѣшествовали, и словомъ ученія, и примѣромъ благочестивой жизни, высшіе блюстители вѣры и благочестія, т. е. епископы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какія высокочтимыя имена встрѣчаются въ лѣтописяхъ здѣшней церковной іерархіи. Вотъ, напримѣръ, приснопамятный Епифаній Тихорскій, этотъ пламенный ревнитель духовнаго просвѣщенія, устроившій въ Харьковѣ высшее духовное училище, изъ котораго такъ много вышло въ послѣдствіи полезныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, какъ на духовномъ, такъ и на другихъ поприщахъ общественнаго служенія. Вотъ Іасафъ Горленко. Въ лицѣ его духовенство имѣло начальника просвѣщеннѣйшаго, дѣятельнаго, добраго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгаго тамъ, гдѣ дѣло касалось чистоты церковныхъ правилъ и благочинія, а вся Слободская Украина — доблестнаго подвижника, бдительнаго стража ея духовно-нравственной жизни, архипастыря высокой, святой жизни. Вотъ Θεоктистъ Мочульскій. Это былъ неутомимый и ревностный архипастырь, просвѣтитель подчиненнаго духовенства и попечительный отецъ всей своей паствы. Онъ оставилъ по себѣ память, какъ славный миссіонеръ, покровитель духовныхъ школъ и вообще духовнаго просвѣщенія и авторъ многочисленныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ богословской науки ¹⁾. А отъ такихъ твердыхъ въ вѣрѣ и благочестіи предковъ, естественно быть такимъ же и потомкамъ. Ибо какъ *по древней притчѣ, отъ беззаконныхъ исходитъ беззаконіе* (1 Цар. 24, 14), такъ, напротивъ, отъ праведныхъ и благочестивыхъ естественно должны исходить правда и благочестіе. Потомки малоросійскихъ козаковъ, за время Христофора, были тверды въ вѣрѣ. Какъ ни сильны были тѣ искушенія, коимъ подвергалась въ то время ихъ вѣра, со стороны вторгавшихся сюда раскольниковъ и разныхъ другихъ сектъ, малороссы, въ силу своей привязанности къ вѣрѣ предковъ, сумѣли сохранить

¹⁾ Преосв. Θεоктистъ — предшественникъ Христофора. Онъ правилъ Бѣлгородскою епархією, въ томъ числѣ и церквами, вошедшими потомъ въ составъ новой Слободско-Украинской, 13 лѣтъ, а собственно Бѣлгородскою 30 лѣтъ. Сконч. въ 1812 г., на 90 г. жизни.

себя отъ всѣхъ прираженій раскола. „Отличительною чертою, и чертою отрадною, высокою, украинскаго малоросса служить то, говоритъ Филаретъ, что онъ не терпитъ раскола¹⁾. И въ прежнее время, не было и нынѣ нѣтъ украинцевъ въ числѣ раскольниковъ. Исключеніе, и то весьма рѣдкое, бывало только тогда, когда какой нибудь сирота или безпріютный бѣднякъ попадался въ семью раскольниковъ зятемъ ея, да и то потомъ легко разставался съ предразсудками суевѣрія. Иначе же и въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ малоруссы живутъ вмѣстѣ съ великоруссами, между первыми не было, и нѣтъ ни одного раскольника“. Въ доказательство, какъ малороссы, живя въ одномъ селѣ съ раскольниками, старались держать себя, какъ можно дальше отъ нихъ, представляемъ слѣдующіе примѣры. Въ малороссійской слободѣ Маяки не было раскольниковъ, но поселились здѣсь русскіе, а съ ними явился расколъ. Впослѣдствіи всѣ великороссы перешли на жительство на рѣку Самару и въ Маякахъ снова не стало ни одного раскольника. Въ малороссійской слободѣ Цареборисовой поселились великороссы—бѣглые, укрывавшіеся отъ суда и помѣщиковъ, въ числѣ болѣе 100 человекъ; скоро появилась здѣсь часовня и бѣглые священники, но малороссы—цареборисовцы, обратились къ правительству съ жалобой на наглость раскольниковъ; оно сломало часовню, выслаго бѣглаго священника и расколъ значительно ослабѣлъ. Въ хуторѣ Гниломъ между малороссами поселились жители изъ разныхъ мѣстъ великой Россіи и съ нимъ появился расколъ. Дабы оградить православныхъ отъ раскола, малороссъ Миронъ Евсюкъ задумалъ было построить храмъ въ своемъ хуторѣ Гниломъ, но сектанты поморской безпоповщины отклоняли православныхъ отъ построенія храма, съ цѣлію плѣнить ихъ въ свою ересь и долго препятствовали исполненію благочестиваго намѣренія Мирона Евсюка. Наглость ересеначальника Прокофія Иванова дошла до того, что онъ, въ званіи апостола, обходилъ дома православныхъ и увѣщевалъ къ поступленію въ расколъ. Вотъ тутъ-то благочестивый старецъ Евсюкъ, ревнуя ко благу православія и видя въ какой опасности находится его

¹⁾ Истор.-статист. опис. Хар. епар. Отд. IV, стр. 245.

братія, оказалъ рѣдкую братскую любовь и самоотверженіе. Онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ избранныхъ жителей, отправился въ Харьковъ къ преосвященному Христофору и разсказалъ о дѣлахъ раскола и бѣдствіяхъ православія. Преосвященный немедленно далъ разрѣшеніе и благословеніе къ собиранію пожертвованій для постройки храма и прислалъ въ х. Гнилое священника Дмитрія Чернявскаго, который, принявъ приходъ въ свое завѣдываніе, тогда-же открылъ богослуженіе на первый разъ въ простой избѣ. Расколъ притихъ и смирился. Разсказываютъ, что, когда по освященіи храма было сорокодневное служеніе, то малороссъ Евсюкъ былъ постояннымъ и повседневымъ молещикомъ въ храмѣ и часто просиживалъ предъ храмомъ по нѣсколько часовъ и долго плакалъ. Конечно это были слезы радости и благодарности ко Всевышнему за то, что онъ сотворилъ съ нимъ великую милость, избравъ его орудіемъ въ построеніи храма и охраненіи чрезъ него своихъ односельцевъ отъ погубительнаго раскола ¹⁾.

Страна, получившая наименованіе Слободско-Украинской, такъ еще недавно (какъ замѣчено было выше) предъ временемъ учрежденія здѣсь самостоятельной епархіи, начала заселяться черкасами, а между тѣмъ, за тотъ промежутокъ времени, здѣсь было построено около 600 храмовъ и воздвигнуто 17 иноческихъ обителей. Въ этихъ обителяхъ находили себѣ тихое пристанище подъ конецъ жизни многіе славные воины; изъ выдающихся мѣстныхъ старшинскихъ фамилій выходили даже настоятели и настоятельницы такихъ монастырей; самыя обители и церкви устранивались иногда представителями тѣхъ-же фамилій, они-же жертвовали на монастыри и храмы разнаго рода вклады: деньгами, книгами, церковными облаченіями, сосудами, иконами, крестами, хоругвями, плащаницами и т. п. ²⁾. А такое благочестіе, такое обиліе Божіихъ храмовъ и обителей, созданныхъ въ странѣ, которая не въ столь еще отдаленное время была почти необитаемою пу-

¹⁾ Истр.-статист. опис. Хар. епар. Отд. V, стр. 274.

²⁾ Истор. повѣсти и статьи Г. Квитки. Проф. Д. И. Багалія. Киев. Стар. 1893 года.

стыней, такіа щедрія на нихъ жертвы и такое стремленіе лучшихъ людей на жительство въ монастыряхъ, служить выразительнѣйшимъ доказательствомъ жизненности религіозныхъ началъ, дѣйствовавшихъ тогда въ обществѣ малороссовъ, свидѣтельствуєтъ объ ревности ко славѣ Божіей и преданности вѣрѣ отцовъ. И въ описываемое время видна эта же самая религіозная черта украинца, т. е. усердіе къ построенію и посѣщенію храмовъ. Бывали случаи, когда трудно было рѣшить, кому слѣдуетъ отдать первенство въ усердіи при созданіи храма, пастырямъ или пасомымъ. Представляемъ въ примѣръ постройку Троицкаго храма въ слободѣ Котельвѣ. Въ 1808 году мая 21 дня, въ три часа по полудни, съ юго-запада нашла страшная дождевая туча, изъ которой послѣдовалъ сильный ударъ въ заломъ сѣвернаго притвора, и церковь до тла сгорѣла. Причтъ и прихожане въ одинъ годъ приготовили матеріалы и въ слѣдующемъ 1809 г. положили основаніе храму. Священникъ Смаковскій неотступно распоряжался постройкою и дѣятельно побуждалъ прихожанъ къ пожертвованіямъ. Другой священникъ Пантелѣевъ съ неусыпнымъ тѣніемъ испрашивалъ доброхотныя пожертвованія по всей Харьковской губерніи, а діаконъ Пуковскій—по всѣмъ донскимъ станицамъ, въ запорожьи и черноморьи, претерпѣвая большія непріятности, въ числѣ которыхъ было даже содержаніе подъ арестомъ. Староста пожертвовалъ отъ себя до 7000 руб. асс., а прихожане отдавали храму и провіантныя деньги, получаемыя съ проходившихъ тогда партій рекрутъ по 200, 300 и 400 руб. асс. Ровно чрезъ три года величественный трехъ—престольный храмъ былъ освященъ ¹⁾. Любовь къ храмозданію—вызывалась иногда дивными событіями. Вотъ на примѣръ, что побудило жителей хутора Осиновки построить у себя каменный храмъ. Приходской храмъ находился на правомъ берегу рѣки Оскола, въ сл. Пристѣнь. Житель хутора, Иванъ Жуковъ и жена его съ груднымъ младенцемъ Марією, 8 іюля 1804 г. въ день храмоваго праздника Божіей Матери, отправились въ Пристѣнь слушать литургію; во время литургіи пріобщали они своего младенца

¹⁾ Истор.-статист. опис. Хар. епар. Отд. III, стр. 81.

св. Евхаристіи. Послѣ обѣдни, побывавъ у родныхъ, возвращались они на лодкѣ чрезъ Осколь и, опрокинувшись, утонули; младенецъ Марія, выпавъ изъ рукъ матери, въ пеленкахъ поплылъ къ берегу и былъ вынутъ изъ воды невредимый. Осиновскій обыватель Димитрій Головковъ тутъ-же у берега рѣки взялъ младенца Марію къ себѣ и воспиталъ, а племянникъ его женился на ней. Марія скончалась въ концѣ сороковыхъ годовъ. Несчастіе съ Жуковымъ и дивное спасеніе младенца такъ поразило хуторянъ, что они тогда-же рѣшили и затѣмъ, по благословенію Христофора, построили каменный храмъ ¹⁾. Въ 1793 году въ слободѣ Сватовой Лучкѣ, при постройкѣ новой церкви, употребили лѣсъ прежняго очень ветхаго храма. Въ 1810 году іюля 6 служили въ немъ литургію и лишь только вышли всѣ изъ храма, онъ палъ, рассыпавшись до основанія. Это дивное храненіе Промысла Божія возбудило во всѣхъ жителяхъ Сватовой слободы желаніе пламенное возблагодарить Господа сооруженіемъ новаго каменнаго храма, на что тогда-же у преосвященнаго Христофора, испросили благословенную грамоту ²⁾. Прихожане Сумской Николаевской церкви, устроивъ въ 1804 году каменную церковь, вынули колонны, которыя поддерживали своды зданія. Въ апрѣлѣ 1806 года этотъ храмъ неожиданно рушился до основанія. Это было въ первый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, спустя какой нибудь часъ послѣ литургіи. На другой же годъ, по благословенію преосвященнаго Христофора, было приступлено къ заложенію новой каменной церкви ³⁾. Одинъ изъ современниковъ Христофора, Харьковскій житель Е. И. Топчій, вспоминая свое дѣтство, говоритъ: „мы ходили въ приходскую Христорождественскую церковь по первому колоку во всѣ воскресные и праздничные дни къ вечернѣ, утренѣ и обѣднѣ. Дѣдъ мой долгое время былъ ктитормъ этой церкви и становился обыкновенно на правомъ клиросѣ, пѣлъ и читалъ, какъ я помню, небольшимъ басомъ. Отецъ мой становился на лѣвомъ клиросѣ и пѣлъ теноромъ. Служащій

¹⁾ Истор.-статист. опис. Хар. епар. Отд. V, стр. 217.

²⁾ Тамъ-же. Отд. V, стр. 294.

³⁾ Тамъ-же. Отд. III, стр. 334.

священникъ съ причтомъ постоянно заходили къ намъ съ обѣдни во всѣ воскресные и праздничные дни, если не отвлекала ихъ треба по приходу или именины достаточнаго прихожанина. Ихъ подчивали водкою, пирогами, приготовлять которые было въ обычаѣ у богатаго и бѣднаго. Помню, что ежегодно въ храмовой праздникъ нашей приходской церкви служилъ литургію преосвященный епископъ Христофоръ, потомъ обѣдалъ и весь день проводилъ у дѣда моего; другой столъ накрывался на дворѣ подъ навѣсомъ. Здѣсь угощалась нищая братія, несмотря на холодъ, обыкновенно бывающій въ это время года. Тогда храмовой праздникъ считался весьма важнымъ событіемъ для прихожанина; въ этотъ день и бѣднякъ приглашалъ къ себѣ обѣдать гостя изъ другаго прихода, давалъ милостыню нищимъ щедрѣе обыкновеннаго. Теперь въ Харьковѣ, продолжаетъ Топчій, храмовой праздникъ проходить едва замѣтно для прихожанъ; нѣкоторые считаютъ его только церковнымъ торжествомъ, до нихъ не относящимся, и даже не бываютъ на обѣднѣ¹⁾. Угощать въ храмовой праздникъ нищимъ (старцевъ) обѣдомъ было обычаемъ существовавшихъ въ Малороссіи церковныхъ братствъ, на обязанности которыхъ между прочимъ лежало содержаніе церкви и нищихъ. За время Христофора еще оставались цѣлы при Харьковской Христорождественской, Николаевской и Вознесенской церквяхъ *братерскіе дома*, гдѣ братчики въ прежнее время совѣщались о своихъ дѣлахъ и *шпиталь* (богадѣльня) при Троицкой церкви, гдѣ жили церковные нищіе. Это памятники такъ еще недавно предъ симъ живой, но въ описываемое время почти уже угасшей дѣятельности церковныхъ братствъ — этихъ прекрасныхъ религіозно-благотворительныхъ учреждений, которыя были занесены сюда изъ за Днѣпра черкасами — предками украинцевъ. Впрочемъ при нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ сельскимъ храмамъ и за время Христофора еще держались братства (особые кружки лучшихъ людей въ приходѣ), дѣятельность коихъ проявлялась почти исключительно въ храмовые праздники. Обыкновенно, предъ этимъ праздникомъ церковный староста собиралъ отъ прихожанъ добротны

1) Южный Край 1883 г., № 874.

подаванія, готовилъ медъ и въ праздникъ ставилъ такъ называвшійся *братскій столъ*, къ которому приглашались священникъ, церковно-служители и прихожане. При этомъ для всего села въ братскомъ дворѣ производилась продажа братскаго меда и выручаемыя деньги обращались въ пользу церкви, съ отдѣленіемъ нѣкоторой части для нищихъ. Священникъ слободы Черкасской Лозовой Крестовоздвиженской церкви, Даміанъ Лобковскій и ктиторъ Иванъ Колесниковъ въ 1807 г. доносили преосвященному Христофору, что со дня храмоваго ихъ праздника Воздвиженія Креста Господня, остававшіеся отъ разсыпки для братскаго стола четыре пуда меда, хранившагося около церкви въ братской клѣтѣ, невѣдомо кѣмъ, по сломаніи замка, 5 декабря украдены ¹⁾. Отсюда ясно открывается, что при церкви слободы Черкасской Лозовой въ 1807 г. было церковное братство, была клѣтѣ, т. е. домъ братскій и, по заднѣпровскому обычаю, въ храмовой праздникъ выставлялся братскій медъ. Кромѣ церковныхъ братствъ существовали *цеховыя братства* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили ремесленники. Это учрежденіе также древнее, какъ и церковныя братства, но съ болѣе ограниченными цѣлями и средствами. Цехи имѣли свои братерскіе дома и пособляли нуждамъ церкви и прихода. Для этой цѣли каждый мастеръ, за право производить свое ремесло, вносилъ извѣстную подать въ пользу приходскаго храма. Хотя въ 1763 году подать эту гражданское правительство обратило въ пользу государства, но эти цеховыя братства, единственно на воспоминаніе о прошедшемъ, еще довольно долго продолжали складчину въ пользу своего приходскаго храма и берегли свой братерскій домъ. Такъ, въ сл. Боромлѣ, въ началѣ этого столѣтія, еще существовало при Рождество-Богородичной церкви *цеховое братство художниковъ сапожничьяго цеху*, что видно изъ приговора членовъ этого братства, который они подали въ 1804 году преосв. Христофору ²⁾, утверждая въ немъ, что священникъ Прокофій Стаховскій несправедливо присвоилъ къ своей Троицкой церкви братерскій домъ, который издревле состоялъ въ приходѣ

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1807 г. № 42.

²⁾ Дѣло Конс. 1805 г.

Рождество-Богородичной церкви; они просили оставить этотъ домъ по прежнему при церкви ихъ прихода. Вотъ и еще одинъ прекрасный обычай приходскаго праздника: въ слободѣ Крючикѣ въ имѣніи извѣстнаго помѣщика В. Н. Каразина, въ храмовой праздникъ—въ день Воздвиженья Креста Господня, почетные прихожане собирались въ домъ, гдѣ разбирались всѣ дѣла крестьянъ сего помѣщика и здѣсь, по выслушаніи молебна, обсуждалась и потомъ тутъ же выдавалась денежная премія двумъ крестьянамъ, присужденная имъ сельскою думою за отличное веденіе въ теченіи года сельскаго своего хозяйства. Еще болѣе торжественно праздновали въ старину праздникъ Пасхи. „Въ теченіи страстной седмицы, говоритъ Топчій, заготовлялось весьма много пасокъ и мясного, а въ послѣдніе дни все это развозилось и раздавалось нищимъ и заключеннымъ въ тюрьмѣ. Тогда каждый сколько нибудь зажиточный горожанинъ считалъ для себя священною обязанностію надѣлать стѣстнымъ своего неимущаго ближняго на всю свѣтлую недѣлю, сдѣлать для него по возможности радостнымъ праздникъ изъ праздниковъ. И дѣйствительно, въ то время, продолжаетъ Топчій, Свѣтлое Христово-Воскресеніе было праздникомъ изъ праздниковъ, торжествомъ изъ торжествъ для всѣхъ сословій, для богатаго и бѣднаго. Во всю свѣтлую седмицу церкви были полны народу—въ заутрени, обѣдни и вечерни, а остальное время дня проводили съ родными и знакомыми,—сами въ гостяхъ, или принимая у себя гостей; въ эти дни никто не скучалъ, сидя одинъ дома, и не былъ, какъ теперь, вынужденъ искать разсѣянія за деньги въ публичныхъ увеселеніяхъ“¹⁾).

Изъ среды набожныхъ украинцевъ, нѣкоторые лица особенно выдѣлялись за время Христофора своимъ благочестіемъ. Такъ, ротмистръ Михаилъ Булацель, строитель храма въ сл. Волосской-Балаклеикѣ былъ человѣкъ благородный, добрый и набожный и особенно милосердый къ меньшимъ братіямъ Иисуса Христа. Никто изъ немощныхъ и требующихъ помощи не отходилъ отъ него, не бывъ призрѣнъ его щедрою благо-

¹⁾ Южный Край 1883 г., № 874.

творительностію ¹⁾). Генераль маіорша, вдова Параскева Михайловна Штеричева, извѣстна какъ создательница величественнаго храма въ сл. Штеповкѣ. Проживая въ деревнѣ Басы Сумскаго уѣзда, она устроила въ своемъ домѣ церковь въ честь Вознесенія Господня ²⁾). Для совершенія богослуженія, Штеричева имѣла особаго священника, который пользовался полнымъ ея содержаніемъ и жилъ при ея домѣ. Тутъ же жилъ и регентъ, который обучалъ крестьянскихъ мальчиковъ церковному пѣнію. „Генеральша Штеричева, замѣчаетъ современный свидѣтель ея домашней жизни, была набожная: непремѣнно каждый день она бывала у заутрени и обѣдни. По вечерамъ приглашала къ себѣ своего священника и толковала съ нимъ о разныхъ текстахъ евангелія и посланій апостольскихъ. Священникъ этотъ, говоритъ авторъ воспоминаній, былъ почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставлялъ я читающаго правило, или духовныя бесѣды, изданныя при синодѣ“. Скончалась Штеричева въ 1812 г. ³⁾). Владѣтель сл. Ивановки Андрей Ивановъ Ковалевскій былъ добръ, набоженъ и любилъ принимать къ себѣ странниковъ. Но особенно онъ извѣстенъ по дружбѣ своей съ извѣстнымъ малороссійскимъ философомъ Григоріемъ Саввичемъ Сковородою, котораго онъ сперва принялъ къ себѣ какъ странника, а потомъ тотъ нашелъ у него и послѣдній свой покой—могилу ⁴⁾). Помѣщикъ Андрей Ивановичъ Островерховъ, создатель въ 1799 г. храма въ своемъ имѣніи сл. Одринкѣ. Онъ любилъ духовенство и щедро дѣлился съ нимъ земными благами, кои даны были ему Промысломъ. Особенно любовь къ нищимъ развита была въ домѣ его въ высокой степени. Разъ въ праздникъ явился къ нему отставной солдатъ въ рубашкѣ. Давъ ему верхнее платье, онъ увидѣлъ, что рубашка у него

¹⁾ Истор.-стат. опис. Х. епар. Отд. V, стр. 221.

²⁾ Церковь эта существуетъ до сихъ поръ. Въ 1897 г. 10 апрѣля ей исполнится 100 лѣтъ. Св. антиминъ, на которомъ и теперь совершается Бож. литургія, по своей древности, есть единственный въ церквахъ Харьковской епархіи. Со дня освященія его 20 марта—1793 г. ему уже окончилось 100 лѣтъ, но онъ совершенно цѣлъ.

³⁾ Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 35.

⁴⁾ Истор.-стат. опис. Х. епар. Отд. II, стр. 125.

вся въ дырахъ и лоскуткахъ и попросилъ у своей старушки, чтобы та дала ему рубашку. Та не хотѣла дать, жалуясь на его излишнюю щедрость. Онъ снялъ съ себя рубашку и облекъ ею гостя и, когда жена подала для него самого рубашку, онъ отдалъ ее бѣдняку въ запасъ на будущее, отъ имени жены своей ¹⁾. Григорій Никитниковъ (управляющій имѣніями помѣщика Дякова съ 1802 по 1824 годъ), живя, въ сл. Штормовой, болѣе чѣмъ за версту отъ храма, не упускалъ ни одного богослуженія, чтобы не быть съ семействомъ въ храмѣ; ни зима, ни осень, ни темная ночь не удерживали его отъ святаго намѣренія. вмѣстѣ съ тѣмъ, у него было положено одѣлать каждый годъ одеждою и обувью отъ 20 до 30-ти человѣкъ; онъ дѣлалъ подаванія церквамъ и монастырямъ, особенно Хорошевскому, гдѣ подвизалась и скончалась дочь его, дѣвица Варвара, въ монашествѣ Серафима ²⁾. Подъ вліяніемъ истинно религіознаго чувства, нѣкоторые изъ украинцевъ, современныхъ Христофору, проводили жизнь въ уединеніи, постѣ и молитвѣ. Оставляя домъ, уходили въ пустынные мѣста, береговныя пещеры и здѣсь „спасались о Христѣ“; на этомъ поприщѣ являлись истинные подвижники, высокіе молитвенники. Таковъ былъ помѣщикъ Егоръ Яковлевичъ Тихоцкій, строитель храма въ сл. Верхней Дуванкѣ. Вся жизнь его состояла въ занятіяхъ, трудахъ и заботахъ о храмѣ и въ подвигахъ благочестія: онъ проводилъ жизнь уединенную въ постѣ и молитвѣ и не пропускалъ ни одного богослуженія храма ³⁾. Дворянинъ Иванъ Ивановичъ Квитка, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ, ибо онъ имѣлъ у себя на Основѣ особенное уединенное жилище и, кромѣ храма, другая дорога у него была къ мѣстному архіерею, для благочестивой бесѣды съ нимъ ⁴⁾. Таковъ-же былъ казенный крестьянинъ сл. Гороховатки Матеей Ляхъ. Будучи уже въ глубокой старости, а именно на 85 году своей жизни, удалившись отъ міра и семейства своего и заключивъ

¹⁾ Истор.-стат. опис. Х. епар. Отд. II, стр. 294—295.

²⁾ Тамъ же. Отд. V, стр. 359.

³⁾ Тамъ же. Отд. V, стр. 240.

⁴⁾ Тамъ же. Отд. II, стр. 132.

себя, какъ пустынный, въ бѣдную и тѣсную, отдѣльно стоявшую хижину, провелъ въ ней 15 лѣтъ въ непрестанномъ бдѣніи, постѣ и молитвѣ, и въ семъ глубокомъ уединеніи, въ семъ благочестивомъ подвигѣ скончался 1814 года ноября 22 дня, на сотомъ году своей жизни, какъ истинно благочестивый христіанинъ¹⁾. Особенно удивительную жизнь проводилъ при Христофорѣ казенный крестьянинъ сл. Закамьянки Димитрій Горскій. Въ молодости онъ женатъ былъ и имѣлъ двухъ дѣтей. До 42-хъ лѣтъ прожилъ онъ въ своей семьѣ. При какой то домашней размолвкѣ, Димитрій, увлеченный гнѣвомъ, ударилъ рукою своего отца. Тяжкій грѣхъ преступной дерзости сына противъ отца легъ камнемъ на душу сына, совѣсть сильно мучила его. Онъ пошелъ въ Кіевъ поклониться св. мѣстамъ; тамъ открылъ онъ растерзанную душу свою духовнику іеромонаху; тотъ, объясняя ему важность грѣха его, напомнилъ ему о словахъ Спасителя: *аще соблазняетъ рука твоя, отсѣчи ю*. Слова эти такъ поразили Димитрія, что, возвратясь изъ Кіева, онъ отсѣкъ кисть лѣвой руки своей, которую поднималъ на отца, и удалился изъ дома. На правомъ берегу Айдары, въ горѣ, устроилъ онъ себѣ хижину и тамъ проводилъ остальную жизнь. Постъ хранилъ строгій: никогда не ѣлъ рыбы; великимъ постомъ принималъ пищу только два раза въ недѣлю, а къ концу жизни, по принятіи св. таинъ, во всю недѣлю довольствовался одною просфорою. Изучась грамотѣ уже въ отшельнической хижинѣ своей, онъ читалъ день и ночь псалтырь и молился. Не имѣлъ попеченія ни о чемъ житейскомъ; хлѣбъ, овощи, одежду принималъ отъ подающихъ только тогда, когда хотѣлъ подать кому либо другому, или когда для него самого была настоящая нужда въ чемъ либо; денегъ же ни въ какомъ случаѣ не бралъ, а давалъ совѣтъ отдать въ храмъ Божій. Пока былъ въ силахъ, неопустительно посѣщалъ храмъ Божій. Иногда выходилъ на вершину горы, при которой была его келья, рано утромъ или поздно вечеромъ, и, сядя на камнѣ, бесѣдовалъ съ приходившими къ нему. Впрочемъ, не легко было видѣть его: онъ рѣдко отворялъ келью и никогда—не кончивъ молитвы. Объ

¹⁾ Ист.-ст. оп. X. епар. Отд. V, стр. 228.

отсѣченной рукѣ его надобно сказать, что, оставшись при кисти только на одной кожѣ, она впослѣдствіи срослась сама собой, хотя ни кистью, ни пальцами онъ уже не владѣлъ. Скончался онъ 88 лѣтъ. Жители Закамьянки и другихъ слободъ чтятъ память его, поминая его въ своихъ молитвахъ. Келья его понынѣ цѣла съ двумя иконами св. Димитрія и Божіей Матери, предъ которыми онъ молился; здѣсь теплится лампада¹⁾.

Въ средѣ малорусскихъ дворянъ у Христофора была богатая родня. Изъ родныхъ братьевъ его извѣстны Семенъ Семеновичъ—надворный совѣтникъ († 1788 г.), Акимъ Семеновичъ—тайный совѣтникъ († 1818 г.), Евстафій Семеновичъ—секундъ-маіоръ († 1769 г.) и Григорій Семеновичъ. Последний съ 1766 г. извѣстенъ, какъ монахъ Мотронинскаго монастыря. Изъ сестеръ — Марія Семеновна была замужемъ за бригадиромъ Андреемъ Ивановичемъ Новицкимъ († 1798 г.), Евдокія Семеновна—за помѣщикомъ Григоріемъ Васильевичемъ Перекрестовымъ († 1798 г.), Пелагея Семеновна — за нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Ивановичемъ Разумовскимъ († 1792 г.). Всѣ они, за исключеніемъ Григорія Семеновича, владѣли помѣстьями въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Дворяне Савичи, Кованьки, Мухановы, Генриковы, жившіе въ Слободской Украинѣ, были въ родствѣ съ Христофоромъ. Съ родными своими Христофоръ велъ обширную переписку²⁾, переписывался съ епископами и со многими свѣтскими высокопоставленными лицами³⁾. Родная сестра Христофора

¹⁾ Ист.-ст. оп. X. еп. Отд. V, стр. 320.

²⁾ Чаше всего у Христофора шла переписка съ братомъ Акимомъ Семеновичемъ, владѣвшимъ имѣніями, гдѣ жилали ихъ родители (Сулимовка, Барышевка). Акимъ Сулима былъ человекъ образованный, зналъ французскій и латинскій языки, послѣдній нерѣдко употреблялъ въ письмахъ къ Христофору. Онъ долго состоялъ на гражданской службѣ и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, со звѣздой св. Станислава, занималъ въ Черниговской губерніи, гдѣ были имѣнія его жены, довольно видныя должности. Въ письмахъ къ брату Христофору А. С. извѣщалъ его о своихъ семейныхъ и хозяйственныхъ занятіяхъ, дѣлился съ нимъ разными государственными и мѣстными новостями. Два сына Акима Семеновича, получившіе образованіе въ Московскомъ и Геттингенскомъ университетѣ, извѣщали своего дядюшку о своихъ успѣхахъ по наукамъ, а потомъ и по службѣ. Христофоръ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ хвалилъ ихъ за успѣхи и вообще съ большимъ сочувствіемъ относился къ нимъ.

³⁾ Таковы лица изъ іерархіи духовной: Θεоктистъ, архіепископъ Курскій,

Пелагія Семеновна Разумовская, будучи бездѣтна, по смерти своего мужа, все свое благопріобрѣтенное имѣніе какъ-то: села Пашковку и Драгуновку и хуторъ Верещовку съ людьми, съ ихъ движимыми и недвижимыми имѣніями, жилой домъ съ дворомъ, пашенныя и сѣнокосныя земли, лѣса и всѣ угодья, а также домъ и водяную мельницу въ городѣ Нѣжинѣ—завѣщала родному своему брату Христофору, бывшему тогда настоятелемъ Гамалѣевскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы онъ владѣлъ и располагалъ онымъ такъ, какъ полный и законный владѣлецъ. При этомъ въ завѣщаніи, утвержденномъ 20 іюля 1792 г. Нѣжинскимъ земскимъ судомъ, было сказано, что если онъ, архимандритъ, встрѣтитъ каковыя либо причины, отъемляющія возможность владѣть этими имѣніями и крестьянами самому лично и непосредственно, то она, Разумовская, предоставляетъ ему право въ цѣлости, или по частямъ продать, кому захочетъ, или отдать родственникамъ, кому и какъ самъ заблагоразсудитъ. Христофоръ подарилъ это имѣніе въ вѣчное и потомственное владѣніе двоюродной сестрѣ своей Татьянѣ Васильевнѣ Савичевой-Володковской, женѣ умершаго бунчуковаго товарища. Даръ этотъ онъ обусловилъ слѣдующими требованіями: а) чтобы она, Савичева, родную сестру его Христофора, Евдокію Семеновну, по мужу Осипову—Перекрестову, до смерти содержала въ довольствѣ, требуемомъ благороднымъ ея достоинствомъ, б) какъ слѣдуетъ воспитала двухъ своихъ дочерей, а его племянницъ, и приготовила приличное имъ приданное, в) чтобы по выходѣ ихъ замужъ имѣніе это было раздѣлено между ними обѣими пополамъ и затѣмъ должно переходить по завѣщанію или по продажѣ изъ

Феофанъ Полтавскій, Амвросій, митрополитъ Новгородскій, Іерофей Кіевскій и др.; изъ свѣтскихъ: князья Голицынь, Хованскій, графы Безбородко, Кочубей, Троицкскій, Потоцкій и др. По содержанію своему письма эти не представляютъ чего либо общенитереснаго. Большая часть изъ нихъ поздравительныя и заключаютъ въ себѣ выраженія взаимныхъ чувствъ и благопожеланій по поводу новаго года, дня тезоименитства и т. п. Огромная переписка Христофора, послѣ его смерти перешла въ собственность протодіакона Іакова Александрова, но въ настоящее время отъ нея и слѣдовъ нѣтъ. Совершенно изъ другихъ рукъ досталось намъ нѣсколько писемъ Христофоровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые были нами напечатаны въ 1865 году въ издававшемся при Харьковской семинаріи журналѣ „Духовный Дневникъ“.

рода въ родъ, но въ постороннія руки отнюдь никогда не должно поступать и г) чтобы ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ, доставляла ему изъ доходовъ имѣнія 150 руб. и изъ экономіи въ определенной мѣрѣ потребную провизію. Эта дарственная передача была утверждена уѣзднымъ судомъ Черниговскаго намѣстничества ¹⁾. Передавъ имѣніе госпожѣ Савичевой, онъ нѣсколько семействъ изъ дворовыхъ крестьянъ Разумовскаго взялъ къ себѣ и они, всюду за нимъ слѣдуя, исполняли обязанности прислуги, какъ-то: кучера, повара, истопника, ключника, лакея и т. п. Въ годъ назначенія въ Харьковъ онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отпустилъ на волю, а другихъ опредѣлилъ въ Харьковѣ на сторожевскіе должности при катедральномъ Покровскомъ Соборѣ: такъ напр. въ 1801 году онъ объявилъ консисторіи свою волю въ слѣдующемъ: „Власъ Шпиленко былъ моимъ крестьяниномъ и въ собственной моей службѣ, но нынѣ мною изъ крестьянъ на волю на всегда уволенъ въ *церковный причтъ*“. Не задолго до своей кончины Христофоръ всѣмъ остальнымъ крестьянамъ выдалъ такъ называемыя „отпускныя“, наградивши ихъ деньгами для первоначальнаго обзаведенія. Они поселились въ Харьковѣ, приобрѣли здѣсь недвижимую собственность и долго были извѣстны, подъ названіемъ Христофоровскихъ крестьянъ. Еще въ 1780 году въ сл. Пашковкѣ былъ устроенъ Разумовскими храмъ въ честь Преображенія Господня, при которомъ они потомъ были похоронены. Этому храму много благодѣтельствовали Разумовская и преосвященный Христофоръ. Послѣдній въ 1802 году пожертвовалъ богатую ризницу, утварь и богослужебныя книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Цѣлы еще и теперь серебряное кадило 84 пробы, вѣсомъ одинъ фунтъ и 24 золотника—даръ епископа Христофора, и полный кругъ богослужебныхъ книгъ. На одной изъ этихъ книгъ хранится слѣдующая собственноручная надпись Христофора: „Харьковъ 1802 года Іюня 6-го дня отъ бывшаго въ Крыму въ 1798 году по 1800 годъ Θεодосійскаго и Маріупольскаго, а нынѣ Слободскаго Украинскаго и Харь-

¹⁾ Прибавл. къ Чернигов. Извѣст., изд. 1877 г., вып. VII, стр. 180.

ковскаго епископа Христофора Сулимы Черниговской Малороссійской губерніи, Нѣжинскаго повѣта села Пашковки, въ церковь Преображенія Господня въ память свою и родной сестры своей Пелагіи полковницы Разумовской, записавшей ему, епископу, въ 1792 году Іюля въ 20-й день оное село Пашковку во владѣніе“¹⁾. Христофоръ много благодѣтельствовавъ храму, находившемуся въ селѣ Сулимовкѣ, родовомъ имѣніи фамиліи Сулимъ. „Церковь сулимовская, пишетъ Христофору его родной братъ Акимъ Сулима, владѣлецъ с. Сулимовки, *толь богато отъ васъ снабждаемая*, произнесеніемъ имени вашего при всякой отправѣ возглашаетъ къ вамъ свое и погребенныхъ въ ней“²⁾ признаніе: *коликожъ мое къ вамъ“?*

Наступилъ 1812 годъ, столь извѣстный войною съ Наполеономъ и полчищами западно европейскихъ народовъ. Этотъ годъ былъ послѣднимъ въ служебной дѣятельности Христофора. Вся Русь тогда поднялась на спасеніе отечества. Духовенство Слободско-Украинской епархіи отозвалось на отечественное бѣдствіе пожертвованіемъ семи тысячъ рублей и нѣсколькихъ слитковъ серебра отъ Куряжскаго монастыря и нѣкоторыхъ уѣздныхъ соборовъ. Изъ мѣстъ, занятыхъ непріателемъ, многіе жители бѣжали на югъ Россіи, нѣкоторые изъ нихъ очутились въ Харьковѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. По распоряженію Христофора 16 мужчинъ, на время войны, были размѣщены въ Куряжскомъ монастырѣ, а 25 женщинъ въ женскомъ Харьковскомъ. Необучавшіеся въ школахъ и жившіе праздно при отцахъ своихъ, а также причетники, от-

1) Тамъ же, стр. 183. Пашковка потомъ поступила во владѣніе племянницы Христофора Ефросиніи Крушновской (урожденной Владковской) женѣ маіора кавалера и Мальтійскаго командора Ивана Филипповича Крушновскаго съ правомъ маіоратнымъ, почему имѣніе это досталось во владѣніе старшему сыну ихъ, поручику Еженію Ивановичу Крушновскому. Пока старики Крушновскіе были въ живыхъ, причтъ Пашковской церкви, равно и сама церковь, продолжали пользоваться щедрыми ихъ благотвореніями, по смерти же ихъ средства содержанія причта оскудѣли, даже земли 33 десятины Крушновскій взялъ въ свою собственность, храмъ былъ приписанъ къ сосѣдней церкви. Тамъ же, стр. 160.

2) Братъ Христофора Акимъ Сулима въ своемъ дневникѣ (на французскомъ языкѣ) пишетъ: „въ 1788 году 1 Сентября умеръ въ сл. Барышевкѣ мой старшій братъ Семъль Семеновичъ и 3-го числа того-же мѣсяца погребенъ въ Сулимовкѣ подъ церковію, *идѣ похоронены наши предки*“. (Сулим. архивъ Лазаревскаго, стр. 161).

рѣшенные за дурное поведеніе отъ мѣста, согласно Высочайшему повелѣнію, были отправлены въ дѣйствующія войска. Когда война потребовала новыхъ жертвъ, то согласно указу св. Синода, объявлено было семинаристамъ не выше риторическаго класса и всѣмъ причетникамъ, что они добровольно могутъ идти въ ряды христолюбиваго воинства. На это объявленіе сразу вызвались и охотно стали въ ряды защитниковъ отечества пятнадцать учениковъ коллегіума. Одежда и оружіе были куплены для нихъ на церковную кошелековую сумму. Въ числѣ этихъ первыхъ добровольцевъ былъ сынъ извѣстнаго въ то время Валковскаго протоіерея, о. Василия Снѣсарева. Онъ былъ даровитый юноша и подавалъ большія надежды, но на Бородинскомъ полѣ легъ на вѣчный покой ¹⁾. Причетниковъ, отданныхъ въ военную службу за дурное поведеніе и поступившихъ туда по доброй волѣ, было довольно значительное число, что видно уже изъ того, что въ 1813 году свободныхъ причетническихъ мѣстъ во всей епархіи оказалось свыше двухсотъ.

Въ концѣ 1812-го года Христофоръ чувствовалъ себя настолько слабымъ, что 16 ноября послалъ на Высочайшее имя въ святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи его отъ епархіи. Въ этомъ-же мѣсяцѣ онъ написалъ дополненіе къ своему духовному завѣщанію, составленному 30 января 1811 года. Вотъ его прошеніе. „Проходя служеніе по иночеству съ 1765 года, въ разныхъ бывшихъ возлагаемыми на меня начальствами послушаніяхъ и опредѣляемыхъ мнѣ должностяхъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ имѣющіеся въ св. Синодѣ послужные списки, произведенъ я въ 1798 году во епископа въ бывшую Феодосійскую епархію, за уничтоженіемъ коей переведенъ въ 1799 году въ Слободско-Украинскую съ жалованьемъ на второклассную епархію положеннымъ ²⁾, гдѣ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему благоволенію удостоенъ ордена св. Анны 1-й степени. Нынѣ, когда уже отъ долговременной службы и трудовъ здоровье мое и зрѣніе глазъ

¹⁾ Ист.-статис. опис. х. епархіи. Отд. II, стр. 227.

²⁾ На содержанія архіерея 16 октября 1799 г. ассигновано было на жалованье 1000 р. ассиг. и на провіантъ 1600 руб. асс.

пришли въ крайнее ослабленіе, такъ что я затѣмъ ни богослуженія, ни по должности моей исправлять нахожу себя совершенно не въ силахъ, всеподданнѣйшее прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повѣлѣно было св. Правительствующему Синоду, по означеннымъ причинамъ, меня отъ службы уволнить, со всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ въ награду трудовъ моихъ и въ уваженіе болѣзней и старости моей пенсіи для моего содержанія, и притомъ повелѣть мнѣ имѣть жилище сей-же епархіи въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ общежительномъ монастырѣ¹⁾. На докладъ св. Синода 6 февраля 1813 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе на увольненіе его по старости и болѣзни на покой, съ дозволеніемъ жить въ Куряжскомъ монастырѣ съ предоставленіемъ, во вниманіе немаловременнаго служенія его, пенсіи 1200 руб. асс. ежегодно по смерти изъ суммъ, ассигнованныхъ на духовный департаментъ. При этомъ повелѣно до назначенія новаго архипастыря дѣла, относящіяся до архіерейскаго разрѣшенія представлять преосвященному Θεоктисту, архіепископу Курскому¹⁾. Уже будучи больной, въ началѣ Апрѣля онъ переѣхалъ на жительство въ Куряжскій монастырь и занялъ здѣсь келліи, въ коихъ прежде, во время лѣта, живалъ, и кои вновь, на свой счетъ ремонтировалъ. Консисторія предписала строителю и братіи монастыря сохранять къ особѣ его Преосвященства полное должное почтеніе и уваженіе. Здѣсь онъ скоро слегъ въ постель и 17 мая въ 4 часа пополудни скончался на 78 г. жизни. На другой день послѣ ранней литургіи духовенство Харьковскихъ церквей въ Успенскомъ соборѣ, отправило по усопшемъ своемъ архипастырѣ панихиду. Граждане и духовенство города Харькова чрезъ нарочито посланнаго просили преосвященнаго Бѣлгородскаго Θεоктиста прибыть въ Харьковъ на погребеніе. Преосвященный письменно отвѣчалъ, что онъ усердно желалъбы отдать покойному послѣдній долгъ, но собственныя его силы каждый день примѣтно ослабѣваютъ, притомъ-же умножившіяся епаршескія дѣла, медленія нетерпящія и требующія лич-

¹⁾ Указъ св. Синода отъ 10 марта 1813 г., за № 1087.

наго его разсмотрѣнія и рѣшенія главнымъ препятствіемъ къ тому служатъ. При этомъ онъ выразилъ надежду, что духовная консисторія распорядится совершить погребеніе съ приличною почестію, каковую чада слободо-украинскія паствы обязаны оказать своему бывшему архипастырю. Тѣло почившаго владыки 19 мая духовенствомъ и братією Куряжскаго монастыря, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, было перенесено въ Харьковъ въ нижнюю Трехсвятительскую церковь Покровскаго собора, гдѣ на другой день, по совершеніи литургіи, было, по чиноположенію, отпѣто и предано землѣ подъ сводами этой церкви, въ мѣстѣ нарочито для этого покойнымъ устроенномъ. Книги его, въ количествѣ 500 экземпляровъ, согласно духовному его завѣщанію, поступили въ коллегіумскую бібліотеку, иконы, бывшія въ его келліяхъ, мебель и прочія разныя вещи, оставшіяся въ покояхъ Покровскаго и Куряжскаго монастыря, экипажи, лошади, рогатый скотъ, какъ свое благопріобрѣтенное имущество, онъ завѣщалъ въ собственность будущаго здѣшняго архіерея, а тѣ вещи, какія оказались въ комодахъ, шкафахъ, сундукахъ и прочихъ сему подобныхъ мѣстахъ, завѣщалъ племянницѣ Евфросиніи Яковлевнѣ Крушовской ¹⁾.

Преосвященный Христофоръ управлялъ Слободско-Украинскою епархіею 12 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 17 дней и оставилъ по себѣ добрую память.

Уже въ первый годъ служенія Христофора харьковскій коллегіумъ привѣтствовалъ его исполненіемъ своихъ завѣтныхъ надеждъ. Вотъ что говорилъ одинъ изъ студентовъ Богословія по случаю дня его ангела (9 мая 1800 г.):

„Богоизбранный мужъ, нашъ пастырь Христофоръ!

Позволь, да юныхъ музъ Украинскихъ соборъ

Откроетъ чувства передъ тобой душевны!

Позволь; да радостью сердечной восхищены

¹⁾ Крушовскій Иванъ Филипповичъ жаловался св. Синоду на Харьк. духовную консисторію за то, что она, оставшіяся по смерти Христофора нѣкоторыя вещи и разнаго рода напитки удержала у себя. Жалоба эта оказалась несправедливой. (Указ. св. Сун. отъ 23 дек. 1813 г. № 3775 и 1814 г. отъ 16 Іюня, за № 1632).

Святительскихъ добротъ твоихъ ликъ воспоешь,
 И жертву истинной хвалы тебѣ пожретъ.
 Долгъ благодарности къ сему насъ убѣждаетъ
 А искренность сердецъ языкомъ управляетъ.
 Державы Русскія премудрѣйшій монархъ
 Когда изрекъ: да ты великій іерархъ
 Въ украинской странѣ власть пастырску поставишь
 И счастье ея возвысишь и прославишь.
 Всеобща о тебѣ молва вѣщала такъ:
 „Онъ добръ, онъ милостивъ, отца въ немъ узреть всякъ.“
 Вѣщала—и сердца надеждой ободрялись;
 Всѣхъ мысли о тебѣ и души восхищались.
 „Онъ добръ“? взывали всѣ. „Онъ будетъ нашъ отецъ?
 О! поспѣши ему въ пути благій Творецъ“.
 И се (благодаримъ вселенныя Творца)
 Въ тебѣ мы истинно узрѣли всѣ отца.
 Ты все сіе въ себѣ, о, пастырь нашъ, вмѣщаешь;
 Ты всѣ часы на то лишь посвящаешь,
 Чтобъ всѣмъ и каждому добро одно творить,
 Чтобъ всѣхъ и каждого блаженства утвердить.
 Наукъ ты меценать,—трудоу, заслугъ—награда;
 Ты сиротамъ—отецъ, гонимымъ—щитъ, ограда.
 О! продолжай творить добро великій мужъ
 Толикимъ тысящамъ тебѣ врученныхъ душъ,
 Окрестныя страны намъ будутъ удивляться
 Дѣянiя твои въ потомствѣ возвѣстятся“.

Нѣкоторые изъ современниковъ Христофора, хорошо его знавшихъ, въ своихъ воспоминанiяхъ оставили о немъ очень добрые отзывы. „Въ мое время, говоритъ воспитанникъ коллегіума, дворянинъ Ефимъ Ивановичъ Топчій, управлялъ епархіею епископъ Христофоръ по фамиліи Сулима, поступившій въ монашество изъ дворянъ Полтавской губерніи. Онъ былъ неученый, но его всѣ любили за доброту и доступность—равно для богатаго и бѣднаго“ ¹⁾. Григорій Пѣхотинскій,

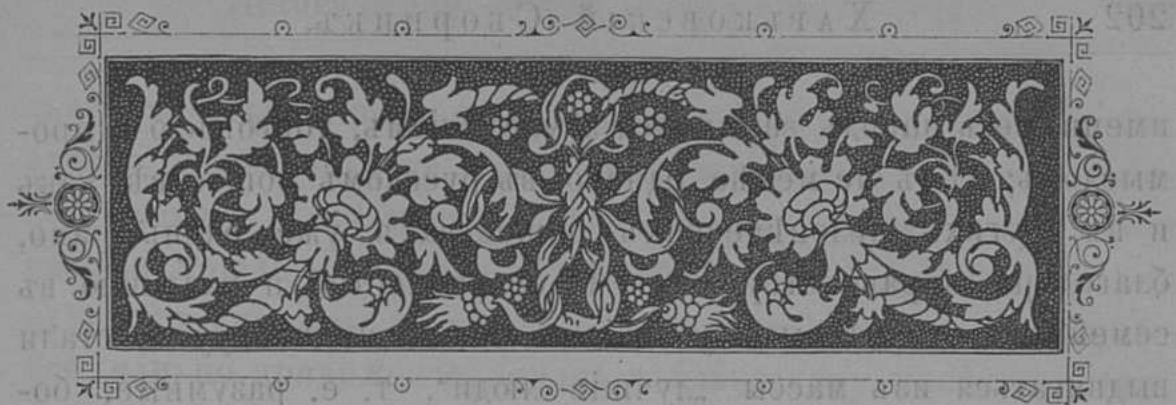
¹⁾ Южный Край 1883 г. № 881. Мнѣніе о Христофорѣ, какъ о епископѣ неученомъ, сложилось у нѣкоторыхъ современниковъ вѣроятно на томъ основаніи, что онъ никогда не говорилъ проповѣдей.

также воспитанникъ коллегіума—называетъ Христофора „архипастыремъ добрымъ, незабвеннымъ и милосерднымъ“¹⁾. „Христофоръ, говоритъ учитель коллегіума, Я. В. Толмачевъ, былъ первымъ епископомъ въ Харьковской епархіи и отличался высокимъ благородствомъ и добротою души. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный, добрый, архипастырь примѣрно благодѣтельный“²⁾.

Прот. Н. Лашенковъ.

¹⁾ Духовн. Вѣстн. 1865 г. т. XI, стр. 425.

²⁾ Русская Старина 1892 г. Сентябрь, стр. 708.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРЕСТЬЯНСКАГО СУДА *).

Происхожденіе, устройство и характеръ крестьянскаго суда находятся въ тѣсной органической связи съ тѣми бытовыми и историческими условіями, которыми обуславливалось образованіе крестьянскаго сословія, какъ особаго класса людей въ организаціи Русскаго государства, и участіе народнаго элемента въ отправленіи правосудія. Поэтому изложенію исторіи крестьянскаго суда необходимо предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній объ образованіи крестьянскаго сословія и участіи народнаго элемента въ отправленіи правосудія.

Изслѣдованіями древнихъ русскихъ памятниковъ и юридическихъ актовъ, произведенными русскими и иностранными учеными, съ достаточною полнотою установлено, что русскіе издревле были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ; по словамъ Нестора они и дань давали „отъ дыма и рала“, т. е. съ двора, съ осѣдлости, съ сохи, съ земледѣльческаго орудія. Еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ, земледѣліе было распространено по русской землѣ отъ юго-западныхъ ея предѣловъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ. Такимъ образомъ издревле на всемъ пространствѣ Русской земли жили земледѣльцы—пахари, но они не составляли въ древности отдѣльнаго сословія и не носили какого-либо особаго

*) Источники и пособія, которыми авторъ руководствовался при составленіи статьи: *Леонтовичъ*—Исторія русскаго права; *Бяляевъ*—Крестьяне на Руси; *Мамышевъ*—Курсъ гражданскаго судопр., т. 3; *Кистяковский*—Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе; *Зарудный*—Законы и жизнь; *Сергеевичъ*—Исторія русскаго права; *Пашманъ*—Обычное гражданское право въ Россіи; Полное собраніе законовъ и Сводъ законовъ.

имени: весь народъ занимался земледѣліемъ, торговлею и промысломъ; тѣмъ не менѣе, однако, въ русскомъ обществѣ, какъ и въ другихъ человѣческихъ обществахъ, уже очень рано, благодаря неравенству силъ и способностей и различію въ семейныхъ и бытовыхъ условіяхъ жизни индивидуума, стали выдвигаться изъ массы „лучшіе люди“, т. е. разумные, болѣе сильные, или богатѣйшіе, и образовался особый классъ людей, отличный отъ остальной массы общества. О „лучшихъ людяхъ“ есть указаніе у Нестора: такъ онъ, рассказывая о посольствѣ Древлянъ къ Ольгѣ, два раза упоминаетъ о „лучшихъ мужахъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ русскомъ обществѣ очень рано обозначилось два класса: „лучшіе мужи“, держащіе землю и „людіе“, граждане, народъ, „земляне“.

Съ прибытіемъ Варяго-Русскихъ князей, изъ „лучшихъ мужей“ образовались бояре: такъ въ 1018 году, во время сборовъ Ярослава Новгородскаго въ походъ на Святополка, Новгородцы, собиравшіе деньги для найма Варяговъ, уже явно не составляли сплошной безразличной массы, но дѣлились на простолюдиновъ и бояръ; въ лѣтописи сказано (Лавр. лѣт., стр. 62): „начаша скотъ собирати отъ мужа по 4 куны, отъ старосты по 10 гривень, а отъ бояръ по 18 гривень“. Мужіи, внесшіе на пособіе Ярославу по 4 куны, вѣроятно, составляли особое сословіе, получившее впослѣдствіи общее названіе крестьянъ, людей.

Крестьяне въ первый разъ подъ собственнымъ своимъ именемъ встрѣчаются въ уставной грамотѣ митрополита Кипріяна, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю. Въ этой грамотѣ такъ выражены обязанности крестьянъ къ землевладѣльцу—Константиновскому монастырю: лучшіе, т. е. зажиточные изъ крестьянъ, живущихъ въ селахъ Константиновскаго монастыря, должны наряжать монастырь и монастырскій дворъ, по наряду пахать монастырскую землю и убирать хлѣбъ, дѣлать вешніе и зимніе ѣзы и закопы для рыбной ловли, оплетать сады, прудить пруды, осенью ловить на монастырь бобры, молотить рожь, молоть солодъ“ и пр.

Жалованная грамота Ярославскаго князя Ѳедора Ѳедоровича Толгскому монастырю, данная въ 1400 году, представ-

ляетъ крестьянъ вольными людьми, могущими переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, живущими на земляхъ монастырскихъ и княжескихъ волостныхъ, платящими дань и разныя пошлыны, частію землевладѣльцамъ, и подлежащими суду или княжескому, по общему порядку всѣхъ свободныхъ людей, или, по привилегіи, землевладѣльческому, монастырскому.

Далѣе въ жалованной грамотѣ Іоны митрополита Андрею Аѳанасьеву, данной въ 1450 г., видно, что крестьяне жили не только на монастырскихъ и княжескихъ земляхъ, но и на земляхъ другихъ владѣльцевъ и свободно могли переходить съ одной земли на другую.

Въ грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Суздальскому и Юрьевскому намѣстникамъ, данной въ 1466—1478 гг., указывается на сроки, когда въ году крестьяне имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, именно срокомъ здѣсь названъ Юрьевъ день осенній, а кто переходитъ не въ этотъ день, того возвращали назадъ доживать до срока.

Такимъ образомъ въ грамотахъ, въ которыхъ упоминается имя крестьянъ, признакомъ крестьянства служатъ: свобода крестьянъ жить на земляхъ казенныхъ, волостныхъ, княжихъ, монастырскихъ и другихъ владѣльцевъ, свобода переходить съ одной земли на другую въ извѣстный срокъ въ году, въ Юрьевъ день, подчиненіе крестьянъ общему суду, ежели землевладѣлецъ не имѣлъ привилегіи на право своего суда надъ крестьянами, обязанность платить казенныя подати и отправлять другія повинности государственныя и въ то же время платить оброки и отправлять разныя земледѣльческія работы на землевладѣльца, на землѣ котораго живетъ крестьянинъ.

Какое участіе принималъ русскій народъ въ отправленіи правосудія, начиная съ организациіи и укрѣпленія княжеской власти, т. е. со времени Рюрика и въ періодъ удѣловъ, на основаніи законодательныхъ памятниковъ,—съ опредѣленностью трудно сказать. Но не подлежитъ сомнѣнію, что древній русскій судъ не былъ судомъ исключительно княжескихъ чиновниковъ, а въ немъ присутствовали представители отъ народа. Последнее обстоятельство подтверждается 43 ст. Русской

Правды, гдѣ находится такое свидѣтельство: „а кто взыщетъ, на немъ тянуть (т. е. станетъ искать того, къ чему другой обязался) и тотъ, на комъ ищутъ, начнетъ запирается, то идти ему на изводъ предъ двѣнадцать человѣкъ“. Эти двѣнадцать человѣкъ, предъ которыми должно быть разобрано дѣло, не были, конечно, княжескими чиновниками, потому что, въ противномъ случаѣ, было-бы прямо сказано „идти на изводъ предъ княжи мужи“; слѣдовательно эти 12 человѣкъ, по всей вѣроятности, были судьями, выбранными народомъ. Относительно участія въ судѣ представителей отъ народа имѣется указаніе, относящееся къ болѣе позднему времени, къ XIII в. Такъ напр., въ договорѣ Мстислава съ Ригю отъ 1239 г. говорится: „судъ происходитъ передъ судьями и добрыми людьми“. Затѣмъ въ Новгородской Судной Грамотѣ есть также указаніе на то, что на судѣ, кромѣ судей, присутствовали какіе-то люди, въ качествѣ, представителей отъ народа.

Болѣе положительныя данныя о значительномъ участіи крестьянскихъ общинъ въ отправленіи правосудія имѣются въ законодательныхъ памятникахъ XV и XVI ст. Въ этотъ періодъ участіе общины въ отправленіи правосудія выражалось въ двухъ видахъ: первый видъ состоялъ въ томъ, что въ судѣ намѣстниковъ и волостелей принимали участіе старожилы, лучшіе люди и цѣловальники, словомъ, такъ называемые въ законодательныхъ памятникахъ судные мужи. Второй видъ состоялъ въ томъ, что отправленіе уголовного правосудія по нѣкоторымъ преступленіямъ князь предоставлялъ крестьянской общинѣ. На существованіе перваго вида участія крестьянской общины въ отправленіи правосудія имѣются положительныя указанія: такъ, въ грамотахъ уставныхъ и губныхъ, въ первомъ (1497 г.) и во второмъ (1550 г.) судебникахъ постоянно повторяется повелѣніе, чтобы намѣстники и волостели, бояре и дѣти боярскіе, за которыми признано кормленіе съ судомъ боярскимъ, безъ дворекаго старосты, лучшихъ людей или цѣловальниковъ суда не судили.

Въ чемъ состояло и какъ выражалось участіе судныхъ мужей въ отправленіи правосудія, находятся указанія во второмъ судебникѣ: „судные мужи сидятъ на судѣ намѣстниковъ, во-

лостелей, бояръ и боярскихъ дѣтей, за которыми кормленіе съ судомъ боярскимъ“. Въ какой волости принадлежитъ истецъ и отвѣтчикъ, изъ той волости старосты, лучшіе люди и цѣловальники должны являться и сидѣть на судѣ княжескихъ чиновниковъ, въ качествѣ судныхъ мужей.

По порядку тогдашняго судопроизводства, лице, подлежащее отдачѣ на поруки до суда или послѣ суда, на случай порукъ по немъ не было, лишалось свободы, въ видѣ отдачи за пристава или содержанія въ тюрьмѣ. Но намѣстники и волостелины люди, недѣльщики и пристава, безъ явки такого человѣка старостѣ и цѣловальникамъ, которые принимали участіе въ судѣ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ, не имѣли права къ себѣ его водить и у себя его ковать. При нарушеніи этого правила судные мужи имѣли право освободить скованнаго, если только, по жалобѣ рода и племени, они удостовѣрятся въ неправильномъ лишеніи свободы, причемъ виновные въ неправильномъ лишеніи свободы платили безчестье и убытки въ пользу неправильно лишеннаго свободы.

По разсмотрѣніи дѣла на судѣ намѣстничьемъ и волостелиномъ, рѣшеніе или, какъ сказано въ судебникѣ, „судное дѣло“ должно быть написано рукою земскаго дьяка за подписомъ судныхъ мужей, т. е. дворскаго старосты и цѣловальника. Подлинникъ находился у намѣстника, а копія отдавалась на храненіе суднымъ мужамъ. Когда дѣло вершилось не иначе, какъ съ доклада царю, то судный списокъ былъ отсылаемъ государю. Если истецъ и отвѣтчикъ будутъ утверждать, что судъ происходилъ не такъ, какъ изложено въ судномъ спискѣ, тогда царемъ или царскимъ судьей вызывались судные люди на судъ княжескій и должны были представить копію или „противень“. Когда судные люди подтверждаютъ, что судъ былъ таковъ, какъ онъ изложенъ въ докладномъ спискѣ, и если этотъ послѣдній сходится съ представленною копіею, то признавался виновнымъ тотъ, кто списокъ „оболжилъ“. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта судныхъ мужей, за искъ отвѣчалъ судья и подвергался, сверхъ сего, пенѣ.

Второй видъ участія сельской общины въ отправленіи правосудія состоялъ въ томъ, что сама община, безъ участія

княжескихъ чиновниковъ, судила и наказывала преступника. Этотъ видъ участія общины въ отправленіи правосудія выразился съ достаточною полнотою въ такъ называемыхъ губныхъ учрежденіяхъ. Когда возникли губныя учрежденія, съ точностію сказать нельзя; несомнѣнно, однако, что они уже существовали въ первой половинѣ XVI ст., на что указываютъ губныя грамоты царя Ивана Грознаго: Семигалицкая 1540 г., двѣ грамоты селамъ и деревнямъ Сергіево-Троицкаго монастыря 1541 г., губной наказъ селамъ Кирилловскаго монастыря 1549 г. и Вижская грамота 1552 г. Губныя учрежденія возникаютъ по просьбѣ мѣстныхъ жителей: обыкновенно жители сами просили, чтобы имъ дано было право преслѣдовать разбойниковъ чрезъ посредство выборныхъ лицъ, такъ какъ воеводы и сыщики малодѣтельны и, кромѣ того, всякіе убытки чинять.

Губныя учрежденія дѣйствовали чрезъ своихъ выборныхъ, т. е. губныхъ головъ, старостъ и цѣловальниковъ, и вѣдали полицію, судъ и исполненіе приговоровъ. Относительно полиціи обязанности губныхъ учрежденій состояли въ наблюденіи, чтобы не было грабежей и разбоевъ: они должны были ловить всякихъ воровъ и разбойниковъ, производить надъ ними судъ и постановленныя ими судебныя рѣшенія приводить въ исполненіе. Они имѣли право приговаривать разбойниковъ къ казни и казнить ихъ.

Первоначально губнымъ учрежденіямъ были подсудны такія преступленія, которыя изъ преступленія разбоя и грабежа сдѣлали для себя ремесло. Но затѣмъ дѣятельность губныхъ учрежденій является гораздо шире: они вѣдаютъ не только разбойничьи дѣла въ настоящемъ смыслѣ, но и множество другихъ преступленій, хотя бы они въ связи съ разбоемъ не состояли.

Въ XVII стол. усиливаются приказныя начала и съ этимъ вмѣстѣ видоизмѣняется участіе общины въ судѣ надъ разбойниками, а равнымъ образомъ стало ослабѣвать участіе въ судѣ и судныхъ мужей, какъ представителей общинъ. Въ судѣ воеводъ, заступившихъ съ начала XVII в. намѣстниковъ, въ судѣ сыщиковъ и затѣмъ губернаторовъ,—судныхъ мужей уже

не встрѣчается. Въ соборномъ уложеніи, которымъ руководствовались воеводы, сыщики и губные старосты въ качествѣ судей, нѣтъ и помину о судныхъ мужахъ. При Петрѣ I довершена работа прежнихъ вѣковъ: приказъ и канцелярія забрали въ свои руки весь судъ, не только по важнымъ, но даже по маловажнымъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе въ крестьянскихъ общинахъ и въ первой половинѣ XVIII вѣка существовали остатки общиннаго мірскаго суда, хотя это было дѣломъ факта, а не признаннаго закономъ права.

Во второй половинѣ XVIII вѣка направленіе законодательной дѣятельности рѣзко измѣняется и опять высказывается сильное тяготѣніе къ земскому самоуправленію въ отправленіи суда. Въ законодательныхъ памятникахъ этого времени признается вреднымъ подчинять маловажныя уголовныя дѣла общему порядку и разрѣшается крестьянамъ разныхъ наименованій въ маловажныхъ ссорахъ и распряхъ судиться на словахъ чрезъ своихъ выборныхъ. Во второй половинѣ XVIII в. и въ первой четверти XIX издается цѣлый рядъ законовъ, устанавливающихъ участіе мѣстнаго населенія въ отправленіи правосудія; такъ, указомъ 17 февраля 1764 г. дозволено было однодворцамъ для словеснаго разбиранія ссоръ учреждать между собою выборныхъ и старостъ, т. е. лучшаго и добраго состоянія людей. Въ 1764 г., для управленія экономическими крестьянами (отобранными отъ духовенства), учреждены были особенные чиновники, подъ названіемъ казначеевъ, для которыхъ опредѣленъ былъ извѣстный кругъ дѣятельности, но всѣ прочія внутреннія разбирательства, какъ сказано въ указѣ 13 августа 1764 года, оставлены на избранныхъ въ каждомъ жительствохъ. Право въ малыхъ дѣлахъ разбираться у людей, самими же крестьянами въ каждомъ селеніи изъ себя избранныхъ, подтверждено было для экономическихъ крестьянъ указомъ 5 октября 1779 г. и 18 декабря 1786 г.; о правѣ горнозаводскихъ крестьянъ разбираться въ маловажныхъ дѣлахъ посредствомъ сотника, старосты, міра и вообще волостного суда говорится въ указахъ 1763 года и 1764 г. марта 13 дня.

Важнѣйшимъ закономъ XVIII ст. относительно волостныхъ судовъ нужно считать установленіе сельскаго порядка въ ка-

зенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества 1787 г. Въ этомъ законѣ излагаются впервые тѣ начала волостной и сельской организаціи, которыя получили окончательное развитіе въ законахъ 1838 года. По силѣ этого закона сельское управленіе состояло изъ старшины, старосты, выборныхъ или словесныхъ разборщиковъ и сборщика. Число выборныхъ или словесныхъ разборщиковъ зависѣло отъ числа дворовъ мѣстечка или села. Выборные обязаны были чинить разбирательство въ сельской сборной избѣ по сущей справедливости и всѣмъ способы принимать къ примиренію спорящихъ; въ случаѣ несогласія спорящихъ, выборные приглашали старшину и старосту на общее сужденіе. Если и этимъ способомъ не будетъ достигнуто примиреніе, то спорящимъ предоставлялось право выбрать сельскихъ посредниковъ, и несогласившіеся выбрать этихъ посредниковъ, или недовольные ихъ приговоромъ, имѣли право обратиться къ суду нижней расправы. Въ малочисленныхъ селеніяхъ, гдѣ не положено выборныхъ, судъ чинили старшина и староста, чрезъ представленныхъ отъ спорящихъ посредниковъ. По указу 7 августа 1797 года для государственныхъ крестьянъ введено было волостное управленіе; обязанности разбирать маловажныя дѣла возложены были на волостного голову, причемъ недовольнымъ этимъ разбирательствомъ предоставлено было вѣдаться въ общихъ судахъ. Указъ этотъ поясненъ былъ въ 1812 году въ томъ смыслѣ, что волостные головы разбираютъ дѣло въ мірской сходкѣ.

До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, судъ не имѣлъ строго опредѣленной организаціи; свойство его зависѣло отъ обычаевъ, которые издавна присущи крестьянскому населенію. Въ 1838 году 30 апрѣля издано было общее учрежденіе для государственныхъ крестьянъ: сельскій и волостной судъ въ этомъ учрежденіи названы судомъ домашнимъ. Онъ состоялъ изъ двухъ степеней: первую степень представляла сельская расправа, вторую—волостная. Сельская расправа состояла, подъ предсѣдательствомъ сельскаго старшины, изъ двухъ добросовѣстныхъ: одного старшаго и другого младшаго, избираемыхъ по выбору на три года изъ государ-

ственныхъ крестьянъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и доброю нравственностію. Волостная же расправа состояла, подъ предѣдательствомъ волостного головы, также изъ двухъ выборныхъ волостныхъ добросовѣстныхъ. Письмоводство въ сельской расправѣ возложено на сельскаго писаря, въ волости—на волостного писаря. Сельская расправа имѣла свое мѣстопробываніе въ главномъ селеніи и помѣщалась въ томъ домѣ, гдѣ занимались дѣлами сельскій старшина и сельскій писарь, а волостная расправа—при волостномъ правленіи.

Волостная расправа разсматривала споры о духовныхъ завѣщаніяхъ и составляла апелляціонную инстанцію по дѣламъ, рѣшаемымъ въ сельской расправѣ. Сельская и волостная расправы обязаны были руководствоваться сельскимъ судебнымъ уставомъ.

Въ крестьянскихъ реформахъ Императора Александра II сохраняются начала участія крестьянской общины въ отправленіи суда, и закономъ 19 февраля 1861 года крестьянамъ предоставлено право своего суда по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ и по спорамъ и тяжбамъ между крестьянами. Крестьянскій Судъ состоитъ изъ одной инстанціи—Волостного Суда. Для составленія волостного суда, волостной сходъ, а гдѣ волость состоитъ изъ одного сельскаго общества, то сельскій сходъ, выбираетъ ежегодно отъ четырехъ до двѣнадцати очередныхъ судей. Опредѣленіе числа судей и установленіе между ними очереди зависитъ отъ волостнаго схода.

Волостной судъ вообще собирается чрезъ каждыя двѣ недѣли по воскресеньямъ; въ случаѣ же нужды онъ созывается старшиною и въ другіе дни и чаще. Дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно. Въ волости есть книга, въ которую вписываются приговоры волостного суда. Въ эту книгу записываются: имя виновнаго и мѣра наложеннаго на него взысканія. Волостной судъ вѣдаетъ какъ споры и тяжбы между крестьянами, такъ и дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ.

Волостной судъ рѣшаетъ окончательно: всѣ споры и тяжбы, собственно между крестьянами, цѣною до ста руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣ-

лахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненные.

Если дѣло превышаетъ сумму въ сто руб., или тяжба касается недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго крестьянами въ собственность внѣ надѣла, а также если участвуютъ въ тяжбѣ лица другихъ состояній, то во всѣхъ сихъ случаяхъ, по требованію одной изъ сторонъ, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Независимо отъ сего, окончательному рѣшенію волостнаго суда подлежатъ всѣ, безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущіяся стороны предоставляютъ рѣшенію волостнаго суда. Споры и тяжбы, въ коихъ, кромѣ крестьянъ, участвуютъ и постороннія лица, могутъ быть также, по желанію тяжущихся, предоставляемы окончательному рѣшенію волостнаго суда. По всѣмъ дѣламъ, безъ ограниченія ихъ цѣною, если съ оными не соединено преступленія или проступка и не сопряжены пользы малолѣтнихъ и умалишенныхъ, крестьяне, какъ одной, такъ и разныхъ волостей могутъ, вмѣсто разбирательства въ волостномъ судѣ, обращаться, по взаимному соглашенію къ третейскому, по совѣсти, суду, не стѣсняясь никакими формами. Рѣшеніе третейскаго суда должно быть немедленно объявлено тяжущимся сторонамъ и внесено въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу. Оно считается вошедшимъ окончательно въ законную силу, со времени внесения въ эту книгу. Никакія жалобы на оное нигдѣ не принимаются.

Волостной судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказаніямъ крестьянъ, принадлежащихъ къ волости, за маловажныя поступки, когда оныя совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ другихъ состояній, а также, когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Если въ совершеніи проступка участвуютъ крестьяне, принадлежащіе къ другой волости, то виновныхъ при-

говариваетъ къ наказанію судъ той волости, въ предѣлахъ коей совершенъ проступокъ.

Волостной судъ властенъ по таковымъ проступкамъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ до шести дней, или къ денежному взысканію до трехъ рублей, или къ аресту до семи дней, или, наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ, къ наказанію розгами до двадцати ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самаго суда.

По закону 1861 года приговоры волостнаго суда по проступкамъ считаются окончательными и неподлежащими отмене ни въ апелляціонномъ, ни въ кассационномъ порядкѣ. Въ 1866 году, февраля 14 дня, изданъ законъ, по которому дозволяется приносить Уѣздному Съѣзду Мировыхъ Посредниковъ жалобу въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда судъ постановитъ рѣшеніе по такому дѣлу, которое неподсудно ему; б) когда судъ приговоритъ ко взысканію или наказанію въ мѣрѣ большей, чѣмъ это ему предоставлено; в) или рѣшитъ дѣло, безъ вызова къ суду участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Жалоба на рѣшеніе волостнаго суда, противное закону, должна быть подана въ мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія. Мировому посреднику предоставлено право, по важности дѣла, представлять мировому съѣзду объ отменѣ приговора волостнаго суда и безъ просьбы лица, котораго приговоръ касается, когда судъ явно превыситъ власть, ему предоставленную.

При разсмотрѣніи просьбъ и представленіи объ отменѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, мировой съѣздъ ограничивается лишь обсужденіемъ вопроса, дѣйствительно-ли рѣшеніе содержитъ въ себѣ какое-либо изъ указанныхъ выше нарушеній общаго полож. о крестьянахъ. Если съѣздъ найдетъ, что такое нарушеніе существуетъ, то или передаетъ дѣло въ волостной судъ, для постановленія новаго рѣшенія, если дѣло подсудно волостному суду, или въ случаѣ неподсудности дѣла сему суду, отсылаетъ оное по принадлежности, или въ дѣлахъ тяжёбныхъ предоставляетъ тяжущимся самимъ обратиться въ подлежащій судъ.

Устройство волостныхъ судовъ (организаціи 1861 г.) введено

было съ 1864 по 1867 годы вмѣстѣ съ преобразованіемъ быта у вольныхъ людей западныхъ губерній, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, у башкиръ, у оружейниковъ Ижорскаго и Сестрорѣцкаго оружейнаго и Райволовскаго желѣзоковательныхъ заводовъ, въ Закавказскомъ краѣ, въ губерніяхъ Тифлисской, Кутаисской, Бакинской и Мингреліи, наконецъ въ 1866 году и у государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ волостной судъ организаціи 1861 года составлялъ принадлежность всего крестьянскаго населенія.

Кромѣ официальнаго и установленнаго закономъ 1861 г. волостнаго суда, среди крестьянскаго населенія дѣйствуютъ особые суды, которые возникли въ силу обычая. Мѣстные крестьянскіе суды, по ихъ формѣ, многочисленны и разнообразны. Высочайше утвержденная въ 1872 году коммиссія для изслѣдованія положенія волостныхъ судовъ констатировала слѣдующія формы крестьянскихъ мѣстныхъ обычныхъ судовъ: единоличный судъ старосты и волостного старшины, коллегіальные суды: судъ стариковъ, судъ посредниковъ, судъ сельскаго схода, судъ волостнаго схода, судъ старосты съ добросовѣстными, судъ съ выборными, судъ старосты съ волостными судьями, судъ сельскихъ судей со старостою. Кромѣ этихъ судовъ, еще наблюдались суды спеціальные: въ трудахъ коммиссіи есть указаніе на одинъ изъ такихъ судовъ—въ Угодичевской волости, Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда для разрѣшенія споровъ и пререканій, которые возникаютъ по поводу рыбной ловли на озерѣ Неро. Рыбаки выбираютъ каждую осень изъ среды своей особаго судью на одинъ годъ, который разрѣшаетъ окончательно всѣ дѣла по рыбной ловлѣ. Крестьянскіе суды, какъ въ формѣ обычныхъ мѣстныхъ, такъ и закономъ установленныхъ судовъ, отличаются слѣдующими чертами: разрѣшаютъ дѣла словесно и открыто въ присутствіи постороннихъ людей, стремятся къ достиженію не только одной формальной правды, но, главнымъ образомъ, правды матеріальной и, находясь близко къ населенію, съ необыкновенною скоростью разрѣшаютъ дѣла. Такимъ образомъ, когда надъ общими дореформенными официальными судами тяготѣли крупные недостатки: канцелярская тайна, сложное письменное производство и форма-

лизмъ, теорія предустановленныхъ доказательствъ, медленность производства дѣлъ, достигавшая по нѣкоторымъ дѣламъ полустолѣтія,—народные суды охраняли и практиковали такія начала, которыя затѣмъ легли въ основаніе великой судебной реформы Императора Александра II.

Юридическая литература и наука мало занимались изученіемъ дѣятельности крестьянскаго суда и его значенія для народной жизни и считали этотъ судъ домашнимъ судомъ крестьянъ, дѣломъ исключительно интереснымъ для крестьянъ и неимѣющимъ государственнаго значенія. Благодаря такому взгляду, и въ настоящее время весьма еще мало научныхъ изслѣдованій, знакомящихъ съ значеніемъ крестьянскихъ судовъ. Мнѣнія относительно этихъ судовъ носятъ субъективный, чисто эмпирическій характеръ и большею частью сводятся къ непризнанію за крестьянскимъ судомъ разумности и справедливости. Съ такимъ предубѣжденіемъ противъ волостнаго суда приступилъ къ наблюденіямъ и научнымъ изслѣдованіямъ волостнаго суда П. П. Чубинскій, участвовавшій въ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Импер. Русск. Геогр. Общ., но затѣмъ, познакомившись съ массою рѣшеній волостныхъ судовъ по пятидесяти уѣздамъ юго-западнаго края, онъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „волостной судъ представляетъ собою жизненное учрежденіе, незамѣнимое никакимъ другимъ. У народа существуетъ цѣлый рядъ правоотношеній, которыя вытекаютъ изъ его экономической обстановки, обуславливаются его этнографическими особенностями и историческими судьбами. Здѣсь только волостной судъ компетентенъ, потому что только онъ одинъ солидаренъ съ народомъ,—съ массою, въ воззрѣніяхъ на подобныя правоотношенія. Состоящій изъ очередныхъ и притомъ выборныхъ судей, онъ таковъ, что никогда не выдѣлится, не обособится отъ общей народной жизни. По мѣрѣ развитія массы, и онъ будетъ развиваться, никогда не забѣгая впередъ, не оставаясь назади“.

Къ такимъ же почти выводамъ пришелъ профессоръ А. Ф. Кистяковскій, который составилъ, на основаніи уголовныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ, извлеченныхъ трудами членовъ эт-

нографическо-статистическ. экспедиціи, статью: „Волостные суды, ихъ исторія, нынѣшняя ихъ практика и настоящее ихъ положеніе“. Въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, высказываетъ такія положенія: волостная юстиція во многомъ отличается отъ юстиціи, отправляемой общими судами по Уложенію о Наказ. и по Судебнымъ Уставамъ. Она несравненно мягче этой послѣдней какъ по свойству, такъ и по мѣрѣ наказаній, ею опредѣляемыхъ. Волостная юстиція болѣе держится матеріальной правды, чѣмъ общая юстиція, слѣдующая болѣе формальнымъ началамъ. Тамъ, гдѣ общая юстиція, стоящая на формальной точкѣ зрѣнія, откажется развязать узелъ, или по неимѣнію закона, или по формальнымъ основаніямъ, тамъ волостная юстиція берется разрѣшить вопросъ и по мѣрѣ своихъ силъ его рѣшаетъ. Во всякомъ случаѣ она ближе подходитъ къ быту народа, чѣмъ юстиція общихъ судовъ.

Судебно-крестьянскою реформою Императора Александра III не только сохранено крестьянское самоуправленіе въ области отправленія правосудія, но еще въ значительной степени расширена компетенція волостныхъ судовъ въ производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

По закону 12 іюля 1889 г. волостной судъ состоитъ изъ четырехъ судей, причемъ одинъ изъ нихъ, по избранію уѣзднаго съѣзда, назначается предсѣдателемъ. Съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанность предсѣдателя на старшину. Волостные судьи опредѣляются на эту должность слѣдующимъ порядкомъ: каждое сельское общество выбираетъ на сельскомъ сходѣ одного кандидата въ волостные судьи; такихъ кандидатовъ на волость должно быть не менѣе восьми человѣкъ. Если же въ волости меньше восьми сельскихъ обществъ, то уѣздный съѣздъ назначаетъ, которому изъ нихъ избирать больше, чѣмъ одного кандидата, и сколько именно. Изъ восьми кандидатовъ, выбранныхъ сельскими обществами, земскій начальникъ, по своему усмотрѣнію, утверждаетъ четырехъ волостными судьями, а остальныхъ четырехъ—кандидатами къ нимъ, тѣхъ и другихъ на три года. На должность волостного судьи избираются крестьяне-домохозяева, достигшіе тридцати пяти лѣтъ отъ роду, пользующіеся уваженіемъ

своихъ односельцевъ и, по возможности, грамотные. Волостные судьи и ихъ кандидаты приводятся къ присягѣ, въ присутствіи земскаго начальника, по установленной для судей формѣ. Волостные судьи получаютъ содержаніе, причемъ окладъ содержанія не долженъ превышать для предсѣдателя волостного суда 100 руб., а для волостного судьи—60 руб.

Волостной судъ вѣдаетъ споры и тяжбы по имуществу, равно какъ дѣла по проступкамъ крестьянъ и другихъ лицъ, подчиненныхъ вѣдомству сего суда. Вѣдомство волостного суда распространяется не только на крестьянъ, но и на мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, имѣющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ. Изъ числа гражданскихъ дѣлъ вѣдомству волостного суда подлежатъ: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; 2) всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ; 3) означенные въ пунктѣ 2-мъ споры и тяжбы, предъявляемые къ лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, истцами, сему суду неподвѣдомственными, въ томъ случаѣ, когда послѣдніе пожелаютъ разбираться въ волостномъ судѣ; 4) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества: а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) когда наслѣдственное имущество, находящееся въ предѣлахъ волости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей.

Въ уголовномъ порядкѣ разбирательству волостного суда подлежатъ—подвѣдомственные ему лица за слѣдующіе проступки: противъ церковнаго благочинія; противъ властей; противъ благочинія, порядка и спокойствія; противъ общественнаго благоустройства; противъ уставовъ: о паспортахъ, строительнаго и путей сообщенія; противъ правилъ осторожности отъ пожаровъ; противъ народнаго здравія; противъ

личной безопасности; за оскорбленіе и обиды, угрозы, насилие и самоуправство; противъ правъ семейственныхъ; противъ чужой собственности; за кражу и мошенничество, если цѣна похищеннаго или присвоеннаго имущества не превышаетъ пятидесяти рублей и если, притомъ, кража или мошенничество учинены въ первый или во второй разъ; за нарушеніе рабочимъ договора найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкою на работы или самовольнымъ уходомъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ; за мотовство и пьянство, если пороки эти влекутъ за собою разстройство хозяйства.

Означенные выше проступки подлежатъ вѣдѣнію волостного суда, когда они совершены подвѣдомственными ему лицами въ предѣлахъ волости, хотя-бы и не на земляхъ крестьянскаго надѣла, противъ людей, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ, волостному суду неподвѣдомственныхъ. Лица другихъ состояній, противъ которыхъ совершены проступки лицами, подвѣдомственными волостному суду, могутъ, буде пожелаютъ, отыскивать слѣдующее имъ удовлетвореніе въ означенномъ судѣ, у земскихъ начальниковъ или въ подлежащихъ судебныхъ установленіяхъ.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ подсудности дѣлъ волостнымъ судамъ сравнительно съ подсудностью, опредѣленною въ общ. полож. о крестьянахъ, законъ 12 Іюля 1889 года ввелъ и особый порядокъ обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостного суда: въ качествѣ апелляціонной инстанціи учрежденъ уѣздный съѣздъ, [состоящій подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, изъ уѣзднаго члена окружного суда, городского судьи, почетныхъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ; въ качествѣ кассационной инстанціи—губернское присутствіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора, находящагося въ губернскомъ городѣ окружного суда или его товарища, (а въ губерніяхъ, гдѣ судебное преобразование не введено въ полномъ объемѣ, губернскаго прокурора или его товарища) и двухъ непремѣнныхъ членовъ. Сверхъ того въ составъ губернскаго присутствія приглашаются, на

правахъ членовъ, для участія въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, перенесенныхъ въ него изъ уѣздныхъ сѣздовъ, предсѣдатель или членъ мѣстнаго окружнаго суда (а гдѣ его нѣтъ,—предсѣдатель или членъ соединенной палаты).

Съ введеніемъ судебно-крестьянской реформы Императора Александра III волостные суды получили болѣе опредѣленную организацію и стали исполнѣ государственнымъ учрежденіемъ: волостные судьи избираются изъ лучшихъ и благонадежныхъ крестьянъ, принимаютъ общую судейскую присягу и имѣютъ присвоенный ихъ званію судейскій знакъ; волостные суды находятся подъ контролемъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учреждений: уѣздныхъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій; рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ и кассационномъ порядкѣ и, по вступленіи въ законную силу, имѣютъ такое же юридическое значеніе, какъ рѣшенія и приговоры другихъ судебныхъ установленій имперіи.

Н. С. Илларионовъ.

О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда.

(Продолженіе).

О правѣ дочери, вышедшей замужъ, при отсутствіи родныхъ братьевъ, на пользованіе земельнымъ надѣломъ.

(С. *Непокрытое*).

Изстари и по настоящее время никогда женщина полевымъ надѣломъ не пользовалась: ни вдова, ни замужняя дочь. Всѣ онѣ лишь получаютъ соотвѣтствующую часть движимаго имущества, оставшагося послѣ покойнаго, и, если осталась вдова, то она возвращается въ семью, изъ которой вышла замужъ, или выходитъ вторично замужъ; если же остается незамужняя дочь, то ее обязаны взять, содержать и выдать замужъ родные покойнаго, воспользовавшіеся своими правами на владѣніе его полевыми надѣлами. Въ дѣлахъ-же дореформеннаго волостнаго суда имѣются примѣры (и не мало), что надѣлы покойнаго переходили въ пользованіе вдовы и дочерей съ опредѣленіемъ суда: пользоваться таковыми впредь до выхода въ замужество за лицъ, не принадлежащихъ къ составу общества; и то таковыя опредѣленія касаются лично собственнаго надѣла наслѣдодателя, т. е. значащагося за нимъ по уставной грамотѣ, надѣлы-же, оставшіеся послѣ смерти мужа, или брата и притомъ доставшіеся ему не по уставной грамотѣ, а по наслѣдству, изъ мужскихъ линій не выходятъ.

О наслѣдованіи падчерицы въ имуществѣ мачихи, имѣющей родныхъ дѣтей.

(С. *Должикъ*.)

Если вдова, имѣющая дѣтей, выходитъ замужъ за крестьянина, имѣющаго своихъ дѣтей отъ первой жены, и если притомъ при выходѣ вторично замужъ имѣетъ свое собственное имущество, приобрѣтенное съ первымъ мужемъ, или доставшееся ей отъ отца, или инымъ путемъ, то, послѣ ея смерти, все принадлежащее ей имущество идетъ роднымъ ея дѣтямъ, падчерицы-же ничего не получаютъ и не наслѣдуютъ въ этомъ имуществѣ.

О наслѣдованіи пріймаками, при существованіи наслѣдниковъ въ боковой линіи.

(С. *Ледная, Бабаевской вол.*)

Пріемный сынъ, при существованіи родственниковъ боковой линіи у принявшаго, является полнымъ наслѣдникомъ

умершаго домохозяина и устраняетъ право наслѣдованія этихъ родственниковъ въ томъ случаѣ, когда пріймакъ такой кормилъ и похоронилъ принявшаго.

О наслѣдованіи къ имуществу дядей племянницы, вышедшей замужъ въ другое общество, и о вымороченныхъ имуществахъ.

(С. Гавриловка).

Старозаимочная земля переходитъ къ наслѣдникамъ, какъ мужскаго пола, такъ и женскаго, въ прямой и боковыхъ линияхъ; но племянница, вышедшая замужъ въ другое общество, продавъ свое отцовское имущество, не кормивъ и не похоронивъ своихъ дядей, не можетъ искать своихъ наслѣдственныхъ правъ въ ихъ имуществѣ и таковое должно перейти въ распоряженіе общества. (Общество имѣетъ вымороченную землю подъ названіемъ „Борнова“; къ ней наслѣдниковъ никакихъ не было).

О наслѣдственныхъ правахъ приемыша въ имуществѣ принявшаго, послѣ котораго остались замужнія дочери.

(С. Борщевое, Липецкой вол.)

Въ крестьянскомъ быту приемышъ принимается въ семью лишь при отсутствіи сыновей, могущихъ помогать хозяину, поддерживать хозяйство,—т. е. въ качествѣ работника, хотябы и съ малолѣтняго возраста, а потому онъ, приемышъ, пріобрѣтаетъ на наслѣдственное имущество „принятеля“ всѣ права и обязанности родного сына. Дочери же наслѣдуются на общемъ основаніи существующаго обычая, при замужествѣ получаютъ приданное и болѣе никакихъ правъ на имущество, оставшееся послѣ смерти отца ихъ, не имѣютъ, при наличности сыновей или приемышей.

О наслѣдованіи падчерицъ въ имуществѣ мачихи, имѣющей родныхъ дѣтей.

(С. Должикѣ).

Если вдова, имѣющая дѣтей, выходитъ замужъ за крестьянина, имѣющаго своихъ дѣтей отъ первой жены, и если при томъ, при выходѣ вторично замужъ, имѣетъ свое собственное имущество, пріобрѣтенное съ первымъ мужемъ или доставшееся ей отъ отца или инымъ путемъ, то послѣ ея смерти,

все принадлежащее ей имущество идетъ роднымъ ея дѣтямъ, падчерицы-же ничего не получаютъ и не наследуютъ въ этомъ имуществѣ.

Наслѣдственные права братьевъ и сестеръ въ „материзнѣ“.

(С. *Перестыное*).

1. Мать въ большинствѣ случаевъ и даже всегда распределяетъ свое имущество „за живота“, одѣляя одного больше, другого меньше, по своему усмотрѣнію и независимо отъ того, будетъ-ли имущество движимое или недвижимое, и будетъ-ли это сынъ или дочь.

2. Если мать умерла, не сдѣлавъ распоряженія о своемъ имуществѣ, то послѣднее дѣлится поровну между всѣми прямыми ея наследниками, и братья получаютъ наравнѣ съ сестрами.

3. Если мать приняла къ себѣ „пріймака“, то сыновья, не смотря на существованіе имущества у пріймака, имѣютъ преимущественное право на „материнское насиженное мѣсто“, т. е. на усадьбу съ постройками, дѣля все остальное имущество какъ движимое, такъ и недвижимое, между собою и сестрами поровну.

4. Незаконнорожденные наследуютъ въ „материзнѣ“ наравнѣ съ законными дѣтьми.

5. Рожденный до брака считается наравнѣ съ законными дѣтьми и не считается незаконнорожденнымъ.

6. Земля подворного владѣнія переходитъ по наследству къ прямымъ наследникамъ, въ томъ числѣ и къ дочерямъ, вышедшимъ въ замужествѣ, но, при отсутствіи братьевъ, причемъ если дочь вышла въ другое общество, — землю, перешедшую къ ней по наследству, при отсутствіи братьевъ, откупаетъ родственникъ однообщественникъ, а если послѣдній не въ состояніи, то кто либо изъ постороннихъ, но только однообщественниковъ, но бываютъ случаи, что вышедшая замужъ въ другое общество и сама пользуется родонаслѣдственною землею и общество не касается. Случаевъ выморочнаго имущества въ обществѣ нѣтъ.

О наслѣдованіи вдовою имуществомъ мужа при родныхъ дѣтяхъ и пасынкахъ.

(С. *Песочинъ*, Пересѣчанской вол.).

1. Сестры при братьяхъ не наслѣдницы, а выдаются (замужъ) изъ отцовской хаты, причемъ имъ дается въ приданное что нибудь изъ движимости. При раздѣлѣ обыкновенно сестры остаются при меньшемъ братѣ, который наслѣдуетъ батьковскую хату и усадьбу; если осталось двѣ хаты, то одну беретъ старшій и переносится съ батьковской усадьбы; если усадьба достаточная для построекъ двумъ братьямъ или тремъ, то дѣлятъ усадьбу, но и въ этомъ случаѣ меньшій остается на насѣженномъ мѣстѣ.

2. Сестра—калѣка получаетъ наравнѣ съ братьями изъ движимаго и недвижимаго и живетъ въ отцовской хатѣ при братѣ и часть ея переходитъ къ тому, кторый ее присматриваетъ и похоронитъ, даже если-бъ этотъ послѣдній былъ и не родственникъ, но только однообщественникъ. Въ большинствѣ случаевъ отецъ „за живота“ опредѣляетъ часть дочери—калѣкѣ.

3. Незаконнорожденный матери живетъ въ семьѣ мужа матери до совершеннолѣтія, а затѣмъ уходитъ, не получая ничего изъ имущества мужа матери; въ большинствѣ случаевъ его готовятъ къ мастерству и ко времени ухода онъ уже въ состояніи заработать кусокъ хлѣба, иногда мужъ матери даетъ часть усадьбы за труды и уваженіе.

4. Незаконнорожденный въ имуществѣ матери наслѣдуетъ наравнѣ съ законными дѣтьми.

5. Съ пріймакомъ обыкновенно совершается документъ.

7. Вдова при малолѣтнихъ дѣтяхъ завѣдуетъ сама хозяйствомъ и, когда подрастаетъ дочь, выдаетъ замужъ;—сына выдѣляетъ такъ-же какъ отецъ; при раздѣлѣ вдова беретъ за себя часть изъ движимаго и недвижимаго имущества и затѣмъ живетъ при комъ-либо изъ сыновей, обыкновенно при меньшемъ, гдѣ находится и ея часть, а по смерти переходитъ къ тому, при комъ жила и кто похоронилъ; часть эта, взятая безъ опредѣленія покойнаго мужа, по смерти вдовы переходитъ непременно въ тотъ-же родъ, и вдова не можетъ передать посто-

ронному. Если же покойный передалъ самъ часть жены по документу, то эту часть вдова можетъ передать кому пожелаетъ, но только однообщественнику. Вдова получаетъ наравнѣ съ сынами изъ движимаго и недвижимаго имущества.

7. Частью, оставленною отцомъ на себя, отецъ распредѣляетъ „за живота“ и можетъ отдать, кому пожелаетъ изъ сыновей, кто кормилъ, платилъ и похоронилъ; если же живутъ „мисно“ и сыновья платятъ всѣ и похоронятъ на общія средства, то частью, оставленною отцомъ на себя, дѣлятся, а отецъ „за живота“ такъ и распредѣляетъ.

8. Приданное дочери, умершей замужемъ бездѣтною, возвращается въ ту семью, откуда она вышла, возвращается то, что осталось въ цѣлости изъ отданнаго; остается только въ пользу мужа покойной подушка, рядно и икона, которую благословляли, причемъ принимаются въ расчетъ расходы на похороны, почему изъ приданнаго не все забирается; въ нѣкоторыхъ случаяхъ отецъ умершей замужемъ дочери бездѣтною, не предъявляетъ требованія о возвратѣ, если приданное нецѣнное и „не стоитъ хлопотъ“,—т. е. въ душѣ ему жаль семью, гдѣ она жила и которая утратилась на похороны.

9. Дочери, при отсутствіи сыновей, полная наслѣдница и устраняютъ боковыхъ родственниковъ; владѣютъ, хотя выходятъ замужъ и въ другое общество, землею только старозаимочною, а тою, которая дѣлится обществомъ между собою не владѣютъ, таковая переходитъ къ той, которая замужемъ за однообщественникомъ.

10. Старозаимочная земля остается въ наслѣдственномъ пользованіи рода и переходитъ даже по наслѣдству къ женщинѣ, вышедшей замужъ въ другое общество и только при отсутствіи наслѣдниковъ земля эта переходитъ въ общество.

11. Вдова, вышедшая замужъ вторично, взятой части при раздѣлѣ не беретъ, а беретъ только благопріобрѣтенное и часть „отписанную“ мужемъ, а не полученную при раздѣлѣ. Въ документѣ обыкновенно пишется „по смерти“, если покойный мужъ даетъ часть своей женѣ; причемъ родовой земли во всякомъ случаѣ не беретъ, а земля остается прямымъ наслѣдникамъ.

12. При выдачѣ дочери замужъ отецъ считаетъ своею обязанностью справить 2 тулупа, одинъ праздничный и одинъ буденный, 2 свиты, одну синюю, а другую сѣрую, дукаты, скрыню съ одежою, корову, бываетъ, что даетъ и кусокъ земли.

13. Кто засваталъ и отказался, тотъ обязанъ возвратить расходы; платитъ виновная сторона, причемъ болѣе платитъ тотъ, кто засваталъ и отказался „такъ какъ нанесъ порокъ дѣвкѣ“ и отъ него идетъ инициатива вступленія въ бракъ.

14. Сводныя дѣти наследуютъ каждый въ своей „батьковщинѣ“ и „материзнѣ“.

15. Сводные считаются въ близкомъ родствѣ и составляютъ какъ бы одну семью и считаются членами этой семьи: называютъ „батькой и матерью“.

О правѣ главы семьи дѣлать завѣщательныя распоряженія объ имуществѣ, прибрѣтенномъ трудами всей семьи.

(Золочевская вол.).

Если старшій членъ семьи—отецъ имѣетъ родонаслѣдственную землю, крѣпостную или старозаимочную, прибрѣтенную еще предками, то, послѣ смерти его, такая земля должна дѣлиться между сыновьями поровну, дочери изъ такой земли ничего не получаютъ; духовное завѣщаніе его, по которому одному сыну—наслѣднику передается бѣольшая часть, а другому сыну или его наслѣднику—меньшая, считается не правильнымъ.—Что касается остального движимаго и недвижимаго имущества, прибрѣтеннаго всей семьей, то имущество это между сыновьями, участвовавшими въ его прибрѣтеніи, также дѣлится вообще въ равной части, причемъ извѣстную часть его отецъ оставляетъ на себя и затѣмъ передаетъ ее тому сыну, который его присмотрѣлъ, докормилъ и похоронилъ. Отецъ имѣетъ право завѣщать живущему при немъ сыну бѣольшую часть за его труды, а бросившему его или принимавшему меньшее участіе въ прибрѣтеніи и въ трудахъ—меньшую часть, и составленное въ такомъ смыслѣ духовное завѣщаніе почитается правильнымъ.

О возвращеніи обратно приданнаго.

(Черноглазовка, Карасевской вол.).

1. Если послѣ смерти жены остаются дѣти, безразлично, будутъ ли то мальчики или дѣвочки, все приданное, доставшееся на долю ея при выходѣ замужъ, какъ-то „скрыня“ и все, что въ ней будетъ: одежда, холстъ и пр., скоть (корова, телушка, овца и т. д.)—остаются въ пользованіи той семьи, въ которую она пошла замужъ, т. е. идетъ на сиротъ.

2. Если, послѣ смерти ея, наслѣдниковъ не осталось, то сколько-бы времени она ни жила, все приданное отдается назадъ, т. е. той семьѣ, изъ которой она шла замужъ, причемъ если, напр., ей давалась телка, стоившая въ то время 5 р., а потомъ эта телка выросла и стала коровой, стоящей уже не 5, а 40—50 р., то взамѣнъ ея мужъ или семья его оплачиваютъ семьѣ покойницы или деньгами, или даютъ такой-же стоимости телку. Изъ двухъ иконъ, какъ благословеніе родителей покойницы, одна остается мужу вдовцу, а другая отбирается, также точно ему оставляютъ необходимое для постели: подушку, рядно, нѣсколько сорочекъ и подштанниковъ.

О правѣ на произведенія съ отобранной земли.

(С. Ледное, Бабаевск. вол.).

Старый владѣлецъ, владѣвшій землей добросовѣстно, имѣетъ право забрать въ свою пользу произведенія земли, его трудами и средствами созданныя, при владѣніи же недобросовѣстномъ, такимъ правомъ владѣлецъ старый не пользуется, и всѣ произведенія земли раздѣляютъ судьбу самой земли, т. е. переходятъ законному владѣльцу.

О правѣ наслѣдованія племянникомъ недѣлимой усадьбой съ дядей.

(Д. Утксовка).

1. Племянникъ во всякихъ случаяхъ имѣетъ право на ту часть усадьбы, какая причитается на долю его отца; въ случаѣ недѣлимости усадьбы, на коей остался жить дядя, этотъ послѣдній обязанъ помочь въ соотвѣтственной части своему племяннику устроиться и пріобрѣсти для себя другую усадьбу.

Во всякомъ-же случаѣ дѣдовская усадьба должна быть въ равныхъ частяхъ раздѣлена между дядями и, по праву представительства, племянниками. Если есть возможность, путемъ перестановки старой хаты, устроить новую, съ соблюденіемъ правилъ строительнаго устава, то, при переносѣ старой хаты, добивающійся части усадьбы долженъ помочь переносу стараго дома.

О наслѣдованіи имуществомъ вдовою и братьями наслѣдодателя.

(Х. Сотниукій Козачекъ, Одноробовской вол.).

Пока семья живетъ вмѣстѣ, при жизни ли отца, или послѣ его смерти, всё имущество считается общимъ, затѣмъ, когда въ семьѣ начинается разладъ или является какая либо причина, мѣшающая семьѣ жить вмѣстѣ, между братьями происходитъ дѣлежъ: дѣлается опись всему имуществу, приглашаются отъ 8 и до 10 и 12 человекъ сосѣдей, пользующихся уваженіемъ, дѣлятъ имущество поровну на извѣстныя части и бросаютъ жребій. Кому какая часть выпадаетъ, тотъ то и забираетъ. Отъ воли отца (если онъ живъ) зависитъ оставить того или иного изъ сыновей при себѣ, а остальныхъ выдѣлить.—Каждый получившій свою часть является съ того времени полнымъ ея распорядителемъ. Затѣмъ, если онъ поживъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, померъ, то всё его имущество переходитъ вдовѣ, и она уже является наслѣдницей этого имущества, и притомъ полной, независимо отъ того, оставилъ ли покойный мужъ ея наслѣдниковъ или нѣтъ. Затѣмъ, если она выходитъ замужъ, но при этомъ бросаетъ свой дворъ (чему не было примѣра) и переходитъ во дворъ второго своего мужа, то свекоръ или его сыновья даютъ ей часть изъ хозяйства: корову, хлѣба и т. п., а остальное остается въ распоряженіи той семьи, изъ которой вышелъ покойный ея мужъ. Если она остается вдовой и не оставляетъ своего двора, то, кромѣ того, что она является полной хозяйкой въ имуществѣ, она можетъ оставить за собой и надѣлы покойнаго мужа, при томъ условіи, конечно, если будетъ исправно уплачивать платежи за нихъ. На надѣлъ этотъ и вообще въ хозяйство свое она можетъ принять кого

ей угодно, даже крестьянина изъ другой губерніи, и родъ покойнаго мужа не вправе вмѣшиваться въ ея имущество и предъявлять какія либо права на ту или другую часть его.

О наслѣдованіи сестрами, вышедшими замужъ, при братьяхъ.

(С. Б. Даниловка).

Дочери не наслѣдницы къ имуществу, оставшемуся послѣ отца, а они получаютъ изъ движимаго при выходѣ замужъ. Если же имущество материнское, то все имущество получаютъ дочери.

О правѣ домохозяина распорядиться до смерти своимъ имуществомъ и о наслѣдованіи братьями.

(С. Калупаевка, Липецк. вол.).

1. Каждый домохозяинъ безусловно можетъ распорядиться на случай смерти своимъ движимымъ и недвижимымъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, какъ ему угодно, если дѣти не участвовали въ пріобрѣтеніи или поддержаніи означеннаго имущества.

2. Родовое-же дѣдовское имущество переходитъ, въ порядкѣ наслѣдованія, къ прямымъ наслѣдникамъ въ равныхъ доляхъ, при наличности участія ихъ въ трудѣ, или капиталѣ, по поддержанію хозяйства.

3. При условіи-же, если одинъ изъ наслѣдниковъ не жилъ при жизни наслѣдодателя въ общемъ хозяйствѣ и не участвовалъ въ трудѣ на него по капризу, вслѣдствіе неповиновенія старшему члену семьи (наслѣдодателю), въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, послѣдній, т. е. наслѣдодатель, можетъ лишить его наслѣдства даже родового. Это право покойнаго неотъемлемо въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: а) часто дѣти, вышедшія изъ повиновенія родителей преклоннаго возраста, бросаютъ ихъ и безъ паспорта отлучаются невѣдомо куда до смерти стариковъ, которые, будучи неспособны къ труду, вынуждены нанимать рабочаго для обработки земли и поддержанія хозяйства; за неимѣніемъ же средствъ для найма рабочихъ, они бываютъ вынуждены принимать къ себѣ въ хозяйство кого нибудь изъ членовъ об-

щества на условіяхъ, весьма распространенныхъ въ подобныхъ случаяхъ: эти послѣдніе должны ихъ кормить, обрабатывать землю, поддерживать хозяйство, вносить за нихъ подати и по смерти похоронить, и какъ-бы въ уплату за всё это покойники оставляютъ этому кормильцу ихъ движимое и недвижимое имущество, хотя-бы родовое. Такое право вытекаетъ изъ безвыходнаго положенія родителей, неспособныхъ къ труду, оставленныхъ сыновьями, находящимися въ безвѣстной отлучкѣ, благодаря которой родители даже не могутъ обратиться къ покровительству закона. б) Всякое хозяйство безъ правильнаго присмотра очевидно падаетъ и приходитъ въ окончательное разореніе; выкупные платежи, совмѣстно съ трудомъ членовъ семьи, какъ-бы даютъ право этимъ послѣднимъ считать родовое имущество уже частью благопріобрѣтеннымъ, а слѣдовательно пріобрѣтается и право распоряженія имъ по своему усмотрѣнію. Чтобы не впасть въ ошибку и не лишить родовой части наслѣдника, вышедшаго давно изъ общаго хозяйства не по своей винѣ, а въ силу какихъ либо обстоятельствъ, само общество, зная хорошо семейныя отношенія всѣхъ членовъ своего общества, является всегда на помощь, или—вѣрнѣе сказать—являлось до реформы 1889 года волостнымъ судамъ.

О наслѣдованіи дѣтьми обоого пола въ имуществѣ ихъ матери.

(Сл. Уды).

Если, послѣ смерти матери, остается имущество движимое, то дочери, при отсутствіи духовнаго завѣщанія, получаютъ часть движимости и то, что носитъ общее названіе „приданнаго“, всею-же остальною движимостью и недвижимымъ имуществомъ, наслѣдуютъ сыновья, на которыхъ лежитъ обязанность выдавать замужъ сестеръ въ томъ случаѣ, если это не сдѣлано при жизни матери.

О наслѣдованіи сестеръ къ имуществу бездѣтнаго брата, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола.

(Г. Золочевъ).

Если братъ умеръ бездѣтнымъ и, изъ наслѣдниковъ по нисходящей линіи, остался въ живыхъ сестра, то эта послѣдняя

получаетъ все братнино имущество, въ чемъ бы оно ни заключалось: въ хатѣ, постройкахъ, скотѣ, предметахъ домашняго хозяйства и деньгахъ. Единственной наслѣдницей въ этомъ имуществѣ является она, какъ въ томъ случаѣ, если она дѣвушка, такъ равно и въ томъ, если она за долго до смерти брата была выдана замужъ, слѣдовательно получила причитающуюся на ея долю часть въ видѣ приданнаго. Представители боковыхъ линій изъ имущества этого ничего не получаютъ, за исключеніемъ обязательствъ и проч., которыя могли существовать между наслѣдооставителемъ и представителями боковыхъ линій.

О наслѣдственныхъ правахъ сестеръ, при братьяхъ, въ отцовскомъ имуществѣ.

(С. Должикъ).

Въ обыкновенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, съ надѣльной землей, усадьбой, постройками на ней, скотомъ и проч., сестры при братьяхъ получаютъ, при выходѣ замужъ, то, что называется „приданнымъ“; изъ общаго имущества „справляется“ свадьба. Вотъ все, что получаетъ дочь. Все же остальное остается въ распоряженіи отца, а послѣ его смерти, — сына, если, кромѣ этого, у отца была крѣпостная земля, пріобрѣтенная имъ, то, если не было завѣщанія, она переходитъ къ сыну. Если же будетъ удостовѣренно актомъ, или инымъ путемъ, что отецъ часть крѣпостной недвижимости желалъ передать и дочери и какую именно часть, то дочь и должна получить ее.

О наслѣдованіи старозаимочною землею пріймакомъ и боковыми.

(С. Гавриловка).

1. „Побратимы“ — сводныя дѣти наслѣдуютъ каждый въ своей „батьковщинѣ“.

2. Сводныя дѣти состоятъ въ близкомъ родствѣ, и бракъ между ними невозможенъ.

3. Вдовецъ обязанъ падчерицъ выдать замужъ изъ своей хаты, если онѣ его почитаютъ и на его семью работаютъ.

4. Племянникъ полный наслѣдникъ въ имуществѣ своего родного дяди, если у него нѣтъ родныхъ сыновей.

5. Дочь, вышедшая замужъ въ другое общество, при отсутствіи другихъ прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдуетъ въ батюшчинѣ.

6. Пріймакъ, если принять къ дочери, живетъ только на имуществѣ, но не наслѣдуетъ, а наслѣдницей остается дочь, причемъ, если дочь эта умретъ раньше и останутся дѣти, а пріймакъ женится на другой и будетъ имѣть еще дѣтей, то послѣдніе не наслѣдуютъ въ имуществѣ принявшаго.

7. Пріимаки мужъ и жена, принятые къ бездѣтному, владѣютъ только по письменнымъ документамъ, а при отсутствіи документовъ вытѣсняются наслѣдниками.

8. Старозаимочная земля, если не находится наслѣдниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія, поступаетъ въ пользу общества.

О наслѣдованіи материнскимъ имуществомъ дочерьми, при существованіи сыновей.

(С. *Пересычное*).

1. Слово „побратимъ“ не употребляется, а „сведенія“—сводные братья и сестры наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ.

2. Отецъ обязанъ выдать замужъ сводныхъ дочерей изъ своей хаты и прилично снарядить, если работаютъ на его семью.

3. Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ въ отцовщинѣ, а братья обязаны выдать замужъ изъ отцовской хаты и прилично снарядить.

4. Дочери въ „материзнинѣ“, движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, даже если выйдутъ и замужъ, полныя наслѣдницы и даютъ часть братьямъ по своему согласію.

5. Незаконнорожденные не наслѣдуютъ въ имуществѣ мужа ихъ матери, а наслѣдуютъ въ имуществѣ послѣдней.

6. Незаконнорожденные, при существованіи законныхъ наслѣдниковъ, наслѣдуютъ въ материнскомъ, а законные въ отцовскомъ.

7. Въ имуществѣ матери, при отсутствіи отцовскаго имущества, наслѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти „по братски“ поровну; обыкновенно же мать „за живота“ распредѣляетъ.

8. „Жировыя дѣти“, т. е. прижитыя до брака лицами, которыя затѣмъ вступили въ бракъ, признаются наравнѣ съ за-

конными и такимъ путемъ наслѣдуютъ; при крещеніи обыкновенно записываютъ такихъ дѣтей по фамиліи отца.

9. Часть, оставленная отцомъ, при раздѣлѣ сыновей, на себя, переходитъ различно: къ одному сыну, поровну, въ неравныхъ частяхъ, въ зависимости отъ воли отца, который распредѣляетъ оставленную часть при жизни, въ противномъ же случаѣ сыновья дѣлятся, если платили платежи поровну и похоронили отца на общія средства.

10. Сводные братья и сестры признаются въ близкомъ родствѣ, и бракъ возможенъ развѣ только въ третьемъ колѣнѣ или далѣе.

11. Отцовская часть, т. е., оставленная при раздѣлѣ сыновей отцомъ на себя, переходитъ къ тому изъ сыновей, у котораго отецъ жилъ, кто похоронилъ и кто платежи за его часть платилъ.

О правѣ наслѣдованія „пріймака“, при наличности родного сына.

(С. Омиана).

Принятый къ дочери домохозяина или посторонній пріймакъ, въ прежнее время, въ обезпеченіе себя, дѣлалъ документъ въ волостномъ правленіи о передачѣ принявшими опредѣленнаго имущества принятому; документъ этотъ подписывался сторонами и добросовѣстные, въ нѣкоторыхъ случаяхъ при пріемѣ—люди болѣе состоятельные, совершали духовное завѣщаніе. Къ обществу рѣдко обращались за разрѣшеніемъ, хотя и бывали подобные случаи. Если происходили ссоры и пріймакъ прожилъ немного, то пріймака удаляли, вознаградивъ по расчету за прожитое деньгами или частью имущества. Домохозяинъ, выдѣливъ старшаго сына, имѣлъ право на оставленное на себя имущество принять „пріймака“; такой пріймакъ, прожившій на имуществѣ домохозяина до смерти послѣдняго, платя всѣ платежи и похоронивъ, наслѣдуетъ этимъ имуществомъ. Если у принявшаго, при пріемѣ „пріймака“, были малолѣтніе наслѣдники мужскаго пола и „пріймакъ“ прожилъ до ихъ совершеннолѣтія, то домохозяинъ „за живота“ распредѣлялъ свое имущество между своими родными дѣтьми и „пріймакомъ“. Если онъ не успѣлъ распредѣлить, то наслѣдники вы-

дѣляютъ пріймаку часть изъ имущества, если пріймакъ пріобрѣталъ и увеличивалъ имущество, въ противномъ случаѣ, т. е. если расточилъ имущество и пьянствовалъ, изгоняютъ „пріймака“ и ничего не даютъ. Принятый безъ документа не могъ изгоняться, и обыкновенно старики сосѣди удерживали говоря: „если ты-де прогонишь, то придется платить“; на томъ оканчивалось и пріймакъ оставался жить. Въ настоящее же время т. е. въ послѣдніе годы всѣ „пріймаки“ совершаютъ документы и запрашиваютъ согласія общества, что и было, повидимому, въ виду, при прежнемъ установленіи существованія обычая наслѣдованія пріймаковъ. На положеніе „пріймака“ въ прежнее время имѣлъ большое вліяніе платежъ „подушнаго“; кто отдавалъ свою душу „на платежъ“, тотъ тѣмъ уже какъ-бы передавалъ и имущество, обезпечивающее платежъ и по необходимости долженъ былъ совершать документъ, такъ какъ переписывая по книгамъ платежъ подушнаго, въ то же время писали и условія передачи имущества.

О правѣ наслѣдованія жены послѣ мужа и о правѣ пользованія надѣломъ умершаго бездѣтнымъ сына.

(С. *Васищево*).

Жена умершаго домохозяина является, по обычаю, полной домохозяйкой, она пользуется всѣмъ имуществомъ умершаго, движимымъ и недвижимымъ, распоряжается имъ, и боковые родственники умершаго права этого лишить ее не могутъ, хотя бы она была и бездѣтна. По смерти бездѣтнаго сына имущество его, при отсутствіи жены, поступаетъ родителямъ въ пожизненное пользованіе, а въ противномъ случаѣ женѣ и, уже по смерти ея, родителямъ умершаго. Это правило по отношенію къ родителямъ практиковалось въ томъ случаѣ, если родители выдѣлили сына изъ своего имущества. Если-же сынъ самъ пріобрѣлъ имущество, приставъ напр. въ пріимы, то на таковое имущество родители сына права никакого не имѣютъ.

О правѣ домохозяина распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти.

(С. *Песочинъ*).

1. Обыкновенно отецъ, отдѣливъ сыновей, оставляетъ часть на себя, которою можетъ, на случай смерти, распорядиться

по своему усмотрѣнію, и въ большинствѣ случаевъ отецъ отписываетъ тому изъ сыновей, кто при немъ жилъ и его похоронилъ по христіанскому обряду, если-же всѣ сыновья платили за оставленную на отца часть и похоронили, то отецъ дѣлитъ свое имущество на всѣхъ. Случаевъ отдачи отцомъ по духовному завѣщанію одному сыну, въ ущербъ остальнымъ, какъ родового, такъ и благопріобрѣтеннаго, не было. Отецъ, чувствуя приближеніе смерти, призывалъ сосѣдей и словесно указывалъ каждому изъ своихъ наслѣдниковъ части имущества, по возможности уравнивая ихъ стоимость, въ землѣ указывалъ каждому слѣдующее ему „загоны“ и „садки“. Если, по смерти отца, братья живутъ мирно и уважаютъ память отца и его посмертныя распоряженія, то „держутъ“ такъ, какъ отецъ указалъ, въ противномъ случаѣ обиженный или считающій себя таковымъ обращается въ судъ. Судъ, черезъ опросъ свидѣтелей, устанавливалъ стоимость частей въ моментъ распоряженія отца и старался уравнять, сохраняя за наслѣдникомъ указанная части отцомъ. До смерти-же отца, каждый изъ наслѣдниковъ его свято выполнялъ волю отца и пользовался только тѣмъ, что отецъ указалъ. Если домохозяинъ не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ и желалъ имущество вручить члену „чужой фамиліи“, то дѣлалъ духовное завѣщаніе. Такая духовная совершалась въ присутствіи четырехъ или болѣе стариковъ, сельскаго старосты и непременно подписывалась священникомъ, съ приложеніемъ церковной печати; духовная хранилась или въ церкви или чаще у того, кому отписано имущество. При совершеніи духовная свидѣтельствовалась въ волостномъ правленіи и по смерти никуда не представлялась. Случаевъ распоряженія имуществомъ, кромѣ главы семейства, другими членами семейства не было. Женщины свое имущество—„материзну“ могли отдавать по словесному и письменному завѣщанію. Домохозяинъ, желая обезпечить свою жену, при прямыхъ наслѣдникахъ, совершалъ „передаточную“ росписку о передачѣ части родового и благопріобрѣтеннаго имущества женѣ по ея смерти или до выхода замужъ; передаточная росписка имѣла временный характеръ, а духовная имѣла характеръ вѣчнаго владѣнія; въ передаточной роспискѣ

ставились условія, чтобы жена жила при дѣтяхъ и проч. Душеприказчиковъ не было. Лица, въ пользу которыхъ отписано имущество по духовному, тотчасъ вступаютъ въ распоряженіе имуществомъ, т. е. скорѣе хозяйничаютъ подъ надзоромъ завѣщателя. Словесныя распоряженія, касающіяся имущества между прямыми наслѣдниками, относятся также къ третьимъ лицамъ, обязывая выдать замужъ, или выдать столько-то при выдачѣ. Домохозяинъ имѣетъ право и совершаетъ духовную на имя жены на благопріобрѣтенное имущество, если нѣтъ наслѣдниковъ прямыхъ. Завѣщатель имѣетъ право во всякое время измѣнить и уничтожить духовную. Духовныя завѣщанія не приводились въ исполненіе, такъ какъ, при жизни завѣщателя, наслѣдники вступали въ пользованіе имуществомъ.

О силѣ и значеніи духовныхъ завѣщаній въ крестьянскомъ быту.

(С. *Церестинное*).

Духовныя завѣщанія существовали, какъ письменныя, такъ и словесныя; письменныя совершались очень рѣдко, словесныя завѣщанія совершались въ присутствіи и болѣе сосѣдей—стариковъ и старосты, если онъ могъ быть; письменныя духовныя совершались за подписью 4 и болѣе свидѣтелей, священника въ церковную печатью и старосты съ его печатью. Духовныя завѣщанія письменныя свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи, при жизни наслѣдодателя. Духовныя хранились у того, кому отписано имущество, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ церкви. Случаевъ назначенія душеприказчиковъ не было. При жизни домохозяинъ опредѣлялъ каждому изъ сыновей опредѣленныя части имущества, оставивъ часть на себя; оставленную часть на себя отецъ отдаетъ кому нибудь изъ наслѣдниковъ, кто его кормитъ и похоронитъ по христіанскому обряду, по словесному или письменному завѣщанію или закрѣпляетъ за ними по „дарственной“ или „запродажной“; если сыновья всѣ кормятъ, платятъ за часть и похоронятъ, то отецъ дѣлитъ оставленную на себя часть на всѣхъ. Раньше письменные документы вообще рѣдко совершались. Отецъ старался распределить части между наслѣдниками поровну, а если давалъ кому либо больше, то дѣлалъ документъ:

„передаточную“, запродажную, дарственную записи. Случаевъ отдачи по завѣщанію одному изъ прямыхъ наслѣдниковъ родового имущества въ ущербъ другимъ не было. Домохозяинъ могъ распорядиться благопріобрѣтеннымъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Домохозяинъ, желая обезпечить вторую жену, при прямыхъ наслѣдникахъ, могъ совершить духовное завѣщаніе на благопріобрѣтенное имущество въ пользу жены, а на родовое могъ только совершить — и то только на часть, „передаточную росписку“ по смерти или до выхода замужъ. Женщина могла своимъ имуществомъ распорядиться какъ по письменному, такъ и по словесному завѣщанію, причемъ, сравнительно съ мужчиной, женщины всегда сами распредѣляютъ свое имущество. Домохозяинъ совершивши духовную или другую запись могъ уничтожить или измѣнить ее. Случаевъ распоряженія имуществомъ опредѣленнымъ членамъ семьи при жизни домохозяина не было, а имущество, или переходило къ наслѣдникамъ умершаго или, за отсутствіемъ послѣднихъ въ прямой нисходящей линіи, оставалось во дворѣ домохозяина. Домохозяинъ, распредѣляя части словесно или письменно, обязывалъ наслѣдниковъ въ пользу третьихъ лицъ, вродѣ выдачи сестры замужъ или выдачи денегъ и проч. Случаевъ передачи родового имущества въ боковыя линіи при существованіи наслѣдниковъ въ нисходящей линіи не было. Домохозяинъ, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, желая передать имущество въ чужую фамилію, совершалъ купчую, дарственную, запродажную и проч.

О правѣ наслѣдованія частью имущества, оставленнаго отцомъ на себя, при раздѣлѣ сыновей.

(С. Гавриловка).

Духовныя завѣщанія существовали какъ словесныя, такъ и письменныя; словесныя завѣщанія совершались при свидѣтеляхъ старикахъ отъ 3 до 12 человѣкъ и въ присутствіи сельскаго старосты, если на тотъ случай можетъ явиться; письменныя совершались при свидѣтеляхъ отъ 3 до 4, подписывались непременно священникомъ, съ приложеніемъ церковной печати, и сельскимъ старостой съ его печатью; при совершеніи

духовныя завѣщанія свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи; по смерти эти духовныя никуда не представлялись; духовныя завѣщанія хранились у того, кому завѣщано имущество. Домохозяинъ, при жизни, словесно, при свидѣтеляхъ, распредѣляетъ имущество между своими прямыми наслѣдниками, оставляя часть на себя. Оставленную часть отецъ опредѣляетъ тому изъ сыновей, кто его кормилъ, за часть платилъ и похоронилъ по христіанскому обряду; если всѣ сыновья кормятъ, платятъ за часть и похороняютъ, то дѣлится часть на всѣхъ. Если отецъ желаетъ отдать оставленную на себя часть, то долженъ сдѣлать духовное завѣщаніе; при отсутствіи завѣщанія письменнаго, часть раздѣляется, независимо отъ того, было ли словесное распоряженіе или нѣтъ; вмѣсто духовной часто на эту часть совершается дарственная запись. Раздѣленные сыновья вступаютъ во владѣніе имуществомъ, при жизни отца, и не спорятъ въ это время, а, по смерти отца, обиженный обращался въ судъ, который при разрѣшеніи принималъ во вниманіе стоимость опредѣленной части и другія обстоятельства и старался уравнять, не нарушая указаній домохозяина. Случаевъ отдачи по духовному завѣщанію одному сыну родового имущества въ ущербъ другому сыну не было; благопріобрѣтенное же имущество отецъ могъ отписать одному. Женщина имѣла право распоряжаться своимъ имуществомъ какъ по словесному, такъ и письменному завѣщанію. Домохозяинъ, желая обезпечить свою жену, при прямыхъ наслѣдникахъ, совершалъ „передаточную росписку“, опредѣляющую часть изъ родового и благопріобрѣтеннаго имущества по смерти или до выхода замужъ. Благопріобрѣтенное домохозяинъ могъ отписать по духовному завѣщанію своей женѣ. Какъ по письменному, такъ и по словесному завѣщанію опредѣляются обязательства наслѣдниковъ въ пользу третьихъ лицъ, вродѣ выдачи замужъ по состоянію и проч.

О правѣ наслѣдованія дочери, вышедшей замужъ за крестьянина другого общества.

(С. Одноробовка).

Если дочь выходитъ замужъ за крестьянина другого общества и, слѣдовательно, оставляетъ то, въ которомъ жилъ по-

койный ея отецъ, то она должна получить все движимое и недвижимое, за исключеніемъ усадьбы и полевого надѣла. Въ Одноробовкѣ усадьбы составляютъ нераздѣльную часть надѣла и входятъ въ эти послѣдніе. Если-бы вышедшая замужъ въ другое общество крестьянка получила отцовскую усадьбу, то, не живя на ней, она не отбывала-бы натуральныхъ повинностей, равнымъ образомъ, если бы она держала на этой усадьбѣ какого нибудь временно проживающаго квартиранта, то и этотъ послѣдній не отбывалъ бы тѣхъ-же самыхъ повинностей.

О правѣ наслѣдованія вдовы неотдѣленнаго сына, оставившаго дѣтей.

(С. Одноробовка).

Если вдова послѣ смерти мужа остается въ семьѣ свекра, то она является участницей въ общемъ хозяйствѣ, т. е., на обязанности какъ ея, такъ и свекра лежитъ повывадать замужъ дочерей первой и внучекъ—послѣдняго, а сыновьямъ или внукамъ выдѣлить слѣдующую имъ часть, по достиженіи совершеннолѣтія. Равнымъ образомъ и вдовѣ указывается ея вдовья часть. Если она, оставивши свекра, выходитъ замужъ и оставляетъ семью покойнаго своего мужа, то забираетъ свое приданное, заключающееся въ одеждѣ, скотѣ и пр. и, кромѣ того, свекоръ даетъ ей часть хлѣба и часть скота изъ своего хозяйства. Если между дѣтьми есть мальчики, а покойный ихъ отецъ имѣлъ на свою душу надѣлъ, то вдова можетъ пользоваться этимъ надѣломъ, если бы вышла даже замужъ и въ другое общество. Если же такого отдѣльнаго надѣла не было, а былъ лишь одинъ у свекра, то изъ земли она ничѣмъ не пользуется, и право пользованія имъ пріобрѣтается ея сыномъ уже послѣ смерти свекра. Наконецъ, если вдова по своему желанію оставить свекра, то въ такомъ случаѣ этотъ послѣдній въ правѣ ей ничего не дать, кромѣ ея приданнаго, которое и забирается ею съ собой; напротивъ, если поводъ къ уходу былъ поданъ самимъ свекромъ, по характеру-ли его, неуживчивости и проч., то, кромѣ приданнаго, онъ обязанъ дать ей изъ своего хозяйства хлѣбомъ, скотомъ и пр.

ОТДѢЛЪ II-й.

МАТЕРІАЛЫ

ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

ОТДѢЛЪ II-Н.

МАТЕРІАЛЫ

ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. I.

СТАРОВѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

12.—Сл. Бѣло-Куракино.

Гл. 3-я.

Народные рассказы и легенды.—Рассказы о разбойникахъ.

1. „*О тимѣ, відкиль взялись мироиды.* Якъ Богъ змѣтивъ, що Ёго сáмый старшій Янголь задума́въ Ёго змисты́ты, щобъ у сво́йй ру́ки ви́жки взя́ты, то Винъ на́першъ всѣ́го очухра́въ ё́му изъ кри́ль пи́рря, забра́въ свою́ всю одѣ́жу, й зро́бывъ ё́го всѣ́го въ шер́сты, уквича́въ рога́мы, щѣ́ й зза́ди й хвистъ ё́му прычи́пывъ, та такъ и турну́въ ё́го изъ не́ба въ пе́кло.. Такъ винъ, якъ коты́вся туды́ (доро́га, ма́ть, бу́ла не рѣ́вна), а хвистъ од́павъ и впа́въ на зе́млю та́й поро́дывъ видъ се́бе мироиды́въ“.

2. „*О тимѣ, якѣ пъяныця попавъ у рай.* Умѣ́рь пъяны́ця, та́й блука́ по то́му свѣ́ти, шука́е ра́ю. Дѣ́ло це́ бу́ло но́шної до́бы. Дѣ́выцьця—двѣ́ри, й дава́й сту́коты́ты.—„Хто тамъ (та́мычки), оклы́каецьця Свя́тый Петро́?“—„Це́ я—пъяны́ця, промо́вывъ то́й“.

„Зачи́мъ ты сю́да, хиба́ ты́ ни зна́єшь, що́ пъяны́ци́ ни наслѣ́дують ца́рства Бо́жого?“—„А хиба́ ты́ то́ди бу́въ пъя́ный, якъ одъ́ Хры́ста одры́кся“?..... Вы́слухавъ це́ Свя́тый Петро́, почеса́въ со́би поты́лицю, та́й хи́ли наза́дки, а дѣ́мка бѣ́ то́ все́ така́, щобъ спы́ныты́ це́го неokaй́нного грѣ́шны́ка; й посла́въ винъ за́—ми́сть се́бе Свя́того Па́вла; иды́, мовъ́, ка́же, ты́: мо́же, спы́нышъ цю́ю не́чисть“.

А пъяны́ця зна́й сту́чыть... —„Хто́ сту́чыть, гукну́въ Свя́тый Па́влѣ“?—„Пъяны́ця“.—„За́ чымъ“?—„Зви́с-

но,—раю шукáю“.—„Чи ты зъ глúзду, бувà, зóвсимъ ни зби-хавъ: хибà жъ ты не знáешъ, що пъяныци да ни вунаслiдують Цàрствiя Бóжого“?—„А ты хибà забúвъ, якъ казàвъ, тай и въ Вангелiи йе, шо—„не суды й не суденъ бúдешъ“.—Св. Павлò мирщiй до Вáнгелийя; ось, мовъ, докажù, начàвъ розгóртувати, шукáты, а пъяныця тимъ чáсомъ-шмiгъ поблè ёгò, та въ самiсенъкий рай.—Св. Павлò й бáйдуже собi, все шукà, а той давнò вже у раю. Оттàкъ то пъяныця попàвъ у рай“.

3. „О тимъ, що трапiлося Давыду, якъ допысувавъ псавтырь. (Хто кóнчивъ псавтырь). Царь Давыдъ довго мусувàвъ, якъ бы лúчче закóнчиты свий псавтырь; а жàбы, якъ на злò, розкрычàлысь напро́тивъ ёгò хáты у óзери и зóвсимъ мишàлы ёмù: ни якъ сердяга не прыдúма, чимъ розквытáцьця, попóвныты та закрасыты на киньцi свий псавтырь; й начàвъ зъ досáды, та злòсти, що ни йе, зъ усийейи сýлы проклынàты цiю помiху—гáспидьськихъ жàбъ; уже винъ: й шобъ на васъ лыхà годýна, й шобъ вы пропàлы, й трýсьця вамъ, а дáли й одýмався: та нà що жъ це я йихъ лáю?—ить и воно жъ живстýна, ёгò Богъ создàвъ, и всякое живòтное дыхàние тожъ хвáлыть Гóспода. Якъ сказàвъ це Давыдъ, тàкъ и спыдхвaтýвся зъ стильцà, зрáдивъ: „стой, кáже, це самъ Богъ навiвъ менè на ци мýсли, тепèрь знáю, шо робýты“,—та взявъ тодi тай закóнчивъ свий псавтырь тýмы словáмы, що зпокúтовавъ свий грихъ за проклятьтя жàбъ: „Всякое дыхàние да хвáлыть Гóспода“.—И такъ, якъ бы ни лúчсь на цю пóру жàбы, ни зàщо бъ Давыдъ не кóнчивъ бы свий псавтырь; знáчить, кóнчили псавтырь жàбы“.

4. „О тимъ, якъ хотилося Св. Петру нагpадыты бiдного. Одынъ разъ йшовъ Исýсъ Христòсъ зъ Св. Петрòмъ, й зайшлы ночувáты до одного вбóгого чоловiка,—мóжно бачъ бы й до багачà, такъ разсовiтувалысь: бiдный, кáжуть, лúчче—усérд-нишъ прýйме. Прыйшлы; той бувъ такий радъ, шо не знавъ, де йихъ и посадыты й чимъ погостýты; принявъ, звiсно, похристýянському. Отъ переночувàлы вонь, выйшлы одъ бiдного и йдúть чéрезъ мистъ, а Св. Петрò й кáже: „Гóсподы! давай поставымо отúть на цiмъ мисткú глéчичокъ золотыхъ оцемù бидолáзи, де мы ночувàлы, ёмù никуды бильшъ выйты зъ двóру, якъ не на цей мистъ, и отò винъ йтыме й вóзьме ёгò собi за

ёго добру до насъ ласку". (Бачъ, нельзя бѣ-то, скажемъ, було йимъ тоді самымъ дѣты, чи може забѣлы). — „Хибѣ жѣ вонѣ вони ёму й достануцьця, хочѣ-бы й поста́выты оцѣ ихъ тутъ? Ско́ришъ вѣзьме онъ той багачъ, шо чотыри пары волѣвъ маѣ". — „Ни такѣ, каже Св. Петро, поста́вымо та́й поста́вымо, може такѣ вѣзьме", — и зѣ тымъ насто́йивъ награды́ты бѣдного. — „Ну ходимъ же, сказа́въ Иису́съ, геть ви́дциль, ста́немъ о́далъ та бу́демъ ды́выцьця, чи ви́йде пра́вда". — Наложѣлы повне́нький куші́нчикъ золотыхъ й поста́вылы на мистку, а самы засѣлы у бѣрези й зарѣть, шо зѣ цѣго ви́йде. Дѣвляцьця, — йде бѣдный по грѣбли черезъ мистъ; дохо́де до мо́сту, подывѣвсь кругомъ се́бе, знявъ ша́пку й ка́же: „Бо́же мѣлостывѣй! якъ вонѣ ото слипѣ хѣдять чѣрезъ цей мистъ, колы вонѣ тутъ й вы́дючому стра́шно: — кудѣ не глянь, сама́ вода́ та такъ и бу́ре; дай и собѣ за́жму́рю о́чи, спрѣбую, може такъ — невы́дючому не такъ стра́шно бу́де". За́плющивъ о́чи и пишо́въ собѣ чѣрезъ мистъ, мовъ слипѣй бачъ, та́й пройшо́въ куші́нчикъ зѣ грѣшмы. От-такѣ, — ды́выцьця Св. Петро на цю кумѣдию й почиса́въ потѣ-лыцю. Це зго́домъ трѣхи, якъ со́нце ста́ло о пивднѣ, ййде ба-гачъ зѣ плѣгомъ, за́пряженымъ чотырма́ парамы волѣвъ и тожѣ собѣ на мистъ, кричи́тъ: „со́бъ, со́бѣ! гей, гей"! й тѣки зѣйѣхавъ на мѣстъ, дѣвыцьця блищи́тъ куші́нчикъ золотѣй; „тпру"! спы-нывъ ми́рыщѣй волѣвъ, до ёго, а въ ёму повні́синько золотыхъ. Нахили́вся й взявъ багачъ тигро́ши й не перехристывся, ще й попиня́въ: „бачъ, ка́же, не зумѣвъ хтось яко́го добра́ берегты"!.. Зѣ тыхъ пирѣ пишо́въ багачъ ще й дѣжче багати́ты, а бѣдный бѣднѣты. — „А шо, ка́же тоді Иису́съ Св. Петро, — не я каза́въ"? Таке́-то!

5. „Гонѣны на Христа. Було́ яко́сь разѣ гонѣны на Христа одѣ хварысе́йивъ; отѣ вони шо ускѣчуть у о́дынъ двѣрь, а Хри-сто́сь уже́ у дру́гому, — вони́ у дру́гий, а Хри́сто́сь у тре́тий и ось-ось уже́ за ма́лымъ оста́лось йимъ спѣйма́ты, — да́ли дѣв-люцьця, а Винъ вже пишо́въ у по́ле й ставъ ко́ло того́ чоло-вика́, шо розсѣва́ собѣ нѣву. Прѣйшо́въ Хри́сто́сь й нача́въ просѣты́сь, шо́бъ той чоло́викъ схова́въ бы ёго де-не́будь одѣ врагѣвъ, бо ось вже, ка́же, неда́лѣчко за мно́ю йду́тъ хварысе́йи, вѣзьму́тъ мене́ и бу́дутъ истязѣ́ты на своѣ́ потѣху. — „Бо́юсь,

одвичà той, нигде въ мене Тобѣ заховатись, а знайдуть ѣ менѣ на медь бѣде".—„Ну, такъ зъ тымъ прощай, а якъ прѣйдуть до вѣзу, такъ ты ѣихъ забалакай, щобъ дали минѣ одъ ѣихъ одиты".—Пишѣвъ собѣ дали Христѣсъ, а мужикъ, кончивъ розсѣваты ѣ затѣго кончавъ волочиты, колы такъ—идѣ цѣла юрма хварысѣивъ та такъ прямо до вѣзу ѣ гребѣцця: „чи не бачивъ ты, мовъ, дѣду, де Христѣсъ дивався, куды видъ тебѣ винъ пишѣвъ"?—„Недавнично, одвичà, бувъ тутъ хтось кѣло мене, просѣвся сховатись, ѣ нѣякъ давнѣ, кàже: тодѣ, якъ я цю нѣву зберався коньчаты сѣяты". Ти зиркъ на нѣву, а вона вже зеление ѣ затѣго збераецця колосься викидаты; колыжъ цѣ вона тутъ булѣ те дѣло, дѣмають? Тай пишлѣ назàдъ, обизналысь бачъ бы то, мѣже ѣ зблудылы.—А дѣдъ стойтъ тодѣ надъ своѣю нѣвою ѣ самъ не свѣй одъ такогѣ чѣда".

6. „*О тимъ, зъ чогѣ взялысь ведмѣди.* Ёшѣвъ разъ Госпѣдъ зъ Св. Петрѣмъ чѣрезъ мистъ, а зъ-пидъ мѣсту вѣбигъ чоловикъ у вѣвернутому кожѣси,—винъ за здалегидъ ѣще заховався тамъ, и дѣмка бѣ то булà въ ѣго злякаты Исѣса и Петра,—та якъ крикне: „ве"!.. а Госпѣдъ одвернѣвъ одъ ѣго, плѣнувъ ѣ сказавъ: „ну, такъ идѣ жъ тепѣрь собѣ у цѣй шкѣри на вси крайнѣ свѣта, лякай лѣудей, а лѣуды тебѣ". Пишѣвъ тодѣ той чоловикъ ведмѣдемъ, а зъ ѣго ѣ намнѣжився вже ѣ по всѣмѣ свѣту ведмѣжий рѣдъ. Отъ тымъ то ведмѣдъ ѣ похѣжий на лѣудѣну".

7. „*Вѣдкиль взялысь гадѣюки.* Гадѣючки тожъ взялысь одъ тогѣ, шо однѣй жѣнѣци хотѣлось чи злякаты бѣ то, чѣ, мѣже, пошутковаты зъ Христѣмъ и св. Петрѣмъ. Ийдуть бачъ вони пѣсля тогѣ, якъ чоловикъ хотѣвъ ѣихъ злякаты, а вона ѣ повзѣ рачки и гѣла, та ѣимъ пидъ нѣги и почалà сычиты: вѣсолопыла языкъ ѣ ну—„с... с... с"!—Госпѣдъ проклѣвъ ѣий ѣ сказавъ: „зъ сѣгѣ часѣ, ты бѣдѣшь новѣнною на землѣ, цѣлый вѣкъ тобѣ повзаты на пѣзи ѣ безъ одѣжи". Жѣнка полѣзла гадѣною ѣ расплодыла ѣихъ одъ сѣбе по всѣмѣ свѣти".

8. „*О тимъ, якъ хотѣлы Христѣ згубиты.* Иродовѣ вѣйсько заздрѣло, шо Ёсѣхвъ зъ Бѣжою Матѣрю неслѣ кудысь младѣнѣця Исѣса, ѣ пѣстылысь за нѣмы наздогѣнъ, щобъ стрѣбыть младѣнѣця. Ёсѣфъ зъ Марѣєю змѣтылы погѣню, прыбѣлысь у однѣ жильѣ та мирѣций въ хату, а тамъ сидѣть хозяйка надъ

колыскою й кача своё дитычѣ; вонѣ отò довго незабарёмъ, взяли ёгò зъ люльки собѣ на рѣки, а свогò положили на помѣсть й упросѣли ту жѣнку чужѣ назвѣты своймъ, а своё чужѣмъ. Вона такъ и зробила. Настыгли гонѣтели взяли зъ рукъ Божойи Матери младенця, распалили у пичи, й бросили ёгò туда. А Спасѣтель такъ спасся. Зъ тыхъ пиръ прынычѣжилось гонѣныя на Христѣ“.

9. „*О Велькодню*. На що мы такъ кѣжемъ: „Велѣкдень?“— Велѣкдень називаецѣя потòмъ, що въ те время, якъ Христòсъ родѣвся, свѣтѣло сòнце и стоявъ одѣнь такѣй день, шо тепѣришнихъ трѣба цѣлыхъ симъ днивъ зложѣты до кѣпы. Дни ци помѣнѣчали зъ тыхъ пиръ, якъ жидѣ роспѣяли Христѣ; тодѣ, це бачъ булò на препослѣдокъ, якъ ззийшлò сòнце у недѣлью въ рѣньци, та зайшлò ажъ у субòту у вѣчерѣ, а потѣмъ тòго тодѣ и тепѣрь дни помѣнѣчали и тѣлко у цѣрквы царьски вратѣ такъ стоять навстяжъ симъ сѣтокъ, якъ зпершъ колѣсь стоявъ день и свѣтѣло сòнце. Такъ ось чòгò винъ такъ зовѣецѣя,—винъ тепѣрь въ годѣ одѣнь, якъ колѣсь, до Христòвого роспѣяты вонѣ булѣ шо дня“.

10. „*Утренняя, обѣдня и вечерня*. Якъ ўтренний морòзъ прыбѣ на дѣби листь, а сòнце глѣне и листь опадѣ, такъ все равнò ўтренняя и обѣдня: у вѣтриню ты прыносѣшъ вси свойѣ грихѣ, шо за тѣждень нарòбѣвъ, и цѣркава ѣихъ охвѣчуе, якъ той морòзомъ листь, а обѣдня, та вже, бачъ, зовсѣмъ прощѣ твойѣ грихѣ, якъ те сòнце, шо пѣсля ёгò отпадаецѣя побѣтый морòзомъ листь. Вѣчерня слѣже за-дѣя тòго, щобъ въ нѣѣ згѣдувати дневнѣ свойѣ грихѣ“.

11. „*Шо есть быблия*. У бѣблии и ввесь свѣтъ завѣязанный и звѣязанный; ѣйѣи нѣякъ немòжно прочѣтѣты, бо ѣ хто по натѣжѣцѣя, захòче бачъ бы то все знѣты, шо въ нѣѣ ѣе, такъ той хочъ нехѣй шо, такъ ззумѣ ззийде. Грамотнимъ людемъ особлѣво трѣба берегѣсь, бѣблии, бо тамъ ѣе такѣ слова, щòѣ мòжно такѣ читѣты, а промѣжъ нѣмы то ѣе ѣ такѣ, шо нѣякъ не годѣецѣя ѣихъ кѣзѣты“.

12. „*Кимъ наповныцѣя пѣкло*. Пѣкло наповныцѣя попѣмы, панѣмы, неправеднымъ судѣямъ и ковалѣямъ, бо ѣ ци послѣдни рѣя не наслѣдуютъ,—вонѣ кувѣлы жидѣмъ гвòзди прыбѣваты Хры-

ста.—Про кабаччика й мирóшныка ще й на тимъ свѣти не додумалысь, кудѣ йихъ помистыты,—бо кабаччикъ недосыпавъ, а мирóшныкъ такъ бравъ, шо ажъ чѣрезъ верхъ сыпалось“...

13. „*Про Анцѣхрыста*. Анцѣхрысть наро́дыця изъ правосла́вныхъ. Отò може взамѣты вамъ, шо колысь булò усе небо червóне, такъ отò тодѣ сáме одынъ анцѣхрысть народѣвся. Вонѣ рóдяця чáсто, та тилко йимъ все невда́ецця влáстуваты мѣромъ,—якъ який оцѣ наро́дыця анцѣхрысть, то й начинае борóця зъ Бóгомъ, и якъ одолѣе колы, який зъ йихъ небудь, Бóга,—отò й начне́ця стра́шный судъ;—такъ Богъ, бачъ вамъ недоказавъ, такъ удáрывъ того анцѣхрыста, шо вмѣсти зъ червóнымъ небомъ родѣвся, шо ажъ землѣ затрусѣлась и трѣснула й ёго (анцѣхрыста) у трѣщину втяглò“.

14. „*Видьмы*. У насъ у Курáковий одъ здоро́вого мóсту и до сáмои Тѣхоньскои цѣркви двонáдцять видѣмъ. Зибра́лысь разъ мужики на ву́лицы длѣ (бѣля) Баба́евои кумóри, совсѣмъ вже на смеркáнны, бáчуть: де не взялась пѣриста кобы́ла, въ ботѣнкахъ на ногахъ, тай снує халѣра на ўзьбичи поверхний пѣрии, мóвъ глазѹэ, мы схопѣлысь та миры́ций до неѣ, й гайну́ли въ слѣдъ за нею, а вона хѣли, та въ пѹстку у ви́кно и щѣзла; трѣба бѣ булò отò и собѣ тудѣ дойти бѣ такѣ дѣла,—такъ побойлысь“.

„У одній станѣицей цѣй годъ вѣмерлы козáки, сотъ до чотырёхъ, та самѣ пайковѣ, прѣмо ми́жѣнны, а дощѹ цѣй годъ, за всю вѣсну и лѣто, тамъ нѣякъ ёго не булò, и цѣ все прычи́ною цѣмѹ всѣмѹ одна гѣмонова видьма; вона, чортѣвъ би ёѣи кѹча, такъ поробѣла. Ну, тай не безъ дóбрѣхъ же й людѣй, найшлѣсь таѣи, що дойшлѣ й до цѣго; найшлѣ, шо робѣты, якъ гóрю пособи́ты. Кáжуть, хтось проню́хавъ тай проказавъ про неѣ, що вона, якъ зачу́ла свою смерть, шо ёсь вже на́блѣжа́ецця, тай стáла скрѣзь ходѣты та́ роскáзуваты, а мѣнѣчимъ се́бе приказъ да́ваты: „мыну́лось моѣ царствѹва́ння, видьми́вська потѣха, о-се-сь ззо мно́ю смерть лучѣця, я й бáчу ийѣ, якъ вона зъ косо́ю за плѣчѣма въ мѣне хóде, такъ вы тодѣ, якъ бѹде ва́ша лáска, ка́жѣть лю́дямъ, шо робѣты одъ неврожа́ю: нехáй вонѣ перило́влють всѣхъ пѣвнѣвъ по всѣй станѣицей, по́вырыва́ють до кáнцура йимъ зъ хвостѣвъ пѣрья, щóбъ бу́лы

кўци, и пѳтимѣ трѣба ззибраты те пирья, питы у якій нѣбудѣ глыбѳкий ярѣ и повстромляты ѳго тамѣ,—й квитѣ—все бѣде иньякѣ, гораздѣ“.—Такѣ вонѣ, братѣ ты мий, якѣ зрѳбылы тѣ-кечки, такѣ-такѣ и пишѳвъ дощѣ; а це вже дѣло пидхѳдыло до ѳсыни; й ну тодѣ роскошуватѣ“.

15. „*О тимѣ, якѣ видѣму пиймѣты.* Якѣ тѣлко визнаѣшѣ, замѣ-тышѣ, шо видѣма здоила вже вѣ тебѣ корѳву, а визнаѣцѣя це такѣ: якѣ пѣде молодѣця доиты, а вонѳ булѳ молоко, та немѣ; зостѣ-нецѣя, якѣ китѣ наплакавѣ, тай те ненѣче зѣ крѳвьѳю пере-мѣшанѣ. Ото йдѣ мирѣций и дѣй стѣко надѳишѣ; тодѣ затѳп-люй у пичѣ, абѳ на прыпичку, колыбѣ це ни случѣлось тамѣ: у ранѣци, у вѣчѣри чи сырѣдѣ нѳчи, лѣй ѳго на сковорѣдку и пряжѣ; пѳтимѣ, якѣ зпряжѣцѣя, берѣ нижѣ тай рижѣ нѣмѣ по сковородѣ крѣстѣ и тѣкай ѳго тѣмѣ же ножѣмѣ,—и такѣ пышѣ ножѣмѣ крѣстѣ и тѣкай, пышѣ и тѣкай, якѣ бѣдѣшѣ це дѣлаты, вонѣ небизпрѣмѣнно до тебѣ прѣйде.—Ну, й дыкѳвынка, чѣете, я це сѣмѣ робѣвѣ и що жѣ?—Дывлюсь, а воно зѣ дру-гѳи пирий прыбигѣ до мѣне дѣльня сусѣдка и ныкѣ, ныкѣ по хѣти все, якѣ бѣтто чѳгѳ вызѣрѣла; та й тѣкѣ, ничѳго ни ска-зѣвше, й майнѣла махиндрѣла. Я вѣ слѣдѣ до нѣи: „тѣтко, тѣтко, чѳгѳ вамѣ, скажѣтѣ, чѳгѳ, чѳгѳ прѣхѳдылы“?! А вонѳ вже й слѣдѣ тѣтчѣнт захолѳнувѣ, й такѣ зѣ тѣмѣ ничѳго й не допы-тѣвсь, влѣпетнѣла; мѣбуть, и вѣ нѣи на душѣ такѣ зашквѣр-чало, якѣ тѣе молоко на сковородѣ, ну, зѣ тихѣ же й пирѣ, якѣ нѳгу вломѣла, и тепѣрѣ, до слѣчного чѣсу, все благополѣшно“.

16. „*О тимѣ, якѣ пидлядивѣ видѣму.* Колѣсь булѳ, роскѣзуютѣ ще нѣши батѣкѣ, ѳцѣ всѣ подѣна, де оттепѣрѣ базѣрѣ, булѣ княжѣ лѣки. Стогѣвѣ-стогѣвѣ тѣтѣ перебулѳ. Скѳтѣна ходѣла у прыпускѣ, а корѳвы хибѣ такѣ, мѣбуть, булѣ якѣ тепѣрѣ?—Эгѣ, мѣбуть,—ригѣ булѳ не достѣнишѣ.—Одынѣ разѣ унѣды-ласѣ видѣма до Зѣнѣцѣ доиты корѳвѣ, хѳде тай хѳде, ѳтѣ винѣ возѣмѣ тай засѣдѣ, дѣмка бѣ то такѣ булѣ, щѳбѣ пиймѣты; дѣ-выцѣя, а вонѣ копыцѣю пидсѣнуласѣ и дѳе, чѣты, цѣрчѣтѣ. А Зѣнецѣ мий, сѣдѣтѣ, прѣтулѣвсь до плитнѣ и зѣ мѣсьцѣ не зворухнѣцѣя ѳдѣ злѣку. Видѣма впрѣвыласѣ, вѣгнала телѣ зѣ зѣгорѳды, прычинѣла хвѣрточку та тодѣ вѣтягла зѣ борѳнѣ зѣ-бокѣ, насѣнуласѣ на Зѣнѣцѣ и всадѣла ѳго ѳмѣ вѣ задѣ.. Прыѣ-

шовъ тоді винъ у хату чутъ живый тай расказавъ, якъ було. Зубокъ той вѣтяглы ёму увесь у крові и хочъ вѣтягты й вѣтяглы, та недѣвго винъ, сердяга, після того поживъ,—умёръ. Кажуть, бачъ, не треба видьмы стерегты.—А були й такі люди, ось, приміромъ, Ковтунъ; такъ той дѣвицьця,—кѣтыцьця по дорѣзи видьма клубкомъ, винъ взявъ ёго, принісь до себе у хату та до лавы десь и врубавъ,—а на другий день показувавъ вже людямъ ту видьму,—бабу безъ носу“.

17. „*О тѣмъ, якъ видьму побачити*. У первый понедѣлокъ на масныцю заставъ бабу пекты млынци и первый той млынець, шо вона зпечѣ, возьми, згорни ёго, якъ слидъ, положи звѣрху на коминъ, и отѣ хай винъ тамъ лежить, не ворущь ёго до самого „Велькодня“. На Велькдень же, якъ ударють, слухай, у первый дзвинъ, бери ёго въ кишѣню и смалы мирщій у цѣркву, стий зъ нымъ тамъ цѣлу вѣтриню; а, прійшовше додому, сховай де нѣбудь, у скрини, абощо. Тоді тѣко дывись, та примчай: жадна видьма, одна зсперѣдъ ѣднои бѣде спишиты до тебе хочъ подержацьця за замѣкъ“.

18. „*Мѣртва видьма зъ непокутанымъ прихѣмъ*. У одного чоловіка та вмѣрла жінка видьма; отъ винъ взявъ тай заховавъ ий нѣшкомъ. Малось-бы то попѣ позвѣты, такъ винъ, спасѣби ёму, такѣ загарувавъ, шо й на голову не надѣнешъ: „твоя жінка, ка (каже), видьма и несповѣдана вмѣрла“; воно бѣ це все й ничѣго, хто бѣ ёго и знавъ про тѣе; оцѣ жѣ я и чоловікъ ий, а не скажи мині цѣго пипъ, и далѣбибѣ ни знавъ сѣго, а пипъ, та бувъ самъ видьмакъ родимый,—опыряка. Ну шѣ жѣ тутъ?—подумавъ—подумавъ, хочъ и грихъ скотынякою ховѣты, бо й вонѣ жѣ такой чоловікъ, якъ и мы грѣшны,—христѣянынъ, та нуждѣ законъ зминя. Зправився ото винъ зъ жінкою, а самъ поїхавъ кудысь и їздивъ до самѣсинькои нѣчи, дѣвыцьця,—а на зустрѣчь ёго бижить розпѣтлана и въ ѣдній сорѣцьци ёго жінка, та такъ и грибѣцьця прѣмо до петелѣкъ; винъ одъ неѣ, а вона за нымъ, и такъ гнѣлась до самого двѣру. Чоловѣкъ баче шо дѣло паганѣ, та скорѣшъ батѣрою по шкѣпи, уїхавъ у двѣръ, вѣпригъ наскоро коня, пустѣвъ пидъ повѣтку, а самъ мирщій у хату; засѣнувся и лигъ спѣты; вонѣ и спѣньня тамъ, мабуть, було вже такѣ; це слуха: кругѣмъ хаты шумѣть

гуде бурею. Оттакѣ, дѹма, несвитовѣ зтрапылось, це жѣ мой жінка зѣ непокутоваными грихамы, не лежѣцця ий сердази у доломѣни (домовѣни), пруть ий виднѣ вѣдтыль грихѣ; та такѣ налякавсѣ, шо и не гасывѣ каганыцѣ цилу ничѣ.—Дѹмки ѣмѹ наляглы, звѣсно, ѣнчи, а мѣже й свитѣ вѣ очѣхѣ одѣ зляку кругѣмѣ пишѣвѣ,—помутѣвсѣ и винѣ на выдѹ зовсимѣ змарнѣвѣ бидолага; дѣты ѣгѣ тожѣ зѣ дня на-день, сказано, мое нѣнько, чахнутѣ та хирѣютѣ: жѹряцця, мѣвѣ, крѣпко дѣты за мѣмкою, мѣбуть. Дѹмки всѣковы. Бо (Богѣ) знѣ.—А сусѣды, имѣ то виднишѣ, пидмитыли, шо вонѣ творѣцця, та возмы й скажи ѣмѹ: „Отслужѣ, гѣлубѣ сѣвый, заклѣтнѣй малѣбинѣ, бо по ночѣхѣ, якѣ тебѣ нема дѣма, прихѣде до тебѣ твоя покѣйна жінка зѣ клѣдовыща, грѣе окрѣпѣ,—мѣтель, та мѣе твѣймѣ дѣтямѣ гѣловы й до тѣго ихѣ вѣре, шо вони, якѣ мѣртви, выхѣдѣть зѣ кѹпылю; тодѣ ще вѣзмы, грибинѣцѣ та й вѣши повычѣсѹе; такѣ ось чѣгѣ вони вѣ тебѣ чѣриютѣ“.—ѣгѣ жѣ свѣтѣ вѣля, шо бѹде!—На ѣншу ничѣ не свитѣвѣ каганыцѣ, лигѣ, притѣй-ѣвѣ духѣ, та й прислѹхайнѣцця; ажѣ це, бѹвѣйте здѣровѣ, якѣ ѣе о пѣвночи, пришлѣ жінка й прынялѣсь за своѹ рѣбѣту, тошнѣсѣнько, якѣ сусѣды казѣлы. Вонѣ мѣже й при свѣтлови ходѣла, та сонѣ такѣй одѣловѣвѣ, шо не до примѣчанѣня. Зѣ цѣгѣ жѣ рѣзу жінка стѣла явлѣцця жѣдну нѣчѣ, и свѣтло не мишѣло ѣй; та такѣ до тихѣ пѣрѣ навищѣла, пѣки не порѣйлы ѣмѹ дѣбри лѹде ѹстромяты ѣй у ѣму осѣковый клѣнѣ, такѣ ажѣ тодѣ тѣлько вѣже перестѣла вонѣ навищѣты ѣгѣ. И дѣты зѣ тихѣ пѣрѣ стѣлы, якѣ дѣты, та й самѣ одѹжавѣ“.

19. „Видѣмы зѣ цидылкѣмы на гѣловѣ. Разѣвѣ стѣки прѣхѣдѣлось моѣму бѣтькови чѹмакувѣты вмѣсьци зѣ однѣмѣ опырѣкою. Прѣйѣхѣлы вони рѣзѣ до кабака вѣранѣци, до черѣды ще, а вѹпырѣка й кѣже: „хѣчѣшь, насѣ ѹгѣсѣть тѹтычки бабѣ вѣдкою, орѣшкамы, сметѣною й чѣмѣ хѣчѣшь?“—„Гѣспѣды Сѹсѣ“! крѣстѣ ѣгѣ“, кѣже.—„Отѣ тобѣй й „Сѹсѣ“, а хтѣ мѹсѣ, тоѣ выщѣе и закѹсѣ“. Повыпрѣгѣла волѣвѣ тѣ й жѣдѹть. Чѣредѹ начинѣютѣ бабѣ згѣныты; бѣтько й дѹма мѣй, шо цѣ жѣ вонѣ самѣ бабѣ; ажѣ вонѣ выхѣде дѣло: мѣжѣ нѣмы ѣе й видѣмы зѣ цидылкѣмы на гѣловѣ; винѣ сѣгѣ не бѣче, а опырѣци то вѣдно, и винѣ цѣ все бѣчитѣ. Одѣгнѣлы отѣ вони кѣ чѣредѣ; колѣ такѣ: пѣдхѣ-

дять прямо до кабака и давай гулять; окружили опыряку трындычуть, танцюють кругомъ ёго, та поштують одна зъ передъ однои, а зъ нымъ въ одну чергу и могò батька. Дòбре погулялы.—Бачъ, вонò колысь якi булы люды! Эгè“!

20. „Видьма клубкомъ. Йшовъ одынь чоловікъ зъ поля додòму, та якось нечаянно (нычаянно) и оглянувся, а за нымъ кòтыцьця клубòкъ зъ валу; винъ идè собi байдуже, а клубòкъ кòтыцьця тай кòтыцьця. Шо зъ нымъ робыты? и надумавъ: возьму я ёго та прибуò до стовба гвиздомъ, мòже, це видьма. Отъ прыйшовъ, узавъ тай прыбывъ до стовба у себе въ хати, а самъ лигъ спаты. Глядь, на зорi вже, ажъ вонò вмiсто клубка стоить прыбита жiнка за ныжню губу, тай жалiбно просыцьця, щобъ иийи отпустылы. Ни, постривай: поклыкавъ сусiдъ, прыложылы радy и положилы иий каюкъ; рознекли жалiзни шворни и давай иийи пыкты нмы, и до тòго допеклы иийи, пòки здòхла; тодi, якъ ны жалъ ёму булò хаты, а всèтаки пiсля такòйи сквернòты, не хотiлы въ ний жiты, взяли и спалылы“.

21. „Мертвый опыряка и знáхарь. Одынь якось разъ лучилось знáхарю заздрiты, якъ опыряка выйшовъ изъ домовыны, та взявъ тай залызь у неi самъ; лигъ та и лежить, пиджидà, шо зъ цèго выйде. Це слýха, пидхòде опыряка до своèи ямы; ходывъ, ходывъ, та и кàже: „та чи ты вылизешъ видцiль?“—„Ни, кàже ёму знáхарь,—скажи першъ, де ты бувъ та шо дiявъ, тодi выйду!“—„Бывъ я, видвичà опыряка, на свàльби“.—„Шожъ ты тамъ бачивъ, та дiявъ?“—„Та поризавъ тамъ всихъ людèй“.—„Та нà щожъ це ты такъ здiлавъ?“—„На тè, що вонi тамъ вси лаялысь и не хрестылись; тiко и зоставывъ одну жiнку, та иийи чоловіка, бо вонà, якъ лягàла спаты, такъ перехрестылась; вонà то и перехрестылась тамъ такъ—набиръ, та и чоловіка свогò пьяного перехрестыла“.—Выслухавъ це знáхарь, тай пишовъ, а опыряка тодi знòву лигъ“.

22. „Сердыта жiнка-видьма. Одна жiнка булà такà сердыта, шо чоловікъ взявъ иийи якось,—сказано, пишло вже дiло на одчай Бòжий: найiла ёму печинкi, тай шпурнувъ у той ривъ, де чортi водяцьця. Вонi зрадилы, позбигàлысь до неiи, такъ вона и тамъ всихъ чортiвъ порозрывàла и самà зробылась старшòю“.

23. „Привидѣнныя прохóжому у вѣдьмы. Зайшòвъ одынь чоловікъ до бабы й упросѣвся ночувать. Дòбре. Полягáлы, тай задúлы хрòпакà. Чúе прохóжий, а вòнò шòсь у кóмини, якъ òе сèредь нóчи, тѣко: „дж...ж..., дж... ж...“.—„Шò воно за привидѣнныя? Тьху! прòпасть тебè возьмь“. Поглянувъ на бабу—спыть; винь туды й сюды,—у кóмини знай бушúе. Винь дúжче ставь до бабы доглядацьця, а вòнà врагòва лежить, якъ колóда, й неворúшицьця; полáнавъ, пощúнавъ, полòскотáвъ йийй,—все тежъ. „Ну, постòй же“, а видь людèй винь та чувъ про кой якй кáверзы; у нóси знáты булò. Баба лежить; це, дúмае, до вѣдьмы зателесовáвся. Э! ну, стривáй же, бесурмèнова, стривáй!—та взявъ йийй за нóги й за гóлову, тай здвѣнувъ на другè мѣсце зъ тогò, де спáла. Лежи жъ тепèрь, трясьцябъ тобѣ!—Чúе,—ужè й пивнѣ спивáють, а вòнò знай собѣ въ кóмини: „дж... ж... дж... ж“, и баба спыть; уже и свита,—спыть. Ну, шòжъ ёгò тепèрь зъ нèю зрòбыты?—Дúмавъ-дúмавъ (мáбутъ, не порòжний бувъ), та тоди взявъ тай положивъ йийй тѣло зновъ на тée мѣсце, якъ и зпèршу лежáло; и тѣко положивъ, а вòнò зъ кóмину, такè вбѣльшки, якъ мúха, тѣко: „дж...“, та йий въ нѣздрю такъ и шурхнúло—влитѣло; тодѣ пиднялась баба тай терáе óчи: „ху, кáже, якъ я й крѣпко—здóрово заснúла, шò ажъ проспáла!“—А той собѣ на умѣ: проспáла бъ ты, врагòва.—О такъ винь йийй прошкóлывъ“.

24. „Вѣдьмына мазь. Однà вѣдьма помázала собѣ чимсь пидь мѣшками и пырхъ у дѣрку, та въ кóмынь. Побáчивъ це чоловікъ, шò въ нѣй ночувáвъ, та взявъ тай собѣ жъ тимъ добрòмъ намázавъ, и тимъ же слѣдомъ въ кóминѣ пѣрхъ, тай поцáвъ до йихъ на видмѣвське збóрыще, а тамъ йихъ, брáтти мий, десь зъ усèго свѣту, позлитáлысь, хто ёгò зна й скѣлько. Якъ прылитѣвъ, ставъ мижъ нѣмы, та такъ и отуманѣвъ; а та шѣльма зиркъ, тáй схамынúлась, шò зостáвила, завѣштáлась, бачъ, тодѣ, тай забúла де небúдь спрúдыты свий каганьчикъ зъ прѣмхами, та до ёгò: „охъ, лѣшечко“.—Зоставáцьця бъ ёмú повикъ зъ вѣдьмѣвськими крѣлами вѣдьмакòмъ, такъ та вже баба, ёгò знакòма, зрòбыла ёмú шòсь такъ, шò винь назадъ полетѣвъ одъ йихъ и стáвъ зновъ такѣмъ же чоловікомъ, якъ трѣба. Вòнà булà, мать (мáбутъ), родѣма, а родѣма вѣдьма

кажуть замышляе всима видьмамы й прыказы йимъ дае.—Такъ такè то. Вона, бачь, зъ дѹру хочъ укручу, а якъ то не тямѹишь, лѹчче й неберѹсь.—Онъ що“!.

25. „Прывидѣння зъ видьмою. Разъ йшли мий дидѹсь за пидтытѹрнымъ зъ кѹминного кабака: вони тодѹ булѹ цирковнымъ стѹростою. Вотъ вони йдѹть—тай йдѹть; вже дойшли якъ ѹе до вугла ограда, а вонѹ, де не возмѹсь, манѣнька гѹрнишина собѹчка, та дѹдови мижъ нѹги. Винъ и впавъ. Пѹтимъ у дрѹге, ѹи вѹ трѣтьє. Шо за нечиста мѹтирь?.. А пидтытѹрный Кандѹба, оцѹхъ хлѹпцивъ, Йвѹна тѹщо-дѹдъ, та вы ѣгѹ знѹете, мѹть, та тямувѹвъ кѹй цѹ одъ цѣго. Змѹтивъ, шо то булѹ видьма, тай кѹже: „ну, остѹвъ, остѹвъ, остѹвъ! Гѹди вже тобѹ, надсмѹялась трѹхи, ну й шкодѹ,—бѹде тобѹ“!.. Непослѹхалась, окаѹнна, Кандѹбы и ще разѹвъ ззо два пидбѹла пидъ нѹги, то клубѹмъ, то свѹнѣю и тодѹ побѹгла. Разѹвъ зъ пѹять вона ѣгѹ смалѣнѹла ошкварѹла пѹки винъ до двѹру дѹйшовъ, а пидтытѹрого й ни трѹнула; вѹдно, чимъ булѹ обѹжина, ѹбо давнѹишь за шо булѹ злобѹ.

А то ѹкосъ йдѹть вони, брѹтыць мий, все тежъ зъ тогѹ жъ такѹ кѹминного обчеськѹго кабачка, дѹвлющѹця,—а спѣреди ихъ стоить на дѹрѹзи копѹця сѹна. Шо за сѹкинъ сынъ, де вона взялѹсь? Ни тыжъ ѣго печѣне лѹхо! а дѹли, трѹшки згѹдомъ й дѹмають: цѣжъ опѹть, мѹбѹть, та злодѹга видьма; шѹжъ ѣгѹ тутъ робѹты ѹий? Хрѹста вона не бойищѹця,—взявъ, звернѹвъ гѣть у бѹкъ, тай чѣше навманѹнѹ, якѹ бѹде,—а вона, трѹсьця бѹ ѹий, за нѹмы,—за нѹмы; вони вже й—то тудѹ, то сюдѹ,—умлѹли, ажъ пѹра йде, й вона за нѹмы лѣмча. Та такъ, скажѹть, гнѹлась до сѹмого двѹру. Вони, дѹдушка, якъ прибѹгли до дверѹй, такъ-такъ и згарѹча вѹбылы зъ крѹчкѹвъ синѣшни дѹѣри, та швѹдче у хѹтѹ. Мы вси поперелѹкувались,—звѹсно, булѹ цѣ ношнѹи добѹ, тай ще й зъ просѹну,—та до ихъ, а вони трѹсящѹця и слѹва не вѹмовлять. Онъ що зтрапѹлось.—Чѹть-чѹть, за малѹмъ булѹ, кѹжѹть, не здогнала окаѹнна. Шѹбъ вона вже й робѹла бѹ?—Дѣсь задавѹла бѹ, бедлѹга, тай тѹко. Такъ вони пѹсля цѣго три недѹльки прохворѹлы, трѹхи й не вмѣрлы; тай квѹть, зъ тѹхъ пѹрь закѹялысь, зариклѹсь сѹмы ходѹты.

А отò, мòже вы знаєте Гордїйку Ваку́лыху, такъ и́ийи чоло-
вїкъ, забувъ и́ий Бóгу, якъ ёгò звáлы, винъ, булò кáжуть, якъ
молодýй бувъ, такъ охóчивъ бувъ зъ чужїмы жинкáмы балясы
точїты, а прїйде додóму, всё леты́тъ, шкарéбирть, та на по-
па; годївъ зъ двадцáть томý назáдъ, винъ берїгъ лáвокъ,—
такъ той знавъ усё одъ видёмъ, куéвдывъ, та верховóдывъ
нѣмы, якъ хотївъ, ничóго не бу́вся. Разъ кóтыцьця клубòкъ,
винъ взявъ ёгò, прынїсь у хáту, провертївъ чоповымъ свёрд-
ломъ у лáви дїрку, пóтимъ оддилѣвъ одъ клубкà пáсмо,—дé-
сятъ чїсныць, запхнўвъ и́ихъ у ту дїрку та й забўвъ осы́ко-
вымъ килкòмъ; а ўтромъ, то бáчь булò дїло вéчеромъ, зызвáвъ
до сéбе всїхъ с́войнхъ сосїдъ, и мoй бáтя ходы́лы туды, такъ
с́войимы очїма бáчили, шо стoйїть баба, нагнўлась до лáвы й
нѣжня губà прыбýта у нѣйи осы́ковымъ килкòмъ.—Онъ-то
вонò щò!

26. „*Про вовкула́ку*. Вовку́лаки, бачъ, кáжуть, йе. Торїкъ ось,
чувъ я, балáкавъ одїнъ мужїкъ зъ Колмыкївки, шо тамъ, по-
зáторїкъ це булò, йїде винъ зъ пóля у с́вий хўтырь, а вонò
шала́ецьця шось по пшиныцьхъ: жны́вáмы бъ це то булò, пó-
тимъ вѣ́бїгло вїтты (вѣ́ттыль) такé ззувбїлшки, якъ мидьвїдъ
и вѣ ширстї, тай йде до мéне, а вѣ мéне й духъ похолóнувъ,
перелякáвся такъ; та дýмаю, дýмаю, ния́къ не вторóпаю, шо
вонò за злы́день, чогò ёмý видъ мéне трéба? а дáли страхъ
трóхи одвалы́въ, я й здýмавъ, шо це жъ той, мать (мáбуть), во-
вкула́ка, щò, кáжуть, проявы́вся у насъ. Ну цежъ трéба якъ
небудь одкорáськацьця видъ ёго, и тїко це подýмавъ, а винъ
шкїдло ски́къ до мéне на повóзку, та й сивъ пузъ мéне ря-
домъ упéрьсь очїма,—та тáкъ нѣмы пильно прядé (дѣвыцьця)
минї вѣ вїчи, вѣлупывъ (вѣтрищивъ) и́ихъ, якъ барабáнъ, чи
пакъ той бўбынъ, а балáкаты ничóго не балáка, белькóче шось,
потя́ка, по с́вóёму, ничóго ны поймїшъ. Сивъ ото й сиды́тъ
винъ чиннэ́нько, ни я́койи шкóды не робе, тїлько все бъ то по-
рыва́ецьця шось промóвыть. Йїдемъ собї й йїдемъ; це чўты
гáвкають собáки, хўтирь недалéко, й начáлы выднїцьця хáты;
хўра моя заздри́ла, шо блы́зько вже жильлè, схопывся зъ вóзу
тай бувъ такый, давъ тя́гу на зádни й юпья́тъ побїгъ, скї́ко
вї́дно, у поле. Чи винъ бы то вї́дно чось (чогòсь), а́бо пы-

тавѣ, або просивѣ у мене, злыдень же ёго зна, а тѣко бувѣ бачѣ тодѣ мирный. Хиба тымѣ, сказать, шо днѣмѣ? Нѣччу жѣ оце, якѣ совсѣмѣ горѣздѣ вже смѣркне, и люде обиснѣцѣ трѣхи, то отѣ, бачѣ, не винѣ вже й бѣде, щѣбѣ не залѣзѣ де вѣ хѣту, й не повытягѣвѣ бы видѣты хлѣбѣ — стѣко йе, сѣло, смѣтану, мѣсло, молоко, а якѣ шо йе, шо не пойдѣне у пичѣ, то й все зѣ пѣчи берѣ й нѣсѣ зѣ собою.—Пиддирѣ бачѣ винѣ дѣбре.—Сѣбака на ёго не гѣвка и дѣвирѣ нѣякий не бирѣ; пробувалы ёго вѣжѣ й стѣко разѣвѣ засидѣты,—каравѣлылы, ничѣго й нѣякѣ не мѣжно такѣ сѣлу зпѣймѣты.—На облычча винѣ всѣмѣ такѣй якѣ и чѣловѣкѣ; и нѣги, и рѣки, и мѣрда, и все такѣ, та тѣко ввѣсь вѣ шырѣты, и вѣна стѣйтѣ на ёму штѣремѣ.

На одный свѣальбѣ у понѣдѣлокѣ, пѣсля тѣго, якѣ обдарѣлы молодѣхѣ, у бѣтька молодѣго и молодѣй; такѣ вѣны якѣ йѣхалы вже до дѣму, до молодѣго, такѣ якѣ йе насѣредѣ дѣроги познимѣлысь (позлѣзылы) зѣ пѣйизду, йѣхѣ булѣ симѣ чѣловѣкѣ: молодѣй, молодѣ, дружкѣ, пиддружѣй и тры свѣашки, тай пѣшлы вѣ свѣтѣ за очѣма на симѣ рѣзныхѣ кѣнѣцѣвѣ свѣта. Кѣжуть; цѣ йѣмѣ здѣлано такѣ на симѣ годѣвѣ, а пѣтимѣ опѣятѣ зѣйѣдущѣя“.

27. „Колдунѣ и вѣвкулѣа. Литѣ зѣ пѣять томѣ назѣдѣ и вѣ насѣ молвѣ пройшлѣ, тай тепѣрѣ такѣ балакѣють, шо бѣгалы вѣвкулѣаки по нѣшому стѣпѣ. Кѣмѣдный цѣй дѣвирѣ „вѣвкулѣа“!. Вѣвкулѣаки йе такѣй й такѣ, шо йѣзѣ рѣду нѣмы рѣдяцѣя, а ще, шо нѣ бѣльшѣ, йе такѣхѣ, шо йѣхѣ рѣблѣять колдуны та знахарѣ зѣ такѣхѣ-же людѣй, якѣ бы оце й мѣ грѣшни. Всѣ цѣ пѣчѣне лѣхо бѣльшѣ всѣго вѣстаѣ на свѣальбѣхѣ зѣ за-дружкѣвѣ и тѣрапыцѣя жѣ вѣнѣ на йѣхѣ, та на пиддружѣхѣ. Зѣрдѣ бувѣ, то вѣтѣвкѣмѣчицѣя якѣй у цѣ причиндѣлы, берѣцѣя за дѣло, а кѣбѣты нѣмѣ, й у нѣси не хватѣ, а тутѣ глядѣ, на ту лѣхѣ годѣну й проѣвыцѣя такѣй, шо й зѣ пѣкла вѣскѣче,—ну й гѣре: ото зѣйде злѣбѣ, та гнѣвѣ, о тѣмѣ, шо ёго зплѣздрѣвалы —не попросѣлы-бѣ то, бачѣ, або не нанѣлы дружкѣватѣ и вѣдѣ цѣѣи пѣакѣсты, дѣвысь, ждѣ, мѣчѣцѣя мѣже такѣ, шо й ввѣсь нарѣдѣ на свѣальбѣхѣ пѣртѣять. А хѣто отѣ вже; другѣ такѣ дѣлають: якѣ замѣге, шо прилѣмзавѣ на свѣальбу якѣй нѣбудѣ

одирвѣголова, ни въ чимъ не перѣчуть ёмѹ й наровлять все поштуваты, та всимъ годѣты,—а винъ перѣдъ всею кагалѡю чубѹныщѣя, велычаецѣя: я, молъ, не я; и Бѡже упасѣ питѣ на перекѣрь прѡты шерсты, тодѣ квытъ,—хочъ заздолѣгидъ крычѣ кара-вѹль... Ни вже, о тимъ—шкода!—годы вже, бачъ, тодѣ, тай годы. А бѹдышь нѣдовукъ, абѡ вѡвси нѣукъ у цѣму дѣли, та зъ поѣздомъ зъ молодымы будишь йѣхаты, то когѡ бѣ ты ни заздришь, чи зустрѣшь бы то, здиймай мирѣщѣй шапку, кланяйсь у поѣсъ и пидносъ горѣлки й закуски. Вѣшь не вѣшь, закусе не закусе,—немѡ тобѣ до тѡго дѣла; будь бы вонѡ була видъ тебѣ честь прилѡжена, бо всяки прычѣны видъ людѣй бувають, и ёго худѡго ни за що невзнаѣшь мижъ дѡбрымъ.

Однѡго чоловѣка отѡвъ зробивъ колѣсъ колдѹнъ вовкулакою. Бувъ дружкѡмъ, чи щѡбъ то, та й поспѡрылы; ну, винъ ёмѹ й вдружѣвъ:—нарѡду на свѣльби хмѣра, а винъ бѣдага побѣгъ тай побѣгъ собѣ видъ ёго вовкулакою, скѣко вѣдно у полѣ на чотырѣхъ; останѡвыщѣя оцѣ, подѣвыщѣя та й упѣять. И щѣй то, скажѣтъ на мѣлость, що все чѣе й розмышлѣ, та не балака и зрѣзу ставъ увѣсь у шерсты, й облѣччамъ той же вовкѣ. Чоловѣкъ винъ не старѣй й малѣ дѣтки йѣ; плачуть вси тодѣ по ёму, сѹмѹють. Журбѡ напѣла и сосѣдъ. Отъ одѣнъ якѣйсь ёго знаѡмый видъ всегѡ дѡбре тѣмувавъ, тай прочѣвъ яѡсь про це лѣхо, жжалѣвся надъ нымъ й намирѣвъ одвалѣты,—обирнѹты назѡдъ въ чоловѣка; бо вонѡ, кѣже, йѣ такѣ, шо тѣко згубѣты мѡжуть, а напѣвыты „ба“, хочъ би й захотѣвъ це зрѡбѣты; а йѣ такѣ, то й те й другѣ тѣмѹють. Зибѣравъся й пѣшѡвъ ёго шукѣты скрѣзь по полѹ; шукѣвъ, шукѣвъ, а винъ дѣсь далѣко забѣгъ, та ажъ на трѣтѣй дѣнь на слѣдъ натрѣпѣвъ й знайшѡвъ: „чѡгѡ ты, кѣже, тутъ шалѣйисѣся? ходѣмъ до дѡму“!—А той вѣсолопѣвъ ѡчи тай ни мѣкне. Отъ винъ покачѣвъ, покачѣвъ головѡю, та взявъ та й перевернѹвъ ёгѡ у чоловѣка, якъ й испѣршу нымъ бувъ, а тодѣ й кѣже: „идѣ жѣ ты на своѣ сѣлѡ и въ рѣньци, дожѣдай былѣ колѡдѣзя, тудѣ приѣде однѣ бѣба, такъ ты возѣмѣ йѣйи сзѣды за плѣчи, злѣкай (скажѣ: „тѹй!“) и промѡвышь: „нѣ зѣ мѣне цѹю (оцѹ) мою шѡѹру и носы йѣйѣ стѣко, скѣко я носѣвъ“, а щѡбъ ты скорѣшь це зрѡбѣвъ, бо йты далѣко, бѣжѣ вовкулакою“.

Той возьми та такъ и зроби, и баба стала вовкулакомъ, а винъ—чоловікомъ.

28. „Шкарбы. Шкарбы—це заклятни грóши; кладени вони всякими людьмы крещенымы й нѣхристами; ховáлы йихъ у зѣмлю де нѣбудъ быля якóйи нѣбудъ примѣты, або й описля клáлы якѣ нѣбудъ свойи вже примѣты: кущъ дерезы, бузыны, калыны, лыны и чогò тѣки,—находящя шкарбы й белѣ мугиль, то бачъ давнишъ хтось клавъ. Шукáты йихъ трóдно, йе всяково: йе люды такѣ шо на те врождѣни, вже та й знахаркѣ кой-колы попадають у рѣхву.—Бильшъ совѣтують такъ, особлыво де старѣ шкарбы одъ нѣхрестивъ: трѣба стáты пузъ (пóручъ) зъ примѣтою й дожидáты, пóки сóнце зѣйде у ростъ чоловѣчий, и тодѣ й дывѣсь, куды впадѣ тинь съ твоѣйи головы, и рый,—якъ шо нема́ ничóго, такъ тодѣ примѣть ту тинь, якá ляже зъ примѣты; узнають, чи пакъ примичáють це однаково й по зáходъ сóнця. Пры киньцѣ свѣта вси, де ни йе, шкарбы бóдутъ являщя всѣмъ людямъ безъ розбóру, такъ тѣко йихъ тодѣ не трѣба бóде: не до йихъ.. У нашъ ви́къ, якъ шо выхòде срокъ заклятнымъ грóшамъ, йихъ заклынають на сто годѣвъ йе й на вѣки; тѣки-ти, шо на вѣки, такъ лежáть пидъ такимъ каминнямъ якъ горы завбѣльшки; тáкъ вони являющя тодѣ людямъ,—не абѣ якѣмъ, а тѣмъ, якѣмъ назна́че Бòгъ,—або козлѣмъ, або котòмъ, пѣвнемъ, свѣчкою горѣть, або соплѣвымъ старымъ дѣдомъ и ждуть отò, щòбъ йихъ хто вдáривъ, и вони тодѣ й розсыплющя якѣми нѣбудъ грѣшмы. Ще й не грóши, головнѣ-то бачъ, такѣ, шо за йихъ й не зóздришъ, якъ запла́тишь своѣю, абò жъ зъ симѣйи чѣѣю головóю, а, бачъ, небезпримѣнно такá за ихъ плáта“.

29. „Дидз и вдовá. Одынъ разъ, кáжуть, прѣйшòвъ до одний жѣнки старый престáрый соплѣвый дидъ, а йийи то чоловѣка та якъ на те не булò дома; отъ винъ и кáже ей: „утрѣ менѣ старѣнького, утрѣ сѣво голубочко!“ А сопли такъ-такъ зз-обохъ нызьдѣрь й шлякòтять.—„Цуръ тобѣ, старый дѣду, хай тобѣ абыщò, гетъ собѣ бижѣ мирщѣй, а то ось-òсь незабáремъ якъ прѣйде мѣй чоловѣкъ додóму, то винъ тебѣ утрѣ нагаѣю!“ И пѣшòвъ дидѣсь, изигнѣвся и лѣдве нòги сòва; а тамъ недалѣчко, звернѣть тѣко у провѣлокъ, жилá бѣдна удовá. Дѣдъ до нѣйи: „здорòва булá! Утрѣ минѣ, молодѣчко, старѣнькому, сопли!“ Вдо-

ва зъ слиньця исхопылась, стягла зъ мѣсника ганьчирку тай утѣрла выскрякѣ; успѣла тѣко трѣпку одхвѣтыты, а вонѣ— „брызъ! брызъ!“ й розсыпався перѣдъ бѣдною вдовою старѣй, соплѣвый та гидкѣй на вроду дѣдъ самымы чирвѣньцямы. Стала тодѣ вдова жѣты, багатѣты, та Бѣга хвалѣты“.

30. „*Старый дидѣ и дѣвка*. Зъ вечернѣцѣ йшла дѣвка пѣлемъ; це у лѣтку було дѣло; кругѣмъ степъ, сама трава-перекотѣ пѣле й тѣрса зъ ковылою. Зѣркѣ на узѣбичѣ до лѣскѣвъ, вѣйшло шѣсѣ изъ лѣсу, стало та й стоѣть. Стѣжка йшла поблѣ лѣскѣвъ й пузѣ того, шо вѣйшовѣ вѣдты. Дѣвка йдѣ собѣ байдѣже,—чѣгѣ полошицьця? Пидхѣде блѣжче. Стоѣть поблѣ стѣжки, пидпѣрсѣ палогою старѣй, старѣй дидугѣ, у пѣясѣ бѣла борода и выскрякѣ зъ низдрѣ повѣсѣ, чутѣ-чутѣ трѣшки не додѣлу; заздриѣвѣ дѣвку й каже: „идѣ лѣшинѣ сюдѣ, дѣчко, та втры менѣ хустѣною!“ Дѣвка була, кудѣ хѣчѣ й не зъ труслѣвого десѣтку, крѣстыкѣ бѣвъ на шѣйи тѣжѣ, а зъ нѣмѣ кудѣ хѣчишѣ, та й такѣ такѣ-була небрезгѣва, пидийшла собѣ швидѣнько та й утѣрла хустѣною соплѣкѣ дидѣсеви, а винѣ, дидѣся, узѣавѣ та й розсыпався у нѣги до дѣвки, й сталѣ зъ ѣгѣ самѣ стрѣбни грѣши. Ну, звѣсно жѣ, вѣна йихѣ ззибрала й понесла зъ собѣю“.

31. „*Дѣты и козыня*. Одѣна бѣба пѣраецѣця, та й пѣраецѣця собѣ кѣло пѣчи, а дѣткамѣ свойѣмѣ, шѣбѣ не пустѣвалѣ та не пошкѣдылѣ чѣгѣ, насѣпала у мѣску молока й посадыла йихѣ посерѣдѣ хѣты на доливци йѣсты. Сама жѣ зновѣ одвѣхнулася, за дѣло взяласѣ та й байдѣжѣ,—не дѣвицьця до дѣтѣй. А вѣнѣ, чѣете, де не взѣлось зъ пидпѣкутя й вѣбижи манѣньке козынѣтко, та до дѣтѣкѣ, до молока,—й ну даѣай зъ нѣми хлѣбѣаты; дѣтки попускалѣ ложкѣ на рядѣньце та до мѣтери: „мѣмо, а козынѣтко молоко йѣсть“.—„А гѣди тѣмѣ вѣмѣ, де вѣнѣ, каже, вѣзѣмѣцьця“? Сказала, одѣитѣ, бѣчѣ, ѣтѣ дала, та знѣй такѣ собѣ пѣраецѣця. Колѣ це, трѣхи згѣдомѣ, ѣпѣять вѣже дѣжче крычѣть дѣты: „мѣ-мо, ма-мѣ! Та шо це вѣнѣ за козынѣ привѣрзало до насѣ? прогонѣ ѣгѣ одѣ мѣски, ѣтѣ вѣнѣ скѣро усѣ молоко у насѣ пойѣсть“.—„Шѣ за абѣщо? дѣмаѣ собѣ мѣты,—хѣба и справди лѣчыласѣ дѣткамѣ якѣ прѣвѣдѣньця“?—а вѣна то та чѣла,

вѣднѣ, про такі прычыны, ну та не дѣже йимъ вѣрила, и такъ нѣхотѣ, скризъ зѣбы проточила: „бѣйте жъ ёго, дѣты, ложкамы, не бѣйтесь ничѣго“! Дѣтки якъ ударили по ёму, а вонѣ такъ и розсыпалось самымы стрѣбными грѣшмы. Ажъ тодѣ такъ й вонѣ поняла цѣмѣ вѣры. Грѣшей кѣча“!

32. „*Китъ и дѣты*. Грѣлысь дѣты на вѣлыци, якъ бѣчуть—идѣ до ныхъ жѣвтый китъ, тай кѣже йимъ: „бѣйте менѣ, бѣйте менѣ!“ Ну, а вонѣ обнаковѣнно, бачъ, началы ёго лѣщыты и грѣтыся зъ нымъ... Прыхѣдють до дѣму тай хвѣлющѣя свой мѣтери: „мѣмо, мѣмо! Слѣхай, шо тамъ вонѣ такѣ:—мы грѣлысь на дорѣзи, а до насъ прыбѣгъ чийсь жѣвтый кѣтъ, начѣвъ зъ нѣмы модрувѣщѣя и все наровѣтъ мѣжъ нѣмы бѣты у серѣдыни, а пѣтимъ й распѣтякѣвся, начѣвъ рѣзни вѣтивки вѣтивѣты: то дѣыкою покрѣтыщѣя, то гѣтъ одъ насъ схѣвѣищѣя, хотѣвъ, мѣтъ, винъ шѣсъ намъ зрѣбѣты, та такъ ничѣго й не зорѣдовавъ и все кѣже: „бѣйте менѣ, бѣйте менѣ! А мы й не бѣли ёго, пожалѣлы, бо винъ такий бѣвъ гѣрный та ласкѣвый; и шерсть на ёму грѣла, якъ сѣнце сѣе й полѣштѣвана глѣдѣнько; такъ тѣкѣчки—погрѣлысь собѣ трѣхи и винъ незабѣрѣмъ й пишѣвъ одъ насъ, шо мы й не зѣздрѣлись“.—Мѣты вѣслухала цѣ, тай кѣже: „ну, глѣдѣтъ жѣ, дѣтки, якъ пѣдете цѣ грѣщѣя и прыѣде знѣву, кѣтъ до вѣсъ, тѣкъ вы ёго хочъ помѣнѣсинѣку удѣрте тамъ кулакѣмъ абѣщо, тодѣ куплѣю я вамъ пѣвенъ бурѣгѣтъ медѣныкѣвъ, фрѣндзѣль и гѣлѣтивъ“.—Отъ вонѣ пишлы опѣять грѣтысь, грѣлысь, грѣлысь—дѣвлющѣя и кѣтъ упѣять идѣ и тѣжъ стрѣе, и нѣвчѣтъ: „бѣйте менѣ!“ А мѣжъ нѣмы та бѣвъ тепѣръ такий зарѣчинный хлѣпецъ, незлѣкѣвся, пѣдийшѣвъ до ёго блѣжчѣ та якъ учѣше—трѣсне ёго пѣ лѣби, а винъ чѣкбрѣкъ зъ усѣхъ чѣтырѣхъ й россыпѣвся золѣтымы грѣшмы. Булѣ жъ тодѣ йимъ невпѣиствъ рѣзныхъ лѣсощѣвъ“.

33. „*Пѣстухи и козынѣта*. У вѣчѣри разъ пѣстухѣ гнѣлы волѣвъ зъ пѣля до дѣму, булѣ дѣло пѣдъ якѣйсь вѣлыкий прѣзныкъ; цѣ дѣвлющѣя—попѣредъ йѣхъ, гѣнъ, мѣжѣ, зъ двѣе бѣжѣтъ якъ бы назѣстрѣчъ йимъ двѣе козынѣтъ, та оцѣ—розгѣнющѣя одѣнъ зъ-пѣредъ одѣногѣ, та тѣкъ лѣбѣмы й удѣрющѣя и всѣ, и всѣ якъ бѣдѣто бѣ то наблѣжѣющѣя и наровлѣтъ пѣребѣгты дорѣгу пѣстухѣмъ. Пѣстухѣ дѣвылысь, дѣвылысь й дѣ-

малы и ниякъ въ толкъ собѣи не вхопылы, шо то вонѣ такѣ задыкѣвина:—вѣвци давнѣ вже прогналы зъ толѣки, а дежъ взялася ця худѣба? А одынъ и кáже: „постривáймо, подѣвымось, шо вонѣ за бистъ“,—„то, мать, чортынята граюцьця, сказавъ другий“! Якъ же це винъ, брáте мий, сказавъ, такъ такъ сказано, въ выдѣ ййхнѣму, хто зна, де й дѣлося. Звѣсно дурний тодѣ булы; якъ бе тепѣрь, отѣ бѣ мырщйй трѣба булѣ бѣ крестѣщйй, та Бѣгу молѣтысь и отѣ Богъ бы давъ шкарѣтъ, шо назывáййщйй, небезпрымѣнно бувъ бы у ййхъ рукахъ“.

34. „Заклятый кладъ. Одынъ знáхарь знавъ все своѣ знáхурство и росказавъ моѣму брáту, де йе позахѣвани грѣши и навчѣвъ молѣтвы такѣйи, шо винъ мѣже, де вгѣдно, грѣши знайтѣ, тѣльки бизъ урѣмья (бизъ врѣмья) не мѣже взѣты. Отáмъ, кáже, де колѣдезь былá Зайцѣвъ на репьяхѣвци, такъ такъ цѣлий чувáлъ зарѣтый зъ грѣшмѣи, а въ зрѣби, шо пидъ Бунчукѣвкою, такъ тамъ пидъ лѣповымъ кущѣмъ, де невилѣкий ярѣчокъ вытѣвся до Курáковойи, симъ зрѣзывъ зарѣто изъ золотѣмѣи, тѣлько, звѣсно, вонѣ заклятѣй; винъ и ходѣвъ тудѣ, такъ отáмъ дидъ сидѣй-сидѣй йе, шо зна вси твойи мѣсли, шо ты й дѣмайишь, винъ то й кáже моѣму брáту: „що зъ тѣго, шо ты вѣзьмешь? Йймъ зрокъ ще не вѣйшовъ, и ты нѣми не подживѣешь, а отáмъ сказавъ вже той дидъ ёмѣ, чи мѣже й знахаръ, де велѣкий мѣстъ, перекинѣтый чирѣзъ рѣчку у Курáковий, такъ тамъ, якъ на сáжень одступѣты и на аршѣнъ вѣрыты, йе казанѣкъ зъ грѣшмѣи, тѣльки цимъ зрокъ чѣрезъ пѣять годѣвъ, а якъ вѣйде, тодѣ и вѣзьмешь“ (и винъ же це, отѣ изѣстыно прáвду й казавъ, потѣмѣ шо, якъ йдѣшь булѣ на сѣношѣну пидъ Велѣкденъ, такъ на тимъ мѣсти повсигдá горѣтъ свѣчка). Отъ мий брáтъ дѣвго крипѣвся, а дáли не вѣтерпѣвъ и пишѣвъ тудѣ у нѣчи, откѣпáвъ, знайшовъ тамъ ти грѣши, тодѣ скѣнувъ зъ сѣбе чѣбитъ, шшѣвъ торбѣнкою онѣчу и набрáвъ тудѣ грѣшей, скѣлько влѣзло. Прийшовъ отѣ винъ додѣму й положѣвъ ййхъ пидъ скрѣнею, а самъ такъ и одѣбѣвъ зрáзу, й рѣчи однялѣ, й ничимъ ни вѣлодá. Мы жѣ, звѣсно, про це нѣхтѣ ничѣго не знавъ й не гадáвъ, налякáлысь й пожурѣлысь дѣбре, а дáли—мáте и кáже: „давáйте абѣ малѣбинъ одслѣжимъ, абѣ що“. Взялы зибрáлысь и одслѣжѣлы. Емѣ полѣгшало,—рѣчи одпустѣло, стáвъ балáкаты и ворѣчацьця,

а ходыты не може. Винъ и каже тоді: „Господы! якъ бы мині пиднятысь, такъ я бѣ си грóши з́аразъ бы й однісь туды жъ на те мѣсто, де и взявъ“. Колы такъ,—на другій день пиднявся, дождався нóчи: взявъ ти грóши и однісь; ни т́ико жъ зъ ёго и добра жъ не було,—такъ винъ доживъ до Вел́икодня и вмеръ“.

35. „Головни гроши. Л́итомъ я́кось б́игалы д́итки стéжкою въ садóкъ на трав́ичку гра́цця и знайшлы тамъ открыту скр́иню, зв́исно, изъ земли в́ыйшла, а въ ний булы самі золоті грóши; воні жъ, бачъ, отò, скáзано жъ ще дурнй—д́иты, обра́дили цёму д́иву й началы пром́ижъ собóю лементова́цця: „дывысь, ка́же, оё-ё-ой у скр́ини яќихъ цяцёкъ напы́чкано“! Нахили́лыся у скр́иню й понаберáлы соб́и тихъ цяцёкъ,—хто въ кишéню, хто въ па́зуху, хто въ пéлену (дитòкъ було чималéнько) й поб́иглы зъ н́ими вси у хáту гра́тысь. Гра́лысь, гра́лысь й удрáлы въ друге; принеслы, вы́сыпалы у ќучку, та́й въ трéте поб́иглы—принеслы. Посидáлы на до́лівци й началы ворошќи насыпáты та въ кре́ймушки гра́ты. Шо не пидќинуть ця́цкку, вонà впаде́ на другу та т́ико: „дзéнь...дзé-е-нь“ й го́лосъ протя́гне; д́итки здывувáлысь, шо ця́цккй спивáють, та до ма́мки: „Ма́мо, ма́мо! йды дывысь, яку мы ця́цкку знайшлы“.—„А го́ди тамъ вамъ, сќурви д́иты, зъ ва́шими ця́цкáмы“,—а самà й не огляда́ецця!—Д́итки погра́лысь, погра́лысь та в́ипя́ть такі корты́ть похва́лыцця: „та ма́мо, такі! ось подывысь такі, яќихъ цяцёкъ прыд́бáлы“! Ма́ты нéхотя зиркн́ула й взна́ла черво́ньци, та такъ зъ м́еста й пидскóчила: „дежъ це вы, мойі д́иточки, ц́юю ця́цичку взялы“?—А д́итки одно́ зъ-пéредъ óдного: „ось ходімъ ма́мо, онъ, отáмечки; постривáй, стривáй, мы пока́жемо“. Ну й до́бре. Пишлы и поб́иглы. А одно́ дитынчà, та було бѣ то́би, га́спидьске, шу́стре, такъ и снуе́ туды й сюды, й кру́тыцця, якъ дзы́га на лёду, вси йд́уть потихéньку, а вонò жъ, якъ ненáче ч́уе на се́бе лих́у го́дыну: поб́игло, та́й поб́игло уперéдь. Ма́ты зиркъ у бикъ—стойть по́дли стéжки скр́иня росќрыта, и хлóнчикъ и́ийй до́бига́ вже до не́йи, а да́ли—перехили́вся кáторжнй у скр́иню й не дожда́вся ма́тери, хотівъ бы то пéрвый ско́ришъ достáты зъ скр́ини ця́цкку, та т́ико го́лову тудà, а вонò кр́ишка т́ики—„ба́ць“! Хлóпнула, закр́илась й одрубáла д́иты-

ни го́лову и такъ зъ нею й увишла опъять наза́дъ у зѣмлю. По́ки дойшла ма́ты до то́го мѣсця, ажъ вонò й зѣмлю заривня́ло, ненáче й ничо́го не бу́ло, тѣ́ко лежѣть тамъ одно́ ту́ловы́ще зъ йийи дитѣ́ны.—„Оттакè, кáже вонà тодѣ́, не ты жъ ёго́, скѣ́рва дитѣ́на, ба́чъ, чо́го сама́ собѣ́ наро́была“! У ма́тери дѣ́мка бѣ́ то такà бу́ла, якъ бы вонà вмѣ́сти зъ дѣ́тмы до скрѣ́ни пидийшла́, то и ва́ды бѣ́ го́ря бѣ́ нѣ́якого не бу́ло; та тѣ́ко ни, ма́бутъ, це шкарбѣ́ та́кий, шо за ёго́ небизпрѣ́мѣ́нно одвѣ́чаты трѣ́ба ко́му нѣ́будъ своѣ́ю го́ловою́: не дѣ́тяча, такъ йийи бѣ́ го́лова пийшла́ бѣ́ у зѣмлю зъ скрѣ́нею.—Оттакè то вонò: будъ дово́лынъ чѣ́мъ нѣ́будъ однѣ́мъ: або грѣ́шмы, черво́ньцямы, або го́ловою́“.

36. „О́ тимъ, якò дѣ́вка пошуткува́ла. Ишли́ дѣ́вки на ву́лицю до дѣ́чатъ гуля́ты, й трѣ́ба бу́ло въ однѣ́мъ мѣ́сци я́рдкѣ́ помына́ты; то бу́ла глу́хà мѣ́сцяна, степъ не степъ, боло́то та́й го́ди. Ну й побѣ́гли дѣ́вчаточка скрѣ́зь по тѣ́й до́рози, ось изсо́всимъ пере́бѣ́гли, уже́ й вѣ́дно ха́ты. Одний изъ нѣ́хъ схо́тилося про се́бе прысѣ́сты, зоста́лася пидѣ́ ку́щѣ́мъ, а ти зна́й побѣ́гли. Пидня́лася й ста́ла тодѣ́ по́другъ до́гоня́ты; би́жить сама́ по до́рози, а бу́ло темне́нько, зиркѣ́ на би́къ—схова́лася въ ко́вели сидѣ́ть якàсь дѣ́вка. Ба́чъ, дѣ́мае собѣ́ вонà, ще й сѣ́ла ля́каты; якъ до́бѣ́гла, та хѣ́пъ плато́къ зъ не́йи й хѣ́ли по до́рози. До́ганѣ́ своѣ́йхъ дѣ́чатъ та́й пы́таи́ицця: „призна́вaтесь, чѣ́й плато́къ, го́ди шу́ткува́ты“!—„Це не мѣ́й, це не мѣ́й и це не мѣ́й“,—у́сѣ́ такъ сказа́лы. „Та що́ за нечѣ́ста? та ко́тра жъ то зоста́лася менѣ́ изля́каты?“—„Мы ту́тички ось у́сѣ́:—Га́пка, Сте́ха, Мыла́шка, Ты́тяна... всѣ́хъ пере́личѣ́лы“.—Такъ и йе́! Зды́гну́лыся вси плечѣ́ма, зды́вувáлыся сѣ́й пры́чыни й наля́калыся до́бре, та́й подáй Бо́гъ но́ги, побра́лыся вси за ру́ки й латáты вже мо́вчки. Вечернѣ́ци не вда́лыся: сумнѣ́хъ бу́ла бѣ́льша по́лови́на. Хло́пци зпѣ́ршу розва́гáлы, у скрѣ́шки и ба́лаба́йки витрѣ́бенъки гра́лы; по́тимъ ла́ялись зъ до́сады, кры́чали и зъ тимъ розѣ́йшли́ся. Пишли́ дѣ́вки на до́мѣ́вку, а хло́пци за нѣ́ми. Прийшла́ дѣ́вка у хѣ́жину й прине́сла хустѣ́ну зо́всимъ и́ще новѣ́сенъку, зъ по́рядку шовко́выхъ, й положи́ла на по́льцю, сама́ жъ ля́гла спáты. Бу́въ, чи не бу́въ той сонъ у не́йи, а ба́чъ же лежа́ла, й у́сѣ́ въ хѣ́жци спáлы, про дѣ́вочу хустѣ́ноньку ничо́го не зна́лы. Це якъ йе́ вже о пѣ́въ но́чи, прихóде

шось до хіжины й стукотѣть и грюкотѣть, ажъ бычачи пузыри полопалысь у викнѣ, и знай колѣшка та крычѣть: „верны моє минѣ назадъ! верны, верны, оддай моє“! Побудыло враже лѣхо й навернуло думокъ, ажъ у бѣгахъ зъ переляку метелики грають.—„Хто ты, що тобѣ видѣ мене, убѣлого, треба“? настороживъ вѣхо й слѣха, що єму промове, а вонѣ й утихло, ничѣго не чѣты. Полягали знову. Тѣко звелѣи бѣчи, слѣхають—стучѣть: „верны моє минѣ назадъ! верны, верны, оддай моє“! та такъ й заскрыгоче. Схопылыся, засвѣтылы страшну свѣчку й лыпѣдку до Спаса, тай началѣ творѣты молитву. Помолылыся, якъ збумѣлы, й началѣ промижъ собѣю пытѣтыся, тѣлку пидбирѣты, къ тѣму,—що то, бѣчѣ, йимъ за нечѣста въ викнѣ стугонѣла й велѣла вернуты шось такѣ йийѣ. Дѣвка довго крипылася, взяла й розказала про тѣ, якъ йшла зъ дѣвчатѣмы, йшла, тай и зостѣлася,—пѣтимъ доганѣла, й якъ ничѣянно въ вошѣбку съ кѣгось на дорѣзи хустѣну увирѣала. Розказала й протягла на полицю рѣку: „Дывѣтеся, ось вонѣ“. Розвернула на столѣ перѣдъ образами й залылася, бѣдолѣга, дрібными слѣзѣми... Затымъ пидхѣде дрѣга ничѣ. Зъ пивъ—ночи тежѣ творѣщѣя. На трѣтю, якъ прѣйшло, взяли вонѣ й шпурнулы хустку у викнѣ. Лежѣть на прызѣби та хустѣна, а въ хіжинѣ одъ стѣку, ажъ хѣдоромъ все хѣде. На ѣтри зновъ взяли хустѣну й пишлы изъ нѣю до попа—рѣды попытѣты. Прѣхѣдѣють, пытѣють: „щѣ робѣты тутъ намъ, пѣпе,—отѣкъ й отѣкъ намъ трапылось“, й розказѣлы, якъ булѣ одъ начала до кинѣцѣ. Попенѣвъ йихъ трѣхи пивъ, а щѣ нѣбѣльшѣ—дѣвку: „не слѣдъ булѣ бѣ, кѣже, бѣратѣ, не знѣючи одний пустувѣты“! Тай порѣявъ щѣ разъ, абѣ й мѣже й двѣчи, вѣкинутѣ ту хустѣну за викнѣ, якъ прѣйде. Поклонѣлыся попѣ тай пишлы до дѣму; ждѣть, сидѣть й очѣй не змыкѣють. Чѣють зъ жѣднымъ рѣзомъ бѣльше стервенѣщѣя, кричѣть однѣ: „оддай моє“,—тай бѣста! Кѣнулы, такъ ни, й далѣко не рѣднѣ. Ну, щѣ жѣ тутъ дожѣдѣты,—зробѣлы й щѣ разъ такъ ѣмѣ, такъ лѣчче хочѣ й облышѣ,—й пишлы опѣять до попа, щѣ робѣть, пытѣты.—„Не берѣ, вырлѣтый злѣдень, кѣжѣть вонѣ попѣ, затвердѣвъ собѣй однѣ, тѣпѣнь ѣмѣ бѣ на язѣкъ: „верны моє минѣ назадъ“! щѣжѣ тутъ зъ нымъ робѣты? прѣмо немѣ жѣсты, прѣйшлѣ вѣвкомъ вѣты“.—„Теперѣ зостаѣщѣя,—

давай сюды дівку, покуту накіну тай запричасьтїю; тоді нехай берє платокъ и несє томѹ, хто до неї прійде, бо сама єго зняла, сама жъ нехай и завьяже“. Наступыла ничъ, а за нею незабарѣмъ налитїла пївничъ жартуваты зъ дивчиною за шовкову хустку. Стѹкъ, стѹкъ, стѹкъ—затрусїлась хата; пишла дівка изъ платкомъ тай бильшъ не верталась. Ждаты пождаты, ажъ ось и ўтро, а иийи немає; та такъ якъ нема, и нема и нема. Пишлы тоді зъ усимъ селомъ ту дівку шукаты и найшлы въ яру одні кисткї та шматкѹ мьясо, знаты зъ неїи познуцавсь нечїстый, понехтувавъ, розирвавъ и роскидавъ скризъ по яру.—Такє то, чѹете, колїсь зъ дівкѹю лучїлось“!

37. „О тимъ, якъ баба бабувала у чортывъ. Нѹччу прїїхала коляска до бабынойи хаты; а вона то була така, шо скризъ бабѹе, це дїло вже за нею; якъ же безъ неїи то и не те. Вона якъ тїко було черєзъ порїгъ,—и ось тоби и Богъ посылає... Ну, такъ коляска бѣ то прїїхала и въ ний сидїло два купця такі гладкї та здоровї, та наряджени, у всѣмѹ новѹму, шо такъ же и блистѣть и блистѣть и брязкотѣть на иихъ. Та и викликають на двиръ бабу: „выходѣ, кажутъ, пожалуста, сюды“! Баба выходє, бо дѹже докучалысь. Воны, якъ тїко вздрїлы, и кажутъ ией: „Пидходѣ та тїлки не хрестїсь“. Баба такъ и обомлїла—ийи и во снї никѹлы не вздривалось бачити такоґо вбранства на купцѣхъ, такихъ коней и калїски, а прыказъ иихъ, щѹбъ то не хрестїлась, все ривнѹ, якъ катъ по спынї оперезавъ тебѣ кишкою.—„Не бийсь! мы прїїїхалы за тобѹю, щѹбъ ты вмїсьти зъ намы поїїхала, та дѹброе бѣ дїло намъ зрѹбыла, сидѣй зъ намы та и поїїдѣмо“!—Сїла баба и ни слѹва. Коляска побїгла. Баба не вспивѣ примичаты, куды иийи тарахтѣять. Завезлы бабу у болѹто, у густїи прегустїи очеретѣ, та и и остановїлысь. Увѹдять у хату, а дитынчѣ ужє родылось и родыльня хѹде по хати, взялася рукамы за живїть—стѹгне и прѹсе бабу скупаты дитїну. Баба взялась за дїло, а вона хѹде по хати та вказѹе, якъ купаты; шо це такє, дѹма баба, ажъ росѣрдылась, скризъ було годїю, нїхтѹ ще не вчивъ, а це бачъ прїїшлѹсь знайтї однѹ такѹ, шо не по иийи,—казаты жъ иий про це—бойицьця. Купає соби та и купає; дѣвыцьця,—а въ дитїны ззѣди висить кишка зъ дѹбрый собѣчий хвистъ, та такъ

й отхитнулася назадъ. Хотѣла перекрестыцца, молитву створыты, зѣркъ, ажъ тамъ нигдѣ нема и одниѣи выкѣны. Догадалася бѣба, тай мовчѣть тодѣ вже. Старшій послѣвъ одного зберѣты гуляння, кыкати на родыны, а другому приказавъ: „пиды ты, у того-то йе нехрищенихъ три горшкѣ зъ масломъ, а у того-то медъ такій, а у того—те и те... беры усѣ й несы ёго сюды“. На досвѣтку позлитѣлысь гѣсти:—хто у двѣри, хто у викнѣ, а хтѣ й летѣвъ зъ пѣчи.—Стойтъ бѣба не живѣ, не мѣртва. Позлитѣлысь й началы гуляты: танцюють, перекидаютьця та въ ладѣши плѣщуть; одынь скакнувъ на стилъ та по столѣ й ну гарцювацьця, та самъ себѣ сѣпьятками обѣ задныцю бѣты. Бѣче бѣба горѣ й мовчѣть, щобъ не двѣе; зибралася зъ дѣхомъ, повернулася до старшого й кѣже: „одвезѣть тепѣрь додѣму, я вамъ не подѣба, що зумѣла,—поробѣла, бильшь робѣты ничого; бувайте здоровы“.—Звелѣвъ старшій коней запрягѣты. Запряглы. Стоять кони якъ орлы; шерсть на нихъ такъ и сѣѣе, копытами зѣмлю рыють, а ѣчи блыщѣть, якъ каганыцѣ.—„На жѣ тобѣ, кѣже, за труды, идѣ сюды до кѣдиба та наставляй своѣ пѣлену“.—Пидняла бѣба пѣлену й утрѣнку все, мать, похолѣнуло, а винъ здоровый та прямой, якъ дубына (не глызѣвый бувѣ), та такъ все гѣгосомъ, гѣгосомъ кѣло нѣѣи,—набрѣвъ зъ кѣдоба зъ мѣрку вѣгилья та такъ й шурхнувъ бѣби за трудѣ. Пойѣхала бѣба мѣвчки. Конѣ не бѣжѣть, а летѣть й зѣмлѣ пидѣ собѣю не чѣють. Забѣла й подѣкуваты;—прѣѣхала додѣму, розвернула пѣлену, дѣвыцьця,—ажъ не вѣгилья, а повнѣсинька пѣлена одныхъ золотыхъ. Одѣ радѣсты бѣбу у пѣть брѣсыло, й вона захворѣла... Оттѣкъ ходѣты бабувѣты до незнакомыхъ, та ще й у глѣху ничѣ. Грѣхъ за цѣ немѣнуций: цѣ все равнѣ дѣшу своѣ продѣты за грѣши. Зѣ тыхъ пѣрь пропѣла въ бѣби й зѣвѣсьть бабувѣння“.

38. „Еретныкѣ—охѣтныкѣ и ключъ-травѣ. (Еретныцѣка охѣта). Ключъ-травѣ подѣбна тымъ тѣко, хто зорѣть за ворѣвствомъ. Цыганѣ—шо набильшь обзавѣдѣцьця нею. Колѣсь булѣ частѣнько такѣ проявлялысь такѣ о цѣмъ балѣсы, а тепѣрь, дывѣсь, хѣбѣ тѣко одѣ старѣи лѣдыны де-ни-де почѣешъ про цѣ рѣзни примѣси, та й то вже стѣлы кой що забувѣты, та й цыганѣ такѣ тепѣрь такѣхъ нема. То бувѣ народъ собѣ мыжѣнный,

чорный, ажъ засмалъцеваный на выдѣ; а цыганка, булѣ, якъ гліне тобѣ въ вѣчи тѣки, такъ такъ, якъ въ воко вліпе: все роскріе, шо булѣ, та ще й загоди узнѣ, шо бѣде.—Такъ отъ, еретныкѣ, охѣтныкѣ—„воряги“, першѣ всего, щѣбѣ бѣты пройды-свитомѣ, шукають, де несѣцьця черепахѣ, и якъ зуздрѣть, бачѣ, де (знайдуть гнѣздѣ), такъ отѣ й почитѣй вже, шо достѣвъ цѣю еретныцьку ключѣ-травѣ; трѣба тѣко тодѣ каравѣлыты, дывѣцьця, колѣ вонѣ сѣме поповзѣ у воу пастьсѣ; и тодѣ возьмѣ, та й обгородѣ кругѣмѣ ѣго килѣчкамы; при нѣй же цѣгѣ низѣ здѣлаты, бо такъ у тѣло и вѣнѣцьця. (Несѣцьця вонѣ на сѣши де не (будѣ) у травѣ, а пастьсѣ лѣзе у воу, на дно рѣчки, або мѣря). Вонѣ то прѣйде, побѣче цѣ крѣпосѣть, огорѣжу, та тодѣ й тудѣ-й-сюдѣ до гнѣздѣ,—не вѣйде и полѣзе собѣ зновѣ у воу, та такъ разѣвъ зѣ три оснуѣ шукаѣты тогѣ зѣльѣ, шо всѣку всѣчину рве. Прѣлѣзе, бувѣ, разѣ—не та травѣ; у дрѣге—ни, ничѣго, бачѣ, не подѣе нѣю; а въ трѣттѣе, якъ полѣзе шукаѣты и хочѣ довѣго не бѣде, за то вѣрнецьця зѣ настоящою, прѣлѣже до огорѣжи, вонѣ зѣразѣ же й отпадѣ всѣ. Травѣ йѣй цѣ тепѣрь не нѣжена, и ты йѣй не берѣ, пѣки (пѣты) вонѣ засѣхне, а засѣхне, ждѣ тогѣ чѣсу, якъ полѣзе черепахѣ у воу; тодѣ прорѣжѣ на пѣльци (на пѣльцеви) шкурку и заложѣ пѣдѣ нѣйѣ ту травѣ. Тепѣрь знаѣ: якъ це все загѣйцьця, до якогѣ бѣ ты залѣза ни дотрѣнувѣся,—вонѣ роспадѣцьця, не вѣдерже; до любѣго замка, абѣ якѣхѣ такѣхѣ запѣривѣ, тѣко прѣтулысѣ рукою, й вонѣ й розлитѣцьця“.

39. „*Два чабаны*. Йшлѣ двѣ отѣри чѣризѣ мѣстѣ ѣди супротѣ другѣи, таѣ стрѣлысѣ на грѣбли. Грѣбля булѣ вузѣнька; якъ ѣгѣ булѣ пройтѣ,—комѣ звернуѣты въ бѣкѣ, абѣ вернуѣцьця на-зѣдки? Отъ, ѣдѣнѣ чабанѣ и кѣже другѣму: „стѣй, стрѣвай“!—тодѣ збѣвъ своѣхѣ ѣвѣць трѣхи, пѣдвѣрнуѣвъ пѣдѣ бѣкѣ и тѣко жѣ взявѣ винѣ та постѣвыѣ мѣжѣ нѣмы, ѣдѣ своѣи й чужѣи отѣры, свѣдѣ гарлѣгу (здѣрѣва пѣлыця) и—„трѣшѣ! трѣшѣ“!—такъ провѣвъ своѣ худѣбу промѣжѣ чужѣхѣ ѣвѣць, шо якъ пѣстыѣвъ, такъ хочѣ бы ѣднѣ де вѣвѣцѣ, козѣ абѣ барѣнѣ замишѣлысѣ помѣжѣ тѣмы.—Здѣлай же тепѣрь такъ,—ѣтѣ жѣ!—Та шо й кѣзѣты, булѣ дѣло“.

40. „*Наскѣчила косѣ на кѣминѣ*. („Два дружкѣ голдунѣ“). По-

встрѣчались два поїзды, тай стали оди́нь супроти́ друго́го; по́тимъ схопы́лись зъ горі́лкою у рука́хъ дру́жкы́ й началы́ угоща́юща та хва́стающа проми́жъ собо́ю,—хто, бачъ, зъ йихъ лү́чче тямѣ, шо зроби́ты. Отъ оди́нь налива́ чарчи́ну тай дае́: „на, пий“!—Той вы́пивъ, а зу́бы зъ ро́ту тико пу́ць ёму́ у жме́ню: вы́солопивъ тоди́ винъ о́чи, та й лу́на ны́мы, мовъ, не сво́ймы, а да́ли й пы́та: „де то ты зуми́ты зуми́въ зроби́ты, та чи вмийе́шь же ты, лы́шень, зновъ йихъ повста́вляты“?—„Ни, це́го вже не мо́жу, выбача́йте“.—„Ну, такъ дывы́ся жъ, якъ це ро́быщя“, взявъ та й кы́нувъ собі́ свойи́ зу́бы у ротъ, и воны́ такъ и посидáлы, якъ бу́лы, на свойи́хъ гні́здахъ,—ось якъ це дїе́щя! А ты, ба́чу, тико зпо́ртыты, згуби́ты, ззи́сты уми́е́шь, а одвалáты наза́дъ неха́й, мовъ, лю́ды, бу́дуть, зна́йдущя, мовъ, такі́! Отъ за це той не гара́здъ,—ты такъ: посми́йся, посми́йся трóхы, та й облы́нь. На жъ, тепе́рь вы́пый мо́еи за́пекáнки, мой бу́де трóхи сма́шні́ша: ось на́ бо, на́, попрóбу́й цма́ку“, пидно́се. Той пье́ и зу́бы ёго́ до жо́дного зостаю́щя у ча́рци, а о́чи такъ та́къ и пови́верта́лись зъ ло́бу. Посьми́явся такі́ той до́бре зъ ёго́, та взявъ та й отпу́стывъ.—„Иды́ жъ собі́, ка́же, сида́й на ви́зь та везы́ мо́лоди́хъ, куды́ сли́дъ, та й не глузу́й бильшъ зъ люде́й“!—Вся́ки лю́де йе́.

41. „*Купе́ць и гуртъ ёго́ скоты́ны*. Гна́въ купе́ць шля́хомъ гуртъ скоты́ны по поміщи́цький землі́, а вонò то, шля́хъ той, та бу́въ въ одно́му мисьци́ ззо́раний, зоста́влена бу́ла одна́ тико ву́зенька доро́га, за ма́лымъ хиба́, трохи́ не сте́жка. Круго́мъ росли́ пшини́ци у ристъ чо́лсви́чий. Скоты́ны, звы́сно гуртъ, бу́ло чимáло и йшла́ мо́(же) ко́й де по хли́бови, безъ то́го вже жъ незя́. Помі́щикъ узнáвъ объ цимъ одъ своихъ обйе́жджчи́кивъ й остана́вивъ той гуртъ, за́риштовáвъ. Купе́ць просы́щя,—просы́всь, просы́всь, а по́тимъ ба́че, шо дї́ло не выхо́де, клы́кнувъ погонщи́кивъ до се́бе, на ко́ней—тай по́йхалы́ у блы́жнюю сло́бї́дку, а гуртъ зоста́вся самъ. Якъ тико гуртъ, бра́тъ ты мий, зоста́всь оди́нь, ду́хомъ почу́въ не те, хвосты́ задрáвъ вго́ру, та якъ шпу́рну́въ ёму́ винъ по хлиба́хъ, воны́ спы́няты,—спы́нялы, спы́нялы, куды́ жъ тутъ? ничо́го немо́жуть зъ нимъ зроби́ты, и не тико пи́ши,—й верхови́. Ны́вы потоло́чили́сь и зроби́лись чо́рни, якъ ры́льля,—така́ невсти́лыва скоты́на поробы́лась. Дой-

шло до того, що порà вже й поміщику наздоганяты та про-
сыты купця, щобъ геть займавъ свою худобу; и незабарёмъ
таки майнулы увздогінку.. До купця, а винь не тиєи: „нехай,
мòвъ, трóхи побисýе — помордуйицьця“. Пóтимъ, тришки згó-
домъ, прыйшлы гоньцї того гурта, — москалї, и якъ гукнулы,
такъ такъ вся скотына до одниєи й пырнула, — одна дру́гу зъ
пшениць на шляхъ туре й шляхомъ скризь, гей-гей, скіко вѣдно,
на домівку. Тіко й бачилы. — Оттакъ доказавъ купцю за потра́ву“.

42. „Прывидѣнныя слобідыизъ та́буромъ. Йшо́въ та́буръ чу-
маківъ, та й ставъ на почи́вокъ при якійсь слобідыци. Під-
верну́лась ничъ, ста́лы ночува́ты, а пастухи погна́лы да́ли въ
степь худобу по́пасты. Па́ша до́бра, во́лы ста́лы та й кіну-
лысь па́стысь. Ма́бутъ, ні́чого бу́ло. Хло́пци-пастуша́та то́жъ
нама́ялысь въ дорóзи, підтопта́лысь, звѣсно, схилѣ́лыся підъ
куста́мы й ба́йду́же — засну́лы. Худоба сы́та; тра́ва прыйи́лась,
во́ны й майну́лы по хлиба́хъ. Лучи́вся, якъ йе на ту лыху́ го-
ды́ну, объѣждчикъ зъ яко́исъ оконо́ми, ставъ по́ле огляда́ты,
та й натра́пывъ на во́ливъ чума́цкихъ. Хло́пци зиркъ, — нема́
во́ливъ, й до та́бура хі́ли. А объѣждчикъ йихъ давнò до се́бе
погна́въ. — Пишлы́ хло́пци всимъ та́буромъ во́ливъ вику́паты, —
торбува́лись, зпыньча́лыся, зе́млю йи́лы, шо шко́да нега́дана;
ни щò не въ у́гòду, — тузы́въ до́бре бесу́ривъ объѣждчикъ й
узя́въ изъ йихъ по сынѣ́нький одъ жа́днои па́ры. Запла́кало
чума́чиство, нищò не подійе́шь; повп́ряга́лы во́ливъ въ я́рма
та й въ путь у дорі́жку за си́лью у Кры́мъ. Ті́ко ста́лы за-
п́ряга́ты, занóзы стромля́ты, хто підты́ку попра́влявъ, зъ лош-
не́ю возы́вся, хто ва́гу чипля́въ підъ ви́зь, а хто ище ва́живъ
та колéса ма́завъ, — подыви́лысь на слобідку, ажъ лелечко —
лыхо: ззуси́єи слобідки, въ дроковы́цю на́че, бижа́ть въ по́ле
на хлиба́ во́лы, и корóвы, а за ны́мы слі́домъ ко́ни, вівци,
сви́ни и все, шо ни йе якà худоба, пты́ця — гу́сы, ку́ры и ин-
ды́ки, та все въ воднò мѣ́сце: на поміщи́цки хлиба́... „А щò,
вра́жий сы́ну? слéзы да́ромъ не про́палы, потиша́йся жъ на́мы“!..
У по́ли на́слана худоба пройшла́ по хли́бу й такъ зрòбыла,
якъ у ха́ти на до́ливци“.

43. „О тимъ, якъ Рóмахъ ходывъ на ба́кшу кавуни́въ кра́сты.
Наня́въ собі Рóмахъ ко́саря — моска́ля тай пойихавъ зъ ны́мъ

на ніву, яріну вбырати. Прийіхалы ще за-відна, наварылы кулишѹ (кандѣру) й крутоїи кáши, попойілы всёгò дóбре,— одийшла вечеря, й полягáлы спáты. Недалéчко, чуйешъ, въ бикъ, зъ полявыны вгòру, ростяглася въ пòручъ зъ лисомъ бакша зъ кавунамы. А Рóмахъ цей бувъ такий, шо не втерпе зрòду крáсты, й особлыво, якъ заздрѣть каву́нъ, абò дýню; це вже дзудзки, не винъ бóде, щобъ чогò не вхѣбыть. Про це й люды дóбре знáлы та й береглы бáкши. Спавъ чи не спавъ отò винъ тамъ, устáвъ нѣшкомъ та й поплівся промочѣты дýшу; тай чужòму чоловіку—косарю тожъ въ пригòди бъ стáты. Якъ добрався Рóмахъ до бакши чужòи, навбыравъ кавуныкивъ чимáлый мишéчокъ, тай звалывъ собѣ на плéчи, иты вже зибрався; подывѣвся кругòмъ сéбе, ажъ скризъ огорóжа. Блукá Рóмахъ въ вогúдыни, мовъ, спúтанный пúтомъ, та й зъ досáды полосýе огиркы въ кишéню... Немà хòду, куды не кинъ, самы плетнѣ, крутыцьця сердéшний. Ужè й скòро свитáтыме, и зѣрка вранишня ось-ось. Заря загорѣлась. Проснұвсь косарь, глядь поглядъ, Рóмаха катъ-мáе; уже тутъ винъ туды й сюды на вси дýмы дýмавъ. Догадавъся, матъ (мáбутъ), москаль, шо шось йе недóбре,—мирьщѣй вѣбигъ, ставъ на бугрыкъ, дѣвыцьця пидъ зòрю, ажъ вонò тамъ шось мирѣе, тонцюецьця въ бáкшахъ. Винъ до ёго: „що це ты тутъ рòбышь“?—„Нарвáвъ, бачъ, тутъ кавуныкивъ та нийкъ не вѣйду: скризъ горóжа, стоять плетнѣ, немà минѣ хòду“. А винъ ужè налякáвся, та и мишòкъ геть брòсывъ.—„Берѣ скорѣйшъ мишòкъ зъ добрòмъ та шамѣль за мною“. Схватывъ мишòкъ, бижа́ть у двоухъ й плетнѣ ти де дѣлысь, та до вòзу—й стáлы.—„Ну, братѣще, косарь кáже, бильшъ ты такъ не дѣлай: безъ разбòру не лизъ въ вòду, абò окунéсься“. Винъ и дýма: „стóрожъ тѣме, а цей, матъ, ще дýжче“,—та й съ тихъ пиръ и ни ногòю,—квѣтъ, шабáшъ вже крáсты“.

44. „Чума́къ Галя́на. Разъ мий дѣдько у дорòзи побрата́вся зъ Галяпою тай пойіхалы у Крѣмъ, медъ туды возылы й сырѣ ко́жи а колы й пшѣныцю; а вѣттыль вже вонѣ бра́лы силъ та дѣготъ нѣхту, а що набильшъ—бра́лы рѣбу. Всѣ́ка бу́ла рѣба. Бу́ло дѣло, (за тѣждень до Вшѣ́стя), затѣялы у дорòгу, тай зибра́лы чимáленький та́буръ, зийшло дру́жне чума́чество, вѣ́рне товари́ство. Не згадаю, де са́мечки у яко́му мѣ́сьци но-

чувáлы всимъ табуромъ, везлы, зная, рыбу; повставáлы вони въ рáньци та й гулькѣ до худобы: волы ходять по травѣ дѣ-не-дѣ заздриешъ; пáша дóбра, ну й пасу́щця мóвчки, а кóяки вже напаслысь, полягáлы й котуляють рóтомъ. Зиркѣ до кóней, ажъ йихъ нема,—шóжъ ёгò робыты? Кóни булы дóбри. Якъ узналы и... стревóжилы такій лéминтъ, суматòха зпáвди; хто побигъ зъ кийкòмъ шукáты, хто жýрыщця, хто нуды́е, а хто стоить, плаче: пропáвъ, каже, заробíтокъ, щò бóду робыты? Товары́ство не повíре: скáже, де самъ спрúдывъ, абò вóвси скáже:—ты жъ самъ караву́ывъ, твой була чéрга, ну й давай волы за кóни; оттакóи вы́ывъ!—Всѣ торбóющця, хлопóчуть; ходять юрмамы, шукáють, а Галáпа пиднíме знíшка свою пы́ку, очíма блýмне скризъ на шляхъ, тай зновъ до вóза,—лáде визъ, якъ бóтто винъ бйды не чуе; ёму и байдуже про то,—нехай, молъ, хлопци молодi, нехай тамъ трóхи погорóють, а самъ бо то, нинáче й вспрáжки, якъ бóдто лáгодыщця зъ вóзомъ: люш-ню то здйíме, то надíне, пидъ визъ пидлíзе, пидтóки лаштýе. Ти верну́лысь. Нема́ дíла, тíко дýрно, нóги бýли; мать, чимáло одчухрáлы, щò ажъ чубы́ мóкри й по пы́ци потёки. Спыта́въ Га-лáпа, чи вси́жъ то тамъ верну́лыся, тай замовчáвъ, гóлову по-ну́рывъ; а про кóней й ни гóгý.—Напусты́лось на Галáту усè товари́ство: „щóжъ щòбъ то такъ чи щò“? й началы́ вприкáты: „це не дíло, а биздýлля, иды и ты шукáты“!.. „Постривáйте трóхи, й кóни бóдутъ дóма; той, хто вкравъ, не пиде дáли вíтты (витьты́ль), де сидыть тепèрь винъ вёрхи на прытóни. Случáлось такъ не разъ минí, всèгò на свíти переживъ; кусáла насъ такá“! Товари́ство вы́слухало й ўхи повпускáло. „Щò це кáже нашъ Галáпа, чи мóже жъ це стáцьця? Не здурíвъ бо винъ у насъ,—мóже зъ переля́ку? Скорíшъ Йвáнъ, перекресты́ брáта, дай напы́тыся воды́ци, тай на пы́ку бры́зны; творы́ скорíшъ крèсную молýту“! Заходы́лыся гуртòмъ й поличы́лы дíда, тутъ знайшóвся ще й такій, шо й крòвъ брòсыть вмие.—Бóлисть бу-лá не мáла; одвалáлы кóякъ.. А Галáпа насу́пывся тíко блýма очíма, ниякъ не вторóпа, щò надъ нымъ лучýлось.. Трóхы згóдомъ ски́нувъ брыль тай перехрèсты́вся. (Тодí всѣ въ бры-ляхъ ходы́лы ти шо чумаки́ бъ то).—„А ну, лы́шинь, ки́шъ изъ мíсьця, полосуй за мно́ю, тíко спёршу договòръ:—цýрь не

бѣщца та слѣхачца“.—„Добре дѣду, добре!“ Распрáвылы хлѣпци кѣльши (клѣшни), погреблѣ слѣдомъ. Идѣть та мѣсять, що вѣйде изъ сѣго. Пройшли чи малѣнько. „Тпру! стривáйте; стийте тутъ, прогукáвъ Галѣпа, я пидѣ до тихъ майдáнъ, тамъ щось копошѣцца“, тай пишѣвъ. А майдáни одъ насъ всѣго не бильшъ гóну. Мѣсця дѣвляцця, махае, настромѣвъ на пáлку брыль всихъ йихъ зозывáе. Поплелѣся дáли. Пидхóдымъ умѣсци. „Онъ де, кáже, й кóни“,—хлѣпци й обомлѣлы.—А вонò, москóвське лѣхо, на рѣвний поляни крутыцця изъ кѣньмы: та все въ воднѣмъ мѣсци, а дáли не йѣде; бородѣще до пóяса, й на выдѣ червóный а у плѣчихъ миръ хочъ не дѣже й рóслый. „Здорóвъ бѣвъ, Галѣпа кáже! Чи то пáкъ добрѣдень! куды йѣдешъ, рѣжа хáря?“—„Дѣмка булá на Оксáй, та изъ шляху збѣвся; кругомъ мѣне де й взялѣся гóри та байраки, а це стáла кругомъ стѣнка, хочъ тѣтычка й пропадáй“.—„Кóни добри, де ты взявъ йхъ?“—„Оцѣ (шкáпу) купѣвъ у ярмарѣци въ Батѣорыний, а це въ мѣне ще изъ рóду,—зъ Бутурлѣмивки я рóдомъ“.—„Добре брѣшешъ“.—„Ни, дидѣсю, не брешѣ, мóже вѣведешъ видциль, горáздъ я не бáчу“.—„Сюдѣ хлѣпци“. Хлѣпци дѣмалы, що бѣты, та такъ й окружѣлы.—„Стривáй, бѣтыся не трѣба! Берѣть мирщѣй въ ёго кóни, тá йѣдте у тáбуръ“. Хлѣпци рáды, берѣть кóни, й ўха въ йихъ регóчуцця. „А ну, дѣдѣку, облѣшъ трóхи, нехáй винъ пойдѣде,—погонѣй, чогó стойишъ? давáй намъ дорóгу, а винъ крутыцця изъ нѣми, мовъ, молóте на токѣ“, шкилѣють изъ ёго,—„у ёго, кáжутъ, полѣда въ вѣчи заступѣла и свѣтъ ёму помарнѣвъ“, та пáльцемъ шѣрь ёмѣ у вѣчи. Галѣпа самъ зсадѣвъ ёго зъ коня й давъ хлѣба на дорóгу: „идѣ собѣ, ёму винъ кáже, та бильшъ, глядѣ, не крадь“. Погонѣбѣвъ, погонѣбѣвъ й отпустѣвъ небѣтымъ. Галѣпа кóней не кувáвъ (не заковѣвавъ у пѣто) й не возѣвъ залѣзного пѣта, а все прядывѣяне, и ёгò конѣви зрóду й вáды не бувáло. Везѣть рѣбу чумаки й дойдѣждáють до горѣ, горá булá высочѣнька (пóкрутковата), а гѣмоньська ёгò шкáпа взялá тай прыстáла. Тутъ бы тѣко чѣризъ гóру перевалѣвъ й почитáй, шо дóма. Шкáпа стойѣть, а сóнце за тóго захóде,—не стояты жъ тутъ.—„Чѣешъ, братъ, Галѣпа кáже, выпрягáй, мать, ты цю шкáпу та лизъ у воглóбли,—бѣду попыхáты; мóже якъ нѣбудъ у двохъ вѣвеземъ на гóру“.—„А на вóзи то булò

вагы пудивъ зъ трыдцять. Узялыся потыхеньку: той все тѣко направляе, а цей пхае, тай вывезлы безъ биды, ще й не становѣлысь, оддыхаѣлы разомъ. Якъ зибраѣлыся на гору, забажалы йѣсты; тай худоба пидбылася, нехай оддыхне. „Грийте, хлопци, лѣтепло, будемъ варыть кашу“.—Дѣло закипѣло. Лаштувалысь ночуваты, а Галѣпа лигъ на зѣмлю тай дывыцьця въ нѣбо, а нѣбо на ёго;—це слухае: штовхае шось—„вставай, дядьку, вставай, дѣду! розбѣйныки озъ де, рыбы, мабуть, захотѣлы“.—„Такъ зготовъ запѣты... Такъ и йе; пидѣ я самъ попереѣду та спытаю, що йимъ одъ насъ трѣба, а вы бѣдьте на стороѣжи про слѣчай чогѣ“,—и попливѣся йимъ на зустрѣчь зъ кѣстуромъ въ руцѣ. „Здоровы буѣлы, хлопци! та кажѣтъ, зъ якою вы вѣсьтью“?—Вѣйшовъ одѣнъ попереѣду й каже минѣ, а ти вси zostалысь, дожидаѣють радѣ: „Щобъ довго тутъ баласть не точыты, давайте намъ грѣши!“—„Грѣшей?! бачъ вонѣ, чогѣ вамъ трѣба,—ка зна чогѣ й забажавъ! а я дѣмавъ, вы зблудѣлы та йдетѣ пытаты шляху. Такъ стромляй же першъ цю штѣку (пыку) надъ головою у конѣ, ось сюды“,—тыкнувъ винъ пальцемъ. Той встро-мѣвъ; тодѣ не зъ мѣсьця кинъ и винъ, и ти, шо зъ заѣду до-жидаѣлы грѣшей, стоятъ усѣ, мовъ побѣты. А Галѣпа тѣко блѣмае по йихъ здоровѣнными очѣма: „дѣбре хлопци мѣштру тѣмлютъ, оттакъ все й вѣйцьця, лѣгше всѣго—давай грѣши! А тодѣ? тодѣ: прынесѣ лышъ йимъ, Ивѣне, тиѣи кашѣ, шо ты грийешъ, вонѣ йѣсты хѣчуть; трѣба жъ першъ нагодуваты, бо грихъ гостѣй такъ пускаты, не накормѣвши хлѣбомъ-сѣлью“.—Тѣре Ивѣнъ казанъ зъ водѣю, лѣтепломъ гарѣчимъ, набирае ополѣныкъ й дае вистовѣму: „прызвольѣтесъ, кѣшайте, ни сорѣм-тесъ, ну бо ще“.—Той пѣе.—„Чи мѣже ще“?—Мовѣть.—„Чомъ мовѣишь? хибѣ ще“?—Мовѣть.—„Це винъ грѣши лѣче, нѣякъ не дасѣтъ тѣлку“,—каже товарѣство.—„А що це, не грѣши? грѣши лѣчытъ лѣгче? Пидѣ, Ивѣне, попоштуй й тыхъ! шо вонѣ дримѣють, хибѣ спѣты сюды прѣйшлы? вонѣ тутъ по дѣлу!“—Пишѣвъ Ивѣнъ; чѣты, тѣко чмѣкають. Угостѣвъ йихъ, чимъ Богъ послѣвъ, тай каже Галѣпа: „Глядѣть, якъ прѣйдецьця вамъ ще цѣгѣ добра (грѣшей) де попытаты, такъ вы попереѣду дывѣцьця: якѣ де кѣчка чумакивъ, та й якъ де бѣдутъ вонѣ йѣсты: де два товарѣща йидѣтъ та кисткѣ кладѣтъ у кѣпку, то

туды не лизь; а де йистымуть два кума такъ, шо той туды, а той туды бросаты будуть кисточки, то туды вамъ тико й можно, отò вже й будуть верхй ваши. Повертайте жъ теперь кони, та йидьте назадъ й не гнйвайтесь за вгощенья,—я не виновать“.—Пойихалы розбойники, въ руки пыки взявши; й довелось пойихаты негáданно й неждáно, й не со́лоно хлѣбáвши“.

45. „Дѣло булò у сáмий розгáрь ярмарки. Люды скризь вѣштались та шнырялы и дѣло кипѣло, якъ у кучи комахня. Прийхавъ на ярмарокъ й Хома Вывыхвистъ зъ свойимъ сыномъ купыты бáби очипокъ, та тяжины на халать; ззийшовся зъ товарѣствомъ, кó—якою риднѣю и хлѣско—чѣпурно вѣшылы. Отъ пидхóде до ёго сынòкъ, годкѣвъ зъ пятна́дцять, тай кáже: „Тату, та-тý! дай минѣ грѣвню (три копѣйки) грóшей“,—а тáто, якъ натè, й нечýе;—отъ винъ, вдрýге: „тá-то, та дай бо минѣ три копѣйки!“ Розсѣрдывся бáтько на сы́на, (винъ вже, бачь, пидпывъ трóхи и все дáли бѣлышъ роскуражовався) та зъ горячà й кáже:—„ну, нà жъ тобѣ, рассýкинъ сынъ, ци грóши, та гляды жъ ты минѣ, щòбъ ты купѣвъ собѣ на йихъ такè, шòбъ й найився й напы́вся, й на гóлову бѣ надѣвъ“.—„Дóбре, тáту, дóбре!“ Взявъ сынòкъ грóшы тай хóде по ярмарьци, мусýе, розгáдуе, щòбъ вонò булò пидхóже пидъ бáтькову мóву; ходѣвъ, ходѣвъ тай купѣвъ каву́нъ.. Бáтько давнò вже жде сы́на назадъ зъ грѣшмы, а сынъ зрѣзавъ зъ кавунà верху́шку, вѣдовбавъ зъ серѣдыны мѣякить, пойѣвъ, пóтимъ поскромáдывъ—й юшки напы́вся, и тодѣ ще взявъ тай надѣвъ на гóлову, якъ бáтько казавъ, и йде до свòго вóзу, пузь торгóвцивъ черèзъ увесь ярморокъ; дохóде до вóзу; бáтько зиркъ: идè ёго сынъ, й на головѣ шòсь блестѣть; до ёго, ажъ то зъ кавунà шкарлúпа. Ни якъ не надѣявся про це бáтько на сы́на и такъ зрадѣвъ, щò й хмѣль одскóчивъ.—„Отъ тобѣ, тáту, кáже, оцè я найився, й напы́вся, й на гóлову надѣвъ“.—„Тьху, скýрвый сы́ну! Нажъ теперь тобѣ за це пѣятакà“.

46. „Одѣнъ помѣщикъ та такъ вже й немылостѣиво прикисньявъ свойихъ людѣй, щò дáли й нѣкуды; прѣмо дойшлò до тóго,—хочъ зъ мóсту та въ вóду. Отъ одѣнъ разъ ёго дворóва бáба, Кулына, зибрáла коло сѣбе такихъ же, якъ и самà, та й кáже: „Бóже жъ ты мий мѣлостывый, Бóже жъ ты мий прáведный, якъ

вонò на свѣти бѣлому склалося? И це все, во всий ций вынѣ, Ева. Вонà це все надѣлала намъ; не соблазнѣсь вонà, мы бѣ вси жилѣ бѣ на свободѣ й не мучилѣсь бы мы, такъ якъ муче теперѣ насъ оцѣй анцѣхрысть; ну; ни зà-щобъ я, здаецьця, будь на йийи мѣсци, не пиддалася тому соблазну;—бачъ, не бачила яблука, зрадѣла, я бѣ сáмый пѣрвый щильныкъ пидъ нòги бѣ шпурнула.—Пидслухавъ це помѣщикъ тай кáже йймъ всимъ: „ну, постривáйте жъ; горáздъ це все, узнаю жъ я, чи й справди жъ то нàша Кулына розумна такà, хрáбра та терплѣча, якъ оцѣ йе. Вѣзвáвъ до сѣбе Кулыну й давáй йий спершъ всѣго наварюваты, щобъ умъ кúчки держáвся, та не куѣвдыла; а тодѣ взявъ мыску, перевернувъ йийи на столѣ й кáже: „Гляды жъ, не додывляйся, шо тамъ йе; а то, якъ узнаю, шо подывисся, такъ ще гѣрше тобѣ буде; а якъ шо жъ вѣтерпышъ, не соблазнѣсься, такъ дамъ вòльну слобòду на вси чотѣри стòроны, и ты де схòчешъ тамъ й заведѣшъ свий рай“.—„Ни, ни це вже не сумливáйтесь, ни за що цѣгò не бóде“.—Помѣщикъ десъ пойхавъ, и Кулына зостáлась пекты пирижкѣ. Сумно чогòсь стало Кулыни, а якъ подывѣлась на стилъ, весь страхъ такъ и одѣйшовъ, и вонà началà свойи мѣсли пидбырáты, та добѣрацьця до того, шо „щобъ вонò вже такѣ й за задѣрне винъ и положѣвъ тамъ пидъ тую мѣску, непримѣнно пирижкѣ, мáбуть, думка бѣ то соблазнѣты, якъ Ева соблазнѣлась, та ни, я не вонà; та й якъ же ще то винъ и взна, якъ я потыхѣньку пидныму йийи кинцѣмъ ножà, подывлюсь, тай зновъ опусьтѣ? Такѣ й вѣтие,—кà зна що“. Оскóма брала спрòбуваты пàньски вѣтивки; „дай, кáже, пидиймó, —хибà що“? Взялась за мѣску и тѣлько хипнула за краѣкъ, а мѣша вѣдѣтиль зъ пидъ нейи тѣльки порьсь, та й булà такà. Охъ, лѣшечко, шо жъ це я наробѣла. Й такъ зажурѣлась, шо трòхи зъ журбѣ не околѣла. Прийхавъ панъ тай кáже: „Й зóвсимъ Кулына бѣ то, та гóлосъ не йийи“; и ставъ пѣся цѣго ще дужче морѣть людѣй робòтою, та гóлодомъ“.

47. „*Огненный змѣй*. Огненные змѣи живутъ на тѣхъ пустынныхъ и невѣдомыхъ островахъ, куда разные „знахурѣ, знахурки, колдунѣ и колдунѣи“ ссылаютъ своими заклинательными молитвами всякѣй людской недугъ, людскую нечистоту, словомъ—все

то, что может приносить людямъ вредъ. Тѣ изъ звѣздъ, которыя при паденіи какъ бы оставляютъ по себѣ слѣдъ въ видѣ хвоста, говорятъ, есть предзнаменованіе переселенія умершей души человѣческой, оставляющей мірскую суетную жизнь и удаляющейся въ необъяснимую вѣчность; говорятъ также, что какой нибудь святой въ это время несетъ еѣ (звѣзду) посвѣтить Богу; между тѣмъ такіе звѣзды—ничто иное, какъ „огненные змѣи“, но только въ меньшемъ видѣ. Огненные змѣи также указываютъ, гдѣ есть „шкарбы“. Жилъ напр., одинъ человѣкъ около выгона, а противъ его двора, сажень въ 5—10, росъ кустъ дерезы, куда каждый годъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, падалъ огненный змѣй и при паденіи разсыпался „жаромъ“; самое же паденіе жара сопровождалось оглушительнымъ шумомъ; такое обстоятельство можно лишь объяснить тѣмъ, что подъ кустомъ этой дерезы, непримѣнно сохраняется заклинательный шкарбъ. Огненные змѣи не могутъ подыматься вверхъ, а всегда падаютъ на низъ.—Огненные змѣи всегда или чаще всего падаютъ въ низменныхъ мѣстахъ; частое ихъ паденіе означаетъ обильный урожай.—Когда змѣй падаетъ и разсыпается въ жиломъ дворѣ, то часто предвѣщаетъ или же большое счастье, или такое же несчастье.—Иногда змѣи летаютъ къ какой нибудь молодойкѣ и въ качествѣ жениха или любовника. Одна женщина жила съ мужемъ на старомъ дворницѣ, рѣдко какой годъ не леталъ къ нимъ огненный змѣй и каждый разъ падалъ все на одномъ и томъ-же мѣстѣ—въ саду. Женщина въ то время постоянно болѣла, но только перешла она съ мужемъ на другое мѣсто, то стала поправляться. Сосѣди и она сама объясняли пережитую болѣзнь посвѣщеніемъ огненнаго змѣя.

48. „Змий любовникъ. Въ Нищирѣтовий до одній замужнейи жінки литавъ у ночі змий и вона явно чуе, якъ винъ вихремъ спускаецця на хатнюю крышу, а въ хату вже йде такимъ паномъ, або купцемъ молодымъ, красывымъ та нарядженнымъ и вона жъ то й баче ёго, ригочицця й пустуе зъ нимъ,—змий обніме й поцілуе й до себе пригёрне, якъ малу дитыну, а чоловікъ цёго нічого не баче й не знае,—сказано нечистый. Оцѣ стѣлыцця лягати зъ чоловікомъ, й полягають вмѣсти и змий ляга по бля нейи изъ біншого боку. По пѣреду

жъ за мижъ іграшки було йийъ зъ нечѣстымъ дѣхомъ, радѣла зъ нымъ, ублагала, а чоловѣку случалося й чѣпру дѣбре мнѣла, нечѣстый й тутъ йийъ помогавъ, бо чоловѣкъ далѣко бувъ здоровѣший одъ нѣйи, а потѣмъ не тиѣйи заспивала—пора вже на кѣтъни: ранѣше въ тѣждень разъ литавъ, а посылѣ й що нѣчи; тай зробѣвъ винъ—такъ стала, сказано, якъ щѣпка. Морѣить тодѣ, жѣрыцьця та й гѣди; шо вже вона й не робѣла й чѣго тѣко не дѣмала, щобъ одъ ѣго, супостата, одкараськацьця-бъ такѣ,—такъ що жъ? ничѣго не подѣе, хочъ живѣ у грѣбъ лягаѣ. Долитався змѣй до нѣйи, поѣи двѣхъ дѣтѣй прыжѣвъ, тай не брѣсѣвъ,—зновъ прынявъсь литаты; прѣмо безперѣчъ. А дѣтки, кѣже, моѣ нѣнько, не бѣльшъ у двѣдѣцѣть днѣвъ усѣ рѣжалѣсь; та ще—ажъ ѣстрашно казаты: хрѣстыяньського на ѣму тѣла одъ головѣ по пѣпыкъ—по поѣсъ, якъ ѣе половѣна, а зъ другѣйи половѣни усѣ у шерсты; вѣѣльшки жъ було менѣчъ, чѣмъ пѣвъ аршѣна; нарѣдѣцьця оцѣ, зѣхнѣ рѣтомъ трѣчи тай вѣрѣ не хрѣченѣ. Чи малѣнько гѣдѣвъ пройшлѣ, и все такъ бувало. Оцѣ жъ вѣнѣ на те й вѣйшло, потѣкѣють лѣды: „полюбѣла хѣря мѣрю, тай жѣсты не мѣю“. Не замѣй чѣжѣхъ лѣдѣй й хлѣпцѣвъ молодѣнькѣхъ, то й тебѣ нѣхтѣ не зѣйме, комѣ й здѣлось на що, атѣ, бачъ, лѣдаще! И такъ ищѣ—й не судѣты нѣяково: слѣчай бувѣ усѣяковѣй; бувѣ такѣ, шо й самъ вѣннѣй, а шо набѣльшъ одъ лѣдѣй—изъ зѣвысты й злѣго дѣха насылаты мѣжѣть. Й побулѣла жъ сердѣшная дѣшѣю и тѣломъ! Була вона скрѣзь зъ цѣмъ лѣхомъ й прочѣла про Галѣпыху-знѣхурьку, матѣ (мѣбутѣ), порѣявъ хтѣ такѣй, що бувъ зъ такѣмъ лѣхомъ. Якъ прѣйшла жъ, та росказала вона своѣ лѣхо, такъ тѣкъ слѣзы й навернѣлысь; жалко стало молодѣцѣю, шо ни зѣщо гѣне.—„Пѣдождѣ жъ, лѣню, кѣже знѣхурька:—пострѣвай, облѣшъ, слѣхай моѣ рѣду: на жъ ось тобѣ цѣгѣ зѣльля, й якъ прѣйдѣшъ до дѣму, прыставъ у пѣчъ свѣжѣйи водѣци й зварѣ ѣгѣ въ чагѣнчику, у горѣчѣку, абѣ у кѣхлѣти; тѣко дѣвысь, якъ закѣпѣтъ, шо въ клѣчъ бѣтысь станѣ, й мѣрыщѣй одставлѣй, тай такъ здѣлай, щобъ ажъ трѣчи водѣ закѣпѣла; тодѣ жъ возѣмѣ, моѣ дѣню, тиѣю водѣю, дѣ варѣлось зѣльля, окрѣпѣ всю хѣту и дѣверѣ, и вѣкна, и те усѣ, шо ты мѣѣшъ у сѣбѣ у хѣти, вѣйды на двѣрь та й двѣрь покрѣпѣшъ. И пѣшла жъ вона. А цѣ, чѣѣшъ, яв-

ляецця до знахурьки, та—бухъ въ нѣги: „спасыби, бабѹсю! писля тѣго вже булѣ, якъ летыть до хаты, такъ такъ йскры у дворѣ й россыпе, та гудѣ,—якъ не трисне хата,—а въ хату не вхѣде; побисѹе, побисѹе кѣло нѣйи, тай зъ тымъ и втыхомырыцця“. Й молодыцямъ писля цѣго наказувать стала, щобъ не трѣгаты чужыхъ и не дѹмалы-бъ объ йихъ, бо лукавый дѹму визнаѣ,—це вже нехай шо; й пидкѣтыцця винъ до тѣбе, шо не зѹдрышъ й якъ, й въ чоловика, лучайицця, прытворыцця мѣже,—берегтыся трѣба“.

49. *Божчиха еретница*. Божчиха була еретница; за свий викъ чималый грихъ собѣ на дѹшу ухотила. Жила вона до сотни зъ лышкомъ литъ; такѣ жъ то люде, якъ вона, усе й по стѣко, кѣжуть, й живѹть. Вона була двохжильна, того и въ старисѣть молодѣла й на выдѣ була зовсѣмъ ще молодѣ.—Закрутки булѣ шукаты пѣрве йийи дѣло, незабарѣмъ вона вамъ знайде у пѣдушци збытый кѣмотъ пѹху, абѣ кѣмотъ пѣрѣя, розбираѣ по пушинѣ й чѣго тѣко тамъ не знайде; все видѣты (тѣль) повиытаѣ. Тамъ де й вѣзьме всяку шѣрсть: рыжу, бѣлу й чѣрну,—мотѹзку изъ вѣлу, абѣ изъ солѣмы, абѣ зъ чѣго нѣбудъ шо нѣбудъ такѣ. Всячина буваѣ; на всячини й мѣжно всѣго накрутыты, й отѣ й крѹтють такѣ люде, якъ бы й ця Божчиха, та прыказують, щѣбъ отѣ жъ то лучѣлося й даѹть тодѣ нечыстѹму,—кѣне гетъ, тай скаже: „на“! Той односѣ, кудѣ кѣжуть й упихѣ мѣжъ пѣрѣя. Якъ заведѣцця въ кѣго, такѣ печѣне лыхо, то бижи швѣдѣче до Божчихи, вона вамъ помѣже. Хто до нѣйи прыйде, вона зразу скаже, на якѹ прычину зѣкрутка завѣта: на хѣзѣйна, чи двирѣ, чи на йихъ худѣбу, й одъ того вже й наговѣрюе водѣ вамъ пыты; дасть водѣ напытысѣ й зѣкрутыты попѣле. Писля нѣйи якъ рукамы здѣймецця все лыхо. Хѣчь людымъ, бачѣ, способѣла, та й лыхо жъ йимъ не малѣ чинѣла,—це вже годѣ тай годѣ йий, щобъ хука не вкѣнула,—усѣ люды, якъ огнѣ буѣлысѣ Божчихи. За то й смѣрть йий, хранѣ Бѣже, всякого хрѣщеного, не такъ, якъ людымъ: заходѣлася вмерѣты, й трычи умерѣла; шо вже йий не вытивѣлы, щобъ скорѣшъ умерѣла, такъ ни,—мѹчицця тай гѣди: выправѣѣ й въ дугѹ гнѣ, ѣчи на двирѣ лѣзуть, ажъ страшно дывѣцця, сама ревѣ, якъ скѣтына, на все гѣрло не

свойимъ матомъ.—„Печѣ, рѣжутъ менѣ“. Скрѣзь хомѣтъ ийи тяглы, й на зѣмлю вже зъ пѣлу клѣлы, а дѣлы, що бачъ ийи на умъ прыйшлѣ: „дерѣть мирѣщи надо мною крышу наскрѣзь й потолокъ, а то. бачу, безъ цѣго я не бѣду вмѣраты до скончанья вѣку“. Взялы тай продрѣлы, а зъ нѣи тодѣ жъ зрѣзу духъ клубкомъ й повалѣвъ на горѣще въ дырку. Ажъ тодѣ тыки вона трѣхи вгомѣлася. Прыйшовъ пипъ покуту здѣмѣты, нахилѣвся тай пытаѣ, впѣйты не мѣжно, взяла усѣ й росказала, шо вона й якъ була, а винъ мирѣщи за пѣлыцю та зъ хѣты: „такъ Богъ тобѣ судѣй! й читѣты не бѣду: чогѣ ранѣе зъ цимъ мовѣала й незповѣстѣлася? Остовѣйтеся жъ вы зъ Богомъ!“—Оттакѣ, одрѣкся й пипъ; вѣдно, була штѣка.... Божѣиха вмѣрла й поховѣлы на кладовѣщи, такъ ийи й тамъ зпокою не булѣ,—шѣсъ зъ годъ ходѣло рыты ийи мугѣлу. Оце, шо загѣрнуть, прѣйдутъ вдрѣте, опѣтъ такъ. Не слѣдъ булѣ бы ийи тамъ клѣсты, а де нѣбудъ де на ярѣкъ, отѣмъ бы й мѣсце одвестѣ еретницѣкимъ всимъ тѣламъ“.

50. „До одниейи молодѣици вѣащѣвъ ийи любѣзныи. А чоловѣкъ давнѣ це примѣчѣвъ й поѣхавъ разъ дѣсь далечѣнько, сынка зостѣвивъ литъ шѣсты. Прыйиздѣтъ въ нѣчи додому, першъ поздорѣкся зъ симѣю, а пѣтимъ до сынка: ну, здорѣвъ бувъ и ты сѣнашу!“—„Здорѣвеньки булы, тѣту“. А жѣнка кѣло иихъ, якъ дѣйка на лѣдѣ. „Ну, скажѣ жъ тепѣрь, Панѣсыку, зъ кѣмъ вы нѣчувѣлы?“ Мѣты хватѣ сына за гѣлову та въ ухо й шѣпче: „хѣба зъ кѣмъ, кажѣ, сѣнокъ, шо зъ Богомъ“.—„Зъ Богомъ, тѣту“. Сказѣвъ Панѣсъ й одѣмѣвся. „А хѣба ото винъ, мамко, шо у сѣнихъ штѣняхъ?“—„Дѣбре, Панѣсъ, правду кѣжешъ, знѣю тогѣ Бѣга, винъ до мѣтирныхъ молѣтвъ, а не до твоѣхъ“.

51. „Ийшѣвъ москаль зъ зарѣбѣтѣкѣвъ тай зайшѣвъ до одного мужѣка пообѣдѣты; дѣма була самѣ бѣба. Отъ подалѣ вона ѣмѣ зарѣзъ мѣску борщѣ, пѣтимъ гѣлушѣкъ, мѣяса, кѣши й на—при послѣдку юшки зо звѣру; поѣвъ москаль й пыта,—„чи нѣмѣ, кѣже, цѣ чогѣ?“ Пѣшла бѣба у вѣхѣдъ, взяла капѣсты, огѣркѣвъ й яблѣчѣкъ мѣчѣныхъ; поѣвъ и цѣ москаль, та й зновъ опѣтъ пытаѣ, щѣбъ чѣмъ поласувѣты. „Вѣбачѣй, москалю, й грѣшей твоѣхъ не хѣчу, кѣже бѣба!“—Москаль хѣмѣлъ до сво-

ейи поклáжи, вѣтягъ вѣдыты бутылку зъ горѣлкою, налѣвъ кѣрчикъ; вѣпывъ ѣ спасѣби не сказавъ, пишѣвъ. Прихѣде чоловікъ бáбинъ додому; вона ѣмѣ ѣ звистыла про це,—щѣ такъ, молъ, ѣ такъ мини булѣ, трѣхи бѣсуривъ москаль и менѣ не зживъ.—„Оцѣ лѣхо! чи мѣжно жъ такъ ѣйсты? винъ пропадѣ; отъ же ты Бѣгу пропадѣ! Ось давѣй змѣряѣемъ, стѣко винъ поивъ, ѣ подѣвѣмся, шо вонѣ, якъ бѣде клыкотѣты у ѣго въ пѣзи“. Началѣ злѣвѣты все до кѣпы, стѣко поивъ, ѣ назлѣвалѣ цѣлу помѣйныцю, а вонѣ такъ и пѣдходе въ нѣй; ну, тыперъ давѣй ще ѣ горѣлки. Якъ влѣлы горѣлки, такъ, братъ ты мѣй, все ѣ стушувѣлось.—Такъ, бачъ, чомъ винъ такъ ѣивъ“.

52. „Одному мальчику, пастуху, случайно попалъ цвѣтокъ расцвѣтшаго папоротника въ „черевѣкъ“. Онъ ходилъ въ то время по лѣсу искать воловъ и, благодаря этой случайности, отыскалъ воловъ и сталъ все знать, что есть худаго и добраго на всемъ свѣтѣ. Много предвидѣлось или предназначалось ему указать полезныхъ вещей, прозрѣть, прѣобрѣсти возможность отвратить мѣрское зло; но „врагъ“ людской, ненавидя добро, превращается въ купца и предлагаетъ мальчику продѣть ему свои „черевѣки“; мальчикъ какъ не прельщался блескомъ золота и всетаки, изъ боязни родителей, не согласился самовольно пойти на эту сдѣлку. Демонъ, ничуть не сокрушаясь, мѣгомъ измѣняетъ свой планъ: мальчикъ подходит по пути къ рѣчкѣ и видитъ своихъ товарищей; одни изъ нихъ купались, а другѣе, издали завидя его, поджидали и предложили поплавать. Но чего-жъ не такъ? Мальчикъ наскоро размоталъ свои „волѣки“, сбросилъ въ сторону „черевѣки“ и хотѣлъ уже лѣзть въ воду, какъ вдругъ увидѣлъ себя одного безъ товарищей. Порядкомъ перетрусивъ, онъ снова одѣлся и пошелъ, но только онъ уже потерялъ свою прежнюю чудодѣйственную силу, такъ какъ цвѣтъ папоротника былъ уже унесенъ его мнимыми товарищами“.

Сообщимъ нѣсколько народныхъ историческихъ разсказовъ.

53. *Разбойникъ „Василько“*. Въ народѣ очень много сохранено преданѣй о разбойникахъ и ихъ шайкахъ. Въ нашихъ мѣстахъ, подѣ х. Рудовимъ, былъ разбойникъ Василѣй Трофимовичъ, явившѣйся къ намъ изъ подѣ Волукѣ; онъ, говорятъ, былъ единственный сынъ у своего родителя и еще въ молодыхъ лѣ-

тахъ оставилъ своего отца и удалился на разбойничій промыселъ. Это былъ человѣкъ невысокаго, немного даже ниже средняго роста, тощъ, но костистъ; волосы носилъ постоянно подрѣзанные въ кружокъ и отрощенную рыжеватую бородку, вытянутую въ остріе; часто, какъ котъ, прижималъ свои небольшіе глаза; въ разговорѣ такъ лавировалъ своею рѣчью, что говоръ его походилъ не то на великороссійскій, не то на малорусскій. Мѣстомъ своего расположенія „Василько“ избралъ вѣковые дремучіе лѣса, покрывавшіе собою цѣлинныя степи, прилегающіе къ Волуйскому шляху. Недовольствуясь приведенной своей шайкой, состоящей изъ 40 человѣкъ, онъ усердно принялся пополнять ее разнымъ бродячимъ людомъ. Составивъ новую шайку разбойниковъ, онъ добывалъ для нея путемъ разбоя и грабежа оружіе и расселялъ ихъ поотдалъ себя, въ другіе смежные лѣса, для наблюденія какой нибудь выгодной добычи. У него было много вѣстовщиковъ—сторожей, которые располагались по курганамъ и слѣдили съ нихъ за движеніемъ народа. У каждаго вѣстовщика—сторожа была подзорная труба, при помощи которой имъ легко было видѣться одинъ съ другимъ и вести разговоръ на пантомимахъ о томъ—предстоитъ ли гдѣ добыча или нѣтъ, или—если нужно было имъ всѣмъ съѣхаться къ „Васильку“ за приказомъ. При всѣхъ грабежахъ „Василько“ строго на строго приказывалъ избѣгать убійствъ и истязаній; случайно приходилось нарываться одинъ на одинъ или два на два и тѣ, которые по доброй волѣ не хотѣли сдаться, были убиваемы,—да и за тѣми „Василько“ сожалѣлъ: онъ велѣлъ рыть ямы въ лѣсу (гробы же—„доломыны“ были всегда на всякій случай готовы), иногда даже „Василько“ самъ клалъ въ гробъ, и, при чтеніи молитвы, покойника опускали и предавали землѣ; дѣлали большой дубовый крестъ и ставили его въ яму такъ, чтобы онъ весь былъ скрытъ въ могилѣ безъ всякихъ признаковъ на поверхности. Василько строго слѣдилъ за тѣми, которые безъ всякихъ правъ, неизвѣстно откуда, пріѣзжали селиться въ Украину и всячески старался препятствовать ихъ осѣдлой жизни. Разгуливая съ своей шайкой вдоль и поперекъ Волуйскаго шляха, „Василько“ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ предстояла бы какая нибудь нажива. Набѣги свои

онъ производилъ такъ: подъѣзжалъ къ мѣсту предполагаемаго грабежа, останавливалъ свою команду поотдаль, самъ же зажигалъ восковую свѣчу и съ нею объѣзжалъ сначала мѣстность и, возвращаясь снова къ партіи, становилъ свѣчу въ землю, и тогда всѣ уже отправлялись на промыселъ. Однажды „Василько“, разгуливая съ своей шайкой, вооруженной кремневыми ружьями, въ окрестностяхъ Волуйскаго шляха, грабилъ, убивалъ на пути проѣзжающихъ, наводя своими разбойничьими поступками ужасъ на мирные семьи осѣдлаго народа, былъ вдругъ извѣщенъ сторожевыми о шедшемъ невдалекѣ отъ шляха военномъ транспортѣ, который шелъ подъ охраной нѣсколькихъ солдатъ, направляя путь къ югу по шляху. Вѣстью этой Василько и его товарищи были страшно обрадованы: не теряя времени, вскочили на лошадей и лихо помчались въ атаку. Извѣстіе было вѣрно. Догнавъ и окруживъ со всѣхъ сторонъ свою жертву, охотники бросались въ драку, которая, за превосходившей силой и храбростью разбойниковъ, продолжалась недолго и осталась на ихъ сторонѣ. Транспортная охрана была вся перебита, и шайкѣ, предводительствуемой Василькомъ, счастливо—безъ урону удалось завладѣть транспортнымъ добромъ, которое состояло изъ нѣсколькихъ боченковъ (въ какихъ продаютъ медъ), наполненныхъ золотомъ и серебромъ. Доставивъ добычу къ мѣсту своего пристанища, „Василько“ обратился къ своимъ вѣрнымъ друзьямъ съ слѣдующей рѣчью: „съ настоящей добычей разбой я покидаю и вы будьте вольны, помышляя каждый о себѣ, или какъ хотите. Препными добычами я всегда дѣлилъ васъ своею рукою, а теперь, братцы, берите себѣ, кто сколько сможетъ сохранить. Послѣ этого послѣдняго боя, я предчувствую себѣ бѣду неминуемую и потому распускаю васъ на всѣ четыре стороны, вполне надѣясь, что никто изъ васъ не скажетъ, что былъ, молъ, когда обиженъ службой или дѣлежемъ“. Доставшееся золото и серебро дѣлили казанкомъ и, наполнивъ котлы, скрыли ихъ въ землѣ, положивъ „клятбу“, что никто самъ и всѣ безъ одного не могутъ коснуться до этой суммы,—а также и указать кому это мѣсто.

Главнымъ мѣстомъ „Васильковаго“ скиталища былъ „Водяной лѣсъ“, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ невдалекѣ отъ него проходитъ

Валуѣскій шляхъ, развѣтвляясь на три части, направляющіеся: одна—кряжемъ, другая—низовьемъ и третья—немного выше, мимо Тарасовки къ р. Красной. Всѣ лѣса: „Водяной“, „Плоскій“ и др., находясь въ районѣ „Васильковаго“ обиталища и по настоящее время носятъ общее названіе „Васильковы лѣса“. Не всегда „Васильку“ и его шайкѣ могли предстоять разбойничьи промыслы, почему, въ свободное время, они занимались бондарствомъ и кузнечествомъ, находя сбытъ своему производству на украинскихъ ярмаркахъ. Въ „Водяномъ“ у нихъ были устроены хаты—полужемлянки, конюшни, бондарни и кузня. Землянка Василька, выложенная срубомъ, также какъ и подвалъ, была отыскана при рубкѣ лѣса случайно провалившимся въ нее быкомъ. Срубъ землянки взятъ уже однимъ Павловскимъ мужикомъ, который во время ея перевозки нашелъ въ землянкѣ съ хорошую горсть мѣдныхъ денегъ. Въ землянку свою „Василько“ никого не впускалъ, вотъ потому даже товарищи его не знали о скрытномъ подвалѣ; тамъ, говорятъ, сохраняются и по настоящее время всѣ богатства награбленныя у помѣщиковъ, поповъ и церквей; въ этомъ же подземельѣ находится и казна ограбленнаго транспорта, состоящая изъ золота и серебра. Распустивъ свою шайку, „Василько“ остался въ своемъ гнѣздѣ самъ; онъ зналъ, что сѣти уже давно раскинуты на него и что ему бѣды не миновать. О всякомъ происшествіи, замыслѣ или предпріятіи „Василько“ былъ всегда извѣщаемъ кѣмъ-то за три дня. Узнавъ, что къ нему жалуютъ солдаты, онъ забилъ двери своей землянки, сровнялъ землю и поставилъ на то мѣсто ясла и попривязывалъ къ нимъ лошадей, а самъ сѣлъ съ паляницей возлѣ входа общей землянки и поджидалъ своихъ гостей (*). Наконецъ онъ видитъ, направленный уже на его гнѣздо, полкъ солдатъ, который подходилъ все ближе и бли-

*) По другому варианту, главную свою землянку велѣлъ онъ заложить хвостомъ въ сажень толщиной, покрыть толстымъ слоемъ земли и насадить на немъ разныхъ кустовъ: бузины, шиповника и др. Бочки съ золотомъ и серебромъ, большею частью были спрятаны по лѣсамъ. Всѣ похоронки производились такъ: выкапывалась яма, по вмѣстимости боченка, помѣщался въ нее боченокъ, и яма набивалась землей, а сверху ея накладывали, вырѣзанные съ землей и корнями кусты дерезы и разныхъ деревьевъ, такъ что мѣстность среды, напр., голой кругомъ степи, казалась съ давнихъ поръ рощеннымъ „пайкомъ“.

же, и слышитъ команду. Передняя часть войска, окружившаго лѣсъ со всѣхъ сторонъ, была выстроена въ боевой порядокъ, залпомъ выстрѣлили въ разбойника, который, какъ ни въ чемъ небывало, сидѣлъ на ослонѣ съ паляницей, да отряхивалъ отъ себя картечь. Нѣсколько разъ такъ послѣдовали въ него выстрѣлы, и „Василько“ ни слова; потомъ, когда они повыбросили свои заряды, онъ поднялся и сказалъ: „Ну, теперь позволь мнѣ, пане, этими галушками угостить твоихъ молодцевъ, они я вижу поустали!“ Взялъ горсть накиданной ими дробы и бросилъ въ передній рядъ, и солдаты повалились какъ снопы; потомъ снова говоритъ: „Вы стрѣляли не въ меня, а въ св. хлѣбъ, съ которымъ я вышелъ встрѣтить васъ и вотъ теперь прошу васъ, обращается къ начальнику, принять отъ меня прежде приготовленную вамъ хлѣбъ-соль, а вмѣстѣ съ нимъ потомъ и меня берите на судъ предъ царя“. „Василько“ былъ взятъ и повезенъ въ коляскѣ на судъ, а всѣ награбленные его сокровища остались на своемъ мѣстѣ, хотя солдаты и искали тайника, но имъ и въ мысль немогло тогда придти, что на слѣдахъ его три дня уже стоятъ ясли съ привязанными къ нимъ лошадьми. „Василько“ былъ посаженъ въ темницу и подверженъ мучительнымъ пыткамъ, несмотря на это онъ отказался указать мѣсто, гдѣ скрыта была царская казна. Послѣдній приговоръ былъ прочитанъ ему сенаторомъ о снятіи его головы; когда было приготовлено мѣсто казни, вывели „Василька“; палачъ взмахнулъ топоромъ и увидѣлъ, что вмѣсто головы „Василька“ лежала на плахѣ его паляница, а самъ онъ кричалъ изъ толпы, собравшейся на диво: „если можете вы мою хлѣбъ-соль стубить, тогда лишь и меня вольно вамъ будетъ убить. Ваше Царское Величество! не велите меня преслѣдовать—я Вамъ одинъ обѣщаю услужить за всѣхъ“. Послѣ всего этого, царь далъ „Васильку“ вольную и отпустилъ его на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго.—Первой заботой теперь у „Василька“ было раскаяніе: онъ, заковавъ себя въ желѣзо, на четверенькахъ лезъ въ Кіевъ каяться о своихъ грѣхахъ; потомъ, сбросивъ желѣзо, ежегодно ходилъ по монастырямъ и св. мѣстамъ. Три раза, чрезъ каждые три года, „Василько“ ходилъ въ Св. горы и каждый разъ заходилъ на свое прежнее разбойничье

пристанище. Въ послѣдній разъ, идя съ Св. горѣ, онѣ упротился переночевать въ хуторѣ Грицаевомѣ къ вдовѣ Грицюшчихѣ, которая приняла странника, какъ долгу велитъ, — а сынѣ ея взялъ тряпку „ганчирку“ и отерѣ ему „постолы“. Василько остался очень доволенѣ пріемомѣ Грицюшчихи, и въ разказахѣ о своемѣ путешествіи сказалѣ ей, кто онѣ, потомѣ, взявъ за голову ея сына, сотворилѣ молитву и сказалѣ: „пусть будешь ты счастливецѣ, я укажу тебѣ свои собственныя богатства, которые утаивалѣ отѣ шайки, для этого я пойду впередѣ на то мѣсто, посвязываю концы лѣсинѣ и положу эту тряпку, что ты отиралѣ мнѣ мои ходаки“. Обѣщаніе свое Василько исполнилѣ, но только Грицюшиха не могла воспользоваться имѣ: она пріѣхала съ однимѣ своимѣ родственникомѣ въ лѣсѣ, и, ничего не говоря о своемѣ предпріятіи, нашла положенныя знаки; но, чтобы самой лишѣ съ сыномѣ обѣ этомѣ знать, тотѣ же часѣ уничтожила примѣты и положила свои. Черезѣ нѣсколько времени она сколько разѣ не ходила, но отыскать того мѣста не могла, а на сына положиться въ томѣ совсѣмѣ надежда была плоха, такѣ какѣ онѣ оказался „мѣшкомѣ прибитый изѣ за угла“. Въ настоящее время изѣ за легкой наживы, основанной по преданіямѣ, „Водяной“ очень усердно изрытѣ, но ни одна лопата не коснулась еще, говорятѣ, къ тому мѣсту, гдѣ находится потайной погребѣ „Василька“, устроенный въ видѣ пещерѣ.

Василько былѣ золѣ до невѣроятія къ тѣмѣ, которые убѣгали отѣ знакомства съ нимѣ, и, напротивѣ, былѣ милостивѣ и неопасенѣ для раздѣлявшихѣ и поддерживавшихѣ его пиршествя. Такія дружественныя знакомства заводилѣ онѣ со многими.— Вдругѣ, среди ночи, раздавалась стукотня, грюкотня,—это налетали разбойники, люди прячутся въ тайникѣ—въ подземелье, ходѣ котораго направлялся въ кошару, выворачиваютѣ на себя овечьи кожухи и такѣ до разсвѣта лежатѣ вмѣстѣ съ овцами; деньги мѣдныя сохранялись въ мѣшкахѣ, а серебро и червонцы въ „чаунахѣ“ и большихѣ мѣдныхѣ „глѣкахѣ“; все это скрывалось то въ кошарѣ, то въ загородѣ, то такѣ еще гдѣ нибудѣ. Постоянный же ихѣ „спрятѣ“ находился въ запечкѣ, устроенномѣ въ видѣ лежанки, и въ немѣ, какѣ въ сундукѣ, сохранялось все богат-

ство. Иногда, во время разбойничьихъ набѣговъ оставались въ хатѣ одни дѣти, но ихъ разбойники не обижали.

Идетъ разъ шляхомъ на заработки парень, повстрѣчался съ однимъ изъ сорока разбойниковъ, поздоровался и присѣлъ къ нему отдохнуть. „Куда ты идешь?“—спрашиваетъ тотъ прохожаго.—„На заработки“.—„Пойдемъ, мой батька тебя найметъ къ себѣ“.—„А гдѣ онъ?“—„Онъ, указываетъ, въ лѣсу“.—Пошли. „Василько“, разспросивъ его хорошенько, кто онъ и откуда идетъ, сказалъ: „Оставайся служить мнѣ, я тебя не обижу—награжу, чѣмъ Богъ послалъ“. „Бурлака“ согласился и получилъ изъ рукъ „Василька“ лысого коня и сѣдло съ приказомъ: „смотри за нимъ и ухаживай; въ этомъ лишь будетъ заключаться вся твоя работа“. „Привяжи коня и иди, я теперь посмотрю на тебя вмѣстѣ съ своими хлопцами“, и заставилъ ихъ поочередно бороться съ нимъ. Это дѣлалъ „Василько“ для того, чтобы опредѣлить силу новобранца. „Бурлакѣ“ сначала были поставлены силачи и онъ какого не хватить такъ и бросить и бросить; потомъ смекнулъ, что отъ этого ему можетъ быть плохо (они могутъ его возненавидѣть и убить) и, дабы не нажить враговъ, подъ конецъ началъ поддаваться. Но „Василько“ все это понималъ, обиялъ „бурлаку“ послѣ единоборства и назвалъ своимъ меньшимъ братомъ. „Бурлаку“ также звали „Василькомъ“.

Любимымъ мѣстопребываніемъ атамана „Василька“ въ лѣтнее время служилъ развѣтвистый, огромнѣйшихъ размѣровъ дубъ, на вершинѣ котораго онъ устраивалъ себѣ палатку въ видѣ гнѣзда и тамъ проводилъ свои досуги днемъ и ночью. Съ своего гнѣзда ему видно было всю мѣстную окрестную даль; но его гнѣзда никакъ нельзя было принять за человеческое вмѣстилище. Съ высоты этой палатки онъ дѣлалъ разныя распоряженія и занимался оттуда съ своей братіей обученіемъ стрѣльбы въ цѣль. Для этого чертилъ онъ мѣломъ на своемъ дубѣ цѣль и слѣдилъ съ гнѣзда за выстрѣлами; отчего дубъ этотъ подъ самое гнѣздо былъ весь набитъ дробью. „Василько“ слылъ за „знахура“, „колдуна“, „чародѣя“ и „заговорщика“.—Онъ могъ заговаривать ружья, подъ выстрѣлами которыхъ изображалъ изъ себя мишень и всегда оставался цѣль и невредимъ. „Сѣдлай, Васько, коней, гово-

рить однажды атаманъ, да поѣдемъ съ тобой къ одному помѣщику барину—милліонеру, поразживемся себѣ деньжатъ“. Ни противъ кого такъ не былъ обозленъ атаманъ, какъ противъ помѣщиковъ пановъ. Лошади поданы и они вдвоемъ поѣхали. Въ пути застигаетъ ночь. Въѣзжаютъ они въ какое то село и подвернули къ двору одного пана, со всѣхъ сторонъ огороженному точно крѣпостью. Атаманъ первый слѣзъ съ коня, взялся рукой за замокъ у воротъ и онъ только „дзень“, ворота отворились и они въѣхали; затѣмъ подошелъ къ замку амбара и, совершивъ такое же чудо, приказалъ давать лошадямъ сѣно и овесъ. У „Василька“-атамана были ключи въ рукѣ: вся чудесная сила его получалась отъ цвѣтка папоротника, который былъ у него вращенъ подъ кожицей правой руки. Подходить атаманъ далѣе къ дверямъ дома, берется за замокъ, который издаетъ тотъ же звукъ, и такъ пробрался во внутренніе покои неизвѣстнаго пана. Панъ спитъ мертвецкимъ сномъ. Атаманъ подходит къ нему и говоритъ: „Вставай! Заснулъ, что ли?“—„Да, заснулъ“,—отвѣчаетъ панъ, а потомъ, „разбуркавсь“, смотритъ, — что то не ладное. „Вставай, вставай“,—повторяетъ разбойникъ, — некогда ждать, „одѣвайся мирщи, да самъ станови намъ самоваръ“. Налившись чаю, неожиданные гости предложили пану подѣлиться съ нимъ его нажитыми деньгами. — „Какими?“ — спрашиваетъ хозяинъ дома. — „Тѣми, что у тебя есть, давай и шубы и все что поцѣннѣй“. Набравъ себѣ, что хотѣлъ, „Василько“-атаманъ приказалъ пану не будить дворни, собакъ и не посылать за нимъ погони, „если хочешь избавиться отъ кинжала“,—показалъ онъ пальцемъ на рукоятку. Сѣли на коней и были таковы. Помѣщикъ не стерпѣлъ, далъ тревогу и послалъ погоню. Названный братъ атамана, замѣтивъ погоню, сказалъ о томъ атаману, который обернулся назадъ, взмахнулъ по воздуху кинжаломъ „навхрестъ“ и продолжалъ путь не спѣша. Вотъ вотъ уже догоняютъ и, наконецъ, поровнявшись съ ними, говорятъ: „Гдѣ жъ разбойники? Это „кущи“.—„Онъ, онъ!“ кричалъ панъ. Имъ показывались верховые, а, когда приближались къ нимъ, снова видѣли предъ собой кусты. Вотъ такимъ то невидимкой могъ быть „Василько“-атаманъ.

Неизвѣстно, былъ ли самъ „Василько“-атаманъ грамотный, но у себя держалъ онъ нѣсколько человекъ, которые исключительно занимались письмоводствомъ. Единственнымъ скрѣпленіемъ въ братской любви, царившей въ шайкѣ во всѣхъ ея дѣлахъ, служилъ крестъ и присяга—„клятва“. Разъ положенная въ чемъ нибудь, „клятва“ оставалась ненарушимой и тогда, если бы пришлось за уговоръ разстаться даже и съ жизнью.

54. *Разбойники „Буза“ и „Гетманецъ“.* Не одинъ Василько прошолъ грозой по Украинѣ; здѣсь подобныя ему проходили цѣлыми отрядами. Тутъ были разбойники Мазепы, остатки которыхъ поселились въ Ханенновомъ, въ Рудовѣ и частью въ Павловскѣ; Пугачи, образовавшіе хуторъ Пугачивка; Бервены—Бервеновку и Шандры—Шандривку,—послѣдніе и теперь живутъ, какъ звѣри. Въ послѣднее время въ Бѣлокуракиной были разбойники Вошұры (потомокъ ихъ и теперь есть), они скрывались въ лѣсу „Вошурина стѣнка“, что на большомъ шляхѣ изъ Куракиной на Лизинъ;—Булавинцы, Тишковцы, Макортетенцы, притономъ которыхъ служили „Брянскіе лѣса“ Песчанской волости. Невдалекѣ отъ Ново-Павловки есть большой курганъ, именуемой Бузовой могилой. Изстари ходитъ о ней преданіе такого содержанія: былъ здѣсь когда-то разбойникъ „Буза“, который, подобно разбойнику „Васильку“, все имъ награбленное скрывалъ въ землю. Предчувствуя послѣдніе дни своего промысла, „Буза“ скрылъ золото и серебро, а также и разныя свои письменности, закупоренныя въ бутылки чернаго стекла, неподалеку отъ „могилы“, съ которой онъ наблюдалъ сигнальные костры съ другихъ кургановъ, извѣщавшіе его или объ угрожающей опасности, или объ имѣющемся въ виду предстоящемъ скоро грабежѣ. Вся эта мѣстность была покрыта дремучими и обширнѣйшими лѣсами. Въ лѣсахъ водилось многое множество дикихъ козъ и другого звѣря. Жизнь нашихъ предмѣстниковъ этого края, говорятъ, проводилась въ „скиталищахъ“ подземныхъ ходовъ, почему и ждуть, современемъ, случайнаго ихъ открытія. Съ того времени, какъ разбойникъ „Василько“ распустилъ свою шайку, каждый изъ нихъ сталъ заводить отдѣльно свои разбойничьи берлоги. 12 братьевъ этой шайки, „Гатманьцѣ“, находились подъ руководствомъ атамана „Гатманца“. Мѣстомъ пребыванія ихъ былъ

лѣсъ и яръ, сохраняющій и теперь названіе у великороссіянъ-Коноплянцевъ—„Гатманцовъ лѣсъ“. Лѣсъ этотъ находится недалеко отъ Валуйскаго шляха. Другая шайка избрала себѣ атаманомъ „Мотяшѣ“,—тоже скрывалась въ лѣсу, именуемомъ Коноплянами „Мотяшовъ лѣсъ“. Про разбойника „Гатманца“ существуетъ молва,—когда онъ одинъ былъ оставленъ своими братьями въ лѣсу, то срубилъ дубъ, вышиной равнявшійся ширинѣ шляха; стянулъ его, безъ помощи другихъ, на шляхъ и перегородилъ имъ дорогу, въ видѣ заставы. Проходившіе чумаки должны были останавливаться и платить пропускъ. Гатманецъ, кромѣ денегъ, бралъ съ нихъ сало, пшено и хлѣбъ. Получивъ эту дань, онъ бралъ самъ за одинъ конецъ дуба и давалъ пропускъ. Шелъ разъ одинъ чумакъ тѣмъ шляхомъ съ шестью возами, видитъ заставу и приказываетъ ее снести и дать ему свободный проѣздъ безъ платы. „Гатманецъ“ сопротивлялся такой неожиданности, схватился съ нимъ бороться и, наконецъ, биться. Силенъ былъ „Гатманецъ“, но чумакъ оказался еще сильнѣе его. Связавъ разбойника по рукамъ и ногамъ, онъ сдѣлалъ скальпъ; нагнувъ вершину дуба и, привязавъ къ ней его волосы, пустилъ потомъ ее къ верху со скальпомъ, а самъ поѣхалъ. Чтобы загладить этотъ знакъ и уничтожить мучительную боль, „Гатманецъ“ принялся рвать въ лѣсу лопухъ, который варилъ и мочилъ имъ голову. Демьяновцы, говорятъ, видѣли „Гатманца“ въ Донскихъ мѣстахъ, во время заработковъ,—уже дряхлымъ старикомъ. Всѣ разбойники, находившіе уютище въ здѣшнихъ мѣстахъ, направлялись въ область войска Донского, гдѣ и оставались жить осѣдло.

55. *Разбойникъ „Засеринъ“.* Въ лѣсахъ по р. Козынѣ и далѣе по Айдару, къ Булавиновкѣ, свирѣпствовалъ разбойникъ, гроза дворянства—„Засеринъ“ съ своей шайкой. Въ основахъ его разбойничьяго промысла достигались тѣ же результаты, которые имѣлъ въ виду и „Василько“, но въ назначеніи награбленнаго онъ былъ совсѣмъ другого свойства. Все добытое добро Василькомъ дѣлилось и закапывалось въ землю; „Засеринъ“, напротивъ, все добытое имъ, или его шайкой, немедленно раздавалъ бѣднякамъ, сиротамъ, вдовамъ и т. п.; никогда онъ не имѣлъ у себя излишка, отдавая все на добрыя дѣла, и зачастую

оставался самъ безъ копейки съ своей шайкой. Ёхалъ однажды изъ какой то небогатой экономіи управляющій и попался навстрѣчу „Засерину“. „Засерину“ еще заблаговременно была извѣстна цѣль поѣздки, почему онъ приказалъ ему встать и отдать деньги. Денегъ было что то очень много и тотъ, повинувшись, вручилъ разбойнику всѣ деньги. „Засеринъ“, принявъ къ себѣ казню, отсчиталъ, сколько по зарѣзъ ему было нужно, и положилъ въ карманъ, а остальные возвратилъ обратно управляющему, говоря: „возьми, это мнѣ ненужно, да скажи своей барынѣ, что часть ея денегъ я беру себѣ въ займы, которыя при удобномъ случаѣ уплачу“. Управляющій былъ просто внѣ себя отъ такого исхода. Воспользовавшись этимъ случаемъ, управляющій задумалъ утаить себѣ другую оставшуюся часть денегъ, и, по приѣздѣ домой, въ страшномъ горѣ заявилъ своей барынѣ, что вотъ, молъ, на дорогѣ попался разбойнику „Засерѣ“, который совершенно ободралъ его. Много времени горевала барыня, но дѣлать было нечего. „Засеринъ“, какъ „колдунъ“, предвидѣлъ, что произойдетъ между барыней и ея управляющимъ. Спустя нѣсколько времени, вдругъ подъѣзжаетъ къ крыльцу барыни въ новомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой бойкихъ лошадей, какой то генералъ и, не успѣвъ онъ, какъ говорится, переступить черезъ порогъ, хозяйка къ нему съ жалобой, что „вотъ, молъ, проклятый разбойникъ „Засеринъ“ не такъ давно ободралъ на дорогѣ моего управляющаго, который ёхалъ съ большой суммой денегъ, и вотъ теперь хоть пропадай!“—„Слыхалъ, слыхалъ я, матушка, объ этомъ, да только мнѣ что то не вѣрится: ужъ больно вы на разбойниковъ возстаете, а они вовсе не таковы, какими вы ихъ представляете: „Засеринъ“ этого не сдѣлаетъ“.—Хозяйка-барыня и слушать объ этомъ не хотѣла.—„Да какъ же? всѣ то, говорите, и забралъ?“—„Всѣ, всѣ, родимый“,—старушка сквозь слезы лепетала. „Позвать управляющаго!—Ну, расскажи, какъ съ тобою поступилъ разбойникъ“,—спрашиваетъ генералъ.—„О-охъ, ваше благородіе! азіать то онъ какой,—всѣ по копейку забралъ, да еще насмѣялся: „скажи барынѣ, пусть ожидаетъ, завезу ей обратно“,—да вотъ и вправду завезъ—ни слуху, ни духу“...—„Козаки, плетей!“—вскричалъ генералъ. Козаки—дюжіе два парня, схватили управляющаго и—ну его пороть:

побили на немъ всю одежду и тѣло до крови. Послѣ этого генералъ сердито вскричалъ на него: „врешь ты, мерзавецъ! я взялъ у тебя лишь часть только денегъ, а остальные возвратилъ со словами: „скажи барынѣ, что это я дѣлаю заемъ“, и вотъ теперь привезъ, получите ихъ отъ меня, матушка, а управляющему подбавьте“.—Выложивъ деньги на столъ, генералъ уѣхалъ. Засеринъ особенно отличался тѣмъ, что могъ являться въ различныхъ видахъ при особой для каждого случая осанкѣ. Жилъ мужикъ очень бѣдно въ низенькой ветхой хатенкѣ, расположенной между Осиновой и Закамянкой, что на р. Айдарѣ. Бѣднота-бы еще не порокъ, да предался, бездѣльникъ, пьянству и пакостнымъ дѣламъ, и въ концѣ концовъ, подъ видомъ заработковъ, взялъ да и бросилъ жену совсѣмъ съ пятью дѣтками. Живи, молъ, какъ хочешь! „Засеринъ“, узнавъ о ея бѣдственномъ положеніи, задумалъ помочь ея горю. Возвращаясь однажды съ своего охотничьяго промысла, „Засеринъ“ повернулъ лошадь къ ея домику. Ночь была лунная, женщина сразу узнала разбойника въ окно и въ страхѣ заперлась и притаила духъ, такъ что на всѣ его просьбы не отвѣтила ни словомъ. Разгнѣванный разбойникъ взялъ мѣлъ и написалъ имъ на двери: „для разбойника запоры твои не страшны, пожалѣешь сама на себя: я хотѣлъ осчастливить тебя и дѣтей твоихъ сотней червонцевъ“. Ёдетъ однажды на встрѣчу „Засерѣ“ гончаръ съ горшками. Разбойникъ спрашиваетъ; „что везешь?“—„Звисно горшки“.—„Что они тебѣ стоятъ?“—„Стоють усёго пять карбованцевъ“.—„Снимай оглоблю съ колеса да бей ихъ до одного“, приказываетъ „Засеринъ“. Мужикъ побилъ исправно весь свой товаръ. „А лошадь что стоитъ?“—„20 руб.“ отвѣчаетъ тотъ.—„Бей лошадь, да получи съ меня 25 р. Да забудь рассказать, что „Засера“ не для себя разбойничаетъ, а для мужиковъ“. Приѣхалъ „Засеринъ“ на одинъ постоялый дворъ самъ третей, сѣлъ за столъ и подперъ обѣими руками свою голову; спалъ ли онъ или обдумывалъ, но только говорятъ, такъ онъ дѣлалъ очень часто. Это было во время ярмарки. Вѣсть о приѣздѣ „Засерина“ быстро пронеслась по всей станицѣ и, многіе жаждали увидѣть его. Спустя нѣсколько времени, явился туда какой то начальникъ, и завязался между

ними разговоръ: „кто ты, обратился начальникъ къ „Засерѣ“?— „Я тебя не спрашивалъ, былъ отвѣтъ, хотя нѣсколько разъ имѣлъ для этого удобный случай и тебѣ до меня нѣтъ дѣла!“ Начальникъ все больше и больше началъ приставать,—„присіковицця“ къ нему, такъ что тотъ поднялся изъ за стола и сказалъ: „Если ты слыхалъ когда про разбойника „Засерина“, то это я“. Начальникъ сначала оробѣлъ отъ такого смѣлаго отвѣта, а потомъ крикнулъ: „вяжите его!“ Народъ все сходился и набралось, что и не счесть. Власть оказалась безсильной на этотъ разъ,—ужь потому, что чернь давнымъ давно наслышана была о „Засерѣ“, какъ о защитникѣ слабыхъ противъ сильныхъ и каждый старался какъ бы лучше рассмотреть и запечатлѣть черты его лица.—„Засеринъ“ былъ костистъ, широкоплечъ, ростомъ выше средняго, лицомъ смугль и имѣлъ большую голову съ черными курчавыми волосами. Говорятъ, что онъ, во время нашествія французовъ на Москву ѣздилъ къ Наполеону представляться и былъ нимъ принятъ. Во время бесѣды, Наполеонъ спросилъ его.—„Что это у васъ на Дону за казакъ Платовъ? Скажите мнѣ пожалуйста объ этомъ храбрецѣ, какъ рисуетъ его народная молва?“ „Смотри Императоръ на меня, сказалъ „Засеринъ“ каковъ я, таковъ былъ козакъ Платовъ“. По пріѣздѣ изъ Москвы, Засеринъ-Платовъ находился на Украинѣ, гдѣ составила пѣсня:

„Храпцѣзъ ѹмна голова
Невспознала Платова“..

До появленія русскихъ разбойниковъ жизнь украинскихъ мужиковъ была не весьма завидна отъ разбойничьихъ татарскихъ набѣговъ. Однажды, говорятъ, былъ такой случай: спасаясь отъ преслѣдованія татаръ, три довольно дюжіе мужика братья слѣзли на „горище“ и спрятались тамъ въ ожиданіи незванныхъ гостей. Вдругъ дворъ наполняется крикомъ. Появились татары, шныряютъ по всѣмъ куткамъ и закуткамъ двора, не находятъ никого изъ людей и врываются въ хату, гдѣ также видятъ однѣ лишь голыя стѣны. Поворотивъ назадъ носы, выходятъ къ порогу, одинъ татаринъ остался въ сѣняхъ пить воду, черпаетъ большимъ деревяннымъ ополоникомъ воду изъ кадки и пьетъ. Одинъ изъ спрятавшихся на „горищѣ“ украдкой

все высматривалъ гостя, а потомъ снялъ шапку, кланяется и говоритъ: „здоровъ пывъ“!—„А, братецъ, ты тутъ, слѣзай-ка сюда“! И голова свалилась съ плечъ его. Жаль стало брата остальнымъ двумъ; вотъ одинъ изъ нихъ и началъ: „Дурный, тай годи! Бачъ, трѣба бѣ то ёму озывѣцця—мовчѣвъ бы такъ, якъ я мовчу“. Татаринъ слышитъ еще чей то голосъ: „А ну, на еще и ты. Да тамъ еще васъ много“?—подаетъ голосъ татаринъ.—„Ну, це вже мабутъ дзўзкы, бувайте здорѣви,—хочъ и йе, такъ не озовѣсь“, рявкнулъ третій и также угодилъ татарину на капусту.

56. *Про Аркачеева*. Старые люди раньше не умѣли ругаться; все это теперешнее сквернословіе явилось съ тѣхъ поръ, какъ генераль Аркачеевъ обрѣзалъ дороги и вводилъ постриженцевъ. Много въ то время претерпѣлъ народъ. Аркачеевъ обрѣзывалъ дороги, проходя на югъ сплошь до самой крестовой горы, гдѣ Петръ I-й поставилъ крестъ. Про Аркачеева сложилась пѣсня:

„Аркачеевъ всю Россію перерылъ,
Солдатъ голодомъ морилъ“!

Куда бы генераль ни отправлялся, всегда бралъ съ собою жену. Она, говорили, была у него страшная колдунья. Рядовой солдатъ былъ такъ озленъ на генерала, что во время одного ученья зарядилъ свое ружье пулею съ цѣлью запустить ее Аркачееву въ лобъ. Выстроивъ ряды, генераль дѣлаетъ приказъ: „Въ такомъ то взводѣ, такой то выходи“! солдатъ выходитъ. „Подымай ружье дуломъ вверхъ и, по общей командѣ, стрѣлай и ты“. Выстрѣлъ послѣдовалъ залпомъ изъ холостыхъ ружей и въ воздухѣ взвилась лишь одна пуля замѣченнаго солдата, который тутъ-же и былъ казненъ. О замыслѣ солдата заранѣе, конечно, предупредила генерала его жена. Послѣ этой неудачной попытки, солдаты рѣшили истребить прежде всего колдунью. Въ отсутствіе генерала лакей взмахнулъ свой тесакъ надъ головой барыни и пошелъ на встрѣчу Аркачееву, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Жену вашу я зарубилъ“.—„Ну, чтожъ, зачѣмъ остановка? Руби и меня“.—Со смертію жены Аркачеевъ совсѣмъ перемѣнился.

Гл. 4-я.

Заговоры и лѣкарства отъ болѣзней.—Привороты.—Народная мудрость: примѣты на всякія случаи жизни.—Колыбельныя пѣсни и дѣтскія игры.

Ключъ лививъ. Правыло: щобъ тоби непрыйшлось личиты такъ и знай собѣ, що попѣреду всего трѣба молицьця Бѣгу, якъ знайишъ—вмѣйишъ, абѣ такъ: „Богородыця Диво, радуйся; ослабы—остава, й на препослѣдку—Гѣсподы, поможи“.

Одъ перелогивъ. 1) „На горѣ Окиѣни (Осиѣни), на ѡстровѣ Буѣни стояла хата; въ тѣй хатѣ—пѣрвый вѣтъ, другой буймытъ (буймыстырь), а третій лукавый. Вѣтомъ—полѣ размирать, буймыстромъ судъ судѣть, лукавымъ перелѣги згонѣть изъ цѣйѣи молиѣвенной, рождѣнной, красной (якойи, бачъ, бѣде тамъ шерсты) скѣтыны“.—Обернѣсь на схиѣ соныця й читай цѣю молиѣтву трычи безъ ѡддыху, а потѣмъ возьми дѣбчикъ, абѣ соломѣнку, травѣнку, абѣ воно буѣ бѣ однолѣтокъ, и тѣмъ ударъ трычи хвѣру скѣтыну по лѣби, трычи по заѣду, потѣмъ—зъ тѣйѣи й другойи стороны, по зѣухахъ; дали—зберай трычи жмѣнею шкѣру одъ головы й до хвѣста скризь по спѣни и тоѣи поламай той дѣбчикъ, чи чѣмъ ты тамъ бѣвъ, на манѣньки кусѣчки, тай бросъ йихъ на спѣну скѣтыни и сплюнь при цѣму трычи на зѣмлю.—Якъ ляже, та гѣлову прѣхѣле до живота, то хай хочъ шо, такъ устанѣ и бѣде здоровый, а якъ же лежѣтѣме, не прыгѣрне головы й не двѣгатѣмѣцця—дѣлай у другѣ, и до трѣхъ разъ такъ мѣжно робѣты.—Мѣжно й за вѣчи одъ перелогивъ личиты, тѣко замѣть абѣ узнай, якѣ шерсть бѣде.

2) „Гѣсподы поможи!—Буѣ собѣ тры братѣ за сынимъ морѣмъ; одѣнъ дровѣ рубѣ, другой вѣду спѣнѣ, третій перелѣги замѣля, водѣнийи, витрѣнийи й зглазнийи: вамъ, перелѣгамъ, тутъ не бѣваты, у червѣнойи (чи у какойи тамъ не ѣе) скѣтыны жѣвѣтойи кѣсты не ломѣты, червѣнойи кѣвы не пыты, и вамъ, перелѣгамъ, трѣсьця всѣмъ“!—Якъ прокажѣшъ, той сплюнь за разъ, а потѣмъ погладъ рукѣю по спѣни трычи, одъ головы й до хвѣста, й за жѣднымъ разѣмъ сплѣвуй.

3) „На Осиѣньскѣй горѣ, на Бѣртѣньскѣй землѣ ишѣвъ Пѣтрѣ и Пѣвелъ, третій зъ нѣмы дѣяволъ; зѣйшли на перѣхрѣсну до рогу, стѣлы дѣматы, гадѣты—комѣ перелѣги дѣты:—Пѣтру ру-

кавычки, Павлѹ нагалычки, а вась, перелѹги, сѹпьятку (супостату) пидь нѹги.—Проказуй трычи безь ѳддыху и сплѣвуй.

4) „Ишѹвъ Св. Петрѹ и Макаренко Мытрѹ; Св. Петрѹ положивъ рукавычки немыгычки на престѹли, а Макаренко Митрѹ взявъ перелѹги на свойи рѹги.—Прокажѹ ѹ зглядѹ мишкѹмѹ по спынѹ.

5) „Ишѹвъ пипѹ, ишѹвъ и дякѹ, ишѹвъ и чортѹ; найшѹвъ пипѹ рукавыци, а дякѹ кáпыцю, а чортѹ перелѹги взявъ на свойи рѹги,—зѹ ригѹ на спыну, зѹ спыны на хвистѹ, зѹ хвѹсту до дѹлу (на доливку)“. Писля цѣго берѹ осыкове полино, бѹи и прычитуй: „який тутѹ ѹсѣтъ, така ѹмѹ ѹ честь“. Трычи дунѹ и сплѹнѹ писля цѣго и дывѹсѹ, шо пѣредѹ тобѹю бѹде лежáты (хворостына, дѹбчикѹ, чи соломына), тимѹ берѹ и бѹи по здѹхахѹ.

6) „Ийшѹвъ Петрѹ и Павлѹ, за нѹмы ийшѹвъ трѣтий дѹяволѹ; зийшлѹ вонѹ на три шляхѹ, ѹ найшлѹ на трѣхѹ шляхахѹ Павлѹ рукавыци, Петрѹ ноженыци, а дѹяволѹ перелѹги мижѹ рѹги. Понесѹ ѹихѹ, дѹяволе рѹгáтый, верлáтый, на жѹвтии писки ѹ нагодѹи свойихѹ дитѣй“.

Одѹ кровы (якѹ кровѹ замовыты). 1) „Во ѹймѹ... ѹ слáва Воцѹ... а пѹтимѹ: „На мѹри на Окиѹни, на ѳстрови на Одиѹни, тамѹ стойитѹ кинѹ карѹ, кровѹ не канѹ; тамѹ стойитѹ кинѹ рыжѹ, кровѹ не брижѹ; тамѹ стойитѹ кинѹ гнидѹ, крѹвы нитѹ... Тамѹ прѹла дѹвка шѹвку нѹтку; нѹтка ввирвѹсѹ, крѹвъ увиймысѹ вѹ такого-то рабá Бѹжого“. Здавѹ те мѹсце ѹ цѹмѹкны губáмы.

2) „Кáменна корѹва ѹ кáменна горá; на тѹи горѹ сыдѹтъ вѹронѹ. А вѹронѹ не кáркнетѹ, и кровѹ не кáпнетѹ. По тѹи горѹ ходѹла Мáты Марѹя, рѹзу садѹла; рѹза не прынялáсѹ, а крѹвъ унялáсѹ“. Проказуй трычи безь ѳддыху.

3) „Йшлá Дѹва Марѹя чѣрезѹ золотѹи мистѹ, ийшлá кровѹ—не йшлá. Станѹ, кровѹ кáменемѹ“.—Проказуй трычи по тры раза безь ѳддыху.

4) „Теклѹ рѹки кровáвыи; однá рѹкá рѹки спенѹ, дрѹгá рѹкá кѹсѹты сцилá, а трѣтяя рѹкá рѹкѹ кровѹ такого то замовлá“.

5) „На кáменьний горѹ кáменна корѹва, кáменна дѹйныця и кáменна ѹ дойильныця; колѹ бѹде зѹ тѹиѹи кáменнои корѹвы

молоко текты, тоды й буде зъ тако́го то раба́ Божого й кровь йиты. Не до́лжно б́ути, щобъ зъ ка́менной коро́вы молоко текло, не мо́жно й то, щобъ зъ тако́го то раба́ Божого кро́вы ийти—о ви́ки ви́ковъ ами́нь“. Шобъ такъ все й за́камьяни́ло.

6) „На мо́ри на Оки́яни, на о́строви на Бу́яни сы́дять тры сестры́ци, ши́ють шири́ньки ра́зными шовка́ми... Заговори́ть бы руду́ рождё́нному, крещё́нному й моли́твянному (ме́ньня)“.—Прока́зуй тры́чи.

7) „Кровь кро́вище, руда́ руды́ще! Б́уде тоби́ ийти́ть, а то б́удеть тоби́, що то́му чоло́вику, який в́ь неді́льлю заготовля́ дро́ва на поне́ділокъ“.

8) „Сто́й, не йды, черво́ная кровь! Я тебё за́мовляю й за́говоряю, и за́клинаю, якъ то́го чоло́вика, шо у неді́льлю ро́быть—дро́ва рубайе“.

Одъ бильма́ ни о́ци. 1) Помолы́сь Бо́гу й кажы́: „Го́споды, помо́жй!—Би́жить тры псы́—би́лый за би́лымъ, си́рый за си́рымъ, чо́рный за чо́рнымъ, и би́жить вы и злы́жить вы у Лу́кы бильмо́ зъ о́ка“.—Якъ прока́жешъ разъ, такъ тре́ба прыце́му дыхну́ты на ёго (хво́рого) й сплю́нуты на зе́млю, и такъ ди́лай до тре́хъ разъ,—прока́зуй и плюй,—а на прыпосли́дку, у тре́тье кажы́: „пропады́ якъ ця́ слы́на“, и плюнь ё́му в́ь ви́чи.—Б́удешъ прока́зуваты у дру́ге,—кажы́: „Го́споды, помо́жй! дру́гимъ ра́зомъ, би́ньчимъ (би́ньшимъ) ча́сомъ“, а в́ь тре́тье то жъ—„Го́споды помо́жй! Тре́тымъ ра́зомъ, би́ньшимъ ча́сомъ“, и дывы́сь за жа́днымъ ра́зомъ в́ь ви́чи на бильмо́. Мо́жно каза́ты: „би́ньшимъ ча́сомъ“ и—„лу́ччимъ ча́сомъ“; тико до ме́ньня тре́ба до́казуваты, шо „моли́твянный и хрещё́ный“.

2) „На Оси́яньський гори́, на Берта́ньський землі́ ыйшлы́ два псы́, оды́нь си́рый, дру́гий би́лый; си́рый бильмо́ збы́вайе, би́лый слёзу́ спыва́йе то́кому то моли́твянному й хрещё́ному, рабу́ Бо́жому N“. Чита́йицьця тры́чи, безъ о́ддыху, й сплёвуйи́цьця за жа́днымъ ра́зомъ.

3) „Стои́ть тры хорты́ на Оси́яньський гори́; оды́нь чо́рный, дру́гий си́рый, а тре́тий би́лый. Злы́жить бильмо́ то́кому то моли́твянному, хрещё́ному рабу́ Бо́жому“. Тры́чи безъ о́ддыху.

4) „Ийшла́ свята́ Покро́ва че́резъ живы́й мисть, за не́ю ийшло́ тры хорты́ („псы“); оды́нь си́вый, дру́гий чо́рный и тре́тий би́-

луй. Сѣвѣй ийшѣвъ кровѣ замѣляты, а чѣрный—перелѣги здымѣты, а бѣлый ийшѣвъ бѣльма збирѣты, злызѣты и щизѣты молютивянному, хрещѣному рабѣ Бѣжому (мѣнѣя), ѣ на пѣмищѣ составляты, и дай ѣмѣ, Гѣсподы, здрѣнѣе и очищѣнѣе и видѣнѣе“.

Одѣ зубѣвѣ. 1) „Пытѣйицѣя старѣй молодѣго: „чи не булѣть зѣбы у мѣртвого“?—„У мѣртвого не булѣть, у мѣртвого ѣ не щимлѣть; такѣ и въ рабѣ Бѣжого (мѣнѣя) новорождѣнного, молютивянного, хрещѣного, якѣ изѣ рѣду не болѣлы, тѣкѣ ѣ не щимѣлы, шобѣ вонѣ у рабѣ Бѣжого (мѣнѣя) до смѣрты занимѣлы и закамѣянилы, якѣ кѣминѣ у водѣ“.

2) „Оче нашѣ, ѣжо... Мѣсяцѣ на нѣби, кѣминѣ у мѣри, вовкѣ у пѣли; колѣ вси цѣ вѣщи изѣйдуцѣя вѣчѣрѣть умѣсѣти, тодѣ у молютивянного ѣ хрещѣного рабѣ Бѣжого хѣй зѣбы забулѣть“.—Прокѣзуй трѣчи и за гѣднымѣ рѣзомѣ сплѣвуй.

3) „Ослобѣны, Гѣсподы, рабѣ Бѣжого (такѣго-то) одѣ систѣушки и кѣльвѣрка; успокѣй, Гѣсподы, егѣ, рабѣ Бѣжого (мѣнѣя)“. Прогѣворѣть трѣчи бѣзѣ ѣддыху.—Мѣжно ѣ такѣ: оддѣрѣ бу-мѣжки, стѣко мѣжно обѣрнѣты на мизѣнецѣ (крѣгомѣ мизѣнѣ-цѣ) ѣ напышѣ на нѣй цѣ словѣ—„молютѣву“, и пѣтимѣ зложѣй ѣийѣ и положѣ на болѣяцѣй зѣбѣ, абѣ оддѣй положѣты, тѣко шобѣ не розгѣртуваты, и ѣтѣ зѣ тѣмѣ такѣ и заснѣ зѣ молютѣвою; якѣ устѣанѣшѣ, переспѣшѣ и бѣлисть пропадѣ.

Одѣ червѣй. 1) „Гѣсподы, помѣжѣ!—Булѣ собѣ двѣнадыцѣть брѣтивѣ, изѣ двѣнадыцѣты—ѣдѣнадыцѣть, изѣ ѣдѣнадыцѣти—дѣ-сѣть, изѣ десѣты—дѣвѣять, изѣ дѣвѣятѣ—вѣсимѣ, изѣ висмѣ—симѣ, изѣ сѣмѣ—шисѣть, изѣ шѣстѣ—пѣять, изѣ пѣятѣ—чѣ-тѣри, изѣ чѣтырѣхѣ—трѣ, изѣ трѣхѣ—дѣва, изѣ двѣхѣ—ѣдѣнѣ, изѣ ѣдногѣ—ни гѣдногѣ. Тху! (плѣнь ѣ скажѣ) пропадѣтъ“!—Одѣ цѣго тодѣ посѣбыцѣя, якѣ не бѣдѣшѣ ѣихѣ ворѣшѣты.

2) Изѣщѣтуй одѣ дѣвѣятѣ до послѣдѣнѣго, и за жѣаднымѣ рѣ-зомѣ трѣба вырѣваты шѣрѣсты и забѣты дѣ нѣбудѣ у сѣкѣ, абѣ провѣртѣты и забѣты пѣтимѣ дѣрку хѣчѣ землѣю.

Одѣ гѣдыни. 1) „На горѣ Окиѣни, на ѣстровѣ Буѣни: тамѣ змѣя корѣпѣя. Вѣймѣй свѣй гѣдѣ степѣвыйѣ и луговѣый, а не будѣшѣ свѣгѣ гѣду вѣймѣты, побѣетѣ тебѣ Гѣспѣдѣ Бѣгѣ хрѣс-тѣмѣ и Бѣгомѣ“.—Трѣ рѣзы сплѣнь и рукѣю по укѣшенному

мѣсяцю подавы и обведы кругомъ тымъ пальцемъ, шо зиньске щеня давывъ, щобъ опухъ далы не йшовъ; а якъ шо ѣе крестатый стрѣбный рубъ, то нымъ годыщця подавыты пухлятыну и обвесты кругомъ нейи за мѣсяць пальця.

2) „Богородыця... Ослабы—остабы... Гѣсподы, поможи!“—„На мори, на востѣци стойтъ золотый дубъ, золотокоричный, на тимъ дуби гнзѣдѣ золотѣ, золотокоричне; ийщѣ тамъ стойтъ лыповый кущъ, въ томъ кущи яряче рунце, тамъ ёго вся осаульня. Крыкнувъ царь, крыкнула царыця, крыкнувъ и царёвычъ на всю свою осаульню: пиды ты, Хівря (старша гадюка), по Поляху, по Домáху, по Марыну, по Горпыну, по Тытяну, по Оляну и за всимъ злымъ, пралютымъ гадамъ; цей зубъ буде мині маты, блуху непускаты, жѣвтойи кѣсты не ломыты, червѣнойи кровы не пыты“.—Одъ ёго тожъ такъ, якъ и одъ нейи, тѣко заминѣ слова, змѣсто: „на мори, на востѣци“, кажы: „на мѣри на окіяни“; вмѣсто: „цей зубъ буде мині маты“, кажы сей зубъ будемъ выймаыты“.—Якъ винъ укѣсе, такъ на тимъ мѣсци рѣпне; винъ бѣльшъ куса на нозѣ, а вона на бѣци або на спѣни. Вона товѣта, а винъ тонѣнький та злый.

Одъ урокивъ. „Батькови врѣки, и материни врѣки, и дѣдови врѣки, и бѣбыни врѣки, хлопьячи врѣки, дивчаи врѣки (ѣ кажы мѣньня того, хто врѣчиный) Панасови врѣки-одъ ёго Панасовыхъ очѣй, одъ ёго плечѣй, одъ ёго пальцивъ, одъ ёго семѣдесяты суставцивъ.—И пидѣтъ вы уроки въ урѣчище—на пѣщи („пустыньны мѣста“,—у „пустку“), на нѣтры („буйный вѣтеръ“), де пѣвни не спивають, де сѣньце не схѣдытъ, де хрыстьяньскый гласъ не захѣдытъ,—на очерѣта и на болѣта, кѣпьямы трысцѣте, осокѣ изйидайте ѣ тамъ собѣ спѣчѣвокъ майге“.

Одъ вывыху. „Бѣгла сѣчка чѣрезъ мѣсть ѣ чѣтыри нозѣ, пѣятый хвистъ, шѣста голова,—нехай тобѣ Богъ помога“. Сплѣнь трычи и хрѣсты те мѣсце.

Одъ вовкѣвъ. „Святый Юрий и Ягѣрий! Вѣйдѣтъ на Юросолымьску гѣру, крыкнѣтъ свойимъ гласомъ, склычѣте свойи хорты, позатыкайте ѣимъ роты. О вѣки амѣнь“.—Тѣй, хто заговѣрюѣе одъ дзвѣру, дѣлѣнь на Юрия цѣлый день постѣщѣця, ходѣты въ цѣркву и молѣщѣця Бѣгу.—Не слѣдъ безъ дѣла

й йихъ голодными зоставляты, бо й вонь ййсты хотятъ и не самы жъ вонь выбырають собй, що зйсты, а те, шо йимъ назначе Богъ.—Одна баба такъ все сорокъ литъ не попускала вовкамъ ничого ййсты й довела йихъ до того, шо въ ныхъ зосталысь однь шкұры, та кисткй,—отъ и пожалылысь, при-знеслы жалобу на нейи Юрию; такъ ажъ тодй Юрий благо-словывъ йимъ попереу ту саму бабу зйсти. Ну, й пышлы тодй вовкй опьятъ жыты.

Защита одъ розбыйныкывъ. „Одъ яритныкѧ й ёдъ яретныцы, й одъ голдунѧ, й одъ голдуныци мйсяцемъ защитюсь, каменемъ загородюсь, одъ всякого врага супостѧта и розбыйныкывъ защитюсь“.

Одъ ворывъ. „Прыподобный оче, святой Смеркачу и Замыкачу! Замыкайишь ты церквы й городы, и замкны одъ рожденного, молитвянного раба Божого N всякойе горе й вороги.—На Осианьский горй строгй дорогйи, замкй золотйи, замыкайишь ты всимъ ворамъ и ворагамъ и наведы на йихъ, Гбсподы, страши одъ мого чада, одъ мого стада, одъ мого двора й одъ мого перѧ й ёдъ всего мого помышленья, попеченья.—Одъ ворывъ годыцыца ще хочъ разъ въ годъ самому читаты, а хочъ выслуховаты у другйхъ симнадыцятую кахвисьму изъ псавтыря. Щобъ збавыцыца одъ ворывъ и розбийныкывъ, читай рано и вечеръ сѧльму: „Живый въ помочи вышняго“...

Наговоръ воды одъ кѧзу. Налйй у мѧску воды и кинь туды ладону, якйй йе. Кѧжна ладанына кйдайецыца на шо нѧбудь, такъ, примйромъ сказѧть: одна кйдайецыца на симью, потимъ друга на худобу й такъ дѧли; кому зробыласъ причина, на тий ладаныни бѧдутъ пузырчики;—узнаецыца тѧжъ по цѧмѧ, колы й одъ чѧго стѧлось: одъ чоловика, дзвѧра, скотыны рогагойи, овѧць, свынѧй и собакъ всякойи шерсты; якъ стѧнецыца, абѧ стѧлось у начѧли мйсяця, то покажецыца молодыкъ, а въ киньцй, то выйде мйсяць на спѧвни.—Якъ же не покажицыца на ладаныни пузырчыкывъ, то въ симни горѧздъ бѧде, все—благополѧшно. Вода наговѧрюецыца й даецыца пыты тѧко тодй якъ окажецыца на чѧму нѧбудь прычына (казъ) (пузыри на ладону). Собѧки бильшь кѧзуюцыца на молодыкѧ и менчъ на спѧвни.

На молодыхъ одлучаеца то, на якому зъ нихъ буде на шо небудь казъ; той молодкъ, шо значить казъ, нарѣжуйца прямватымъ зъ гулими (тупымы) киньямы и бува мутный.— Якъ явѣца де ушкрябнѣте мѣсце кѣгтямы, шо пѣна туды ще не зѣшла, такъ найтѣ трѣба на горѣщи павутѣны й забѣты нѣю рѣну и пѣты пѣтимъ наговорѣну вѣду. Казъ мѣже явѣца въ симъ часѣвъ, въ симъ сѣтокъ, въ симъ недѣль, въ симъ мѣсяцѣвъ и въ симъ годѣвъ, (абѣжъ въ 9 часѣвъ,—9 сѣтокъ, 9 недѣль, 9 мѣсяцѣвъ и 9 годѣвъ).

Молютва: „Оченѣшъ..... Святѣй Мытрохѣний, Св. Улѣсий и Св. Ильѣ прорѣкъ-прорѣчѣтели лыхѣго кѣзу, помѣжитѣ и заступѣтъ одъ лыхѣго кѣзу, одъ бѣшенства, одъ бѣшенойи собѣки: одъ бѣлойи, одъ сѣройи, одъ мѣройи, одъ рѣбойи, одъ рѣжойи, одъ чѣрнойи и одъ усякойи разношѣрстнойи.—На осѣяньскѣй горѣ, на олѣний землѣ, тамъ Мѣты Бѣжа спѣла—привѣпочивѣла, й приснѣвся йий сонъ нивѣдымый, херевѣмый. Мѣты Бѣжа сына спорѣдыла, святѣю рѣзою прыкрѣла, у ѣсли положѣла. Якѣ на дрѣви корѣ, такѣ чѣста святѣя вѣдѣ. На дрѣви на кабырѣзи Сѣса Хрѣстѣ распѣналы, рѣци и нѣзи гвоздѣмъ прыбывѣлы. Мѣты Бѣжа увѣдила: „Сынъ мой, Бѣже мой! чи ты на вѣкъ помѣрайѣшъ, чи ты за кѣго мѣку прынымѣйѣшъ?“—„Нѣтъ, мѣти мой, я не на вѣкъ помѣраю, я за вѣсь миръ хрѣстыяньскѣй мѣку прынымѣю,—бѣду въ цѣркви на престѣли лѣжѣты, и бѣде менѣ вѣсь миръ хрѣстыяньскѣй рѣно й вѣчеръ помѣнѣты“. Якѣ дѣшечка рѣно й вѣчеръ цѣю молютву бѣде читѣты, та дѣша не бѣде въ вѣдѣ потѣнѣты, ту дѣшу не бѣде гѣдъ кѣсѣты, ту дѣшу не бѣде дѣвѣръ пойдѣты, ту дѣшу самъ ѣнголъ бѣде спѣвидѣты, а самъ Госпѣдъ бѣде прыѣбѣжѣты (прычѣжѣты). Одъ пѣли мѣрьскѣйи, одъ вѣлыкойи зарѣзы Бѣгу небѣсному помѣлюсь, Сѣсу Хрѣстѣ прыклонѣюсь; вѣяку дрянь подѣбаю и вѣсь лыхѣй казъ. Амѣнь“.

Якъ тѣко змѣтыца казъ, то небарѣсь,—зовѣ тогѣ хто лѣче; вѣнъ звѣре зѣлѣя пѣты й почѣсте у рѣти, и якъ вскорѣхъ, то нехѣй хочъ ѣкѣй лыхѣй казъ, такъ пронадѣ. Травѣ цѣя роѣца въ нѣчѣ пѣдъ дѣсѣте мая (пѣдъ Сѣмона Зѣлѣта). Трѣба пѣтѣ нѣччу въ лѣсѣ,—дорѣгою, ни туды йдѣчи, ни вѣдѣты, не слѣдъ оглѣдѣца й смѣйца,—знѣйтѣ йийи,—

вона сама одкрыйецця и вѣрваты хочъ небагацько, а на другий день можно вже й косыты йийи, стѣко хочъ. Травѣ бува рѣзна: така якъ лёнъ, якъ пырий, якъ пѣвныки, одувѣнчики и зовѣецця рѣзно: ѡмбуль, крѣмбуль и несмийнѣ. Зъ першого гѣду травѣ не гѣдѣецця на лѣки, а вѣрять травѣ третѣго—литню; и варѣты трѣба йийи трычи, щобъ на цвѣтъ була чирвѣна, ажъ бѣра, и на укѣсъ—терпкѣ и вѣязкѣ, пыты жъ трѣба по ковткѣ трычи и чѣтыри рѣзы вѣ день. На бутѣлку кладѣецця травѣ пѣчка, а на велѣкѣй казѣ двѣ и бѣльше и, якъ вѣпше, то абѣ жъ одѣжа, абѣ немучитымецьця дѣвго:—часѣвъ зъ два—три и умрѣ. Травѣ навѣрють чѣтыри бутѣлки (плѣжки), плѣжка на тѣждень. Сама сыльниша трава: якъ прѣйдецьця травѣ рѣаты, то, щобъ одкрѣлась, трѣба цю молѣтву творѣты:—„Травѣ порывѣю и врагѣ побѣждаю; травѣ крѣмбуль, озвѣсь и ослухнѣсь; на пѣмѣщѣ Бѣгу тебѣ зрывѣю“!

Одѣ безсѣнна дытыни. Нѣсѣть пѣдѣ кѣры и прыказѣють: „Кѣры бѣли, чѣрни, сѣри, рѣбы, рѣжи и всѣкойи мѣсты! Пѣнесѣть безсѣнна такогѣ то на вечернѣци, де дѣвки и лѣшутѣ, хлѣпци скѣчутѣ, а намѣ дѣйте сонѣ зъ усѣхъ сторѣнѣ“.—Трычи.

Одѣ бѣльмѣ скѣтыни. На якѣмѣ ѡци бѣльмѣ, зъ тѣгѣ бѣку взѣть и прѣтягѣть вѣ вѣхо шѣвковѣ нѣтку вѣ цыгѣнѣсьскѣй гѣльци и тѣдѣ гѣлку вѣтягѣть, а нѣтку зѣстѣвить тамѣ—и бѣльмѣ зѣйде.

Средство отѣ таракѣновѣ. 1) Чѣобы высѣлѣть таракѣновѣ, надо вѣстѣть подѣрядѣ три утрѣннихъ зарѣ, до восхода солнца, и за кажѣдымѣ разомѣ брать цѣлый хлѣбѣ, потѣмѣ отрѣзѣть ѡтѣ него краѣшкѣ, присѣпать солью и, ставѣ съ нею надѣ какѣмѣ-нѣбудь растворѣннымѣ окнѣмѣ, читѣть три рѣза, безѣ ѡтдыха, слѣдѣующѣю молѣтву: „Сѣлава Бѣгу, сѣлава Бѣгу, сѣлава Бѣгу! Я хѣзѣйка (хѣзѣинѣ или чѣловѣкѣ, жѣнщина,—по прѣсѣбѣ хѣзѣина) сѣму дому, и мѣя хлѣбѣ-сѣль ѡстаѣтъся навсѣгда сѣ мною до скончѣнѣя вѣка, а вы, клѣпы, таракѣны и всѣкая нечѣстѣта,—дѣаю вамѣ хлѣбѣ-сѣль на дѣрогу,—идѣте, идѣте, идѣте изѣ мѣего дому:—я васѣ выгонѣю и высѣлаю изѣ мѣего дому“.—По прѣчтѣнѣи, ѡтѣ прѣсолѣннѣй краѣшкѣ хлѣба отрѣзѣвается мѣалѣнькѣй лѣмѣтикѣ и ѡставляѣтъся у сѣбя, а ѡсталѣное выбѣрасѣвается за окнѣ. Надо при ѣтомѣ старѣться, чѣобы нѣкто мѣимо окнѣ не прѣходѣлъ или изѣдали не мѣогѣ бы кѣто вѣдѣть надѣ раскрѣ-

тымъ окномъ. Главный секретъ при этомъ тотъ, говорятъ, что не слѣдуетъ никому хвалиться, что „вотъ, молъ, выгонялъ, и теперь нѣтъ“; надо постараться забыть и никому объ этомъ не говорить. Даже если вздумаешь травить чѣмъ таракановъ, мышей и т. п., то стоитъ лишь рассказать про задуманное, чтобы предпріятіе твое никогда не увѣнчалось успѣхомъ. Таракановъ можно выгнать лишь до Покрова; они такъ, какъ квартиранты: противъ зимы не выходятъ.

2) На Свѣтлый Праздникъ идетъ одинъ кто-нибудь изъ дому къ заутренѣ, а другой остается дома, возлѣ предпечнаго окна, поджидая къ себѣ, пока тотъ прійдетъ изъ церкви къ затворенному окну. Тотъ долженъ выйти изъ церкви первымъ, тогда, когда священники начнутъ въ алтарѣ христосоваться между собою, и спѣшить къ окну прежде, чѣмъ кто-нибудь придетъ бы въ комнату, и говорить: „Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!“—„Воистину воскресъ,—долженъ откликаться другой.—„Чимъ вы будете розгивляюща?“—„Паскою та ковбасію“.—„А ти, шо за стинію?“—„А ти, шо за стинію,—самы собою“.—Послѣ этихъ переговоровъ, первый входитъ ранѣе другихъ въ комнату, обнимается съ тѣмъ, кто оставался, и начинаютъ христосоваться. Тараканы съ этого времени должны будутъ поѣсть одинъ другого и больше не водиться. Хорошо, если никто не замѣтитъ и не подслушаетъ.

3) Когда умереть кто въ томъ домѣ, гдѣ есть тараканы, то надо ту воду, которою будутъ омывать покойника, приберечь, а когда отойдутъ похороны, одинъ изъ членовъ семьи долженъ въ 12 час. ночи снять съ себя верхнее платье и бѣлье и въ природномъ костюмѣ побрызгать (покропить) тою водою всѣ стѣны, углы, потолокъ и полъ,—и тараканы сойдутъ.

4. Въ чистый (страстной) четвергъ сметають вѣнникомъ со стѣнъ, угловъ, потолока, пола, изъ-подъ столовъ, кроватей и т. п. и этотъ соръ потомъ, вмѣстѣ съ тараканами (въ 12 час. ночи), выносятъ на перекрестную дорогу.

5) Найденную на дорогѣ чеку кладутъ отъ таракановъ подъ „прыпичокъ“.

6) Поймать и связать вмѣстѣ двухъ таракановъ, какъ свиваютъ младенца, и отнести ихъ или въ переулочекъ, или бросить кому-нибудь на возъ, говоря: „возьмите и насъ собою въ гости“!—Тотъ, конечно, ничего въ этомъ не будетъ подразумевать, изъяснитъ полнѣйшее желаніе и повезетъ съ собою незамѣтно положенныхъ гостей—таракановъ.

Таракановъ насылаютъ въ чистый четвертокъ; ихъ приносятъ въ новомъ горшкѣ, незамѣтно выбрасываютъ и тѣмъ себя отъ нихъ избавляютъ. Приносятъ таракановъ и на новоселье, если кто позоветъ; на новоселье легче всего выходятъ тараканы.

Случайеца, шо супротивныкъ пидкинеца у годѣву, такъ одъ цѣго супротивныка трѣба пидкурюваты херувимськимъ ладаномъ, и винъ вѣйде.—Якъ зүздрышъ нечистого, абѣ други страши,—читай: „Да воскреснетъ Богъ“.

Одъ животѣ завѣрюють сѣяшныци, вибѣрають у животѣ и стружуть старыньни мѣдни грѣши и йидѣть зъ хлѣбомъ мидь; кажутъ, одъ „порухи“.

Хикаеца томѣ, когѣ згадують, а бувѣ, шо й нападаеца одъ того, якъ зивѣешъ та не крѣстышъ рѣту, то тодѣ трѣба казѣты: „Хикавка, хикавка, пидѣ до водѣ, когѣ схочъ, тогѣ и нападѣ—хочъ конѣ, хочъ кобылу, хочъ цыгѣньську дытѣну“! Й пѣють зъ кырѣцѣ водѣ навкрѣстѣ трѣчи. Одъ запорѣши причѣтують: „Дѣдку, дѣдку, полѣзь на драбѣнку, та вѣймы запорошѣнку“. Порѣшу вытягають йѣ бабѣ языкѣмъ, а дѣтямъ берѣуть за вѣю, оттѣгують и кажутъ: „Порѣшко, порѣшко, вѣйды на до-рѣжку, дамъ тобѣ горѣшку“!

Шобъ не напѣла лыхорѣдка, не трѣба йѣсты лѣць на Вѣлыкѣдень; колы йѣсѣ йѣцѣ, товчѣ шкарлѣпу, а то жѣба влѣзе.—Потѣмъ ще срѣдство: напыши на бумѣзыци (бумѣгу вперѣдъ звѣли „попѣро“): „Въ начѣлѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Бѣгу, и Богъ бѣ слово“, запѣсочку цѣю спалѣ, а попѣлецъ вѣпѣый зъ святоѣю водоѣю. Ще й такъ рѣблять: пѣшуть крѣйдыноѣю скрѣизъ по двѣряхъ и прытулкахъ—„такѣго-то (мѣньѣя) дѣма немѣ“. Ще одъ пропѣсныци: мнѣуть шкарлѣпы зъ рѣкѣвъ и йидѣть; роци-няють щѣку й нахѣдѣть у нѣй рыбѣнку, тодѣ сушуть и йидѣть.

Одъ понѣсу и блювѣнья пѣють сѣорышъ й завѣрюють сѣяшныци.

Одъ переляку малу дытуну (таку, шо ще ростыме) становлять до одвирка, одрізують ножныцями нахрестъ по пучци волосья зъ головы и ноготкы зъ пальцывъ, тоди провирчуютъ дирку у водвирку, врывни зъ головою, запыхають туды те волосья и залиплюють воскомъ изъ страшнои свички. Дытына переросте, й ляки понесе. Вывирчуютъ переполохъ и старымъ (шо вгору не растутъ); такъ тыхъ ставляютъ до осыки и вывирчуютъ йимъ, обрѣзани ноготкы и волосья укачуютъ у воскъ и запыхають у дирку, и ото, якъ осыка пидросте, то й зъ ростомъ и ляки понесе.

Якъ болѣть поясныця, треба трычи до порога одрубаты сокирою нефорощаныи виныкъ й пособыцця.

Одъ переполоху выывають на головѣ оливою або воскомъ: ростоплюють и льють у воду.

Одъ жовтяныци йидять воши зъ хлибомъ.

Одъ золотухи личуть малыхъ дитей такъ: достають клантыкъ заячого смушка намазуютъ его сметаною и прикладають до болячки; одъ цего, буде мякнуты и вытикаты.

Одъ рака прикладай свѣжихъ лысткывъ капустьяныхъ зъ сметаною и не давай йимъ зигривацця, переминай. Одъ ранъ це жъ средство.

Червоточиною, шо бува въ деревни (у дереви) на осели у вербы и дубови, такъ йийи деруть (вона, якъ мука) и засыпають дѣтямъ, щобъ не прило.

Шобъ росла коса, варють березку и мѣють нею голову шо тыждня.

Одъ чирякывъ треба у вѣчери, щобъ ниhto не бачивъ, поставыты на хвѣртци обручъ зъ кадоба и трычи пролизты скризъ его, тоди взяты, обкрутнуцця зъ нымъ и закинuty, и ото, хто его возьме, на тому и окошицця.

Надежны лики одъ лыхорадки, прыпадкывъ, гемороя и въ разныхъ колькахъ: треба принимать по чарчини за часъ передъ йидою (треба быты надыголодь шо дня) настойки, настойнойи на штоху горилки зъ прыправою (прыправу першь треба ззимьаты въ мукыцю, тоди наываты): 7 золотныкывъ сабуру, 1 зол. теряку, 1 зол. лыствинойи губы, 1 зол. горячовки, 1 зол. цыцворного корню, 1 зол. шахрану, 1 зол. ревеню, 3 зол. сирного цвѣту.

Свиней загодівують волячимъ — „товарячимъ“ (пометомъ) щобъ недохлы; загодівують и голушкамы зъ саломъ. Курдюкъ у волѣ личуть свицнымъ (пометомъ); приввѣзують свѣжого на ганьчирочку.

Якъ зличить засіку?—Найдѣ йийй й приложѣ житного хлѣба зъ дѣгтемъ и камфорою и, якъ одмякне, прополѣ, а потимъ кладѣ сырѣй коржикъ зъ житной мукѣ, камфорѣ, дѣгтю и сулимѣ, й загойицѣя.

Тому, хто схоче личити одъ пиднебѣння, попереду трѣба задавитѣ двомѣ пѣльцѣмѣ зѣньське щенѣ (крота) и потимъ тѣмѣ вже пѣльцѣмѣ (пѣльци якѣ небудь) пиднимають пиднебѣння, пиднимають, якъ опадѣ язычокъ; давлють пухле горло одъ всякой бѣлици й роздавлюють, якъ ѣе у горли пузырѣ; одъ всякой такойи причѣны пѣльци цѣ сѣми вѣрны лѣки.

Щобъ избѣвыцѣя одъ запою, трѣба въ тѣй бѣчци, де держуть горѣлку, знайтѣ бѣлыхъ червячкѣвъ, вѣсушитѣ й ростѣрѣтѣ йихъ, а потимъ давѣти на водѣ, а хочъ на чѣму небудь, тому, хто пѣе горѣлку, й пѣяныцѣ зъ тихъ пѣръ не мѣже тодѣ й нѣсомъ зачѣты, де кабакъ.

Одъ зѣидъ: мажуть йихъ сѣркою изъ ѣхивъ. Мажуть пшоною лѣною изъ кашѣ.—Щобъ пропѣла плѣснявка, трѣба добрѣнько переварѣтѣ медкѣ й брѣсытѣ тудѣ прѣжѣве залѣзо и тодѣ, якъ настѣйицѣя трѣхѣ, мазѣты нѣмъ у роткѣ хворѣй дѣтѣны.—Огникъ, цѣ звѣсно вже, одъ чѣго бувѣ, а щобъ ѣго стрѣбитѣ, затопѣ въ грѣби сырѣмѣ дровѣмѣ и, якъ покажецѣя зъ йихъ на кѣнцѣхъ пѣна, то тѣю пѣною берѣ й мажѣ. Затѣптуютѣ ѣгникъ й трѣпкою зъ помелѣ; а у кѣзни вѣхтемъ мѣчутѣ (гартѣютѣ); у малярѣ мажуть бѣлымъ (хѣзомъ).—Одъ лышѣ онъ шо рѣблѣть: берѣтъ у рѣнцѣ зъ шѣбокъ ту рѣсу, шо по йихъ слѣзѣтъ, й мажуть лышѣ. Лышѣ натѣрають сѣлью й мажуть зѣрямѣ изъ трѣбки.—Веретѣномъ выпѣлюють гѣзку, бородѣвку.

Травѣ бѣквѣцѣ одъ кашлю.—Коровѣякъ одъ порѣхи, якъ животѣ вѣхѣдѣть.—Полѣнь и изъ сѣяшныкѣвъ лыстѣчки (жѣвѣтый цвѣтъ) одъ лыхорѣдки.—Деревѣй—одъ животѣ. Одъ животѣ: умѣчатѣ цибулѣну у сѣль и мажуть нѣю нѣжче пѣпа.—Борщевѣникъ одъ животѣ.—Кѣрнемъ кѣньського щѣвлѣ мажуть

лышай.—Берёзка одъ урѹбу.—Ранныкъ одъ чирякѹвъ.—Лысытя бликотѹ прытуляють до болячки.—Шиптунѹ и шиптѹхи—„ликарѹ“ могорычуть дьякѹ, шобѹ давѹвъ йимѹ васылечкиѹ зѹ пидъ крестѹ на Здвѹженья; у йихѹ купають недужающихъ дитѹй—й одъ усѹго. Ту жѹ травѹ й любыстокѹ, шо на клычальний недѹльли кладѹть бѹтющи на стѹльчикѹ пидъ кнѹжку, то жѹ на росхвѹть спихѹть розбирѹты.

Одъ вразѹ (мѹтка),—вразѹ, бачѹ, кѹже, не на мѹсьти—й пѹросѹты попускѹвъ—однѹ бѹба выбырѹла у животѹ й такѹ, мое нѹнько, помѹяла, шо на дрѹгий день живѹть зробѹвсѹ, якѹ колѹда, й трѹнуцьця незѹя, а потимѹ ще зробѹла клѹди йий пѹты. Цѹ людѹна пѹе такѹ лики и кѹже, шо йий лѹгшае: шкѹлыкѹ спѹрту, шкѹлыкѹ олывы, тры четвѹрки мѹду ($\frac{3}{4}$ ф.) и пѹчку якогосѹ зѹльля; все це змѹшуецѹця, и йде вытягѹты ти пѹросты, шо вразѹ йийѹ роспустѹвъ.

Когда купаютъ дитя, то распарившееся его темя притягиваютъ къ себѹ ртомѹ, полагая, что, вмѹстѹ съ поднятѹемѹ кверху кожицы темени, одновременно будетъ подниматься и опавшее поднебенье (нѹбо).

Когда дитя часто кричитъ, то значитъ, что оно „свѹхнуто“; чтобы этому горю помочь, надо во время купанья смѹрять его три раза нѹвкрестѹ такѹ, чтобы локоть правой руки младенца сходилсѹ бы съ колѹномѹ лѹвой ноги и потомѹ локоть лѹвой руки—съ колѹномѹ правой ноги.—Когда дитя часто слюнѹтъ, то значитъ, что его беспокоятъ паразиты (купають и чешутѹ).

Молодайки, очень часто случается, застуживаютъ свою грудь, отчего бываетъ нестерпимая боль, и къ ихѹ услугѹмѹ мчитсѹ какая-нибудь „бабѹся“ горѹ пособѹтъ: раздобываетъ, если у самой нѹтъ, скорлупу съ освященнаго яйца, подсаживается къ больной (чаще это дѹлается подѹ образами) и ну ее подкуривать. Вѹ заключенѹе дастъ пить святѹю воду, или сама наговариваетъ, и наконецъ начинаетъ „развагѹти й вмѹсьци съ цимѹ жалѹ завдаватѹ: це, бачѹ, у васѹ, нѹнько, нѹжидынь, десѹ не спѹпѹшилисѹ, ухватѹлы; винѹ такѹй завбѹльшки, якѹ горошина, и отѹ вберѹцьця (вѹ груди) тай росхѹдыцьця тамѹ. Оце гарѹздѹ, шо я лучѹласѹ ускѹри, ато бѹ була вамѹ халѹпа“.

Якъ бѣшена собака покача здорѡву, такъ отѡ не вѣштайсь:—возьмы, вѣпросы у трѣхъ вдовъ по окрѣйцю одъ цѣлыхъ хлибѣнь, та й дай йихъ зѣсты собацѣ хочъ и безъ маѣкъ, и вона вѣходыщѣца и не збѣсыщѣца.

Лубьянѹха—це такѣ бѡлисть, шо по всему тѣлу выступѣють прыщѣ, пидъ кинѣць шѣрхнутъ и сверблять. Лѣки одъ цѣей хворѡбы такѣ: трѣба найты де нѣбудъ на дорѡзи кусѡкъ лубкѣ зъ мѣльницы (нѣмы крѣла обшивѣють), варѣты ѣго, тай купѣты хворѡго у тимъ лѣтипли трѣчи.

Одъ сухѡты купѣють у наговѡрюваний водѣ, и пѡтимъ ту водѹ выливѣють въ те мѣсто, де два плетнѣ докѹпы сплелѣсь.

Огнѣкъ, якъ бѹдешъ личѣты, такъ запалѣ зъ ганьчѣрки помелѡ и подкѹрой нѣмъ, пѡтимъ умѡчѣ ѣго зъ огнѣмъ у помѣйницѹ й обвѡдъ трѣчи кругѡмъ ѣго, щобъ дѣли нѣйшѡвъ, а тодѣ й помѡчѣ сѣмѣй огнѣкъ навкрѣсть трѣчи.

У скотѣны бѹвѣ на языкѣ бѡлисть,—„жаба“. Якъ вилъ скрыгѡче зубѣмы, то такъ и знай, шо въ ѣго жаба; примѣта ще й такѣ: пидъ языкѡмъ бѹде жѣлокъ ззѡдѡи цѣѣтомъ сѣни, такъ здаѣщѣца, шо ажъ бѹтто бѣ то набубнѣвылы. Лѣчутъ йийи такъ: берѹтъ въ рѹку гѡлку, рознимѣють волѹ ритъ и скѡлюють нѣю по жѣльци; якъ кровъ зѣйде й вилъ одлѣга.

Якъ обдѹецѣца скотѣна, такъ трѣба мирѣщѣй пускѣты зъ низдри кровъ.—Одъ хромотѣ тожъ зъ ногѣ пускѣють кровъ.

Якъ убѣють годѡванѡго кабанѣ на сѣло, такъ пѣрѡый кусѡкъ вырѣзѹють у ѣго зъ лѡбу, вѣпають, не солѣвши, на матѹзѡчку и бережѹть одъ всякой прычѣны за-дѣя скотѣны. Пры всякѣй бѡлѣсти мѡжно давѣты ѣго йѣсты и мазаты.—Пѣрѡый кусѡкъ сѣла зъ лѡбу никѡлы не завѹнѣецѣца й червѣ у ѣго не кѣнѣщѣца.—Росѣль зъ молодѡго сѣла давѹтъ скотѣни пѣты, якъ облѹецѣца, одъ запѡру и такъ, якъ чѡгѡ нѣбудъ бѹде чѣхриты.

Одъ чѣхѡтки: 1-го маѣ нарѡы зъ прѣдѡѡа (конѡпли) зелѣныхъ верхѹшѡкъ и вѣсуши; пѡтимъ, пидъ 1-го сѣнтѣбрѣ, пидѣ, набѣры полѹнѡшнѣйи водѣ и, не оглѣдѣючисъ, прынесѣ додѡму й бережѣ до 1-го октѣбрѣ; пѡтимъ такъ же й пидъ Пѡкрѡѡу трѣба прынесѣ полѹнѡшнѣйи водѣ, и тодѣ вѣже змишѣть ту й дрѹгу водѹ докѹпы и варѣты въ нѣй ту зѣлень, верхѣвѣя зъ

прядыва, шо ты нарвѣвъ. Якъ устійицьця навѣръ, тоді пый натошѣкъ, шо день по стакану.

Одъ пропасныци треба вловѣты кажана, убѣты и зсушѣты ёго; потѣмъ стѣрты въ попилѣць, завязѣты у вузлыкъ, надѣты собѣ на шию й ходѣты зъ нымъ безперѣчь.

Кажаномъ загодѣвуютъ коней, на мѣсяць абѣ на годъ, щобъ сѣти булы й щобъ швѣдко бѣгали, а якъ вѣйде зрокъ заговѣру, то вони здыхають.

Якъ ходять молодѣ зъ прѣданнымъ (бесѣда) по хѣтахъ (по гостѣяхъ), то берутъ у жѣднымъ дворѣ по мѣчци, абѣ по пивъ мѣчци прядыва й дають ёго молодѣй, а та зъ свашкѣмы йдетъ дорогою, чѣшитъ й на веретѣно пряде, а, прѣйшовши до молодого, дають ёго бѣтькови й мѣтери, (то, бачъ, шо напѣрѣла), а винъ йимъ за це—горѣлки; такъ отъ, оцѣ жъ то, то прѣдыво и прѣжа, назывѣецьця „прѣдѣняче“, ёго бережутъ, дѣржуютъ у спрятѣ, и отѣ, якъ захромѣ вилъ, абѣ шо такъ прѣклячѣецьця, то нымъ, бачъ, тоді перевѣязуютъ. Рука розѣйдецьця, перевѣязуютъ прѣдѣнячимъ вѣломъ, абѣ прѣдывомъ, гѣрусомъ зъ гильцѣй, и нѣткою зъ бабѣячого поѣяса, видъ цѣго жъ такѣ вѣязуютъ. Крѣсна стрѣчка, шо буѣрамъ до шапокъ чѣпляють,—згидлѣва; вона одъ урѣкъ держѣецьця.

Перелѣги буѣаютъ всѣки: одъ воды, вѣтру и зъ глазъ. Якъ нападутъ перелѣги конѣ абѣ шо, то становѣсь мирѣщѣй на всхѣдъ соныця й прокѣзуй вводѣнъ духъ трѣчи „оччинашѣ“, тоді мишкѣмъ абѣ шапкою прѣтягнѣ трѣчи по пѣдъ брѣхомъ, смыкнѣ трѣчи за чѣба и трѣчи за хвѣстъ, а потѣмъ ще й шлѣпны ёго лѣдоною по зѣднѣй лѣшци трѣчи,—и кѣнь пѣде; тѣко вмѣсто „одъ лукавого“ кажѣ „одъ перелѣгивъ“. Одъ перелѣгивъ поведѣ конѣ на клѣдовѣще и перекрѣстѣ ёго трѣчи тиѣю дугѣю, шо ёго запрягѣешъ, й кѣнь бѣде здоровѣй.

Якъ заведѣецьця де въ скѣтѣны чѣрвы, такъ возѣмы на дорѣзи жѣмѣню пылу и засѣпъ нымъ. Одъ цѣго ще й вѣшають на шию якѣй нѣбудъ шкурѣтокъ зъ чѣбота абѣ шо; ёго за дѣя цѣго нарѣшне шукають на дорѣзи, хочъ дѣма й ѣе. Шкурѣтки ще й вѣшають одъ тѣго, щобъ у дроковѣцю не пѣгѣла бѣ скѣтина на скѣтину.

Одъ зубѣвъ: якъ побѣчишь молодѣкъ, то прочѣтай трѣчи

безъ оддыху „оччинашу“, тико вмисто „одъ лукавого“, кажй— „избавы одъ зубйвъ“.—Одъ зубйвъ трѣба нарыть коринья изъ ожины й зварыть ёго, абò настòять на спыртѹ й полоскаты тымъ болящи зѹбы. Писля цѣго не трѣба бѹде вже йисты ничòго солòдного.

Якъ укѹсе гадѹка абò павѹкъ тарантѹла, такъ трѣба впийматы цѣго тарантѹлу, брòсыть у бутылку й налыть ёму олывы; винъ отò тамъ пропадѣ, выпусте зѹ себѣ увѣсь свий ядѹ, и тодѹ тымъ мòжно мазаты те мѣсто, де бѹде укѹшено.

Одъ свынѹчòго дòху йѣ такà травà, якъ бурьякъ, называецця „кирмѣкъ“, кòринь йийй (винъ жовтуватый) вàрють й напувàють.

Бородавкы бувàють одъ тòго, шо жаба на тѣло шось... Личуть бородавкы такъ: йихъ вывѣязують:—возьмы якѹ нѣбудь нѣтку, обведѹ нею кругòмъ бородавкы, якъ завѣязують, й завѣжай на нѣтци ўзлыкъ такъ, шобъ винъ прыйшòвся на бородавци, й такъ повывѣязуй йихъ вси на ўзлыки скѣко ни йѣ, тодѹ вырый у гноѣвòму мѣсьци ямòчку й загорнѹ тудѹ тѹю нѣтку зѹ узлами—нѣтка згнийѣ, а зѹ нею й бородавкы пропадѹть.

Прыворотъ *). Приводимые заговоры читаются утренними и вечерними зорями. 1) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей дверями, изъ воротъ—воротами подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ свѣтлый мѣсяць, подъ луну Господнюю, къ тому синему морю Окіану. У того синяго моря лежитъ бѣлѣ алатырь-камень, подъ тѣмъ бѣлымъ алатырѣмъ-камнемъ лежитъ три доски, а подъ тѣми досками три тоскы тоскучія, три рѣзы рѣзучія; подойду я близѣхонько, поклонюсь я низѣхонько: „вставайте, вы, матушки, три тоскы тоскучія, три рыды рыдучія и берите своё огненное пламя, разжигайте рабу (имя дѣвушки), разжигайте её во дни печени и полупечени,—при утренней зарѣ, а при вечерней садитесь, васѣ, матушки, три тоскы, въ еретивое сердце, въ печень, въ лѣгкія, въ мысли, въ думы, въ бѣлое лицо, въ ясныя очи, дабы рабъ Божій N показался бы ей лучше свѣта

*) Крестьянинъ с. Шапарскаго, находясь въ военной службѣ, досталъ отъ какого то солдата помѣщаемые „заговоры“ и, списавъ ихъ себѣ въ книжечку, принесть на родину.

бѣлаго, пуще солнца краснаго, пуще луны Господней; ѣдой бы не заѣдала, питіємъ бы не запивала, гульбой бы не загуливала, при пирѣ она или при бесѣдѣ, въ полѣ она или въ домѣ,—не сходилъ бы N съ ея ума—съ разума. Будьте, всѣ мои слова, чрезъ три часа! (ѣдой бы не заѣдала, питіємъ бы не запивала, въ гульбы бы не загуливала и во снѣ бы не засыпала) крѣпки и липки, крѣпче камня и булата; замыкаю я васъ тридевятью ключами, и этимъ моимъ словамъ переговора и недоговора не измѣнить ихъ никому,—ни хитрецу, ни мудрецу“.

2) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей воротами въ чистое поле подъ востокъ, въ подвосточную сторону. Навстрѣчу мнѣ вышло семь братьевъ и семь сестръ буйныхъ.—„Идѣте куда“?—„Пошли мы въ чистое поле, въ широкое раздолье сушить травы подкошенные, лѣса подрубленные, земли вспаханные“. Пойдите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и съ малыхъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите красной дѣвицѣ N въ ретивое сердце, прибейте ихъ тамъ булатнымъ топоромъ, посадите въ неё тоску тоскучую, сухоту сухоточную въ ея кровь горячую, въ печень, въ суставы, семдесятъ семь суставовъ и подсуставовъ и одинъ суставъ, 77 жилъ и единую жилу становую, чтобы красная дѣвица N тосковала бы и горевала по мнѣ, N, во всѣ сутки и въ 24 часа, ѣдой бы не заѣдала, питіємъ бы не запивала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы она не засыпала, въ теплой парущѣ калиновымъ щѣлокомъ не смывала, шелковымъ вѣшникомъ не спаривала бы; пошла бы слеза, плакала бѣ и казался бы я ей милѣе отца и матери, милѣе всего роду и племени, милѣе подлунной Господней, скатскаго жемчуга, платья цвѣтнаго и золотой казны. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата. Ключъ моимъ словамъ не достать и замокъ—въ морской глубинѣ на рыбѣ китѣ, и никому эту китъ рыбу не достати и замокъ не отпереть, кромѣ меня, N; а кто эту китъ рыбу добудетъ и замокъ мой отперѣтъ, то онъ будетъ, яко древо, и пошлю я молнію“.

3) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье,

къ синему морю Окіану. У того синяго моря Окіана лежитъ огненный змій; срягается и наряжается онъ зажигать горы и долы, и быстрыя рѣки,—болотныя воды со ржавчиною, орлицу со орлятами, скопу съ скопятами, травы подкошенныя, дѣса подсѣченныя. Пойду я поближе, поклонюсь пониже: „Гой еси, ты, огненный змѣй! Не зажигай ты ни горы, ни долы, ни быстрыя рѣки, ни болотныя воды со ржавчиною, ни орлицу со орлятами, ни скопу со скопятами, зажги ты красну дѣвицу N въ семьдесятъ семь суставовъ, въ семьдесятъ семь жилъ и въ единую жилку становую, во всю ея плоть, чтобъ ей мыслилось и хотѣлось... брало бы её днёмъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ, чтобы она тосковала и горевала по мнѣ N,—спаньемъ бы она не засыпывала, ѣдой бы не заѣдала. Какъ бѣлая щука рыба не можетъ быть безъ проточной воды и безъ пробѣжки, такъ бы и красная дѣвица N не могла бы безъ меня N ни жить, ни быть. Будьте, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата, остраго ножа и Берзаюнюкова копія,—а ключъ мой къ словамъ на утвержденіе, и крѣпость крѣпкая и сила сильная—въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ“.

4) „Встану я, N, и пойду изъ дверей во двери, а съ тѣхъ дверей въ ворота и въ чистое поле; тамъ будетъ мнѣ навстрѣчу огонь и пламя и буйный вѣтеръ. Встану я, поклонюсь имъ низехонько и скажу такъ: „Гой, еси огонь и пламя и вѣтеръ буйный! не палите зелѣныхъ луговъ, а ты, буйный вѣтеръ, не раздувай пламя и сослужи службу вѣрную: выгони изъ меня, N, тоску тоскучую, сухоту плакучую и понесите её черезъ боры и не потеряйте, чрезъ моря и рѣки и не утопите, а вложите её въ рабу Божию N, въ бѣлую грудь, въ ретивое сердце, въ лёгкія, въ печень, чтобы она обо мнѣ, рабѣ Божиѣмъ, N, тосковала и горевала денную, ночную и полуночную пору,—во всякихъ бы яствахъ не заѣдала, въ меду-пивѣ и винѣ не заливала бы. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки отнынѣ и до вѣка, заключаю крѣпкимъ замкомъ, и ключъ въ водѣ“.

5) „Встану я, рабъ Божій, N, на утренней зарѣ, на солнечномъ восходѣ краснаго солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота—на восточную сторону, въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ гуляетъ буень вѣтеръ. Подойду поближе,

поклонюсь пониже и скажу: „Гой, еси ты, буенъ вѣтеръ! Пособи и помоги мнѣ, N, законъ получить отъ того то дому и взять, кого я хочу, и чтобъ у того бы человѣка N умъ и разумъ отступился на всѣ четыре стороны, а обо мнѣ бы приступился ей умъ и разумъ до точной судьбы нашей,—къ тому, кого я хочу получить,—пересвалились бы, потопились бы ко мнѣ, N, всѣ мысли и охоты, и забавы, и её бѣ съ ними въ насъ по водѣ унесло, и они бѣ меня, N, приняли. Ключъ въ морѣ; языкъ—въ ротѣ, тому слову не будь края и конца, и отъ злого человѣка ни вреда, ни бѣды, ни напасти, а если бы кто на меня и на неё что подумалъ,—не доброе есть замыслилъ, то у того бы человѣка ничего-бы не послѣдовало, и заперло бы ключами и замками и восковыми бы печатями было запечатано отъ сушпа (Sic)“.

6) „Лягу, не помоляся, встану, не перекрестясь, и пойду, не благословясь изъ дверей во дворъ, въ двери растворенныя, въ двери скрипучія, пойду на востокъ солнца, на восточную сторону. На восточной сторонѣ лежить три дороги, по евитмъ трёмъ дорогамъ идутъ три хитреца и мудрые мудреца, и три красныя дѣвицы, и три молодыя молодицы, и идутъ они зажигать окіанъ море. „Ахъ, вы дѣвицы! скажу я имъ, не зажигайте окіанъ моря, а зажгите N, зажгите вы её не сами, а прикажите вы семидесяти семи чертямъ, семидесяти семи получертямъ, семидесяти семи дьяволамъ, семидесяти семи полудьяволамъ и слѣпому бѣсу и самому сатанѣ. Самъ сатана вставалъ бы съ своего царскаго престола и зажегъ бы N ретивое сердце, горящую руку и алую кровь, могучую плоть, чтобы N тосковала и горевала обо мнѣ, N, и плакала бы и рыдала, какъ тоскуетъ кобыла объ жеребѣнкѣ, корова о телѣнкѣ, овца о ягненкѣ, ещё бы тошня то востосковала обо мнѣ, N. Я, я и я пойду за замками двумя желѣзными; замкну мѣдными и ключъ брошу въ окіанъ море, подъ алатырь камень. Никому мой ключъ не вытащить, никому моего замка не отпереть, и моихъ воротъ не отворяти, и моего заговора не отворачивать, и моихъ приворотъ ни отворачивати никому: ни дьячку, ни черту, ни дьяволу, ни полубѣсу, ни самому сатанѣ. Мой заговоръ или приворотъ,—крѣпче камня алатыря...Крѣпко—на—

крѣпко и туго—на—туго, еще быти нельзя всего свѣту вольнова. Одной быти (имя), за мной тосковати“.

Отворотъ. „Встану я, N, и пойду изъи збы въ двери, изъ дверей въ ворота на быструю рѣку (название рѣки) и стану я, N, по три кратно мыться и полоскаться, три раза утренней и по три зори вечернія и приговаривати: „Гой, еси ты рѣка быстрая! Прохожу я по тебѣ по три зори утреннія и по три зори вечернія съ тоской тоскучею, съ сухотой плакучею мыти и полоскати лице бѣлое, чтобы сошла она съ моего лица бѣлаго эта сухота плакучая и изъ ретиваго сердца—тоска тоскучая, и понеси ты, быстрая рѣченька (имя рѣки), своею быстротою струга и затопи ты ея въ своихъ валахъ глубокихъ, чтобы она никогда по мнѣ, N, не приходила. И всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ, и ключъ въ воду“.

Какъ приворожить жениха. Когда будешь подавать чай тому молодому человѣку, который можетъ быть любимъ тобою, то положи себѣ сначала подъ мышку (подъ плечо руки) кусочекъ сахару и жди, какъ онъ надопьетъ немного, тогда возьми да и брось ему его незамѣтно въ стаканъ.—Кусочекъ сахара будетъ пропитанъ потомъ отъ твоего желанія, и когда онъ растворится въ чаю и будетъ испить, то вѣрь—что тотъ молодой человѣкъ, какъ незамѣтно принялъ чрезъ посредство кусочка сахара твои мысли и желанія, такъ точно незамѣтно, даже иногда противъ вольной своей воли, будетъ исполненъ однихъ мыслей и желаній съ твоими.

Какъ взять ту двушку, которую любишь. 1) Для этого надо поймать „кожана“ (летучую мышь), отнести его и положить на „комашню“ (муравейникъ) и накрыть горшкомъ съ проверченнымъ вверху дномъ. Такъ онъ долженъ пролежать тамъ трое сутокъ; потомъ въ 12 часовъ ночи, надо прійти и взять изъ подъ горшка остатки съѣденнаго комашками (муравьями) кожана: вилочку и ключечку. Нести надо, не оглядываясь. Когда принесешь, держи у себя, и вилочкой будешь незамѣтно отталкивать, а ключечкой притягивать къ себѣ, кто понравится, и цѣль будетъ достигнута.

2) Можно засушить и жабу, только на солнцѣ, и затѣмъ вынуть изъ нея вилочку и ключечку.

3) Написать или наговорить на конфетѣ: „На морѣ-окіянѣ, на бертанскомъ диванѣ, стоитъ пенъ пнемъ, тридевять чертей, тридевять колдуновъ и тридевять колдуній. Кто возьметъ эту ветушку и поднесетъ ее къ красной дѣвицѣ, тотъ чтобъ былъ ею любимъ и никто бы не могъ быть ей милъ, кромѣ какъ я только одинъ“. Наговоренную канфекту, или что другое, дается ей скушать.

Шобъ вѣйти дівци зѣмижъ, трѣба вѣрвати того зѣлля, що де на хати ростѣ, й приказати: „шобъ же й я така дівна була всимъ хлопцямъ (абѣ одному якѣму), якъ цѣя трава!“ и потѣмъ внести въ хату й положити мѣжъ икѣны—образѣи“.

Какъ „доказать“ своему врагу. Чтобы „доказать“ (отмстить) своему врагу, возьми песку или земли изъ подъ бѣшеной собаки и, задумавъ при этомъ что нибудь („пропади“, „онѣмѣй“), брось ему въ глаза, и задуманное скоро-не-скоро, но непременно съ нимъ должно будетъ исполниться.

Какъ сдѣлаться незамѣтнымъ въ присутствіи другихъ. Отрыть могилу и взять черепъ, затѣмъ положить въ него 9—12 фасолѣи и, закопавъ въ яму, поливать. Когда эта фасоль вырастетъ и дастъ плодъ, то тогда стоитъ лишь вложить одну фасолѣину въ ротъ и держать за щекой, чтобъ можно было тебѣ все дѣлать и быть незамѣченнымъ въ присутствіи другихъ.

Чтобы заставить поѣздъ съ молодымъ не выѣхать или въѣхать во дворъ, надо намазать ворота волчьимъ жиромъ и бросать на лошадей той земли, которую нарылъ кротъ, приговаривая: „Какъ эта земля изъ норы кротомъ выкидалась, такъ чтобы и вы возили молодыхъ“.

Неразмѣнный рубль. Чтобы достать неразмѣнный рубль, надо взять одноцвѣтную кошку или пѣтуха и пойти съ нимъ на середокрестную дорогу въ 12 часовъ ночи, когда дойдешь, то говорить: „принесъ вамъ N, купите, дайте лишь за него рубль неразмѣнный!“ Нечистый тутъ, какъ тутъ, возьметъ у тебя изъ рукъ принесенное, а тебѣ дастъ желанный рубль. Что бы ты, гдѣ на этотъ рубль ни купилъ, онъ послѣ всегда будетъ оказываться у тебя неразмѣннымъ, цѣлымъ. Только знай при этомъ, когда будешь идти за нимъ и обратно, то долженъ не оглядываться.

Народная мудрость. „Якъ набижить въ дорѣзи гримъ и мѣнія, такъ тоді нетрѣба по ний йихаты, а звернуты й йихаты побля дорѣги, бо въ те сѣме врѣмѣя по ний бижить врагъ, а за нымъ гѣныця св. Ильля зъ гримомъ истребляты нечѣсту сѣлу; такъ врагъ отѣ й крутыця вѣхремъ по дорѣзи, шобъ когѣ наздогнаты й ударыця обѣ ёго, и якъ трапыця ёму це зрѣбыты тоді, винъ остаецця живый, а, вмѣсто ёго, нечѣстого, грѣмъ убывае тогѣ, хто ишѣвъ, абѣ йихавъ по дорѣзи.

Хто кѣре, та не плюйѣ, томѣ грѣхѣ нема; а хто жѣ кѣре и плюйѣ, томѣ пѣкла немынаты, бо земля всимъ намъ маты,—мы вси зѣ земли, зѣ земли й живѣмъ и знѣвъ у зѣмлю пийдемъ,—а тогѣ й земля не прѣйме, хто на нѣи плюйѣ. Хто нюха та невтыраецця, и томѣ тѣжѣ грѣхѣ нема, одѣ тогѣ, шо зѣ ёго лѣды смѣюця, осуждають и тымъ берѣтъ на сѣбе зѣ ёго грѣхъ. Наши батькѣ курѣлы зпѣршу зѣ очерѣтыны, а пѣтимъ явѣлысь вѣвертки, а цыгарѣкъ крутыты навѣлысь одѣ кантанѣстивъ, а купырѣсы (купырѣсыця) змудрувалы нѣмци. Нюхалы зѣ рѣгу, носѣлы й въ вѣзлыку, а тепѣрь зѣ табатѣрьки.

Якъ шо хѣчишь, шобъ новорождѣнный хлѣпчикъ бувъ плѣтныкомъ, такъ трѣба ёму кѣшку одѣ пѣпыка одрубаты сокѣрою до порѣга; а якъ однадѣ пѣпыкъ, такъ сховай ёгѣ й держѣ пѣки вѣростѣ, тоді дай развѣзаты, й якъ развѣяжѣ, тоді ёму скрѣзь буде свѣтъ самъ развѣзѣваця.

Шобъ дѣтына скорѣйшѣ ходѣла, трѣба йийѣ постаѣвыты нѣжкѣмы на зѣмлю й перерѣзаты ножѣмъ мѣжъ ногѣмы зѣмлю,—це-бѣ то означаѣ то, шо перерѣзали пѣто;—не зрѣбышь цѣго, тѣкъ дѣвго бѣде лѣзѣты, а нѣчне ходѣты, часто бѣде спѣтыкаця.

Стрѣчными кѣмомъ и кѣмѣю назывѣаюця ти, хто першѣ на ѣчи стрѣвся. Стрѣчныхъ кѣмѣвъ берутъ по причѣни: бувѣ, шо дѣтки й частѣнько такѣ рѣдѣця, та, Богъ зна чогѣ, не растѣтъ, такъ отѣ, якъ вѣзмѣшь стрѣчныхъ кѣмѣвъ, и дѣты бѣдутъ рѣстѣ. Стрѣчныхъ кѣмѣвъ самъ Богъ навѣде.

Шобъ бѣльшѣ дѣтѣй не водѣты, скажѣ тѣко обѣ цѣмъ тѣй бѣби, шо бабѣватѣме у тѣбе, то вона тѣко сокѣрою перерѣба мѣсто навкрѣстѣ, (те въ чѣмъ дѣтына), й гуляй тоді, дѣво, смѣло!

Шобъ вѣкыкаты брѣдѣгу изѣ забрѣду, трѣба напысѣтъ ёгѣ

мѣння на просвырї за упокої и подать иийи у цѣркви на проскомѣдию; такъ трѣба зробыть трычи, абѡ й зразу це мѡжно зробыты тамъ де ѡе тры цѣрквы. Чимъ частїшъ будешъ помынаты живѡго умѣршимъ, тїмъ бїльше бѡде ѡго нудгѡ йїсты й кортїтыме до дѡму.

Якъ рѡдыщця дитїна неживѡ, такъ трѣба иийи оклыкаты на рѡзни мѣння, и вѡнѡ на чийѡ нѣбудъ й озовѣщця, и ѡтѡ тїмъ же мѣньнемъ трѣба и крестїты.—Якъ рѡде якѡ родыльня, то зѡразъ же стѣлють на пѡкути кожѹхъ вѡвною вѡру, завѡдять и садовлѣть иийи за стилъ на той кожѹхъ, шѡбъ булѡ багѡта.—Родыльни неслїдъ пѣрвый разъ безъ ничѡго въ лѹди являщця, а трѣба брѡты зъ собѡю нижъ и держѡты ѡго пїдъ пеленѡю, бо всѣки ѡчи ѡе. Кѡ-яки бабѹ рѡблѣть такъ: якъ на-надивѡють у тѣждень разъ бїлу сорѡчку, такъ першъ всѡго прѡтягують скрїзь нѣйи киньчѡстый нижъ, шѡбъ не прыстѡлы нїяки худї наговѡры.

Першъ тѡго, шѡбъ зробыть хѡту, трѣба найты на нѣйи мїсто, а це рѡбыщця такъ: положї на чѡтырѣхъ углѡхъ по каменїѡци и поблѡ жѡднойи тийѣи каменїѡки насыпъ по кѹчци жїта, пѡтимъ черѣзъ ничъ подывѡсь у рѡнци, якъ не буде ни кимъ ворѹшене, то мїсце подѡбне, а якъ шо жъ поворѹшене, то хѡти, бачъ, тамъ бѹты не на мїсьти, и ѡтѡ посувѡйсь дѡли, атѡ въ жїсты никѡлы не бѡде тамъ нїякого добрѡ.—Якъ стягѡють на хѡту свѡлокъ; такъ привѡязують до ѡго кожѹхъ, абѡ платѡкъ, а плотныкивъ перевѡязують полотномъ и стягѡють тодї ѡго такъ, шѡбъ не тилипѡлось те, шо бѡде привѡязане до свѡлока, а ти, шо стягують, шѡбъ не кректѡлы, и тодї тїко въ тий хѡти жистъ бѡде безъ печѡли и воздыхѡныя. Те, чимъ перевѡязани плѡтныки, бѡде йїхнимъ.—Прийшѡвши зъ страс-тївъ, прынѡсятъ свїчку до дѡму, засвїчену ще у цѣркви, и пїшуть, напѡлюють нѣю на свѡлоци чѡрный крестъ—страшнїй, шѡбъ хѡтню симѡю мынѡлы всѣки стрѡсти.—На свѡлоци прыбѡвають и деревѡянный крестъ, шѡбъ не пысѡщця шо гѡду,—такъ тїко тодї, якъ рѡблѣть хѡту, це трѣба за-блѡ тогѡ, шѡбъ вмїсьти зъ хѡтою посвятївся бѡ и крестъ на свѡлоци.—Якъ стрѡють хѡту, то пїдъ свѡлокъ кладѹть якї нѣбудъ грѡши, шѡбъ булѡ хѡта грѡшовїта.—Сволоцї въ старынѹ цѡцкѡвалы,—

вырізували кружалки и ко-які цвиточки; теперъ це переводыщця. Кружалкі означаюцьця, щобъ жисть наша такъ ийшла, якъ на осі колесо, а наповняюцьця воні у середьни кружечкамы, серпамы, якъ молодькь,—щобъ жисть була не пуста.

Щобъ красты и не попадацьця, такъ настоѣщи вѣры добувають собі чоловічого жиру, топлять зъ ёго свѣчки и зъ нѣмы тоді куды хочъ: свитѣ й шаръ смилѣво.—Можно запастысь кисткою зъ рукі мертвеця, и нѣю якъ окрѣстышъ вѣкна, двѣри и двиръ який, такъ все спатыме, якъ у могилі мертвеця, до тихъ пиръ, поки назадъ не одкрѣстышъ.—Ще й такъ: первому вѣру, шо тѣко начинаѣеть красты, трѣба першъ укрѣсты шо нѣбудъ пидъ страсты, абѣ пидъ Велѣкдень, абѣ пидъ Риздвѣ, та прѣмо такі пидъ який нѣбудъ здоровый прѣзныкь,—й не попастысь, тоді крадъ смилѣво,—не попадѣсься!

Якъ отдають дѣвку замижъ, кладуть у скрѣню по куткамъ старѣньни грѣши, щобъ плодѣлысь—наживѣлысь грѣши.

Въ чистый четвѣръ сидѣють прѣхи на порѣгъ и прѣдуть-крѣтють нѣтку навпакі; нѣтки ци прѣдѣцьця за-бѣя тѣго, якъ розѣйдецьця рука, такъ нѣмы перевѣязують, щобъ не буліла.

Покѣйныку кладуть въ домовѣну, абѣ въ кишѣню грѣшей зъ грѣвню (3 коп.) и прѣнычкѣвъ, за-бѣя тѣго, щобъ булѣ чимъ одкупѣтысь на тимъ свѣти одъ грѣхѣвъ, й отѣ грѣши ти винъ дасѣть Кѣсарю, а прѣнычки—Цѣзарю, щобъ пустѣвъ у рай.—Покѣйныку колѣсь становѣлы у гѣлови й штофъ (штовхъ, штохъ) горѣлки,—гробачѣ нахѣдылы,—то бѣ то, кѣжуть, бачъ, не наші булы похѣвани, а цыганѣ.

Щобъ чогѣ не забѣты, такъ завѣязують на хѣстоцьци вѣзлыкь.

Щобъ дѣтѣй не булѣ, трѣба спалѣты мѣсто.

Крѣски—мѣсяшне у жинѣкѣ буваѣ безперѣчъ йдѣть одъ тѣго, шо йихъ хтѣсь напойѣвъ нѣмы, абѣ самѣ де встѣплять ногою на чужѣ крѣску.

Важкѣй бѣби, якъ ще половѣны нема, не слѣдъ ходѣты дѣвѣцьця на мѣртвыхъ, атѣ неживѣ найдецьця (рѣдыцьця).

Якъ злѣкайсья пужарѣ и вѣзьмѣсья пѣтимъ за шо, то у дѣтѣны, шо рѣдыцьця, на тимъ мѣсци бѣде крѣсне пѣятнѣ.

Нѣгги цвѣтѣть пѣредъ даранѣцею, абѣ обнѣвкою; задырѣцьця

шкура на ногтяхъ не сама, то нечистый ихъ задыра за тымъ, шо въ недилью роблять.

Якъ мёртвый прыснѣцця, хочъ бы й чужий, то ёго треба помына́ты. Причитува́ння мертвому:

„Ой тужу жъ я, тужу,	Тай такъ й не дурно,
По чужому мужу,	За чорнёнке рѹно“.

Возы у табури якъ шо луща́тъ, такъ це вже чума́къ зна, шо шось, якась ёму причѣна та бу́де: абò жъ стри́ча зъ розбо́йныкамы, абò жъ зъ воря́гами.

Щобъ робо́чи ма́ло йи́лы и найи́лысь бы, такъ кой хто за-бля цѣго стромля́ въ зѣмлю ни́жъ, стѣлетъ звѣрху на ёму ряде́нце й стано́ве тоди́ стра́ву и хлибъ-си́ль. Скі́ко ни ѣе, усі́ найидя́цця (нако́рмляцця—нагоду́юцця) и ще й зоста́нецця писля́ ихъ стѣ́ко обѣи́ддя, шо хва́те й на други́й день.—Хто цю хозя́йску прѣ́мху розполо́па, возьмы́ и вы́ймы ни́жъ зъ пидъ ряде́нця щòбъ ни́хтò не вздри́въ, и держи́ у се́бе, такъ тоди́ хозя́йна тогò такъ хва́те со́яшны́ця та зъ прозо́ру, шо винъ зна́тыме свогò ба́тька.

Ша́пки не сли́дъ кла́сты на сто́ли, бо не обберѣ́сья людьсько́йи напáсты. Ша́пку мо́жно тоди́ на стилъ кла́сты, якъ шо ѣе въ въ кишѣ́ни сто кѣ́рбуливъ, абò бу́де въ ша́пци устро́млена го́лка зъ нѣ́ткою.

Щобъ бу́ты на пы́ци (на вы́дѹ) чи́стому, такъ, якъ бу́дешъ у ты́ждень сорóчку нади́ваты, поверны́сь на за́хидъ со́нця й утры́сь спѣ́нкою сорóчки и вся не́чисть, якъ шо й хочъ и не пропа́де, такъ зѣ́йде вся на спѣ́ну.

Щобъ скотѣ́на велáсь и благополу́шна бу́ла, то треба у за́городи за стрѣ́хою держáты ви́конку свято́го Вла́сия.—Щобъ дѣ́ты бу́лы умне́ньки й учѣ́лысь гра́моти бо́йко, то треба одво́дыты ихъ у шко́лу на свято́го На́ума (1 дека́бря).

Щобъ заве́сты пло́дучихъ утáтъ, треба бере́гтысь, щòбъ не купы́ты у тогò, шо бу́де жы́ты одъ те́бе прóты во́ды, а у то́го, якѣ́й за во́дою, щòбъ вѹ́тка сама́ бачъ плы́влà бѣ́ до те́бе.—Утáта мо́жуть до́бре розвестѣ́сь и одъ то́го, якъ кѹ́пышь, бу́ва, на зарѣ́зь, та якъ небу́дь и облы́шишь, то ци бѣ́ то вутáта (тай всѣ́таки таке) зъ-пидъ но́жà пло́дючи бу́ва́ють, и у рѹ́ку пѣ́дутъ.

Щобъ взна́тъ, де шу́ка́ты вто́пленны́ка, пуска́ють на во́ду

чашку дерев'яну зъ огнѣмъ, и на якому мѣсци начнѣ вона крутыця, тамъ духа (скоро) ѣ знайдешъ мѣртве тѣло.

Свинѣй трѣба рѣзати у чистый читвѣрь, щобъ не завѣдылысь червы у сѣлови,—щобъ то чисте сѣло булѣ.

У бѣшенойи скотыны пидъ языкѣмъ завѣдыця червякъ; винъ невеличкий ѣ увѣсь въ шерстѣ. Одному чоловікови (хотѣвъ, бачъ, розглядѣты) такъ уп'явся у ладѣню, шо ѣ не вѣтяглы,—прийшлѣсь дрѣтомъ выпѣлювати.

Журба приключѣецця одъ несомѣру ѣ одъ того, шо нема ни грѣшей, ни хлѣба, а одъ журбы вже ѣ все лѣхо востайѣ.

Чимъ мѣжно побидѣты вѣдѣму? Замѣтышъ вѣдѣму у викни,—вонѣ, бачу, часто ходѣть лѣзыты по вѣкнахъ людѣй лѣкѣты,—такъ тѣко зтулы ѣй дѣлю ѣ дай, отѣ ѣ все. Будешъ де прохѣдыты мѣжъ бабѣмы, стулы двѣ дѣли ѣ заложѣ ѣихъ въ кипѣню, и отѣ, якъ шо ѣе мѣжъ нѣмы якѣ вѣдѣма, то вона ни защо не змѣвче,—чимъ нѣбудъ, а зачѣпе.

Сѣнце—Бѣже вѣкѣпце.—На мѣсяци Кѣвилъ Вѣвыля убѣвъ, тай на вѣла настрѣмѣвъ.—На молодѣкѣ грихъ пѣльцемъ тѣкѣты, бо почорнѣе.—На молодѣкѣ заговѣрюють зѣбы; тай такъ годѣця,—якъ уздрѣшъ, такъ перехрѣстысь на всхидъ сѣнця, щобъ увѣсь мѣсяць прожѣты безъ бѣды.—На вѣпѣни мѣсяця дѣбре всяку всячину солѣты, щобъ повнѣнка удалѣсь (кавунѣцѣ, огиркѣ).—Якъ мѣсяць нарѣдыця зъ гѣстрымы кинѣцѣмы, такъ то будѣ увѣсь мѣсяць сухѣй,—а якъ зъ тѣпымы, шо ненѣче, якъ будѣто гѣбы одкѣсе, то бѣты ѣму мѣкрому и вѣтрѣному.—Млѣчный пѣть—дорѣга зъ Кѣѣва у Юрусалѣмъ,—по нѣй св. Илѣля вѣзе свѣй грѣмъ.—Юрусалѣмъ—пѣпъ землѣ.

Якъ пѣрвый грѣмъ загрѣмѣть, такъ трѣба шо нѣбудъ спѣною подаѣты, щобъ не булѣла; це, шо набѣлышъ рѣблѣть бабѣ, щобъ у жнѣва не булѣлы ѣйхнѣ спѣны.—Страшнѣ свѣчка бѣрежѣця одъ всякихъ пѣчинъ (вонѣ згѣдлыва).—Шо громъ запѣле, тогѣ тушѣты грихъ, бо то такъ угѣдно Бѣгу, а будѣшъ тушѣты, будѣ бѣлышъ горѣты и водѣ нѣпочѣмъ, хѣбѣ молокѣ ѣе, такъ нѣмъ тѣко ѣ мѣжно утушѣты.—Громъ не нѣле, винъ тѣко гуркотѣть, а пѣле стрѣлѣ; вона вѣдѣты лѣтѣть ѣ скрѣзь зѣмлю прохѣде, якъ ѣе на дрѣгий свѣтъ; ѣйѣ незѣзѣ чѣго нѣбудъ не запѣлыты, бо вона огнѣмъ сѣбѣ очѣща.—Громъ

гремятъ—св. Ильля на колесниці зъ Богомъ розийджа;—св. Ильля горшкѣ вѣзе.—Богъ грѣма свѣрыщца на людѣй, щобъ не гришѣлы, та хрестѣлысь.

Градомъ мѣють очі, щобъ не булілы.

Поки райдуга на нѣби бѣде, то й потопу не бѣде, бо вона спина вѣду, не даѣе ий хѣду: якъ чимало наберецьця, отѣ вона зѣразъ однимъ киньцѣмъ спускаѣецця у вѣду, а другимъ подаѣе на тѣчи и зновъ ту вѣду розсивѣ.

До Ильли тѣчи хѣдять прѣты вѣтру, а зъ Ильли—за вѣтромъ. Наша землѣ—мѣты Тытяна. Землѣ дѣржицьця на китѣ-рыби. Якъ бѣде жѣто перѣдъ покѣсомъ лежѣты на всхидѣ сѣньця, то жды зѣму глыбѣку. Якъ сѣнце зѣйде на Вѣокию (Явѣокию) у хмѣри, а зъ пивѣ дня вѣясныцьця, такъ урожай пизнишого посѣва бѣде лѣчче одъ ранньѣго; ну, а все-такѣ це бувѣ тѣки у врожѣйни гѣды.

Замѣть отъ Сперыѣона й до Риздѣ, ци двѣнаѣдцѣть днѣвъ и знай, якѣй колѣ бѣде дѣнь, такѣй и бѣде вѣсѣ той мѣсяць, шо на ѣго прыпадѣ.—Зиркѣ паѣають у осѣни, перѣдъ гѣлодомъ и мѣромъ. Мѣтлы явѣяющѣця на нѣби перѣдъ якѣю нѣбудъ котѣрѣмою, бѣчою, войною.

Домовѣ ѣе. Вѣны дѣшутъ, налягѣють на людѣй у нѣчи, якъ вѣны поснѣтъ (обиснѣтъ). По ийхъ мѣжно взнѣты своѣе щѣсьця: возѣмѣ тѣко й спытѣй абѣ подѣмай: „чи на хѣдо, чи на добрѣ“? то винѣ й одвѣте: „ху“! абѣ—„до“! (хѣдо, добрѣ). Мѣжно ще й полѣпѣты ѣго, якъ шо бѣде винѣ вѣ шерстѣ, то къ богѣству, а гѣлый—къ убѣжѣству. Домовѣ перѣдъ якѣю нѣбудъ причѣною пускають вѣду изъ стѣли на долѣвку, на стилѣ, а лѣчалось, шо ѣидѣть, а винѣ прѣме у мѣску такъ й попѣсте.—Цѣпѣвъ дѣржѣть у конѣшни за-бѣля тѣго, щобъ у нѣчи ѣиздылы на ийхъ домовѣ.—Якъ шо домовѣ бѣдѣть заплѣтѣты грѣву шкѣпы, то та шерстѣ ѣде по-дѣвору.

Кинѣ у вѣхирѣ нижѣ, абѣ склѣнку, бѣде вѣ кровѣ; отѣ, бѣчѣ, нечѣстого тамѣ уразѣшѣ.

Пидъ гѣлоднѣй свѣтѣчирѣ (Крѣщѣнья) пѣшутъ скрѣзь по вѣкнахъ крѣйѣною хрѣстѣ, й по дѣверѣхъ, по горшкѣхъ, кѣчѣрѣгахъ и скрѣзь по подѣрью: по кѣмѣряхъ, закрѣмахъ, возѣхъ, сѣняхъ и такъ дѣли. Ци крѣстѣ ѣе стѣрають на трѣтѣй дѣнь, щобъ кѣры булы несѣщи.

Въ опівночи пидъ Крещѣння вода бурѣе въ Йѣрданьському крестѣ; ту воду берѣуть тодѣ ти, шо лѣчуть одъ урѣкъ.

Пидъ чѣстый четвѣрь середъ нѣчи и въ сѣмый четвѣрь вѣра-нѣци до схида сѣнѣця хвѣри болячкамъ, не чистѣтамы купѣ-юущѣя у рѣцѣци; збавляюущѣя жъ одъ всякойи такѣйи сквер-ноты тѣко ти, хто пѣрвый влѣзе въ воду.—Купѣюущѣя одъ такѣхъ же прычѣнъ й тодѣ, якъ свѣтыщѣя вода у рѣцѣци.

На Крещѣння въ Йѣрданьський крестъ убивѣють у гѣловы коляку за-бѣя тѣго, щобъ бджѣлы клѣлы мѣдъ собѣ у вѣликахъ до гѣловѣ, а якъ хто опѣсли ту коляку вѣтягне самъ свойими рукамы, томѣ бѣдуть ийтѣ бджѣлы.

Кытѣй пиднѣмѣщѣя пѣредъ страшнымъ судѣмъ, — пѣредъ кончѣною.

Вѣюнѣ незѣзѣ йѣсты, винъ гадѣючѣйи порѣди.—Голубѣвъ грихъ йѣсты, въ йѣхъ вселѣвся Духъ Свѣтый, а хто йѣсть, такъ не рѣжуть, а одрѣвѣють йѣмъ гѣловы.

Пѣсля Ильѣй негодѣщѣя купѣщѣя, бѣде болѣты гѣловѣ (тудѣ Льѣя (Ильѣй) напѣсте шѣсь).

На пѣкути стѣвѣляютъ на сѣни озвѣрь и кутѣю пидъ Риздѣо — богѣтый свѣтвѣчѣрь й на голѣдный свѣтвѣчѣрь; кутѣя означѣ тѣло Хрѣстѣве, озвѣрь—крѣвъ, а сѣно ѣсли, де родѣвся Госпѣдъ.

Страшнѣ крѣсты стѣрають зъ свѣлокѣвъ на середокрѣснѣй недѣльѣ.

Горѣбѣць—прѣклятый; винъ, якъ роспынѣлы жѣдѣ Хрѣста, такъ крычѣвъ: „живѣ, живѣ“! разбѣйныкѣ вернѣлысь й вбѣлы Ёмѣ зализнѣй гвѣздѣ у сѣме сѣрце.—Зализнымъ гвѣздѣямъ й Бѣже якъ грихъ збѣвѣаты грѣбы, икѣны и склѣпуваты, крѣпыты иконостѣсь.

Йндѣчу гѣлову негодѣщѣя йѣсты; вѣнѣ дурнѣ и схѣжа на гадѣчу. Индѣка сѣма урѣчѣва пѣщѣя.

Гѣсы купѣюущѣя,—дѣщѣ бѣде, а прѣтивъ хѣлоду носѣ пидъ крѣла хѣвѣють.

Пѣвень на порѣзи кричѣть—гѣстей спѣдивѣѣщѣя.

Пѣредъ умерѣущимъ собѣака рѣе ямкѣ, а пѣредъ пужарѣмъ вѣѣе.

Кѣурыщѣ спѣвѣ пѣвнемъ пѣредъ прычѣною, а щобъ мынѣты йѣйи, возѣмы впѣймѣй, змѣрь йѣйи одъ столѣ и до порѣга, и чѣмъ прѣѣдещѣя до порѣга, те й одрубѣй. Прѣѣдещѣя гѣловѣю, одрубѣй и закѣнѣ, а зъ нѣйи борщѣ наварѣ, та йѣйи помѣяны,—

а якъ шо хвостомъ, одрубай и пусты, вона буде хазяйка, несуча й сыжуха.—Курця—Божка птиця; вона, якъ родився Сусъ, такъ китямы загортала Егд, щобъ не знайшовъ який Иродъ.

Дорогу перебижить, перейде пипъ, собака, кішка, зъ порожними ведрами, зъ сметятъ—добра не жди.—Зъ повнымъ чимъ переходе, абд перейжджа,—бүты щастю.

Сычъ буде крычатъ де на осели: „сплю! сплю“!—передъ умерущимъ, а якъ буде тико: „гавъ! гавъ“!—то це передъ якимъ звисятъ.

Кішка умывайецця—передъ гостямы; куды головою, видь ты й ожидай.—Кішка шкряботыть китямы по стынн, буде яка небудь хуга; на пичи спыть, абд у грубу влізе—передъ морозомъ, середъ хаты розвернецьця—на тепло.

На Здвиженья вси гады злизуюцьця до купы въ одну яму,—та тико ти, бачъ, шо ни людей, ни скотыны не кусалы,—й лыжуть тамъ каменный стовбъ и тымъ зимують до весны.—На Здвиженья неззя у лисъ ходыты, бо провалысса до гадюкъ у яму. Разъ пишовъ такъ одынъчоловикъ и попавъ мижъ нихъ, то вони такъ и сунулысь було кусаты, а старша якъ засычитъ вони й назадки: начали лызаты каменный стовбъ и йего пхнутъ туды жъ; полызавъ й ставъ по йихнему понимать,—та такъ проживъ зъ нымы до самойи весны; вылизты жъ самому никакъ було неззя:—така глыбока яма.

Хто ротомъ зива-позиха, томъ треба его перекрестыты.

За столѸмъ грихъ ногамы махаты, бо тымъ чортѸвъ колышешъ.

СвидовѸ жѸто називаецця те, шо на дзелень косыцьця, ондѸ й на цвѸть буде прозеленкувате, на висъ важче, й на утрунокъ здоровѸше.

Огныкъ бувѸ у дѸтѸй одъ того, шо вони плюють на огонь.

Не берѸ у ротъ грибиньця, а то плысьнявка нападе.

Якъ выпадѸ у малѸйи дытыны зубъ, такъ йийи учѸть закинuty его на горыще й казѸты: „мышка, мышка! на тоби костяной зубъ, а минѸ дай залѸзный“!

На ГоловосѸка (УсѸкновеніе главы св. Іоанна Предтечи) не варѸють борщѸ й не крышутъ головѸкъ капѸсты и ничѸго не рѸжутъ такого крѸглого, щобъ було похѸже на голову,—це бачъ за-бля того, щобъ не врѸзѸты й собѸ головы ПретѸдчинойи и не дѸлаты цѸго примѸру, бо особлыво капѸста,—вонѸ врѸбѸйецця.

Старі бабы понеділкають: абò жь ничòго не йидять, абò жь йидять, та писнє. Йе й такй, шо пьятинкуютъ: йидять вони разъ у день и то у вєчери.

Пєрвый дзвинь—чортамъ на розгйнь; другий—на збиръ ангеливъ, а трєтий—людямъ на покликъ; отъ тòго и не крєсь-тюцьця тодй, якъ бòвкуть тйко разъ.

Якъ узнаты, колй корòва отєлыцьця? На Мыланки трєба спекты зъ сйромъ пирижòкъ и питы зъ нымъ у зàгороду перєдъ вєчєрею и дывйцьця,—кудй бòде корòва лежаты головòю; якъ шо на всхидъ сòньця,—у раньци бòде, на вьюгъ—о пивъ дни, на сйвирьське—у полудень, на зàхидъ сòньця (западнйй)—ноччу.—Скотына понимй лўчче чоловйка, та тйко не балàка; вòна то й балàка, та тйко у ночй пидъ Риздò и Вєлыкдень.

Цигане на облычьча такй, якймы Богъ создàвъ пєрвыхъ людєй; вони й тепєрь такъ живуть, якъ жилй людє значалу свйта.

Наша жисть—вйтивки.

Осыка прòклята за те, шо на ний повйсывсь Юда.—Осыка згйдлыва и для лйкивъ подòба.—На Сымона Зылота хòдять у лисъ за травòю ти бабкй, шо бабуютъ и лйчуть одъ всякойи всячины людєй и скотыну; трава та то жь згйдлыва, й одъ всякойи бòлисти пособля.

Якъ тйко пєрвистка отєлыцьця, провернй йий правый ригъ, насыпъ туды святòго маку, шòбъ молòшна, бачъ, булà, потимъ хєрувймського ладаньцò, шòбъ ниякий нечйстый не пидчипйвся, и кинєць голки жалòмъ у гòру, шòбъ вйдьму колòла, и тодйще возьмй и забйй осыковымъ килкòмъ изъ кличанья, шòбъ це жь булò до сàмойи йийи смєрты никймъ ненарушйме.

Шòбъ плòдылсь индыки,—хòдять пидъ Стрытынья на рйчку, абò до колòдизя; ну, звйсно жь, опйвночи, и дєржуть ту вòду, шòбъ кропыты нєю иньдюшатъ одъ урòкивъ.—Трєба звязаты новйй нехворощаный вйныкъ и вйместы нымъ трычи у годъ: на Риздò, на Благовйщанья и на Вєлыкдень; а тодй схòваты и держаты за-бля такòйи прыгòды: якъ вйлуплюцьця индыки, абò гусы, такъ отò умочй єгò у помййныцю и покрòпы йихъ нымъ, тодй, бачъ, нхтò вже не зглàзе, а якъ бòдєшъ выганяты зъ двòру на вйгйнь пàсты, тàкъ тымъ же вйныкомъ опьятъ и проганйй йихъ и все бòде горàздъ—благополўшно.—Шòбъ

плодылысь кúры, трéба вѣминяты у старьця десяткѣ яйцѣ и пидсыпаты нѣмы квóчку.—Лучайецця, шо гúска, абò кúрыця зъ яйцѣмъ, а ниякѣ не знесѣцьця цѣлый день, два й три и мóже зъ тóго пропасть; то трéба протягты йийи трычи кругомъ скрízь штаны (у холóшу й вытягаты), и вона тодѣ знесѣцьця. Це лѣхо шо набильшъ трапыцьця зъ усякою птыцёю одъ тóго, якъ йийи глядять (чи зъ яйцѣмъ), та невзначай, бува, повернешъ догоры ногáмы, абò пúзомъ угóру.—Кúрка хвостомъ круте пѣредъ бúрею, абò жъ митѣлью.—Горобци цвириньчать на дощъ. Гусàкъ стоить на одній нозѣ и нисъ ховà у пѣрья, значицьця бúты иньший погоди.—Удодъ на осѣли де бúде довбáты нóсомъ и крычáтyme, то тамъ (у тимъ дворѣ) шось недóбре бúде („Хúдо тутъ! хúдо тутъ!“).

Черезъ порѣгъ не трéба рукы давáты, якъ прощáеься, атò полáетесь.—Силь нывзначай просыпешъ на столѣ, то значить, полáеься зъ кѣмсь.—На вѣворотъ сорóчку, абò шо нѣбудъ надинешъ, тóже бúты який нѣбудъ напасты.—Чóбитъ не на ту нóгу вбúешъ—бúты невдачы.—Якъ перелякáецця чогò дытѣна, такъ трéба скінуты зъ нѣйи сорóчку и надѣты йийи назàдъ пáзухою.—Якъ крѣпко забьѣцьця объ шо дытѣна, такъ трéба на те мѣсце, объ шо бачъ вдáрылось, лынúты холóднойи водыци, шобъ злѣки не напáлы, а до болячого мѣсьця трéба прытулыты мѣдний який нѣбудъ грошъ.—Якъ яка зла собáка тебѣ вкúсе, такъ ты ввырвы абò вѣстрыжи (хочъ и люды це нехàй зрóблють) зъ нѣйи шѣрсты, спалы йийи и прысыпай укúшене мѣсто.—Шобъ не буяцьця мертвецѣ и у ночѣ видъ ёго не жахáцьця, не забúдь (трéба), якъ прѣйдешъ зъ кладовыща, такъ першъ всѣго зàразъ за кóминъ рукою взѣцьця.—Якъ пьешъ горѣлку, такъ не оставляй на дни ничóго, допывай вси стóчки, шобъ булы сыны и дóчки.—Шобъ не булò дитѣй, такъ достають дóброго намѣста (корáллы), трутъ и йидять.—На середокрѣсну дорóгу якъ ззѣидешъ, абò ззѣйдешъ, такъ трéба хрестыцьця, бо тамъ збигáецця тудà вся нѣчисть.—У хáти якъ шо трѣсне, абò лúсне, такъ бúты якийсь прычѣни, звѣстѣю, абò пѣредъ умерúщимъ.

Пѣрвый понедѣлокъ у велѣкѣй пистъ зовѣцьця „жѣловый“,—тодѣ йидать рѣдку.—Якъ йидать кутю, такъ стрѣляють, це на багáтый святвѣчиръ, а якъ провожáють йийи на голóдный святвѣчиръ, такъ бують дрѣокомъ объ ўгилъ глухóйи стѣны.

Якъ великий морозъ, то трѣба нащитаты пивсѣтн лѣсыхъ дидивъ.—Якъ жаба вѣнецьця чоловѣку въ тѣло, такъ йий трѣба одриваты ничѣмъ другѣмъ, якъ ковальськими кліщами.—На 40 мѣчиныкивъ печѣть сорокъ жайворонкивъ.—Малыхъ дѣтей зовѣтъ жайвороночками, голубѣяткомъ й зозулькою.

Де ластивка гнзѣдѣ змѣсте, въ томѣ дворѣ щасѣтя, а якъ розбрышъ ёго, то вона мѣже й спалѣты.

Якъ скотѣна обдымаѣецьця, такъ пышутъ йий на здухахъ хрестѣ дѣгтемъ, даѣють сѣла, сиривцѣю зъ нашатырѣмъ, дѣгтемъ у рѣти мажутъ и, якъ шо одъ цѣго не помѣжецьця, пробываѣють здѣхи ножѣмъ, и отѣ духъ вѣйде, й пишѣвъ тодѣ жѣты.

Воли закидаѣють собѣ хвостѣ на спѣну—бѣты дощѣ.—Ворѣны й галки выграѣють на вѣтеръ.—Дымъ на зѣмлю зъ трубѣ стѣлецьця на сырѣ погоду.

Шобъ торгѣвлю одбѣты одъ другѣхъ, привѣжай до замка тры диркачѣ зъ вѣныка.

Йе такѣ люде и скотѣна, шо не даѣють одъ себѣ плѣду; такъ шобъ давалы,—бѣлы бѣ то плѣдѣчи, трѣба вкрѣсты очкѣръ зъ тыхъ штанивъ, шо скине хто пидъ недѣльлю, й навѣсыты ёго собѣ на шѣю, та такъ и ходѣ; пѣсля цѣго поважчайешъ.—Одъ цѣго жѣ такѣ зберѣаѣють те пшонѣ, шо кашовѣры просыпаѣють на поли, абѣ де нѣбудъ на дорѣзи, вѣрютъ ёго й йидѣть.

Той, комѣ йѣхаты сѣаты, надивѣ на страстѣ новѣ сорѣчку, а, прѣйшовши до дѣму, скидѣ; пѣтимъ надивѣ опѣять цѣю сорѣчку, якъ йдѣ на плащаныцѣю, и, прѣйшовши до дѣму, зновъ скидѣ; тепѣрь въ трѣтьѣе вѣже, надивѣ йий тодѣ, якъ прѣйдецьця йѣхаты на нѣву сѣаты. Якъ шо зрѣбышъ такъ, то й пшѣныця бѣде чѣста, безъ будѣкѣвъ.

На середохрѣсний недѣльли, у сѣреду, бабѣ учинѣаѣють кѣсто, у четвѣрь изъ кѣста лѣплятъ хрестѣ и, въ пѣрвый злѣплиный хрестъ, кладѣтъ якѣй нѣбудъ грошъ; вѣпечѣный цѣй пѣрвый хрестъ однѣсятъ и кладѣтъ у ту пшѣныцѣю, шо будутъ розсѣваты, а якъ настѣне порѣ сѣаты, то до схидѣ сѣнѣця, вѣмѣсѣты зъ пшѣныцѣю, вѣвѣзѣтъ на нѣву й хрестъ; пѣтимъ, прѣйѣхавши, станѣвлюцьця, кладѣтъ хрестъ на зѣмлю на рѣльлѣ, хрѣстюцьця, й, прѣйшовши сѣвѣкъ, вѣнъ отѣ лежѣтъ, тодѣ мѣляцьця Бѣгу, берѣтъ той хрестъ, ламѣаѣють й йидѣтъ, а остѣнѣни хрестѣ тожъ

йидѣть дома домашни ужѣ тоді, якъ прийдуть зъ нѣвы и привезуть вмѣсто хрестѣ грошъ. Грошъ достаецця томѣ погоничевѣ—хлѣпцю, абѣ дѣвчини, хто не проспѣть.—Печѣть хрестѣ зъ грѣшмы й на щасѣтя: напечѣть, и берѣ собѣ жадный по старшинствѣ, комѣ попадѣецця щасѣтя.

Мнѣясо укѣсне бува пѣсля тѣго, у кѣго рука легка; узнаецця цѣ такъ, якъ шо пѣдкидаецця зарѣзана кѣрка, абѣ баранъ, отѣ й дѣбре! а якъ же ни,—то бѣде неукѣсне, хочѣ тетѣ вѣшпурны.—Важка рука дѣлаецця одтѣго, шо шо нѣбудь убывають, а особлѣво скаженѣюку.

Якъ бѣшину собаку, абѣ шо нѣбудь убѣють, такъ те палѣчча абѣ чимъ ты бывѣ, бросаютъ на тимъ мѣсѣти, щобѣ вонѣ не встѣла; а якъ шо хѣченѣ взѣты, такъ трѣба попѣреду вѣсимѣ разѣ скрѣзь огѣнь йийѣ провестѣ, щобѣ очѣстылось.—Якъ убѣту собаку переволочѣшѣ на дрѣге мѣсце, такъ мѣже ожѣты.

Якъ у малѣго дытѣты немѣ на ѣчахъ мѣясѣцѣ, шо чѣсти, бачѣ, бѣдутѣ, то то означѣ, шо дытѣна не вѣростѣ, а вмерѣ.—Якъ бѣде дытѣна собѣю глѣзѣва (сырѣ, важка), то тожѣ умрѣ.—Якъ начнѣть у дытѣны вперѣдѣ у горѣ ростѣ зѣбы, тожѣ вмерѣ.—Якъ хто вмерѣ й дѣвыцѣя однѣмъ ѣкомъ, то вѣ тѣй симѣи щѣ хтѣсь вмерѣ.

Шобѣ не теклѣ зѣ вѣконѣ, трѣба вставлѣты йѣхѣ на пѣсноѣго Йвѣна (Головосѣка).

Якѣй дѣнь бува на Благовѣщенѣя, такѣй бѣде й на Вѣлѣкдѣнь.—На Благовѣщенѣя и Вѣлѣкдѣнь сѣнце грѣйѣ—радѣуецця.

Шобѣ удалѣсь бакшѣ, сѣй у ту пѣятныцѣ, шо пѣсля Вѣлѣкоднѣ (колѣбѣ вонѣ не булѣ).

Градѣ чи малѣу шкѣду рѣбе, а шобѣ ѣгѣ спѣныты, такъ якъ розѣйдецця винѣ, то бабѣ мирѣщѣй нехѣй выкидають зѣ хѣты на двѣрь помѣлѣ, лопѣту (шо хлѣбѣ сажѣютѣ), кочергѣ, чалѣйку й рѣгачѣ, и градѣ увѣймѣецця.

Трѣба запасацѣя страшнѣю свѣчкѣю, шобѣ вонѣ булѣ зѣ двѣнадѣцѣты годѣвъ (12 разѣ шобѣ булѣ на стрѣсты); у кѣгѣ йѣ такѣ свѣчка, такъ той, дѣ схѣчѣ, тамѣ и постѣве собѣ хѣту, й всѣке хѣзѣйство ѣму бѣде йты, й не прѣстанѣ до ѣгѣ нѣйка нѣчѣстѣ; трѣба тѣко, бачѣ, ту страшнѣу свѣчку растѣплюваты у кагѣнчикѣ и обкѣрюваты нѣю всѣ пожѣтки.

На дѣтяхъ не годѣцця ничо́го зашива́ты, а то умъ пришье́цця.—Якъ жѣнка у тя́гости, та бѣде на соби шо зашива́ты, такъ ды́тна бѣде ко́лика.

На Спыридо́на (12 декаб́ря) трѣба трусы́ты я́блунѣ, гру́ши, ду́ли (бармо́ты), ви́шни (я́годы) й те́рень, шо́бъ уро́дылысь.

Шо́бъ бу́лы пло́дючи кѹры, такъ загодо́вуютъ на Но́вый годъ ку́тею, на Хре́щёньѣ то́жъ годѹютъ не́ю й ще й кро́плять свято́ю водо́ю.—Шо́бъ кѹры пло́дылысь: на Но́вый годъ, якъ прѣйду́ть пе́рви посы́пальныки, такъ ты йѣхъ поса́ды на ла́вци, а самъ пи́ды зъ кочерго́ю на си́дало, де куры си́дають, й попу́жай йѣхъ; то́дѣ прѣйды́ въ ха́ту й дай ты́мъ хло́пцямъ, посы́палькамъ, шо́ Богъ посла́въ (гро́шикъ, абò ла́сощивъ—прѣ́ныкъ, канхвѣ́тъ).

Якъ прѣйду́ть зъ вече́рни на голо́дный свѣ́твечиръ, такъ берѹ́ть соки́ру, йду́ть зъ не́ю у садо́къ ляка́ты я́блуки и все те, шо́ йѣ; пи́дѣйде о́це зъ соки́рою до я́блунѣ й намі́рыцця, якъ бѹ́дто руба́ты хо́че, и прыка́зуе:—„якъ бѹ́дешъ рожа́ты, не бѹ́ду й руба́ты; не бѹ́дешъ рожа́ты,—бѹ́ду руба́ты“, та тамъ и цю́кне по нѣй тры́чи—прѣми́ръ зро́бе, то́дѣ йде́ да́ли.

Ти палы́чкѣ, ко́три лежа́тъ на каду́шци зъ водо́ю, шо́ на йѣхъ кла́дуть по́пы хре́сть, якъ свѣ́тять во́ду, такъ на йѣхъ по́зиха́ жа́дный й коло́тяцця за нѣхъ (коло́тне́ча бу́ва не ма́ла), шо́бъ то́мѹ й то́мѹ вѣ́заты, бо якъ ти палочкѣ бѹ́дешъ ми́ты (имѣ́ты), такъ бѣ́жолы йты́мутъ.—Шо́бъ бѣ́жолы водо́дылысь, вѣ́ыва́ють и вы́нима́ють по́тимъ ко́ляку зъ голо́вы Иѣ́рданьска́го хре́ста.

Якъ шо́ до́хле дерѹ́ть но́же́мъ, такъ по у́правци сли́дъ очи́щаты то́й ни́жъ одъ скверно́ты: ё́го тры́чы стромля́ють у зе́млю; тре́тий разъ якъ устро́млять, такъ не вы́йма́ють тры́ часа́, шо́бъ очи́щався одъ всѣ́койи по́гани; а́то, бачъ, якъ не зро́быты це́го, то й незѣ́зй нѣ́мъ бѹ́де ри́заты ны́ мня́са, ны́ хли́ба.

Шо́бъ всѣ́ худо́ба бу́ла здо́рова, такъ розпо́уска́ють ла́данъ й кро́плять йѣ́йи свято́ю водо́ю то́дѣ, якъ вона́ освяща́ецця.

Чо́рного пи́вня ни́якъ не сли́дъ держа́ты у дво́рѣ, бо тамъ, де ви́нъ йѣ, ни́ко́лы не жи́вѹтъ въ со́мыри чо́лови́къ зъ жи́нкою, а все ме́жъ ны́ми распрѣ́.—Шо́бъ ны́шкомъ зро́быты въ я́кий симні́ бѹ́чу ми́жъ чо́лови́комъ и жи́нкою, трѣ́ба понести́ йѣ́мъ ударо́ванну чо́рну кѹры́цю.—На ново́силья, якъ хто до́бро мѹ́се, хо́-

дять зъ хлѣбомъ—силью, а якъ хто ни, то зъ примхамы: дарують грибинѣць и чарку на тарильци; грибинѣць означа не сомырну жисть, чарка—пьянство, а тарилка—нову жисть.

Шо найдешъ на дорози, здря не беры, а першъ перехресты ёго.

Дытына рёдыцьця у сороцьци (зъ мѣстомъ),—означа, шо буде вона багата,—а зъ зубамы,—зла; съ косою ззади—бўты красывий, абò духовного порядку.—Якъ рёдыцьця дытына, такъ ѣе назначають (перве слóво), чимъ бўты: паномъ, хлиборобомъ, купцёмъ.

Якъ посадють хлѣбъ у пичъ, такъ не трѣба дверьмы стукаты, атò паляныци невдали выйдутъ,—осядуть.—Якъ печуть паскѣ, такъ примичають: гярни вдадўцьця, гярна й цѣлый годъ буде жисть, а ни,—бўты плохий.—Паскѣ осидають абò бுவаютъ поробѣни передъ умерўщимъ.

Не тийею ногою (не правою, бачъ) на поригъ або черезъ поригъ ступышъ—бўты бўчи.

Тройицькими святкамы ти баби, у якихъ ѣе корóви, вывертають на себѣ кожухъ, йдуть у загороду до корóвы и лякають йийи за-бля того, щобъ и вона лякала такъ видьму, якъ прыйде йийи дойти.

Гóлу гóлку зъ рукъ неззя такъ браты, а трѣба попередъ уколóты нею.

За обѣдомъ полóжишъ лѣшню лóжку на стилъ—бўты голодному гóстью.—Хто за кутѣю, якъ йистыметъ, чхне, такъ буде во всимъ щасливый и багатый.

Якъ спўстыцьця надъ тобою маненький павучóкъ, ти ёго задавишъ,—буде гость, а якъ же ни,—буде письмо, абò якѣ звѣстие.

На Стритенья зимà зъ лѣтомъ стриваецьця.

На Анныно Зачаття (9 декабря) вовки зачинають бѣгаты тѣчкамы, а на Хрещенья бросаютъ.—Якъ сўка изъ тѣчки не кѣнецьця, то й вовкѣ—ни одынъ й не подывыцьця на того, хто по-бля йихъ пройжджа, абò прохòде.—Скѣко недѣль Риздвяного мясойѣду, стѣко й вовкѣвъ самцѣвъ буде за вовчихою бѣгаты.—Жадка вовчиха за всю свою жисть одынъ тѣки разъ привòде (выплóжуетъ) вовченятъ, а бильшъ ужѣ—ни, це якъ бы вона що году йихъ водыла бѣ, то йихъ бы булò стѣко, якъ тепѣрь у насъ собакъ.

Гадюка якъ наведѣ гадючиняѣ, то вѣзьме ѣ обивѣецѣя зѣ нѣмы на сущѣ (сукѣ) ѣ начнѣ ѣихѣ ѣисты и отѣ, кѣтре впадѣ, втичѣ, те тѣко ѣ зостаѣецѣя жѣты, а то, якъ бы вонѣ цѣгѣ не робѣла, хибѣ бѣ ѣихѣ стѣко бѣло бѣ?

Все це такъ Богъ давъ, а прѣйдуть временѣ, шо всѣгѣ на-мнѣжицѣя,— ѣ дзвѣру, и людѣй,—и дзвирѣ дзвѣра бѣде, ѣисты, а людѣ людѣй“.

Пѣсни. Приспѣва дѣтямъ бля колыски:

„Ой, ну-ну, скѣрва кѣцю,
Шкодѣ ходѣть по водѣцю.
Шкодѣ ходѣть по водѣцю,
Бо юнадѣшь у крейнѣцю.

Ийшла кѣця по водѣцю
Та ѣ юпѣла у крейнѣцю,
Крычѣть тодѣ репетѣе,
Ѣ нхтѣ ѣийѣ не ратѣе.

Зачѣувъ кѣтыкъ, вѣбигъ зѣ хѣты,
Пишѣвъ кѣцю вытягѣты.

Пишѣвъ кѣцю вытягѣты
Та ѣ вѣтягъ за вѣши.

Ой, вѣтягъ за вѣши (за вѣхо),
Постѣавывъ на сѣши (на сѣхо).
Обтрусѣлась зѣ водѣ кѣця
Та ѣ стѣла весѣла.

Сушѣсь, сушѣсь, моя кѣця,
Ѣ пидѣ изѣ сѣла.

Пидѣ я скризѣ долѣною,
Ззорѣ нѣву тернѣною.

Ззорѣ нѣву тернѣною,
Мѣтирку посѣю.

Мѣлось бѣты бѣ маттѣроцѣи
Ѣ уродѣвсь лисѣчокъ,

Ѣ уродѣвсь лисѣчекъ,
Порѣсь лопушѣчокъ;
А ѣ пидѣ ѣ ю лисѣкъ (-сѣчокъ)
Та ѣ вѣрижу лопушокъ (-шѣчокъ)

* *

„Э... э... люлѣчки,
Шовкѣвийѣ вервѣчки,
Мѣлевѣни (золотѣийѣ) бѣльцѣ
Пишлѣ до Кирѣльцѣ.

Та ѣ вѣрижу лопушѣкъ (-шѣ-
чокъ)

Та ѣ пошѣю кожушѣкъ (-шѣ-
чокъ)

Та ѣ надѣну на кѣцинѣкѣ;
А зѣ кѣцинѣки знѣты.

А зѣ кѣцинѣки знѣты

Та (Марѣси) дѣты.

Бѣдемъ, дѣню, укривѣть (-ѣты).
Шобъ теплѣнько бѣло спѣть
(-ѣты).

А (Марѣся) манѣсѣнька,
Вонѣ спѣтки радѣсѣнька,
Вонѣ бѣде мѣвчѣки спѣть
Та ѣ не бѣде плѣкать.

Бодѣй спѣла ѣ не плѣкала,
Бодѣй рослѣ ѣ не хворѣла.
Бодѣй рослѣ ѣ не хворѣла,
Симѣй щѣсьѣ спѣдобѣла.

Лѣцѣмъ бѣла, сѣрдцѣмъ щѣра,
Ѣий кѣсточѣки у рѣсточѣки.....
Кѣстры грѣють, выгравѣють,
Нѣньку зѣ хѣты выгѣняють.

Пишлѣ нѣнька, тынѣючи,
Пидѣ вѣконѣю пытѣючи,
Тѣмъ, де хѣтка ѣе теплѣнька,
Де дѣтына ѣе манѣнька“.

*

Шѣ Кирѣлецъ рѣбе?

Винъ пѣсьмонѣка пѣше.

Винъ пѣсьмонѣка пѣше,

Дѣтыну колѣше“.

„Э... э... Тылѣшику,
Звары мині кулѣшику
Зъ ручіцями, зъ ножіцями,

„Коту сірый, коту білый
Не ходы по хати,
Не цокоты чобиткамы

„Э... э... люлі котусю,
Займы нашу телусю
Ой, вы, хлопці, хлопьята,
Де вы паслы телята?
На поповий толочи,
А тамъ травы по боци.
Кинь бижить, трава шумѣть,

„Э... э... коту, котку,
Не лизь на колѣдку,
Не лизь на колѣдку,
Розібьешъ головку.

Головка буде болѣть,
Ничимъ ийи завертѣть.
Одна була хустына,
Та й ту вкрала дивчина.

„О—ой коту, коточокъ,
Укравъ котыкъ клубочокъ
Та й пишовъ до Гали,
Положивъ на лави.
Стала Галья быты,
Стала котъ вчиты:
Не вчись, коту, красты,
Цурайсь одъ напасты.
Та вчися робыты,
Черевычки шты—
Й чѹлочки (пончохи) зъ мачѹлочки

„Баю, баю, люли,
А кѹтыку дѹли,

Изъ білымы плечіцями,
Изъ карымы очіцями“.

Й незбуды дытѣты.
Вонд ище манесеньке
И спатоньки радесеньке“.

Пидъ тымъ конѣмъ козакъ
лежить
Порубаный, поцюканный
Ще й дрѹтыкомъ поштрикан-
ный (2 раза).
И писѹчкомъ прысыпанный.
Одъ сѹнечка погорѣвъ,
Одъ витроньку почорнивъ“.

На куклы подрала
Кукѹль наробыла, (2 раза)
Котъ оженыла,
Дивчѣть подражныла.
Въ печи затопыла, (2 раза)
Куклы попалыла,

А котѹви-воркотѹви
Гѹлову набыла“.

Й черевычки зъ бабачкѣ
Якъ выйду! я въ ныхъ на
вѹлицю
(Шобъ пишла я на вѹлицю),
Та й удѣрю трепачкѣ.
(Та й вдѣрыла бѣ трепачкѣ).
Хлопци бѹдутъ въ скрыбкѣ
грѣты,
(Балабайнымъ бѹде грѣты),
Вытребѣньки вытивѣты“.

А (Панасу) калачи.
Шобъ спавъ у дѣнь и въ ночѣ.

А въ въ ночи—на печѣ,
А въ раны—на лавѣ.
Враны—на лавѣ,
А въ день—уколись.

*

*

„Колысочка хитъ,—хитъ
А (Панасыкъ) спыть—спыть
Колысочка хитнѣлася,
(Панасыку) хикнѣлося.

*

*

„Э... э... мамко,
Пошй (Ивѣнцѣ) люлькѣ.
Изъ бѣлого шовку;
А я пидѣ на войнѣ.

Посватаю попивну,
А попивна нѣжна,
Черезъ тынокъ лѣзла;
Тынь (плетень) повалѣла,
Телятко прыбѣла.
Телятко ревнѣло,
Собаки брехнѣли,
А люды почѣли.

*

*

„Люли, люли, люли,
Налѣнулы гѣли
Та й сѣлы на люли.
Цѣйте, гѣли, не гудѣть,
Малыхъ дѣтокъ не будѣть.
Малыхъ дѣтей не будѣть
Та й по хѣти не ходѣть,
Буркѣтыки не бурчѣть.
Бѣде, гѣли, вамъ гудѣть,

*

*

„Эй, тѣры, тѣры, тѣры,
Пишлы кѣры на шабтѣры

*

*

„Летѣвъ шпакъ черѣзъ макъ
Темнѣнкойи нѣчи,
Уморѣвся, тай прысѣвъ
И заплѣщѣвъ ѣчи.

А въ вѣчери—у синѣхъ,
На пухѣвыхъ подушкѣхъ.
Мѣты бѣде спывѣты,
(Панасыка) годѣваты“.

Ворѣточка скрыпъ-скрыпъ,
А (Панасыкъ) спыть-спыть.
Ворѣточка вклякнѣлыся,
(Панасыки) проснѣлыся“.

*

*

Попѣви сказѣлы,
А пипъ зѣ пѣчи
И вѣбывъ собѣ плѣчи,
А попадѣ зѣ грѣбы

Та й вѣбыла грѣды,
А дячѣкъ зѣ хѣжки
Та й розгубѣвъ кнѣжки,
Пономѣрь зѣ полѣци

Покрѣвъ полянѣци,
А нѣймычка зѣ подушѣкъ
И наварѣла галѣшѣкъ“.

*

*

Возмѣтъ собѣ й пометѣтъ
Возмѣтъ собѣ й полетѣтъ,
Нѣшнѣцъ (Ивѣнцѣ) прине-
сѣтъ,

А (Ванѣчѣкъ) манѣсенѣкий
И винъ спѣтки радѣсенѣкий.
Э... э... гѣли, гѣли
Не ходѣтъ по хѣти,
Не збудѣтъ дытѣты.“

*

*

Воробѣйко помѣрь,
Ѣмѣ вѣчный покѣй“.

*

*

А за нѣмъ-сорѣка
Та щѣ й билѣбѣка
И летѣтъ, скрѣкотѣтъ
И цѣкѣче, скрѣкѣче;

Вона дітокъ зовє
Й иймъ йистки несє.
Скро-ко-кò, скро-ко-кò!
Несу діткамъ молоко.

Злитайтесь, мойі дітки,
Пóрхайте зъ калыни.
Несу я вамъ у кубельце
Яéчокъ рядénце“.

Когда дитя начинаетъ узнавать свою маму, то она, утѣша-
ясь имъ, кладетъ его на подушку и водить рукой—„ладóнею“
сверху внизъ, отъ груди и кончаетъ ступнями ногъ. При этомъ
массажъ она не то поётъ, не то приговариваетъ:

„Потягуси, потягуси,
На (Гáлю) ростуси,
Шобъ (Гáлочка) рóсла,
Росла—выростáла,
Шобъ (Гáлочка) своййй мáмци

Скорийшъ въ помичъ стáла.
(Въ помичъ мáмци стáла).
У помочи стáла,
Дитòкъ колыхала
И хáту доглядáла“.

* * *

„Потягуси, потягуси,
На (Тышу) ростуси,
Щобъ (Тышечка) рисъ-порисъ,
Кохавсь на свободи,—
Мижъ конямы, табунáмы
На степу ширóкимъ,

Бувъ бы дóбрымъ козакòмъ
Й войкою смíлымъ.
Щобъ (Тышечка) не лякáвсь
Ни людéй, ни дзвiру.
Й не оддавъ бе на войнi
Туркамъ свою вiру“

Якъ чукикають, приказують:

Ой, чукъ, дóчко,
Моя пáнночка,
Безпридáнночка:
Не за Сáвку дочку,

Не за Мáрка дочку,
Ни за кóго дочку
Свою пáнночку,
Безпридáнночку.

* * *

„Ой чукъ, чукъ, чукъ!
Наловивъ дидъ щукъ,
А бабúся плиточòкъ
Годувáты диточòкъ,

А бабúся карáсикивъ
Годувáты Тарáсыкивъ,
А бабúся скуньцивъ
Годувáты молодьцивъ“.

* * *

„Ой чукъ, хлóпци,
(Ой такъ, хлóпци),
Малы (мойй) запорóжци!
Насiяли жiта въ корóбци,
Постáвылы въ кóпки
Та й вдáрылы въ гóпки.
Ой гопъ,—гопáкà!
Полюбýла казакà!...
Ой гóпъ,—гопáкъ!

Любывъ дiвку козакъ;
Любывъ йийи, шанувáвъ,
Подарúночки давáвъ.
Ой чукъ, черевикъ,
Тай набóкуватый,
Ой, набóкуватый,
Прыторóкуватый!“

„Ой чукъ—чукалочки, Ийде Сыдиръ на палочки, А Омелько на скрапляхъ	* * *	У червоныхъ чобиткахъ, А Маруся на тилижки Щовкае орешки“.
--	-------	--

„Чукъ, чукъ—чукалочки! Пошивъ батько жупаночки.	* * *	И пошивъ и надивъ, И на доцю поглядивъ“.
--	-------	---

„Ой такъ, наши Наварылы квашы (каши)	* * *	У во парнимъ горшкѹ Та й на донычку“.
---	-------	--

„Ой чукѹ, чукѹ, чукѹ, Побылыся барчукѹ. За якую прычину?“	* * *	За дивчину красыву. За якую за бѣду? За дѣвочку (дивчину) мо- лоду“.
---	-------	---

Первые дѣтскіе уроки. Мать, глядя въ глазки дитяти, скоро наскоро ворочаетъ своею головою слѣва направо, приговаривая:

„Тѹри, тѹрки, тѹрки“!

Дитя очень скоро воспринимаетъ этотъ первый урокъ и при словѣ „тѹрки“, начинаетъ мотать головою.—Дитя капризничаетъ, мать прибѣгаетъ къ „туркамъ“, и оно, забывъ свое настроеніе, утираетъ слѣзы кулакомъ и исполняетъ это подъ машинальный выговоръ матери: „турки, турки“...

Ударяя ладонь о ладонь, приговариваютъ:

„Ладки, ладки (ладушки, ладуш- А де булы? [ки), — „Въ бабки“. (Въ бабушки). А шо йлы? — „Кашку“. А шо пылы?“	— „Бражку“. Кашку пойлы, Бражку по пылы, Самы полетѣлы Тай гуль, гуль, гуль, гуль На головку сілы.—
---	--

При этомъ на голову накладываются руки.

„А ну, якъ бабу морозъ даве“? На этотъ вопросъ дитя сжимаетъ оба кулачка и давить ихъ изо всей силы, причемъ и самъ трясется.

На лѣвую руку плюютъ, а потомъ приговариваютъ, указывая на ладонь указательнымъ пальцемъ правой руки:

„Сорока, ворона
На прыпичку сидѣла,
Дѣткамъ кашку варила“?

Затѣмъ, перебирая пальцы на лѣвой рукѣ отъ мизинца, говорятъ:

„Цѣмѹ дамъ, цѣмѹ дамъ,
Цѣмѹ дамъ, цѣмѹ дамъ.“

Дойдя же до большого, присказываютъ:

„А цѣмѹ не дамъ: Цей быщманъ, Винъ болванъ: Дровъ (дривецъ) не рубавъ, Воды не носивъ,	Въ печѣ не топивъ, Кашѣ не варивъ, Дѣтокъ не кормивъ,— Цуръ ѣмѹ,—пекъ“!
--	--

Ударяя кулакомъ о пятку ноги, приговариваютъ:

1) „Ковалѣкъ, ковалѣкъ, Пидкѹй чобитокъ! —Давай, пане, грѣши“.	А я тобѣ, ковалѣкъ, Дамъ за тѣе пятачокъ. —Я не хѣчу кувать:
2) „Ковалѣкъ, ковалѣкъ, Пидкѹй чобитокъ,	Въ мене рѹчки булять“.

Взявъ дитя за уши, слегка въ тактъ пѣсенки поворачиваютъ его голову то направо, то налево, присказывая:

„Зайчику, зайчику, Де ты бувавъ? —„У млынѣй, у млынѣй“. Що жъ ты выдавъ? — —„Симъ мишкѣвъ орѣшкѣвъ“. Чомѹ жъ ты не вкравъ? —„Позбѣгались мальчики, Та й побѣлы пальчики...“	Бѣлы менѣ й кравчики, Золотѣйи пальчики. А (такъ) я взявъ та й утѣкъ, Та чѣрезъ попѣвъ тѣкъ, Та й пѣятки попѣкъ, Та чѣрезъ колѣду Й шувбѣвхъ (шувбѣвхнѹвъ) у водѹ“.
--	--

Мать садится на „лаву“, ставитъ дитя на ноги и, то подымая вверхъ, то подымая внизъ, качаетъ подъ тактъ пѣсенки:

„Хѣти, хѣти, А кѣныки въ жѣти,	Та й нѣкому вѣтнаты, Тѣко Мыкѣты“.
-----------------------------------	---------------------------------------

Мать, желая выучить свое дитя прыгать на одной ногѣ, употребляетъ слѣдующее:

Дитя: „Мама, дай хлѣба“! Мать: „А поскачи дѣда“.

Мальчикъ становится на одну ногу, прыгаетъ и поѣтъ:

„Скачѹ, скачѹ дѣда За скибочку хлѣба.	Я не дѹрно скачѹ, А я йѣсты хочѹ“.
--	---------------------------------------

Мать полна довольства, рѣжетъ „окраѣчикъ“ хлѣба и даѣтъ.

„Мамо, дай водѣй! —„Пидѣ до вербѣй“. А вербѣ де?	—„Тамъ, де водѣй“. А водѣ де? —„Тамъ, де вербѣй“.
--	---

Мать или отецъ, развивая свое дитя, учитъ его понимать и

разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно.—„Говоры, сынѡкъ, за мною: „и я“,—шо бѣ я ни сказавъ“.

„Я пойду въ лись.“

—„И я“.

Вырубаю дѣба.

—„И я“.

Выдовбаю чѡвень.

—„И я“.

Накладу я пѡвень.

—„И я“.

Свѣни бѣдутъ йисты.

—„И я“.

Послѣ этого раздаётся смѣхъ, и мальчикъ или дѣвочка до тѣхъ поръ упражняется въ этомъ, пока пойметъ, что здѣсь приводится сравненіе съ свиньей.

Дѣти, радуясь первому майскому дождю, приговариваютъ:

„Дѡщикѣ, дѡщикѣ,
Прыпусты, прыпусты

Та на нѡши капусты!..

Видромъ, цебрѡмъ, видѣрцемъ
цебѣрцемъ“!

Когда дѣти замѣтятъ, что ихъ родители предвидятъ въ частыхъ дождяхъ вредъ для травъ, хлѣба и овощей, то поютъ:

„Дѡщикѣ, дѡщикѣ,
Перестанъ, перестанъ,
Мы пойдемъ у Ёрданъ,—

У Ёрданъ, у Ёрданъ

Бѡгу помольщя,

Хрыстѣ поклонщя“.

Народная поэзія.

„Казавъ панъ: козѣ дамъ,
Та ще й зъ чѡрнымъ козынямъ;
Пишла козку дойти,
Крутѣ кашу варѣти.
Ни то каша, ни кулишъ...“

Прыйды, сѣрце, Тымѣшъ!

Й дождалыся Тымѣша.

Прыйсь Тымѣшъ хлѣбъ та
книшъ, (2 раза).

Та й побылысь за кулишъ“.

* *

„Ишѡвъ пастѣхъ долыною
За своѣю скотѣною.
Скаче винъ—поскаче:
Шось бля шляху баче:“

Хѡдятъ свѣни по долыни

У серебряный щетѣни,

А за нѣмы старѣй дидъ,

Томѣ дѣду сѡрокъ литъ“.

* *

„Тра-та-тѣ, тра-та-тѣ.
Сѣла бѣба на котѣ,
Пойихала до попѣ;
А попѡви дѡчки
Шѣютъ чѡбитѡчки.
Одна кѡса, дрѣга бѡса,
Трѣтѣ безъ сорѡчки.“

Шѣютъ вѡнѣ пошивѣютъ,

На кѡтыка примѣряютъ.

А кѡтикъ не хѡче

Йзъ горы шурхѣты.

Стий, кѡту, не бижи,

Скажѣ тоби ремезѣ“.

„Су-ду-дѹ, су-ду-дѹ! (О-ду-ду!)
 Сыдыть голубъ (воронъ) на дубѹ,
 Выгравайе у трубѹ;
 Труба ёго точоная,
 Позолоченная.
 Прилѣтило тры сыныци
 То жъ мойи сестрици.
 На помѣсти жили,

„Ой, тату нашъ, тату,
 Сидай на лопату,
 Понесѣмъ за хату:
 Тамъ нашъ панъ-Деревянъ

„Лапотъ хѣде, кисиль топча.
 Ти, кисилѹ, кисилѹ,
 Прысувайся блыжче,

„Гулькѹ! шось въ лѣси гукѹ.
 То сынъ бѣтка шукѹ.
 „Ой, тату, мий тату!
 Гуля дѣма маты,
 Ше й зъ тымъ козакамы,
 Що въ ихъ шапки бокамы.
 Ходѣмъ, тату, додѣму:

„Бижѣ, бижѣ, коню,
 Потупай ногою,
 Потупай ногою
 До тѣтки до Варьки,

„А въ нашой Насти
 Черевѣчки красны,
 А въ нашой Марусѣны
 По чотѣри подушѣны,

„Отворѣйте ворота,
 Йде панъ сыротѹ
 Безъ сорѣчки, безъ штанивъ,
 Пѣвна торба сухарѣвъ.
 Безъ волѣсья, безъ зубѣвъ

Трехъ сынѣвъ привелѣ
 Й Стыцкѹ и Грыцкѹ,
 Трѣтий сынъ бувъ Максѣмъ.
 Ти сынѣ подрослѣ,
 Та й на Динѣ пишлѣ.
 Цѣберъ мѣду купувалѣ,
 За чубъ бѣтка водѣлѣ“.

Колѣса дубѣви,
 Сучка рябѣнка,
 Свинѹ молодѣнка“.

Бѣдемъ тебѣ йисты
 На гарѣчимъ мѣсьти“.

Пропѣ маты худѣбу:
 Сучку рябѣнку,
 Й свинѹ молодѣнку,
 Й курѣчку рябѣсенку,
 Й пѣвныка спивакѹ,
 Й колѣсо новѣсенкѣ
 Й (ще й) конька тупакѹ“.

А у тѣтки въ Варьки
 Прысмѣлены лѣпки:
 Я якъ сивъ и прыкипѣвъ
 Й вечерѣть не схотѣвъ“.

Ще й пѣята манѣнка,
 Й сама молодѣнка,
 А шѣсте рядѣнце
 Прикрѣть моѣ сѣрце“.

И на пѣци невѣдалый.
 Що ни скѣже то й свѣстѣтъ,
 Що ни пѣде, то й репѣтъ,
 А очѣма такъ й сѣе,
 Якъ жѣба у маѣ“.

„Господы, помылуй!
Дидь бабу покинувъ,

Солѳмкою прытрусывъ
Щобъ комарыкъ не вкусывъ“.

„Бондарыку, бондарыку,
Набый минй бѳчку,
А я тобй, бондарыку,
Пошию сорѳчку.

Вдйну й стрйчечку красненьку
Шобъ тобй вгодыты.

Сорѳчечку новесеньку
Сама бѳду шйты.

Сыдыть москаль, круте вусы,
Та шось собй мѳсе,
Сыдыть собй у кутѳчку,
Пидтыкавъ сорѳчку“.

„Бовъ—дзелень, Савка вмеръ,

Прыйшѳвъ пипъ—Савка втикъ“.

„Бовъ—дзелень, Савка вмеръ,
Положйлы Савку
На дубѳву лавку.
Лавка трищйть, гнѳцця,

А Савка смиѳцця.
Пѳки зряхався пипъ,
Савка зъ хаты утыкъ“.

„Запряжѳ я свынѳ въ дрѳжки
Та й поййду до Явдѳшки,
А Явдѳшка дѳбра бѳде,—
Горйлочки роздобѳде.

И рогѳзу не набрала,
Й свынй визъ поламала.

Запряжѳ я свынѳ въ визъ
Та й поййду по рогйзъ,

Ой, посйявъ Семѳнъ грѳчку
На дубѳ—звершѳчку.
Де не взяласъ штѳря—бѳря
Й Семѳнову грѳчку здѳла“.

„Ййде Семѳнъ на козй
(Хляпѳтка ййде на козй)
У сйнѳму картузй,
Й нема палыцйвъ на нозй.

Ёгѳ козѳ поносйла,
Повозчйну разтрусйла,
Та й послйдни (ѳмѳ) палыци
На ногѳхъ побыла“.

„Савка-булавка
Злизъ на лавку,
Покотйвъ бѳлку
Та й вбывъ кѳрку.

Побйгъ на тикъ
И ййй поволикъ.
Волочйвъ-волочйвъ
Та й у борщъ умочйвъ“.

„Чѳмъ я парѳнъ не хорошъ?
Чи я рѳстомъ не дорѳсъ?
Чи не рѳблена хата?
Чи не люблыть дивчѳта?

—А ты рыжий, якъ собѳка,
Нѳги въ тѳбе, якъ у рака,
Станъ у тѳбе, якъ у бабы,
Й ѳчи въ тѳбе, якъ у жабы“.

„Москóвка ряба
 Пойихала по дровà
 Й зустріла попà.
 Ой, мий батюшка!...
 Та й не доказàла.
 Зачепылася за пенёкъ
 Й простóяла весь денёкъ.
 Напрàвила все на ладъ

Й стàла йихаты назàдъ;
 А пидтóки обвалылысь,
 И колéса скрыплàть,—
 А собàки то зачúлы
 Й позбигàлысь изъ двори́въ,
 Бижàть слíдомъ, скавучàть:
 Дúмки—везúть поросàть“.

Игры. Дѣти при игрѣ въ жмурки—„кúзьмарки“ выдѣляютъ изъ среды своей одного, который бы „жмурівся“, такъ: одинъ изъ нихъ, указывая пальцемъ по порядку на каждого, декламируетъ какіе нибудь сложенные для этого немудрые стихи такъ, какъ они дѣлятся по плавности и размѣру стиха, причемъ, если придется на кого послѣднѣе такое дѣленіе, то тотъ и „жмурится“, а остальные прячутся—„ховàюцьця“.

Писни за-бля щóту у „кúзьмарки“:

„Коты́лася тóрба
 Зъ высóкого гóрба,
 А въ тий тóрби

Кны́шъ, паляны́ця.
 Кому́ прыпадéцьця
 Той бúде жмуры́цьця“.

„Коты́лося яблочко,
 Въ огорóдъ, въ огорóдъ.
 Хто взявъ яблúчко?
 —Войивóдъ, войивóдъ.
 Войивóдова женà

Породы́ла тры сына—
 Й попà, и дýка,
 Й серéбренны́ка.
 Дзéнь-брызь,
 Выйшовъ князь“!

„Тàня, бàня,
 Шо пидъ нàмы?
 Стúльчикъ, мàльчикъ,

Самъ корóльчикъ,
 Дзéнь-брызь,
 Выйшовъ князь“.

„Ты, кúколка, ты манéнька,
 Почомú ты не булà?
 —Буýлася воркунà.
 Воркунóвы дítы

Хотíлы летítы...
 Щóтки рибьётки,
 Нóжници хлопъ“.

„Йишлà бàня изъ-за дàня,
 Рýсу-кóсу держàла
 Й на Бóга прохàла...
 А нашъ панъ копытàнь
 Симъ кóней попúтавъ

Серебрòмъ и злóтомъ,
 Пàньскимъ дрóтомъ
 Ты не вíньчана
 Не ходы по замкàмъ,
 Кисточку-листочку кинь“!

„Одѣнчики первѣнчики По сорокѣ струнокъ. Струнка лепѣтка, Таковѣ—солѣмка. Тикѣ токовѣй!...	* * *	Бѣже, убѣй И Ярѣму небирѣму, Чувбѣукѣ, башмакѣ; Райдывѣоно, вѣйды вонѣ“.
„Акинѣ бѣкинѣ Самѣ вершѣнѣ. Грыкинѣ бѣкинѣ	* * *	Петербѣургѣ. Арбунѣ хѣрынѣ Вѣронѣ дашѣ“!
„Энѣки бѣнѣки Бейкасѣ. Лѣшкѣ плѣшкѣ	* * *	Тайрасѣ. Шѣйинѣ-вѣйинѣ Прѣчи рѣссѣ“!
„Адомѣ-падѣомѣ Самѣ маршѣнѣ Ушкинѣ вѣшинѣ	* * *	Петербѣургѣ. Арынѣ мѣрынѣ, Вѣронѣ дашѣ“.
„Катерѣна квѣчка На мѣре впѣла, (2 раза) Цѣрква стѣла. А вѣ тѣй цѣрквѣ	* * *	Сынѣ Мѣкѣола Грамотѣ пышѣ, Вѣажко дѣше. Адѣомѣ-падѣомѣ-дѣхѣ“!
„Пѣявко-зозѣлька, Щѣбѣче голѣбка. Катерѣна матерѣна	* * *	Не винѣчайѣецѣя. Кѣстонѣнка прѣвдонѣнка лѣнѣ“!
„Однѣоко-подвѣоко, По трѣте-рыпѣте, По пѣяте—щѣкатѣ.	* * *	Щѣокѣнѣ вѣронѣ Два рублѣй и хрѣстѣатѣй грѣшѣ“.

Кладѣтся дѣска на колоду (отрубѣоко отѣ дерева) и на еѣ двѣхѣ
противѣоположнѣхѣ концѣхѣ садѣются по мальчикѣу, перевѣвши-
вають однѣнѣ другѣого и поѣютѣ:

„Перѣвѣаги, вѣаги! Дѣай, дѣиду, брѣаги, А мѣ тобѣй калачѣй, Щѣ и посѣадышѣ на печѣй.	А не дасѣй, расхѣтаѣйемѣ И всѣ кѣсточкѣй поламѣаѣемѣ, Бѣудѣшѣ чѣй тодѣй сѣдытѣй На увѣдѣсѣ двѣрь сѣротѣитѣй“.
---	--

Двѣое изѣ дѣѣтей, взявшѣсь за руки, выбѣиваютѣ ногами такѣтѣ
подѣ такую „склѣадку“:

„Дрибѹ, дрибѹ, дрибѹшечки,—
 Найилися галѹшечки.
 Гей, гей до воды,—
 Найилися лободѹ.
 Гей, гей въ очерѣть—

Тѹта й бѹдемъ вечерѣть.
 Хто насъ станѣ повирѣть
 (—ты)?
 До смеркѹ бѹдемъ гулять
 (—ляты)“!

Игра въ „робакѹ“ или „хрѣщика“ (въ горѣлки).—Выходятъ двое на одного на условленномъ разстоянїи и спрашиваютъ:

„Робѹку, робѹку,
 Чи влѹвышь изгѹку?“

—„Побижйшь та й взѹййшь“.

Или такъ:

„Блохѹ, блохѹ, чи ты дуже
 лыхѹ?“

—„Якѹ укусѹ, такѹ знѹты-
 мешъ“!

* * *

Для игры въ „гѹсочки“ избираются одна „мѹтка“ (дѣвушка), два „вовкѹ“ (мальчики) и пастухъ или пастушка съ гѹсятами. Гѹси садятся на землю или лазають, щиплють руками траву и поють (поѣтъ это и одна пастушка):

„Ирвѹ, ирвѹ оришички,
 Не боѹсь вѹвка и (ни) трѹшечки.
 А вѹвкѹ за гороѹ,

А я (мы) за другоѹ.
 Той вѹвкѹ въ кожѹхъ-пѹни,
 А я (мы) въ шарахвѹни“.

Мѹтка, выслушавъ пѣсню, говоритъ: „Гѹсы додѹму!“—„Чогѹ“? „Вѹвкѹ за гороѹ“!—„Шо винъ тамъ рѹбе“?—„Гѹску скубѣ“.—„Чиѹ та чиѹ“?—„Пѹпѹву та дякѹву,—гѹсы додѹму“!...

Гѹси бѣгутъ по направленїю къ „мѹткѣ“; волки ловяють, или одинъ изъ нихъ ловить, а другой какъ бы гдѣ за гороѹ „скубѣ гѹску пѹпѹву та дякѹву“; мѹтка же старается въ это время охраняють. Гѹси отправляются „мѹткою“ пастись до тѣхъ поръ, пока волкѹ переловить ихъ всѣхъ. Тогда „мѹтка“, обходя волчью берлогу вмѣстѣ съ пастушкою, спрашиваетъ: „Здорѹвъ“!—„Здорѹвъ“ (волки стоятъ одинъ впереди, а другой, который меньше наловилъ, сзади его).—„Чи не бѹчили вы тутъ нѹшихъ гѹсѣй“?—„А якй вѹши гѹсы“?—„Сирѣньки, билѣньки, мурѣньки“ (гѹси стоятъ въ это время, наклоня голову книзу, и прислушиваются).—„Ни, не бѹчили. Сирѣньки побѣгли по сирѣнький дорѹзи, билѣньки—по билѣнький, а мурѣньки—по мурѣнький“.—Мѹтка, пропрыгавъ немного на одной ногѣ въ одну, другую и третью сторону, возвращается и начинаетъ обходить кругомъ волчьяго городка; волкѹ злится: „вернѣсь, кумѹ“! (въ это время гѹси

даютъ знать о своемъ присутствіи: стучать ногами и кричать: „гиль, гиль“.—„А це шо у васъ за гусы“?—„Це на́ши“.—„Ни, мойй.“—„Ни, на́ши“.—„Ни, мойй“.—Волкъ, какъ бы въ доказательство, беретъ горсть земли и сыплеть её, какъ сыплють гусямъ кормъ. Гуси, въ виду матки и пастушки, начинаютъ плевать на него: „тху! тху“!—Беретъ потомъ горсть земли matka и продѣлываетъ также. Гуси поднимаютъ вверхъ головы, узнаютъ свою „матку“ и кричатъ: „нямъ! нямъ! нямъ“! Посрамленный волкъ убѣгаетъ, а matka съ пастушкою уводятъ съ собою гусей.

Игра въ „горобця“.—Играющіе, побравшись за руки, составляютъ кругъ и поютъ („горобецъ“ въ это время ходитъ кругомъ города):

„Царю, сыну, горобецъ, Кругомъ города ходывъ.		Царю, сыну, горобецъ, Та й городъ уступывъ“.
--	--	---

„Горобецъ“ входитъ въ городъ.

„Царю, сыну, горобецъ, „Горобецъ“ кланяется.		Поклонись низенько“.
---	--	----------------------

„Царю, сыну, горобецъ, „Горобецъ“ цѣлуетъ кого нибудь изъ играющихъ.		Поцилуйсь зъ мыленькою (зъ мылымъ)“.
---	--	--------------------------------------

Затѣмъ поцѣлованный „горобцемъ“ выполняетъ игру „горобця“, а тотъ замѣняетъ его мѣсто.

Игра въ „ворона“.—Въ этой игрѣ одинъ изъ играющихъ мальчикъ беретъ палочку, садится и начинаетъ рыть яму; это и будетъ „воронъ“; дѣвочка изображаетъ изъ себя „матку“, которая, поставивъ сзади себя гуськомъ по росту дѣтей, подходитъ съ ними къ „ворону“ и спрашиваетъ:

— Шо ты робышь?—„Яму копаю“.

— На шо (на вищо)?—„Пичку зроблю“.

— На що?—„Окрипецъ буду грѣты“.

— На що?—„Твойимъ дѣтямъ очи залываты“.

— На що?—„Щобъ у горобецъ не лазылы“.

— А якый у тебе огородецъ?—„Отакый, (поднимаетъ руку вверхъ) до неба“!...—„А у мене оттакисенькій (наклоняется къ землѣ и показываетъ вышину въ четверть аршина), обгорóженный терныною й шипчыною, то й то не ла-

зють“. Воронъ, засматривая съ той и другой стороны матки на конецъ протянувшихся лентою дѣтей, говоритъ:—„Кинѣць, йісты хѳчу!—„Пиды собі погрызы на дубови кору“.—„Сучий хвистъ, кобыляча голова“! При этомъ восклицаніи воронъ старается оторвать себѣ крайняго съ конца, а matka, не допуская до этого, наровитъ стоять предъ нимъ сама.—Игра оканчивается, когда всѣ дѣти будутъ забраны ворономъ.

Игра въ „крáсочки“.—Для этой игры выбираются: ангелъ,—какойнибудь красивенькій мальчикъ, чортъ—какойнибудь „неуклюга“, спорливый, сварливый мальчикъ, и распорядитель, или matka.—Распорядитель разсаживаетъ въ одну линію дѣтей; затѣмъ, вызывая къ себѣ въ сторону по одному, даетъ имъ названія цвѣтовъ: (синій, красный, голубой, „поднебѣсный“).—Дѣти получивъ себѣ отъ распорядителя новое названіе, усаживаются на свои мѣста и ожидаютъ „бовъ-бовъ“ и „дзень-дзень“ (чорта и ангела). Къ сидящимъ подходитъ ангелъ и говоритъ: „Бовъ-бовъ“! Распорядитель, стоя спрашиваетъ: „Хто йдѣть“?—„Ангелъ“.—„Зачимъ“?—„За крáскою“.—„За якою“?—„За крáсною“.—Если съ такою крáскою окажется сидящимъ въ ряду мальчикъ, то онъ моментально схвачивается съ своего мѣста и идетъ къ ангелу; если же не окажется такого цвѣта, то не полагается больше требовать другой до слѣдующаго раза.—„Дзень-дзень“!—Хто йдѣть?—„Чортъ съ колотушкою“.—Зачимъ?—„За крáскою“.—За якою?—„За пиднебѣсною“.—У каждаго изъ играющихъ является желаніе попасть къ ангелу. Когда всѣ мальчики разберутся, то они берутся за палку и начинаютъ перетягиваться, узнавая такимъ способомъ, кто изъ нихъ сильнѣе или ловче. Распорядитель присоединяется къ большинству или по условію. На этомъ и оканчивается игра.

Игра въ „пыжã“. Игра въ „пыжã“ состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ разсаживаетъ передъ собою мальчиковъ или дѣвочекъ, велитъ имъ наклониться къ себѣ на колѣни и, когда это будетъ исполнено, кидаетъ какуюнибудь вещь чрезъ головы играющихъ, говоря: „Пишѳвъ пыжъ въ полѣ“. Играющіе поднимаются и ищутъ брошенную вещь; тотъ, кто найдетъ, становится распорядителемъ, и т. д.

Игра въ „зѳлота“.—Эта игра состоитъ въ томъ, чтобы отыскать „заѳвану“,—спрятанную однимъ изъ играющихъ вещь; для чего играющіе садятся въ одну линію со сложенными межъ ногами (впереді) руками. Тотъ, кто будетъ прятать вещь, проходя съ края въ край, суетъ каждому свою руку и говоритъ: „Я зѳлото хороню, хороню | „У бѳтѳшки въ теремѳ, теремѳ!

Въ это время кому нибудь бросаетъ вещь, иногда даже не замѣтно отъ другихъ.

Другой затѣмъ подходитъ и съ первого разу долженъ указать, у кого находится спрятанная вещь. Проходя по ряду, говоритъ: „и ты рай, и ты рай, а ты оддѳй“. Если „вгадѳетъ“, то садится на мѣсто того, у кого была вещь, а тотъ встаетъ и исполняетъ его обязанности, если же три раза подъ-рядъ явится отыскивать вещь и не найдетъ, то его женятъ. Прятавшій отводитъ его въ сторону и назначаетъ ему невѣсту; играющіе интересуются выборомъ, узнаютъ и, посмѣявшись вдоволь, продолжаютъ игру.

Игра въ „присѳцѳ“.—Игра состоитъ въ томъ, что дѣти, взявшись за руки, строятся въ одну линію, держа руки горизонтально. Одинъ изъ играющихъ „мѳтка“ беретъ въ руки „дубчикъ“ и прогоняетъ крайняго винтомъ межъ руками съ одного конца въ другой, такъ что каждый послѣдній становится первымъ. Тотъ ловокъ изъ играющихъ, кто, пробѣгая между руками, ускользнетъ отъ удара мѳтки.

Игра у „скраклѳ“.—Въ эту игру играютъ двое, хотя можно и по-двое, по трое и т. д. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: отмѣриваютъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого два городка; по срединѣ между этимъ разстояніемъ выкапывается ямочка. Для каждаго городка полагается пять „скраклѳй“—небольшихъ отрубковъ, палочекъ; для играющаго же по двѣ хорошія палки—„битка“. „Скраклѳ“ укладываются такъ: сначала кладется поперегъ одинъ, затѣмъ на него три и наконецъ на эти три кладется пятый (горизонтально) параллельно первому поперечному. Играющій долженъ начинать сбивать „скраклѳ“ въ чужомъ городкѣ отъ своего городка; если одинъ собьетъ три раза, тогда какъ другой—ни разу, или разъ—два, то игра начинается снова; причемъ второй—плохой игрокъ, везетъ на себѣ

верхомъ перваго къ другому противоположному городку. Прилегающая своимъ краемъ къ границѣ „скракля“ называется „попкѡмъ“. Онъ втыкается однимъ концомъ въ землю и такимъ образомъ, по отношенію къ площади, принимаетъ вертикальное положеніе; въ другой разъ онъ и сбивается въ такомъ же положеніи. Отъ колодца начинаетъ бить тотъ, кто собьетъ съ города хоть одинъ „скракѡль“.

Игра въ „набѡръ“.—Два, желающіе набрать себѣ войско, усаживаютъ играющихъ, и одному изъ нихъ должны доставаться тѣ, которые во время игры смѣялись, а другому напротивъ. Для этого заводится такой разговоръ съ каждымъ отдѣльно: показывая палочкой вверхъ спрашивается:—Шо тамъ такѣ?—„Нѣбо“.—А це шо? (указываетъ на землю)—„Земля“.—А въ землѣ шо?—„Погрибѣць“.—А въ погрибцѣ шо?—„Кабанѣць“.—А въ кабаньцѣ шо?—„Бубунѣць“.—А въ бубуньцѣ шо?—„Панъ та паня“.—Шо вонѣ рѡблять?—„Пьють та гуляють, та по драбѣни лѣзють“.—Йишѡвъ чоловѣкъ черѣзь мистъ?—„Йишѡвъ“.—Шо винъ нисъ? „Михъ“.—А въ михѣ шо?—„Смихъ“.—Подѣленная такимъ образомъ партія перетягивается на палкѣ.

Стоитъ крикнуть комунибудь изъ играющихъ: „малѣ куча“! мигомъ свѣливается одинъ, а на него наваливаются и всѣ.

Игра въ „цѣрки“ состоитъ въ искусствѣ такъ ударять „цѣрку“ по оконечности, чтобы она подпрыгивала вверхъ, а затѣмъ, ударяя её палкой на лету, посылать дальше.

Игра въ „мячъ“.—При этой игрѣ то мѣсто, гдѣ бьютъ мячъ, называется „гѡродъ“; то, куда бѣгаютъ—„стѣпка“; состязающіяся партіи одна, слѣдовательно, въ городѣ, другая уходитъ въ „запѡле“, и одинъ изъ нихъ въ городѣ „гѣле“,—подастъ мячъ; палка, которою бьютъ, называется „пылка“.

Когда дитя плачетъ, мать не то утѣшаетъ, не то дразнитъ его, вымѣщая на томъ свою досаду:

„Цыть, цыть (дѡню), не плачь!		Й тобѣ покаже.
Мѣты спечѣ калѣчь,		Пѡтимъ тѡго сама й ззисъть,
Медкѡмъ помѣже,		А тобѣ—дѣлю пидъ нисъ“.

Когда дитя сдѣлаетъ какую нибудь „шкѣду“, то мать или кто нибудь беретъ его за чубъ, ухо и, выдирая, въ тактъ припѣваетъ: *)

„Карасю, карасю,
Чогò ты дождавсь?
Чи лѣсого горобця,
Чи поїхавъ по дровця,

Чи хринъ, чи качанъ,
Чи пшонò-ришино,
Чи рубель, чи качалка“?

Чтобы начать снова, присказываютъ: „качавъ, качавъ, та впѣять начавъ“... Дитя сначала думаетъ, что съ нимъ играютъ; когда же видитъ, что эта „играшка“ безъ конца и становится больно, начинаетъ плакать.

Дѣти, расходясь съ какой нибудь игры, стараются кого-нибудь ударить—„дать латку“; при этомъ одною рукою придерживаетъ, а другою бьетъ и присказываетъ:

„Латка-бѣтка,
Шòвкова нѣтка!

На тобѣ вòши,
А минѣ—грòши,

А якъ не оддасѣ,
Завтра въ борщѣ
изійисѣ“.

Получившій „латку“, въ свою очередь, старается хоть разъ ударить.

Образцы народнаго каламбура, первоначальныхъ дѣтскихъ сказокъ и народныхъ молитвъ:

„Товчѹ, товчѹ макъ,
За стѹпою—дякъ.
Чогò, дяче, плачешь?
—„Спеклѹ маты
кнышь“.
Дежъ той кнышь?
—„Изйїла мышъ“.
Дежъ той мышъ?
—„Побїгъ пидъ пры-
пичокъ“.
Дежъ той прыпичокъ?
—„Мòре залылò“.

Дежъ те мòре?
—„Быкѣ попылѣ“.
Дежъ ти быкѣ?
—„Колòда побыла“.
Дежъ та колòда?
—„Червы поточїлы“.
Дежъ ти червы?
—„Кўры поїлы“.
Дежъ ти кўры?
—„Шуліки похва-
талы“.
Дежъ ти шуліки?

—„У лисѣ полетїлы“.
Дежъ той лисѣ?
—„Цвиткѹмы за-
рїсь“.
Дежъ ти цвиткѣ?
—„Порвѹлы дивкѣ“.
Дежъ ти дивкѣ?
—„Женыхѣ побрѹ-
лы“.
А дежъ ти женыхѣ?
—„На войнѹ пиш-
лѣ“.

* *

„Здорòвъ бувъ!
—„Хливъ городѹ“.
Та Бòже поможи!

—„На свѣни“.
А, шобъ вонѣ тобѣ подòхлѣ!
—„Спасѣби“.

* *

„Здорòвъ бувъ!

—„На ярмарку бувъ“.

*) Чаше упражняются въ этомъ сами между собою пастухи.

Та Бóже тобі поможи!
— „Эге, купывъ кобылу та вóжжи“.

Бодай вонò тобі распропало!
— „Спасыби, такъ же й васъ“.

„Охъ, мойè ненько,
Уже й смёркло—нераненько!
(Чоловикъ беригъ тильну корóву)
Свиты мирьщий, Галько.
Намъ Богъ давъ телятко!

А подывысь, лышъ, Денысе,
Чи вонò, сучай, не лысе!?.
— „Лысе, жинко, лысе“!..
(А Денысь та въ хату жиньци
Не теля,—собáку нысе..)

„Кáзка заказка
Зализла за лáвку,

Хвóсты задрáла,
Нижки (трóшци) показáла“.

Бувъ соби чоловикъ Сáшка,
Въ ёго булa сýня семеряжка,

На головi повстýна шáпочка
А на штаныцяхъ красненька
латочка.

„Чи хороша моя кáзочка“?—Выслушавшій это говорить: „хорóша“, або „погáна“, а рассказчикъ начинаетъ вновь, прибавляя: „ты кáжешъ: хороша, абò погáна, и я кажù: хороша—погáна“, и т. д.

Заботливая мать, укладывая дитя спать, читаетъ такую молитву:

„Хрестъ постелю,
Хрестомъ укрýюсь.
Самъ Богъ у головахъ,
Святыйи у ногахъ,
А янголы по бокахъ.

Янголы хранители!
Хранить мою (Йвáнчину) дýшу
Изъ вéчера до півночи,
А зъ півночи до ранку,
А зъ ранку й до бiлого дня“!

П. М. Шинкаревъ.

13.—Сл. Курячевка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Заговоры.—Занятіе.—Религіозность, умственное состояніе.—Положеніе женщины.—Свадебные обряды и пѣсни.—Родины и похороны.

Курячевка, находящаяся на разстояніи 60 верстъ отъ Старобѣльска, расположена по обѣимъ сторонамъ р. Деркуль. Когда именно осѣли здѣсь первые поселенцы, точно опредѣлить нельзя, хотя, впрочемъ, преданіе относитъ первое поселеніе къ концу царствованія Петра Великаго или къ началу царствованія Екатерины I-й. Первымъ поселенцемъ, гласитъ преданіе, былъ выходецъ изъ сл. Терновъ Харьк. губ. малорось-земледѣлецъ Даміанъ Курячій съ тремя сыновьями, отъ прозвища котораго и произошло названіе Курячевка. Рѣка Деркуль, на которой расположена Курячевка, не такъ давно, какъ помнятъ старожилы, отличалась необыкновенною глубиною и чрезвычайнымъ изобиліемъ рыбы. Теперь же отъ этой славной рѣки остался жалкій ручеекъ, который въ сухое лѣто высыхаетъ окончательно. Мѣстность, по направленію отъ сл. Курячевки къ сѣверу и западу, была богата лѣсами, жалкіе остатки которыхъ существуютъ еще и теперь. Въ одномъ изъ этихъ лѣсовъ водились массы звѣрки, по описанію очень похожіе на бѣлокъ. По ярамъ росло очень много терну, который въ доброе старое время тщательно оберегался крестьянами и рвался не иначе, какъ цѣлымъ обществомъ, такъ что въ зиму на долю каждой семьи доставалось его по нѣсколько мѣшковъ. Теперь отъ этихъ терновъ остались лишь жалкіе слѣды, лишь изрѣдка торчатъ небольшіе и совершенно безплодные кусты этого растенія.

Жителей въ Курячевкѣ до 3,500 д. об. п.; инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жилище. Хаты въ послѣднее время, по случаю безлѣсья и дороговизны строительнаго лѣснаго матеріала, по большей части строятся „лампаговья“ (глиняный кирпичъ). Даже люди зажи-

точные и богатые, которыхъ нужда заставляетъ строить себѣ жилище, и тѣ строить его изъ лапшага. Помѣстительность крестьянскихъ хатъ бываетъ различна, смотря и по достатку хозяина, и по количеству семьи. По большей части строятся двѣ хаты рядомъ: одна большая, собственно хата, другая маленькая—„хатына“; но у нѣкоторыхъ богатыхъ случается три и даже четыре комнаты, и, хотя очень рѣдко, встрѣчаются хаты съ полами. Если хата деревянная, то у мало-мальски зажиточнаго хозяина стѣны въ одной изъ комнатъ непременно мытыя. Въ переднемъ углу помѣщаются иконы, по большей части самой простой Суздальской работы въ фольговыхъ ризахъ, у богатыхъ встрѣчаются иконы въ серебрянныхъ ризахъ. Крестьянинъ падохъ на численность иконъ, мало обращая вниманія на живопись и украшенія, такъ что у нѣкоторыхъ крестьянъ иконами занятъ не только передній уголъ или „покутъ“, но и вся передняя стѣнка и до половины прилегающія къ ней боковыя. Иконы, особенно въ праздничные дни, обязательно бываютъ убраны рушниками домашняго приготовленія съ вышивками, а кто побогаче, у того купленными. Столъ, стоящій около передняго угла, рѣдко застилается скатертью, только лишь у бѣдняковъ и мало-зажиточныхъ, а по большей части суконнымъ тканымъ ковромъ, на полѣ котораго расположены рядами небольшіе, вытканые же кресты; ковры эти очень напоминаютъ собою старинную малороссійскую плахту, только лучшей и болѣе чистой работы.

Передній уголъ,—это самое почетное мѣсто въ крестьянской хатѣ, тогда какъ порогъ считается самымъ послѣднимъ, и постоять въ чужой хатѣ у порога крестьянинъ считаетъ для себя унижительнымъ. Около порога непременно помѣщается большая печь, раскрашенная синькою въ видѣ звѣздочекъ. Дворовыя крестьянскія постройки обыкновенно располагаются такимъ образомъ: отъ дома идетъ небольшой плетень или заборъ, отдѣляющій дворъ отъ улицы, далѣе ворота, за воротами рядомъ слѣдуетъ или амбаръ, если таковой не вынесенъ куда-нибудь на токъ, что встрѣчается чаще,—или же сарай изъ „саману“, въ которомъ крестьянинъ помѣщаетъ мягкій хлѣбъ (ячмень, овесъ), а также запасную одежду и проч.; далѣе, въ видѣ гла-

голя, у мало-мальски зажиточнаго хозяина располагаются сараи, для помѣщенія повозокъ, саней, плуговъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей. Внутренняя сторона двора, отдѣляющая его отъ крестьянскаго тока, почти всегда застроена помѣщеніями для домашняго скота.

Крестьянская будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ полотнянной сорочки и такихъ же штановъ,—хотя крестьянина болѣе зажиточнаго никогда не увидишь въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ, а всегда въ черныхъ, купленныхъ,—капота, черкесиноваго или какой нибудь дешевой матеріи, и самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна свиты, сшитой капотомъ, а зимою бѣлаго нагольнаго или дубленаго кожуха; тогда какъ въ праздничные дни крестьяне бываютъ одѣты, особенно молодые парни, въ ситцевую или бѣлую вышитую сорочку, черные штаны, которыя носятъ на выпускъ, и сапоги, вычищенные ваксой, суконный пиджакъ или капоть въ теплое время, а въ холодное — стеганный на ватѣ; въ зимнее же время — полушубокъ, крытый сукномъ, или какой нибудь другой матеріей. Крестьянскія бабы въ будничные дни бываютъ одѣты въ круглую широкую кофту и юбку безъ оборки, широкое пальто бѣлаго самодѣльнаго сукна, или стеганную кофту; голова повязывается маленькимъ платочкомъ. Въ праздничные же дни женщины бываютъ одѣты въ шерстяные или суконные кофты и юбки, на ногахъ красные сапоги, а лѣтомъ башмаки или ботинки съ резинами, ситцевыя или миткалевыя рубашки, стеганное пальто или кофты, покрытыя „амбукомъ“ и отдѣланныя плисомъ, а зимою—крытые сукномъ кожухи. Дѣвки и бабы покрываются кашемировыми и шелковыми платками, а повязокъ почти не носятъ,—лишь изрѣдка можно увидѣть дѣвку въ повязкѣ, а бабу въ очипкѣ; молодя же бабы носятъ, вмѣсто повязокъ, ситцевыя или бѣлыя миткалевые чепчики.

Крестьянская пища, особенно въ послѣднее время, по случаю мѣстныхъ неурожаевъ, отличается большою скудностью и однообразіемъ. Тѣ же борщъ, каша, галушки и картофель служатъ постоянною пищею какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ семействъ; различіе состоитъ только въ томъ, что богатый ѣстъ все это съ саломъ или масломъ, а по праздникамъ даже

съ мясомъ и рыбой, а бѣднякъ или даже и средній крестьянинъ ѣстъ большую часть года пищу совершенно постную, т. е. безъ сала, масла и рыбы. Вліяніе городское, какъ и вездѣ, замѣчается среди крестьянъ и въ этомъ отношеніи: человѣкъ богатый имѣетъ непременно самоваръ, нѣсколько тарелокъ, вилокъ и ножей; послѣдніе, впрочемъ, онъ рѣдко пускаетъ въ употребленіе и самъ вилокъ никогда не ѣстъ, развѣ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ семьяхъ побѣднѣе около порога на полкѣ непременно красуется двѣ—три чашки, чайничекъ и, замѣняющій собою самоваръ, большой чайникъ для нагрѣванія воды. Свои помѣщенія крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами!

Заговоры. Къ врачамъ и фельдшерамъ, относятся благосклонно, особенно въ эти послѣдніе годы крестьяне начали вѣрить въ медицину, но нерѣдко обращаются за помощью къ знахарямъ, ворожеямъ и бабкамъ. Если заболѣваетъ ребенокъ или взрослый—бессонницей, то его несутъ или ведутъ къ бабкѣ. Бабка беретъ больного, несетъ или ведетъ его въ тотъ сарай, гдѣ на почлегѣ садятся куры и читаетъ слѣдующую молитву: „Куры, курицы, адамовы дочкы, крылати, орлати, дайте намъ сонливци, а соби возмытъ ношныци, и поныситъ ихъ на очерета, на болота, де витерь не вие, сонечко не грие и, хрыстіянскій голосъ не заходе, зъ хрыщеннаго, новорожденнаго, мольтвяннаго (называютъ—по имени) младенця или раба Божого“. Дѣтей лечатъ отъ бессонницы еще такимъ образомъ: беретъ бабка ребенка на руки на вечерней и утренней зарѣ, поворачивается на востокъ и читаетъ молитву: „Во имя Оця и Сына, и Святаго Духа, аминь. Не я помогаю, самъ Господь помогае. Заря зарница, красна дивыця; заря раня, заря пизня, возмы мои крыкльвци и не сонливци, понесы у чисте поле, у темни лиса. Тамъ вамъ гуляты и роскошуваты, новорожденному, хрыщенному и мольтвянному младенцю (имя) спаты“.

Если ребенка или взрослого кто „сглазить“, бабки лечатъ отъ „урокивъ“ и читаютъ сначала „Во имя Отца“, а потомъ слѣдующую молитву: „Не я помогаю, самъ Господь Сусъ Хрыстосъ. Уроки урочыщи, прозоры прозорыци, витряни и водяни, испытани, изйидени, подумани и погадани, парубоцки и дивоцькы,

музыцки и жиноцки. Выкликаю, вызываю и вышпую; тутъ вамъ не стояты, кости не ломыты и щирого сердца не тошныты. Зийдыть соби на очерета, та на болота, де витерь не вие и сонечко не грие, хрыстьянский голосъ не заходе, съ хрыщеннаго и мольтвянаго раба Божого (имя)“. Если у кого на глазу бѣльмо, то бабки читають молитву: „Иихавъ пѣнъ Билыньскій, изъ билон горки, на билому кони, у билому плати, и зъ билымъ копьемъ, и зъ билымъ хортомъ; копьемъ тебе сколе, хортомъ тебе строе, отъ жовтои кости до червонои крови. Я съ словами, а самъ Господь Сусъ Хрыстосъ съ помичью. Новорожденнаго, хрыщеннаго и мольтвянаго раба (или рабу) Божого (имя)“. Если у кого болитъ голова или болятъ глаза, то говорятъ: „це налягла кровъ“, а потому идуть къ бабкѣ лечиться отъ крови, и бабка лечить, читая слѣдующую молитву: „Во имя Отця, и Сына, и Св. Духа. Поможи мини, Господы, отъ крови шептаты. Кровъ витряна, водяна и вихряна; выкликаю, вызываю и вышпую,—розийдыся, кровъ, по шкури, яко вода по рики, такъ и кровъ по шкури, по всихъ жилахъ и по суставахъ; тутъ тоби не стояты, кости не ломыты, и зайды соби на очерета, де витерь не вие, сонечко не грие, и хрыстьянский голосъ не заходе, съ хрыщеннаго, новорожденнаго и мольтвянаго раба Божого (имя)“. Если у кого болятъ зубы, то бабка выводитъ его на дворъ, ставитъ напротивъ молодого мѣсяца и заговариваетъ такъ: „Младъ мисяць на неби, а дубъ у лиси, коринь у земли, а каминь у води; якъ ци чотыри брата умести посидять, тоди у раба Божого, новорожденнаго, хрыщеннаго и мольтвянаго (имя) зубы заболятъ“.

Главное занятіе жителей сл. Курячевки составляетъ земледѣліе, но въ послѣднее время, благодаря неурожайнымъ годамъ, крестьяне, не оставляя земледѣлія, ищутъ подспорья для своего хозяйства въ мелкой торговлѣ и отхожихъ промыслахъ. Весною народъ, по преимуществу молодежь обоого пола, отправляется на заработки въ Донскія мѣста, на Кавказъ и Волгу. Очень многіе въ лѣтнее же время отправляются на торговлю, извѣстную по мѣстной терминологіи подъ именемъ „ниточниства“. Занимающійся этимъ промысломъ покупаетъ у

оптоваго торговца различную мелочь—мыло, нитки, пуговицы, кружева, ленты, шурки и т. п., и потомъ отправляется по деревнямъ и преимущественно по хуторамъ обширной Донской области, гдѣ и сбываетъ свой товаръ за очень хорошія цѣны. Этотъ промыселъ очень выгоденъ, что видно уже изъ одного того, что хозяева—ниточники платятъ своимъ работницамъ—продавицамъ по 70, 100 и 150 руб. въ лѣто. Другіе же изъ жителей занимаются собираніемъ яицъ и различной домашней птицы, а потомъ все это сбываютъ въ центральные сборные пункты, находящіеся въ Донскихъ мѣстахъ. Пчеловодствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать двухъ, трехъ хозяевъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ болѣе тридцати ульевъ пчелъ.

Религіозность. Православная вѣра, исповѣдуемая здѣшнимъ народомъ, выражается многими сторонами ихъ жизни: правилами, порядками и завѣтными обычаями, придавшими ихъ жизни отпечатокъ христіанской церковности; они ко всякому дѣлу приступаютъ съ крестнымъ знаменіемъ и призываніемъ имени Божія, Христова. Утромъ и вечеромъ они обязательно молятся Богу; съ молитвой приступаютъ къ постройкѣ дома; освятивъ построенный домъ церковной молитвой, начинаютъ жить въ немъ. Въ домѣ первое украшеніе—это св. иконы. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда принято за неизмѣнное правило помолиться Богу.

Въ особыхъ случаяхъ семейнаго быта радостныхъ и скорбныхъ служатъ молебны, напримѣръ: предъ совершеніемъ браковъ, во время болѣзни, падежа скота, долгой засухи, пропажи, утери чего-либо. Въ воскресные и праздничные дни, оставивъ свои житейскія дѣла, посѣщаютъ церковныя службы, особенно утреню и литургію, ежегодно бываютъ у исповѣди и св. Причастія, приготовляясь къ этимъ таинствамъ говѣньемъ и примиреніемъ съ ближними, особенно съ кѣмъ были въ ссорѣ, и, прося прощенія, кланяются въ поясъ, а старѣйшему годами кланяются въ землю до трехъ разъ. Посты блюдутъ строго въ отношеніи пищи.

Нѣкоторые дни, важные въ христіанской церкви отмѣчаются особыми обычаями и обрядами, напримѣръ: въ повечерія Рож-

дества и Крещенія Господня приготавлиются на вечерю кутья и взваръ изъ плодовъ и ставятся въ переднемъ углу подъ образами на сѣнѣ. На Крещеніе—заготавливается освященная вода и хранится для больныхъ. Изъ утрени великаго четверга, т. е. со „страстей“, возвращаются съ зажженными свѣчами, которыми выжигаются кресты на матицѣ или сволокѣ дома, и долго не стираются. Къ празднику Пасхи пекутся куличи (пасхи) и заготавливаются крашенныя яйца, которыми, между прочимъ, обмѣниваются при христосованіи. На Пятидесятницу (Троицу) дома украшаются зеленью, древесными зелеными вѣтками; цвѣтами и травой выстилается полъ въ домѣ. Знаютъ они дни поминенья усопшихъ (родительскія субботы). Не всегда, не ежегодно, но случается—отправляются на богомолье въ монастыри, къ мощамъ угодниковъ: въ Воронежъ, Задонскъ, Кіевъ, Св. горы. Ради Христа подается милостыня нищимъ; при скудности средствъ,—хоть ломоть хлѣба, а иногда ковшъ зерна, муки, аршинъ-два холста; подаютъ голодающимъ, пострадавшимъ отъ пожара, калѣкамъ, разнымъ прохожимъ, словомъ всѣмъ просящимъ, даже, случалось, и обманщикамъ. Въ послѣдніе годы много являлось восточныхъ людей, подъ именемъ грековъ изъ Іерусалима, и получали обильное подаваніе. Когда былъ набожнѣе народъ,—теперь или въ прежнее время,—свидѣтельствовать трудно. Слышны похвалы старому времени, старымъ прежнимъ людямъ, что они къ старшимъ были почти-тельнѣе, при отдачѣ долговъ честнѣе; тогда росписокъ, векселей не знали и вѣрно отдавали ссуженное въ долгъ, а теперь нѣтъ прежняго довѣрія.

Умственное состояніе народа нельзя назвать удовлетвори-тельнымъ. Народъ, повидимому, смышленный, бывалый, бойкій, много хорошаго видѣвшій,—въ своемъ же житейскомъ быту мало сдѣлалъ улучшеній:—полеводство, огородничество, скотоводство ведутся по стародавнему, какъ было у предковъ; въ хлѣбопашествѣ—тѣ же орудія для обработки земли: тяжелыя и неудобныя; удобренія земли не знаютъ, травосѣянія тоже, хотя хлѣбопашество есть исключительное занятіе жителей. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ; здѣсь до послѣдняго

времени были и есть сторонніе бондари, сапожники, кузнецы, скорняки; нѣтъ никого знающаго садоводство, чтобы умѣть хотя привить плодовое дерево, и нѣтъ охоты къ садоводству; не въ ходу и пчеловодство: нѣтъ ни одной хорошей пасѣки. Однакожъ не должно умолчать, что замѣчается какъ бы поворотъ къ улучшенію веденія хозяйства: заводятся желѣзные плуги, есть въ слободѣ вѣялки, были попытки заводить конныя молотилки; появились мѣстные сапожники, портные, столяры— для нуждъ населенія; стали возводить „саманныя“ постройки; есть даже небольшое заведеніе для выдѣлки кожъ для сапожнаго товара. Нужда улучшить свое хозяйство есть, но вводится лучшее слабо, медленно; по привычкѣ ли къ прежнимъ порядкамъ, нерѣшительности выступить новаторомъ, или по недостаточности средствъ, но только лучшее вводится недружно, только немногими.

Учебнымъ заведеніемъ для просвѣщенія народа служить начальное народное училище, существующее съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ немъ всегда было довольно учащихся мальчиковъ, а въ послѣдніе годы оно переполнено ими, и въ числѣ учащихся стали появляться дѣвочки. Грамотныхъ, научившихся въ этомъ училищѣ читать, писать, считать, уже много въ слободѣ; найдется мало семействъ, въ которыхъ нѣтъ грамотнаго. Читеніемъ для грамотныхъ служатъ преимущественно книги религіозно-нравственнаго содержанія: Четы-Минеи, Псалтырь, Новый завѣтъ, Указаніе пути въ царство небесное митрополита Иннокентія, Исторія ветхаго и новаго завѣта. Въ народномъ обращеніи свѣтскаго содержанія книгъ весьма мало: „Соломонъ“, оракулы, нѣкоторыя сказки. Первые передаются по наслѣдству отъ предковъ и выносятся изъ монастырей, изъ Кіева, при паломничествѣ туда; послѣднія книжки, брошюры покупаются у офеней—разныхъ коробейниковъ. Къ ученію грамотѣ расположеніе и охота увеличиваются съ каждымъ годомъ, но только по житейскимъ нуждамъ не всегда учащіеся своевременно поступаютъ въ училище; рано весной, для услугъ въ домѣ, хозяйствѣ, ученики оставляютъ училище, и отъ этого изъ числа учащихся мало держатъ выпускной экзаменъ, который бываетъ въ концѣ мая, когда полевые работы въ полномъ ходу.

Отношенія малороссовъ къ великороссамъ вообще враждебныя. Хотя у насъ нѣтъ осѣдлыхъ великороссовъ, но при встрѣчѣ малоросса съ великороссомъ на какойнибудь работѣ, сейчасъ можно замѣтить ихъ обоюдное враждебное отношеніе. Часто приходится слышать, какъ ссорятся малороссы съ великороссами, если приходится имъ работать вмѣстѣ. Особенно любитъ малороссъ поддразнить великоросса, называя его „кацапомъ“ и „лапотникомъ“, а великороссъ въ свою очередь дразнитъ малоросса „мазепомъ“. Если приходится косить тѣмъ и другимъ вмѣстѣ траву или хлѣбъ, то великороссъ находитъ, что онъ лучше и скорѣе косить, и всегда самодовольно говоритъ: „ты, мазепъ, моимъ махомъ хлѣбъ ѣшь“. Враждебно также относятся малороссы и къ цыганамъ. Особенно не любитъ онъ цыгана за то, что тотъ часто божится, рассказывая правду или неправду, и не имѣетъ къ нему никакого довѣрія, а потому говоритъ: „цыгане, я тобі не вірю: твій Богъ у свиньниці на терниниці“. Рассказываютъ крестьяне также, что цыганамъ не грѣхъ божиться, потому что они спрятали Спасителя въ будку, когда его хотѣли убить жида за то, что онъ изгналъ изъ храма торжниковъ. Когда его искали жида и спрашивали у цыганъ, то цыгане божились, что его не видѣли и у нихъ въ будкѣ нѣтъ. „Вамъ божиться не грѣхъ, за то, что вы меня спасли“, сказалъ имъ Спаситель. Между малороссами даже вошли въ пословицу слѣдующія слова: „не брешь, якъ цыганъ“, или „та брешешъ, якъ цыганъ“, если онъ не вѣритъ чтонибудь рассказчику.

Положеніе женщины въ семьѣ вообще рабское. По выходѣ замужъ она находится въ самомъ угнетенномъ состояніи, какъ то: работаетъ самыя тяжелыя работы и все, что ей прикажутъ, она должна выполнить исправно. Не спросившись старшихъ, она не должна никуда не отлучаться и не начинать никакого дѣла. Первые годы своего замужества она должна подавать завтракъ, обѣдъ и ужинъ на столъ, а сама ѣстъ стоя, не сядя за столъ, а набравши въ ложку щей или каши, каждый разъ отходить къ порогу, выдаетъ изъ ложки и опять подходитъ къ столу набирать. Въ права хозяйки женщина входитъ тогда, когда остается старшей въ семьѣ; тогда только она дѣлается всѣми уважаемой и ей отдаютъ особое предпочтеніе.

Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ—зависитъ отъ этихъ послѣднихъ. Если дѣти почитаютъ родителей и бываютъ послушны, то родители ихъ любятъ и стараются пріобрѣтать для нихъ все необходимое; если же дѣти непослушны, то родители, несмотря на то, что ихъ сынъ, напрымѣрь, человекъ семейный, гонятъ его со двора, не давши ему ничего. Иные хозяева со своими наймитами, обращаются хорошо, какъ со своими дѣтьми, другіе обращаются безчеловѣчно, притѣсняя то тѣмъ, то другимъ, и заставляютъ исполнять самыя тяжелыя работы.—Пьянство въ народѣ не особенно развито, кабаки посѣщаютъ рѣдко.

Сватовство между крестьянами происходитъ слѣдующимъ образомъ: когда сынъ достигаетъ совершеннолѣтія, отецъ приглашаетъ двухъ человекъ сосѣдей или хорошихъ знакомыхъ въ старосты и проситъ ихъ пойти сватать за его сына дѣвку, по желанію жениха, т. е. гдѣ жениху понравится невѣста. Отецъ даетъ старостамъ хлѣбъ и тѣ идутъ или ѣдутъ вмѣстѣ съ женихомъ сватать невѣсту; причемъ женихъ одѣтый въ суконной капотъ, или крытый сукномъ кожухъ садится обязательно на козлахъ. Войдя или пріѣхавши во дворъ невѣсты, они не входятъ въ хату, а прежде всего одинъ изъ старостовъ подходитъ къ окну со двора, и говоритъ: „добрый день“, если днемъ, а если вечеромъ то: „дай, Боже, вечеръ добрый“, имъ хозяинъ отвѣчаетъ: „здравствуйты“; „пускайты на хватырю“ (квартиру) продолжаютъ старосты; „мылосты просымъ“, отвѣчаютъ хозяева, тогда старосты входятъ въ избу. По входѣ въ избу, крестятся и даютъ въ руки хозяину принесенный хлѣбъ, а сами по приглашенію хозяевъ садятся на лавку у стола. Поговоривъ немного о постороннемъ, старосты приступаютъ къ дѣлу, начиная такъ: „пытайты добри люды, чого мы до васъ пришы“,—имъ отвѣчаютъ: „скажыте“.—„А ось чого мы прийшы у васъ ѣе дивка, а у насъ парубокъ, такъ оце мы прийшы свататы за его вашу дивку“. Поговоривъ нѣсколько на эту тему, въ избу вводятъ дѣвку, чтобы она посмотрѣла на жениха, а женихъ на нее. Если жениху понравится невѣста, то старосты приходятъ нѣсколько разъ, пока не посватаютъ, или не получаютъ отказъ и имъ возвратятъ хлѣбъ, ими принесенный.

Когда посватаютъ дѣвку, она идетъ собирать на „змовины“ дружекъ—(подругъ); собравши, вводитъ ихъ въ избу. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ восковыя свѣчи, прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ, и всѣ начинаютъ молиться Богу. Помолившись Богу, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери невѣстинному и жениховому, а потомъ и прочимъ роднымъ; при этомъ дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

„Ой, пропою пропою!
Та пропывъ бѣтько дѣчку,
Въ вышнѣвымъ садѣчку,
На солѣдкому медѣчку,
На зелѣному гильи,—
Та не жалѣ дочкѣ минѣ.
На когѣ ты, тай Мѣрьечка,
уповѣла,

Що ты собѣ тай Ивѣна спо-
добѣла.

Чи на его худѣбоньку, чи на
грѣши,

Чи на его урѣдоньку, що винѣ
хорѣший“.

Послѣ того, какъ поклонятся, молодая беретъ тарелку, кладетъ платокъ на тарелку и сама перевязываетъ старостѣвъ; въ это время дружки выходятъ изъ хаты, а въ хатѣ остаются старики. Сватъ подноситъ всѣмъ гостямъ водку и проситъ на „оглядыны“. Послѣ этого старики ѣдутъ къ жениховому отцу и гуляютъ, а женихъ остается у невѣсты, и вся молодежь гуляетъ всю ночь. На разсвѣтѣ старики прѣзжаютъ домой, а женихъ остается у невѣсты; утромъ его угощаютъ: даютъ ему позавтракать и съ хлѣбомъ провожаютъ домой. Черезъ недѣлю послѣ „змовинъ“ бываетъ „сватанье“. На сватанье прѣзжаютъ сваты; ихъ угощаютъ пирожками, жаркимъ, и сватъ подноситъ по рюмкѣ водки; затѣмъ приходитъ невѣста и цѣлуется со всѣми; потомъ невѣсту посылаютъ за дружками. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ; невѣста съ женихомъ молятся, положивши по 3 поклона, кланяются въ ноги отцу, матери и всѣмъ роднымъ по 3 раза, а ихъ благословляютъ—иконою и хлѣбомъ. Послѣ благословенія садятся сваты и женихъ съ боярами за столъ, мать приноситъ платки и отдаетъ невѣстѣ, а невѣста даетъ ихъ жениху и боярамъ, потомъ перевязываетъ отца, мать и всѣхъ родныхъ; при этомъ каждый отдариваетъ деньгами, кладя ихъ на тарелку. Когда невѣста окончитъ даренье, свекоръ беретъ графинъ и даетъ невѣстѣ, а невѣста дружкѣ; дружка беретъ графинъ, а невѣста тарелку

съ рюмками, дружка наливаетъ, а невѣста подноситъ жениху первому и сама беретъ рюмку, и пьютъ, а потомъ отцу, свекру; свекоръ отсылаетъ къ невѣстиному отцу и матери. Когда невѣстины отецъ и мать выпьютъ, тогда пьютъ свекоръ и свекровь, а затѣмъ и всѣ родные; притомъ каждый за водку кладетъ на тарелку невѣстѣ въ подарокъ деньги. Въ это время дѣвки поютъ пѣсни:

„Ой! не знала, тай не выдала, Колы свѣшинька наййхала, Ой, гóрдая, тай спысывая, Та ще къ томѹ тай вродлывая. Ты Мѣрьечка, ты Степáновна,	Зайдѣ, зайдѣзь высокóго тѣрэма, Прыголѹбъ ты йсного сокола, Йсного сокола тай зажитыяго, Дóброго мóлодця тай прыйизжаго, А Ивáнка тай Егóровыча“.
---	---

Когда молодая обноситъ, тогда дружекъ провожаютъ изъ хаты, а сватамъ даютъ обѣдать. Пообѣдавши, свекоръ подноситъ по рюмкѣ и проситъ къ себѣ всѣхъ гостей. Гости всѣ уходятъ или уѣзжаютъ къ свекру гулять, а женихъ остается съ боярами у невѣсты, и вотъ невѣста съ подругами начинаютъ варить вареники и угощаютъ всѣхъ, кто бы ни былъ въ хатѣ. Поѣвши вареники, всѣ зрители уходятъ, а въ хатѣ остаются нѣсколько дѣвокъ, женихъ и бояринъ; тутъ начинаютъ ужинать, пьютъ водку и садятся за столъ парубки съ дѣвками парами. Послѣ ужина ложатся спать.

Свадьба по большей части назначается на воскресенье, а въ пятницу и субботу невѣста ходитъ просить сосѣдей и знакомыхъ лѣпить шишки. Собираются женщины и начинаютъ лѣпить „шишки“, „лежень“ и „каравай“. „Каравай“ лѣпятъ такъ: въ „дигу“ сыплютъ муки, льютъ воды, зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ дигѣ. Тѣсто мѣситъ мужчина указательнымъ пальцемъ, и когда заколотитъ тѣсто, тогда мать невѣсты подноситъ по рюмкѣ водки, и, по выпивкѣ водки, женщины начинаютъ лѣпить каравай, при этомъ поютъ пѣсню:

„Трóйця по цѣркви ходыла, Спáса за рѹчку водыла. Ой, ходимъ, Спасъ, до насъ: У насъ усѣ горáздъ:	Хорóшии каравáйныци. Хорóшенько каравáй бають, Вѣсело спивáють“.
---	--

Въ субботу подъ воскресенье бываетъ „подвисѣлокъ“. Къ „подвисѣлку“ убираютъ столъ такимъ образомъ: ставятъ два стола въ длину, покрываютъ ихъ скатертями, по всѣмъ угламъ кладутъ

шесть хлѣбовъ, а посрединѣ кладутъ „лѣжень“ (длинный большой хлѣбъ, украшенный шишками и калиною). Въ „лѣжень“ втыкаютъ „гильце“ (вишневая вѣтка, украшенная бумажными цвѣтами, калиною, лентами и конфектами). На тарелкѣ передъ невѣстою ставятъ калачъ, украшенный калиною, лентами съ красными нитками, а на него кладутъ двѣ ложки, связанные красною лентою. Пока убираютъ столъ, невѣста ходитъ, сзываетъ дружокъ и, собравши ихъ, приводитъ въ первую избу. Тутъ начинается невѣста молиться Богу; затѣмъ ведутъ ее въ сѣни и тамъ ее благословляютъ отецъ съ матерью, при чемъ она кланяется имъ въ ноги. Послѣ благословенія невѣсту беретъ подружій за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и сажаетъ ее за столъ. Въ это время невѣста бываетъ одѣта въ шерстяную кофту, юбку и фартухъ,—широкое ватное пальто, подпоясана сверху пальто расшитымъ „рушникомъ“, на шеѣ имѣетъ „намысто“, на ногахъ красные сапоги, вся спина бываетъ покрыта лентами, которыя привязываются къ „намыстамъ“ и вплетаются въ косу, заплетенную широко въ „дрибушки“, лежащую на спинѣ, украшенную лентами и цвѣтами, а голова повязана шелковымъ платкомъ; къ повязкѣ прикалываютъ цвѣты. Посадивши невѣсту за столъ, начинаютъ подносить всѣмъ водку, а невѣста, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ въ отдѣльности, кто пьетъ водку; въ это время дѣвки поютъ:

„А въ оцѣ Мыкóлы
Ударыли у дзвóны,
А Марьечкинъ бáтько
По двóру хóде,
По двóру хóде,
Зъ Бóгомъ говорé:
„Ой, маю я, Гóсподы,

Дочку виддáты,
Прыйдý, оглядý
И дóлею одарý.“
„Я Самъ не лийдý.
Янгуливъ пошлю:
Янгулы оглядáть
И дóлею одарýть“.

* * *

„Полынýли голубóньки
У пóле, гудýчи.
Марьечкино дивуванье
Тай нысýчи,
А за ними, тай Марьечка,
Тай плачýчи,
Ридненького тай бáтенька,
Тай просячи:

„Ой, переймай, мий бáтенько,
Тии голубы:
Вонý моє дивуванье
Зъ собóю узялý!“
„Ой, вýсоко, дятя моє,
Полынýлы,
Пидъ крылечка дивуванье
Пидгорнýлы“.

Угостивши всѣхъ водкой, садятся за столъ и начинаютъ вечерять. Вечеря состоитъ изъ пироговъ, вареной капусты, лапши и мяса. Послѣ ужина старики расходятся по домамъ, невѣста же съ женихомъ, друзьями и боярами собираются куда нибудь въ избу и гуляютъ всю ночь.

Къ жениху въ воскресенье, по приглашенію сходятся „бояре“, свашки и свитилки. „Дружко“ беретъ жениха за платокъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, вводитъ его въ сѣни и черезъ порогъ говоритъ: „Старосты, пань-пидстаросты, хто до ко́го, а мы до Бо́га, та до ва́шого здо́ровья,—благословѣть, старосты, молодого князя за стилъ завысты“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть“. Тогда дружко беретъ жениха, заводитъ его за столъ, и возлѣ него садятся бояре, свашки и свитилки. Старшая свитилка держитъ „мечъ“, который связываетъ изъ васильковъ, крокоса и гвоздикъ; въ „мечъ“ воткнуты два деревянныхъ копыя, и къ нимъ приклеиваютъ горящую свѣчу. Когда посадятся за столъ, имъ подають обѣдать. Послѣ обѣда поднесутъ по рюмкѣ или двѣ водки, и мать жениха начинаетъ „дарить“. Сначала перевязываетъ жениха, потомъ подастъ платочекъ на мечъ, свашкамъ и свитилкамъ по платочку, а боярамъ пришиваютъ къ картузамъ красныя ленточки. Одаривъ такимъ образомъ гостей, молятся Богу и выходятъ изъ-за стола. Свитилка, одна съ мечомъ, другая съ „гильцемъ“, затѣмъ свашки, бояры и музыканты садятся на повозки, запряженные убранными лентами, цвѣтами и кумачемъ лошадьми. Женихъ стоитъ безъ шапки среди двора; тутъ выходитъ мать жениха и въ фартухѣ держитъ—хмѣль, овесъ, сѣмечки изъ „гарбузовъ“, орѣхи, рожки и конфекты. Дружко беретъ ее за платочекъ, который она держитъ въ рукѣ, обводитъ ее три раза вокругъ „пойизда“, и она обсыпаетъ поѣздъ всѣмъ тѣмъ, что у нея въ фартухѣ. Затѣмъ мать беретъ платочкомъ подъ уздцы лошадей, на которыхъ садится женихъ, и выводитъ ихъ за ворота. Тутъ уже женихъ крестится, садится въ повозку, надѣваетъ шапку, и всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ.

Утромъ въ воскресенье невѣсту одѣваютъ, и она съ подругами идетъ въ церковь. По приходѣ изъ церкви въ скорости приѣзжаетъ поѣздъ съ женихомъ, боярами, свашками и музыкан-

тами, берутъ невѣсту и катають почти до вечера. Покатавъ невѣсту, подвозять ее къ двору; она встаетъ и стоитъ, пока женихъ, проѣхавши раза два по улицѣ, въѣдетъ во дворъ. Во дворѣ встають свашки и свитилки и становятся передъ крыльцомъ, возлѣ заранѣе поставленнаго стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ кусокъ соли; самъ же женихъ опять ѣдетъ. Тутъ къ нимъ подходитъ невѣста, кланяется три раза въ поясъ, цѣлуетъ всѣхъ свашекъ и свитилокъ и идетъ въ сѣни. Здѣсь беретъ ее подружій за платокъ, держитъ его въ одной рукѣ, а въ другой рукѣ два хлѣба и говоритъ: „Старосты, паны-пидстаросты, хто до ко́го, а мы до Бо́га, та до ва́шего здоро́вья, благосло́вить, старосты, молоду́ за стилъ завысты“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благосло́вить“. Тогда подружій сажаетъ ее за столъ, возлѣ нея садятся дружки, а подлѣ иконъ, на покути, стоятъ маленькіе мальчики съ палками, на концахъ которыхъ навязано по пучку соломы. Тѣмъ временемъ подъѣзжаетъ поѣздъ ко двору; дружка вводитъ во дворъ подъ уздцы лошадей; тутъ женихъ встаетъ и становится возлѣ свашекъ. Увидѣвъ, что пріѣхалъ женихъ, выходитъ теща, выноситъ стаканъ, наполненный хмѣлемъ, цѣлуетъ жениха, отдаетъ этотъ хмѣль старшему боярину, а бояринъ сыплетъ этотъ хмѣль между лошадей; потомъ теща здоровается съ боярами, свашками и свитилками и проситъ ихъ въ хату. Когда выйдутъ всѣ въ сѣни, дружка беретъ жениха за платокъ и говоритъ: „Старосты, паны-пидстаросты, хто до ко́го, а мы до Бо́га, та до ва́шего здоро́вья, благосло́вить, старосты, молодого князя за стилъ завести“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благосло́вить“. Получивъ разрѣшеніе войти въ хату, дружка подводитъ ихъ къ столу, чтобы посадить жениха за столъ; но тутъ является препятствіе: мальчики, стоящіе на покути съ соломенными „кийка́ми“, не пускають жениха за столъ и начинаютъ безъ церемоніи бить впереди стоящаго дружка, прося выкупъ за косу невѣсты. Дружка подноситъ имъ по рюмкѣ водкѣ, которую они выпиваютъ до дна, даетъ имъ копѣйки по двѣ или по три денегъ и по шишкѣ, которыхъ свашка держитъ полную большую сумку; тогда только мальчики встають, а женихъ залѣзаетъ за столъ, цѣлуетъ невѣсту и садится возлѣ нея, возлѣ него — всѣ сви-

тилки и свашки, а напротивъ бояре. Въ это время дружки поють слѣдующую пѣсню: „А въ садѣ соловейко защебетавъ, молодой Иванко Марьечку поцилувавъ“. Когда усядутся всѣ за столъ, подходитъ къ столу отецъ невесты и подноситъ всѣмъ гостямъ водки, а потомъ подноситъ мать; въ это время женихъ и невеста кланяются всѣмъ, кто пьетъ, выражая этимъ то, что они просятъ выпить.

Когда всѣхъ угостятъ водкою, тутъ молодыя бабы изъ родни, стоящія на полу (кровати), берутъ у жениха шапку, пришиваютъ къ ней вѣнокъ, который берутъ у невесты, и поють пѣсни:

„Изъ Кіева швачки,
Мищанский дѣчки,

Шовка скуповалы,
Винокъ пришивалы“.

Пришивъ вѣнокъ, сестра невесты кладетъ шапку съ вѣнкомъ на голову, и поють пѣсни:

„Зять на мене
Тай не дѣвыцця:
Винъ на мене
Нышкомъ крѣвыцця;

Зять на мене
Косо поглядѣе:
Винъ на мене
Нышкомъ лае“.

* *

„Ой, зяте хорѣший,
Выймы копѣ грошей,

Ще копою не одбѣдешъ,
Хибѣ минѣ жупанъ купышъ“.

* *

„Не дывѣсь, зять, на мене,
По-за плечѣма, не лупай очѣма;

Заглянь у кишѣню,
Выймы грошей жмѣню“.

* *

„Зять на пичъ поглядѣе скѣса,
Чи нема на печѣ прѣса,

Колѣ-бъ швѣдче утектѣ,
Щобъ не заставѣлы товктѣ“.

Тутъ ей за пришитый вѣнокъ подають рюмку водки на тарелкѣ, копѣекъ 5—10 денегъ и шишку; она выпиваетъ водку, беретъ деньги, кладетъ на тарелку шапку и отсылаетъ ее боярину, а сама поетъ.

„Славылы бояры,
Що зять багатый и грошей михъ,

А винъ положивъ
Полѣшку, якъ на смихъ“.

Бояринъ беретъ шапку и черезъ столъ надѣваетъ ее на жениха три раза, то надѣвая, то снимая, а потомъ беретъ и держитъ ее у себя. Въ это время дружки поють свашкамъ:

„Ой, ты, дѣружечко,
Наша Марьечко,

Чи пѣсни спѣваѣты,
Чи свѣшку прохѣты:

Свѣнечко, свѣнечко,
Свѣтылочко, барвыночко,

А свашки поють:

„Ой, благословѣ, пѣну свѣте,
Пѣсенки намъ заспиваѣты.
У нашого пѣна свѣта во дворѣ,
Стояла яблунька, либѣнь двѣ.
На тѣй яблуньцѣ соловѣй,

Заспивай намъ хоть одний,
Веселои, прѣйїзжои пѣсенки“.

А на дрүгій зузүля.
Найїхалы подолѣны съ подѣли.
Тай прѣвезлѣ съ собѣю ыгры,
Началы ыгры грѣты,
А староста зѣ свѣнычкою ска-
кѣты“.

Дружки боярамъ поють:

„Рубѣйте вы, дружкѣ лѣзы,
Рубѣйте занѣзы,
Боярѣ запрягѣть,

На табакѣ орѣть.
Не сыдѣть, бояры, до нѣчи,
Бо выключе совѣ очѣ“.

Пришивъ вѣнокъ, требуютъ подарковъ которые выговарива-
ютъ еще до свадьбы. Тутъ начинаются дары: матери подають
сапоги, сестрѣ „кисныкѣ“ (ленту), невѣсткамъ по пяти копѣекъ
денегъ, а остальнымъ родичамъ по шишкѣ. Остальныя шишки
свашка раздаетъ дружкамъ, а если не дастъ дружкамъ по
шишкѣ, то они начинаютъ ей пѣть пѣсню:

„Свашка не липѣшка,
Шишѣкъ не липѣла.
Дружѣкъ не дарѣла;
Однѣ излипѣла,
Та ѣ ту самѣ зѣйла,

А що не дойїла,
До столѣ прилипѣла,
А бояре оголодѣлы,
Зүбы поломѣлы“.

Получивъ подарки, начинаетъ дарить мать невѣсты. Сначала
подаетъ платокъ жениху, потомъ платочекъ на мечъ, свашкамъ,
свитилкамъ и боярамъ по платочку или по ленточкѣ. Въ это
время дружки поють:

„Булѣ повнѣ скрѣня,
Стѣла половѣна:
Мѣте надбирѣла,

Боярѣ дарувѣла;
А бояры дары забрѣлы
Ѣ спасѣби не сказѣлы“.

Беря подарки, свашки и свитилки благодарятъ, выражая
благодарность въ такихъ словахъ: „спасѣби свѣтови, свѣси и
молодѣй княгѣни, що ранѣнько вставѣла, та подѣрѣчки прѣла“.
Когда окончатъ даренье, подходитъ къ столу дружокъ, беретъ
ножъ, начинаетъ рѣзать на куски каравай и подаетъ сначала по
куску на тарелкѣ жениху и невѣстѣ, а потомъ и всѣмъ роднымъ.
Дружки въ это время поють:

„А казѣлы, дружкѣ старѣ, старѣ,
Ажъ винѣ молодѣсенъкий,
Якѣ гай зеленѣсенъкий;
А на ёму кафтанѣ, кафтанѣ,
Соломоу напханѣ, напханѣ.

Обручѣмы головѣ сбитѣ,
Мочалоу борода сшитѣ,
Лычкомѣ пидперезѣвся,
Кѣ каравѣу прибрѣвся“.

„А дружкѣ каравѣй краѣ,
Сѣмеро дитѣй маѣ,

Та й вси съ торбынкѣми;
Увѣсь каравѣй забрѣлы“.

„Чы не бѣчишѣ, ты дружкѣ,
Що боѣры каравѣй крадуть;
Хто въ михѣ, хто въ кишѣню—
Бѣтькови на вечерѣу,

Хто въ михѣ, хто въ рука-
вѣи—
Дѣвкамѣ на вечернѣи“.

Послѣ этого дѣвки выходятъ изъ за-стола, цѣлуютъ невѣсту
черезъ столъ и уходятъ, а на ихъ мѣсто садятся молодыя
бабы. Дѣвки, когда уходятъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

„Прощѣй, прощѣй, сестрѣ наѣша,
Мы не твой подруженьки, ты не
наѣша.

Прощѣй, прощѣй, сестрѣ на-
ша, мы вже идѣмѣ,
Мы твоѣ дивуванѣе съ со-
боу берѣмѣ“.

Тѣ-же бабы, которыя садятся возлѣ невѣсты, поютъ:

„Чомѣ ты, Мѣрьечко, досѣжуешѣ
Чомѣ ты бѣтенька не дякуешѣ
За твоѣ кохѣннѣячко.

„Спасѣби тобѣ, ты мий бѣ-
тенько,

Ужѣ кѣныки позапрѣжени
И колясочки позавертѣани,
Тѣльки сѣсты, та й поѣхѣаты.

За твоѣ кохѣннѣячко,
Що я въ тебѣ жилѣ
Важкѣго дѣла не знѣла:

„Я велѣу кѣныкамѣ вивсѣ дѣтъ,
А визнѣченѣкамѣ постоятъ,
Покѣль прѣйде мий бѣтенько
изъ сѣду—выногрѣду“.

Тѣлько знѣла ранѣнѣко
встѣты,

Та до мене на порѣду.

Кѣску счисѣты,
Та сплѣстѣ винѣчокѣ,
Питѣ до дивѣчекѣ,
Тѣй погулѣты.

Тѣлько бѣтенько на порѣгѣ,
Клѣняйсѣ, Мѣрьечко, нызѣнѣко
до нѣгѣ.

А тепѣрь пидѣ, поскачу.
Важкѣ дѣлонѣко побѣчу“.

Послѣ этого выводѣтъ жениха изъ-за стола, они клѣняются
отцу и матери въ ноги; отецъ дѣетъ жениху икону, а женихъ
невѣстѣ, потомъ дѣютъ обоимъ по хлѣбу и говорѣтъ: „А до цѣго
ще прыроблѣйте“. Послѣ этого невѣста выходитъ изъ хѣты и
становѣтся на тарѣнтасѣ, а дружкѣ обводитъ жениха три раза

кругомъ „поѣзда“ и каждый разъ женихъ бьетъ невѣсту плетью, а она ему кланяется, стоя на тарантасѣ, потомъ садятся и ѣдутъ къ свекру.

У свекра встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью отецъ и мать и говорятъ: „мылосты прѣсымъ въ отцовскій домъ“; потомъ сажаютъ ихъ за столъ, подносятъ по рюмкѣ, тѣмъ свадьба и оканчивается. На другой день невѣста ѣдетъ съ женихомъ, дружкой, подружками и сванками къ родному отцу завтракать.

Гуляютъ крестьяне почти цѣлую недѣлю, зазывая „бесѣду“ (гостей) одинъ къ другому. Богатому человѣку свадьба обходится не меньше 200 руб., а бѣдному не меньше 70 рублей, крупный расходъ большею частью падаетъ на водку, которой выходитъ очень много. За невѣсту женихъ даетъ обязательно деньги отъ 10 до 100 руб., хлѣба отъ 4 мѣръ до 3—4 четвертей, смотря, на чемъ поладятъ, а также ведро или 2 водки.

Родины. Когда родится ребенокъ его сейчасъ обмываютъ, бабка беретъ на руки ребенка и отдаетъ его куму со словами: „Нате вамъ новорожденнаго, нехрыщеннаго, а намъ прынысытъ хрыщеннаго и мольтвьянаго“. Кумъ беретъ ребенка, отдаетъ его кумѣ, и они идутъ къ священнику. Когда придутъ отъ священника, кума отдаетъ ребенка бабкѣ и поздравляетъ всѣхъ родныхъ съ новорожденнымъ, а бабка кладетъ ребенка на печь. На крестины зовутъ родныхъ и сосѣдей и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать. За обѣдомъ кума подноситъ гостямъ водку, и гости дарятъ роженицу, а потомъ подноситъ бабка, дарятъ бабку, кладя на тарелку деньги. На третій день бабка сливаетъ на руки роженицѣ воду, которую беретъ въ колодезь, и читаетъ молитву „Господнюю“, „Пресвятой Богородицѣ“ и слѣдующую молитву, какъ они называютъ: „Дай, Бѣже, вѣчиръ добрый, земля Тытына, вода Оляна, дай минѣ воды отъ усякой нужды и биды. Омываешь ты лугы и береги и все чисте поле, омый ты хрыщену, порождену“ (имя роженицы). Сливъ на руки воду роженицѣ, бабка стелетъ за столомъ на лавѣ козухъ, на козухъ сажаютъ роженицу и подаютъ обѣдать. Роженица подноситъ водку бабкѣ и гостямъ (которыхъ все это время бываетъ 2—3 человѣка); вся эта церемонія у нихъ называется посадить роженицу и гостей „въ рай“.

Послѣ обѣда роженица кладетъ на столъ три хлѣба бабкѣ и на хлѣбъ-соль, а также за труды какойнибудь подарокъ: полотно или ситцу. Бабка беретъ хлѣбъ, съѣдаетъ кусочекъ, потомъ подаетъ роженицѣ кусочекъ хлѣба и кусочекъ соли. Хлѣбъ роженица съѣдаетъ, а соль завязываетъ въ рубашку, и должна ѣсть эту соль каждое утро натошакъ, чтобы скорѣе выздоровѣть. Послѣ этого бабкѣ отдаютъ все приготовленное, какъ то: хлѣбъ, подарки, и провожаютъ домой. Роженица не должна выходить въ первый разъ послѣ болѣзни, не взявъ чегонибудь желѣзнаго въ руки: гвоздя или ножа: иначе ее сглазятъ, и она долго будетъ болѣть. Роженицы, особенно здоровыя, по большей части начинаютъ подыматься и работать съ перваго дня.

Похороны. Когда умретъ у крестьянъ ктонибудь въ домѣ, то въ хату вносятъ солому, постилаютъ ее на землю, покрываютъ сверху рядомъ и кладутъ на нее покойника, гдѣ его и обмываютъ.

Обмывъ покойника, одѣваютъ его въ чистое бѣлье и подпоясываютъ пояскомъ, завязывая узелъ въ петлю такъ, чтобы ему легко было развязать этотъ узелъ на томъ свѣтѣ; на лавѣ въ это время стелютъ полотно и кладутъ его на немъ. Въ маленькій платочекъ завязываютъ копѣйку или двѣ денегъ и затыкаютъ его за поясъ покойника, чтобы ему было, чѣмъ на томъ свѣтѣ утираться и было за что откупить мѣсто. На ночь собираются мѣстныя черницы (монашки) и поютъ молитвы и псалмы, а богатые люди, или если умретъ человѣкъ старый, нанимаютъ читать надъ покойникомъ псалтырь; у нѣкоторыхъ онъ читается до шести недѣль, а также и во все это время на окнѣ возлѣ иконъ стоитъ стаканъ, наполненный медомъ. На ночь возлѣ стакана съ медомъ кладутъ чистое полотенце. Крестьяне дѣлаютъ это для того, чтобы душѣ было, что поѣсть и чѣмъ утереться, такъ какъ душа покойника приходитъ каждую ночь домой. Когда покойника выносятъ изъ хаты, хозяева берутъ жито и сыплютъ вслѣдъ покойнику по всей хатѣ, сѣнямъ и на крыльцѣ, чтобы онъ не унесъ съ собою семейнаго счастья, и чтобы жить безъ него было хорошо.

Вынося покойника изъ хаты, выносятъ вслѣдъ за нимъ и его постель, на которой онъ лежалъ, а также всѣ родные и кто есть въ хатѣ выходятъ не только изъ хаты, но за ворота и

затворяютъ ворота, пока унесутъ покойника, вѣря въ то, что, если кто останется въ хатѣ или во дворѣ, то съ нимъ останется и смерть. Суевѣріе это такъ сильно у нихъ, что бывали случаи, когда изъ хаты выносили покойника, а въ той же хатѣ оставался сильно больной, такъ, чтобы не оставалась съ нимъ смерть, его выносили за ворота изъ постели.

Д. Шинкарева.

14.—Сл. Пантюхино.

Поселеніе и населеніе.—Говоръ.—Хаты, одежда и пища.—Народное лѣченіе.—Куриный промыселъ.—Религіозность и развитіе.—Вечерниці.—Свадебныя пѣсни и обряды.—Праздничныя пѣсни.—Игры.—Повѣрья и пословицы.

Слобода находится на возвышенномъ мѣстѣ и расположена глаголемъ, т. е. на подобіе буквы Г; разстояніе ея отъ уѣзднаго города 75 вер., отъ сл. Марковки, въ которой производится хлѣбная торговля тысячъ на 100 руб., въ 25 вер. и въ 25 вер. отъ сл. Константиновки, Богучарскаго у., Воронежской губ., чрезъ которую проходитъ линія Козлово-В.-Р. ж. д., и гдѣ находится станція Кантемировка съ элеваторомъ. Сл. Пантюхино находится на границѣ съ Воронежскою губ., именно: теперешняя сл. Бондарева Воронежской губ. и Пантюхино были одною деревнею, и, какъ г. Старобѣльскъ принадлежалъ къ Воронежской губ., такъ и Пантюхино была тоже Воронежской губ.; по новому же раздѣленію губерній, сл. Пантюхино раздѣлили пополамъ: сѣверная часть Пантюхина отошла къ Воронежской губ. и была названа сл. Бондаревою, а южная осталась Пантюхино, и жители сл. Бондаревой называютъ теперешнюю сл. Пантюхино Верхотой—потому что она расположена выше ихъ деревни. Крестьяне сами себя называютъ „пантюшанами“, а другіе называютъ ихъ „верхотянами“.

Мѣстные крестьяне были не помѣщичьими, а, какъ и теперь, государственными, и, съ большимъ удовольствіемъ вспоминая о прежней роскошной для нихъ жизни, передаютъ, что у нихъ было всего вдоволь: земли, лѣсовъ, скота рогатаго, лошадей, свиней, хлѣба; хлѣбъ сѣяли только для себя, а не для продажи; ситцевъ и матерій не покупали, а носили бѣлье изъ своего холста, обувь и платье тоже своей работы; деньги нужны были только для самыхъ необходимыхъ потребностей: на соль, деготь, на подушное и только. Нѣкоторые передаютъ, что первымъ поселившимся здѣсь былъ крестьянинъ Пантелеймонъ, или по мѣстному „Панько“; отъ этого Пантюха—впослѣдствіи Пантюхино.

Въ деревнѣ этой нѣтъ ни рѣки, ни пруда, но воды въ колодцахъ много. Замѣчается,—гдѣ вода, повидимому, должна быть близко, тамъ далеко, и наоборотъ.

Всѣ жители подходятъ болѣе къ великорусскому типу, языкъ же малороссійскій; особенностей говора замѣчается мало, кромѣ немногихъ словъ, напримѣръ: „чи пакъ забѹвъ“—я и забылъ, „маѣче“—кое-гдѣ есть, виднѣется, „сурóмыщця“—стыдится, „пидмытъ“—мѣсто для посѣва конопли, „мирщій“—скорѣе.

Говоръ. Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*: рокъ—рикъ, жена—жінка, ледъ—лидъ, печь—пичъ, бокъ—бикъ, свой—свий, попъ—пинъ, песокъ—писокъ, соль—силъ, столъ—стилъ, кошка—кінка, котъ—китъ, громъ—гримъ, подкова—пидкóва, горькій—гиркый, колодезь—колóдизь, слесарь—слісарь; примѣры перехода *е* въ *ё*: его—ёго, чернило—чёрныло, пчела—пчёлà, бджолà; переходъ *о* въ *ё*: Осипъ—Ёсыпъ; переходъ *ё* въ *е*: твёрдый—твердый, зелёный—зелёный, козёлъ—козель, варёный—варёный, орёлъ—орэль; переходъ *ь* въ *и*: вѣра—віра, мѣсяць—місяць, бѣлый—білый, снѣгъ—снигъ, дѣло—діло, рѣзать—різать, орѣхъ—оріхъ, и т. д.

Измѣненія неударяемаго *о*: горячій—гарячий, хозяинъ—хазяенъ, въ соборѣ—въ субóри, хорошо—харапò, Харьковъ—Харькивъ, самоваръ—самувàрь, солдатъ—салдàтъ, топоръ—тупòръ, яблоко—яблòко.

Звукъ *и* произносится тверже, чѣмъ въ литературномъ говорѣ, почти какъ *ы*: синица—сыныця, жито—жыто, Филиппъ—Фылыппъ, учитель—учытель, умирать—умырать; *ы* произносится вообще твердо и иногда измѣняется въ *у*: былъ—бувъ и пр.; *е=ы*: стекло—стыклò, палець—пáлыць, семья—сымыя, сестра—сыстра, нельзя—ныльзà; *г* (*g* или *h*) произносится, какъ литературное *г* (*г* и *gh*); сочетанія жа, ча, ша, шу, гу, жу и проч.: сижу—сыдю, щука—щюка, шучу—шутю и др. Измѣненія *з, ц—с*: звѣрь—звиръ и дзвиръ, сговориться—зговорыцьця, съ горы—зъ горы, звонъ—звинъ и дзвинъ, огурцы—огиркы, доска—дóшка.

Измѣненія губныхъ *б, п* и *в*: юбка—юпка, пчела—бжолà, бджолà, внукъ—онукъ и унукъ; измѣненія зубныхъ *д* и *т*: календарь—калантырь, хотъ—хочъ, записаться—запысацьця. Звукъ *дж* рѣдко слышенъ. Измѣненія *л*: шелкъ—шовкъ,

волкъ—вовкъ, гналь—гнавъ; измѣненія звука *ф*: форточка—хвѣрточка, фонарь—хвынаръ, фунтъ—хвунтъ; случаевъ удвоенія согласныхъ не замѣчено. Случаи придыханія: овѣсь, овсѧ—говѣсь, вивсѧ, овца—вивцѧ, арбузь—гарбѣзь, утка—вѣтка, вдова—удовѧ, окно—викно, ось—вись. Измѣненія *и* и *ч*: имущество—имѣчество, что—шо.

Народъ читаетъ преимущественно псалтырь, часословъ, Евангеліе, житія Св. и сказки про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и др., пріобрѣтая ихъ отъ книгоношъ и на ярмаркахъ.

Хаты крестьянъ строятся по большей части деревянные и изрѣдка изъ „самѧна“, т. е. необожженного глинянаго въ смѣси съ соломою кирпича, въ четверть или 5 в. ширины и 8 или 9 вер. длины; крыты соломой; строятся въ 2 и 3 комнаты; устройство ихъ однообразно. Хату лицомъ (причилкомъ) ставятъ на югъ или на востокъ, или, если входная дверь съ юга, лицомъ на западъ; это общепринятый способъ,—не смотря на улицу. Хата въ 2 комнаты: одна изъ нихъ „хата“ для гостей и хозяевъ, „хатѣна“—кухня и, если—въ 3 комнаты, то 3 называется „кимнѧта“—спальня; отдѣляется она такъ: отъ „хатѣны“ печью, а отъ хаты—досками; почему она самая теплая изъ комнатъ. Это новѣйшее устройство; старинное же было въ 1 комнату и въ 3 окна, теперешняя хата имѣетъ отъ 4 до 8 оконъ, мѣстные жители не придають, повидимому, никакихъ значеній, ни угламъ, ни печамъ, ни порогамъ. Амбары стоятъ почти у всѣхъ жителей на улицу; за домомъ помѣщается маленький амбарчикъ, вродѣ кладовой; дальше загоны (кошѧры) для скота; противъ оконъ на югъ сарай и конюшня; позади двора токъ (гумно) и клѣня (рига); за токомъ огородъ для овощей, далѣе роща.

Дворъ расположенъ квадратомъ и устраивается такъ, что изъ оконъ хаты видно все, что дѣлается на дворѣ. Если семейство велико, то крестьяне не дѣлають пристроекъ къ дому, а строятъ другой, считая, что рано или поздно прійдется дѣлиться, т. е. не жить вмѣстѣ. Украшеній въ хатахъ нѣтъ никакихъ; сволоковъ съ надписями нѣтъ.

Одежда мужчинъ зимняя праздничная: тулупъ съ воротникомъ,—не у всѣхъ, 30 р. кужухъ, крытый сукномъ, или на-

гольный, отъ 10 до 20 р., свита съ воротникомъ 6 р., капелюхъ 1 р., шапка отъ 55 к. до 3 р.; весенняя свита изъ чернаго сукна 5 р., чумарка отъ 4 р. до 15 р., пиджаки, жилетъ и брюки отъ 5 р. до 15 р., картузь отъ 50 к. до 2 р.,—по большей части суконныя или триковыя пары, кушакъ 1 р. 50 к. и шарфъ отъ 30 к. до 60 к. Будничное тоже самое, только старое. У женщинъ зимняя одежда: „кожухъ“ отъ 10 р. до 20 р. платки до 4 р., „очіпокъ“ очень рѣдко, почти вышелъ изъ моды, отъ 1 р. 50 к. до 10 р., „юнка“ и „шарафанъ“ бумазейныя. Весеннія: юбки разныхъ рисунковъ, халаты и свиты изъ бѣлаго сукна 5 р., платки покупаютъ дѣвушкамъ даже шелковые до 4 р. Городское вліяніе оказалось въ появленіи пиджака, брюкъ и „жилетки“ суконныхъ или триковыхъ. Обувь—валенки отъ 1 р. до 1 р. 50 к., сапоги отъ 3 до 5 руб., штиблеты отъ 2 до 4 р. Крестьяне ходятъ чисто и любятъ щеголять. Остатковъ старинныхъ одеждъ нѣтъ.

Пища: борщъ, мясо, капуста, квасъ, блины и пироги—у богатыхъ и у бѣдныхъ, различія нѣтъ. Пища улучшается, каждый безъ исключенія крестьянинъ пьетъ чай; если самовара нѣтъ, то изъ горшка, и мало употребляютъ „фруктовый“, а все требуютъ: „В. И. Попова“. Относительно чая говорятъ: „Панъ пье,—умъ ѳе; купецъ пье,—грѣши ѳе; мужыкъ пье,—пѣкы воды ѳе“.

Мѣстные лавченки не оказываютъ никакого вліянія; подъ ними собирается молодежь въ воскресные и праздничные дни, поетъ пѣсни и грызетъ сѣмечки. Освѣщеніе вездѣ керосиновое.

Народное лѣченіе. Есть бабки и дѣды-шептуны, которые шепчутъ отъ лишая, ячменя на глазу, отъ зубовъ и др. Отношеніе къ врачамъ недовѣрчивое, въ особенности къ фельдшерамъ. Скотъ лѣчатъ мѣстные дѣды-шептуны: „желѣзнякъ“—скалываютъ шиломъ, „курдюкъ“—натираютъ чеснокомъ, отъ запора—растеніе „калѣчики“ (*Malva rotundifolia*, *Malva borealis*), съ корнями, съ прибавкою „жѣстера“ (крушина); вскипятивши, заливаютъ черезъ ротъ; отъ „перелѣговъ“—дѣды-шептунъ шапкою или картузомъ обводитъ вокругъ быка или коровы съ головы до зада, кругомъ спины, шепча таинственные слова.

Занятіе. Ни садоводства, ни пчеловодства, ни кустарныхъ

промысловъ нѣтъ; главное занятіе—земледѣліе, подспорьемъ въ хозяйствѣ является куриный промыселъ. Только 15 дворовъ не занимаются этимъ промысломъ, остальные отправляются съ 15 мая до Великаго поста по Старобѣльскому, Купянскому и Изюмскому у. собирать куръ, утокъ, индюшекъ; набравши дней за семь повозку куръ, которыя возятся въ „садкахъ“, клѣткахъ, для того устроенныхъ, возвращаются домой,—изъ дому ѣдутъ „сдавать“ купцамъ, которые живутъ въ сл. Бондаревой—въ 1 верстѣ, въ сл. Куликовкѣ—въ 12 в., въ сл. Бѣлой—въ 12 вер., въ сл. Константиновкѣ—въ 25 вер.; все это Воронежской губ. и Богучарскаго у. Зарабатываютъ они на одну повозку чистаго барыша отъ 5 до 20 р. и болѣе. Съ 15 мая наступаетъ сборъ цыплятъ, отъ 20 до 40 к. за пару, сдаютъ ихъ купцамъ отъ 40 до 60 к. за пару; куръ и цыплятъ побольше собираютъ послѣ жатвы хлѣба, отъ 38 до 70 к. за пару. Купцы, покупая лѣтомъ птицу, кормятъ ее 2 или 3 дня и отправляютъ живою въ Москву или Петербургъ, а птица, собранная осенью, кормится дней 12 и, ее убитою отправляютъ туда же. Съ марта до Филипповки крестьяне, человѣкъ 40, собираютъ яйца и сдаютъ ихъ тѣмъ же хозяевамъ; яйца покупаютъ отъ 8 до 12 к. за десятокъ, а сдаютъ отъ 12 до 20 коп. Тѣ крестьяне, которые занимаются куринымъ промысломъ, зарабатываютъ отъ 70 до 150 р., а тѣ, которые и яичнымъ вмѣстѣ,—отъ 100 до 200 р. Иногда купцы сами впередъ предлагаютъ крестьянамъ деньги, безъ росписокъ, отъ 70 до 150 р.

Религіозность и развитіе. Народъ религіознаго настроенія; сектантовъ нѣтъ. Крестьяне чтутъ особенно св. Митрофанія, престолъ во имя его и икону св. Варвары великомученицы; послѣднюю чтутъ съ недавняго времени по слѣдующему обстоятельству: одинъ крестьянинъ отправился зимою въ Харьковъ пѣшкомъ и на обратномъ пути долженъ былъ переходить рѣку уже передъ разливомъ рѣкъ; вдругъ онъ провалился и сталъ тонуть, и пришло ему на мысль, что въ этотъ день церковь празднуетъ память св. Варвары великомученицы; онъ сталъ просить ея покровительства, и въ то самое время ему представилось, что какая то женщина протягиваетъ ему свою руку и вытаскиваетъ его. Пришедши домой, онъ рассказалъ своимъ

односельчанамъ о случившемся, почему они и выписали изъ Аео-на икону св. Великомученицы и благоговѣнно чтутъ день празднованія ея памяти.

Народъ развитъ; образованіе даетъ одна школа; большинство молодаго поколѣнія грамотно. Крестьяне желаютъ, чтобы ихъ дѣти учились, но небрежно относятся къ ремонтнровкѣ школы и вообще къ денежнымъ затратамъ на школу, къ учителю относятся довѣрчиво. Права народа мало испорчены, народъ почтителенъ и добръ. Женщина считается полною хозяйкою дома, но въ обществѣ не имѣетъ никакого значенія. Родители мало обращаютъ вниманія на нравственное состояніе дѣтей и смотрятъ на нихъ только, какъ на помощниковъ въ хозяйствѣ, хотя и желаютъ, чтобы они были грамотны. Хозяева обращаются со своими работниками и работающими, какъ съ членами своей семьи,—вмѣстѣ работаютъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ 1891 г. по 1894 г. кабаки были закрыты: крестьяне сознали, что кабаки причиняютъ большой вредъ.

Каждый богатый хозяинъ имѣетъ запасъ водки. Пьянство теперь мало развито; —но замѣчательно, что крестьяне ничего не въ состояніи сдѣлать безъ могорыча: купить, продать—обязательно могорычъ,—хотя бы продажа или покупка была даже на нѣсколько копѣекъ, говорятъ: „хиба те діло, шо безъ магарыча“. Проституціи нѣтъ.

При рожденіи пѣсенъ не поютъ. Сейчасъ послѣ родовъ призываютъ кума и куму и несутъ ребенка крестить; если священника нѣтъ дома, то везутъ въ сосѣднюю деревню, не дожидаясь его. Мать дитяти послѣ родовъ купаютъ въ ваннѣ. Въ этотъ день въ домѣ, гдѣ родился ребенокъ,—ничего не займутъ и не продадутъ, даже самой пустячной вещи.

Вечерницы начинаются съ 1 октября и продолжаются до великаго поста, дѣвушки прядутъ пряжу, а молодые ребята сидятъ и забавляютъ ихъ игрою на гармоніяхъ или балалайкахъ; пѣсни поютъ вмѣстѣ дѣвицы и хлопцы. Приведемъ нѣкоторыя:

„Сію рідьку (2 раза),

Сію, поливаю.

Та родись рідька,

Чепурненька,

На зиму сховаю.

Та ще рідьки не кúшавъ:

Кáжугъ—вона гирька,

А ще мýлои не слýшавъ:

Кáжугъ—вона бойка“.

* * *

„Плывѣ Донъ (2 раза)
Тыхою стрілою,
Та зустрінь, мила, любезного
За быстрою рикою!
Ой застонала, не узнала,
Гулять заказала.
Та ходы, маты,
Коло хаты,

А я буду спаты (2 раза),
Тай качалочки въ головочки,
Пранички пидь бочки;
Лягай, ненька,—
Тутъ мякенько;
Бодай ты не встала,
Шобъ ты моей головоньки
Та не хлопотала“!

Свадебные пѣсни и обряды. Крестьяне сватаются большею частію въ своей деревнѣ; если же нѣтъ подходящихъ, тогда ѣздить на сторону. „Якъ задумаютъ жениты парня, тоді пригласають двоухъ чоловікъ, або зъ родычівъ, або зъ сусідь близькихъ (та тихъ, якъ балакучи), котори называюцьця старостами;—идуть вони до дівки, якъ надумали свататы; а якъ не въ свой слободѣ, то запрягають пару коней;—дойшовши, або дойхавшы до сусідь дівки, розпрощують про сымейство: чи чисте вона, чи не чисте; та якъ вона наудаль, чи сырдыта, чи смирна, чи робитница—(шобъ вийти на ниву нестыдно було), якый батько, якъ маты, та ще вся и ридня ихъ, —и якыхъ вони родывъ. (Ходять старосты вранци, або ввечери). Пидишовши до викна, старосты, съ паляницею въ платочку пидь рукою, кажутъ: „здоровъ, хозяинъ, пусты обогрицьця.“—Батько дівки, або старшый каже: „просымъ милосты,—въ батькивский куринъ“. Дівка жъ, якъ у хаты,—заразъ шыгъ изъ хаты на вулицю, або до сусідь. Старосты, вийшовшы въ хату, скидають шапки и моляцьця Богу—„здравствуйте, „съ середою“, чи якъ инше, „та будьте здорови“; отдають паляницю батькови, або старшому; той, поцилувавши йийи, кладѣ на стиль и прыгласа сидать ихъ. Сыдять вони, не роздягаючись, съ палками въ рукахъ, ковыряють ими зѣмлю, або чоботы обтырають, спрашуютъ: „чи на отданни дівчина, и якъ шо на отданни, такъ кажить діломъ, а то мы будемъ шукаты собі ще свативъ; діло ваше! цей хлопець вамъ звисный, та й батька его знаете, та ще знаете и батькового батька и матиръ, вони люды ловки и гарныхъ родывъ“. „За цего хлопця можно було-бъ отдать нашу дівчину, та у насъ недостатокъ: на евайбу у неї нымъ и скрини, и свѣтки празнышної, и

кожуха, и чобіть, и сорочокъ нымъ, и рушныкѣвъ перевязать старостѣвъ нымъ, та ще треба купыты очіпокъ рублѣвъ за три (отъ 2 до 10 р.), (и якъ шо дѹмають отдаты, то кажутъ:) якъ вы пособыте мині цѣлковыхъ пѣятнадцять, такъ, може, бѹдемъ и сватамы“. Торгуюцця.

Старостамъ прихѹдыцця разѣвъ зъ дѣсять-ходѣты, помы не вѣсватають: изъ одного рѣза дѣла нѣколы не бѹва; пѣсля согласы старостѣ зъ бѣтькомъ прызывають дѣвку, и бѣтько кѣже дѣвцѣ: „треба подывѣцця ще й на хлѹпця, хочъ мы и бѣчылы и знѣемо“. Прихѹде хлѹпецъ.—Станѹвлять ихъ коло порога и спрашуютъ, чи вонѣ согласны? Дѣвка: „якъ бѣтько та матѣ скажутъ“,—знѣчить, вонѣ согласна. Рѣжутъ тодѣ ту паляницю, шо прынесли старостѣ, вынимають зъ—за пѣзухы, або кармана вѹдку и пѣютъ „могорѣчь“. Якъ оцѣ дѣло вранци, або пѣредъ вѣчеромъ, такъ молодѣ достаѣ рушныкѣ и ѣмы перевязуютъ старостѣвъ, а якъ въ нѹчѣ, то дожыдають ранка (ѹтра),—бо не полагаецця.

Вѣпѣютъ вѹдку старостѣ и идѹтъ до женыхѹвого бѣтька и обѣясняютъ, въ чомъ дѣло, а женыхѣ остаецця у молодѣи нѹчуваты и хѹде кѣжду нѣчь нѹчуваты, а вранѣцы снѣда (завтракаетъ) тамъ у нѣѣ. Сваты зѣйдуцця колы нѣбѹдь або на дрѹгий дѣнь и балакають, на колы гулять свѣтанѣня; свѣтанѣня бѹва скѹро пѹсли тѹго, якъ полѣдять, и тутъ лѣдять, комѹ якѣ подаркѣ давать.

На якѣй дѣнь полѣдылы сваты гулять свѣтанѣня, молодѣ хѹде съ дрѹжкѣмы (дѣвкѣ рѣзныхъ вѹзраствѣ) съ двѹра на двѣрь и зѹвѣ на свѣтанѣня. Молодѣ идѣ позѣди дрѹжѹкъ; дрѹжкѣ спѣвають однѹ пѣсню у сѣ врѣмѣя: „Не просвѣтѹй менѣ, бѣтенько, свѣта мині не завѣязѹй, молодѣи“. Припѣвъ: „Дѣра, дѣра, дѣра; горѹхъ, горѹхъ по дѹрѹзи, а бѣтько у дѹрѹзи“.

Якъ прѣшла молодѣ до-дѹму (молодѣй ужѣ прѣйшѹвъ сюдѣ съ бѣтькомъ, матѣрю и блѣзкѣмы рѹдычѣмы), молодѹго сажѣютъ за стѣлъ зъ старшѣмъ бѹѣрыномъ (шаферъ), а молодѣ съ старшею дрѹжкою (шаферѣна), кладѣ на тарѣлку платѹкъ и отдаѣ молодѹму, тодѣ старшѹму бѹѣрыну хѹстку, тодѣ свѣкровѣ, свѣкрѹсѣ, хрѣщѣному бѣтьковѣ и матѣри, а остальнымъ даѣ по чѣрци горѣлки; за цѣ подаркѣ молодѣй даѣ одѣнъ рубль, бо-

ярынъ тóже, свéкоръ тóже, свекрúха на пáрочку, а остальныхъ одъ двадцатѣ копѣекъ до одного рубля. Молодà якъ пиднóсе вóдку, молодый все время стоять за столóмъ и клáняецця. Всимъ пиднóсятъ, и малымъ, а глáвное—по порядку (по ч́ину): бáтькови, мáтери, дядькáмъ, титкáмъ, двоюродному брáту, сы- стрѣ, а то зъ-за цёго ссóры буюáють“.

Прежде, ч́ьмъ молодого (жениха) заведутъ за столъ, молодой и молодая становятся парю и по порядку кланяются каждому изъ присутствующихъ по 3 раза и ц́блуются.

„Пислâ пиднóскы вóдки, молодёжь съ молодóю и молодымъ идúть въ сусидьську хáту, вáрятъ варёныкы, а молодой угощâ вóдкою. Старй остаю́цця тутъ у хáти, сидáють за стилъ,—хрещёнии бáтько и мáты на по́кути,—подають об́идать (вечé- рять) капúсту, галушкы, барáныну; бáтько и мáты пиднóсятъ по р́юмци. Пóсли цёго об́ида женихъвъ бáтько зве до себе всю бэсёду; тутъ ужé вóдки вдóволь, ори́шкы, пирожкы, гúска жáрына, капúста, лапшâ; якъ подають дрúгу пырым́ину, пид- нóсятъ по-р́яду по чáрци. (Стоить это отъ 30 до 50 р.). Пислâ цёго винчáють, а пислâ винця вечеры́ны.

На якый день вечеры́ны, тодѣ хóде молодà оп́ять зъ друж- кáмы, хóде вонâ зъ двора на двиръ, клáняецця кáждому по трýчи и цилýе,—наряжена хорошó: косâ úбрана кисныкáмы (лентами), головâ цвита́мы. Молодый хóде зъ старшимъ бо́яры- номъ тóже зъ двора на двиръ и зовё, (но не клáняецця); прый- шóвши до тэ́стя, прóсе: „мýлосты прóсымъ до нáшого бáтька въ гóсти“; а молодà пишлâ до свекрúхы, тутъ йий сажáють за стилъ; дають по чáрци, по пирожкú и по шы́нци, хто зъ нею прыйшóвъ. Такâ честь и молодóму.

Прийшóвши, молодой, додóму, спра́шуе дружкâ (роспоря- дýтеля свáдьбы); дружкò благословы́ть: „иды ты до сусы́ды, возьмы свий тырымòкъ (продолговатая шишка), стáрший бо́я- рынъ нехай пор́иже, та роздасть всимъ“. Ти пишлý и здýлалы, шо приказано. Трóшки опослâ идё за молодымъ дружкò въ су- сидьську хáту, кáже: „ходимъ въ бáтькивъ куринъ начына́ть д́ло робы́ть“, привывшы ёго въ хáту до себе (додóму), св́ите св́ичкы; „а подайте лýшень платòкъ прослáты пидъ нóгы“. Мо- лодый, помолывшысь Бóгу, клáняецця бáтькови, мáтери и всей

родни и знакомымъ и цилѹе. Тоді дружкѡ, одошѣдши до двѣрей, съ молодымъ позады, ставши лыцѣмъ въ хату, крычѣтъ: „Гѡсподы Иѹсе Хрыстѣ, Сынъ Бѡжій, помылуй насъ“.—Батько женихъ: „Аминь, Богъ благословѣтъ“, и идутъ прямо за стилъ вси бояре; дружкѡ, завѣвши молодѡго за стилъ, сида быля старостивъ и здорѡвкаецця: „здрѣствуйте“,—„здрѣствуйте“.—„Бѡже, поможи“, дружкѡ каже: „за цю вѣсть, якъ бы чѣрокъ шѣсть, а хочъ и по ѡдний, та по пѡвний“. Попѡдчуютъ дружкѡ, винъ и вылазе виттыля, и сажѣе свѣтылокъ (у рукахъ у ныхъ васылькѣ, а въ васылькахъ деревьяный мечъ и кинь) и свашѡкъ. Пидступѡ батько до стола, берѣ пляшку,—дружка крычѣтъ: „встань, пиднымѣсь“. Молодѣй встаѣ, батько пидносѣ молодѡму,—винъ отклѡнюецця (и вѡдки не пѣе и въ рѹкы не берѣ); батько пѣе самъ, даѣ мѣтери и по чѣну всимъ рѡдычамъ. Якъ усѣмъ пиднесѹтъ, тоді пѣе и самъ, молодѣй, боярынамъ (ихъ много), свашкамъ (женщины) а свѣтылкамъ (дивкѣ). Пидступѡ мѣты,—пидносѣ такъ, якъ и батько, а молодѣй съ боярыномъ стоятъ и пры кѣждомъ пидноси и отклѡнюецця. Пидносятъ (якъ у багѣтыхъ), такъ почтѣ усѣ риднѣ за столѡмъ, якъ посидѣлы, такъ отѡ ужѣ не выпустятъ никѡго. Дивчѣта въ це вѣрѣмья спѣвають пѣсню:

„Ломѣте рѡженьку,	Та на двѣрь, та на по-
Стѣлыте дорѡженьку,	двѣрьячко,
Шобъ мнѣгко ступѣты,	Та на яснѣ сѡнѣчко“.

А якъ отдаѹтъ сыротѹ, то спѣвають:

„Плывы, плывы, сѣра вѹтыця,	Бѣдний сыротѣ.
Тѣхо й по водѣ,	Та нехай тобѣ порѣжаѹтъ
Прыбѹдь, прыбѹдь, моя нѣнько,	Ти, шо й отдаѹтъ“.
Ой, дай минѣ, порѣдоньки,—	

Пѡсли цѣго пѡтчуванья, рѡдычѣ сажѡють вѣчѣрять, пѡтимъ тѡго росхѡдяцця, а молодѣй, не дожидѣаясь вѣчѣри, берѣ боярь—и берѣ двѣ хлѣбыни и кѹсѡкъ сѣла, и пивквѣрты водки, идѣ до тѣстя; тамъ зъ молодѡю и дрѹжками вѣчѣряютъ.

Та же—самѡ истѡрѣя идѣ и ѹ молодѡи;—тѡчно такъ,—безъ всякихъ изминѣний.

Пѣредъ свѣдѣбой дня за два пычѹтъ шишкѣ, лѣжень (продловатый хлѣбъ), корѡвай (круглый); якъ той, такъ и дрѹ-

гий—украиный. Колы сажаютъ коровай, то старающа по-
пасты хлопца, и щобъ винъ вымывъ пичку и посадывъ хлибъ;
за це ёму дають чарку горилки. Посадывши коровай въ пичъ,
чотыри молоды бабы берутъ дижу и обносятъ йий трычи кру-
гомъ; при цёму спиваютъ: „Дижку носятъ на рукахъ, а пичъ
ходе на ногахъ“. Проспивавши, наперерывъ одна пара передъ
другою, цилуюцца, становлятъ дижу на зёмлю, накрывають
скатертиною, становлятъ пивъ-бутылкы водки и кладутъ шишкы,
пьють и закусюють.

Сбирають пойиздъ у молодого. Сходяцца бояре, зводятъ
кони, запрягаютъ, заплитають киснычкы, кони накрывають
кумачёмъ, дзвонкы привязують до дуги и обматують кума-
чёмъ. (Дзвонкы просятъ у своихъ крестьянъ, и за це повенъ
дзвонкы водки). Якъ усё оцё готово, дружкò вводе молодого
въ хату и всехъ бояръ зъ надвору, и въ хати моляцца Богу,
крычить дружкò: „подайте платокъ прослатъ, де быть поклони“;
поклонившись батюкови, матери и всимъ родычамъ, тоди за-
воде молодого за стилъ. Дружкò дае ёму дви хлибыны пидъ
праву руку и, перехрыстившись, ведё кругомъ стола и садо-
вить на покути; молодой кладё по хлибыни по углахъ; довив-
ши молодого до покути, самъ сида, здраствуецца съ старо-
стами (котори тутъ же сидятъ); дружкò: „здравствуйте вамъ“,
„здравствуйте“, — старосты одвичаютъ; „Бóже, поможи“, — „спа-
сыби за добре слово“. — Дружкò: „за цю вистъ якъ бы чарокъ
шысть, а хоть и по одний та по повний“. Пье дружкò, пидносе
старостамъ; послѣ выпивки дружкò встаетъ, — сажаетъ свитылокъ
и свашокъ. Свашкы становлятъ тарилкы и крычатъ на бояръ:
„подавайте свой шапки: мы будемъ пришиваты стежки“; при-
шиваютъ старостамъ и визныкамъ; — старосты и визныкы
ще й перевязують рушныками. И каженъ за свою шапку ки-
дае копийку въ повозку свашокъ. Пидступна батюко до молодого
и частуе ёго; винъ откланюецца; пидносятъ усимъ, — тоди
молодому съ боярами и свашками; тоди пидступна потчуваты
маты, — така же цырымония. Попотчувавши гостей, — дружкò
сидаетъ за стилъ, а свашкы и свитылки вылизаютъ. Дружкò
опять здравствуецца съ старостами; тоди выводитъ молодого
изъ-за стола и дае опять ти дви хлибыны, що были поло-
жени на краяхъ.

Убыраюцця до молодби: кладуть у торбу той хлибъ, и шишѣкъ кладуть у торбу, та ще й прибавлять дви хлибины: всихъ чотыри; выходять зъ хаты, сидають на тарантасы; садыцця молодой и, вставши на нѣги, хрыстыцця на вси чотыри стѣроны; зъ нымъ сида, старшій боярынъ;—друга повѣзка зъ сващамы и свитѣлкамы, трѣтя, повѣзка зъ боярамы, четвѣрта зъ старостамы, (старосты ще не сидають: дожидаютъ вѣрмья).

Маты берѣ хмѣлю, вивса, орыхивъ, копѣекъ и старыхъ грошѣвъ въ полы, держа полы съ платкомъ;—дружко берѣ за хустку (платѣкъ) и обвѣде кругомъ поѣизду, куды сонычко идѣ; одынъ разъ, втѣорый разъ, довѣвши до переднихъ коней, де молодой сыдѣтъ, и кыдаеть навхрестъ; народъ такъ и пада на землю: дѣума схватѣтъ копѣйку, и крычѣтъ: „кыдай, мамо, сюда“; якѣй остаецця хмѣль въ заполи, маты опѣять захѣде напередъ коней и сыпе имъ пидъ нѣги и тодѣ берѣ полю за поводы абѣ за вѣжки, а дружкѣ берѣ матыръ за полу и вывѣдытъ до двѣра потыхѣньку,—тодѣ отскакуе на бикъ;—молодой, якъ тѣлько маты вѣведе зъ дружкомъ за вѣрѣта коней, то сейчасъ съ правои рукѣ кыда гроши на обѣ двѣ стѣроны.

Поѣиздъ поѣихавъ. Дружко зъ своимы старостамы зовѣ людеѣ у хату—дорѣгу глѣдытъ; дадѣтъ по стакану и идѣтъ до молодби въ двѣрь. Дѣавши народу по стакану и по шышци, просятъ на вѣчеръ, якъ молодѣ привезѣтъ.

Поѣиздъ доѣихавъ до цѣрквы, трѣчи оббижить кругомъ нѣи; тодѣ встаѣ молодой съ старшимъ боярыномъ, идѣтъ на схѣдци цѣрквы и, взийшовши на рундѣкъ (паперть), моляцця Бѣгу,—идѣтъ и сидають на тарантасъ, катаюцця по слобѣдѣ. Молода, якъ бы дожыда молодѣго, хѣде съ дружкамы по ѣлыци, а, побѣачивши поѣиздъ, ховаецця въ хату; якъ поѣиздъ добижитъ до тѣи хаты и стѣне пытѣты,—де вона, пиддружинъ, (со стѣроны невѣсты, то, что со стѣроны жениха дружкѣ) скаже молодой, шо ѣийѣ ждѣтъ; вона вѣйде зъ хаты на ѣлыцю съ дѣвчѣатамы, поѣиздъ оббига кругомъ ѣихъ, и тодѣ молодѣ пидхѣде съ старшѣю дружкою до молодѣго, здѣрѣвкаюцця и цѣлѣюцця со всимы, хто на поѣизди, за шо имъ пидносытъ по рѣмци моло-

дѣй. Пойіхалы ще катацьця. А старосты ужѣ давнѣ прыйіхалы до свѣта; не дойизжѣя до свѣтового двора, ихъ зѣразъ зустрічають и не пускають у двирь; а дружкѣ идѣ самъ у хату до свѣта и достаѣ изъ кармана двѣ шіішки: „здрѣствуйте вамъ, сватѣкъ и свѣха, Бѣже, помѣжѣ! вамъ клѣняющѣця сватъ—свѣтови, а свѣха свѣси, князь—княгѣни, а вамъ, свѣтушка, ще й хлѣбъ—силъ отъ свѣта и отъ свѣхи“, даѣ ти двѣ шіішки, и тодѣ дружкѣ поглѣдуе въ глухій край (де стоять рогащѣ), чи нема тамъ колдунѣцы; якъ шо йе, такъ винъ даѣ йій шіішку (шѣбъ не колдовѣла), и дружкѣ выбигѣ тодѣ зъ хаты безъ шѣпки до ворѣтъ, де старосты дожидѣють, и кѣже винъ старостѣмъ: „попѣштуйте людѣй, и вѣны васъ пропѣстѣть на постѣйный двирь“, старосты пиднѣсятъ по рѣмци, и ихъ пропускають у двирь.

Дружкѣ кывѣ на поійиздъ, шѣбъ йіхавъ, берѣ кѣней за поводы и вѣизжѣ у двирь,—встають боѣры зъ повѣзки, убѣрають кѣней, кладѣтъ сѣна, и дружкѣ идѣ въ хату и посыла за молодѣю пиддружѣго.

Пѣредъ порѣгомъ стоѣтъ стилъ, накрытый скатыртѣною, хлѣбъ и спѣль; пѣредъ столѣмъ становѣщѣця старосты, дѣльше молодѣй зъ боѣрамы (всѣ стоѣтъ безъ шѣпокъ). Дружкѣ молодѣго ухѣде въ хату и говорѣтъ: „клѣнялась свѣха—свѣтови, а сватъ—свѣси, а боѣры—дружечкѣмъ, а князь княгѣни—на хлѣбъ—на силъ“.—Кладѣ двѣ шіішки на стилъ;—сыдѣтъ рѣдомъ собравшіисѣ срѣдствѣныки и срѣдствѣныцы княгѣни и говорѣтъ дружкѣви:—„здрѣствуй, дружкѣ!“—„А я и забѣвъ зъ вѣамы, свѣхи, поѣдорѣвкащѣця“ (вѣжно), и начинѣе зъ свѣхи (титки молодѣй) и свѣта, мѣтерѣну сестрѣ; другѣмъ любопытнѣ, кѣжуть: „поцѣлѣй и насъ, свѣату, ну, да пидрѣдъ усѣхъ“,—„ну, извенѣте“, „та не такъ тѣичкы (только), ты цѣмъ не одѣвъ, то поцѣлувѣвъ, а хѣчещѣця намъ ще и свѣтовои по рѣмочци вѣпыты“.—„Та хто ѣгѣ знѣе, свѣшенъку: я за дѣломъ прѣйіхавъ, минѣ нѣжно о томъ смѣтрѣтъ, на менѣ дѣручѣно (поручѣно) цѣлое собравѣе хазѣйства бракосѣчетѣныя, да, мѣбудъ, ужѣ пиднѣстѣ, моглѣ бытъ, шо вы якъ на дѣйствѣи, то и за мнѣю застѣпѣтѣсь“. Вынимѣетъ зъ-за пѣзухи, абѣ зъ кармана полушѣбка, чи свѣтки, илѣ же тѣчытъ изъ бѣчѣнка, котѣрый батъ-

комъ на продовольствие поѣизда дѣнный, и точить, вынимаетъ зъ-за пазухи рюмку пидносыть бѣткови (княгѣни), той отсылаетъ; „ну, бѣдты, здоровѣ“, хрѣстыщця; „дай же, Господы, сѣ дѣло дѣбре началы, такъ съ Бѣжию поможѣю и коньчить, дай, Богъ, сватѣкъ, помершимъ царство небѣсное, а за водочкой, живымъ легѣнько погадаецця, вѣшимъ, сваточкѣ, нашимъ и всимъ знакомымъ“, — „кушайты, кушайты, сватѣкъ, ну, бѣдты здоровѣ!“ Выпиваетъ стакѣнчикъ до половѣны, — „сватѣкъ, цѣ ты намъ ны радъ, бѣдты наскѣлько дѣбри“, — „я радъ бы выпыть: да мни дѣла то много предстоить“, — „хочъ, трѣшки прыбѣвте ищѣ“, — „бѣдты здоровѣ, сваты и сванѣтки“, — допиваетъ стакѣнчикъ.

Налывѣетъ и даѣтъ бѣткови, та щѣ комѣ небѣдъ: „врѣмѣя не ждѣтъ, намъ нѣжно, о чомъ настъ бѣтѣко послѣвъ, о томъ должнѣ мы и забѣтыщця. Якъ же то такъ, сватѣкъ, бѣдты здоровѣ“. Выпивъ бѣтѣко, даѣ матѣри, матѣ одсылѣе дружѣкови: „сватѣкъ, извѣлты собѣ“. „Сванѣтка, я южъ и такъ выпывъ: отъ сватѣ и отъ сѣбе, а цѣ васъ прошѣ покѣрнѣйше, сванѣтка, кушайты“. — „Ну, сватѣкъ, дай же, Господы, шѣбъ счаслѣво и благополѣчно оцѣ дѣло начѣтъ и коньчить“. — Начынаѣ дружѣкомъ порѣду пидносыты по рѣмочѣи, и тѣи выпывѣютъ по сѣлѣи возмѣжностѣ, порѣду. „Довѣлнѣ ли вы, сваты и сванѣтки“? — „Довѣлнѣ“. — Дружѣко кѣже: „ныльзѣ ли изъ васъ тамъ, сватѣкъ, выгадаты по рѣмочѣи“? — „Ну, сватѣкъ, якъ дѣбрѣй ты чѣловѣкъ, попѣтчѣю“, — берѣтъ водѣку, наливѣетъ у рѣмочѣку: — „сватѣкъ, извѣлтысь“. — „Извѣлтысь собѣ, сватѣкъ“, — наливѣетъ другѣу: — „извѣлтысь“. — „Ныхѣй свѣтынѣка выпѣтъ“. Свѣха (на глазахъ со слѣзами): „дай же Богъ, сватѣкъ, шѣбъ все благополѣчно булѣ“ (напомынаецця матѣрына утрѣба, рѣдѣвшѣя дѣтѣ—и отдаѣтъ у стрѣннѣи рѣкы, и чѣрызъ то у нѣи открѣвающѣя слѣзы) — „бѣдты здоровѣ!“ — „Кушайты, сванѣтко, Богъ дастъ счаслѣя и здоровѣя, — жѣты бѣдутъ“. Выпивѣетъ сванѣтка, и слѣзы на глазахъ; бѣтѣко тѣже утырѣ глазѣ, вдѣбѣвокъ говѣорѣтъ, кѣвъ на своѣ хазѣйѣку: „кушай, кушай, старѣ!“ — Выпыла. Тепѣрь наливѣетъ дружѣкови, отсылѣа винъ блѣзѣкимъ рѣдѣчамъ, а якъ нѣма, кѣже: „кушай, сватѣкъ, врѣмѣя ны ждѣтъ, поскѣрий, дружѣко“. — „Ну, сватѣкъ, дай же Богъ, шѣбъ

благополучно“,—берё тутъ у руки ріомку и хрестыщця:—„по-
мёршимъ царство небесное, за хлібомъ-солью—бўдьте здоровы“.
Выпивъ. „Ну, свать, у васъ усё готове?“—„Та, сватокъ, усё“.
„Ну, посылайте,—де у васъ пиддружий,—посылайте за дитьмы,
а ты, мамо, ёсли у тебе все готово,—подарки,—якй тамъ у
васъ съ сватомъ на договорѣ булы: свашкамъ, свитылкамъ,
боярмъ“.—„Та усё, усё, свать, готово!“—Дружкѣ товарищу:
„Та й ты, товарищъ, мабудъ, выпьешь?“—„Та я того и дожи-
даюсь!“—Пидносе ёмѹ; той отсылаётъ ёмѹ. „Ну, будь здоровъ,
жъ шо такъ“,—налыва другѹ и даё ёмѹ:—„мѣже, ще комѹ?“—
„Нить, тутъ ничѣго, а немѣдленно-поскорйй“.—„Ну, будь здо-
ровъ, братыщъ“,—пье:—тепѣрь, мѣже, ще другѹ пидбавыты,—
налыть?“—„Нить, доволно“. — „Иды жъ, сватокъ, поскорйе,
отыськай дитей!“ Ухѣде и скѣро ввѣде молодѹ въ домъ; свѣтятъ
свѣчки, молящця Бѣгу и пиддружий прѣсѣтъ платѣкъ; молодй
кланяющця; бѣтько йийй берѣ хлибѣну и стоить, а дочка трѣчи
кланяецця и цилѣе бѣтька. Пиддружий передаё цю хлибѣну
мѣтери, дѣду, бѣби, дѣдькови, тѣтци, старостѣмъ молодѣго. —
„Та ще комѹ?“—„Та бильшь нема ныкомѹ“. — „Ну, кланяйся
минй“ (пиддружѣму). — Поклонѣлась и поцѣлувала по—трѣчи.
Тодй пиддружйй берѣ двѣ хлибѣни пидъ правѹ рѣку, даё мо-
лодий одѣнъ край хѣстки, а самъ берѣщця за другйй. — „Гѣс-
поды, благословы“,—и завѣде за столъ; за нѣю идѣ старшѣ
дружка, обхѣдѣтъ кругѣмъ столѣ, и садовѣщця молодѣ на пѣ-
кути, а пиддружий на прычѣлковйй лѣви; тутъ же и старостѣ
пидсувающця, и пиддружий здоровкаецця съ старостѣми: „за
цю вѣсть—чѣрокъ шѣсть, а хочъ по ѣдний, та по пѣвний“,—
и пиддружий берѣ зо столѣ вѣдку, налываётъ и пидносытъ стѣ-
рости; стѣроста ёмѹ отсылѣ. — „Ну, бўдьте здоровы, дай, Гѣс-
поды“, и т. д. Потѣмъ выпывѣе стѣроста и другйй, и тодй
пиддружий идѣ, кудѣ знаѣ. Пѣсли цѣго бѣтько берѣ вѣдку, абѣ
частййшъ варѣный медъ, котѣрий стоить на столѣ, заткнѹтый
колѣсьями изъ жѣта; молодѣ встаѣ зъ старшѣю дружѣкою на
нѣги, бѣтько пидносе йийй; вона одказуецця; пье самъ; тодй
мѣтери, по чѣну пѣсли стѣршихъ пье молодѣ зъ своѣми друж-
камъ; тодй пидносе мѣты. Дружкѣ: „Свать, у тебе старостѣ
есть, хай выхѣдѣтъ тудѣ до столѣ; а ти, шо пѣредъ порѣгомъ

стоять безъ шапокъ, зъ хлібомъ и солью, поки дружкò роспорядыця“, вышлы вонь. „Здраствуйте, сваты“.—„Здраствуйте, сватыки“,—„шо вы за люды“?—„Та пришлы до васъ погрицьця“.—„Мы жъ ны знаємъ, шо вы за люды“.—„Та мы люды добри“ (вокрүгъ народъ стойть и хохочеть изъ ныхъ; хто небудь и крычить: „пòлно вамъ морóзыть“).—„Если (колы) такъ, такъ и такъ,—давайты здорóвкацьця“. Начаíнають три рáза цилувацьця чéрезъ стилъ нáвхрестъ. Заразъ же выхóде мáты изъ хáты и дае по чáрци молодóму зъ бо́йрамы меду съ хмíлёмъ; вонь не пьють, а выльвають за спýну, и тодì ввóдять ихъ въ хáту“.

Праздничныя пѣсни. На Р. Хр. дѣти ходять съ поздравленіемъ до разсвѣта и поють:

„На вы́лыкый плачь Охлиѣмъ, Когда Ыродъ наро́дывся, На Хрыста́ возму́тився. Повеливъ Хрыста́ сы́кать, Молодыхъ дитей́ бытъ побы- ва́тъ, На ко́пьяхъ пиднима́тъ, Безбо́жна царя́ проклина́тъ. Ыроде, Ыроде, сквѣрный сынъ,	Шо ты сочи́нѣвъ, Чоты́рнадцять ты́сячъ Невы́нныхъ младе́нцевъ погубы́въ. За ца́рствомъ-бага́цтвомъ погна́вся, Самъ въ вѣ́чную му́ку по- па́вся“.
---	---

„Сйимъ, поздравляемъ, та бўдыте здоро́ви съ пра́зднымомъ“.

Съ понедѣльника на маслянной начинають варить „варе́ныкы“ и печь „блины“. Дѣвки и хлопцы поють пѣсни,—что называется „козла водить“.

На новый годъ говорлть:

„Роды, Бо́же, жы́то й пше́ныцю, вся́ку пашны́цю, та бўдыте здоро́ви. Съ пра́зднымомъ, та зъ но́вымъ го́домъ, та зъ Васи́лёмъ“.

31 Декаб́ря на Мелани́ю дѣвки, собравшысь гу́рьбою, поють подъ окнами.

„Мыла́нка ходы́ла.

Васы́ля просы́ла:

Васы́лю, мий ба́тю,

Пусть менѣ въ хáту,

Я жы́та не жа́ла,

Чесны́й хрестъ держа́ла.

Кады́цьця (ка́йтеся) лю́ды:

До васъ Исусъ Хрысто́сь бўде,

Бо́гу свичу́ ста́вте,

А намъ пирі́гъ да́йте,

Зъ рука́мы, зъ нога́мы,

Шобъ бигъ за на́мы;

Безъ рукъ, безъ нигъ,

Шобъ не впа́въ въ снигъ“.

* * *

„Чи дома дядько? Чи дома титка? Чи варылы кашку?	Дайте минѣ галѹшку, Якъ не дастѣ, такъ самы зйистѣ“ (веч. поздно).
--	--

На Свѣтлый Праздникъ дѣти поютъ:

„Хрыстосъ Спаситель, Гдѣ былъ на крестъ прибытый, Тогда былъ страхъ великий, Земля тряслась, Камень роспадався, Исѹсова Мать Подъ хрестомъ стояла,	Своего Сына прыглядала. „Мой Сынъ прекрасный, Чого помираешъ, Въ гробъ плащаницю прыни- маешъ? Хрыстосъ Воскрѣсъ (3 раза)“.
--	--

На Троицу крестьяне только украшаютъ свои дома зеленью.

Въ „чыстый четвѣргъ“ до разсвѣта моются и купаются почти всѣ, чтобы не было накожныхъ болѣзней, и бьютъ свиней; говорятъ, что въ салѣ этихъ свиней никогда не заведется ничего ни противнаго, ни вреднаго.

Въ первый понедѣльникъ послѣ Св. Хр. Воскресенья служатъ панихиды на гробахъ; послѣ служенія—преимущественно бабы—устраиваютъ попойки.

Дѣтскія игры:—„панасъ“ (кузмырка), лѣтомъ мячъ, зимою и осенью—„свѣнка“ (отрубокъ изъ крѣпкаго дерева, который одна сторона отбиваетъ у другой). Дѣти, юноши и взрослые преданы картамъ,—юноши и взрослые играютъ на деньги, въ три-листика, а дѣти на спички.

Танцуютъ „камарынский“ и „чоботы“, подъ игру на балалайкѣ, гармоникѣ, скрипкѣ и „цымбалахъ“ (родъ цитры).

Повѣрья. Люди вѣрятъ, что, когда разорить гнѣздо ласточки при дворѣ, то она испортитъ корову, которая не будетъ молока давать, а хотя и будетъ, то съ кровью и невкусное, почему уважаютъ и не трогаютъ этихъ птичекъ.

Если зимою большіе морозы, то нужно насчитать 40 лыхъ, и морозъ перестанетъ. Вѣрятъ, что, когда загремитъ 1-й громъ, то нужно сейчасъ же бѣжать и опрокинуть какойнибудь возъ (телѣгу), тогда опрокинувшій цѣлый годъ не будетъ болѣть. Послѣ перваго дождя—купаются—(хотя и рѣки нѣтъ).

Пословицы: „Прывыкла соба́ка за вóзомъ бѣгаты, такъ и за саньмѣ не втѣрпе.—Ныхай кобы́ла за дѣломъ, а лошѣ вóвсе безъ дѣла.—Якѣ корѣнья, такѣ и насѣнья.—Хочъ не по кобы́ли, такъ по огло́бли.—Въ гуртѣ и кáша йѣсьцьця; гуртѣмъ и ба́тька лóвко бытъ.—Тимъ сáломъ, та по тий же и шкúри.—Абò вѣла въ бикъ, абò сѣна кло́къ.—Була ны була—побува́ла.—Усѣ ки-зякѣ переверну́въ, та все ва́шойи мѣлосты шука́ю, а вы о́здечки собѣ разбандѣры́лысь.—Побáчивъ и я смáленого вóвка.—Низзя тѣко на нѣбо злѣзты, а то дывѣсь, яка онъ высóка дзвинѣця, й на нѣйи жъ ба́чъ ла́зюць.—Вѣнъ прóты торѣшнѣго хочъ и чортъ, та дѣла не бóде: въ ёго вóвча думка; сказа́въ, якъ завѣзавъ.—Амѣнь пири́жкамъ.—Хто бóде, той самъ рáно встáйе.—Горѣ жъ мнѣи та бедá, шо вѣйшла зáмижъ молодá.—Грóши—чѣрвы, а лю́ды безъ йихъ—чѣрти.—Тоди полѣгша, якъ ракъ свѣ́сне.—Богъ не телѣ, ба́че й видты́ля.—Була пра́вда, та заржа́вила.—Й тому добрѣ не бóде, хто ска́же, шо вонò ко́лы бóде.—Дóлженъ, не спóрю, одда́мъ нескóро, знáчить, пидождѣ.—Такой нýжный, якъ свѣннѣ архирѣй.—Изы́лы кровъ, такъ и мѣясцѣ зѣйѣжте.—Нáша Прѣ́ска все трѣ́ска, и бóблыки лúпе якъ хто кúпе, а не кúпе обѣйде́цьця, вонò и такъ мыне́цьця.—И пѣ́во—медъ пѣе, якъ хто да́е, а не ма́е, то й такъ пере-коту́ляе“.

И. Н. Шухминъ.

15.—Сл. Райгородка.

Поселеніе.—Населеніе и языкъ.—Одежда и пища.—Болезни.—Занятіе.—Религиозность.—Свадебные обычаи и пѣсни.—Похороны.—Примѣты о погодѣ и этнографическій календарь.—Писанки.—Посѣвъ и косовица.—Игры.—Демонологія и повѣрья.—Сказки и пѣсни.

Слобода расположена на правой сторонѣ р. Айдаря, большею частью на отлогомъ мѣстѣ, а меньшею по склону холмовъ. Почва этой мѣстности почти вся супесчаная: растительность встрѣчается по низовьямъ очень хорошая, имѣется много садовъ, въ которыхъ растутъ различныя фруктовыя деревья, а по склону холмовъ сады съ каждымъ годомъ высыхаютъ. Слобода находится въ 50 в. отъ уѣзднаго города Славяносербска (Екатери. губ.) и въ 35 в. отъ Луганска (Екатери. губ.). Окрестности Райгородки въ старинное время были покрыты непроходимыми лѣсами, въ которыхъ обитали шайки разбойниковъ, занимавшіяся грабежомъ. До сихъ поръ сохранились здѣсь курганы и пещеры, какъ ихъ памятники. Эти разбойники находили себѣ приютъ и у перваго поселенца Яндилова. Отъ имени этого поселенца сл. Райгородка сначала именовалась „Яндиловой“. Съ 1759 года часть однодворцевъ сл. Райгородки (Изюм. уѣзда) была переселена въ Яндиловку, по просьбѣ полковаго начальника, и отъ имени новыхъ поселенцевъ сл. Яндиловка стала называться Райгородкой. Народъ объясняетъ названіе своей слободы еще и такимъ образомъ: во время казачества всѣ поселенія, занимавшіяся ими, назывались городками. И вотъ, осматривая войска, одинъ начальникъ пришелъ въ восторгъ отъ этой красивой мѣстности и ея жителей и далъ поселенію названіе Райгородки.

Населеніе и языкъ. Въ слободѣ считается до 2,172 д. жителей, изъ этого количества на мужской полъ приходится 1,073 души, а на женскій 1,099. Здѣшніе мужчины по большей части средняго роста, а женщины высокаго. Волосы больше чернаго цвѣта и гладкіе. По наружности населеніе не отличается кра-

сотою, хотя въ старинное время могли гордиться ею. Причина, вліяющая на перерожденіе красивыхъ, есть болѣзнь, свирѣпствующая здѣсь въ сильной степени.

Эту мѣстность населяютъ великоросы, пришедшіе частію изъ Орловской губ., частію изъ Калужской, Тульской и Воронежской. Въ ихъ говорѣ часто встрѣчаются слѣдующія неправильности: звукъ *о* неударяемый подвергается измѣненію въ *а*, напр., галава (голова), харашо (хорошо), агурцы (огурцы); неправильное употребленія *а* послѣ горт. *к*, напр., Вáнька (Вáнька), Дúнька (Дунька); послѣ свистящихъ и шипящихъ также встрѣчаются неправильности: ча́пля (цапля), чéпочка (цѣпочка), шшóтка (щетка), шшакá (щека), тьвѣ́ты (цвѣты), тьвѣ́тутъ (цвѣтутъ); мѣстоимѣнія: кого, того, себѣ, тебѣ выговариваются: тавò, кавò, сабѣ́, табѣ́; въ глаголахъ наст. времени 3 лица, звукъ *ѣ* произносится за *е*, напр., зальѣ́тся (зальѣ́тся), озовѣ́тся (озовѣ́тся); вмѣсто глагола наст. вр., 3 лица, употр. дѣепр. съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр., хóдя (ходитъ), íдя (идетъ), пíша (пишетъ).

Изъ мѣстныхъ словъ интересны слѣдующія: закута́ется (затворяется), окóнчены (ставни), пúнька (хлѣвъ), анадýсь (дня 2 назадъ) дáвеча (нѣсколько часовъ назадъ); ласкательныя слова: радíменькая май, ягодíночка май, зóлото, зѣ́рнышко.

Народъ въ этой мѣстности по большей части читаетъ — Евангеліе, Псалтирь, житія святыхъ, о страшномъ судѣ Господнемъ, поминовеніи усопшихъ, церковномъ Богослуженіи, а также читаетъ сказки и нѣкоторые отрывки изъ русской исторіи, объ Иванѣ Царевичѣ и о сѣромъ волкѣ, Конекъ Горбунокъ, Приключеніе Робинзона Крузе, Донъ Кихоть, Крещеніе Руси, Убіеніе царевича Димитрія, Александръ Невскій, нашествіе французовъ. Между крестьянами болѣе распространяются книги духовно-нравственнаго содержанія, доставаемые въ церкви, въ мѣстномъ народномъ училищѣ, или покупаемыя ими на ярмаркахъ.

Одежда. Въ праздничные дни лѣтомъ одежда мужчинъ состоитъ изъ „чумарки“ дорогого сукна, шерстяной или ситцевой рубахи, жилетки, шароваръ изъ черной или синей китайки и картуза. Костюмъ женщины — изъ кумачеваго сарафана, или

шерстяного, цвѣта: синяго, зеленаго, бордо, отдѣланнаго кружевами, лентами и шнурками, самодѣльнаго сарафана (прядутъ шерсть изъ овецъ, ткутъ ее, синятъ, шьютъ изъ нея этотъ костюмъ и отдѣлываютъ его краснымъ ситцемъ, лентами, сѣтками или позументами и пуговицами), рубахъ съ прошивами изъ миткаля, кумача и заграничнаго (т. е. краснаго съ рисунками) ситца, короткихъ люстриновыхъ или нанбуковыхъ кофть. Кромѣ этого, молодыя замужнія женщины, а также и нѣкоторыя среднихъ лѣтъ носятъ „кокошники“ изъ бархата и шелка. Первые называются „бархатниками“, а вторыя „штофами“. Къ кокошникамъ надѣваютъ „подзатыльни“ изъ бѣлаго миткаля, вышитые серебряной канителью и украшенные разноцвѣтными „монистами“. Молодыя дѣвушки носятъ перевязки изъ шелковыхъ платковъ, украшенные перьями и „лопастники“, т. е. ленты, привязанныя къ янтаркамъ, бусамъ и разноцвѣтнымъ „монистамъ“. Пожилыя женщины носятъ шерстяные и гарусные платки.

Въ будничные дни вся одежда мужчинъ холщевая; рубахи обыкновенно шьютъ съ красными „ластовками“, а „жерѣлки“ (воротники) вышиваютъ красною бумагою. Женщины носятъ всѣ свои старые костюмы.

Въ зимнее время одежда мужчинъ и женщинъ почти та же самая, разница только въ верхней одеждѣ: женщины вмѣсто своихъ осеннихъ и весеннихъ халатовъ и сѣрыхъ зипуновъ, носятъ бѣлыя шубы, отдѣланныя сафьяномъ, шнурками и опушенные „курпéкомъ“ изъ смухъ, синія и черныя, крытыя нанбукомъ и китайкою, опушенные бѣлкою. Мужчины носятъ дубленые полшубки, полшубки изъ смухъ, отдѣланные сафьяномъ и шнурками. Шапки „курпéчатыя“, плюшевые и „каплеухи“ малороссійскіе.

Къ старинной одеждѣ этой мѣстности принадлежатъ сарафаны, кокошники, перевязки,—которые въ настоящее время мало-по-малу исчезаютъ и замѣняются городскими ситцами, бумазеей и всевозможными платками. Такая перемѣна, какъ объясняетъ народъ, происходитъ отъ того, что старинная одежда очень дорого стоитъ, а послѣдняя дешевле.

Пища. Богатые и бѣдные крестьяне этой мѣстности ѣдятъ почти одинаково; разница состоитъ въ томъ, что богатые въ скоромный день ѣдятъ борщъ съ мясомъ или саломъ, а бѣдные постный. Остальные кушанья, какъ то: „драчѣвникъ“, „саламать“, „лапшѣвникъ“, блинцы, лапшѹ ѣдятъ всѣ. „Драчѣвникъ“ дѣлаютъ такъ: берутъ муку, разводятъ водою, бьютъ яйца и, когда испекутъ, ѣдятъ съ масломъ; „саламать“: кипятятъ воду, насыпаютъ въ нее муки, варятъ и ѣдятъ съ жиромъ; „лапшѣвникъ“: бросаютъ лапшу въ кипяченую воду, варятъ а затѣмъ пекутъ съ яйцами.

Въ постные дни ѣдятъ—горохъ, похлебку (изъ картофеля), чечевицу, кулѣшъ, затерку (взбрызгиваютъ муку водою, растираютъ ее руками, чтобы превратилась въ мелкую крупу и варятъ), „солодѹху“ (льютъ теплой воды въ муку, ставятъ на печь „солодѣть“, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного скисло, на другой день варятъ съ вишнями или сливами), „вишникъ“ или взваръ, „ладушки“—оладьи.

Вообще пища крестьянъ ухудшается, благодаря почти 3-хъ лѣтнему неурожаю. Городскихъ кушаньевъ здѣсь не встрѣчается, позаимствовано только чаепитіе: даже бѣдные и тѣ пьютъ хотя вмѣсто чая липовый цвѣтъ. Въ этой мѣстности крестьяне освѣщаютъ свои хаты „газѣлками“, керосиновыми лампочками, а нѣкоторые наливаютъ въ черепокъ жиру или постнаго масла, вставляютъ фитиль и зажигаютъ его.

Болѣзни. По большей части въ этой мѣстности умираютъ младенцы отъ такъ называемаго въ народѣ „младенческаго“. Дѣти лѣтъ 5-ти, 6-ти, 7-ти, 8-ти, до 15-ти, умираютъ отъ дифтерита, а взрослые—отъ тифа. Развитію послѣдней болѣзни способствуетъ низкое и болотистое мѣсто. Изъ лекарствъ во время болѣзней употребляютъ слѣдующія: липовый цвѣтъ (отъ кашля), „колючки“ (отъ колики), „рагаль“ (отъ лихорадки), „кучелѣбу“ (отъ болѣзни зубовъ), „злую воду“ (для промывки ранъ), церковное вино съ синимъ камнемъ и корицей (отъ болѣзни десенъ).

Большую часть здѣсь лечатся наговорною водою и заговариваютъ болѣзни. Наговорною водою лечатся отъ „бѣшіхи“, лихорадки, укушенія собакъ, отъ переполоха (испуга). Заговари-

вають зубную боль, лихорадку, „солошницу“ (боль въ животѣ).

Къ врачамъ относятся недовѣрчиво,—немногіе обращаются къ нимъ за совѣтами: не находятъ, чтобы доктора могли оказать помощь,—не вѣрятъ въ ихъ лекарства. Болѣзни скота слѣдующія: обдуванье, перелогі, кровь и т. д. Обдуванье происходитъ тогда, когда скотина обопьется; лечатъ такъ: обливаютъ водою и надрѣзываютъ конецъ уха (т. е. пускаютъ кровь). Если же скотина обѣется, то ее подкуриваютъ тѣмъ зерномъ, которымъ она обѣлась. Перелогі (скотина ничего не ѣстъ, не пьетъ и не можетъ встать) заговариваютъ. Иногда на скотину „нападаетъ кровь“: она стоитъ, понуря голову, не ѣстъ, не пьетъ, и если её оставить безъ вниманія, то она пропадетъ, а поэтому ей пускаютъ кровь (надрѣзываютъ ухо и бьютъ по немъ палкой).

Заговоры. Отъ зубной боли:

1) „Мѣсяцъ навскось,
Дай мнѣ здравіе въ кость.
Ать панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Рабы Божіей Маріи (имя)“.

2) „Мѣсяцъ на небѣ,
Медвѣдь въ лѣсу,

Камень въ морѣ.
Кагда эти три брата сай-
дутца,
Тагда у рабы Божіей (имя),
Панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Зубы забалать“.

Отъ ломоть:

„Тутъ табѣ не стаять,
Чорнай крови не пить,
Жолтыхъ кастей не ламить,

Рабы Божіей не сушить,
Ступай въ крутыя горы,
Въ гнилыя калоды“.

Отъ переполоха (испуга):

Ать деннова, ать нашнова,
Ать полуденнова, ать глазнава,
Тутъ табѣ не быть,

Кастей не ламить,
Чорнай крови не пить,
Отъ панашенной, паражденной
и т. д.

Занятія. Въ прежнее время главнымъ занятіемъ здѣшняго населенія было пчеловодство, такъ какъ этому занятію способствовали громадныя лѣса. Въ настоящее время лѣса почти всѣ вырублены—и пчеловодство пришло въ упадокъ. Занимаются преимущественно земледѣліемъ, а также разводятъ фруктовые сады. Крестьяне развозятъ фрукты по ближайшимъ мѣстностямъ и продаютъ ихъ. Существуютъ также и отхожіе промыслы. Вес-

вою нѣкоторые крестьяне отправляются на лѣтнія работы въ дальнія мѣста и возвращаются большею частью всѣ къ Покрову. Зимой идутъ на шахты, находящіяся въ 45 в., и тамъ нанимаются, а нѣкоторые ѣздятъ за каменнымъ углемъ; купивъ его, везутъ на базаръ въ города. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Религіозность. Народъ этой мѣстности очень религіозенъ, часто посѣщаютъ храмъ Божій и дѣлаютъ много жертвъ. На ихъ религіозныя убѣжденія однако вліяютъ раскольники (безпоповцы).

Здѣшнія женщины по большей части жертвуютъ полотномъ, а мужчины деньгами на священныя одежды и другія принадлежности; оказываютъ тайную помощь, напр., ставятъ мѣшокъ или мѣрку хлѣба неимущему, но такъ, чтобы послѣдній не зналъ, отъ кого. Въ каждую поминальную субботу и въ праздники женщины приносятъ въ церковь буханцы, пироги, брусочки, пампушки и раздаютъ нищимъ.

Послѣ рожденія ребенка, бабка идетъ къ священнику за молитвою и именемъ, а на другой день приглашаются кумовья, которые принимаютъ ребенка не отъ матери, а отъ бабки. Бабка кладетъ новорожденного на тулупъ передъ святыми иконами, чтобы ребенокъ былъ счастливъ въ жизни, а кумовья берутъ его съ тулупа и несутъ крестить. Послѣ крещенія устраивается обѣдъ. Кума и куму сажаютъ на почетное мѣсто, т. е. въ святой уголъ. Бабка во время обѣда угощаетъ гостей водкою, а ей за это бросаютъ деньги. Когда она угостила всѣхъ гостей, то начинаютъ подносить водку кумовья, и деньги, собранныя ими, отдають матери новорожденного. Пѣсенъ при рожденіи и крещеніи никакихъ не поютъ.

Свадебные обычаи и пѣсни. Свадьба начинается обыкновенно „сговоромъ“. Приходятъ отъ жениха „бойре“ и говорятъ: „у насъ есть парень, а у васъ дѣвка, давайте сватами сходитьца“. Если невѣстиной роднѣ не нравится женихова родня, то они говорятъ: „не ходите, не ходите и слѣду не кладите“; а если согласны, то приглашаютъ на другой день съ хлѣбомъ-солью, водкою и „выговоромъ“. Здѣсь беретъ не женихова сторона, а невѣстина, 10—15 р. или меньше, но за то выгова-

риваютъ хлѣбомъ и водкою. На другой день собирается вся невѣстина и женихова родня къ невѣстѣ. Невѣстина родня садится за столъ и начинаетъ угощать женихову, которая въ это время стоитъ. Когда невѣстина родня обнесетъ женихову по 3 рюмки, то спрашиваетъ: „сѣ чѣмъ вы къ намъ пришли, и за что пьемъ, покажите свой товаръ“. Тѣ приводятъ жениха въ хату, и они начинаютъ осматривать его и спрашиваютъ: „не косой ли онъ, не хромой ли“? Затѣмъ, чтобы всѣмъ убѣдиться, ставятъ посреди хаты табуретку, а на нее жениха и осматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого поворачиваютъ его къ двери и даютъ въ руки подносъ съ рюмкою вина. Въ это время дѣвки начинаютъ „играть“ (пѣть) пѣсню:

„Смѣнь саколъ вылетѣлъ,
Чечетушку выкликалъ:

„Чечетушка, вѣйди къ намъ!
Смѣнная выпархни“!

* * *

„Иванушка (имя) прѣзжалъ,
Марьюшку выкликалъ.
Марьюшка, падари

Шелкамъ шити ширинку,
Иванушкѣ атдари,
Три червонца палажй“.

Послѣ этой пѣсни выходитъ невѣста съ „ширинкой“, т. е. съ вышитымъ полотенцемъ, и даетъ ее жениху, а онъ ей бросаетъ три серебрянныхъ монеты на тарелку. Затѣмъ женихъ подноситъ невѣстѣ водку; выпивъ немного, она отдаетъ жениху, тотъ выпиваетъ остальное, цѣлуется, становится съ невѣстою и оба кланяются роднѣ. Потомъ невѣста раздаетъ дары жениховой роднѣ, а дѣвки „дружки“ поютъ пѣсню:

„Ва садику калинушка,
Ва зеленомъ раствѣла.
Вѣчоръ наша Марьюшка
Съ Иваномъ стаяла,
Рѣчь гаварила.
Увидѣли подруженьки,
Журили—бранили:
—Дабрò—дабрò Марьюшка,
Мы батенькѣ скажемъ!
—Дѣвушки-подруженьки,
Хоть вы не кажите:
Пра то дѣло, сагласіе,
Самъ батюшка знае

За кавò атдавае,
За младòво Иванушку
Гòлаву заключае,
Съ кѣмъ стаю, на кавò гляжù,
Съ тѣмъ рѣчь гаварю!
—Живй, живй, Марьюшка!
Живй, не печалься,
Ва таскù не вдавайся.
Изъ гой таскй, са кручйны
Выйду за варòта,—
Травà ва балòтѣ,
Выйду за новыя,—
Лугà зеленые,

Гляну въ чисто поле,—
 Иванъ—свѣтъ гуляе,
 Падъ нимъ вóранъ конь играе,
 Что сокаль летаетъ,
 На нёмъ шуба галубая,
 Что макъ разцвѣтае.
 МARYЮШКА воду несетъ,
 Карамыслицы гнѣтца,
 Съ ведеръ вадъ лѣтца;
 Иванушка въ акно гляне,
 Слезюю зальѣтца.
 Пачтò же вы, каромыслицы,
 Давнò не обламѣлись,

Пачтò же вы, дубовыя
 Вѣдра, не пабились?
 Пачтò же вы, Иванушка,
 Дасолѣ не женились?
 —Радъ-бы я женитьца,
 Нѣгдѣ было взяти.
 Прашòль же я, МARYЮШКА,
 Три ўлицы въ рядъ.
 Не нашòль, Ивановна,
 Тваво лицà чище.
 Лицò тваѣ бѣлое,
 Брови чòрныя, развесѣлые
 глаза“.

Когда невѣста одарить всѣхъ, то садится съ женихомъ за столъ, и остается одна молодежь, а всѣ пожилые уходятъ къ жениху и тамъ гуляютъ. На другой день невѣста кроить рубахи и разноситъ подругамъ шить, за то, что онѣ гуляли сговóры. По прошествіи нѣсколькихъ дней начинается свадьба, передъ которою какъ у жениха, такъ и у невѣсты лѣпятъ шишки, кромѣ этого, у невѣсты дѣлаютъ „плакасики“, т. е. пирогъ, надъ которымъ невѣста „голòситъ“ (плачетъ), когда на нее надѣваютъ кокошникъ,—а у жениха лѣпятъ витой хлѣбъ, или коровай. Мужики и парни въ эту ночь гуляютъ до самаго утра. Утромъ дружки провожаютъ невѣсту къ вѣнцу; передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, невѣста проситъ благословенія у своихъ родителей такъ: „прости меня, батюшка, прости меня, мамушка, и благословите къ Божьему суду и къ вѣнчанію“. Послѣ вѣнца невѣста идетъ къ себѣ домой, а женихъ къ себѣ. Пообѣдавъ, женихъ идетъ съ парнями къ невѣстѣ, она въ это время сидитъ въ чуланѣ и „голòситъ“, а дружки поютъ:

„Пойди-ка, дружило,
 Пойди-ка, дружило,
 Давнò тебя ждали,
 Ждали—поджидали,
 Коврами дворъ устилали,
 Черными сабальми“.

Дружко выкупаетъ мѣсто у дѣвокъ (дружекъ), заводятъ за столъ невѣсту, продаютъ ей косу, затѣмъ ее „правляютъ“, т. е. надѣваютъ кокошникъ. Послѣ этого женихъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ невѣстою; пообѣдавъ, ихъ провожаютъ къ жениху.

Похоронные обряды. Покойниковъ хоронятъ въ этой мѣстности такъ: надѣваютъ чистую одежду; но, чтобы она была не

нарядна; за поясъ кладутъ платочекъ (существуетъ повѣрье, что на томъ свѣтѣ покойникъ будетъ въ него прятать тѣ частицы, которыя вынимались въ воспоминаніе его), кладутъ на лавку, головою къ образамъ; на столѣ ставятъ стаканъ съ медомъ и восковою свѣчею, хлѣбъ и псалтырь. Когда сдѣлаютъ гробъ, кладутъ въ него покойника и, если онъ взрослый, вносятъ въ церковь; маленькихъ по большей части не вносятъ, а служатъ панихиду и печатаютъ гробики дома. При этомъ по отцу „причитываютъ“ такъ:

„Радѣменькій, мой бѣтюшка!
Кармилецъ, мой бѣтюшка!
Что-жъ вы, мой бѣтюшка,
Ка мнѣ не озываетесь?
Чи я жъ вамъ тепѣрь нежѣлка-
кая и ненужная?!

По „матери“ причитываютъ:

„Радѣменькая, май мамушка!
На горѣ, май мамушка,
Вы меня порадили!
Худобо же долею надѣлили!
Я жъ за вами, мамушка,
Ничевѣ не знала,
Вы жъ меня угащали,

Вы жъ, мой бѣтюшка, желанный о мнѣ были!

А сей-часъ же мнѣ не къ
каму головушки-жъ при-
хилѣти“.

Вы жъ меня привѣчали!

А сей-часъ какъ прѣйдѣ,
мамушка,

Никто ка мнѣ не озовѣтся;

Не нашла жъ я сабѣ такова
дружка,

Какъ родная мамушка“.

Схоронивши умершаго, устраиваютъ обѣдъ, кромѣ того, поминаютъ въ 3, 4, 40 день. Каждую поминальную субботу крестьяне служатъ панихиды, подаютъ милостыню и просфоры на проскомидію.

Этнографическій календарь. На праздникъ Георгія Побѣдоносца всѣ крестьяне ходятъ рано утромъ собирать росу; существуетъ повѣрье, что эта роса помогаетъ при болѣзни глазъ. На Благовѣщеніе пекутъ просфоры по числу семьи, причемъ въ одну изъ нихъ кладутъ денежку, и, кому достанется просфора съ деньгою, тотъ будетъ счастливъ. Подъ Вознесеніе Господне пекутъ лѣстницы, ставятъ ихъ подъ святой уголъ, чтобы Іисусъ Христосъ взшелъ по нимъ. На крестопоклонной, т. е. на 4, недѣлѣ Великаго поста пекутъ кресты и кладутъ ихъ въ тѣ мѣшки, зерна въ которыхъ предназначены для посѣва. На Свѣтлый Праздникъ, когда обносятъ плащаницу, если

кто возьмется за замокъ церкви, того считаютъ вѣдьмою. На послѣдній день масляницы, т. е. въ воскресенье, всѣ ходятъ прощаться другъ съ другомъ, такъ какъ вѣрятъ, что въ этотъ день долженъ быть страшный судъ.

Молодые дѣвушки этой мѣстности всю Филиповку, а также и Рождественскіе праздники водятъ „корогѣды“ (хороводы) и при этомъ поютъ пѣсню:

„Черемуха, зелѣный кустъ,
Далекѣ въ полѣ лелѣтся,
Лелѣтся—зеленѣется.

Кто-жъ у насъ
Па сѣдику ходилъ?
Кто-жъ у насъ
Па зелѣнаму гулялъ?

У насъ па сѣдику
Иванушка ходилъ,
Па зелѣнаму
Ивановичъ гулялъ;

А онъ вода
Свадѣ вѣрана каня,
А на встрѣчу Иванушкѣ
Идя красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Марьюшка.
—А Марьюшка—Ивановна,
А, Марьюшка, перейми мавѣ

каня,

Ивановна, каня вѣранова.
За тѣ за шелковы павадѣ,
За жемчужные махра“.

Подъ Новый годъ гадаютъ: бросаютъ за ворота башмаки, выливаютъ воскъ въ чистую воду, считаютъ колья и т. д.

Кромѣ этого, „щедруютъ“.

„Шедеръ-ведеръ,
Добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ
На здарѣе.
Хозяинъ добрый,
Вынаси пироги долгиѣ,
Кагда мало,
Кусокъ сала,

Кали трѣшки,
Хоть картѣшки,
Кѣнчикъ калбаски,
Глѣдачку кашки.
Вынасите,
Не крашите,
А ламайте,
Намъ давайте“.

Маленькія дѣти и парни ходятъ на Новый годъ и „обсыпаятъ“ пшеницей, житомъ, просомъ, горохомъ и т. д., и при этомъ маленькія дѣти поютъ:

„Пасѣй, Бѣже,
Заради, Бѣже,
Жито, пшеницу,
Всякую пошеницу!

Поздравляемъ васъ
Съ новымъ годомъ,
Съ новымъ счастьемъ,
Съ Василевымъ днѣмъ“!

Взрослые поютъ слѣдующую пѣсню:

„Поля поля,
Самъ Богъ ходя,
Дѣва Марія

Истину насилѣ,
Бѣга прасилѣ.
Ходя Илья

На весельи,
Нося пугу жителную;
Я туда махну,—
Тамъ жито растётъ;
Я туда махну,—
Пшеница твѣтѣтъ“.

„Здравствуйте, хазяинъ съ хазяюшкой, съ прѣзникомъ поздравляемъ, съ Василѣвымъ днёмъ“!

На масляницу вся молодежь катается и, приѣтомъ, поютъ пѣсню:

„Па ўлицѣ, ўлицѣ, Па широкѣй, Па широкѣй, навой, Тамъ шёлъ прашёлъ Парень маладой, На дѣтинушкѣ шляпачка Съ павлинымъ перомъ. Увидѣла дѣвушка Съ высокава терема, Съ высокава терема, Съ хрустальнава акѣшечка, Съ яснава стекѣлушка,—	Васкликнула дѣвушка Сваймъ грѣмкимъ гѣласамъ: —Вернись, вернись, мѣла- дець, Парень маладой! Пасиди хотѣ трѣшечки ты са мной. —Баюсь, баюсь, дѣвушка, Опасѣюсь я вѣшей семьи! —Не бѣсь, не бѣсь, мѣладецъ, Не опасѣйся,— Нѣшей семьи дѣма нѣту-ти“.
---	--

На праздники Свѣтлаго Христова Воскресенья, Вознесенъя, на Георгія Побѣдоносца не поется отдѣльныхъ пѣсень, а поются уличныя, какъ-то: „Брасѣй, няня, всю рабѣту рабатѣтъ“, „Вы, садѣ, мой зелѣные“, „Въ полѣ три берѣзы стѣяли“ и проч.

Крашенки. Подъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья здѣшніе крестьяне красятъ яйца; большею частью красятъ красною краскою, въ напомниманіе крови Іисуса Христа. Красныя яички зовутся „крашенками“. Нѣкоторые красятъ серпиемъ, берутъ сухую прошлогоднюю травку (серпій) варятъ ее, а затѣмъ бросаютъ въ наваръ яйца, они получаютъ желтый цвѣтъ. Яйца красятъ ради Великаго праздника; существуетъ между крестьянами поговорка: „дорого яичко къ Велику дню“. Скорлупу святыхъ яичекъ крестьяне бережно сохраняютъ; существуетъ повѣрье, что если ими подкуриться во время лихорадки, то она оставитъ,—ими же подкуриваютъ и скотину. Крестьяне вѣрятъ, что въ святомъ яйцѣ находятся 40 милостынъ и въ немъ пребываетъ Духъ Святый.

Кромѣ крашенокъ и желтыхъ яичекъ, здѣсь дѣлаютъ еще писанки такъ: облѣпливаютъ яйца воскомъ, а затѣмъ обмаки-

вають въ краски и сушать. На писанкахъ изъ воска бываютъ разные рисунки. Писанки здѣсь дѣлаются для украшеній.

Посѣвъ и косовица. Передъ тѣмъ, какъ начинать сѣять хлѣбъ, крестьяне молятся и говорятъ слѣдующія слова: „зароди, Боже, жито, пшеницу, всякую овощь, и на видущихъ, и на невидущихъ, и на вдовъ, и на сиротъ и на насъ на грѣшныхъ. Зароди, Боже“. Затѣмъ берутъ зерна и сѣютъ. Когда поспѣетъ хлѣбъ, то его начинаютъ косить и первый скошенный снопокъ затыкаютъ за поясъ, что-бы не болѣла спина. Скосивъ хлѣбъ, оставляютъ небольшой кустикъ „Ильъ на бороду“, подъ этотъ кустикъ ставятъ хлѣбъ съ солью, а затѣмъ крестятся и три раза катаются по нивѣ, причемъ говорятъ: „нивка—нивка, отдай мою силку“ и т. д. Во время косовицы дѣвки поютъ слѣдующія пѣсни:

„Внизъ на матушкѣ, на Болгѣ,	На гребцѣхъ шляпы чернѣютъ.
Па широкѣму раздѣлю,	Гребцы, май маладые,
Падымалась съ моря пагода,	Гребитесь, не лѣнитесь,
Пагѣдушка небольшая, волновѣя.	Пригребайте вы къ бережѣчку,
Ничавѣ въ волнахъ не видно,	Къ Танюшеному ко двѣрѣчку.
Не видно, не слышно,	Выходила Тѣня за варѣтъя
Тѣлько лѣдачки краснѣютъ,	Въ одной тѣненекѣ рубѣшкѣ“.

„Касиль Вѣня травушку	Душѣ Сѣшенекѣ, живѣтъ?
Зелѣненекую,	Живѣтъ-проживѣтъ она
Любилъ паренъ дѣвушку	Въ нѣвамъ крашенѣмъ дамѣ,
Чернявенекую,	И хѣдя и гуляе
Любилъ да и покинулъ,	Ана па зелѣному садѣ,
Скѣра бросилъ, позабылъ.	Щипляе, ламае
Съ вѣсточной старѣны	Спѣлый-дрѣлый винаградѣ,
Прѣятный вѣздухъ несѣтъ.	Кидѣе, бросѣе
Гдѣ май размѣлая,	Мѣламу въ кравѣтъ“.

При свѣзкѣ хлѣба, никакихъ пѣсень не поютъ, такъ какъ крестьяне его возятъ въ разное время и не вмѣстѣ.

При печеніи новаго хлѣба вспоминаются всѣ умершіе родственники.

Игры. Въ зимнюю пору всѣ взрослые юноши и дѣти большею частію въ праздники выходятъ „на кулѣчки“ и бѣются,—взрослые и юноши между собою, а дѣти съ дѣтьми. Кромѣ этой забавы, какъ у взрослыхъ юношей, такъ и у дѣтей су-

ществуютъ игры: въ „скраклі“ и въ „ладышки“. Для первой игры выкапываютъ на снѣгу 2 клѣтки такъ, что-бы одна отъ другой были на довольно большомъ разстояніи; кладутъ по 5 деревяшекъ на каждую, вооружаются палками, становятся около клѣтокъ и бьютъ по деревяшкамъ—то тѣ, то другіе—до тѣхъ поръ, пока чья нибудь сторона не собьетъ въ клѣткѣ всѣхъ деревяшекъ; тогда сбитая партія носитъ на плечахъ остальныхъ. Въ ладышки играютъ такъ: берутъ „свиняшки“, „барашки“ и „волóшки“, т. е. кости изъ ногъ свиней, овецъ и коровъ, одинъ изъ играющихъ ставитъ ихъ въ рядъ, а остальные сбиваютъ ихъ своими ладышками. Вечеромъ юноши и взрослые собираются по хатамъ играть въ карты; обыкновенно играютъ на деньги. Кромѣ этихъ игръ, крестьяне зимою больше ничѣмъ не забавляются, а съ наступленіемъ весны вся молодежь и дѣти играютъ въ „дукà“,—вырываютъ по числу играющихъ ямки, въ срединѣ ихъ одну большую, затѣмъ всѣ играющіе становятся около ямокъ съ палками, одинъ беретъ цурку (т. е. деревянный шарикъ) и подбрасываетъ вверхъ; когда цурка падаетъ на землю, то онъ гонитъ ее въ кругъ (или въ „дукъ“), въ это время остальные играющіе отгоняютъ цурку палками и, если цурка попадаетъ въ чью нибудь ямку, то тотъ играющій уступаетъ свое мѣсто, а самъ идетъ подбрасывать цурку. Въ „пыжà“: берутъ небольшую деревянную палочку и вручаютъ 2-мъ играющимъ, которые называются „бабками“, всѣ остальные ложатся бабкамъ въ ноги и, когда бабки крикнутъ: „пыжъ за пыжомъ, за горячимъ ножемъ“, и бросятъ палочку въ сторону, то играющіе вскакиваютъ и отыскиваютъ пыжъ, кто найдетъ его, кричитъ: „горитъ пыжъ“; за послѣднимъ начинаютъ гоняться и, если его уловятъ, то дерутъ за волосы и кричатъ: „покинь пыжъ“, до тѣхъ поръ, пока онъ не броситъ, кто его найдетъ, несетъ въ бабку. Такъ играютъ до 3-хъ разъ и на тѣхъ, кто въ промежутокъ этого времени ни разу не отдавалъ бабкѣ пыжа, катаются верхомъ. На праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья всѣ, исключая стариковъ, играютъ въ мячà и яйца. Игра въ яйца двухъ родовъ: „на—вбиткà“ и „на—вкаткà“. Первая состоитъ въ томъ, что одинъ бьетъ своимъ яйцомъ яйцо другого, и, чье окажется разбитымъ, тотъ отдаетъ яйцо.

При второй—дѣлается городокъ, въ которомъ одинъ наставля-
етъ внизъ яйца, а другой катитъ сверху, и, если его яйцо сой-
дется съ нижнимъ, беретъ яйцо, а первый опять наставляетъ.

Въ лѣтнее время всѣ крестьяне ничѣмъ не забавляются, такъ
какъ отъ мала до велика заняты работами. Въ этой мѣстно-
сти существуютъ слѣдующіе танцы: третьяка, черезъ ножку,
задка, по улицѣ мостовой, навпрісядку.

Музыка: расадушка, журавля, чеботы, казачка, барыня.

Здѣсь по большей части играютъ на гармоніи, дудкѣ, пи-
щикѣ, балалайкѣ, на музыкѣ (скрипкѣ) и бьютъ въ бубны.

Демонологія. Среди мѣстнаго населенія распространены
повѣрья относительно существованія вѣдьмъ, колдуновъ, домо-
выхъ и русалокъ. Вѣдьмъ крестьяне представляютъ въ образѣ
женщинъ, съ распущенными волосами, въ бѣломъ одѣяніи и съ
хвостомъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, выдаиваютъ молоко, онѣ
обращаются въ клубки съ иглами, въ собакъ, въ свиней и съ
т. д., нападаютъ на человѣка и катаютъ его до тѣхъ поръ,
пока послѣдній не выбьется изъ силъ. Большею частью вѣдьмы
нападаютъ на человѣка или подъ среду, или подъ пятницу;
колдуны же, по словамъ крестьянъ, портятъ людей, дѣлаютъ
закрутки въ хлѣбѣ, въ подушкахъ, разводятъ мужа съ же-
ною, или даютъ такого зелья, что человѣкъ начинаетъ по-
стоянно болѣть. Домовые душатъ людей и, если въ это время
спросить: „къ добру или къ худу“ и домовѣй отвѣтитъ „къ добру“,
то ожидать благополучія, „къ худу“—ожидать несчастья. Ру-
сальки—дѣвушки съ распущенными волосами и нагія; онѣ, по
словамъ крестьянъ, выходятъ изъ воды и отправляются въ сады,
и здѣсь, если имъ попадется человѣкъ, онѣ могутъ его защеко-
тать до смерти. Чтобы избавиться отъ вѣдьмъ и уберечь ко-
ровъ, крестьяне читаютъ слѣдующую „молитву“:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и нынѣ, и присно,
и во вѣки вѣковъ аминь. Іисуса Христа рука; около моего
двора огненная рѣка, каменная стѣна, желѣзный плетень отъ
неба и до земли; помилуй моихъ рябыхъ коровокъ отъ еретника,
отъ еретницы, отъ простоволосой дѣвицы“.

Кромѣ этого, посыпаютъ вокругъ двора пшеномъ, которое
святится на Свѣтлый Праздникъ.

Примѣты и повѣрья. У здѣшнихъ крестьянъ существуютъ слѣдующія примѣты: съ какой стороны подуетъ вѣтеръ на Покровъ, съ той стороны будетъ дуть цѣлую зиму. На Крещенье, когда выйдутъ со святостями, съ какой стороны будутъ хмары (тучи), съ той стороны—урожай. Если на Срѣтеніе хорошая погода, то и весна будетъ хорошая. Какой день на Благовѣщенье, такой и на Свѣтлый праздникъ. Если на Георгія Побѣдоносца ворона спрячется въ житѣ, то, значить, будетъ урожай на него. Если на Илью дождь, будутъ желуди червивые. Заря горитъ—къ вѣтру. Солнце заходитъ за тучи—къ дождю. Воробьи купаются въ пыли—къ дождю, а сильно кричатъ—къ мятели.

Если собака воетъ и при этомъ держитъ голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ—къ покойнику; если кошка умывается—къ гостямъ, а лѣзетъ на печь—къ морозу; когда волки стаями ходятъ по деревнѣ и воютъ—къ голоду, а когда лошадь, стоя на мѣстѣ, фыркаетъ—къ дождю. Съ Рождества Христова и до Новаго года крестьяне обыкновенно метутъ соръ къ святому углу, а на Новый годъ несутъ его до зари въ сады и тамъ разбрасываютъ кучками около деревьевъ; затѣмъ этотъ соръ поджигаютъ, и курево распространяется по дереву; это они дѣлаютъ для того, чтобы весною не было червей на деревьяхъ. Кромѣ этого, подъ Крещенье выходятъ рано утромъ въ сады и стряхиваютъ снѣгъ съ вишенъ для того, чтобы ихъ больше уродило. На Спиридона (12 дек.) рѣжутъ вѣточку, ставятъ ее въ бутылъ подъ святой уголъ,—если она зацвѣтетъ ясно на Новый годъ, то значить—хорошій цвѣтъ будетъ на деревьяхъ. Когда цвѣтетъ рожь, то дѣвки срываютъ ее черезъ голову и моютъ рожью голову, чтобы росли волосы.

Сказка. *Лисица и волкъ.* „Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ пошелъ за рыбкою, а баба испекла пирожокъ съ начинкою, положила на окошечко, а сама пошла къ обѣднѣ. Какъ только баба ушла, прибѣжала лисичка-сестричка къ окну, схватила пирожокъ, наложила половы и ушла съ нимъ. Приходитъ къ пастушкамъ и говоритъ: „пастушки, промѣняйте мнѣ пирожокъ на бычка, а когда я зайду за ту горку, вы его разломите“.—Пастухи согласились, отдали лисичкѣ бычка, лисичка зашла за горку, нашла тамъ саночки, впрягла бычка и поѣхала. Вотъ

ѣдетъ, а на встрѣчу ей волкъ.—„Здравствуй, кумушка“.—„Здравствуй, куманекъ“,—отвѣчаетъ лиса.—„Дозволь мнѣ, кумушка, хоть лапochку положить на саночки“. Лисичка позволила, и поѣхали. Ёдутъ-ѣдутъ, а саночки—хрусть, а лисичка и говоритъ: „слѣзай скорѣй, а то саночки ломаются“. Волкъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, кумушка, это у меня былъ орѣшекъ, я его слуснулъ“. Ёдутъ, а саночки—хрусть, лисичка и говоритъ: „слѣзай, а то саночки ломаются“.—„Нѣтъ, кумушка, это у меня былъ другой орѣшекъ, я его и слуснулъ“. Поѣхали, а саночки опять хрусть и разломались. Лисичка-сестричка послала куманьку въ лѣсъ за полозьями. Волкъ ходилъ-ходилъ по лѣсу и нашелъ большое сучковатое дерево. Лисичка опять послала волка, чтобы онъ выбралъ поглаже. Волчекъ и во второй разъ принесъ такое же. Тогда лисичка оставила волка, а сама пошла въ лѣсъ. Волкъ выбралъ всю внутренность у бычка, набилъ его соломою, а самъ ушелъ. Лисичка приходитъ, видитъ, что волкъ обманулъ ее,—захотѣла наказать его: порѣзала мясо бычка, пожарила, достала капканъ и пошла просить волка въ гости. Волкъ пришелъ, только сталъ ѣсть мясо, а капканъ и прихватилъ его; а лисичка-сестричка бѣгаетъ вокругъ него да и приговариваетъ: „кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ; кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ“.

П ѣ с н и.

„Брасай, няня, всю работу ра-
батать,
Пайдёмъ, няня, у альховаегулять!
У альховамъ многа дѣвакъ,
многа бабъ!
А бабачки карагодами стоятъ,
А дѣвачки на калодачкахъ си-
дять,

Пра Луганскую станицу га-
варять,
А въ Луганѣ веселыя вербочки.
На Пристенкѣ тамъ ребята
дураки,—
Падбивали красныхъ дѣвакъ
казакѣ“.

* * *

„Вы, сады, май зеленые!
Вы зеленые, развеселые!
Вы пачто, сады, апали,
Пазавяли, пазасохли.
Въ саду пташки вылетали,

То не пташки—салавейки.
Тошно—горькожить на свѣтѣ,
А ташнѣй таво не будя.
Что мужъ жену не любя“.

16.—Сл. Боровское.

Поселеніе.—Пища и одежда.—Занятія.—Школа.—Пьянство.—Свадьба.—Свадебныя, весеннія, лѣтнія и осенія пѣсни.

Боровское расположено на песчаномъ грунтѣ близъ рѣки С. Донца на лѣвомъ его берегу и въ 10 верст. отъ г. Лисичанска (Екатери. губ.). Названіе свое оно получило или отъ слова „Боровъ“ (кабанъ) или отъ фамиліи Боровской: лѣтъ за 200 до нашего времени мѣстность эта была покрыта сплошными дремучими лѣсами, въ которыхъ водилось множество дикихъ свиней. Нѣкоторые же изъ стариковъ говорятъ, что близъ р. Донца поселился нѣкто Боровской, получившій это названіе за борьбу съ татарами, жившими по лѣвую сторону Донца, который потомъ перешелъ въ сл. Смольянинову, а затѣмъ въ Спѣваковку, гдѣ поколѣніе его живетъ и понынѣ. Жители сл. Боровской, какъ видно изъ исторіи нѣмецкаго писателя Михаила Ранфта, изданной имъ въ 1767 г., назывались еще въ 1717 г. однодворцами и составляли кордонъ, или охранную, сторожевую линію отъ татарскихъ набѣговъ, и, кромѣ того, какъ видно изъ лѣтописи церковной, жители назывались казаками Ново-Донцами и призывались по положенію Донскихъ казаковъ. Что касается племеннаго состава жителей, то на это фактическихъ данныхъ нѣтъ, но можно предположить, что въ составъ населенія сл. Боровской вошли тѣ же племенные элементы, изъ которыхъ составлялись казаки, т. е., могли быть поляки, русскіе и пр., что подтверждается самимъ нарѣчіемъ, нечисто русскимъ, а въ особенности акцентомъ, въ родѣ казацкаго выговора. Къ числу замѣчательныхъ лицъ сл. Боровской относится Дмитрій Труновъ, который послѣ взятія Измаила получилъ рѣдкую въ то время награду: золотой крестъ съ надписью на одной сторонѣ: „Измаиль, Декабря 11-го 1790 года“, а на другой—„за отличную храбрость“. Одновременно онъ получилъ и званіе сот-

ника, т. е., личного дворянина. Крестъ этотъ червоннаго золота (7 золот.) хранится въ церкви. Теперь остались его внуки, дѣти младшихъ сыновей Трунова. Селеніе сначала было расположено вблизи Донца. Донецъ въ то время имѣлъ другое направленіе и былъ не широкою рѣкою, а когда сталъ увеличиваться и, измѣнивъ русло, заливать жилища, то жители перешли дальше отъ рѣки, къ востоку версты на двѣ, куда въ 1730 г. была перенесена и церковь. Это видно изъ лѣтописи, имѣющейся при Боровской Николаевской церкви. Одновременно съ переселеніемъ слободы образовались три хутора къ сѣверу: Вороновъ, Сиротинъ и Метелкинъ, которые получили названіе по фамиліи лицъ, поселившихся тамъ. Поселеніе находится отъ Старобѣльска въ 60 в., отъ Бахмута (Екатери. губ.) тоже въ 60 в.; сосѣднія слободы съ южной стороны: Муратова въ 18 в., съ западной селеніе Верхнее въ 5 в. (3-я рота за Донцомъ), съ сѣверной—хутора Вороновъ въ 3-хъ в., Сиротинъ—7 вер., Метелкинъ 9 в. и Боровенька въ 25 в., съ восточной стороны Смолянинова въ 18 в.

Жители имѣютъ продолговатое лице и рыжеватый цвѣтъ волосъ, говорятъ русскимъ языкомъ съ примѣсью казацкаго и малороссійскаго, численностью ихъ 4,469 д. об. п. (2,297 м. и 2,172 ж.). Жилища ихъ состоятъ изъ деревянныхъ хатъ, крытыхъ соломою, обь одной и двухъ комнатахъ,—смотря по семействамъ и зажиточности. Надворныя постройки состоятъ изъ сараевъ какъ для мастерства, такъ и для скота и амбара, послѣдній имѣется у людей болѣе зажиточныхъ.

Пища ихъ состоитъ въ будничныи день лѣтомъ изъ борща съ саломъ и рыбою (женщины ежедневно ходятъ на озеро съ бреднями и ловятъ рыбу и раки) и каши съ молокомъ или коровьимъ масломъ, а въ постный день съ постнымъ масломъ; если же такового нѣтъ, то съ борщемъ, а когда поспѣютъ арбузы, то или добавляются арбузы или просто борщъ да „арбузь“; въ праздники пекутъ пироги съ картофелемъ, горохомъ, чечевицею, мясомъ, сыромъ капустою, смотря, въ какое время года и въ постный или скромный день,—послѣ пироговъ борщъ, мясо изъ борща, которое иногда прижаривается и составляетъ какъ бы отдѣльное блюдо, лапша молочная или

съ масломъ; взваръ, который готовится осенью и въ постные дни. Зимой готовятъ студень или холодецъ, куда наливаютъ квасу и тертаго хрѣну, борщъ, мясо, по большей части свинину, картофель жареный, лапшу и взваръ; въ постъ — борщъ съ сѣченою капустою, кашу и взваръ.

Одежда мужчинъ лѣтомъ состоитъ изъ полотняной рубахи, доходящей почти до колѣнъ и подпоясанной поясомъ, штановъ изъ такой же матеріи, сапогъ и картуза, а въ праздничный день сверхъ бѣлья надѣваются бѣдняками зипуны, шитые изъ сѣраго сукна, и подпоясываются зелеными поясами; кто побогаче, надѣваютъ чинарку черного или синяго сукна, или сюртукъ, жилетъ и подъ жилетомъ ситцевую или кумачевую рубаху на выпускъ. Зимой бѣдняки надѣваютъ или зипуны или овчинные полушубки, а побогаче чинарки на ватѣ или полушубки, крытые сукномъ. Женщины въ будень, поверхъ рубахи, надѣваютъ сарафаны, голову обматываютъ платкомъ, на подобіе круглаго калача, и лѣтомъ не носятъ обуви; въ праздники та же одежда, но только поновѣе и поизящнѣе; такъ, рубахи сдѣланы въ верхней части стана ситцевыя или кумачевыя, а остальное изъ простаго холста, сарафаны обшиты, какъ на груди, такъ и кругомъ, мишурною тесьмою, смотря по богатству, — лучшаго или худшаго достоинства, на головѣ повязаны платки, на ноги надѣваютъ суконные чулки и полуоткрытые башмаки; дѣвушки носятъ платки, которые завязываются также, но середина головы не закрывается, такъ что волосы видны. Волосы заплетаютъ въ видѣ сѣти, къ концу косы привязываютъ бисерный „махорчикъ“, сдѣланный на подобіе сердечка, и въ него вдѣваютъ ленты разныхъ цвѣтовъ, широкія и аршина въ два длины. Зимой надѣваютъ — кто побѣднѣе, зипуны, не подпоясанные поясомъ, а побогаче — шубы, крытыя сукномъ, или нагольные или же такъ называемые халаты, длинные изъ черного или синяго сукна.

Болѣзни. Такъ какъ Боровское расположено на низменности и со всѣхъ сторонъ окружено лѣсами, то и болѣзни бываютъ — лихорадка, горячка, корь, оспа, дифтеритъ и др. Лѣчатся по большей части у фельдшера; если же бываетъ врачъ, то обращаются и къ врачу; что касается знахарей, то эти послѣдніе стали имѣть мало значенія въ глазахъ народа, что

объясняется городскимъ вліяніемъ, такъ какъ они, по своимъ лѣснымъ дѣламъ, бываютъ въ разныхъ городахъ и станицахъ казачьихъ.

Главные занятія жителей—земледѣліе и лѣсопромышленность. Земледѣліемъ они занимаются по большей части за Донцомъ, арендуютъ землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, платя за десятину по 6—7 и 8 р.; на своемъ-же полѣ сѣютъ жито, но очень мало, такъ какъ земли удобной очень немного, по $\frac{3}{4}$ десятины на душу. Лѣсопромышленность состоитъ въ приготовленіи колесъ, дрогъ, выпалкѣ угля и т. п. Весною, во время разлитія Дона, дѣлаютъ большія лодки, которыя нагружаютъ колесами, спицами, оглоблями, подушками для дрогъ, ободьями, колодками для колесъ, углемъ и друг. матеріалами и отправляютъ внизъ по теченію рѣки на Донъ. Лѣтомъ готовятъ колеса, дроги и уголь и отправляютъ на фурахъ на югъ Россіи. Зимой же заготовляютъ и матеріалъ для упомянутыхъ подѣлокъ.

Школа началась съ декабря 1881 г. на средства, пожертвованныя церковнымъ старостою, а затѣмъ, когда средства эти истощились, то школа считалась только на бумагѣ до 1888 г.; въ 1888 году открыта школа земствомъ въ отдѣльномъ прекрасномъ домѣ, построенномъ обществомъ. До этого школа была въ церковной караулкѣ, а въ 1889 г. открыта вновь церковно-приходская школа, на средства церкви и причта, и приглашена учительница, окончившая курсъ въ епархіальномъ училищѣ. Дѣтей своихъ крестьяне посылаютъ въ школу весьма охотно. Въ церковной оградѣ крестьяне построили для церковно-приходской школы прекрасный каменный домъ.

На женщину крестьяне смотрятъ дома, какъ на младшаго члена и какъ на рабу, а въ обществѣ оба пола почти равноправны.

Пьянство здѣсь слишкомъ развито, что объясняется занятіемъ населенія. Продавая на ярмаркѣ или на дому колеса или дроги, они выговариваютъ могорычъ; пріѣхавши съ ярмарки, пріятель сходятся къ винной лавкѣ, и начинается попойка. Въ годъ выпиваютъ до 1,500 ведеръ, на сумму 9,000 р. Недѣимки въ податяхъ, однако нѣтъ, имѣется въ кассѣ общества запасной капиталъ, образующійся отъ арендныхъ денегъ за озера, которыхъ въ Боровскомъ очень много, а также и отъ общественныхъ заработковъ.

Свадьба крестьянину обходится весьма дорого, такъ какъ нужно много подарковъ для родственниковъ и другихъ приглашенныхъ лицъ; какъ тѣхъ, такъ и другихъ, бываетъ весьма много, и на долю каждаго приходится подарка по три. Подарки состоятъ изъ платковъ различной стоимости, отъ 15 к. до 3 руб.; кромѣ этого, покупаютъ ведеръ до 5 водки, стоящей 25 р.; такъ что свадьба обходится среднему крестьянину до 50 р., не считая съѣстныхъ припасовъ. Свадьба раздѣляется на три части: сватанье, сговоры и самая свадьба. Каждый изъ этихъ отдѣловъ ничего не имѣетъ особаго, а заключается въ пляскахъ, пѣніи пѣсенъ и угощеніи. Сватанье отправляется сей-часъ, какъ только родители дали свое обоюдное согласіе на вступленіе ихъ дѣтей въ бракъ; сговоръ—есть вечеръ, устраиваемый для молодыхъ людей подъ день свадьбы, и устраивается онъ преимущественно въ домѣ невесты. Молодые люди занимаются плясками и пѣніемъ, а родители, родственники и знакомые—угощеніемъ; причемъ угощеніе происходитъ въ домѣ невесты; при этомъ, приглашенные со стороны невесты сидятъ, а со стороны жениха стоятъ, угощеніе же, т. е. водка, вино и закуска, приносится родными жениха. Въ концѣ вечера родные невесты раздаютъ подарки всѣмъ безъ исключенія и за это получаютъ обратно деньгами по желанію каждаго. Въ день свадьбы молодыхъ одѣваютъ подруги и товарищи въ одежду, предназначенную раньше, которую окропляютъ святою водою, затѣмъ они ведутъ ихъ къ вѣнцу и при этомъ поютъ пѣсни, послѣ же вѣнца молодыхъ отводятъ въ дома родителей. Молодая, по приходѣ домой, угощаетъ своихъ подругъ, а сама между тѣмъ ничего не ѣстъ. Угощеніе продолжается до прихода молодого, а когда онъ прійдетъ, то становится у порога и дожидается, пока дружка откупить ему мѣсто у подругъ невесты, и затѣмъ уже садится возлѣ молодой. Послѣ этого молодой расплетаютъ косу на двое, надѣваютъ на голову кокошникъ и сверху закрываютъ ее кисеею, такъ что и все лицо закрывается. Женщины въ это время поютъ пѣсни всѣмъ боярамъ, каждому отдѣльно, а также дружку, свату и свахѣ, это называется „обыгрываньемъ“ (слово пѣть они замѣняютъ словомъ играть). Затѣмъ молодыхъ выводятъ изъ—за стола и даютъ ему въ руки хлѣбъ, а ей икону,

благословляютъ и отправляютъ ихъ въ домъ родителей жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ у фортки двора. У фортки или у воротъ настигается солома, которую зажигаютъ и черезъ огонь проводятъ молодыхъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы очистить отъ заговоровъ недобрыхъ людей, которые могли бы принести вредъ новобрачнымъ. У порога молодыхъ встрѣчаютъ родители съ иконами и, благословивши, сажаютъ ихъ за столъ, даютъ имъ обѣдать, а затѣмъ, отправляютъ ихъ на покой; приглашенные же продолжаютъ веселиться.

Свадебныя пѣсни. На сватаньи поютъ („играютъ“) слѣдующія пѣсни:

1.

„Чей это конь пробѣжалъ?
Лѣли-лешеньки, пробѣжалъ!
То Павловъ конь по улицѣ про-
бѣжалъ,
Лѣли-лешеньки, пробѣжалъ!
Онъ вырвался къ Аннушкѣ въ
огородъ.

(Припѣвъ послѣ каждого стиха).

Онъ вытопталъ руту-мяту, ва-
сильки.

То ему Аннушка смолчала,
Не смолчала Аннина матушка.

Она выломала ракитовую вѣ-
точку,

Постебала ворона коня по бедру,
Захватила Павлушу по лицу.

Приѣзжаетъ Павлуша ко двору,
Сострѣваетъ Павлушу матушка:

„Чего ты, мое дитятко, бѣлѣ-
румянѣ,

Чего въ тебѣ черныя брови ко-
лесомъ“?

— „Охъ, былъ я, моя матушка,
у тестя,

Охъ, пилъ я, моя родная, медъ
давно,—

Стало мое лицо румяно,
Съ того мои брови колесомъ“.

2.

„Ой, колесо, колесо покатилося,
Ой, лѣли-лешеньки покатилося!

По дорожкѣ далеко,
Покатилося далеко;

Прикатилося къ огороду,

А въ огородѣ столъ стоитъ,

А за столомъ бояре,

Промежъ бояръ

Младъ дружокъ

Водить коня въ рукахъ.

Гладить коня по бедру:

— „Ой, коне, коне мой вороной,

Товарищъ мой милый!

Послужишь, послужишь

Мнѣ ты вѣрно,

Поѣдешь, поѣдешь ты со мною

Въ славную Боровскую слободу

Съ дѣвками и бабами судъ

судить“.

Онъ высудилъ дѣвушку,

Онъ красную похвальную Ан-
нушку“.

3.

„Золотая метелочка, позолочена
ручка,

Лѣли-лешеньки, позолоченая

ручка!

4.

На сговорахъ поютъ:

5.

Первый подарокъ изюмецъ,
Второй подарокъ сахарецъ,
Третій подарокъ—самъ на дворъ
Къ Сергѣевнѣ въ высокъ теремъ“

6.

„Объ мартѣ мѣсяцѣ выпадала
 пороша,
Не малая, не великая,—
Коню по череву, воробью по
 колѣно.
То Павловы братцы охотники
 были,
Куницъ да лисицъ били:
То Аннѣ на шубу
Съ долгими лапами,
Съ широкими рукавами.
Аннины братцы
Ни умны, ни разумны,—
Не вздумали пригадать,
Какъ шубушку сшить
Съ долгими лапами,
Съ широкими рукавами“.

7.

Обмывала Марьюшка.
По бережку ходилъ Гордѣюшка,
Винтовочки справлялъ,
Хочетъ стрѣлять на бѣлаго лебедя.
Лебедь-лебядушка подъ крыль-
цомъ.

У Гордѣюшки Марьюшка подѣ
бочкомъ,
Гордѣюшка до Марьюшки зѣрая:
—Въ кого жъ ты, Марьюшка,
удалася хороша?
—Я удалася въ роднаго ба-
тющку,
А пригожа въ родимую матушку.

А по поясу золотомъ вилась,
А по плечу въ чистый серебъ“.

8.

„Чистымъ полемъ при дорогѣ
Ячень уродился,—

Онъ жать пригодился.

Марьюшка ячень жала

По одномъ колоску

Золотымъ серпochкомъ.

Мимо ѣде Гордѣюшка:

—Богъ помочь, Марьюшка!

У ту пору Марьюшка

Кушать захотѣла:

—Чи мочешъ, Гордѣюшка,

Ко торгу поѣхать,

Да изюму купить,

Меня накормить?

—Могу, Марьюшка,

Ко торгу поѣхать,

Тебѣ изюму купить,

Тебя накормить“!

9.

„Марьюшка по водицу шла,

Коромыслице гнется,

Гордѣюшко въ окно глядитъ,

Самъ слезою льется.

А што жъ ты, коромыслице,

Давно не обломилось?

Что жъ ты, Гордѣюшка,

Давно не женился?

—Радъ бы жениться,

Да не кого брати,

Марьюшка подрастала,

А я поджидалъ“!

10.

„Обливалася шелкова трава

росою,

Да хвалилася Марьюшка

косою,

А у меня коса до шелкова

пояса,

Ай у косушки серебряный

косничекъ.

А я выплету изъ косушки

косничекъ,

Да сдѣлаю плетничекъ,

Чтобъ ворона коня чѣмъ по-

гонять,

Чтобъ Марьюшку было чѣмъ

пробуждать.

Ай у Марьюшки дѣла много:

Дары шить, чтобы было чѣмъ

Лютого свекра дарить

И лихую свекровью“.

11.

„Я на улицу спѣшу,

Я ни играть, ни плясать—

Жениха выбирать:

Со права со крыльца

Гордѣюшку молодца.

Гордѣюшка молодецъ:

Онъ и бѣлъ, и румянъ,

Чернобровъ и черноглазъ,

Говорить со мной гораздъ“.

12.

„Мимо терема высокаго

Ясенъ соколъ пролетаетъ

У галушекъ спрашиваетъ:

—Вы, галушки черныя,

Нѣтъ ли моей соколѣшки?

Ему галушки отказали:

—Нѣтъ твоей соколѣшки.

А соколѣшка озвѣлася:

—Соколикъ мой, я тутъ же-жъ,

Въ темномъ лѣсѣ

Гнѣздышко вью

Съ разныхъ перьевъ;

Ко мнѣ галушки слетались

По перушку сносились“.

13.

„Около колодочки—опеночки,

Только нѣту бѣлаго грузочка;

Со дождику противъ солнышка
Груздокъ вырастае.
Около Марьюшки
Всѣ дѣвушки молодушки,
Только нѣтути
Молодаго Гордѣюшки.

Со вечера, со полуночи
Гордѣюшка къ намъ буде
Со князьями, со боярами,
Съ молодыми поѣзжанами“.

14.

„Ольха, ты, ольха зеленая,
Шкура золотая!
По той по ольхѣ
Марья ходила,
Шкуру колупала,
На чары ковала,
Медомъ накладала,
Бояръ частовала:
—Вы пейте, бояре,
Вы кушайте, молодые,
Вы медъ, вино пейте,
Да мене не берите,
Не берите красную Марьюшку“.

15.

„Черезъ нашъ высокъ теремъ
Пролеталъ ясенъ соколъ.
Уронилъ за перо,
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
Марына матушка
Въ окошко глядитъ,
Марьюшкѣ говорить:
—Марьюшка, дитятко,
Николаевна, милая,
Подымыся за крыло
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
—Охъ, матушка, не могу,—
По новымъ сѣнямъ хожу,
Дробный жемчугъ беру,
На низочку нижу,
На шелку кладу,
Въ зеркальце гляжу—

Чи хорошо подъ лицо,
Чи хорошо подъ бѣлое“!
Въ день свадьбы молодымъ къ
вѣнцу поютъ:

16.

„Да не пчелушки гудутъ
Къ зеленому лугу,
А невѣста идетъ
Къ Божьему суду,
Христовому престолу.
А у насъ нынче рано
Сине море грае,
Посередъ синяго моря
Волною сбиваетъ,—
Дѣвка потопаетъ:
„А, кто меня вые,
За того замужъ пойду“?
Да кидался—бросался
Старый бородатый,
Сроду не женатый,
Ой, я тебя выну“.

Жениху поютъ:

17.

„Горошекъ ты мой,
Хорошо тебя сѣять
При пути, при дорогѣ,
При доброй годинѣ!
Ой! младенькій Иванъ,
Хорошо тебя женить
При роду, при племени.
Чьи то кони на Дунай,
На Дунай рѣку пить пошли.
Пьютъ не пьютъ,
Копытами быютъ,
Стремена рвутъ,
Дороженьку чуютъ“.

Пѣсня молодой, когда ее ведутъ
къ свекру:

18.

„Съ дубравы зеленой [дыхъ,
Выѣзжали 700 бояръ и 4 моло-

Они рано выѣзжали,
Вывозили молодую.
Молодая слезно плаче, взрыдае:
„Не плачь, не плачь,
Мы тебя веземъ,
Съ неволюшки да въ волюшку“.

19.

„По горенкѣ голубокъ ходя,
По терему голосокъ вода,
Иванъ тестю говоря:
А тестюшка, мой батюшка,
А ты меня не задерживай,
Да дороженька моя дальняя,
Кони мои притомились,
А бояре мои пьяные, похмѣль-
ные“.

Къ вѣнцу молодой сиротѣ поютъ:

20.

„Зеленая дубрава,
Зеленая да негодная,
Да и одинъ дубъ зеленый
Да и той безъ верхушки,
И того буря сломила
Съ корня до верхушки.
Одна была матушка,
Да и та на томъ свѣтѣ.
Навкрестъ ручки держе,
Анна въ рукахъ держе шири-
ночку,
На лицѣ слезиночку,
Слезой умывается,
Шириночкой утирается“.

Когда молодой идетъ съ моло-
дою домой, имъ поютъ:

21.

„Сострѣнь, сострѣнь, матушка,
Вотъ самъ соколъ ѣдетъ,
Соколушку везетъ,
Перемѣну себѣ:
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ куховницу“.

Гостямъ привѣтницу,
Молодому совѣтницу“.

Когда привозятъ имущество мо-
лодой въ домъ жениха, то поютъ:

22.

„Выйди, матушка, погляди,
Что тебе бояре привезли:
Скрыни (сундуки), перины
И молодую княгиню“.

23.

„Рай, рай разцвѣтае,
Красно—мурово,
Зелено—лазорево
Что красно—Гордѣюшка,
Что зелено—Марьюшка“.

Весеннія пѣсни.

„Ой, на полѣ, на полянѣ,
На высокомъ курганѣ,
Посѣялъ мужикъ проса много.
Некому просо ижать,
И полоть, и толочь, и молотъ!
Поѣхалъ мужикъ у Бѣль-городъ
Рыбы купить
И работницу-куховницу нанять.
Я день ждала,
Другой ждала,
На третій день
Мой мужъ ѣде,
Рыбу везе
И работницу куховницу.
Куховница уся въ золотѣ-сереб-
На ней рубашка,— [рѣ,
Что кленовъ листъ,
Покромочка чирчатая;
Намиста бѣзовыя,
На ней вѣнчикъ, что лугъ сѣя
(сіяетъ).

Пошлю рабу туды-сюды,—
И жать, и полоть,
И толочь, и молотъ.

„Сама не панья,
Пойди туды-сюды
И жни, и поли“!
Я жь думала,—работница,
А жь ну наша разлучница,
Разлучила съ милымъ другомъ,
Съ надеждою великою“.

25.

„Пошли дѣвки по чеснокъ,
За нами ребята,
Боровскіе ребята,
Краснянскіе мужики.
Поихали на луга,
Раскинули тенета,
Поймали комаря.
Посѣжались судьи,
Стали судить:
Какъ комаря дѣлить?
Кому потрушокъ?
Ивану потрушокъ,—
Онъ хорошій женишокъ?
Кому голову?
Павлу голову,—
Онъ великъ безъ ума!
Кому печенки?
Петру печенки,—
Чтобы любили его дѣвченки“.

26.

„А въ городѣ диво:
Наваришь чернецъ пива.
Чернецкое пиво
Разумчиво было,
Въ голову ступило.
Пришли молоду звати,
У пиръ пировати.
А вотъ я трухнуся,
А вотъ я ворохнуся.
Сиди ты, мужъ, дома,
Стели, мужъ, постелю,
Стели пуховую.
Пришла со галюшекъ,
Постеля послата,

Въ изголовье наклато.
Вдарила мужа въ щеку,
Ударила въ другую.
Всѣмъ стало диво.
Что жена мужа била,—
На худа не вчила:
Не красть она его посылала,
Работать заставляла—
Постелюшку слать“.

27.

„Какъ бы былъ я голубецъ,
Я бь узвился высоко,
Полетѣлъ бы далеко,
Полетѣлъ бы у торжокъ.
Что у торжку дешево?
Дешевы молодцы.
Что у торгу дорого?
Дорога у торгу дѣвушка.
Что за дѣвушку сто рублей,
А за красную тысячу,
А за удалаго,
Смѣты нѣтъ“.

28.

„Я тишкомъ лужкомъ
Съ милымъ дружкой,
Вечеринкой, со лучинкой
Я пришла ко двору,—
Бѣло разсвѣло,
Изба топится,
Обѣдъ варится.
Свекоръ-батюшка
На полу лежитъ,
Свекровья на приступицѣ,
Постылъ мужъ
За столомъ сидитъ,
Шелковая плетъ
На столѣ лежитъ.
И какъ сталъ меня
Младу бить:
Шкуру до пятокъ спустилъ.
Хоть двѣ спусти,
Да грать пусти!

И подь себя постели,
Да гратъ пусти!
И шкура волочится,
Да гратъ хочется!
Слезы катятся,—
Плясать хочется!“

29.

„Охъ, Таня, Танюшка,
Подружка моя!
Скажи, Таня, Татьянашка,
Кто ленту тебѣ купилъ?
Алую повитуую
Батюшка купилъ,
А другую голубую
Милый подарилъ!
А третью-разнотретью
Сама отъ себѣ“.

30.

„Ведутъ красную дѣвушку
Съ крыльца до вѣнца:
Одинъ ведетъ за рученьку,
Другой за рукавъ,
А третій стоитъ,—
Животъ болитъ:
Любилъ да не взялъ,
Досталася красная дѣвка
Иному—не мнѣ,
Иному, не чужому,
Брату моему“.

31.

„По стежкѣ, по дорожкѣ
Козаченокъ малекъ идетъ,
На козаченкѣ рубашечка тонка,
Тонка—тонка льняная,
Что кленовъ листокъ.
Да не матушка ему шила,
Не сестра дарила,
Ему шила—вышивала
Купеческая дочка.
А мать сыну говорила,
Углаза бранила:

—„Полно-полно, сынъ, гулять,
Полно,—увоймися,
Съ дѣвками не водися.
Велю, велю, сынъ, поймати,
Велю приковати“.

—„Не куй, не куй меня, мати,
Къ каменной кровати
А прикуй меня, мати,
Къ дѣвичей кровати.
Дѣвки грають, дѣвки пляшуть,
Молодца забавляютъ.
Я со горя, со кручины
Пойду потанцюю,
Со великой печали
Дѣвку поцалую!“

32.

„Вы, комарики, комарики мои,
Вы, комарики, безсовѣстные,
Завелись во зеленомъ саду,
Что не дали красной дѣвкѣ
спать,

А у дѣвушки головушка болитъ,
А отъ головушки бѣло лицо
А отъ бѣла лица [горитъ,
И совсѣмъ дѣвка больна.

Пойду въ садъ разгуляюсь,
Съ донскимъ-морскимъ пови-
даюсь;

Донской-морской, то Григорь-
юшка дружокъ,
За собой ведетъ дѣвокъ ко-
рогодъ.

Всѣ дѣвки хороши, пригожи,—
Моя Мотрюшка лучше всѣхъ,
Что получше всѣхъ, повѣж-
ливѣй.

Какъ взялъ Мотрю за правую
руку,

За кисейную рубашеночку,
Какъ повелъ Мотрю въ новый
кабакъ,

Напоилъ Мотрю пьяною,

Положилъ Мотрю за бочку
спать,
Что за бочку, за сѣточку,
За желѣзную рѣшеточку.
Самъ по сѣничкамъ похаживая,
Мальчикамъ приказывая:
Вы, чумачики мои, донскіе
козаки,
Не будите мою Мотрюшку,
Коли встане, похмѣлите ее,
Похмѣливше, проводите,
Да не смѣйтеся съ нея“.

Лѣтнія и осеннія пѣсни.

33.

„Ой, садъ мой, виноградъ,
Ой, что жъ ты, мой садикъ,
Да не бѣло цвѣтешъ?
На мнѣ, на садику,
Морозъ побываль,
Морозъ побываль,
Листья обдуваль.
Молодчикъ молоденькій,
Чтожъ ты, молодчикъ,
Да не весель стоишь?
Ой, какъ мнѣ, молодцу,
Веселому быть,
А вечеръ я—молодецъ
Съ дѣвицею стоялъ,
Съ дѣвицею стоялъ,
Я рѣчь говорилъ!
Сулилась дѣвица:
Люблю я тебя,
Пойду замужъ за тебя.
Поутру дѣвица просватана,
Сговорена замужъ далеко,
Кабы далеко, животъ не болѣлъ,
Сердце не шумѣло,
А то красна дѣвка живетъ
Дворъ со дворомъ,
И теремъ съ теремомъ,
Окошко съ окномъ.
Она по двору идетъ,
Чо пава плыветъ,
А меня, добраго молодца,

Кручина беретъ,
Большая печаль,
Что любилъ, да не взялъ“.

34.

„Охъ, вы дѣвки—молодки,
Сходите съ терема
Вы любите молодца,—
Одинъ сынъ у отца!
Одинъ сынъ у отца, да у ма-
тери,

Добрый молодецъ
Повадился на охотушку,
Онъ на охотушку ходитъ,
Бѣлыхъ зайшекъ ловитъ,
Лисью шубушку шить.
Красна дѣвица душа
Уродилась хороша,
Много счастлива, талантлива,
И лицомъ бѣла,
И бровями черна,
Рѣчью вѣжлива“.

35.

„Ай, у матери да три дочери.
Они просятъ на Дунай гулять,
Селезневъ смотрѣть.

„Суки, дочери, то не селезни,
не косатые,

Да три молодца не женатые.
Первый молодецъ да Стефа-
нушка,

Другой молодецъ—Никитушка.

Третій молодецъ—Андріанушка.

А Стефанушка коситъ гораздъ,

А Никитушка читать гораздъ,

А Андріанушка стрѣлять го-
раздъ

За кунницами, за лисицами,

За красными, за дѣвицами“.

36.

„Звонкое дерево у раю постав-
лено,

Не сильно—добре цвѣло,

Немножко вродило:

17.—Сл. Бахмутовка.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Болезни. Занятія и нравственное состояніе.—Свадьба и пѣсни.—Похороны.—Праздничные и др. обряды.—Игры.—Народная демонологія.—Сказка.

Слобода расположена на низменномъ мѣстѣ; съ одной стороны окружена невысокими возвышенностями, у подошвъ и по скатамъ которыхъ многіе изъ крестьянъ развели сады, изобилующіе плодовыми деревьями, а съ другой стороны этой слободы протекаетъ рѣка Айдаръ, притокъ Донца, которая отдѣляетъ эту слободу отъ хутора, принадлежащаго къ ней и названнаго Бахмутовскимъ. Слобода находится отъ уѣзднаго города въ разстояніи 47 в., отъ Луганска—въ 45 в., отъ Славяно-сербска—въ 20 в. и отъ Бахмута—въ 50 в. По разсказамъ крестьянъ, эта слобода была основана переселенцами изъ г. Бахмута, которые и дали ей названіе Бахмутовки; когда это произошло,—въ точности неизвѣстно; но народъ говоритъ, что переселенцы стали приходить на эти мѣста тогда, когда крымская соль стала замѣняться бахмутовскою; въ послѣдствіи сюда былъ большой наплывъ переселенцевъ изъ среднихъ губерній Россіи, особенно изъ Курской, а также изъ Воронежской. У народа существуетъ преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ расположена теперь слобода, нѣкогда были дремучіе лѣса, въ которыхъ укрывались разбойники. Это было въ то время, когда Донецъ былъ еще границею, и происходило завоеваніе юга Россіи. Остатки прежнихъ лѣсовъ сохранились, такъ что въ настоящее время около Бахмутовки встрѣчаются довольно большіе лѣса.

Жителей въ сл. Бахмутовкѣ насчитываютъ 2,037 д., въ т. ч. 1,030 м. и 1,007 ж. п. Въ общемъ всѣ они худощавы, средняго роста, привлекательны, а между женщинами встрѣчаются нерѣдко и довольно красивыя. Мужчины всѣ непременно носятъ бороду, такъ какъ брить ее считается большимъ грѣхомъ, на томъ

основаніи, что Іисусъ Христосъ былъ съ бородою. Въ наружности жителей вліяніе инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жители великороссы; говорятъ московскимъ нарѣчіемъ; звуки *о* и *е* въ словахъ выговариваютъ за *а*, такъ, напримѣръ: вада, агурецъ, авёсъ, галова, сабѣ, табѣ; *е* и *ь* неударяемые они выговариваютъ за *я*, такъ въ словахъ: тѣвѣты (цвѣты), земля, мядовый, жана, пшаница; въ окончаніяхъ второго лица единственнаго числа и 3-го лица *ѣ* произносятся за *е*, напр.: нѣсешъ, пѣчешъ, нѣсешъ, вѣдешъ и т. д. У жителей Бахмутовки употребляется странное выраженіе привѣтствія; такъ, приходя къ кому нибудь въ хату, или-же встрѣтятся на улицѣ, они говорятъ: „здорово, днявали“,—„работали“,—„Боже, памажи“. Старовѣровъ они называютъ—„первертні“, малоросовъ—„хохлунди“. Сосѣди называютъ жителей этой слободы москалями, а ихъ женщинъ московками.

Грамотность въ слободѣ очень мало распространена; только немногіе изъ крестьянъ умѣютъ читать и писать. Наиболѣе распространенными книгами въ народѣ являются: Евангеліе, Псалтырь, Часословъ, житія Святыхъ и такія, какъ крещеніе Руси, о нашествіи французовъ, о подвигѣ Ивана Сусанина, объ Ильѣ Муромцѣ, о Робинзонѣ Крузе и нѣкоторыя другія. Эти книги они достаютъ частью въ церкви, или-же въ школѣ, а нѣкоторыя покупаются ими на ярмаркахъ въ городѣ.

Жилища крестьянъ составляютъ хаты. Сначала идутъ сѣнцы, за ними такъ называемая большая хата, а у болѣе зажиточныхъ крестьянъ за большою хатою устраивается еще „хатенка“, такъ называется небольшая комнатка, въ которой находится русская печь для приготовленія обѣда. При сѣнцахъ находится чуланъ, гдѣ хранятся сундуки. Убранство хатъ составляютъ—столъ, лавки и полъ, сдѣланный изъ досокъ,—гдѣ спятъ крестьяне; главнымъ-же убранствомъ хатъ служатъ иконы, и въ какой хатѣ ихъ больше, та и признается за лучшую. Иконы помѣщаются всегда въ переднемъ углу, который почитается самымъ главнымъ въ хатѣ и называется у нихъ „святнымъ“. Для украшенія на стѣнѣ вѣшаютъ еще шкафъ, который у нихъ называется „мисникомъ“, а полки въ немъ „паліцею“. Входя въ хату, они останавливаются на порогѣ и начинаютъ креститься, вѣря, что ихъ на порогѣ встрѣчаетъ ангелъ, а потомъ

уже переходятъ порогъ и здороваются съ хозяиномъ. Существуетъ повѣрье, будто-бы душа ребенка, родившагося неживымъ, остается на порогѣ хаты, или-же въ трубѣ; поэтому, крестясь на порогѣ, или-же при открываніи и закрытіи трубы, они какъ-бы крестятъ некрещеннаго младенца. Дворъ при хатахъ большой, огораживается обыкновенно плетнемъ изъ хвороста, „шали“ и раздѣляется на двѣ части: на собственно дворъ и огородъ. Дворъ застроенъ слѣдующими постройками: амбаромъ для ссыпки хлѣба, около него сараемъ, гдѣ складываютъ топливо, въ сторонѣ устраивается „закута“ для свиней и помѣщеніе для овецъ, которое у нихъ извѣстно подъ именемъ „кашары“. На огородѣ помѣщается „половень“, гдѣ складываютъ кормъ для скота, и токъ. У бѣдныхъ только сарай и помѣщеніе для скота. Хаты здѣсь не раскрашиваются, рѣзбы также не имѣютъ, и только ставни во всѣхъ хатахъ окрашиваются красною глиною.

Одежда мужчинъ лѣтомъ—„зипунъ“, чумарка, рубахи бѣлая и красная заграничная, а на зиму—еще присоединяется полушубокъ. Въ будни носятъ бѣлую рубаху и бѣлые „портки“; выходя изъ дому, надѣваютъ сверху „зипунъ“; въ праздникъ же надѣваютъ красную рубаху, покупные штаны, сверху чумарку изъ сукна и разноцвѣтный поясъ. Лѣтнюю и зимнюю одежду женщинъ составляютъ „сарафаны“, гарусные и шелковые платки, „салоны“, выдѣланные изъ овечьей шерсти и синенные, или же изъ синяго сукна, шуба изъ овчинъ, обшитая гарусомъ. Будничная одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи, вышитой на плечахъ, изъ синеннаго сарафана, сотканнаго изъ овечьей шерсти, и изъ ситцеваго или же изъ стараго гаруснаго платка. Въ праздникъ онѣ надѣваютъ новый синенный сарафанъ, внизу кругомъ обшитый полосой краснаго ситца; спереди, начиная сверху, идутъ два ряда парчи, называемые „платѣнкой“; между полосами парчи нашиты пучки изъ синихъ и красныхъ лентъ, красную заграничную рубаху, къ рукавамъ которой пришиваются оборочки изъ синяго шелка,—у бѣдныхъ изъ ситца,—которыя носятъ названіе „манжетъ“; кругомъ таліи обвязываютъ разноцвѣтный суконный поясъ, такъ что концы явятся на боку. Поверхъ этого нѣкоторыя надѣваютъ еще кофты, обложенныя гарусомъ. Самымъ сложнымъ уборомъ молодыхъ

женщинъ является головной, а именно: сначала онѣ надѣвають „подзатылень“, сдѣланный изъ бархата или же просто изъ полотна, весь зашитый золотомъ и украшенный бисеромъ, далѣе— „кичку“ изъ холстины, въ родѣ невысокаго кокошника, потомъ „бархатникъ“ изъ краснаго бархата, украшенный полосками парчи и имѣющій видъ шапочки, наконецъ повязываютъ шелковый платокъ, такъ что „подзатылень“ и передъ бархатника остаются открытыми. Дѣвушки заплетаютъ косу „въ расплетъ“, вплетаютъ разнаго цвѣта ленты и потомъ вокругъ головы дѣлаютъ перевязку изъ широкой ленты, или сложеннаго небольшого платка, называемаго „подшальникомъ“; сбоку къ такой перевязкѣ прикалываютъ булавками бантики изъ красныхъ лентъ и называютъ ихъ „твѣтками“. Зимой убора не надѣвають, а прямо повязываются шерстянымъ или гаруснымъ платкомъ. Старинныхъ одеждъ здѣсь нѣтъ. Хорошіе сарафаны женщинъ обходятся въ 5—6 р., бархатникъ отъ 4 р. до 7 руб., „подзатылень“ въ 1 р., кичка стоитъ 15 к., „зипунъ“ 5 р. Сарафаны синятъ особою синею краскою, которую называютъ „колья“.

Пища какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, одинакова. Въ скоромные дни почти у всѣхъ крестьянъ готовятъ очень часто мясо, что нибудь молочное, яица, а въ постные дни обыкновенною пищею служатъ борщи и квасъ съ картофелемъ. Очень распространенная здѣсь пища—кисель изъ грушъ и терка, узваръ изъ вишенъ и солодуха съ пшеномъ. Въ послѣднее время пища стала ухудшаться по причинѣ неурожаевъ хлѣба; бывало, прежде и продадутъ хлѣбъ, и еще остается до новаго урожая, а теперь и хлѣба не достаетъ, и скотъ приходится продавать, такъ какъ нечѣмъ кормить его. Здѣшнія лавочки не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ сюда очень часто изъ другихъ селъ и даже изъ городовъ пріѣзжаютъ торгаша, у которыхъ жители забираютъ и покупаютъ все необходимое, да и лавочка здѣсь только одна. Освѣщаются керосиновыми лампами; керосинъ извѣстенъ подъ именемъ „газа“.

Болѣзни. Самыя распространенныя въ слободѣ болѣзни,—дифтеритъ, называемый „давушкой“, и оспа. Лѣкарствами по большей части служатъ настои изъ различныхъ травъ, которыя собираются бабами—знахарками въ маѣ мѣсяцѣ. Если кто

нибудь заболѣтъ, сейчасъ-же посылають за знахаркою, которая приносить настой травы, наговариваетъ воду и даетъ ихъ пить больному; самымъ-же важнымъ средствомъ считается шептаніе надъ больнымъ. Заговаривають отъ колотья, отъ рожи или „бяшихи“, отъ глазъ; заговаривають также кровь, отъ „криксовъ“ дѣтей и отъ всякой простуды. Чтобы заговорить воду, читають три раза „Отче нашъ“, только безъ отдыха, и обмываютъ въ ней ложку, ножикъ или веретено. Чтобы вылѣчить ребенка отъ „криксовъ“, знахарка носитъ его подъ курей и шепчетъ: „качаты, пивны, возьмите криксы—плаксы отъ пораженной, отъ молитвенной и отъ хрященной“. Отъ колотья знахарка беретъ чекъ, непременно ту, которую найдетъ, а то иначе не поможетъ, или же ножъ, или пучочекъ палочекъ по девяти три раза, сначала бросаетъ ихъ назадъ, потомъ поднимаетъ и тогда уже накалываетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ болитъ. Крестьяне безусловно вѣрятъ силѣ такихъ заговоровъ и шептаній; къ врачамъ-же народъ относится недоувѣрчиво, даже враждебно, называя ихъ отравителями. При заболѣваніяхъ только въ крайнемъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи врача, а, между тѣмъ, что бы ни случилось,—сейчасъ-же обращаются къ знахаркѣ. Больную скотину также лѣчатъ различными травами, дегтемъ съ солью, квасцами и шепчуть надъ нею.

Траву „чистякъ“ варятъ и употребляютъ отъ сыпи и золотухи на тѣлѣ; существуетъ повѣрье, что больной, выкупанный въ кореньяхъ „чернобыльника“, на третій день непременно выздоровѣетъ; если же не поднимется черезъ три дня, то это значитъ,—умретъ непременно. Извѣстенъ здѣсь „подбѣлъ“ съ широкими бѣловатыми листьями, который употребляютъ отъ болѣзни головы; здѣсь особенно много по горамъ барбариса, который извѣстенъ подъ именемъ „кислицы“. Крестьяне употребляютъ довольно часто коренья „кислицы“ отъ судорогъ. Многія мѣстныя травы они ѣдятъ, какъ, напр.: козельцы, щавель кислый, коровки, купырья, окуга, пустосель и мн. др. Если хотятъ, чтобы травы помогали отъ болѣзней, то ихъ надо собирать непременно на Симона Зилота. Существуетъ повѣрье о папортникѣ, что, кто сорветъ его цвѣтокъ, который расцвѣтаетъ

только подъ Ивана-Купала въ полночь, тотъ будетъ знать, гдѣ зарыты клады, и понимать говоръ животныхъ и растеній.

Существуетъ много **заговоровъ**, напр., отъ колотья: „не колитя, не болитя, со всѣхъ суставовъ выходитя, со всѣхъ костей, со всѣхъ мощей; тутъ вамъ не жить, тутъ вамъ костей не ломить; идитя на буйные вятры, на быстрыя рѣки отъ черныхъ глазъ, отъ желтыхъ глазъ, отъ сѣрыхъ, ото всѣхъ ляхихъ людей, отъ пораженной, отъ молитвеной, отъ хрященой, отъ рабы Божіей и не разъ, и не два, и не три“, такъ до девяти. Этотъ заговоръ произносятъ три раза. Заговоръ крови: „ишли три брата по широкой вулицѣ, рожу ламали, рожу сажали; рожя не взошла, кровь съ пальца не пошла“. И еще такъ: „на Сіенской горѣ стоитъ столикъ, надъ столикомъ стульце, а въ стульцѣ сидитъ красная даявица, сидитъ у пальцахъ вышивая краснымъ шолкомъ, а шелкъ пярярвется, руда (кровь) увойметя“.

Занятіемъ жителей слободы служатъ преимущественно земледѣліе и садоводство; сѣютъ преимущественно пшеницу, рожь и ячмень; садовъ очень много, по большей части въ нихъ произрастаютъ вишни и черешни,—яблонь мало. На огородахъ сѣютъ арбузы, капусту, ленъ, дынь мало и очень много конопли. Изъ льна и конопли прядутъ нитки и ткутъ холстъ. Прежде здѣсь было очень распространено пчеловодство, но теперь никто не имѣетъ пчелъ. Въ послѣднее время, когда урожаи стали плохи и земледѣліе не можетъ обезпечить жителей, главнымъ занятіемъ явилось „паленье углей“, которые развозятся и сбываются въ сосѣднихъ городахъ; кромѣ этого, идутъ на заработки въ Ростовъ, въ Ново-Черкасскъ, поступаютъ въ шахты для добыванія каменнаго угля, затѣмъ покупаютъ тамъ уголь и продаютъ.

Крестьяне сл. Бахмутовки—народъ очень религіозный; даже въ самые небольшіе праздники стараются пойти въ церковь. Очень почитаютъ монастыри и, говоря: „надо потрудиться“, цѣлыми толпами идутъ на богомолье; много дѣлаютъ пожертвованій. Когда изъ монастыря приѣзжаютъ собирать пожертвованія, то они даютъ деньги, холстину, кто что имѣетъ, и никогда не отказываютъ. Богатые стараются по возможности помочь бѣднымъ,

Между крестьянами порядочно старовѣровъ, которые имѣютъ молельни въ ближайшей сл. Рай-городкѣ (въ 3 вер.) и своихъ поповъ.

Народъ здѣсь почти совсѣмъ неграмотенъ, но довольно понятливъ, смысленъ и неглупъ. Для образованія здѣсь открыта школа, куда многіе изъ крестьянъ посылаютъ своихъ дѣтей; когда-же школы здѣсь не было, то крестьяне посылали своихъ дѣтей учиться къ тѣмъ изъ нихъ, кто хотя немного умѣлъ читать. Къ школѣ и къ учителю почти всѣ относятся съ уваженіемъ, хотя есть и такіе, которые не хотятъ понять пользы ученія и относятся къ нему индифферентно.

Народъ очень добрый, миролюбивый и въ высшей степени суевѣрный. Женщины пользуются уваженіемъ, и семейная жизнь крестьянъ сравнительно очень спокойна. Родители съ дѣтьми обращаются кротко, и только въ очень немногихъ семьяхъ дѣти переносятъ побои и брань.

Хозяева съ наймитами обходятся очень хорошо, обуваютъ ихъ, одѣваютъ, кормятъ и вообще обращаются съ ними лучше даже, чѣмъ со своими. Кабаки есть; одинъ въ слободѣ, а другой на хуторѣ, и жители любятъ выпить; когда здѣсь не было открытаго кабака, то почти каждая изъ крестьянокъ старалась держать у себя водку и продавали на дому.

При рожденіи ребенка, ему сейчасъ-же даютъ имя и несутъ крестить; послѣ крещенія, кумъ и кума непременно должны прійти обѣдать къ тѣмъ, у кого крестятъ; пѣсенъ не соблюдается. Вечерницъ въ Бахмутовкѣ не бываетъ; изрѣдка зимою дѣвушки собираются вмѣстѣ пряхъ.

Свадьба. Просватавъ дѣвушку, начинаютъ пить водку, или, какъ говорятъ, „пропиваютъ“ ее. На другой день послѣ этого въ домъ невесты собираются три—четыре дѣвушки, которымъ невеста раздаетъ пить ей „дары“. Если-же работы очень много, то эти дѣвушки разносятъ другимъ дѣвушкамъ, и на свадьбѣ могутъ-быть только тѣ, которыя принимаютъ участіе въ шитьѣ этого приданнаго. Здѣсь существуетъ обычай, по которому невеста до свадьбы должна „голосить“ два раза въ день, утромъ на зарѣ и вечеромъ на зарѣ. Въ первые дни по просватаніи, невеста голосить, говоря: „радименькая моя мамушка, заклю-

чили вы мою буйнаю галовушку, и запячалили мое рятивое сярдечушко, и уняли вы мою дѣвичью волюшку“. И такъ еще: „милая мои подружаньки, что-жъ вашла моя воля во зялёнаю дуброву, осыпались всѣ мои лазорявые тѣвяточки и позавяли всѣ ганусовыя васялѣчки; любая мои подружаньки, хадите вы по зялёному садочку, собярите эти тѣвяточки, раздялите промежъ сами сабѣ и красуйтея и любуйтея съ своими лазорявыми тѣвяточками и съ моею дѣвьячею красою“. Въ послѣдній день передъ свадьбою она голосить такъ: „родимай мой батюшка, поѣзжайте вы во чистое поле, во зялёнаю дуброву и срубите бѣлаю бярёзу, перяпните моимъ боярамъ дорогу, чтобъ они до мяне не дошли, не доѣхали, чтобъ моею дѣвьячею воли не уймали и мою красоту не тяряли“. Передъ самою свадьбою бывають „сговоры“; тогда въ хату невѣсты собираются дѣвушки и парни, и невѣста съ подругами уходитъ въ сосѣдную хату; женихъ-же, пришедши къ невѣстѣ, долженъ остаться на дворѣ. Въ это время въ хатѣ невѣстина родня угощаетъ женихову, и, когда выпьютъ, то зовутъ жениха, даютъ ему въ руки подносъ, на который ставятъ стаканъ водки, потомъ зовутъ дѣвушекъ, которыя начинаютъ вызывать невѣсту такъ: „Лукерьюшка (имя), выступай, выступай, Ивановна, подари яго шаринкою (полотенцемъ)“, и потомъ, обращаясь къ жениху, говорятъ: „Сямёновичъ, отдари, три чарвонца золотыхъ положи“. Вслѣдъ за этимъ входитъ въ хату невѣста съ тремя старшими дружками, при этомъ дружки идутъ впереди, а невѣста за ними; потомъ дружки кланяются на три стороны и садятся за столъ, невѣста-же подходитъ къ жениху и, взявъ у него съ подноса стаканъ водки, отпиваетъ немного, а потомъ сама беретъ подносъ, а женихъ отпиваетъ изъ этого же стакана немного водки, и такъ повторяють до трехъ разъ. Затѣмъ невѣста ставитъ на подносъ два стакана водки и подноситъ роднымъ, сидящимъ за столомъ; когда тѣ выпьютъ, она отдаетъ подносъ дружкѣ, а сама цѣлуется съ женихомъ, потомъ кланяются другъ другу и цѣлуются съ тѣми, кто пилъ водку, и невѣста подноситъ водку всѣмъ, кто бываетъ въ хатѣ, не исключая даже маленькихъ. Затѣмъ родные невѣсты уходятъ къ жениху ужинать, а дѣвушки занимають ихъ мѣста за столомъ; дружка жениха начинаетъ

откупать эти мѣста, даетъ за нихъ дѣвушкамъ деньги и водку, и онѣ выходятъ изъ-за стола, а женихъ и невѣста садятся за столъ. Дѣвушки тогда начинаютъ „обыгривать“ жениха; три старшія изъ дружекъ невѣсты берутъ деревянную чашечку, ставятъ въ нее стаканъ съ водкою, и всѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

„Мальчикъ Тимохееюшка, кудря-
вая галовушка,

Кто табѣ пародилъ, молодца?

—Пародила родна матушка,

Вспоилъ—вскормилъ сударь-ба-
тюшка,

Возлялѣялъ на чужу старонушку,

Завила кудри сударушка моя,

Завивала, приговаривала:

Создай, Боже, эти кудярци—

Разудалому добру молодцу,

Тимохееюшки Ивановичу“.

Далѣе продолжаютъ:

„Подари, Тимохееюшка,

Подари, Ивановичъ,

Не рублёмъ съ палтиною,

Залотою гривною.

Али у табѣ денегъ нѣту-ти,

Займи у сваго друга милаго,

Отъ сердца рятиваго,

Обярнися къ намъ лицомъ,

Выпей чарочку съ вянцомъ“.

Женихъ беретъ стаканъ съ водкою и, выпивая, кладетъ дѣвушкамъ деньги; потомъ онѣ также „обыгриваютъ“ почти всѣхъ парней, которые за это, въ свою очередь, даютъ имъ деньги, изъ этихъ денегъ старшія дружки невѣсты берутъ большую часть, а остальные дѣлятся между прочими дѣвушками. Обыгравъ жениха, дѣвушки и парни ужинаютъ у невѣсты и расходятся по домамъ. Дорогою они поютъ:

„Заря, моя зорюшка,

Ранняя, вячерняя,

Усхожае солнышко.

Ой, лелюшки, лелюшки,

Усхожае солнышко!“

Солнышко не рано всходило,

Даляко святило:

Черезъ лѣсъ, черезъ поле,

Черезъ синяе море.

Ой, лелюшки, лелюшки!..

Тамъ ляжала сасновая дасточка,

Перекладъ вярбовай,

Ой, лелюшки, лелюшки!..

По той дасточкѣ

Никто не хаживалъ,

Никто не хаживалъ,

Никого жъ не важивалъ.

Ой, лелюшки, лелюшки!..

Только шёлъ маладой Тимохее-
юшка,

Онъ вѣлъ—перявелъ Лукерь-
юшку (имя невѣсты).

Ой, лелюшки, лелюшки!..

Онъ вѣлъ, журилъ, бранилъ,

Перяведши, пожалавалъ,

По галовкѣ поглаживалъ.

Ой, лелюшки, лелюшки!..

—Другъ ты, моя Лукерьюшка,

Животъ-сердце, Яковлевна!

Ой, лелюшки, лелюшки!..

Чи ты горазда домомъ жить,

Чи ты горазда домъ дяржать?

Ой, лелюшки, лелюшки!..

—Я не горазда домъ дяржать,

Только горазда на ручкахъ | А на правянькой ручкѣ спать
сидѣть, | Ой, лелюшки, лелюшки“!..

На слѣдующій день ведутъ невѣсту вѣнчать. Ей надѣваютъ обшитый парчею сарафанъ, бѣлую полотняную рубаху, заплетаютъ одну косу, дѣлаютъ „перевязку“ на голову; дружки сидятъ за столомъ; невѣста начинаетъ прощаться съ ними, потомъ отецъ и мать благословляютъ ее, а она голоситъ: „благослови меня, батюшка, къ Божьему суду идти, къ вянчанію; не прошу я у табѣ, батюшка, ни злата, ни серебра, а благословенія“. Послѣ этого дѣвушки выходятъ изъ хаты, а кто нибудь изъ родныхъ невѣсты набрасываетъ ей на плечи „покрывалень“, — длинную кисею, и въ руки даютъ „ширинку“. Когда невѣсту ведутъ въ церковь, то дорогою поютъ:

„По рѣчушки быстрой
Рой плыветъ,
По вулицѣ широкой
Дѣвки идутъ.
Они кличутъ Лукерьюшку:

—Хади, хади съ нами, Яков-
левна,

Рой лавить.

—Идите вы, дѣвушки красныя,
Я сабѣ уже уловила“.

Если невѣста-сирота, тогда поютъ такъ:

„Бѣлая бярѣзушка,
Зялёная дубровушка,
Чаму табѣ сучья много
Сушаго, да нерушаго,
Ни ядинаго тросточка.
Только одинъ дубъ дуплистый,
И тотъ безъ макушки,
Безъ зяленой вярхушки.
Красная Лукерьюшка,
Чаму табѣ роду много,
Родного, да не одного,
Ни родимой матушки.
—Хотя есть у мене матушка,
Да на томъ свѣтѣ

У Бога-Христа для престола.
Навхрястѣ руки держа,
Она Бога умоляла:
Испусти мене, Боже,
Съ небесъ на землю,
Чтобы я сваю чаду
Поглядѣла, и какъ оно
Снаряжено, на посадъ по-
сажено.

Она плача, рыдая,
Снаряжана, какъ горькая
сиротинка,
Какъ у поля одна былинка“.

Когда же подходятъ къ церкви, то поютъ:

„Попе, попе, батюшка нашъ,
Раствори церковь противъ насъ,

Перевянчай маладыхъ у доб-
рый часъ“.

Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ впереди, а за ними сестра невѣсты, или кто нибудь изъ родныхъ, за женихомъ дядька, и держать вѣнцы надъ головами; далѣе стоятъ свашки; женихова свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ

двѣ свѣчи, гребень, хмѣль и ложка съ масломъ. Свѣчи даютъ жениху и невѣстѣ во время вѣнчанія, масломъ послѣ вѣнчанія мажутъ жениху волосы, а гребнемъ расчесываютъ, хмѣль посыпаютъ уже на молодыхъ. Невѣстина свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ „оправа“ (бархатникъ, подзатылень и кичка) и двѣ ложки. Когда окончится обрядъ вѣнчанія, то голову невѣсты покрываютъ кисеею, или покрывальнемъ, который у нея былъ надѣтъ на плечахъ, и женихъ съ невѣстою идутъ изъ церкви, взявшись не за руки, а за ширинку. Выйдя изъ церкви, женихъ идетъ къ себѣ домой, а невѣста къ себѣ, и дружки дорогою поютъ:

„У Бога были
И Богу молились,

И всѣмъ вышнимъ и нижнимъ
Да всѣмъ чудотворамъ“.

Пришедши домой, невѣста снимаетъ съ себя покрывалень и угощаетъ дружекъ, а къ жениху ѣдетъ „поѣздъ“, состоящій изъ родныхъ невѣсты и званныхъ на свадьбу; они обѣдаютъ у жениха, а онъ съ парнями катается по деревнѣ. Пообѣдавъ, поѣзжане берутъ съ собою жениха и ѣдутъ „оправлять“ невѣсту, т. е. снимаютъ у нея съ головы дѣвичью „перевязку“, развязываютъ въ косѣ ленту, расчесываютъ волосы и заплетаютъ уже двѣ косы, далѣе надѣваютъ на голову подзатылень, кичку, бархатникъ и закрываютъ покрывальнемъ; невѣста не даетъ надѣвать на себя уборъ женщины, сбрасываетъ его нѣсколько разъ, и долго приходится возиться съ нею, пока она не покорится и спокойно дастъ „оправить“ себя; послѣ этого жениха и невѣсту садятъ обѣдать. По окончаніи обѣда они цѣлуютъ „благословеніе“, прощаются съ отцомъ, съ матерью и со всѣми родными невѣсты, потомъ садятся въ телѣгу, кланяются на всѣ четыре стороны и ѣдутъ въ домъ жениха. Когда приѣзжаетъ молодая, то ее встрѣчаютъ свекоръ и свекровь, она имъ кланяется, а они цѣлуютъ ее. На другой день свадьбы, бабы ходятъ по слободѣ, пляшутъ и поютъ:

„Бумушки пьютъ
И голубушки пьютъ;
Мяне малоду съ собою завутъ,
За рукавъ волокутъ.

И звать не назвали,
И рукавъ оторвали
Совсѣмъ съ паляками
И съ долгами рукавами.

Я молода богата прашла,
Много съ сабой принясла.
Девять сандуковъ,
Десятый лозбень,
Хоть объ земь разбей.
Во томъ лозбяню
Дудачки ляжать
И балабаечка.

Во тѣ дудочки не вялятъ
играть,
Заказываютъ и заговариваютъ;
А я хоть украдуся,
Да награюся.
Я тишкомъ,—тишкомъ
Со милымъ дружкой,
Со Тимошею подъ грушаю“.

Свадьба стоитъ не всегда одинаково, кто побогаче, тотъ лучше справляетъ ее и расходуетъ очень много, а бѣдный меньше и тратитъ.

Похороны. Когда человѣкъ умираетъ, ему даютъ въ руки свѣчу и, если кто умѣетъ читать, то читаетъ отходную; когда умретъ, его обмываютъ, кладутъ на лавку и за поясъ затыкаютъ платокъ, говоря, что на томъ свѣтѣ этимъ платкомъ будутъ утирать, и накрываютъ мертвого кисеей,—„сърпинкою“. Когда несутъ на кладбище, то по обычаю непременно голосятъ: если умираютъ родители, то голосятъ такъ:

„На горе ты мяне, мая мамушка, породила, и на каво-жѣ ты мяне покинула, и съ кѣмъ я буду совѣтушки совѣщать. И распутися, мать—сыра земля, и раскалися, дубова доска, и распорнижъ ты, мамушка, свои бѣлыя ручушки, и распячатывай свои ясные глазушки, и пригорнижъ ты мяне горькаю и безчастною къ сабѣ, и чтобъ я добрымъ людямъ не докучала, и буду-жѣ я чужая надокучница, и съ малаго и до большого всё въ люди идти“.

Поминаютъ послѣ смерти до шести недѣль, бѣдные поминаютъ рѣдко.

Праздничные и другіе обряды. Наканунѣ праздника Рождества Христова всѣ варятъ кутю, которую ѣдятъ съ медомъ, и взваръ изъ сушеныхъ яблокъ и вишенъ. Въ каждой хатѣ въ „святѣмъ“ углу кладутъ солому и ставятъ на нее кутю и „узваръ“ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ. Послѣ обѣда, когда начинается темнѣть, идутъ колядовать, подходятъ подъ окна; за это имъ кладутъ въ мѣшки пшено, пироги, а, если хотятъ посмѣяться, то нальютъ въ протянутый мѣшокъ воды. На самый праздникъ ходятъ на

улицу, собираются въ кружокъ и водятъ хороводы, очень часто поютъ слѣдующую пѣсню:

„Воробушка-воробей,
Ты рахмальная пташечка,
Даляко-жъ ты отляталъ?
Ой, лели да лели,
Даляко-жъ ты отляталъ?
—Ой, отъ саду до саду,
До зялёнаго вишенья,
До краснаго орѣшанья!
Ой, лели да лели.....

Ой, младенкѣй-младъ,
Да Василь, да далеко-жъ
Ты отъязжалъ?
Ой лели да лели....
—Ой, отъ двора до двора,
Да до тестяго подворья,
Да до тещаго терема,
Да до Лукерьянаго полога!
Ой лели да лели“...

Съ самаго перваго дня Рождества Христова сора изъ хатъ не выбрасываютъ, а оставляютъ его гдѣ-нибудь въ углу до дня Новаго года, а на Новый годъ этимъ соромъ подкуриваютъ сады, чтобы родились плоды.

На масляной здѣсь заведено катанье съ горы: въ концѣ слободы устраивается гора изъ снѣгу; и большіе, и маленькіе катаются съ горы. На праздникъ Пасхи всѣ идутъ въ церковь, освящаютъ пасху и красныя яйца. При наступленіи дня, парни и дѣвушки собираются и идутъ качаться на качели; инныя дѣвушки поютъ пѣсни, которыхъ содержаніе разнообразно. На Вознесеніе пекутъ изъ тѣста „подхресники“ и „лѣсенки“ и все это вмѣстѣ съ красными яйцами кладутъ на столъ. „Подхресники“ и „лѣсенки“ дѣлаютъ въ знакъ того, что провожаютъ Спасителя на небо. Если на Ильинъ день пойдетъ дождь, то у нихъ существуетъ повѣрье, будто-бы арбузы будутъ прѣть и не будетъ желудей: всѣ они осыплются. На Егорьевъ день выгоняютъ скотину на поле, служатъ молебны, и есть повѣрье, что, если рано утромъ въ этотъ день собрать росу, то ею всегда можно вылѣчить болѣзнь глазъ; подъ Ивана Купала ходятъ ночью въ лѣсъ искать папортникъ, который, говорятъ, цвѣтетъ только въ эту ночь. Въ пятницу они никогда не прядутъ по тому повѣрью, что на томъ свѣтѣ Божія Матерь насыплетъ въ черепъ кострики ото льна, или конопля.

Яйца на Пасху красятъ красною краскою, говоря, что Пасха называется красною, потому и яйца надо красить красною краскою. Яйца красятъ они просто для украшенія и для дѣтей; кромѣ красной краски, иногда употребляютъ для окрашиванія

яиць травы чернокленъ и пролѣски, т. е. подсиѣжники. Писанокъ съ рисунками не дѣлають.

Передъ посѣвомъ хлѣба накрываютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, потомъ молятся и ѣдутъ въ поле; пріѣхавъ туда, опять молятся, говоря: „зароди, Господи, на хромыхъ, слѣпыхъ и на всю нищю братію“, и начинаютъ сѣять. Когда ѣдутъ жать, то молятся Козьмѣ и Демьяну и пророку Ильѣ; при жатвѣ по большей части поють: „вы туманы мои, туманы темные, ничяго не было видно въ этихъ туманахъ; только была видна зялёная дубровушка“, но больше работаютъ молча. Когда начинаютъ свозить хлѣбъ въ клуны, то съ молитвою, посреди одонка кладутъ камень чтобы мыши не трогали хлѣба. При печеніи хлѣба изъ новины, чтобы хлѣбъ вышелъ хорошимъ первую хлѣбину перекрещиваютъ крестъ на крестъ.

Игры. Весною и лѣтомъ дѣвушки водятъ хороводы, называя ихъ „карагодами“; вода хороводы, дѣвушки поють:

„Хмѣль моя, хмѣлюшко,

Хмѣлиное пѣрышко.

Лебядиное крылушко.

Поляти, нашъ хмѣлюшко,

На нашу старонушку:

На нашей старонушкѣ

Пряволье шарокое,

Раздолъе вяликое.

По той по раздолюшки

Семь лябедей плавая

Съ бѣлами лябѣдками“.

Послѣ пѣнія начинаютъ величать тѣхъ, которыя бываютъ въ хороводахъ, такъ:

„Ходя, дремя по палицамъ,

Заглядая по дѣвицамъ.

Семь усѣ бяленьки,

Усѣ румяньки;

Одна наша Алёнушка,

Она ня бялѣя, не румянѣя;

За ней ходя Тимохееюшка,

За ней ходя Митрофаначъ,

Брусъ мыланося,

Кувшины поднося;

—Мойся, мойся, Алёнушка,

Сабѣ побялѣя, ямѣ помялѣя,

Поцалуваться, помялуваться,

Кто не скажетъ спасибо,

Тому совѣ да сова,

Совиная галова.

Девять кадушакъ

Салёнахъ лягушакъ,

Сорокъ анбаровъ

Сухихъ таракановъ“.

Дѣти играютъ въ игру, которую называютъ „скаракли“; для этого берутъ 12 круглыхъ палочекъ, шесть изъ нихъ ставятъ на одной сторонѣ, а шесть съ другой; потомъ вблизи этихъ палочекъ проводятъ межи, и четыре мальчика мѣряются на палкѣ,

и, кому достанется верхъ, тотъ первый начинаетъ сбивать палочки,—если сразу собьетъ всѣ шесть, то, значить, онъ стигралъ „конъ“; если-же какая—нибудь палочка упадетъ не за межу, а до межи, то говорятъ, что это одинъ „чухъ“, и сбиваютъ ее уже лежащею.

Очень часто, особенно взрослые, играютъ въ мяча; дѣти играютъ еще въ цурки, въ пушки. Между парнями особенно распространено биться на кулачки, и это очень часто оканчивается весьма плачевно. Танцы состоятъ въ томъ, что пляшутъ русскую, мятелицу; мѣстными музыкальными инструментами служатъ—дудка, балалайка, бубень и гармоника.

Народная демонологія. Между женщинами здѣсь сильно распространено вѣрованіе въ вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ; мужчины же уже перестаютъ вѣрить. Говорятъ, что русалокъ особенно много бываетъ на Троицу и преимущественно тамъ, гдѣ много осинъ, на которыхъ онѣ качаются; почему женщины и дѣвушки не рѣшаются въ эти дни ходить купаться и на лугъ, говоря, что онѣ утащатъ ихъ въ рѣку, или закачаютъ до смерти. Сущестующія будто-бы вѣдьмы ходятъ ночью доить чужихъ коровъ и портятъ людей. Начинаютъ-ли происходить несогласія и вражда въ семьѣ,—говорятъ, что „испортили“; заболѣетъ-ли кто либо чахоткою, тоже испортили, и особенно вѣрятъ, что портятъ молодыхъ на свадьбѣ. Говорятъ, что стоитъ только вѣдьмѣ „перелить“ порогъ, и перешедшій черезъ этотъ порогъ становится порченнымъ, кричитъ на разные голоса, и, дѣйствительно, здѣсь много „кликушъ“. Чтобы узнать вѣдьму, нѣкоторыя изъ женщинъ въ великій постъ бросаютъ черезъ себя на горищѣ (чердакъ) палку; это дѣлаютъ непременно по понедѣльникамъ, иначе ничего изъ этого не выйдетъ. На „Великъ День“ топятъ этими палками и говорятъ, что вѣдьма тогда обязательно прійдетъ и попроситъ жару. Еще употребляютъ слѣдующее: когда заговляютъ, ѣдятъ сыръ, то оставляютъ во рту маленькій кусочекъ, на другой день вынимаютъ его изо рта и завязываютъ въ узелочекъ, а на „Великъ День“ съ этимъ узелкомъ идутъ въ церковь и говорятъ, что вѣдьма подойдетъ къ этому человѣку и ущипнетъ его. Отъ вѣдьмъ оберегаются молитвою, а нѣкоторые на четвертый день Троицы вбиваютъ ко-

лышекъ отъ „клечанья“ осины въ воротахъ и вѣрятъ, что вѣдьма сюда никогда не прійдетъ.

Сказка. „Однажды жилъ одинъ человѣкъ, который охотился за птицами, и вотъ ему пришлось поймать птичку, на одномъ изъ крыльевъ которой было написано: „кто съѣстъ голову, тотъ будетъ царемъ, кто-же съѣстъ крыло, тотъ будетъ кашлять деньгами“. Человѣкъ этотъ читать не умѣлъ, а птичку оставилъ у себя. Однажды, когда его не было дома, этою дорогою проѣзжалъ одинъ купецъ, увидѣлъ эту птицу и взялъ ее; пріѣхавъ домой, онъ велѣлъ изжарить ее, а въ это время возвратились домой два сына этого купца; они были очень голодны и, увидѣвъ жареную птичку, съѣли—одинъ головку, а другой крылышко, и, дѣйствительно, одинъ изъ нихъ вскорѣ сдѣлался царемъ, а другой сталъ кашлять деньгами, и съ тѣхъ поръ появились деньги“.

А. Коломейцева.

18.—Сл. Ново-Айдарь.

Поселеніе.—Избы, одежда, пища.—Болѣзни.—Нравственность.—Свадебные обряды.—Праздничныя вирши и развлечения.—Сказка.—Пѣсни.

Ново-Айдарь расположена на лѣвомъ и правомъ берегахъ р. Айдара, которая беретъ свое начало въ Воронежской губ. Отъ уѣзднаго города слобода стоитъ на 37 в., отъ Луганска Екат. губ.—50 верстъ.

Сторожилы говорятъ, что предки жителей описываемой слободы были казаки и назывались Ново-Донскими. При Екатеринѣ Великой пришло распоряженіе, что, если кто желаетъ служить казакомъ, то долженъ идти на Кубань, нежелающіе же могутъ оставаться въ званіи государственныхъ крестьянъ. Тогда изъ 1200 казаковъ, человѣкъ 800 пошли на Кубань, а остальные 400 душъ остались въ Айдарѣ.

Черезъ нѣсколько времени явились поселенцы изъ Курской губерніи Суджанскаго уѣзда и населили цѣлую улицу, которая теперь называется „суржею“. Въ первой половинѣ XVIII в. поселеніе это называлось „городкомъ“, какъ это видно изъ одного документа за 1740 г.

По правомъ берегу р. Айдара тянется гора до Донца. Отъ этой горы противъ поселенія идетъ небольшая вѣтвь, сажень триста; въ верху ея есть пещера, между большими камнями. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что въ этой пещерѣ былъ слышенъ колокольный звонъ.

Жителей 4,998 об. п.; росту выше средняго, недурны собою, волосы темнорусые; говорятъ на великорусскомъ языкѣ.

Избы строятся изъ дерева, которое въ старыхъ избахъ очень толсто и не пиленное, а колотое. Въ избѣ одна комната, сѣни, кладовая, гдѣ хранится одежда. Въ комнатѣ убранства почти нѣтъ никакого, только печка раскрашивается по карнизамъ желтою и красною глиною. Новые дома устра-

иваются уже съ двумя комнатами, изъ которыхъ одна содержится чистенько. Передній уголъ, въ которомъ стоятъ иконы (нерѣдко до 20 штукъ), считается почетнымъ мѣстомъ.

Недалеко отъ хаты начинается хозяйственная постройка. Для рогатаго скота загораживаютъ небольшое пространство съ навѣсомъ, которое называется „ворокъ“. Для овецъ и телятъ дѣлается сарай, по большей части въ рядъ съ „ворокомъ“. Другіе сарайчики лѣпятся одинъ возлѣ другого, такъ что во дворѣ очень тѣсно. Всѣ эти сараи плетутся изъ лозы, нѣкоторые обмазываются глиною или кизякомъ.

Одежда мужчинъ зимою: полушубокъ изъ своихъ овчинъ, бѣлый или желтый, сверху свита сѣраго сукна своего приготовленія; лѣтомъ: поддевка изъ купленной матеріи, изрѣдка изъ чернаго или синяго сукна, рубашка и штаны,—праздничныя изъ купленнаго ситца и матеріи, а въ будни изъ своего холста, для чего холстъ набивается набойщиками.

Одежда женщинъ: шуба изъ овчинъ своихъ овецъ, халаты изъ сукна своего издѣлія, синяго цвѣта, или изъ купленнаго чернаго, синяго сукна, и изъ матеріи, юшка ситцевая, больше краснаго цвѣта, рубашка ситцевая, рукава одного цвѣта, а станъ другого, сверхъ рубашки носятъ, въ праздники, въ родѣ накидки съ рукавами по поясъ, изъ цвѣтнаго ситца, (больше краснаго цвѣта), нерѣдко изъ шелковой матеріи и называется „душегрѣйка“; прежде рубашки были изъ своего холста, рукава ихъ вышивались цвѣтною бумагою; сверхъ рубашки носили обыкновенный русскій сарафанъ изъ шерстяной синей матеріи своего издѣлія; на голову надѣвали въ праздникъ „кокошникъ“ (въ родѣ кругленькой шапочки) изъ бархата, который обшивался золотыми позументами, онъ стоилъ рублей пять; сверхъ „кокошника“ повязывали голову шелковымъ платкомъ, стоимостью тоже рублей въ пять. Въ будни же голову покрывали косынками изъ своего полотна, выкрашенными въ черный цвѣтъ, добывая краску изъ цвѣтовъ черноклена.

Теперь „кокошникъ“ рѣдко когда можно видѣть; онъ нуженъ только во время свадьбы, послѣ вѣнца не больше, какъ на одинъ день; вмѣсто же него, головы покрываютъ большими платками разныхъ цвѣтовъ.

Пища богатыхъ въ скоромные дни: борщъ изъ капусты и бураковъ, картофель, каша пшенная, приправленные саломъ или масломъ, иногда бываетъ мясное, но рѣдко и только у богатыхъ. Въ постные дни: борщъ и каша съ постнымъ масломъ, своего приготовления, (изъ конопляннаго сѣмени, подсолнуховъ и льняного сѣмени). Бываетъ и рыба, ловимая въ своей рѣкѣ: купленную же рыбу: сельди, тарань, чабакъ—ѣдятъ рѣдко и то только богатые. Съ половины іюля до ноября бываетъ много овощей: арбузы, дыни, огурцы. Пища бѣдныхъ: въ скоромные дни тѣ же борщъ, каша и картофель, только счень рѣдко съ коровьимъ масломъ или саломъ, а больше съ постнымъ масломъ, котораго тоже употребляютъ очень мало.

Прежде пища была, говорятъ старики, гораздо лучше. Рѣдко кто не имѣлъ коровы, свиней, овецъ. Тогда было больше луговъ и степей, на которыхъ росла хорошая трава, а теперь эти луга и степи большею частью распаханы, да и на уцѣлѣвшихъ уже не родится той травы высокой и густой. Корма были ничемъ, зимовка ничего не стоила. Корову и овцу очень трудно теперь держать зимою. Кормъ, трудно добываемый, идетъ только для необходимаго рабочаго скота.

Птица хотя и есть—индѣйки, гуси, утки и друг., но все это продается разъѣзжающимъ барышникамъ или продается въ городѣ на базарѣ. Стараются продавать птицъ, яйца, а деньги употребляютъ на наряды и на другія нужды въ хозяйствѣ. Мѣстные лавчонки (2 съ краснымъ товаромъ и 3 съ бакалейнымъ) хорошо торгуютъ, такъ какъ большая часть матеріала для одежды и обуви покупается въ нихъ. Дома освѣщаютъ керосиновыми лампочками со стеклами (въ 30 и 40 к.).

Болѣзни, болѣе свойственныя описываемому селенію: дифтеритъ, оспа, въ послѣднее время и сифилисъ.

Раньше лѣчили болѣзни своими средствами и обращались къ знахарямъ, которые то шептали, то давали свои лѣкарства; теперь же хотя и обращаются къ знахарямъ, но рѣдко. Въ сл. Ново-Айдарѣ помѣщается медицинскій участокъ, живутъ врачъ, два фельдшера и акушерка, и здѣсь въ народѣ замѣтно больше довѣрія ко врачу или фельдшеру, чѣмъ къ знахарю; если же и обращается кто къ знахарю, то непременно послѣ идетъ

въ земскую больницу. Скотъ лечатъ мѣстные знахари или сами крестьяне. Если животное раздувается, то даютъ хлѣбъ съ свинымъ саломъ, мажутъ бока дегтемъ. Во время чумы рогатаго скота, даютъ пить разсолъ, стекающій съ соленого свиного сала, и разсолъ соленыхъ огурцовъ, смѣшанный съ деревяннымъ масломъ. При чесоткѣ рогатаго скота берутъ квасъ, въ которомъ квасятъ (выдѣлываютъ) сырыя овчины, солятъ его, подогрѣваютъ и мочатъ больное мѣсто. При лѣченіи лошадей и быковъ отъ перелоговъ, когда животное падаетъ, катается, кусаетъ себя за животъ зубами,—сбрасываютъ портки (штаны) и ими три раза обматываютъ больного быка или лошадь, отъ спины до живота кругомъ, или зовутъ знахаря, который читаетъ „Отче нашъ“, или молебствуютъ и просятъ свят. Власія исцѣлитъ скотину.

Нравственность Религіозность замѣтно стала ослабѣвать, такъ что безъ особаго труда можно найти лжесвидѣтеля, который за деньги прійметъ присягу.

Воровство и пьянство стали прекращаться со введеніемъ мировыхъ судей и, въ особенности, земскихъ начальниковъ. Раньше, даже лѣтъ 10 назадъ, нѣкоторые выходили ночью на дорогу и оббирали проезжавшихъ. Въ семействѣ отецъ ничуть не стѣняется ругаться всевозможными словами или говорить пошлости при малыхъ и взрослыхъ дѣтяхъ, даже въ трезвомъ состояніи. Женщина не угнетена, а также и дѣти; хотя послѣднія и грубо обращаются съ родителями, но изъ повиновенія выходятъ рѣдко. Прежде работникамъ плохо приходилось при расчетѣ съ хозяевами, а теперь волостной судъ не позволитъ какъ хозяину, такъ и работнику обидѣть одинъ другого.

Свадебныя обряды. Отецъ жениха идетъ въ домъ невѣсты, раньше уже выбранной женихомъ съ согласія родителей, и, если дѣло идетъ на ладъ, договаривается на счетъ „помощи“, которую дастъ сторона жениха невѣстиной сторонѣ, въ видѣ ведра или двухъ водки и мѣшка или двухъ муки. Потомъ дѣлаютъ „пропойки“. Отецъ жениха идетъ со своими родственниками въ домъ невѣсты, ихъ тамъ угощаютъ; потомъ они зовутъ всю компанію къ себѣ, и такъ „гуляютъ“ дня два, причемъ женихъ и невѣста не участвуютъ въ „въ гуляньи“.

Наканунъ свадьбы, дружка,—человѣкъ знающій, специалистъ по этой части и обыкновенно уже немолодой, со стороны жениха идетъ съ полквартой водки къ невѣстѣ за рубашкой (съ отвѣстью) жениху, гдѣ угощаетъ родню ея и получаетъ рубашку. Когда дружка принесетъ рубашку, то жениха одѣваютъ и ведутъ его къ невѣстѣ дружка, отецъ и мать со своими свадебными гостями. Пришедши къ невѣстѣ въ домъ, угощаютъ отца, мать и гостей. Потомъ жениху даютъ тарелку съ рюмкою водки, онъ приглашаетъ невѣсту выпить, и выпиваютъ эту рюмку пополамъ. Ихъ заставляютъ цѣловаться, причемъ поютъ:

„Соловей калину шшекоче,
Не онъ садилъ, не онъ поли-
валъ,

Однако шшекоче.

Ой, младенькій (имя жениха),
Не онъ кормилъ, не онъ по-
ливалъ,

Однако шшекоче“.

Послѣ этого, молодые подносятъ гостямъ водку по рюмкѣ, кланаясь каждому въ поясъ, а потомъ удаляются.

На другой день, т. е. въ день вѣнчанія, невѣстина родня и гости идутъ въ домъ жениха, гдѣ угощаютъ выпивкой и даютъ шишки (небольшіе калачики) и отпускаютъ.

Жениха и невѣсту убираютъ къ вѣнцу, каждого въ своемъ домѣ, затѣмъ ведутъ къ вѣнцу, причемъ поютъ:

„Слетались сизые голуби,
Посадились вокругъ озера,
Ладо, Ладо!

Они да пьютъ, да ѣдятъ.

Ладо, Ладо!

Одинъ голубъ не пьетъ, не ѣстъ,

Ладо, Ладо!

Невесель сидитъ,

Ладо, Ладо!

Что за церковью,

Ладо, Ладо!

За нѣмецкою.

Ладо, Ладо!

Сѣзжались 700 бояръ,

Ладо, Ладо!

Посадились

Ладо, Ладо!

Вокругъ стола;

Ладо, Ладо!

Они да пьютъ, да ѣдятъ,

Ладо, Ладо!

Веселы сидятъ.

Ладо, Ладо!

Одинъ бояринъ не пьетъ, не
ѣстъ,

Ладо, Ладо!

Не пьетъ, не ѣстъ, не весель
сидитъ.

Ладо, Ладо“!

Каждый изъ молодыхъ приходитъ домой со своими гостями и обѣдаютъ. Послѣ обѣда жениху запрягаютъ пару лошадей, и онъ ѣдетъ съ родственниками за невѣстою. У невѣсты обо-

ихъ молодыхъ сажаютъ за столъ дружно, и „повиваютъ“ невѣсту: надѣваютъ ей на голову кокошникъ свахи и баба повитуха; причемъ поютъ: „повили кукушечку, повили кукушечку“.

Потомъ обѣдаютъ молодые и гости, и везутъ ихъ (молодыхъ) въ домъ жениха. Здѣсь тоже сажаютъ всѣхъ за столъ и угощаютъ. Вскорѣ является отецъ и мать жениха съ подарками для молодыхъ и со своими гостями (дарятъ молодыхъ только отецъ и мать), ихъ угощаютъ, а потомъ они удаляются, молодые также идутъ на покой.

На другой день молодые ѣздить и созываютъ свадебныхъ гостей на „блины“, причемъ собственно блиновъ не готовятъ, а пышки. Когда соберутся гости, то имъ даютъ водки и обѣдаютъ. Послѣ обѣда зовутъ къ себѣ невѣстины отецъ и мать, а оттуда уже идутъ по домамъ другихъ родственниковъ, гдѣ тоже идетъ угощеніе.

Когда невѣсту сироту ведутъ предъ вѣнцомъ на могилу отца или матери, то подружки поютъ ей слѣдующую пѣсню:

„Сирота-сиротинушко, Настасьюшка,
Безъ роднаго батюшки.
Настасьинъ батюшка
На томъ свѣтѣ у Бога,
Во Христа злѣ престола,
Навхрестъ ручки держитъ,
Христа Бога молитъ:

Ой, Боже, мой Боже!
Спусти меня, Боже,
Съ неба на землю.
Хоть бы я поглядѣлъ,
Каково мое чадо,
Каково оно снаряжено?
Снаряжено, какъ маковка,
Зажурено, какъ сиротинушка“.

На свадьбу расходуютъ отъ 50 руб. до 100 руб., большая часть этихъ денегъ идетъ на плату духовенству и на водку.

Праздники. Подъ Рождество Христово дѣвушки ходятъ по улицѣ и поютъ подъ окнами:

„Щедрый, щедрый,
Добрый вечеръ!
Добрымъ людямъ
На веселье,
На здоровье.
Знаю, знаю,

Гдѣ мой милый,
Въ концѣ стола,
На емъ шуба новая,
На шубочкѣ поясочекъ,
На поясочку три соболечка“.

На Новый годъ мальчишки ходятъ съ сѣменами ржи, пшеницы и проч. посягать. Бросаютъ зерна въ св. уголъ и говорятъ „вирішу“:

„О великій плачъ
Во Ефлемѣ случился,
Когда Иродъ царь
Надъ Христомъ изумился
И повелѣлъ Христа искать,
Всѣхъ младенцевъ избивать;
Били—побивали,
На копія подымали.
Не одинъ отецъ и мать
Плакали—рыдали,
Ирода проклинали

Ой Ироде, Ироде!
Какой ты безбожный,
Ты Бога не знаешь
И не почитаешь.
А мы Бога знаемъ
И почитаемъ
И васъ всѣхъ
Съ праздникомъ поздравляемъ,
Съ Новымъ годомъ,
Съ Новымъ годомъ поздравля-
емъ“.

* *

„Былъ маленькій воспѣванчикъ,
Родился въ градѣ,
Выдалъ всякія чудеса:
Какъ летѣли ангелы съ небеса.
Я съ того страху спужался,
Бѣгъ, до сырой земли прикло-
нялся;
Не вспѣлъ до двора добѣжать,
Вамъ, господа, рассказать.

Не скупитесь, господа!
Подѣлитесь, господа,
Златомъ и серебромъ.
Я злато и серебро принимаю,
Васъ съ праздникомъ по-
здравляю.
Здоровъ, хозяинъ съ хозяйкою,
Съ Новымъ годомъ, съ новымъ
счастьемъ“!

Подъ Вознесенье пекутъ лѣстницы, въ родѣ калачика, въ знакъ того, что Спаситель возносится на небо, и ѣдятъ ихъ на праздникъ Вознесенье.

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ четвергъ пекутъ крестецъ (въ родѣ креста): этотъ крестецъ хранится до посѣва. Когда его пекутъ, вкладываютъ въ него копѣйку. Въ первый разъ выѣхавъ въ поле, семейство разламываетъ между собою крестъ, дѣлятъ его по куску между выѣхавшими въ поле, и, кто получи-
титъ кусокъ креста съ копѣйкою, тотъ и начинаетъ разсѣвать.

Развлеченія. Съ начала зимы начинаются кулачные бои. Собирается толпа, большіе и малые отъ 10 до 30 лѣтъ. Разбившись на партіи, маленькіе начинаютъ кулачный бой, потомъ большіе и наконецъ всѣ присутствующіе идутъ партія на партію. Наконецъ одна сторона сбиваетъ другую и прогоняетъ ее съ извѣстнаго пункта.

Дѣвушки водятъ хороводъ, танцуютъ, при чемъ кто нибудь изъ парней играетъ въ рожокъ, другихъ музыкальных инструментовъ не бываетъ, играютъ только на мотивъ: „выгоняйте скотину на широкую долину“.

Домовой. Одного крестьянина 4 года душилъ „домовой“, крестьянинъ страдалъ видѣньями и избавился онъ отъ нихъ по совѣту старыхъ женщинъ. Ему сказали, что нужно ту рубашку, въ которой домовой давилъ его, помять въ мельницѣ, въ которой мнутъ волокна льна и конопли, выстирать и надѣть. Онъ сдѣлалъ это и больше не видѣлъ домового.

Сказка. „Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ сынъ. Взяли его на службу; пробылъ онъ тамъ двадцать лѣтъ; осталось ему еще пять лѣтъ служить, и онъ ушелъ со службы, нанялся къ одному старику волшебнику, прожилъ у него три года. Тогда волшебникъ сказалъ: „что тебѣ, солдатъ, нужно? золота или серебра, аль, можетъ, отставку“?—„Дай мнѣ ружье, сказалъ солдатъ,—пойду въ лѣсъ, подумаю“. Пришелъ въ лѣсъ и сѣлъ на дубу. Дубъ толкнулъ его, а солдатъ вскочилъ и говоритъ: „я застрѣлю тебя!“—„Эхъ! глупый ты, я тебѣ скажу правду. Иди къ старику и скажи: дай мнѣ три клубочка и ружье“. Солдатъ пошелъ къ старику и сказалъ: „дай мнѣ три клубочка и ружье“. Старикъ далъ ему три клубочка, ружье и самъ пошелъ съ нимъ къ дубу. Солдатъ зарядилъ ружье клубкомъ и стрѣльнулъ. Старикъ и спрашиваетъ: „что, солдатъ, видишь“?—„Дѣвушка на море полетѣла“,—говоритъ солдатъ.

Солдатъ зарядилъ ружье еще клубкомъ и выстрѣлилъ. Старикъ спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло“?—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ. Солдатъ зарядилъ въ третій разъ и выстрѣлилъ. Старикъ опять спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло?“—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ,—„да еще впалъ лидаченькій (плохенькій) капшучекъ (кошелекъ), а въ немъ одна копѣйка“. Тогда дубъ сказалъ: „купи за эту копѣйку въ одну церкву три свѣчи, въ другую и третью, потомъ купи евангеліе и приходи ко мнѣ на ночь, обведешь три сажени кругомъ меня, сядешь и будешь читать евангеліе“. Солдатъ купилъ евангеліе, пришелъ къ дубу, обвелъ вокругъ него три сажени, сѣлъ и сталъ читать. Вотъ въ полночь является къ нему жена съ дѣтьми и говоритъ: „милый мой супругъ, что ты насъ покинулъ“?—плачетъ. Прошла полночь, и все скрылось; онъ легъ спать. На другую ночь опять такъ сдѣлалъ,—сѣлъ и читаетъ. Въ полночь является къ нему мать и говоритъ: „милый мой сынокъ, на что ты насъ бросилъ“?

при старости лѣтъ? Полночь прошла, и все скрылось, а солдатъ легъ спать. На третью ночь является къ нему отецъ и говоритъ: „бѣги, воли въ хлѣбѣ!“—а онъ читаетъ, не слушая отца. Полночь прошла, и все скрылось. Отъ моря солдатъ пошелъ въ городъ. Вечеромъ сталъ онъ проситься ночевать, а его никто не пускаетъ. Тогда пошелъ онъ на окраину,—тутъ его пустила волшебница. На другой день напился онъ пьянымъ и пошелъ до моря. На дорогѣ подходитъ къ нему мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, сертукъ забылъ“.—„Не нужно“,—отвѣчаетъ онъ. „Возьми меня съ собою“,—говоритъ мальчикъ. „Пойдемъ“,—сказалъ солдатъ. Пришли они къ морю, а по морю корабли плывутъ. Мальчикъ взялъ и заткнулъ за ухо солдату перышко, солдатъ сейчасъ заснулъ. Является дѣвушка, стала будить его, ворочала, ворочала, а онъ не просыпается; тогда она перевязала ему платочкомъ руку и за пазуху ткнула записочку, а сама скрылась. Мальчикъ вытащилъ перо изъ уха, и солдатъ проснулся, прочиталъ записочку и сказалъ: „дрянь ты, мальчикъ“. Мальчикъ сейчасъ, неизвѣстно гдѣ, дѣлся.

Солдатъ пошелъ въ городъ, напился пьянымъ, а къ вечеру опять пошелъ къ морю. Бѣжитъ опять тотъ мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, шинель забылъ“.—„Не нужно“, говоритъ солдатъ. „Возьми меня“,—сказалъ мальчикъ. „Пойдемъ, если хочешь“. Пришли къ морю. По морю корабли плывутъ. Мальчикъ опять заткнулъ перо за ухо солдату, а онъ сейчасъ заснулъ. Является опять та дѣвушка, перевязала солдату руку платочкомъ и положила записочку въ карманъ. Потомъ стала его будить. Солдатъ проснулся, а дѣвушка ему и говоритъ: „разорви этого мальчика“. Солдатъ разорвалъ мальчика и кинулъ его въ море. Дѣвушка скрылась, а солдатъ легъ и заснулъ на три года. Откулъ ни взялся большой вихоръ, схватилъ солдата и занесъ въ турецкіе сады. Тутъ солдатъ проснулся и увидѣлъ часового. Часовому онъ сказалъ: „иди, скажи своему царю, сколько онъ возьметъ, чтобы нанять домъ?“. Часовой отвѣчаетъ: „три тысячи, баринъ“. Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька, далъ часовому и сказалъ: „на, отнеси“. Пришелъ часовой, а солдатъ ему: „поди, скажи своему царю: сколько онъ возьметъ, чтобы нанять часового?“.—„Три тысячи, баринъ“. Солдатъ отдалъ и ве-

лѣлъ отнести царю. Въ третій разъ солдатъ говоритъ часовому: „иди спроси своего царя: сколько онъ возьметъ, чтобы пройтись по саду“?—„Три тысячи, баринъ“! Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька и отдалъ часовому. Ходилъ, ходилъ солдатъ по саду и увидѣлъ кость Ивана богатыря. Позвалъ часового и сказалъ: „сколько царь возьметъ, чтобы похоронить кость Ивана богатыря“?—„Три тысячи, баринъ“! Вытрусилъ солдатъ деньги изъ кошелька и отослалъ царю. Солдатъ взялъ кость и велѣлъ сдѣлать гробъ золотой и крестъ золотой. Когда эту кость хоронили, то народъ обсыпалъ ее златомъ и серебромъ.

Черезъ три недѣли кость является къ солдату и говоритъ: „эхъ, солдатъ! хорошо ты сдѣлалъ, что хорошо меня похоронилъ. Теперь иди къ рѣкѣ, тамъ будутъ идти конь да кобыла, такъ ты цѣпляйся коню за гриву; какъ удержишься, такъ твой будетъ“. Солдатъ пошелъ къ рѣкѣ и сѣлъ подъ кустомъ. Глядитъ, идутъ конь и кобыла; онъ скорѣй къ коню, вцѣпился въ гриву и сѣлъ на него. Конь увидѣлъ недалеко дѣда и говоритъ: „что это вцѣпилось?“—„Иванъ богатырь подарилъ тебя этому солдату“.

Солдатъ на конѣ пріѣхалъ домой и сталъ жить, поживать, да добра наживать“.

П ѣ с н и.

<p>1. „Всю ночь бабочка не спала,
Чуть заснула на бѣлой зарѣ.
Хорошій сонъ во снѣ видала,
Хорошій сонъ бабочка видала
Про милаго—про сваго.
Будто, будто казачекъ ко мнѣ
приходилъ,
Казачекъ, миленькій дружечекъ.
Разговорчивый такой,
Разговаривалъ со мной,
Съ бабеночкой молодой.
Ужаснулась бабеночка,
Проснулась, нѣту съ боку ни-
кого.“</p> | <p>Ни козачка, ни коня,
Ни хурашечки его въ головахъ.
Только прянички и гостинчики
Въ головашечкахъ лежатъ,
На сахару, на меду, на мою
бѣду“.</p> <p>2.
„Не спится доброму молодцу,
Не ложится, въ головахъ по-
душечка вертится.
Да задумалъ добрый молодецъ
жениться,
Да забылъ я въ родной матери
спроситься,
Чи позволить родная матушка
жениться?“</p> |
|---|---|

Женись, женись, сыночекъ, же-
нись, соколочекъ,

Бери женушку вдовушку, у вдо-
вушки обычай недѣвичій.

Постелюшку стеля, сама слез-
но плача,

Головочки склада, взрыдаи.,

Про прежняго милаго вспоми-
наи.

За тобою-жъ я, моя лада, пила
да гуляла.

За тобою-жъ, расканалья, все
позабывала“.

3.

„Голова ты моя, головушка,

Голова моя молодецкая,

Голова молодецкая, разудалец-
кая,

Пошатала моя головушка,

По чужой—дальной сторонущкѣ
Восхвалили люди чужую сторо-
нушку:

Жемчугомъ то поле усѣяно,

Виноградомъ огорожено,

А сотицемъ поливано.

Повѣрилъ же я, добрый моло-
децъ, чужую сторонущку:

Полыномъ то поле усѣяно,

А крушиною обгорожено,

Горячею слезою политое“.

4.

„Воробушекъ, воробей,

Рахманная пташечка!

Далеко ты, воробей,

Далеко ты отлеталъ.

Отъ саду до саду,

Съ зеленого вишенья,

До сладкаго вишенья,

До тестева подворья,

До тещина терема,

Къ (имя дѣвушки) клѣткѣ.

(Имя дѣвушки), выходи,

(По отчеству), выступай,

(Имя парня), обожди,

(По отчеству), обостой!

—Радъ бы я обожждать,

Мой воранъ конь не стоитъ,

Золотой уздой звенить,

Капытамы землю бѣе,

Вѣтеръ дуи, кудри вѣе,

Алу ленту разовѣе.

Алый потокъ растелю,

(Имя парня) посажу,

(По отчеству его) пригощу,

За ворота провожу,

На слѣдочекъ погляжу“.

5.

„Старона моя, старонушка,

Старона моя чужая,

Чужая, дальняя, да незнако-
мая.

По тебѣ я, старонушка, про-
хлаждаюсь

Да чужою женою выхваляюсь.

Да чужая, жена ровно ягода;

А моя шельма жена—

Полынь горькая трава.

Полынь горькая трава на межи
росла,

Да на межику, на рубежику.

Да чужой то я жены

Башмачки куплю,

Съ чулочками, да съ шелко-
выми подвязочками,

А своей шельмѣ женѣ

Куплю лапотки-растоплеточки“.

6.

„Трава моя, травушка,

Зеленый лужокъ,

Крутой бережокъ!

Хожу я по травушкѣ

Да не нахожуся;

Кого вѣрно я люблю,

Того и не вижу;
 Кого ненавижу
 Всегда на глазахъ,
 На ясныхъ очахъ.
 Ишелъ молодешенекъ
 Тишкомъ, да лужкомъ,
 Расчесавши кудерки,
 На воду бросалъ.
 Плывите вы, кудерки,
 Плывите туда,
 Гдѣ милая моя;
 Гдѣ милая моя
 Водицу брала,
 Кудерки поймала;
 Нихто про тѣ кудерки,
 Нихто не зная;
 Только знала про кудерки
 Земля да вода,
 Да я молода“.

7.

„На горѣ, горѣ,
 На крутой горѣ,
 Во всей красотѣ
 Стоитъ тамъ корчма,
 Корчма польская
 Королевская;
 А въ той корчмѣ
 Три молодца
 Пьютъ три вдалье:
 Турокъ да полякъ,
 А третій казакъ.
 Турокъ водку пьетъ,
 Червонцы кладетъ;
 А полякъ водку пьетъ,
 Монету кладетъ;
 А донской казакъ
 Водку пьетъ,
 Ничего не кладетъ,
 Шинкарку манитъ:
 ---Пойдемъ, пойдемъ,
 Шинкарочка, къ намъ
 На тихій Донъ.
 У насъ на Дону

Ни ткуть, ни прядутъ,
 А хорошо ходятъ“.

8.

„А кто, братцы, у насъ
 На Дону бывалъ,
 Про Кубань слыхалъ,
 Про Кубанску славну слободу,
 Про черкесскую частую сло-
 боду?
 Обозвался малый мальчишечка,
 Горькій сиротинѣшка:
 —„Я, братцы, на Дону бывалъ
 И все про Кубань слыхалъ:
 У насъ на Дону ни ткуть,
 Ни прядутъ, а хорошо ходятъ“.

9.

„Запила, загуляла моя голо-
 вушка,
 Запивши, всхаменулась, вспла-
 кнувши,
 Схаменулась, она вздохнула.
 Какъ мнѣ не плакать, не го-
 ревать:
 Берутъ меня, добраго молодца,
 въ солдатушки,
 Сажаютъ меня, добраго молод-
 ца, на возочекъ,
 Везутъ меня въ городочекъ,
 Становятъ добраго молодца въ
 рядочекъ,
 Стригутъ мнѣ, доброму молод-
 цу, русы кудри“.

10.

„Груня, ягода моя,
 Веселая голова,
 Почто любишь (имя парня)?
 —Я за то его люблю,
 Что головушка кудрява,
 Бѣло лицо, румяное.
 —Я съ ума Груню свелъ,

Съ ума, съ ума, великаго розума.

Повадилась Дуня

Часто по воду ходить,

За холодной, ключевой

На Воронежъ на рѣку.

Пришла я молода,

Измучилась вода;

Постояла молода,

Состоялася вода.

Размахнула широко,

Почерпнула глубоко,

На плечики подняла,

Заматалась и пошла.

Противъ милаго двора

Приукатана гора,

Приукатана, прилита,

Чеботами прибыта,

Чеботамы и лапоткамы.

А ячекъ на бочекъ,

Подломился каблукъ;

Не видала, какъ упала,

И лежу, лежу

На правомъ на боку.

На правомъ на боку

Злѣ царева кабака,

Туды-сюды глядь,—

Меня нѣкому поднять.

(Имя парня) лебединъ,

Подними меня одинъ.

—Я радъ тебя поднять,

Съ стороны люди глядятъ:

Не чужіе, всѣ свои, Донскіе
казаки.

Воры, ябедники,

Плуты каторжники,

Они душу загубили,

Крысѣ голову срубили.

А крысяча голова—

Не великая бѣда,

А крысячинъ хвостъ—

На великій постъ.

А крысячи лапки—

Въ кашѣ сладки“.

11.

„Возлѣ Дону, возлѣ тихаго,

Возлѣ моря, возлѣ синяго,

Жила была молодая вдова;

Породила она себѣ девять сы-

новей,

Десятую дочь да любимую.

Пятьб ратьевъ на разбой пошли,

А два брата королю служить,

А два брата стали дома жить,

Стали матушку поить-кормить,

А сестру взрощать.

Возростивши, стали замужъ

отдавать.

За крамара за богатаго,

Они годъ жили и другой жи-

вуть,

А на третій годъ скучились,

Стала крамарша крамара въ

гости звать.

Они день ѣдутъ, другой ѣдутъ,

На третій день приморились,

Среди поля становились,

Откели не взялись два разбой-

ника,

Крамара зарѣзали, крамаршу

съ собой взяли,

Стали крамаршу спрашивать

Чьего роду, чьего племени,

—Возлѣ Дону, возлѣ тихаго,

Жила вдова молодая,—

Она матушка моя родная“.

12.

„Не соловушекъ въ лѣсу ще-

бечетъ,

Молодецъ красну дѣвицу

Словами утѣшаетъ:

Позволь, позволь, красна дѣ-

вица,

Съ молодцомъ погулять!

Ты сѣдлай, добрый молодецъ,

Вороного коня въ черкесское

сѣдло.

—Ты жъ бери, ты жъ бери,
Красна дѣвица, бѣлый положекъ
(палатка).

Ты садись, садись, красна дѣ-
вица,

Коню на бедро,

А я самъ сяду, добрый молодець,

На черкеское сѣдло,

И поѣдемъ мы, красна дѣвица,

На чистое поле гулять,

Ой, съѣдемъ мы, красная дѣ-
вица,

На широкій, высокій курганъ
Разопнемъ-же мы тонкій,

Бѣ лый по ложекъ,

Да постелемъ мы, красна дѣ-
вица,

Мой бурлацкій потничекъ,

Ты ложись, ты ложись, красна

дѣвица,

Противъ яснаго солнышка,

А я ляжу, добрый молодець,

Отъ буйнаго вѣтра“.

А. Г. Жижковъ.

19.—Сл. Больше-Черниговка.

Поселеніе и ея части.—Одежда.—Пища.—Заговоры.—Занятіе.—Свадьба.—
Хороводы.

Больше-Черниговка находится въ 50 в. отъ Старобѣльска, въ 30 в. отъ зашт. г. Бѣловодска и въ 45 отъ г. Луганска Екатеринославской губ.; она расположена на р. Койсугѣ.

Въ книгѣ архіепископа Филарета о Харьковской епархіи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о сл. Больше-Черниговкѣ: „Черниговка,—на рѣкѣ Койсугѣ. Татарское названіе рѣчки, означающее „овечій потокъ“, даетъ видѣть о кочеваніи татаръ въ здѣшнихъ мѣстахъ со своими стадами. Гильденштедтъ, въ своемъ путешествіи по югу, 1774 г. писалъ: „за 10 лѣтъ на этомъ потокѣ, Койсугѣ, поселились три слободы бѣглыхъ раскольниковъ, которые возвратились изъ Польши. Эти слободы въ простонародіи называются Верхняя, Средняя и Нижняя сотня, а по бумагамъ Верхняя называется Черниговкою, Средняя—Лашиновкою, а имени третьей (Богдановка) мнѣ не сказали. Онѣ заключаютъ до 300 семей и состоятъ въ Валуйскомъ у. Воронежской губ. Прежде, чѣмъ привыкли они къ климату и водѣ, очень многіе изъ нихъ померли“. Прибавимъ къ этому болѣе точныя свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ. Первыми поселенцами мѣстъ были Моисей и Степанъ Щигловы, малоруссы Черниговской губ., съ которыми прибыли и раскольники стародубцы: имя Степана Щеглова осталось въ Черкасской Степановкѣ, или Щигловкѣ, что на лѣвомъ берегу Айдара, а имя Моисея Черниговца осталось за Черниговкою. Къ первымъ этимъ поселенцамъ почти тогда же присоединились великоруссы изъ Воронежской губ., православные. Различіе въ дѣлѣ вѣры было причиною того, что раскольники, по обыкновенной своей фарисейской гордости, не захотѣли жить вмѣстѣ съ православ-

ными: они поселились на западномъ берегу р. Койсуга, а православные—на восточной сторонѣ. Такъ какъ раскольниковъ здѣсь явилось болѣе, чѣмъ православныхъ, то первые и успѣли прежде построить себѣ часовню“.

Раскольники и въ настоящее время живутъ въ Черниговкѣ, на западномъ берегу р. Койсуга около ветхой часовни, существующей и доселѣ. По исповѣднымъ книгамъ Троицкой церкви въ настоящее время считается муж. пола 68 чел., а женскаго—60 коренныхъ раскольниковъ, признающихъ австрійское священство, и 6 муж., 8 женск. пола—временнопроживающихъ безпоповской секты.

Мѣсто, заселенное раскольниками, именуется въ народѣ „Старожиловкою“.

Въ древнее время часть Черниговки, гдѣ жили православные, называлась Правовѣрною или Малою Черниговкою, а часть, гдѣ жили раскольники, именовалась Большою Черниговкою. Въ настоящее время обѣ части представляютъ одно селеніе, которое называется Больше-Черниговкою, а въ просторѣчьи—Верхнія сотни. Жители восточной части селенія нѣкогда занимались гончарнымъ ремесломъ, отчего и теперь та часть селенія именуется въ народѣ „Горшколѣпами“. За ними, немного западнѣе, живутъ „Литвинцы“. Они такъ называются потому, что предки ихъ были выселенцами изъ Литвы. Центръ слободы не имѣетъ никакого названія. Югозападная часть именуется „Щигры“, по имени уѣзднаго гор. Курской губ., откуда были первые поселенцы той части селенія. Жители южной части называются „Бирючинцы“, потому что первые поселенцы были изъ гор. Бирюча, Воронежской губ. Юговосточная часть называется „Новая улица“, такъ какъ тамъ стали селиться вновь жители того-же селенія, жившіе раньше въ сѣверовосточной части селенія—„Зыковкѣ“ (почему эта часть такъ называется, неизвѣстно). Жителей Зыковки сильно разоряла полая и дождевая вода, чѣмъ они и были вынуждены оставить свои избы и огороды и переселились на болѣе безопасное мѣсто.

Въ настоящее время въ сл. Больше-Черниговкѣ по волостнымъ книгамъ считается 1,939 д. м. п. и 1,941 д. ж. п. Говорятъ въ Больше-Черниговкѣ на великорусскомъ языкѣ. Жи-

лица свои строятъ въ тонкаго лѣса, мѣловаго камня и самана, облѣпливаютъ глиною, а потомъ снаружи и внутри бѣлятъ мѣломъ. Саманъ (нежженный земляной кирпичъ) готовятъ сами крестьяне изъ ила, нанесеннаго полою водою на берега рѣки, или изъ глины съ примѣсью соломы или половы.

Одежда. Лѣтняя мужская одежда крестьянъ состоитъ изъ фуражки, рубахи съ косымъ воротомъ, жилета, шароваръ и суконной поддевки; зимою же фуражка замѣняется барашковою шапкою, а поддевка—полушубкомъ, подпоясаннымъ цвѣтнымъ поясомъ; на шею же надѣваютъ шарфы и небольшіе платки,—богатые шерстяные и шелковые, а бѣдные бумажные. Женщины лѣтомъ носятъ сорочки съ полными рукавами, которыя дѣлаются изъ бѣлаго коленкора, кумача и всевозможныхъ ситцевъ (полотняныхъ не носятъ), юбки или сарафаны (ситцевые и шерстяные), корсетки (плисовый или ситцевый лифъ безъ рукавовъ), завѣски (передники) и цвѣтные фабричные пояса; въ косу (дѣвицы) вплетаютъ нѣсколько шелковыхъ цвѣтныхъ лентъ, на шею (вообще всѣ женщины) надѣваютъ „маниста“ (преимущественно янтарь) и голову накрываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ. Осенью и весною въ праздники богатые одѣваются въ суконные черные халаты изъ фабричнаго и домашняго тонкаго сукна, а бѣдные—въ сѣрые коротейки (родъ короткихъ свитокъ изъ домашняго толстаго сукна);—нѣкоторыя имѣютъ круглыя кофты на ватѣ, сдѣланныя изъ шерстяной или бумажной черной матеріи. Зимою всѣ женщины одѣваются въ овчинныя шубы—богатые—крытыя сукномъ, а бѣдные—нагольные. Дѣвицы зимою накрываютъ голову большими платками, концы которыхъ завязываютъ сзади вокругъ шеи, а женщины зимою и лѣтомъ носятъ на головѣ повязку изъ большихъ платковъ.

Пища. Богатые въ скоромные дни ѣдятъ „холодцы“ (мясной бульонъ, застуженный съ мясомъ), холодный борщъ (ботвинье), борщъ съ мясомъ, а иногда съ однимъ саломъ, похлебку (супъ), лапшу, молочную и пшеничную кашу, вареное мясо (преимущественно птичье), блины и изварь. Въ постные дни—холодцы изъ рыбы, которую привозятъ сюда на продажу, по большей части изъ р. Донца, борщъ съ постнымъ масломъ, квасъ съ лукомъ, соленую рыбу, кашу и бурачный медъ (патоку). Скоромная пища бѣд-

ныхъ почти ничѣмъ не отличается отъ постной:—они въ тѣ и другіе дни ѣдятъ одно и тоже: если есть квашеная капуста, варятъ борщъ безъ всякой приправы, въ противномъ же случаѣ готовятъ галушки, солодуху (квашу) и „саламать“, или же ѣдятъ хлѣбъ съ квасомъ и лукомъ, а иногда хлѣбъ съ водою.

Жилища свои освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Отъ криксовъ (неспокойное состояніе ребенка, когда онъ не спитъ, а день и ночь кричитъ)—берутъ на руки ребенка, смотрятъ на вечернюю звѣзду и читаютъ сначала три раза Молитву Господню, а затѣмъ слѣдующее: „заря май, зоряшка, вечерняя звѣздунка, ты криксы отъ кшенаво (крещеннаго), отъ пораженнаго (говорится имя), дайте ему сна спать до бѣлаго дня—быть спокійному“ (3 раза).

Отъ зубной боли. Надо на „молодикѣ“ прочитатъ три раза Молитву Господню, а затѣмъ столько же разъ слѣдующее: „ты, мѣсяцъ, на небѣ, а ты, камень, у морѣ, а ты, вѣдьмѣдъ (медвѣдь), у лѣсѣ,—когда эти три брата будутъ бесѣды бесѣдовать, тогда у раба (имя) будутъ зубы болѣть“.

Отъ коликъ:—читается три раза Молитва Господня, затѣмъ лѣкарка беретъ ножъ, прикладываетъ острымъ крестообразно къ мѣсту, гдѣ колитъ, и говоритъ: „я бабушка—дѣха, отъ Свята Дѣха, отъ печатнаго хреста, Ангелъ мой, хранитель мой! сохрани кшеннаго (крещеннаго), пораженнаго“.

Къ врачамъ по большей части относятся недовѣрчиво, но, въ крайности и по совѣту мѣстнаго священника, обращаются къ нимъ за помощью. Въ населеніи распространенъ сифилисъ.

Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе; въ зимнее-же время нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ „прасолуютъ“ (покупаютъ и продаютъ лошадей). Женщины, кромѣ того, что помогаютъ мужчинамъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ, ткутъ полотна, рядна, сукна, пояса и коврики—дорожки. Полотна изготовляются изъ конопли, которая растетъ на ихъ огородахъ, а пояса, сукна и дорожки—изъ шерсти домашнихъ овецъ. Каждая женщина среднимъ числомъ въ сутки можетъ выткать 12 арш. холста, а дорожекъ и сукна—аршинъ 15-ть и болѣе; поясовъ шириною въ $\frac{1}{4}$ арш., длиною въ 4 арш. женщина можетъ выткать 7 штукъ. Часть приготовленныхъ ряденъ и по-

лотна женщины оставляютъ для домашняго обихода, остальное же, а также пояса и дорожки, продаютъ на ярмаркахъ. Сукна готовятъ исключительно для себя. На вырученные деньги женщины приобретаютъ матеріалъ, необходимый для ихъ одежды, такъ какъ на обязанности каждой женщины—матери лежитъ одѣвать себя, мужа и дѣтей,—мужчины же заботятся только о верхней одеждѣ, какъ-то: о шубахъ, коротейкахъ, халатахъ, шапкахъ и сапогахъ.

Свадьба. Въ домъ родителей невесты приходитъ мужчина и женщина (сваты) съ пирогомъ (мѣстное названіе хлѣба) и, объяснивъ цѣль своего посѣщенія, просятъ принять отъ нихъ хлѣбъ—соль. Родители невесты принимаютъ хлѣбъ, кладутъ его на полку вблизи иконъ, угощаютъ сватовъ и затѣмъ обѣщаютъ, подумавши, дать имъ рѣшительный отвѣтъ. Послѣ этого родители невесты нѣсколько дней разспрашиваютъ близкихъ сосѣдей жениха о его семействѣ, характерѣ, матеріальномъ состояніи и т. п. Если не получаютъ удовлетворительнаго отзыва, возвращаютъ жениху его хлѣбъ обратно; если же сосѣди жениха хорошо отзовутся о немъ, то родители невесты просятъ сватовъ посѣтить ихъ вторично. Въ назначенный день являются снова сваты жениха и приносятъ нѣсколько блюдъ (мисокъ) прѣсныхъ блиновъ, мяса и небольшое количество водки ($\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра). Сначала родители невесты угощаютъ сватовъ, а потомъ сваты угощаютъ родителей невесты и родственниковъ, усадивши ихъ за столъ. Въ это время родители даютъ свое согласіе отдать свою дочь, что называется у нихъ „пропѣемъ“. Спустя нѣсколько дней, родители жениха и невесты договариваются о времени сговора (сватанья) и свадьбы. Сговоръ по большей части бываетъ наканунѣ свадьбы. Въ день сговора вечеромъ замужняя сестра невесты или жена брата идетъ собирать дружекъ (подругъ невесты), сама же невеста остается дома встрѣчать дружекъ. Собирая дружекъ, поютъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

„Пайдѣмъ мы вдоль па вѣлицѣ,
Пайдѣмъ вдоль па широкѣй
И во трѣтій дворъ паслѣшаемъ,
Что люди гавѣрятъ,—

Мавѣ батюшку брѣнятъ:
Пьяница, прапѣйница,
Прапѣль сваю дѣчку
За винную бѣчку,

Прапиль сваю ўму
За віннаю рюмѹ,

Прапиль сваю чаду
За віннаю чару“.

Когда собираютъ дружекъ, идутъ къ невѣстѣ, берутъ ее съ собою въ сосѣдній домъ и тамъ одѣваютъ ее. Въ домѣ невѣсты собираются гости, исключительно родственники, сваты (родители и родственники жениха) и самъ женихъ. Сюда является и невѣста съ дружками. Женихъ подходитъ тогда и узнаетъ между ними свою невѣсту, беретъ ее за руку, цѣлуетъ и становится подлѣ нея. Невѣста даритъ жениха небольшимъ платкомъ и полотенцомъ, а женихъ невѣсту деньгами (отъ 30 коп. до рубля). Потомъ родители невѣсты берутъ образъ и хлѣбъ, у ногъ своихъ кладутъ шубу, свороченную шерстью наверхъ, и благословляютъ жениха и невѣсту образомъ, а они кланяются родителямъ до земли. За родителями невѣсты благословляютъ родители жениха, крестные отецъ и мать, старшіе братья и сестры, дяди и тетки и всѣ близкіе родственники, какіе пожелаютъ. Послѣ этого женихъ и невѣста „почтуютъ“ водкою своихъ родителей и всѣхъ гостей, а они дарятъ ихъ, кто чѣмъ въ состояніи. За женихомъ и невѣстою почтуютъ гостей родители невѣсты и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать въ другую комнату. Во время обѣда дружки поютъ и, подъ пѣніе, танцуютъ. Поютъ:

„Яблонь май садовая,
Груша зеленая.

Ой, лёли! ой, ли-ли, лёли!
Груша зелёная.

Падъ грушаю, падъ зелёною,
Кара залатая.

Ой, лёли! ой, ли-ли, лёли!
Кара залатая.

Ой, мимо шла да МARYЮшка,
Шкару калупала.

Ой, лёли!.. и т. д.

Шкару калупала, шкару калу-
Золото вынимала. [пала.

Ой, лёли!.. и т. д.

Тѣмъ золотомъ, тѣмъ серебромъ
Кавёръ вышивала.

Ой, лёли!.. и т. д.

Ана тѣмъ кавромъ, ана тѣмъ
шѣтымъ

Свѣкарка дарила

Ой, лёли!.. и т. д.

Свѣкрушко, мой батюшка,

Примай май дары.

Ой, лёли!.. и т. д.

Май дары небальшія—

Кавры вышивнія.

Ой, лёли!.. и т. д.

Тѣмъ золотомъ, тѣмъ серебромъ

Чепецъ вышивала.

Ой, лёли!.. и т. д.

Ана тѣмъ чепцомъ, ана тѣмъ

шѣтымъ

Свекровью дарила.

Ой, лёли!.. и т. д.

Свекрѡвьюшка, май матушка,
Примай май дары.

Ой, лёли!.. и т. д.

Май дары небольшія—

Чепцы вышивныя.

Ой, лёли!.. и т. д.

Тѣмъ зѡлатомъ, тѣмъ сѣребромъ

Платѡкъ вышивала.

Ой, лёли!.. и т. д.

Анѡ тѣмъ платѡмъ, анѡ тѣмъ
шйтѣмъ

Лѡдушку (жениха) дарѣла.

Ой, лёли!.. и т. д.

Мой лѡдушка, мой бѡтѹшка,

Примай май дары.

Ой, лёли!.. и т. д.

Май дары небольшія—

Платѣи вышивныя.

Ой, лёли!.. и т. д.

На сговоръ родители жениха везутъ въ сундукъ сѣбѣстные припасы: „холодцы“, вареное мясо, кашу, хлѣбъ, блины, „узваръ“ и ведеръ 5 водки въ боченкѣ. Когда родители невѣсты окончатъ угощеніе родни жениха, тогда жениховы родители сажаютъ невѣстиныхъ дружекъ за столъ и угощаютъ ихъ въ свою очередь тѣмъ, что привезли изъ дому.

Если свадьба бываетъ, спустя нѣсколько дней послѣ сговора, то наканунѣ свадьбы у невѣсты бываетъ „дѣвишникъ“. Собираются подруги невѣсты въ ея домъ, и каждая изъ нихъ приноситъ изъ дому блюдо (миску) блиновъ, вареную курицу и три калача; здѣсь они лѣпятъ шишки и каравай и въ это время поютъ.

Когда сажаютъ „каравай“ (небольшой круглый хлѣбъ) въ печь, втыкаютъ въ него двѣ небольшія восковыя свѣчи, наливаютъ рюмку водки, кладутъ въ нее монету и хмѣль, и двѣ изъ дружекъ, держа у печи на лопатѣ каравай, подаютъ другъ другу до трехъ разъ подъ лопатою рюмку водки, и каждый разъ понемногу выпиваютъ. Потомъ ставятъ пустую рюмку на кѡминъ и сажаютъ каравай въ печь. Въ это время всѣ дружки поютъ:

„А нашъ каравай у печку пошелъ,

А нашъ яравой сабѣ дружку нашелъ.

Нашъ каравай съ калачемъ шѣпча,

Нашъ яравой съ калачемъ шѣпча.

А печка гагоча, каравайчика хоча,

Жоли, жоли, хоча“.

За караваемъ въ печь сажаютъ шишки. Когда спекутся шишки, тогда невѣста одѣляетъ ими дружекъ и всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого невѣста сажаетъ за столъ подругъ и угощаетъ ихъ, а потомъ подруги сажаютъ невѣсту и всѣхъ ея

родныхъ и угощаютъ ихъ своими кушаньями, которыя они приносятъ изъ дому. Часть изъ этихъ кушаній онѣ оставляютъ у неvěсты и всѣ гости, кромѣ неvěсты, идутъ къ жениху просить къ неvěстѣ на блины. Въ это время приносятъ жениху отъ неvěсты сорочку, крестъ на лентѣ и поясъ. Братъ неvěсты продаетъ все это, запрашивая самую высокую цѣну, а женихъ торгуется. Когда сторгуются, женихъ отдаетъ деньги и беретъ сорочку, послѣ этого угощаютъ водкою и идутъ къ неvěстѣ. Въ этотъ день и у жениха пекутъ шишки и каравай.

Въ день свадьбы собираются гости къ неvěстѣ и къ жениху отдѣльно. Родители жениха благословляютъ своего сына и провожаютъ его съ родственниками въ церковь. Невѣсту (дома) благословляютъ ея родители и тоже провожаютъ въ церковь. Когда благословляютъ неvěсту, она, кланяясь до земли, говоритъ нараспѣвъ печальнымъ мотивомъ:

„Ой, да радѣмай мой бѣтѣушка!
Охъ, да прастѣ, баславѣ!
Да у пѣрвай разъ, у дрѣгай и
трѣтѣй.

И къ Бѣжьему сѣду—
Къ святѣму вѣнчанью“.

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ къ неvěстѣ, обѣдаютъ тамъ и повиваютъ молодую (дѣлаютъ на головѣ изъ платка повязку). Послѣ обѣда свашка беретъ на руку кусочекъ коровьяго масла, мажетъ имъ голову жениха и посыпаетъ его хмѣлемъ. Потомъ раскрываетъ голову неvěсты, расплетаетъ ей косу и тоже мажетъ ея волосы коровьимъ масломъ и посыпаетъ хмѣлемъ. Затѣмъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы, закладываютъ вокругъ головы и повиваютъ. Въ это время поютъ:

„А што мы схотѣли,
То мы срабѣли—

Съ мѣкѣ пеляницѣ,
Съ дѣвчинѣ маладѣцѣ“.

Когда „повѣютъ“ неvěсту, ставятъ на телѣгу неvěстинъ сундукъ, кладутъ ея постель и провожаютъ ее къ жениху.

Свадьба богатыхъ стоитъ 100 р. и болѣе, а бѣдныхъ не менѣе 50 р. Большая часть денегъ затрачивается на водку.

Хороводы. Молодые парни и дѣвки въ праздничные дни вечеромъ водить „танки“ (хороводы). Это дѣлается такъ: нѣсколько человѣкъ молодежи (человѣкъ 30 и болѣе) берутся за руки и съ пѣснями идутъ по улицѣ. Двое переднихъ, держась за руки,

становятся по сторонамъ дороги, поднимаютъ руки, чтобы подъ ними можно было пройти, и пропускаютъ между собою всѣхъ отъ послѣдняго къ первому. Ихъ примѣру слѣдуютъ тѣ, которые прошли подъ ихъ руками первые. Поютъ:

„Ва гóрадѣ Ярослáвѣ.

Ой, да лялѣ, лялѣ! Ярослáвѣ.

Да маладѣцъ каня прадавáя.

Ой, да лялѣ, лялѣ! прадавáя.

Ёнѣ да продавши каня,

Въ гúсли грáя.

Ой, да лялѣ... и т. д.

Въ ягò струны мачольныя,

Ой, да лялѣ... и т. д.

Крáсная дѣвушка пріоснóла

У дóбраго мóлодца на калѣ-
нахъ.

Дóбрый мóлодецъ въ гúсли грáя,

Крáсную дѣвушку прабужáя:

„Встань, дѣвушка, встань,

праснѣся,

Встань, крáсная, прабудѣся!

За табóю мать прихадѣла,

Прихадѣла, шалковóю плетъ

принасѣла.

Да не чужáя мать, мать род-

на́я,—

Анà бóльна бьетъ, пажалѣя,—

Са дварà сашлётъ, опять вѣрнѣя“.

Пѣсня. Произведеніями народнаго поэтическаго творчества жители сл. Больше-Черниговки не богаты; они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ рассказовъ, миѣическихъ сказокъ, романтическихъ пѣсенъ. Фантастическіе рассказы пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ пѣсни, въ которыхъ главную роль играетъ содержаніе сравнительно съ напѣвомъ, выражаемое болѣе всего усиленіемъ звуковъ, а не разнообразіемъ ихъ. Осенняя пѣсня:

„У варòтъ сасна стайтъ.

Ой, да лялѣ, лялѣ, лялѣ!

У варòтъ зеленáя.

Ой, да лялѣ... и т. д.

(Припѣвъ послѣ каждой строки пѣсни).

Канабѣль (колыбель) клянóвая,

А ключѣкъ ать-мѣдянай,

А лучѣкъ серебрáнай,

Падцѣпачки шалковыя,

Патпрúтачки ремѣнныя.

Ва той канабѣли

Качáлся атѣцкѣй сынѣ—Ивá-
нушка,

Атѣцкѣй сынѣ—Пятрóвичѣ.

Качáли ягò два брáтца,

Да два брáта—таварѣиши.

Ушѣ вы, брáтцы—таварѣиши!

Падайдѣтя паблѣжа,

Васкачнѣтя павѣша,

Штобѣ тѣствѣ дворѣ видѣнѣ

былѣ,

А тѣщинѣ высòкъ терѣмѣ,

А Мáрюшкинѣ дубóвый столѣ;

Штобѣ мая Мáрюшка

Не плáкала, не рыдала

И бѣла лицà не слязѣла“.

Е. С. Тихонова.

20.—Сл. Спѣваковка.

Болѣзни.—Говорь.

Спѣваковка стоитъ при р. Айдари, на разстояніи 25 вер. отъ г. Старобѣльска. Близость рѣки Айдари къ селу приносятъ много полезнаго и пріятнаго для мѣстныхъ жителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много вреда. Весною во время вскрытія рѣки, вода затопляетъ лугъ и берегъ селенія. Жилища крестьянъ, расположенныя вблизи рѣки, долгое время бываютъ затоплены водою, и обитатели ихъ принуждены переходить на квартиры къ сосѣдямъ своимъ недѣли на три, а потомъ оправлять и осушивать свои избы. Во время весны, жители страдаютъ лихорадкою или же простудною горячкою, переходящею со временемъ въ водяную, воспаленіе легкихъ, колотье въ спинѣ и въ ревматизмъ. За немногими исключеніями крестьяне въ помощь земскихъ врачей не вѣрятъ и обращаются къ своимъ, народнымъ лѣкарямъ и знахарямъ. Въ Спѣваковкѣ живетъ крестьянинъ, который лѣчитъ людей отъ „сибирки“. Наговоренное кислое молоко онъ велитъ прикладывать къ больному мѣсту, а также и наговоренную смѣсь изъ нашатыря и водки даетъ пить больному. Болѣзни переполохъ (испугъ) бабки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и выливаютъ въ чистую воду, читая при этомъ трижды молитву Господню, потомъ вынимаютъ фигуру застывшаго воска изъ воды и даютъ послѣднюю выпить больному. Болѣзни „съ глазъ“ лѣчатъ тоже бабки, наговаривая воду и умывая ею больного. Когда животные заболѣваютъ володырями, при чемъ иногда кожа снимается, лѣкаря смѣшиваютъ синій камень съ чистымъ дегтемъ, смазываютъ этою смѣсью полость рта, и болѣзни уничтожается. Отъ червей знахарь вырываетъ пучекъ шерсти у больного животного на лбу между рогами и вывязываютъ ее съ произнесеніемъ молитвы. Отъ запора даютъ наваръ жостера.

Жители Спѣваковки говорятъ на великорусскомъ нарѣчїи. Неударяемый звукъ *о* въ ихъ говорѣ замѣняется звукомъ *а*. Они произносятъ слова: галава, харашо, агурцы. Звуки *ь* и *е* неударяемые, при произношенїи нѣкоторыхъ словъ переходятъ въ *а* и *я*. Они произносятъ слова: сѣстра, мядовый, лясной, жанѣ, пшаница, чатыре. Есть случаи употребленія *у* вмѣсто *в*. Произносятся слова: удовѣ, узѣть, усѣ. Произносятъ *т* вмѣсто *д*: „загадаю загатку, перекину чѣрезъ грядку“. Есть случаи употребленія придыханія. Произносятъ слова: вонѣ—вмѣсто онѣ, вѣтка—вмѣсто утка. Шипящій звукъ *ш* замѣняется шипящимъ *ш*: шавель—вмѣсто щавель, знающій—вмѣсто знающій, большій—вмѣсто большущій. Мѣстоимѣнія: себѣ, тебѣ, его, кого, того—произносятся: сабѣ, табѣ, ягѣ, кагѣ, тагѣ. Глаголы въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа имѣютъ окончаніе только *е*, напримѣръ: пекѣ—вмѣсто печетъ, ведѣ—вмѣсто ведетъ, несѣ—вмѣсто несетъ, читѣе—вмѣсто читаетъ, сѣе—вмѣсто сѣетъ. Въ говорѣ жителей сл. Спѣваковки встрѣчаются такія слова: пѣвно—вмѣсто вѣроятно, анадѣсь—вмѣсто недавно, анадѣсь—вмѣсто третьяго дня, давеча—вмѣсто недавно, ламка—вмѣсто лампа и такъ—вмѣсто керосинъ; ласкательныя названія по адресу женщинъ: мой лебѣдочка бѣлая, мой соколиночка; ласкательныя названія по адресу мужчинъ: мой соколикъ ясный; прозвища: морѣзь, чикулѣй, малюкъ, шкаликъ, будыня.

Е. В. Попова.

21.—Сл. Шульгинка.

Поселеніе.—Жители, языкъ, жилище, одежда, пища, травы.—Свадебные обряды.
Поминки.—Этнографическій календарь.—Игры.—Пѣсни и сказки.

Шульгинка расположена на лѣвомъ берегу р. Айдари и по обѣимъ сторонамъ р. Шульги (почему и получила названіе „Шульгинки“) и находится въ 15 в. отъ г. Старобѣльска. Берега р. Айдари и Шульги покрыты богатою растительностью и представляютъ мѣстность красивую и живописную. Рѣчкою Шульгою слобода дѣлится на двѣ части: на восточную, возвышенную, черноземную, и западную, низменную, песчаную. Она тянется слишкомъ на 3 версты въ длину и на столько же въ ширину. Изъ записокъ еп. Филарета видно, что Шульгинка лежитъ при устьѣ рѣчки Шульги. Вотъ показаніе о населеніи Шульгинки, данное въ 1769 г. Шульгинскимъ священникомъ Тимоѳеемъ Алексѣевымъ и атаманомъ Пугачомъ: „Сл. Шульгинка заселена малороссіянами Бахмутскаго уѣзда Новоайдарской слободы—однодворцемъ Θεодотомъ Теремязовымъ въ 1719 г., въ урочищѣ р. Шульгинки, оставшимся въ пустѣ и разоренномъ, войска Донского, казачьей станицы Шульгинской во время Булавинскаго бунта; земля отъ г. Бахмута въ 110 вер. По поселеніи на той землѣ внизъ по р. Айдару обще съ Новоайдарскими одноворцами по урочище Каменный бродъ на 12, а вверхъ по той же рѣчкѣ по средней, срокъ на 6 верстъ. Именовалась та слобода, Шульгинка, казенною по 1759 г. Бахмутской соляной канцеляріи регистраторъ Георгій Смольниковъ продалъ сената оберъ-прокурору Александру Ивановичу Глѣбову зачатую, но недоконченную свою мельницу на р. Айдарѣ противъ слоб. Шульгинки за 5 р. При продажѣ повѣренный г. Глѣбова, Тряпицынъ, назвавъ землю Черкасовъ Шульгинскихъ пороженю, и земля на 150 четв. въ полѣ, Бахмутскою канцеляріею отведена Глѣбову, съ платежомъ въ казну по 10 к. съ четверти

земли, впредь до указу; Шульгинка оставалась въ подданствѣ у Глѣбова по 1765 г., когда, по указу сената, отобрана она въ казну“. Первый храмъ во имя св. Николая построенъ былъ здѣсь около 1725 г. Въ 1780 г. выданы были въ Николаевскую церковь слоб. Шульгинки изъ Славянскаго духовнаго правленія метрическія тетради; въ слѣдующемъ 1781 г. прихожане-черкасы уже получили разрѣшеніе построить новый храмъ во имя св. Николая; старый же храмъ оставленъ безъ служенія, какъ ветхій. Другой храмъ въ Шульгинкѣ, на другой сторонѣ рѣчки Шульги, есть тотъ самый, который въ 1781 г. оставленъ безъ служенія, въ 1792 г. перенесенъ былъ на кладбище и освященъ былъ во имя св. Троицы, а съ 1805 г. онъ названъ приходскимъ для поселившихся на правомъ берегу р. Шульги. Онъ и понынѣ проченъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ: стѣны его состоятъ изъ толстыхъ, непиленныхъ, а расколотыхъ пластинъ дуба, который не тревожится отъ вѣковыхъ перемѣнъ атмосферы. Иконостасъ возобновленъ въ 1840 г. Сл. Шульгинка входила въ составъ военнаго поселенія.

Жители слободы—малороссы; роста выше средняго, волосы, почти у всѣхъ, черные, лица круглыя, чистыя, по наружности они въ общемъ красивы; мужчинъ 2,690, женщинъ 2,568, всего 5,258 д. об. п.

Языкѣ. Народъ этой мѣстности говоритъ чистымъ малоросійскимъ языкомъ, на примѣръ: „хибà тобѣ вáжко зроби́ты це діло“? Мѣстные слова и реченія: „мой нѣнько, риднѣнько, зу-зúля“, „дали́би що“ (увѣряю васъ), „чи ма́ло“ (достаточно), „за-здалѣгидь“ (заблаговременно). Тѣ, которые уходятъ на заработки въ донскія мѣста, по возвращеніи своемъ оттуда, говорятъ ломаннымъ литературнымъ языкомъ, особенно женщины, служившія въ качествѣ горничныхъ у какихъ либо богатыхъ людей, на примѣръ: „я служила́ го́рнишной у ба́рыни, у ёѣ дочка́ учить-ся въ панцыё́нѣ, въ оды́нъ ментъ (моментъ) кни́жки чита́еть“. Большая часть шульгинцевъ грамотна, охотно читають книги, искажая книжный языкъ, какъ, на примѣръ: „га́ро́й (герой), катыго́рія (категорія), кабыни́ть (кабинетъ), дія́тыль (дѣятель), госты́ня (гостинница), иды́я (идея), достоко́на́льно (досконально), прови́єнтъ (провіантъ), о́бчество (общество), панцыё́нь (пансіонъ), вишлагà (обшлага), се́ра (ссора), се́ртъ (сортъ)“ и т. д.

Избы дѣлають деревянные; только у бѣдныхъ встрѣчаются плетенныя изъ хворосту, обмазанныя глиною. Прежде изба состояла изъ одной комнаты (хаты) и сѣнцовъ; окна всѣ были обращены во дворъ; теперь, по большей части изъ двухъ отдѣленій: главной (хаты) и другой (хатины) окнами на улицу. Въ хатѣ замѣчается главный уголъ, или такъ называемая „покуть“, гдѣ находятся иконы, украшенныя цвѣтками ихъ же издѣлія и увѣшанныя полотняными рушниками своей работы, иногда же и—ситцевыми. Возлѣ иконъ, на стѣнахъ прибиты куски обоевъ, какъ украшеніе. Въ переднемъ углу, вокругъ стѣнъ стоятъ лавки, а передъ ними—некрашеный деревянный столъ, покрытый холщевой скатертью своего приготовленія. За печкою устраивается родъ кровати (пиль), гдѣ они отдыхаютъ; теперь же нерѣдко встрѣчаются у крестьянъ кровать, диванъ и стулья. Печи и ставни раскрашиваются желтою и красною краскою (глиною). Дворы по улицѣ узки, но очень длинны; во дворѣ находится много построекъ: амбары съ закромами, гдѣ сберегаютъ зерновой хлѣбъ, погреба—для съѣстныхъ припасовъ, клуны для хлѣба, загороды—для скота, ловитки (сарай)—для экипажей, половикъ—для половы, коморы—для склада теплыхъ вещей, хлѣвъ—для топлива.

Одежда. Жители Шульгинки старинный національный костюмъ, какой носили въ прежнее время, не носятъ, какъ, напр., плахты, дерги, вытканныя изъ шерсти, и выбойчатые юбки; какъ женщины, такъ и мужчины—дѣлають себѣ наряды, похожіе на наряды городскихъ мѣщанъ, благодаря близкому разстоянію отъ города; еще больше это заимствовано ими изъ донскихъ мѣстъ, куда они ежегодно отправляются на заработки. Одежда мужчинъ въ лѣтнее время, въ будни, состоитъ изъ полотняныхъ шароваръ и такой же рубашки, а въ праздники—изъ чемарки, покрытой какою-либо матеріею, стоящею 1 р. 20—2 р. 50 к., и шароваръ въ 80 к.—1 р. 20 к.; зимою носятъ кожаные (полушубки) изъ овчинъ, стоящіе 10—12 р., или крытые матеріей въ 15—17 р. На голову лѣтомъ надѣваютъ картузь въ 70 к.—1 р., а зимою шапку въ 40—70 к.; старые и малые носятъ зимою капелюхи (родъ шапки съ закрышками для ушей) въ 30—70 к. Ноги обуваютъ лѣтомъ въ сапоги, а зимою въ валенки. Одежда женщинъ лѣтомъ состоитъ изъ ситцевой

юбки (сарафана) и кофты (юбки). Юбки и кофты отдѣлываютъ пестрыми шнурками, пуговицами и плисомъ; юбка стоитъ 1 р. 20 к.—2 р., а кофта—1 р.—1 р. 80 к.; зимою носятъ ко-
жухи въ 12—13 р., крытые какою-нибудь матеріею съ бараш-
ковыми воротниками въ 17—20 р., суконныя свитки (юбки)
въ 3—4 р. На голову дѣвушки надѣваютъ повязки изъ шел-
коваго платка или ленты (стрички), вѣнки изъ цвѣтовъ, рас-
пускаютъ косы, вплетая массу пестрыхъ лентъ, иногда платки
ситцевые, шерстяные и шелковые, смотря по состоянію, а жен-
щины—очипки, наколки шелковыя, платки; зимою носятъ са-
поги, а лѣтомъ туфли (черевики).

Пища. Въ скоромные дни богатые крестьяне готовятъ 2—3
кушанья: борщъ съ мясомъ, лапшу (рѣзанцы), молочную кашу,
въ праздники прибавляютъ еще пироги со сметаною и что ни-
будь жареное; въ постные же дни—борщъ, заправленный пост-
нымъ масломъ. иногда съ рыбою, пшеную кашу, галушки (рван-
цы), затерку, узваръ изъ сушеныхъ плодовъ; также пекутъ
пироги съ капустою, картофелю, горохомъ, фасолью; изъ этихъ
овещей приготавливаютъ также кушанья. Бѣдные ѣдятъ въ ско-
ромные дни—борщъ съ саломъ, кашу, галушки, лапшу, блины съ
саломъ, а въ постъ—борщъ безъ масла и рыбы, кашу,—иногда
же и ничего не варятъ, питаются хлѣбомъ съ солью и водою,—
лукъ съ квасомъ, огурцы соленые и арбузы (кавуны); лѣтомъ
еще варятъ тыквенную кашу, пшеничку (кукурузу).

Въ прежнее время богатые жители освѣщали свои избы
сальными свѣчами, а бѣдные каганцомъ (наливали въ черепокъ
сала или постнаго масла, олію, опускали въ него фитиль изъ
тряпочки); теперь же освѣщаютъ избы керосиновыми лампочками.

Лѣкарственные травы. Нѣкоторыя растенія употребляютъ,
какъ врачебныя средства: надошникъ (бадяга)—отъ ломоты ко-
стей, полынь и валерьянъ—отъ лихорадки, пижму—отъ желу-
дочной боли, жостеръ—какъ слабительное средство, липовый и
бузиновый цвѣтъ—отъ простуды, калину—отъ кашля, холодную
мяту—отъ расстройства желудка. подорожникъ—отъ зубной
боли, лопухъ—отъ золотухи.

Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; пчеловод-
ство въ упадкѣ, такъ какъ за послѣднее время лѣса совер-

шенно перевелись, садоводство же развито въ высшей степени; береговые жители промысляютъ рыбною ловлею. Кустарныхъ промысловъ не было прежде и теперь нѣтъ; нѣкоторые занимаются здѣсь [прасольствомъ. Здѣшній народъ очень развитъ, много читаетъ; всѣ стремятся отдать своихъ дѣтей въ школу, которыхъ здѣсь двѣ: школьное зданіе одной построено на счетъ сельскаго общества, содержаніе же на школу и учителя отпускается отъ земства; другая—церковно-приходская, помѣщающаяся при церкви, въ сторожкѣ; есть еще частныя школы которыя устраиваются отставными грамотными солдатами.

При рожденіи и крещеніи ребенка не соблюдается ни какихъ пѣсенъ и обычаевъ. Для вечерницъ избирается семейная хата бѣдныхъ людей, за которую посѣтители,—парни и дѣвушки,—платятъ не деньгами, а съѣстными продуктами, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Дѣвушки приходятъ на вечерницы съ работою, а парни съ балалайками и гармониками идутъ увеселять дѣвушекъ; проводятъ время въ игрѣ, въ пѣніи, въ разговорѣ и этими увеселеніями часто отвлекаютъ дѣвушекъ отъ работы. Гулянье это продолжается до свѣта.

Свадебные обычаи и пѣсни. Для того, чтобы „засватать“ дѣвушку, избираются со стороны жениха два уполномоченныхъ, болѣе разбитныхъ, крестьянина въ старосты, которымъ даютъ хлѣбъ и просятъ ихъ идти засватать намѣченную женихомъ дѣвушку. Это происходитъ обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба. Сваты идутъ преимущественно вечеромъ въ назначенный домъ и начинаютъ разными окольными путями заводить разговоръ; такъ, напр.: „здоровы булы-днювалы собѣ!“—„Славъ а Бѣгу,—якъ вы собѣ? що вы за люды? за якимъ діломъ вы до насъ прийшли?“—„Та, бачъ, мы охѣтныки, выслидылы лысыцю до васъ у двиръ, та й заблудылыся, не знаємъ, де вона ділась, хочъ по слѣду и вѣдно, що вона у васъ сховалася, чи не мѣжно ийи у васъ пошукаты?“—„Та сидайте, добри люды, а роспытаємось, мѣже, и найдете“. Послѣ этого сваты говорятъ, отъ кого они присланы, и спрашиваютъ: согласны ли родители отдать свою дочь за извѣстнаго парня. Если они согласны, то берутъ хлѣбъ у сватовъ, кладутъ его на столъ, призываютъ невѣсту и спрашиваютъ ее о согласіи. Если невѣста

согласна съ мнѣніемъ родителей, то приглашаютъ жениха и говорятъ ему: „що-жъ, сѣнку, чи согласынъ ты брѣты нашу дытѣнку, чи, мѣже, ци люды самы зайшлы сюды“? Женихъ отвѣчаетъ: „та нѣ, вонѣ прийшлы по мойей прѣзѣби, я согласынъ женѣцѣ на вѣшей дочцѣ, спытѣйте ей согласѣся.“—„Мы вже пытѣлы (спрашивали) ей, вонѣ согласна итѣ за тѣбе.“ Въ это время вторично призываютъ невѣсту, молятся Богу, потомъ заставляютъ жениха въ знакъ согласія поцѣловаться съ невѣстою, выпиваютъ по чаркѣ водки, отпускаютъ молодыхъ, а сами со сватами остаются, пѣютъ водку, дѣлая при этомъ договоръ, состоящій въ томъ, что женихъ обязанъ уплатить за невѣсту отъ 5 до 40 р., или берутъ, вмѣсто денегъ, хлѣбъ и водку, объясняя жениху, что онъ лишаетъ ихъ работницы и беретъ себѣ ее на всю жизнь. Послѣ этого ѣдутъ къ жениху на „оглядыны“, т. е. осматриваютъ дворъ и все его состояніе, а, спустя нѣсколько дней, играютъ формальное сватанье, на которое приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ невѣста перевязываетъ родныхъ жениха платками, за что ей даютъ деньги. Сватанье пируютъ 2—3 дня, оно сопровождается пѣніемъ пѣсенъ, музыкою и обходится отъ 20 до 40 р. и болѣе.

По прошествіи 2—3 недѣль послѣ сватанья, отецъ жениха идетъ къ священнику, договаривается за вѣнчанье, и въ назначенный день, послѣ литургіи, совершается вѣнчаніе, при которомъ присутствуютъ родственники жениха и невѣсты. У жениха, вмѣсто шафера, бываетъ парень, называемый бояриномъ, а у невѣсты—дѣвушка—дружка. Какъ невѣста, такъ и дружка верхнее платье подпоясываютъ вышитымъ „рушникомъ“. По окончаніи вѣнчанія женихъ, невѣста, бояринъ, дружка и всѣ родственники идутъ, а иногда ѣдутъ, въ домъ жениха обѣдать, послѣ чего невѣста съ дружкой и со своими родными уходитъ изъ дому жениха до вечера, проводя время съ подругами на вечерницахъ, а женихъ ѣдетъ, собираетъ парней, душъ 10, и снаряжаетъ поѣздъ изъ 2—3 троекъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами; послѣ этого всѣ гости входятъ въ домъ, и дружка, избранный распорядитель свадьбы, близкій родственникъ жениха, вводитъ жениха въ сѣни со словами: „Гѣсподы Сѣсе Хрыстѣ, Сѣне Бѣжій, помѣлуй насъ“. Изъ избы отвѣчаютъ тоже изъ

бранные крестьяне: „амѣнь“. Дружко говоритъ: „спасѣби за „амѣнь“, за дѣбре слово, благословѣть молодѣго Бѣгу помѣльщца, отцѣ, нѣнщи въ нѣги поклонѣщца и за стилъ завѣсты“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Бѣгъ благословѣть и я благословляю трѣчи рѣзомъ“. Женихъ, войдя въ избѣ, молится со своими родными, кланяется имъ въ ноги, а дѣвушки поютъ: „та клѣнайся, Иванъка, напередъ Гѣспѣду Бѣгу, отцѣ, нѣнщи въ нѣги, всѣй родѣновщци и блѣзъкои, и далѣкои, и мѣтеньки та риднѣнъкои“. Затѣмъ дружко беретъ жениха за руки, заводитъ за столъ, который какъ у жениха, такъ и у невѣсты покрывается бѣлою скатерью; на немъ бываетъ положено по угламъ по хлѣбу, а посрединѣ „круглѣнъке“ (булка, украшенная лентами, а на ней двѣ деревянные ложки, перевязанныя красною лентою, предназначенныя для молодыхъ), затѣмъ „лѣжень“ (большая продолговатая булка, въ которую воткнуты палочки, въ видѣ вѣтокъ, облѣпленныя тѣстомъ и также украшенныя лентами), водка—колосовка, названная такъ потому, что въ отверстіе бутылки воткнуты колосья ржи и ягоды калины. Дружко сажаетъ жениха на покути и самъ садится рядомъ, а дѣвушки поютъ: „Идѣ Иванъка на посѣдъ, стричѣе егѣ Гѣспѣдъ Самъ зѣ дѣлею щаслѣвою, зѣ вѣрною дружѣною“. Послѣ пѣнія дружко съ поддружимъ пьютъ по чаркѣ водки и выходятъ изъ-за стола, а вокругъ жениха садятся свашки и двѣ свитилки — дѣвушки, которыя держатъ „мечъ“ (большой пучекъ безсмертниковъ и васьковъ). Свашки начинаютъ пришивать боярамъ къ шапкамъ ленты, а отецъ въ это время угощаетъ гостей водкою. Когда свашки пришьютъ ленты, то дружко выводитъ молодого изъ-за стола, за нимъ идутъ свашки, свитилки и всѣ бояре, становятся съ женихомъ посреди двора, гдѣ родная мать жениха осыпаетъ его конфектами, орѣхами, пряниками, деньгами, хмѣлемъ (чтобы сыну ея хорошо жилось); присутствующіе хватаютъ сласти, давая другъ друга. Женихъ съ старшимъ бояриномъ и съ другими боярами садится на первую тройку, которую мать, перекрестясь, своеручно выводитъ со двора на улицу, гдѣ опять осыпаетъ сластями; на другихъ подводахъ ѣдутъ свашки и свитилки. Когда поѣздъ уѣдетъ, родители приглашаютъ гостей въ хату, угощаютъ ихъ, говоря: „прѣсымъ покѣрно поглѣдыть

нашому сыну доро́гу“, даютъ закусить и, провожая ихъ, дарятъ по шишкѣ (небольшіе хлѣбцы, украшенные рѣшеточками изъ тѣста), ихъ готовятъ къ свадьбѣ за нѣсколько дней; невѣста, набравъ ихъ, ходитъ по деревнѣ, приглашаетъ на свадьбу и каждому даетъ шишку и проситъ приходить вечеромъ встрѣчать невѣсту. Женихъ съ поѣздомъ катается до вечера; во время катанья свашки поютъ: „возніченько кучеря́вый, та бый ко́ны, погоній ко́ны до тѣстего двору“. А подѣзжая ко двору невѣсты, свашки поютъ: „Ой, свату нашъ, свату, пускай насъ у хату, та по́ки мы та стоя́тимемъ, сыру́ зѣмлю та то́птать-мемъ, черво́ными чобитка́ми, золоти́ми пидки́вками“, и, обраща́ясь къ жениху, поютъ: „А на зѣ́тя та мити́ль метѣ, ще й дри́бенъ до́щикъ иде́, крѣ́йся, нашъ зѣ́тинько, крѣ́йся куны́цами, та лысы́цами, черво́ными собо́лыцами“ (въ смыслѣ того, что женихъ очень богатъ). Приѣздъ ко двору невѣсты повторяется нѣсколько разъ, въ ожиданьи вечера. Часовъ въ семь вечера дру́жко подходитъ къ воротамъ невѣстина двора и ласково, съ разными поговорками проситъ сватовъ впустить во дворъ жениха съ поѣздомъ, на что ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ дать выкупъ и угостить сватовъ „варѣною“ (вишневый отваръ, подслащенный сахаромъ или медомъ). Онъ соглашается ихъ угостить, съ условіемъ, если они позволяютъ подру́жему идти искать невѣсту и поскорѣе привести домой. Тогда мать невѣсты выноситъ два рушника, перевязываетъ ими дру́жка и подру́жато и разрѣшаетъ подру́жему идти искать невѣсту, а дру́жко угощаетъ родителей невѣсты „варѣною“; поѣздъ же стоитъ у воротъ въ ожиданьи прихода невѣсты. Черезъ нѣсколько времени подру́жій ведетъ невѣсту съ дру́жками, которыя поютъ: „та ты ду́шенько, на́ша Ма́рьечка, та ви́лила то́би ма́те сей день погуля́ты, кѣско́ю (косо́ю) по́ма́яты (помота́ть); та ты, ду́шенька, на́ша Ма́рьечка, та на́сіяла Ма́рьечка на́гидо́къ, та не вро́дѣ-лыся на́гидки, вро́дѣлыся полуны́ци (клу́бника); ми́ну́лыся то́би, Ма́рьечко, до́свитки и ве́черны́ци; та було́-бъ то́би, Ма́рьечко, не дру́жковаты́, а було́-бъ свѣ́ни па́сты съ ко́стуромъ, съ ло́ма́кою, съ сі́рою соба́кою, ко́стуромъ гна́ла-бъ, соба́кою при́цьковала́-бъ“ (отогнала бы отъ себя жениха, чтобы дольше быть дѣвушкою). Приближаясь къ воротамъ, поютъ: „Обми́тайте двори́,

застылайте столы, ось йдутъ дружечки, молоді паняночки“.— „Выйды ты, матынько, протывъ насъ, та глянь же ты, матынько, по всихъ насъ, краще твой Марьечка отъ всихъ насъ“. Подойдя къ поѣзду, невѣста кланяется низко жениху, подходитъ къ свашкамъ, здоровается съ ними, цѣлуетъ ихъ всѣхъ, идетъ въ хату, а поѣздъ вѣзжаетъ за нею во дворъ; невѣста стоитъ съ дружками у порога, дожидая позволенія садиться за столъ: поддружій опять говоритъ: „Господы Сусы Хрыстѣ, Сыне Божий, помылуй насъ“. Ему отвѣчаютъ: „аминь“. Онъ продолжаетъ: „спасыби за „аминь“, за дѣбрее слово, благословить молодѹ въ сей домъ увысты, Богу помолыцыця, отцю, нѣнцы поклоныцыця“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Богъ благословля, и мы благословляемъ трѣчи разомъ“. Въ это время невѣста со своими родными молится Богу, а дружки поютъ: „Та кланяйся, та Марьечко, напередъ Господу Богу, отцю, нѣнцы въ нѣги, всий родыноцыи и блызкой, и далѣкой, и матыньки та риднѣнкой“. Послѣ этого поддружій ведетъ невѣсту и садитъ ее за столъ со старшею дружкой, а остальные поютъ: „Идѣ Марьечка на посадь, стричае ийи Господь Самъ, зъ дѣлею щаслывою, зъ вѣрною дружиною“. Посадивъ невѣсту за столъ, родные ея выходятъ во дворъ и приглашаютъ жениха съ его гостями войти въ хату, цѣлуются со всѣми и угощаютъ ихъ водкою. Когда дружка ведетъ жениха въ хату и садитъ его за столъ, въ это время возлѣ невѣсты стоитъ мальчикъ, братъ ея, съ палкою, увѣшанной репяхами, которою онъ бьетъ дружка, чтобы тотъ не бралъ его сестры изъ дому, а дружки поютъ: „Та ты, дѣшенько, наша Марьечко, темнѣ, хмарно на дворѣ, ще й темнѣше въ цимъ доми. Тѹрки городѣ обнялы, бѣтьковы воротѣ бояры“.— „Ой, бѣтыку, не лѣкайся (не пугайся), ой, бѣтыку, постарайся, та не продавай сыстры за тры золотѣго, просы червѣного, а за мий посадь—симдесѣтъ, а за мою рѹсу кѣсу—тѣсячу, а за мой похѣды (гулянья)—чѣботы, а за мой ѹлочки (улицы)—чѹлочки, а за мой вечернычки—черевычки“. Дружка вынимаетъ 2—3 коп., кладетъ на тарелку, наливаетъ чарку водки и, вмѣстѣ съ шишкою, подноситъ мальчику въ видѣ выкупа, говоря: „Ось тобѣ и выкупъ за сыстру, тѣсяча рублѣвъ“. Мальчикъ пьетъ водку, беретъ деньги и тогда пускаетъ же-

ника сѣсть возлѣ невѣсты, а вокругъ размѣщаются свѣшки и свитилки, противъ нихъ бояре; дѣвушки поютъ: „Ще соловейко въ садѹ не щебетавъ, Иванько Марьечки не цитовавъ“. Женихъ цѣлуетъ невѣсту, а послѣ поютъ: „Та вже-жъ соловейко въ садѹ защебетавъ, Иванька Марьечку поцитовавъ“. Мать и отецъ невѣсты подчуютъ всѣхъ водкою, въ это время женихъ и невѣста стоятъ и кланяются, а дѣвушки поютъ пѣсни, относящіяся къ свѣшкамъ: „Свѣшка не липѣшка, шишѣкъ не липѣла, дружѣкъ не дарѣла, однѹ излипѣла зъ зелѣного сѣна, та й ту сама зйила“. На что свѣшки отвѣчаютъ: „Рѣки, дружечки рѣки, брѣшите, якъ собѣки, а ще й рачинѣта, брѣшите, якъ цуцынѣта“, и въ доказательство своего мастерства дарятъ всѣхъ гостей шишками, привезенными съ собою. Дружки обращаются къ боярамъ: „Старшій боярынъ горбатый, а на тимъ горбѹ вырисла вербѣ, а на тий вербѣ сидѣла сова, сидѣла до півночи, поки выключала зъ лѣба очі“.—„Стоптана стѣжечка отъ полу до прыпечка, бояры топтали, помѣи хлебтали, старшій ухлебтався, въ помѣяхъ остався“.—„Йілы дружечки, йілы, цѣлого вола зйілы, по доливци качаючи, въ помѣи вмочаючи“. Бояре отвѣчаютъ тоже пѣніемъ: „Рѣки, дружечки, рѣки, брѣшите, якъ собѣки“. Дружки поютъ свѣтилкамъ: „Свѣтилка—шпѣлька при стинѣ, на нѣй сорѣчка не йий, прийшла сусіда, торкає: скидай сорѣчку: смеркає“. Свитилки отвѣчаютъ: „Свѣни, дружечки, свѣни у мене сорѣчка въ скринѣ, зъ Кійова привезена, шѣвкомъ померѣжена“, или: „Я раненько встала, сорѣчку напредила, пошла, помѣла, въ свѣтилки поспѣла“. Дружѣкъ обращается къ дружкамъ и говоритъ: „Годи вже брѣхати языкомъ, порѣ совершати діло, давай-ка покрывати молодѣхъ, та мерщій, пожалуста, а то насъ тамъ ждуть и йихати далеко, та й пізно буде, зибѣмся съ дорѣги“, и произноситъ: „старосте, пане—пидстаросте“!—„А мы ради слухать“. „Благословить молодѣхъ покрывъ“?—„Богъ благословить и мы благословляемъ“. Мать невѣсты отдаетъ очіпокъ и серпанокъ (бѣлая кисей), положенные на короваѣ (громадная булка), а дѣвушки поютъ: „Глянь-ка-жъ ты, Марьечко, на поригъ, та несуть тобі бѣлое биліваньячко, вѣчное твое покрываньячко“. Въ это время невѣста рыдаетъ, сожальѣя, что расстається со своими подругами. Сестры

невѣсты—женщины берутъ шапку жениха и очипокъ невѣсты, становятся на лежанку, пришиваютъ вѣнокъ (круглый цвѣтокъ, сдѣланный изъ ленточныхъ петель) къ шапкѣ и очипку съ пѣніемъ: „изъ Кійова швачка, купечецька дѣчка, по торгу ходыла, шовкѣ скуповала, въ неѣ ручки билесеньки, пучки тонесеньки, не жалѣй и дати, винки пришивати“. Съ этими словами подаютъ шапку дружкѣ и говорятъ: „що вы желали, то мы зробили, а за цю вистъ чарокъ шить, а съ шести хочъ по одній пидныти“. За что имъ дружкѣ подноситъ чарку водки, 2—3 коп. денегъ и шишку. Свѣшки жениха снимаютъ съ невѣсты цвѣты, расплетаютъ косу, примачиваютъ водкою-колосовкою, стоящею на столѣ, и, взявъ очипокъ, надѣваютъ его на голову молодой, которая сопротивляется, не желая надѣвать его, а мать запрещаетъ ей мять очипокъ, говоря: „годи тобі, дитина моя, таловати (мять) очипокъ: порѣ вже й законъ надѣти“. Тогда невѣста допускаетъ надѣть на себя очипокъ, тихо садится, начинаетъ плакать и прощаться со старшею дружкою, которая беретъ ее за ручки и силится вытянуть ее изъ-за стола, а женихъ не пускаетъ, остальные же дружки поютъ: „Брала Маречка лень, лень, выгонѣла дружечекъ вонъ, вонъ, на що було брати, якъ насъ выгонѣти“. А дружкѣ имъ говоритъ: „годи, спивати, та Марью дратувати, вже васъ порѣ зъ хаты выгонѣти, бо Марья вже наша“. Дѣвушки уходятъ. Подружій просятъ благословенія покрыть молодыхъ, и двѣ свѣшки со стороны жениха берутъ серпанокъ, становятся на лавку, позади жениха и невѣсты, одна кладетъ себѣ на голову цвѣты невѣсты, а другая шапку жениха, приказываютъ молодымъ наклониться, а сами начинаютъ дадъ ними махать серпанкомъ, припѣвая: „Покрыванка плаче, покрывацьця хоче, не такъ покрывацьця, якъ поцилувацьця,—зъ кнышівъ въ поляниці, зъ дѣвчины въ молодѣці“. Свѣшки цѣлуется и мѣняютъ свой головной уборъ, опять начинаютъ махать серпанкомъ, до трехъ разъ повторяя ту же самую пѣсню. По окончаніи покрыванія, серпанокъ надѣваютъ на голову невѣсты и закрываютъ имъ все лицо, говоря: „що вы желали, то мы зділали, а за цю вистъ чарокъ шить, а съ шести хочъ по одній пидныти“. Дружкѣ ихъ подаетъ водкою и благодаритъ за трудъ; потомъ молодые съ прѣзжими

родственниками жениха ужинають, а женщины сидятъ вокругъ нихъ и поють: „У сінечкахъ голубонько гуде, а въ свѣтлоньку голосочекъ иде. То не голубонько гуде, а тѣстынько та зятынька просе: „ой, зятынько, сѣвѣй голубонько, беры-жь ты мою дытыноньку, не дай же йийи на поталоньку (на обиду) своєму рідному батыньку, та що бѣ вона въ ворітяхъ не стояла, билыхъ рѹчокъ не ломыла, нѣжекъ не томыла, дрібныхъ слизѹкъ не роныла“. При концѣ ужина, поють: „Чого, Мारьечко, досѣжуешь, чомъ ты батыньку не дякуешь (не благодаришь), та спасѣби тобі, мий батынько, та за твое гуляньечко, та що я у тебе гуляла, важкого діла не знала, ой, тѣлько знала, кіску чесати, та пити погуляти. Чого, Марьечко, досѣжуешь, чомъ ты батыньку не дякуешь, та вже коні позапрѣжени, колясочки позавертаны, тѣлько сісты, та поїхаты“. Молодые встають изъ-за стола, молятся Богу, кланяются въ ноги отцу и матери; родители благословляютъ ихъ, давая наставленія, какъ должно жить и старшимъ угождать, даютъ невѣстѣ икону, закрытую рушникомъ, прощаются съ дочкою и плачутъ, а дружка уводитъ молодыхъ, сажаетъ невѣсту со свашками на повозку; невѣста крестится на всѣ четыре стороны, садится на перину и подушки, что кладутъ подъ ея сидѣнье, а женихъ беретъ плеть, обходитъ три раза вокругъ повозки, ударяя плетью по ней, будто бы бьетъ невѣсту, послѣ чего молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха; по дорогѣ поють: „Отчинѣй, батынько, новѣй двирь, йіде до тебе сынѹкъ твій съ молодію жоною, бѹде тобі до віку слугію“. Когда они подѣзжаютъ къ двору, ихъ встрѣчаютъ молодыя женщины, тоже съ пѣніемъ: „Вѣйды, мате, зъ хаты, поглядѣ, що тобі бояры привезлѣ: привезлѣ скріню (сундукъ), пырѣну и молодѹ княгіню“.—„Маты невѣстки бажала (желала), пирижкѣ до кѹпки складала, до кѹпки—бля свойїй невѣстки голѹбки“. Въ воротахъ раскладываютъ костеръ и поють: „Прылытіла перепелочка, не вчѹра, а теперечка, не кішкайте, не полѹхайте, нехай цѣя перепелочка привытае соловечка“. Въ это время дружка вводитъ поѣздъ во дворъ, молодые встають съ повозки, становятся возлѣ порога хаты; къ нимъ выходятъ отецъ и мать, крестятся, цѣлуютъ икону и приглашаютъ ихъ войти въ домъ, гдѣ ужинають; пиръ продолжается

далеко за полночь. На другой день снова собираются гости, дѣлають молодымъ подарки, мужчины даютъ деньги, хлѣбъ, овецъ, а женщины—куски полотна, платки, ситецъ, за что всѣхъ гостей хозяева перевязываютъ въ свою очередь подарками—платками.

Свадебное веселье длится дней 5—6, сопровождается музыкою, и расходы достигаютъ до 200 р., у бѣдныхъ же до 70—100 р.

Поминки. При погребеніи умершаго особыхъ обрядовъ никакихъ нѣтъ; надъ умершимъ плачутъ, приговаривая, если умретъ мать: „мой вузѹля, мой нѣнько риднѣнько, на що-жъ ты мене та покинула“! Если умретъ мужъ, плачетъ надъ нимъ жена, приговаривая: „мий хозяинъ, мий дорогой, на кого-жъ ты мене покинувь съ дѣтками манѣнькими; та що-жъ я съ нѣми бѹду робѣты, та казѣты, та съ кимъ віку коротѣты“! Умершаго поминають, служба панихиды въ 3, 9, 40 дни, подаютъ на проскомидію, дѣлають жертвы, а богатые заказываютъ въ церкви сорокоустъ. Послѣ похоронъ дѣлають обѣдъ, варятъ кутю съ медомъ или сахаромъ (канунъ), пекутъ пироги, варятъ борщъ, галушки, кашу, покупають водку. На похороны зовутъ родственниковъ и знакомыхъ.

Этнографическій календарь. Подъ Рождество Христово здѣшніе парни и дѣвки ходятъ „колядовать“:

„У недѣлю рѣно, поранѣнько
Сбыралосѣ все жидовѣ,
Та й рѣдылы рѣду жидѣвську,
Якъ Сѹса Хрыстѣ (поронѣты)
погубѣты.
Та не погубѣлы, тѣлько поронѣлы,
На зѣлено дрѣво положѣлы,
Рѹци та нѣзи гвоздѣми прыбѣлы,
Тырнѣвый винѣць наложѣлы,
Зъ правого бѣку рѣку пустѣлы.
Прийшла къ Емѹ Бѣжия Мѣте:

—„Ой, сѣнку жъ мий, сѣнку,
Бѣже жъ мий,
Чомъ ты до мѣне, сѣнку, не говорѣшь,
Зъ своѣи гѣрдосты слѣва не промовѣшь“?
—Не на віки, Мѣте, помырѣю;
За васъ, хрыстѣяны, стрѣжду
прѣймаю,
За васъ.—„За насъ, Гѣсподы,
Бѣже нашъ“.
Дай, Бѣже, вѣчиръ дѣбрый,
Дѣйте пирѣгъ дѣвгий“.

На рождественскихъ святкахъ ежедневно „водятъ козла“ вечеромъ и поютъ:

„Егѣ ридъ, егѣ ридъ, та й поѣвъ козѣлъ лукъ, чиснѣкъ,
Та й чѣрнѹю чирнѹшку, зѣленѹю петрѹшку.“

Та вловылы козла за рижокъ, за рижокъ,
 Та й повылы козла на торжокъ, на торжокъ,
 Та продаы козла за рубля, за рубля.
 Та прыйшла до дому загула, загула,
 Що дешево козла продала, продала.
 Та накупыла тры зела, тры зела (краски):
 Та одно зело—красыло, красыло,
 А друге—бильло, бильло,
 Трете—чорныло, чорныло.
 Я красыломъ накрасюсь, накрасюсь,
 А бильломъ набылюсь, набылюсь,
 А чорныломъ начорнюсь, начорнюсь“.

Подъ Новый годъ дѣвушки „меланкують“:

„Мыланка ходыла, Васыля просыла,
 Васылю, мий батьку, пусты мене въ хатку,
 Я жита не жала, чесный хрестъ держала,
 Золоту кадильницу“. Радуйтєся, добри людє:
 И къ вамъ Хрыстосъ бѣде; Богу свѣчку ставте,
 А намъ пирѣгъ дайте, та цилѣнькѣй давайте
 Зъ рукамы, зъ ногамы, щобъ бигъ за намы,
 Бизъ рукъ, бизъ нигъ, щобъ загрѣзъ у снитъ“.

Въ этотъ вечеръ дѣвушки, взявъ пирогъ, идутъ подслушивать подъ окна; изъ подслушаннаго узнають свою судьбу. Гдѣ услышать лай собаки, въ ту сторону идти замужъ. Впотьмахъ берутъ дрова, если попадется полѣно сучковатое, то—женихъ богатый, а если—гладкое, то бѣдный. Снимають ночью съ гнѣзда курицу, раскладываютъ на полу деньги, зерна, ставятъ воду; если курица бросится къ водѣ, то женихъ—пьяница, къ деньгамъ—богачъ, къ зернамъ—хлѣборобъ. Подъ Рождество Христово дѣти носятъ вечерю, состоящую изъ кутыи и взвара и говорятъ: „Здоровы булы! прислалы батько—мате кутѣ, узвару“. У нихъ берутъ немного кутыи и взвару, имъ даютъ сласти и деньги. На Новый годъ ходятъ посыпать ячменемъ, пшеницею, желая хозяевамъ хорошаго урожая; ихъ опять угощаютъ сластями. На 4-ой недѣлѣ Великаго поста, крестопоклонной, пекутъ кресты; на 40 мучениковъ (9 марта) пекутъ жаворонки, встрѣчаютъ весну съ пѣніемъ:

„Ой, высна, высна, днемъ
 красна!

Що жъ ты намъ принєслà?
 —Принєслà я вамъ лѣтечко

И зелененько зільечко, И запашненький (пахучій)
И хрыщатынький барвынокъ, васілекъ“.

* * *

„Співáлы, дру́жечки, спивáлы, Якъ налы́нули либиди изъ-за
Въ ришитò пiсиньку клада́лы, Дону,
Поста́выли на верби. Извалылы ришитò додóлу“.

* * *

„Ча́сомъ, дiвочки, додóму, Їйжте поло́ву зъ свыня́ми,
Миша́йте свы́нямъ поло́ву, А вы, дивòчки, за на́мы,
А вы, хлопья́та, за на́мы,— Пийте, гуляйте зъ панáми“.

На теплаго Алексѣя (17 марта) пекутъ бублики. На св. Георгія (23 апрѣля) служатъ молебень и выгоняють скотъ на пастбище. На Симона Зилота (10 мая) бабы рвутъ зелье; бывають пирушки. На Ивана Купала (24 іюня) дѣвушки плетутъ вѣнки, надѣвають на головы, купаются и поють:

„Купáвся Ива́нъ, На Ива́на Купáла
Та въ во́ду впавъ, У воду уна́ла“.

Въ день пр. Ильи (20 іюля) бабы завивають головки въ капустѣ, приговаривая: „святый Илья, завывай головья́“. Существуетъ повѣрье, что капуста послѣ этого не портится. На Введеніе (21 ноября) дѣвушки, ложась спать, загадываютъ и приговаривають: „Святò Введенья́, введи мене въ той домъ, де я бóду ви́ку доживáть“. На м. Екатерину (24 ноября) дѣвушки чуть свѣтъ встають, идутъ въ садъ, срѣзываютъ вишневья вѣтки, ставятъ ихъ въ воду, намѣчая, гдѣ чья; чья вѣточка зацвѣтетъ къ Новому году, та дѣвушка выйдетъ замужъ въ томъ году; если же не зацвѣтетъ, то не выйдетъ. На Андрея Первозваннаго (30 ноября) дѣвушки тоже задумываютъ, приговаривая: „Андрію, Андрію, я на тебѣ конопельки сію, съ кимъ бóду конопельки брать, съ тимъ бóду ви́ку коротáть“.

Яйца красятъ прежде всего красною краскою, говоря, что кровь изъ раны Спасителя потекла краснаго цвѣта. Красятъ еще желтою, черною, синею красками и цвѣтными тряпочками, послѣ чего они получаютъ пестрыми; сохраняють ихъ, какъ предохраненіе отъ грозы, скорлупою подкуривають больные зубы, растирають ее въ порошокъ и даютъ его пить отъ лихорадки, а также и отъ куриной слѣпоты.

При посѣвѣ хлѣба приговариваютъ: „уроды, Бóже, жита, пше-
ныци на долю всякого, и хрещёного, и нехрещёного“, молятся и
тихо разбрасываютъ зерна по полю. При жатвѣ и уборкѣ поютъ:

„Ой, десь наши косарѣ, горбатыи та старѣ,
Вонѣ косятъ, Бóга просятъ:

„Пошли, Бóже, дощъ, абы не морозъ,
Нидиль на пять, щобъ намъ погулять,
Нидиль на чотыри, щобъ нóги спочили“.

* * *

„Якъ бы жъ моя воля, сидѣла бъ я дома
У садóчку, та ще й въ холодóчку.
Косарѣ косятъ, вѣтырь повивае.
Десь мий мылѣнький зъ іншею размовляє.
Якъ зъ лóтчею, поможи, Бóже,
А якъ съ хóжою, накажи ёго, Бóже“!

* * *

„Ужѣ сóнце на обидъ, варѣ кашу, бѣсивъ дидъ.
Варѣвъ—не варѣвъ, жинцѣвъ поморѣвъ.
У дóброго хозѣина обѣдать порá,
А въ нáшого лыдáчого ще й думки нема.
У дóброго хозѣина йидятъ калачѣ,
А въ нáшого лыдáчого ще й хлибъ у печѣ.
У дóброго хозѣина горѣлочку пьютъ,
А въ нáшого лыдáчого йѣсты не дають“.

* * *

„Ужѣ сóнце надъ дубкóмъ, намъ додóму холодкóмъ
Порá, та й давнó, а мы не йдымó,
Порá, та й дóже, а мы й байдóже“.

* * *

„Ужѣ сóнце подъ лыпкою,
Трусѣ, пáне, калыткою (кошелькомъ),
Трусѣ не трусю, по копѣ (50 к.) дасѣ.
Нáша пáня (хозяйка) пышна,
За ворóта вѣйшла тылятъ загонятъ,
Грибцѣвъ выглядатъ.
Нáша пáня Катырына, борщó, кáши наварыла,
Та й грибцѣвъ накормыла“.

Мѣстные примѣты. Кошка царапается на дождь, гуси купа-
ются—тоже на дождь, грачи кружатся зимою—на мять, а

Онà божилась и клялася
Своею вірною судьбѣй,

* * *

„Скоро йїхать въ Китай-городъ
гулять,
Китайского товару закуплять,
Куплю жинѣ покупку:
Славного праздникового на юбку.
Прїѣзжаю домой, покорюся,
Своей раздұшеньки у нѣги покло-
нюся.

А я былъ мальчикъ и повѣрылъ
Своей безумной головой“.

— „Чи здорова, жина молодая?
Принимай, душа, подарокъ, не
ломайся,
Душа, сердце мое, не смѣйся,
Тайна мене, молодчика, подыви-
Ой, дывиця, добри люди, [ся.
Шо мене жина та й не любе
Не любе, не любе й не цилуе“

Только на свадьбахъ соблюдаютъ чисто малороссійскія пѣсни.
Между пожилыми крестьянами на пирушкахъ можно услышать
слѣдующія:

„Ой, выпьемъ, родыно,
Щобъ намъ жито родыло,
И житечко, и овесь, и зібрався
ридь увесь,
Якъ бы жъ не вы, та не мы,

То-бъ мы тутъ не булы, и горил-
ки не пылы,
А то мы прыйшлы и горилку
найшлы“.

„И чарка нова,
Та горилки нема,

Хылю, хылю, не течѣ,
Беля сердца печѣ“.

„Ой, хочецця йисты, йисты,
Та боюся въ погрибъ лизты,

Та боюся, щобъ не впала,
Щобъ капуста не пропала“.

„Чоловѣчко, мой Мышенько,
Тебѣ дома нема, минѣ лы-
шенько,

Якъ ты дома, триски, дрова
нарубавъ,
Та й унѣсь, та й минѣ пиднѣсь“.

Сказки. „Була собі на свѣти дивчина. Отъ вона йшла разъ
по дорѣзи, та й загнала въ нїженьку бїдыньку (занозу). На до-
рѣзи йийи застала нїченька, вона прыйшла у перву хату и про-
сыщця переночуваты; йийи пустылы. Вона и каже тымъ людямъ:
„бросьте, добри люди, мою бїдыньку у пїченьку“. Ти люди такъ
и зробылы, якъ вона казала. Устаѣ ранкомъ и пытаѣ ихъ: „де жъ
мой, добри люди, быдынка?“— „Мы йийи кїнулы у пїченьку,
якъ ты казала“.— „Дайте жъ минѣ тепѣрь за быдынку пїченьку“.
Отъ вона узяла пїченьку и пишла по вѣлыци; идѣ и спива:

„Гуляла на любѣвыньки (вечерныцяхъ),
Та загнала въ нїженьку бїдыньку,
Та за тую бїдыньку узяла пїченьку“.

Попросылася опьять вона ночуваты у хату до людей, та й каже имъ: „сховайте мою пиченьку“. Ураньци устає и говоре: „де жъ моя, добри люды, пиченька“? Люды и кажутъ йий: „курочка йий звалыла та й розбыла“.—„Дайте жъ мині за мою пиченьку курочку.“ Узяла курочку и пишла, спиваючи:

„Гуляла на любовыньки,
Та й загнала въ нйженьку бйдыньку,
Та за тую бйдыньку узяла пиченьку,
А за тую пиченьку—курочку“.

Застыгла йий ничъ у дорози, попросылася ночувать до людей и каже: „положить мою курочку до вашихъ“. Утромъ устала и пыта: „де жъ моя, добри люды, курочка“?—„Волыкъ зйивъ“.—„Оддайте жъ мині за курочку волыка“. Узяла вона волыка, идє и спива:

„Гуляла я на любовыньки,
Та загнала въ нйженьку бйдыньку,
Та за свою бйдыньку узяла пиченьку,
А за тую пиченьку—курочку,
А за курочку—волыка“.

Идє опьять и прбстыця на ночлйгъ. Пустылы йий люды ночуваты, вона и говоре имъ: „поставте мого волыка у загороду, де ваши“. Устає враньци и пыта свого волыка. Люды йий и кажутъ: „немà твого волыка, дйвчина, йшли дивкй на вечерныци, та одчынылы загороду, а волыкъ и пропавъ“.—„Давайте жъ теперь за волыка дйвку Хвеську (Оеодосію)“. Узяла дйвку, посадыла у мишокъ, идє по вулицы и спива:

„Гуляла на любовыньки,
Та загнала въ нйженьку бйдыньку,
Та за тую бйдыньку узяла пиченьку,
А за пиченьку—курочку,
А за курочку—волыка,
А за волыка—дйвку Хвеську“.

Попросылася зъ мишкѡмъ ночуваты, сама лягла на лаву спаты, а мишокъ положила пидъ лаву, а дйвачата узналы, що тамъ дйвка Хвеська, вйтягнулы йий виттыля, а за неи посадылы туды собаку Сирка. Враньци устає дйвчина, пыта тыхъ людей: „де мий, добри люды, мишѡчокъ“?—„Та онъ винъ пидъ лавою лыжить“.—„Спасйби вамъ, добри люды, що у васъ мий мишѡчокъ не пропавъ, а то де не ночувала, усє моє про-“

пада́ло“. Поблагодары́ла ихъ, узяла мишо́чокъ за плéчи и пишла́ по дорóзи и спива́:

„Гуля́ла я на любóвыньки,
Та загна́ла въ ни́женьку бѣдыньку,
Та за свою́ бѣдыньку узя́ла пи́ченьку,
А за тую́ пи́ченьку—ку́рочку,
А за тую́ ку́рочку—во́лыка,
А за во́лыка—дѣвку Хвѣську“.

Обра́щается будто бы къ дѣвушкѣ, что въ мѣшкѣ, и говори́ть: „спива́й за мно́ю, дѣвка Хвѣсько?“ А Сирко изъ мишка: „Грр...“—„Ишь, бѣсова дочка́, особа́чилась; спива́й за мно́ю, тоби́ кажѹ“. А Сирко опѣять: „Грр...“ Тодѣ вона́ розвѣзала́ мишечо́къ, а виттыла́ якъ ви́скоче Сирко́, такъ ту дѣвчину́ и розирва́въ на кускѣ́.

Присказка: „вамъ ка́зочка до кинця́, намъ по рѣмци́ выньця́, кому́ рѣмку, кому́ дви́, кому́ нема́ одний“.

О яблонькѣ́ рассказы́ваютъ слѣдующую́ сказку:

„Жы́лы собі́ дидѣ́ та ба́ба. У ихъ бу́ла ону́чка, Жу́чка и ко́тыкъ. Отъ ба́ба и ка́же дѣду: „посады́, дѣду, я́блуньку пидъ́ по́ломъ (постелью)“. Дидѣ́ посады́въ. Ростѣ́ я́блунька́ и вы́росла пидъ́ пилѣ́. Ба́ба и гово́ре: „прыймы́, дидѹ́сю, пилѣ́, хай́ я́блунька́ ростѣ́“. Дидѣ́ прыня́въ. Отъ я́блунька́ ростѣ́ и ростѣ́ и вы́рисла́ пидъ́ са́му стѣлю́ (потолокъ). „Продыра́й, дѣду, стѣлю́, щобѣ́ я́блунька́ пророста́ла“. Дидѣ́ продра́въ. Ростѣ́ вона́, и пидросла́ пидъ́ стрѣху́. „Рѣзбыра́й, дидѹ́сь, стрѣху́, нехай́ я́блунька́ ростѣ́, та вродю́ця я́блучки“. Дидѣ́ розибра́въ стрѣху́, а я́блунька́ все ростѣ́, та ростѣ́ и вы́рисла́ пидъ́ са́ме не́бо. Тодѣ́ ба́ба напáлася́ на дѣда: „робы́, дѣду, драбы́ну, полі́зымъ я́блучки́ рва́ты“. Зробы́въ дидѣ́ драбы́ну, прыста́вивъ до я́блуньки, полі́зъ на драбы́нку, за дѣдомъ ба́ба, за ба́бою—ону́чка, за ону́чкою—Жу́чка, за Жу́чкою—ко́тыкъ. Вы́рвавъ дидѣ́ я́блучко, покошту́вавъ, давъ ба́би, ба́ба—ону́цци, ону́чка—Жу́цци, Жу́чка—коты́кови, а ко́тыкъ укусы́въ, та й понѣ́сь и пиднѣ́сь тоби́ (имя) пидъ́ нисѣ́“.

Присказка: „хто ка́завъ, той ме́докъ лы́завъ, а кто слѹ́хавъ, той ме́докъ нѹ́хавъ. Ось тоби́ (имя) ка́зка, а минѣ́ бѹ́блыки́въ вѣзка́, тоби́ кошелѣ́къ, а минѣ́ гро́шей мишѣ́къ. И я тамъ бу́въ, ме́дъ,—пы́во пы́въ, у ро́ти не бу́ло, а по вусамъ́ тыклѣ́“.

Е. И. Будянская.

22.—Сл. Литвиновка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Вечерниці.—Свадьбы.

Литвиновка расположена на ровномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ р. Сухого-Обитока, проходящаго вдоль всей слободы. Рѣка эта беретъ начало въ сл. Брусовкѣ изъ небольшой возвышенности. Съ южной и сѣверной стороны слободы находятся невысокія горы. Слобода дѣлится на нѣсколько частей, каждая часть имѣетъ свое названіе: та часть слободы, гдѣ находятся лучшіе домики, лавки, церковь, школа, волость, называется Накочеванка, сѣверная часть—Новосѣловка, восточная—Балобасовка, западная—Ковалѣвка. Сл. Литвиновка находится отъ г. Старобѣльска въ 45 вер., а сл. Бѣловодска—въ 15 вер. Народъ объясняетъ, что прежде всего здѣсь поселилось нѣсколько семействъ изъ Литвы, почему и слобода получила названіе Литвиновки. Разсказываютъ, что старики брили головы, оставляя пучекъ волосъ на серединѣ, заплетенный въ одну косу.

Жителей 2,926 д. Языкъ малорусскій. Встрѣчаются выраженія: „пузь двора“, „торікъ булѣ“, „далиби“.

Жилища хороши и удобны. Хаты строятъ преимущественно изъ мѣла, который добывается на мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ, но есть и деревянные; покрываютъ соломой, иногда камышемъ и желѣзомъ; обмазываютъ снаружи и внутри тоже мѣломъ. Стѣны убираютъ шпалерами и расшитыми полотенцами; у нѣкоторыхъ имѣются зеркала, хорошія, дорогія иконы, шкапы, диваны и стулья. У большинства мебель состоитъ изъ стола, лавокъ и небольшого шкапа. Печь и порогъ не имѣютъ никакого значенія. Передній уголъ имѣетъ значеніе во время свадьбы и крестинъ: въ первомъ случаѣ молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ, а во второмъ—кѹма и кумѹ. Дворы огораживаютъ хворостомъ или мѣломъ. Остальныя постройки ставятся большею частію позади хаты, какъ то: амбары деревянные, „клуни“ хворостяныя или мѣловыя, „повитки“ или сарайчики, изъ того же матеріала; хлѣбные дворы (токи) обыкновенно строятъ на выгонѣ. Прежде строили небольшія хаты, съ маленькими окошечками и глухою стѣною на улицу; въ настоящее же время хаты, или скорѣе дома, строятъ обширныя, съ нѣсколькими окнами

на улицу, съ отдѣльными кухнями, спальнями, кладовыми и передними. Зимою у большинства вставляютъ двойныя окна.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная: полотняныя сорочки, капоты и жакеты черкасиновые и изъ шведской матеріи, такія же брюки, суконныя картузы, башмаки мелкіе съ резинками и сапоги; праздничная: фабричнаго чернаго сукна или шерстяной матеріи капоты, триковые жакеты, такія же брюки хорошаго издѣлія, чернаго товара сапоги, сорочки разныхъ ситцевъ, а у нѣкоторыхъ изъ бѣлаго миткаля, вышитыя въ крестъ; зимняя будничная: овчинныя полушубки, свиты крестьянскаго бѣлаго сукна, суконныя „капелюхи“ и шапки теплыя („кучми“ черныя); зимняя праздничная: полушубки, крытые сукномъ, дубленые тулупы и полушубки, пальто чернаго фабричнаго сукна,—все высокаго качества. Въ холодное время многіе ходятъ въ валежныхъ сапогахъ. Женская одежда лѣтняя будничная: сорочки ситцевыя, у большинства—своего полотна, юбки („шарафаны“) ситцевыя и изъ синей китайки, кофты черкасиновыя и ситцевыя, платки черкасиновые и ситцевые, сапоги чернаго товара; праздничная лѣтняя: сорочки у всѣхъ ситцевыя, миткалевыя или кумачевыя, „шарафаны“ кубовые, шерстяные, встрѣчаются, хотя и рѣдко, шелковые, кофты „нанбуковыя“, „манчестеровыя“, а больше одной матеріи съ юбкою, платки шерстяные и шелковые, обуты всѣ въ ботинки съ резинками; на шею надѣваютъ много разнаго хорошаго „мониста“, серебряныя кресты и стараго серебра рубли, талеры, полтинники и т. д. Въ праздничные дни дѣвки убираютъ голову такъ: волосы заплетаютъ въ одну косу, вплетая не менѣе трехъ и пяти кисниковъ—лентъ, потомъ повязываютъ голову шелковымъ платкомъ и прикалываютъ не менѣе двухъ цвѣтковъ. Зимняя будничная одежда: бумазеевыя „шарафаны“ и кофты, пальто крестьянскаго бѣлаго сукна, бѣлыя тулупы; зимняя праздничная: „шарафаны“ фланелевыя, пальто и кофты длинныя, стеганныя на ватѣ, „нанбуковыя“, халаты синіе суконныя, тулупы, крытые сукномъ, пуховые и суконныя платки, сапоги краснаго товара.

Въ старину одежда мужчинъ состояла изъ сорочки своего полотна, выбойчатыхъ брюкъ и синей жилетки,—послѣдняя надѣвалась только въ праздники,—сапоги чернаго товара безъ подборъ; вмѣсто картузовъ, носили „брыли“,—черныя поярковыя

шляпы, въ холодное время четырехугольныя шапки съ мѣховою опушкою, свитки бѣлыя крестьянскаго сукна, овчинныя тулупы и полушубки. Одежда женщинъ состояла изъ холщевой сорочки, черной шерстяной запаски, носили ситцевыя и нанковыя „парочки“ (только зажиточныя), платки черкасиновыя и ситцевыя самаго низкаго качества, мелкіе башмаки; головной уборъ дѣвки состоялъ изъ „стрички“, а замужнія женщины носили „очипки“, —это единственная вещь, которая осталась изъ старинныхъ одеждъ и въ настоящее время почти выходитъ изъ употребленія.

Пища богатыхъ въ скоромные дни бываетъ хорошая, въ особенности когда бьютъ свиней, рѣжутъ закормленныхъ гусей и утокъ; лѣтомъ много бываетъ куръ и цыплятъ. Въ постные дни соленая рыба, огородные овощи съ приправою постнаго масла. Хлѣбъ ѣдятъ пшеничный и житный. Пища бѣдныхъ въ скоромные дни: борщъ и галушки съ саломъ; съ мясомъ бываетъ очень рѣдко, только въ годовые праздники и заговѣнье. Можно встрѣтить и молочное, но очень рѣдко. Въ постные дни ѣдятъ еще скуднѣе. Хлѣбъ ѣдятъ житный съ ячнымъ, да и того иногда не хватаетъ.

Освѣщеніе керосиновое; отапливаютъ дровами, соломой, большею частію кизякомъ и углемъ.

Вечерницы бываютъ осенью, большею частію о Рождественскихъ святкахъ. Дѣвки приносятъ изъ дому разные съѣстные припасы, данныя матерями, а парни покупаютъ водку, и въ хатѣ избранной „пани-матки“ варятъ вечерять; въ продолженіе всего вечера играютъ на гармоникахъ и поютъ пѣсни.

Пѣсней при рожденіи и крещеніи ребенка не бываетъ. Обычаи соблюдаются простые: приглашаются кумовья, —являются за ребенкомъ, котораго баба-акушерка вручаетъ приглашенному куму, а послѣдній передаетъ кумъ, и оба отправляются съ ребенкомъ къ священнику. По крещеніи несутъ ребенка домой, и опять кума передаетъ ребенка куму, а онъ бабѣ, тогда просятъ за столъ обѣдать —первыхъ кума и куму, потомъ приглашенныхъ гостей. Кумъ и кума подаютъ, черезъ бабу, матери ребенка рюмку водки, по пирожку или по кусочку хлѣба и такъ дѣлаютъ передъ началомъ каждаго кушанья. По окончаніи всего обѣда баба подноситъ гостямъ по рюмкѣ водки, и ей кладутъ по 5, по 3 и менѣе коп., тоже и „породилѣ“.

Свадьба. На свадьбахъ поють пѣсни: „Хата моя рѣбленная, сѣни на помѣсти“, „Бѣла жнѣка мужикѣ“, „И тудѣ горѣ, и сюдѣ горѣ, помѣжъ тѣми гирѣньками сходѣла зорѣ“, „Якѣ поѣхавъ мѣй мылѣнький“, „Тумѣнь яромъ, морѣзь долыноѣ“, „Ой, полѣла, полѣла орлѣця лободѣ, тай послѣла прыпотня по водѣ“ и друг. Свадебный обрядъ таковъ: когда хотятъ женить сына, посылають старостѣ къ избранной раньше невѣстѣ; они подходятъ подъ окно и говорятъ: „ночувѣлы-здоровѣ!“—если рано утромъ, а вечеромъ; „дѣбрый вѣчеръ! пускайте въ хату, кѣжутъ, сюдѣ лысыця побѣгла“. На что имъ изъ хаты отвѣчаютъ: „мылосты прѣсымъ“. Невѣста сейчасъ же уходитъ изъ дому. Когда дѣло уладится, является невѣста и даетъ „рушники“ (платки), потомъ гуляютъ сватаніе („заручины“). Послѣ „заручинъ“ невѣста собираетъ дружекъ и ходитъ по улицамъ; дружки поють пѣсни; это продолжается до самаго вѣнчанія. Наканунѣ свадьбы невѣста со старшей и другими дружками ходитъ по роднымъ, кланяется каждому по три раза, говоря: „прохавъ батько ѣ мате и я просю на подвисилокъ“,—при этомъ даетъ шишку. Женихъ тоже въ этотъ день ѣздитъ съ старшимъ бояриномъ и проситъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Вѣнецъ бываетъ утромъ въ назначенный день. Послѣ вѣнца невѣста съ дружкой идетъ домой и гдѣ нибудь прячется, а женихъ отправляется къ себѣ, куда на „отче нашъ“,—т. е. на обѣдъ, сходятся приглашенные гости. Пообѣдавши, женихъ съ боярами, дружкомъ, свашками и свитилкою ѣдетъ кататься. Свитилкой обыкновенно бываетъ дѣвочка, близкая родственница жениха, которая держитъ въ рукахъ пучекъ васильковъ со свѣчею въ серединѣ. При выѣздѣ жениха изъ двора мать и отецъ обсыпаютъ поѣздъ хмѣлемъ, орѣхами, конфектами и деньгами. Вечеромъ того же дня поѣздъ жениха останавливается у двора невѣсты, дружка идетъ отыскивать ее; найдя послѣднюю, ведетъ домой, при этомъ дружки, сопровождавшія невѣсту, поють пѣсни. Когда приведутъ невѣсту, стелятъ за воротами полотенце, кладутъ шишку, деньги, ставятъ водку; родня невѣсты забираетъ все это, и тогда только поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ, всѣ входятъ въ хату; впереди всѣхъ бояринъ съ гильцемъ (сосна, убранная бумажными ленточками и цвѣтами). Гильце ставятъ на столъ, воткнувъ въ

лежень—большой испеченный хлѣбъ. Дружко, передъ тѣмъ, какъ заводить молодыхъ за столъ, беретъ „оверко“—полсть и говоритъ: „Бóже, благословѣ унести оверко“,—на что ему отвѣчаютъ—„аминь“. Дружко стелетъ въ переднемъ углу полсть и заводитъ сначала невѣсту, причемъ опять повторяетъ: „Бóже, благословѣ завести молодѣ за стилъ“!—ему снова отвѣчаютъ—„аминь“. Когда невѣста сядетъ, по лѣвую сторону ея садится старшая дружка, а по правую мальчикъ, родственникъ невѣсты, со скалкою въ рукахъ и не пускаетъ жениха, пока тотъ не дастъ выкупа, который состоитъ изъ рюмки водки, денегъ и шишки. Откупивъ мѣсто, женихъ садится рядомъ съ невѣстой, подлѣ него свитилка, и тогда первыхъ молодыхъ угощаютъ водкою, а потомъ всѣхъ остальныхъ; молодые кланяются каждому по три раза. По окончаніи угощенія свашки снимаютъ у невѣсты цвѣтокъ и говорятъ: „Бóже, благословѣ прышиты молодому до картуза квітку“!—имъ отвѣчаютъ—„аминь“. Свашки пришиваютъ цвѣтокъ, и женихъ выкупаетъ его водкою и деньгами; послѣ чего старшая дружка прощается съ невѣстою и уходитъ изъ—за стола, а свашки берутъ платокъ, покрываютъ молодую и поютъ: „покрыванка плаче, покрыва́цця хóче, не такъ покрыва́цця, якъ поцилува́цця“. Свашки цѣлуются три раза, и имъ подносятъ по рюмкѣ водки. Когда покроютъ невѣсту, она ложится на столъ головою и плачетъ, женихъ поднимаетъ ее, цѣлуетъ, и потомъ они выходятъ изъ-за стола, кланяются отцу и матери и роднымъ, послѣ чего невѣсту везутъ къ жениху, а остальные гуляютъ всю ночь. На другой день молодые являються къ ея роднымъ, и снова начинается угощеніе: рѣжутъ каравай на кусочки, мажутъ медомъ и, вмѣстѣ съ платками, подаютъ каждому мужинѣ и тутъ-же перевязываютъ ихъ платками; тѣмъ отдариваютъ, одни по рублю, другіе овцу или телку, а женщины по два арш. ситцу. И этотъ день гулянье продолжается за полночь; на третій же день „бесѣду“ зазываютъ къ себѣ на угощеніе близкіе родные, и такъ продолжается иногда недѣлю.

Свадебный расходъ бываетъ отъ 50 до 300 р. Приданого за невѣстою не даютъ, а берутъ еще съ жениха отъ 10 до 50 р.

23.—Сл. Баранниковка.

Поселеніе.—Занятіе, одежда и языкъ.

Баранниковка находится въ восточной части Старобѣльскаго уѣзда, въ 68 вер. отъ г. Старобѣльска и въ 18-ти отъ сл. Бѣловодска; на югъ отъ Баранниковки, въ 7 вер. находится сл. Нижнебаранниковка, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Злодѣевки“, а на сѣверъ, въ 2-хъ вер., сл. Зеліковка. Баранниковка расположена на берегахъ небольшой рѣчки Камышной, протекающей черезъ слободу съ сѣвера на югъ двумя протоками. Рѣчка получила свое названіе отъ камышей, которые обильно растутъ по ея берегамъ.

Названіе слободы народъ объясняетъ тѣмъ, что первый поселенецъ прозывался „Баранникомъ“; а отъ прозвища перваго поселенца и яръ, около котораго „Баранникъ“ жилъ и пасъ овецъ и др. скотъ, до сихъ поръ зовется „Баранниковымъ“. Въ Баранниковкѣ и въ настоящее время есть нѣсколько домохозяевъ съ фамиліей „Бараныкъ“, принадлежащихъ къ числу коренныхъ жителей слободы. Жители окрестныхъ слободъ и Баранниковцы называютъ Баранниковку иногда „Камышною“, такъ ее называютъ потому, что вся почти занимаемая теперь слободою мѣстность и находящіеся около нея лиманы были покрыты въ старину непроходимыми камышами.

О времени, когда была основана Баранниковка, какъ поселокъ или хуторъ, ничего неизвѣстно; несомнѣнно только, что въ XVII вѣкѣ она уже существовала, какъ незначительный хуторокъ. Это можно видѣть изъ того, что въ половинѣ XVIII вѣка въ Баранниковкѣ имѣлась церковь, и церковь та, повидимому, была уже ветхою, такъ какъ въ 1769 г. баранниковцы, по словамъ архіепископа Харьковскаго Филарета (см. его „Историко-стати-

стическое описаніе Харьковской епархіи“, изд. 1857 г., стр. 393, отд. 5), — просили разрѣшенія вновь построить у себя храмъ.

Въ Баранниковкѣ жителей 3300 д. об. п., всѣ баранниковцы малоруссы; есть, правда, нѣсколько семействъ великоруссовъ, но они недавніе поселенцы, — это пришельцы, появившіеся въ Баранниковкѣ уже въ настоящемъ вѣкѣ. До 1816 г. жители слободы Баранниковки именовались малороссійскими крестьянами, а съ 1817 года стали именоваться коннозаводскими и конюшенными, потому что съ этого года они были обязаны для конскихъ заводовъ, находящихся около Бѣловодска, косить и доставлять сѣно, а также и собственной соломѣ нѣсколько пудовъ съ каждаго домохозяина. Баранниковцы, не знавшіе раньше панщины, не хотѣли отбывать этой повинности и не повиновались коннозаводскому начальству, почему правительствомъ были въ Баранниковку присланы войска, которыя и наказали непокорныхъ камышанъ розгами.

Занятіе. Баранниковцы съ давняго времени занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, при этомъ обработку земли прежде производили исключительно на волахъ, а теперь производятъ на волахъ и лошадяхъ. Пахота производится тяжелыми самодѣльными плугами и усовершенствованными, — послѣдніе появились года три — четыре назадъ и скоро, кажется, войдутъ во всеобщее употребленіе. По части сельскаго хозяйства, какъ полезное нововведеніе послѣднихъ лѣтъ, слѣдуетъ отмѣтить кстати и значительное распространеніе въ Баранниковкѣ ручныхъ вѣялокъ и появленіе молотильныхъ конныхъ машинъ. Баранниковцы сѣяли и сѣютъ преимущественно пшеницу и ячмень; посѣвы же проса, ржи, овса, льна и конопли не были и не бываютъ значительны, такъ какъ этотъ хлѣбъ предназначается только для домашняго употребленія, гречихи же баранниковцы вовсе не сѣютъ. Посѣвъ ржи въ послѣдніе годы, впрочемъ, увеличился, — это объясняется тѣмъ, что рожь не подвергается загару: она до наступленія знойныхъ лѣтнихъ дней созрѣваетъ. Всѣ вообще хлѣба до семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія родились въ Баранниковкѣ очень хорошо, потому что восточные вѣтры тогда не были такими жгучими

и вредными для произрастанія хлѣбовъ. Избытокъ пшеницы и другихъ хлѣбовъ жители Баранниковки продавали преимущественно въ Бѣловодскъ, издавна извѣстный ссыпкою хлѣба; нѣкоторые же домохозяева до построения Воронежско-Ростовской ж. д. иногда отправляли свой хлѣбъ для продажи въ Таганрогъ и Ростовъ, а оттуда привозили торговцамъ сл. Бѣловодска и для себя соль, рыбу, деревянное масло, разные фрукты и проч. Немало тогда было въ Баранниковкѣ и такихъ домохозяевъ, которые въ свободное отъ полевыхъ работъ время охотно нанимались отвозить пшеницу изъ Бѣловодска въ Таганрогъ и Ростовъ и ѣздили также за рыбою и дегтемъ на Волгу (въ Царицынъ).

Скотоводство въ Баранниковкѣ въ послѣдніе годы пришло въ упадокъ; это зависѣло преимущественно отъ неурожаевъ хлѣба и травъ, отъ падежей скота, а также и отъ недостатка земли для попаса. Въ настоящее время уже много въ слободѣ такихъ домохозяевъ, у которыхъ не только воловъ, но и коровенки на дворѣ нѣтъ, чего двадцать—тридцать лѣтъ назадъ совсѣмъ не было: тогда почти каждый домохозяинъ имѣлъ скотъ и для себя, и для продажи. Нѣкоторые изъ баранниковцевъ, влѣдствіе неурожаевъ и упадка скотоводства, стали ежегодно весною и лѣтомъ отправляться на заработки въ Донскую и Кубанскую области; тамъ они нанимаются исключительно на полевые работы или поденно, или на извѣстный срокъ. Исключительно ремеслами никто изъ жителей слободы не занимается; если же и бываютъ нѣкоторые заняты изготовленіемъ простой обуви, одежды или плотничествомъ, то и эти работы производятся болѣею частію въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Огороды и сады баранниковцы имѣютъ для потребностей только своей семьи. Торговля мануфактурнымъ товаромъ, бакалейнымъ и винная находится въ рукахъ поселившихся въ слободѣ великоруссовъ.

Одежда баранниковцевъ въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ замѣтно измѣнилась. Мужчины, напримѣръ, не носятъ уже широкихъ малороссійскихъ шароваръ; бешметъ замѣняется пиджакомъ. Женщины вовсе перестали носить очипокъ, а вмѣсто суконнаго „байбарака“ (длинный халатъ), который прежде въ праздничные дни надѣвали женщины и дѣвицы, теперь носятъ

мѣщанское пальто. Корсетъ и юпка (корсетъ съ рукавами) замѣняется кофтою. Красные сапоги уже рѣдко встрѣчаются. Головная повязка дѣвицъ, на подобіе чалмы, перестала быть обыкновенною даже для невѣстъ.

Малороссійская рѣчь баранниковцевъ имѣетъ весьма замѣтные слѣды великорусскаго вліянія,—въ этомъ сказалось вліяніе казаковъ, у которыхъ баранниковцы ежегодно бывають на заработкахъ, а также солдатчины и особенно школы, существующей въ Баранниковѣ съ 1845 года и съ того времени знакомящей молодыя поколѣнія съ литературною русскою рѣчью; при этомъ и чтеніе народомъ книгъ не могло, конечно, пройти безслѣдно.

С. И. Костиковъ.

24.—Сл. Нижне-Баранниковка.

Поселеніе, жилище, одежда.—Свадьба: „сватанья“, „подвисилокъ“, „весилля“.

Нижне-Баранниковка, иначе Злодѣвка, находится въ 75 вер. отъ г. Старобѣльска. Названіе Нижне-Баранниковки оно получило оттого, что лежитъ ниже сл. Баранниковки, къ волости которой принадлежитъ; Злодѣвкой называется потому, что въ старину здѣсь былъ хуторъ, населенный разбойниками, которыхъ народъ называлъ злодѣями. Жителей въ селѣ 1844 д. об. п. Народъ по наружности здоровый и довольно красивый. Хаты въ большинствѣ случаевъ мѣловые, но встрѣчаются и деревянные. Стѣны въ деревянныхъ хатахъ внутри не бѣлятся, а чисто моются и для блеска натираются бѣлкомъ. У богатыхъ хата состоитъ изъ 2 или 3 комнатъ. Одна для приѣма гостей, другая маленькая называется „кимнатой“ для стариковъ и третья кухня, въ которой помѣщается молодежь.

Лѣтняя одежда мужчинъ: бешметъ, шаровары, сапоги; зимняя: нагольные тулупы, свитки изъ сукна домашняго приготовленія, валенки, капелюхъ, рукавицы. Женская лѣтняя одежда: кофты, юбки, „зависки“ (фартухи), красные сафьяновые сапоги, свитки изъ черной шерстяной матеріи, цвѣтные, шелковые или шерстяные платки; зимняя: тулупъ, сапоги, теплый платокъ. Тулупъ, шитый изъ овчинъ, стоитъ 12 р., бешметъ отъ 4 р. до 10 р., женское платье отъ 2 р. 50 к. до 5 р.

Свадьбы въ этомъ селѣ устраиваются такъ: родители, желающіе женить сына, посылаютъ сватовъ къ родителямъ той дѣвушки, которую они хотятъ взять.

„Сватанье“. Сваты берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстную хату; тамъ они подходятъ подъ окно и говорятъ: „добры люды, пустишь на квѣтирю“. Хозяйка отвѣчаютъ: „мѣлосты прѣсымъ“. Тогда сваты входятъ, садятся и объясняютъ причину своего прихода. Если родители дѣвушки согласны, то берутъ хлѣбъ,

если же нѣтъ, то отдають его назадъ. Затѣмъ родители дѣлають уговоръ, сколько надо уплатить денегъ за невѣсту; плата бываетъ отъ 10 до 50 р. Потомъ невѣсту зовутъ въ хату и съ нею жениха и спрашиваютъ ихъ согласія; оба отвѣчаютъ: „якъ бѣтько та маты, такъ и мы“. Невѣста идетъ собирать дружокъ, а старики сзываютъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Когда всѣ сойдутся, жениха сажаютъ за столъ подъ образа вмѣстѣ съ старшимъ дружкомъ или бояриномъ; невѣста наливаетъ рюмки и подноситъ жениху и дружку, они откланиваются, а потомъ пьютъ и на тарелку бросаютъ деньги. Затѣмъ такъ же она угощаетъ другихъ гостей и перевязываетъ сначала близкихъ родныхъ, а потомъ и дальнихъ. Потомъ староста (распорядитель) наливаетъ водки и даетъ невѣстѣ, что бы она угостила дружекъ. Затѣмъ гости, вмѣстѣ съ родителями невѣсты, идутъ къ родителямъ жениха, а дѣвушки остаются варить вареники, къ нимъ приходятъ парубки, и они поютъ. На „свѣтаньи“ поютъ слѣдующія пѣсни:

„Слѣхайте, дружечки, де голубонька гудѣ,
Та то не голубонька, то молодѣ Варвѣра
Дивованье сдаѣ.

Нѣте вамъ, дружечки, дивованья моѣ

И рѣсу косѣ, дивоцѣкѣ красѣ.

Якъ бы ты, Варвѣра, потѣше ходѣла,

Потѣше ходѣла, бѣтеньку годѣла,

То бѣ ты цѣ лѣто дѣвкою гуляла,

Дѣвкою гуляла, кѣскою маяла,

То бѣ красонька въ лѣчиньку стояла“.

* *

„На веснѣ садѣчки цвѣтѣуть,

И дѣвчѣта виночкѣ плыстѣмуть,

Мѣймо твой ворѣточкѣ нестѣ-

муть.

Та до хѣты прывѣртѣтѣмуть.

Та, ой, чи дѣма Варвѣра, чи
нема,

Чи зѣ инчимѣ подрѣжкамѣ гуляѣ.

Та вона хѣде гуляѣ, прѣвды
не знаѣ“.

„Пидвисѣлокъ“. Если свадьба предполагается въ воскресенье, то въ пятницу у жениха и невѣсты лѣпятъ шишки, въ субботу невѣста собираетъ дружокъ и идетъ съ ними къ свекру и свекрови, кланяется имъ до земли и приглашаетъ на „пидвисѣлокъ“, затѣмъ заходитъ еще къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, тоже кланяется и проситъ на „пидвисѣлокъ“, и за-

тѣмъ, идетъ съ дружками домой, сажаетъ ихъ за столъ и даетъ имъ по пучку васильковъ, изъ которыхъ дружки дѣлають крестики и кладутъ на деревцо, воткнутое въ хлѣбъ и называемое „гильцѣ“, украшаютъ это „гильцѣ“ пестрыми лоскутками и кусочками гаруса. Затѣмъ отецъ и мать подносятъ всѣмъ дружкамъ и невѣстѣ по рюмкѣ водки. Послѣ ужина приходитъ сюда женихъ съ боярами и, вмѣстѣ съ невѣстою и дружками, уходятъ къ какойнибудь сосѣдкѣ. Тамъ поютъ:

„Ходыла Варвара по кимнати,

Пробужала бѣтенька зъ кровати.

—Та устань, устань, мий бѣтенько.

Та минй съ тобою не викъ викувати,

Та останню ниченьку переночевати,

Та обидню часиночку перечасувати“.

„Весілля“. Въ воскресенье, послѣ утрени, жениха и невѣсту вѣнчаютъ, и затѣмъ они расходятся. Невѣста съ дружками идетъ домой, дружки распускають ей дома косу. Мать подноситъ дружкамъ по рюмкѣ водки и даетъ по шишкѣ, потомъ невѣста идетъ къ обѣднѣ. Когда прозвонятъ къ „достойно“, она идетъ изъ церкви къ старшей дружкѣ обѣдать. Женихъ ѣздитъ собирать поѣздъ. Когда съѣдется поѣздъ, молодой садится на посадъ, его угощаютъ водкою, потомъ всѣ гости размѣщаются по экипажамъ и ѣдутъ кататься по селу, затѣмъ ѣдутъ къ молодой. Женихъ подходитъ къ молодой, цѣлуетъ ее и уѣзжаетъ, а къ невѣстѣ приходитъ поддружій и гонитъ ее къ отцу; она здѣсь здоровається съ родственниками и идетъ въ хату. Ее сажаютъ на посадъ, дружки сажаются возлѣ нея. Дружко вводитъ жениха и говоритъ: „Господы, Іисусе Христѣ, Сїне Божий. Благословѣть молодого на посадъ посадѣть“. Посадятъ жениха рядомъ съ невѣстой, а дружки поютъ:

„Не сиди жъ ты, тай Варварочко, прѣмо,

Не зводь головоньки само,

Та нехай той заведе, що бѣля тебе сяде.

Сердѣнько мылѣньке, присунься близѣнько,

Будемъ говорѣты, якъ на свѣти жити“.

Свашки со стороны жениха дарятъ родственникамъ невѣсты по шишкѣ и подносятъ по чаркѣ водки. Снимають съ молодого шапку и отдають теткамъ или сестрамъ невѣсты, которыя при-

шиваютъ къ ней вѣночекъ изъ ленты. Тогда отецъ и мать подаютъ на столъ на тарелкѣ очипокъ (родъ шапочки изъ парчевой матеріи), дѣвушки поютъ:

„Щось тобі тай унесено, | На тонесенький, на билесень-
На столі та положено, | кий скатерци“.

Потомъ свашки надѣваютъ на невѣсту очипокъ, покрываютъ платкомъ и поютъ:

„Покрыва́нка пла́че, покрыва́цьця хоче,
Не такъ покрыва́цьця, якъ зъ молодымъ поцилува́цьця“.

Когда кроютъ, то поютъ:

„Посіяла Варвара лёнъ, лёнъ, | На що було брaты,
Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ, | Колы насъ выгоняты“.

Дивчата уходятъ во дворъ и поютъ:

„Та по дорозі василечки поросли, | Та повызли скриню и пырину
Туды нашу Варвару повызли, | И молоду Варвару-княгиню“.

Жениха и невѣсту катаютъ по селу и отвозятъ къ свекру; тамъ ихъ благословляютъ и ведутъ въ хату.

Учительница А. Кристь.

25.—С. Безгинова.

Поселение.—Вечерицы.—Свадьба.

Село Безгинова Ново-Айдарской волости находится на расстоянии 44 вер. отъ г. Старобѣльска. Расположено село у подошвы горы и по берегамъ р. Айдара. Названіе села объясняютъ тѣмъ, что еще во время крѣпостнаго права былъ помѣщикъ по фамиліи Безгинъ, отъ него и деревня стала называться Безгинова.

Вечерицы иначе называются „посидѣлками“, начинаются съ Покрова дня (1-го Октября) и оканчиваются на масляной. Для вечерницъ выбирается отдѣльная хата, которую освѣщаютъ и отапливаютъ на общія деньги; въ эту хату каждый вечеръ собираются дѣвки и парни, первыя съ работою, а вторыя съ музыкою и гостинцами, но работаютъ здѣсь очень мало: большею частью играютъ въ игры; такъ, одна изъ любимыхъ игръ „панасъ“, затѣмъ танцуютъ и поютъ пѣсни до поздней ночи.

Вотъ нѣкоторыя пѣсни, которыя поютъ на вечерницахъ:

„Ой, верба ты верба, ты кудрявая, Де жъ ты росла, де повѣросла? —Я росла въ лужку на кру- томъ бережку, На высѣкій теремъ похилилася; Тамъ стояла вдова поздно въ вечера —Кто кричитъ, кто стучитъ подъ окѣшечко, То жъ не воръ идетъ, не раз- бойнычокъ, То жъ мой прежній другъ, по- любовнычокъ.	—Я жъ до тебѣ прійшовъ не гостытѣся, Я жъ до тебѣ прійшовъ рас- просытѣся, Чи позволѣшь ты минѣ оже- нытѣся? —Ты женись, ты женись, другъ безсовѣстный, Ты возьми, ты возьми собѣ жѣнушку, Собѣ жѣнушку, мою подружку“.
--	---

* * *

„Ходила—гуляла Маша по лужку,
Щипала—ломала спѣлый виноградъ,
Кидала—бросала Ванюшѣ на кровать.

—Кушай—кушай, Ванюша,
 —Кушай, вѣрный другъ поскорѣй,
 Скажи мнѣ словечко, котре повѣрнѣй.
 Жила была красавица, царска меньша дочь,
 А другая смутная, какъ темная ночь,
 Старшая меньшую смутила потайкомъ.
 —Пойдемъ, пойдемъ, сестрица, на бережокъ морской,
 Посмотримъ тамъ, родная, чѣмъ берегъ украшенъ.
 Украшенъ морской берегъ все синею волной,
 Покрыто же море парчою голубой.
 Старшая то меньшую спихнула съ бережка:
 —Плыви, плыви, сестрица, плыви, вѣрный другъ.
 Ратуй, ратуй, сестрица, ратуй невѣрный другъ.
 Я дарю тебѣ колечко отъ друга своего,
 Я дарю тебѣ другое отъ друга своего,
 Вступи, вступи въ гробницу, въ гробницу мнѣ ногой.
 Я дарю тебѣ колечко съ своимъ вѣрнымъ женихомъ,
 И осталось твое колечко безъ послѣдствіи теперь,
 А ты захлынешься въ холодной же водѣ“.

Свадьба. Сватовство у мѣстныхъ крестьянъ устраиваютъ такимъ образомъ: приходятъ со стороны жениха два мужика съ хлѣбомъ и солью подъ окно къ дому отца невѣсты и просятъ впустить ихъ въ хату; если родители невѣсты согласны въ ту осень отдать свою дочь замужъ, то разрѣшаютъ имъ войти; мужики—„старосты“, войдя въ избу, здороваются и говорятъ, что у нихъ есть купецъ, а слышали, что у хозяевъ есть подходящій товаръ, такъ не будутъ ли они имъ сватами, не продадутъ ли имъ своего товара. Родители невѣсты, хоть видятъ, что купецъ—„женихъ“ и подходящій, но отказываются, говоря, что ихъ товаръ еще новый,—молодой;—начинается торгъ и родители мало-помалу сдаются, говоря: „пойдите, люди добрые, домой, а мы тутъ посоветуемся“. Старосты уходятъ и, спустя часъ, приходятъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Воротившись, старосты узнаютъ, что „купецъ“ понравился родителямъ, и что они свободно могутъ ему продать свой товаръ; старосты довольны, и сейчасъ же одинъ изъ нихъ выходитъ во дворъ, гдѣ его ожидаютъ женихъ и невѣста, и зоветъ ихъ; женихъ и невѣста входятъ въ хату, и тутъ отецъ невѣсты спрашиваетъ жениха,—желаетъ ли онъ брать его дочь себѣ въ жены; тотъ отвѣчаетъ, что, если бы

онъ не желалъ имѣть ее своею женою, не послалъ бы къ нимъ старость; тогда отецъ спрашиваетъ дочь, согласна ли она идти замужъ за предстоящаго парня. Въ отвѣтъ дочь кланяется отцу въ поясъ,—это означаетъ, что она согласна; тутъ сейчасъ же соединяють руки жениха и невесты и говорятъ, что отнынѣ они должны любить другъ друга, а мать въ это время подаетъ дочери тарелку съ двумя рушниками „хустками“; послѣдняя подноситъ это съ поклономъ сначала одному, затѣмъ другому старостѣ; они благодарятъ ее водкою за рушники, и тутъ же родители невесты благословляютъ молодыхъ образомъ. Сватовство заканчивается, молодые уходятъ на улицу, а старики уславливаются, когда будутъ играть сватанье, и съ тѣмъ расходятся. Въ назначенный для сватанья день женихъ со всѣми своими родственниками приходитъ во дворъ невесты и остается ожидать въ сѣняхъ; старосты смѣло входятъ въ хату и садятся на лавкахъ, одинъ изъ бояръ (бояре товарищи жениха) „дружкò“ становится на порогъ и громко говоритъ: „Гóсподи Іисусе Христѣ, сыне Бóжий“, ему изъ хаты отвѣчаютъ „Амѣнь“.—„Спасетъ Богъ за амѣнь“, говоритъ дружокъ. „Стáроста, панѣ пидстáросты, благословѣть въ чéстный домъ войттѣь, усѣ дóбре говорѣть“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть, усѣ трѣчи рáзомъ“. Тогда дружокъ входитъ въ хату съ женихомъ и невестою, которая съ дружками—подругами стояла тамъ же въ сѣняхъ, и говоритъ: „стáроста, паны пидстáросты, благословѣть дѣтямъ Бóгу помолы́цыця, отцѹ, мáтери въ нóги поклоны́цыця“.—„Богъ благословѣть“, отвѣчаютъ ему. Тутъ молодыхъ заставляютъ кланяться отцу и матери, которые держатъ одинъ образъ, а другая хлѣбъ затѣмъ ихъ заводятъ за столъ, и дружки начинаютъ пѣть:

Ой у садѹ соловейко ще не щебетавъ,

А Хвѣдечка та Мáрьечку ще не цилувавъ.

Женихъ долженъ поцѣловать невесту, и послѣ долгихъ сопротивленій со стороны невесты, онъ цѣлуетъ ее, и дружки опять поютъ:

„Ой, у садѹ соловейко вже защебетавъ,

А Хвѣдечко та Мáрьечку вже поцилувавъ.

Затѣмъ родители невѣсты начинаютъ угощать сначала молодыхъ, потомъ дружекъ и бояръ, и молодые уходятъ изъ хаты погулять во дворъ, а ихъ мѣсто занимаютъ старики,—угощаются они до поздняго вечера, затѣмъ всѣ уходятъ къ родителямъ жениха, а молодые опять входятъ въ избу и начинаютъ гулять, поютъ пѣсни, танцуютъ и, если свадьба людей зажиточныхъ, то пьютъ медъ и варятъ вареники. Въ домѣ жениха старики улаиваются о днѣ свадьбы.

Слѣдуюція пѣсни поють на сватаніи:

„Заручѣна дѣвка Мѣрьечка, заручѣная

Положи́ла сво́ю ру́ку на за́руку.

Бѣла-жъ мой тай рѣченька у бѣтька могò,

Та чи б́удешъ такà б́ила у свéкорка?

Та якъ бѣдешъ, Мѣречко, покирнѣнька,

Буде твоя рúченька, тай биленька.

А якъ будешъ ты, Мාරьечко, покирнїша всихъ,

Буде твоя тай рúченька билише усйхъ,

А якъ бѣдешъ ты, МАРЬЕЧКО, УПРЯМАЯ.—

Буде твоя голівонька що дня п'яная".

* *

„Отдаёшь менё, мий ба́течко,

И самъ бачишъ—

Шо не разъ, не два, та й за
мною,

Та ѝ заплачешъ.

Якъ по висні та садóчки та й цвисты́муть,

А дивóчки та винóчки та й
плистýмуть,

Мѣмо твоихъ ворѣтечекъ та
и нестымутъ;

Вонѣ жъ бѣдутъ та й до хаты
привитаты.

Вонны жъ бѣдутъ та й Мѣрь-
ечку выкликáты“.

* *

„Отдаёшь менѣ, мой нѣнько,

Самà отъ сѣбе,

Оста́нецця рўта—мья́та

Вся у тебе.

Уставай же, моя ненько.

Та й раненько,

Полывай же руту-мяту

Тай частенько,

Утренними вечерними зоронь-
камы,

Та своїмы дрибненькімы
слизенькамы“.

* *

„Росты́ росты́ моя́ мя́та,

Не хилыся,

Живы, живы, моя ненько.

Не журься!

Ой, рада бѣ я не хилыцця,—

Та вітеръ хилѧ,

Ой, рада бѣ я не журыцца. —

Дочка покида“.

За три дня до свадьбы начинают печь хлѣбы и лѣпить шишки и лежень (родъ калача); для этого собираются дружки и лѣпятъ шишки, при этомъ поютъ:

„Чѣрный вѣронъ сбудувавъ гору рѣно-рѣно,
 Чѣрный вѣронъ сбудувавъ гору та й ранѣнько,
 У три стинѣ камѣяныя рѣно-рѣно,
 У три стинѣ камѣяныя та й ранѣсенъко,
 А четвѣртая та й золотѣя рѣно-рѣно,
 А четвѣртая та й золотѣя та й ранѣсенъко,
 А на тѣи стинѣ та й макивочки рѣно-рѣно,
 А на тѣи стинѣ макивочки та й ранѣсенъко,
 А на макивочки та лѣстивочки рѣно-рѣно,
 А на макивочки та лѣстивочки та й ранѣсенъко,
 Звылы собѣ гнѣздо зъ чѣрного шѣвку рѣно-рѣно,
 Зъ чѣрного шѣвку, зъ бѣлои бумаги та й ранѣсенъко;
 Тай вѣвела дѣтокъ та й однолѣтокъ рѣно-рѣно,
 Та вѣвела дѣтокъ та й однолѣтокъ та й ранѣсенъко.
 Та жъ пѣрве дѣтѣтко молодой Хвѣдечка рѣно-рѣно,
 А другѣ дѣтѣтко молодѣ Марѣячка та й ранѣсенъко.
 Ой, мѣсяцю та перебѣрщѣку та й ранѣсенъко
 Ой, мѣсяцю та перебѣрщѣку та й ранѣсенъко
 Та не сходи напередъ мѣне та рѣно-рѣно,
 Та не сходи напередъ мѣне та й ранѣсенъко,
 А зѣйдемо обѣи рѣзомъ та й ранѣсенъко.
 Ой, Хвѣдечко, та мѣй другъ вѣрный, рѣно-рѣно,
 Не становся напередъ мѣне та ранѣсенъко,—
 Та станемо обѣи рѣзомъ рѣно-рѣно,
 Та станемо обѣи рѣзомъ та й ранѣсенъко,
 Та развесѣлымо отцѣ, нѣньку рѣно-рѣно,
 Отцѣ, нѣньку и всю родѣноньку та й ранѣсенъко“.

Послѣ всего лѣпятъ „коровѣй“, лѣпятъ его возлѣ печи, преимущественно замужнія женщины, такимъ образомъ: ставятъ возлѣ печи „дѣжѣ“, зажигаютъ крестообразно четыре восковыя свѣчи и начинаютъ лѣпить, причемъ поютъ пѣсню:

Изъ субѣты на недѣленьку го-	Та на каравѣй.
дына,	Хвалѣте Бога: сырѣный и
Избыралася Хвѣдечкина родѣна,	масляный
Привезлы сырѣ горщѣкъ и масла,	Бѣде нашъ коровѣй“.

Эту пѣсню поютъ до тѣхъ поръ, пока коровѣй не будетъ совсѣмъ готовъ, а потомъ берутъ четыре зажженныя свѣчи, соединяютъ ихъ вмѣстѣ и втыкаютъ ихъ въ средину коровѣй

и такъ сажаютъ его въ печь; существуетъ примѣта, что если эти зажженные свѣчи не потухнутъ въ печи, то молодые будутъ счастливы; затѣмъ 4 бабы берутъ пустую „дижѹ“, поднимаютъ ее вверхъ на рукахъ и поютъ:

„Пичъ хѳде на ногѳхъ, Печѳсь, печѳсь коровѳй“.
Дижѳ хѳде на рукахъ,

Поютъ это три раза и, какъ только окончатъ, то быютъ „дижою“ о потолокъ. Затѣмъ мать невѣсты проситъ всѣхъ сѣсть, даетъ имъ обѣдать, а когда испекутся шишки и лежень, то послѣдній украшаютъ, „уряжаютъ“, краснымъ гарусомъ и такими же лентами, потомъ расходятся по домамъ до вечера; вечеромъ опять собираются въ домъ невѣсты, поютъ, играютъ, веселятся. Наканунѣ свадьбы все происходитъ такъ-же, какъ и на сватаньи, только расходятся раньше въ виду того, что на другой день бываетъ свадьба.

Канунъ свадьбы называется „пидвисѣлкомъ“. Въ назначенный для свадьбы день женихъ съ невѣстою, съ старшимъ бояриномъ и старшею дружкой идутъ къ родителямъ невѣсты, а затѣмъ къ родителямъ жениха, тамъ ихъ благословляютъ, и они идутъ въ церковь, гдѣ ихъ вѣнчаютъ; изъ церкви они идутъ къ жениху, гдѣ обѣдаютъ. Пообѣдавши, невѣста уходитъ домой, а женихъ остается въ домѣ своихъ родителей; здѣсь собираются всѣ его товарищи „бойре“, всѣ садятся за столъ, и снова подають уже для всѣхъ обѣдъ; если у жениха нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то, когда онъ подноситъ первую ложку ко рту, начинаютъ пѣть:

„Васылѣчку, барвіночку зеле-
нѣнький,
А Хвѣдечка сыротѣнка моло-
дѣнький,
Якъ заплакавъ та Хвѣдечка ра-
но на зорѣ,
Та заплакавъ сѣдя на конѣ,
Та слезѣ слезѹ одна одну по-
бывае,
Та що рѣдного та й бѣтечка,
та й немае,
Велѣкий двирѣ та манѣнький
сбирѣ,

Чомъ не вся родѣнонька?
Сбирѣмося, оглядѣмося,
Котѳрого рѳду немае,
Ой, чи блѣзького, чи далѣкого,
Чи бѣтенька рѣднѣнького?
Та не манѣнькои перепелычки,
Ни рѣднѣнькои сестрѣчки.
Посылай же, Хвѣдечко, со-
ловейка въ садѣ
До бѣтенька на порѣду;—
Ни соловѣйки зѣ саду, ни бѣ-
тенька зѣ раю,
Ни родѣны зѣ украины“.

Послѣ обѣда всѣ бояре садятся на коней, и два изъ нихъ подводятъ лошадь жениху; тутъ мать обсыпаетъ его хмѣлемъ, деньгами, орѣхами и проч., чтобы женихъ былъ богатъ, а затѣмъ выѣзжаютъ изъ двора и ѣдутъ кататься, причемъ онъ долженъ три раза объѣхать вокругъ церкви и, когда объѣдетъ въ послѣдній разъ, должны перекреститься три раза и черезъ голову бросить три копѣйки; покатавшись до сумерекъ, всѣ бояре съ женихомъ подъѣзжаютъ ко двору невѣсты, гдѣ уже стоятъ всѣ родичи жениха; но ихъ не пускаютъ, потому что еще имъ не заплатили; когда дружка заплатитъ, ихъ впускаютъ во дворъ, и сваты и всѣ старики входятъ въ хату, а женихъ съ боярами стоитъ вѣздѣ порога; свашка поетъ:

„Ой, якъ буде тебѣ тѣщенька привитаты,
Буде тебѣ мѣдомъ—винѣмъ напуваты;
Не пий, не пий, молодій Хвѣдечка, того вына,
Изльй его кѣныку на грывку“.

Въ это время теща выходитъ и выноситъ рюмку, налитую водою съ хмѣлемъ, и даетъ ее жениху; женихъ выливаетъ черезъ плечо на лошадь, а рюмку беретъ въ карманъ; тогда теща вынимаетъ другую рюмку и бутылку съ водкою, подчуевъ всѣхъ бояръ и даритъ ихъ лентами—„кисныкѣми“, а затѣмъ зоветъ ихъ въ хату, гдѣ невѣста сидитъ на посадѣ, наклонивъ голову на столъ, и ей накрываютъ голову калачемъ; дружки поютъ:

„Глянь же, Мѣрячко, пидъ калачъ
Кѣрыма очима тай не плачъ.
Сѣпечко нызѣнько, сердѣнько близѣнько,
Будете говорыты, якъ на свѣти жѣты“.

Дружка въ это время торгуется съ дѣтьми, которыя не пускаютъ жениха за столъ; наконецъ имъ даютъ по грошу и по рюмкѣ водки, и они пускаютъ его; онъ снимаетъ у невѣсты съ головы калачъ, поднимаетъ ее и цѣлуетъ, а дружки поютъ:
„Татѣрынъ, бѣратику, татѣрынъ, | Та взявъ за сестрѣ, стрѣлочку
Прѣдавъ сестрѣ за тѣлеръ, | За йийи рѣсу кѣсѣчку“.

Послѣ этого свашка со стороны жениха даетъ тещѣ „чѣботы“, а свашка со стороны невѣсты пришиваетъ къ шапкѣ жениха невѣстинъ вѣнокъ и подаетъ жениховой свашкѣ, за что получаетъ шишку, рюмку водки и на „капоръ“; затѣмъ братъ или племянникъ невѣсты расплетаютъ ей косу, тутъ двѣ свашки

становятся возлѣ неvěсты и начинаютъ покрывать ее, т. е. на-
дѣвають на нее очипокъ, а затѣмъ машутъ надъ головою сер-
панкомъ, припѣвая три раза:

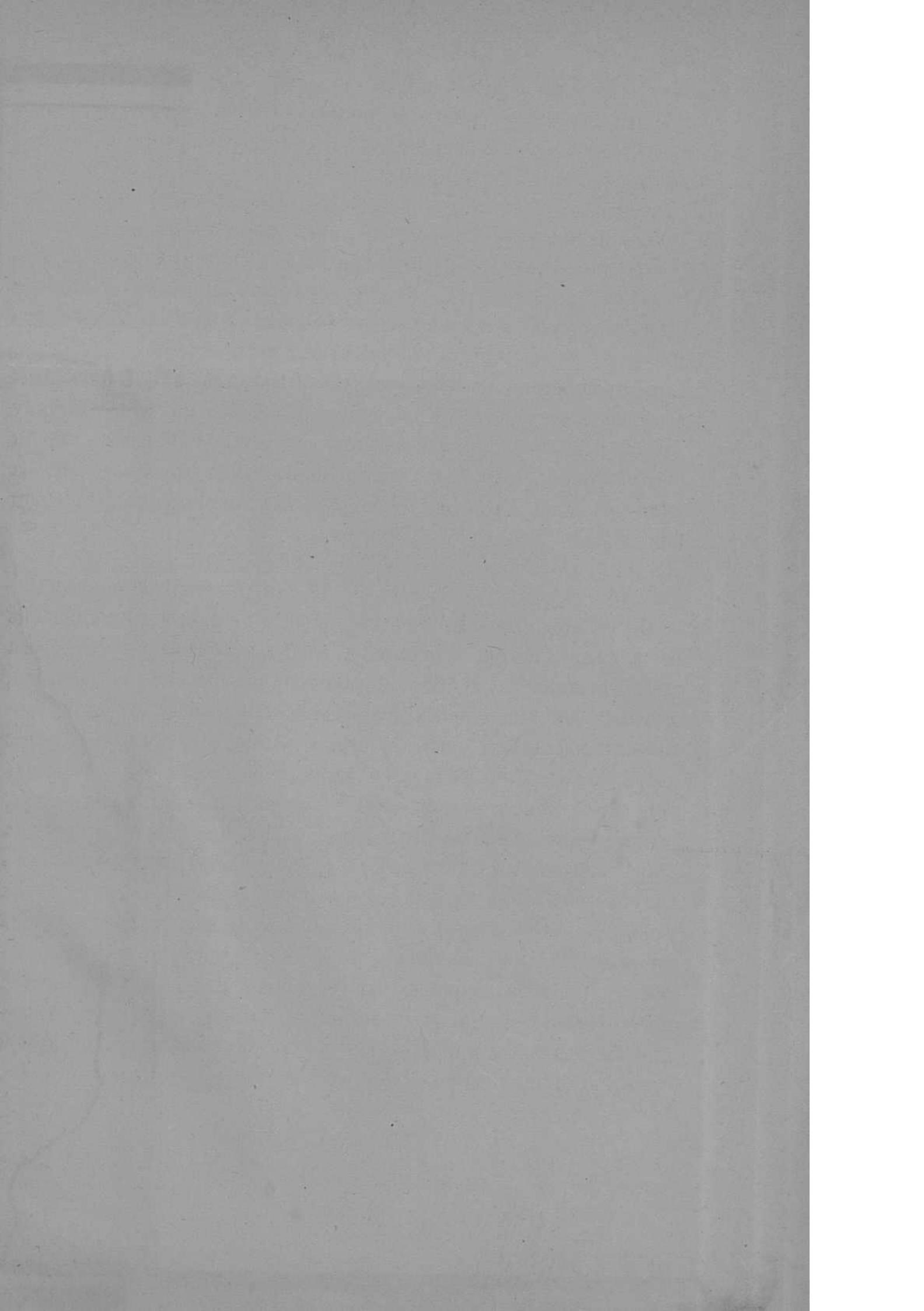
„Покрѣванка плаче,	Не такъ покрѣвацьця,
Покрѣвацьця хоче,	Якъ поцилувацьця“.

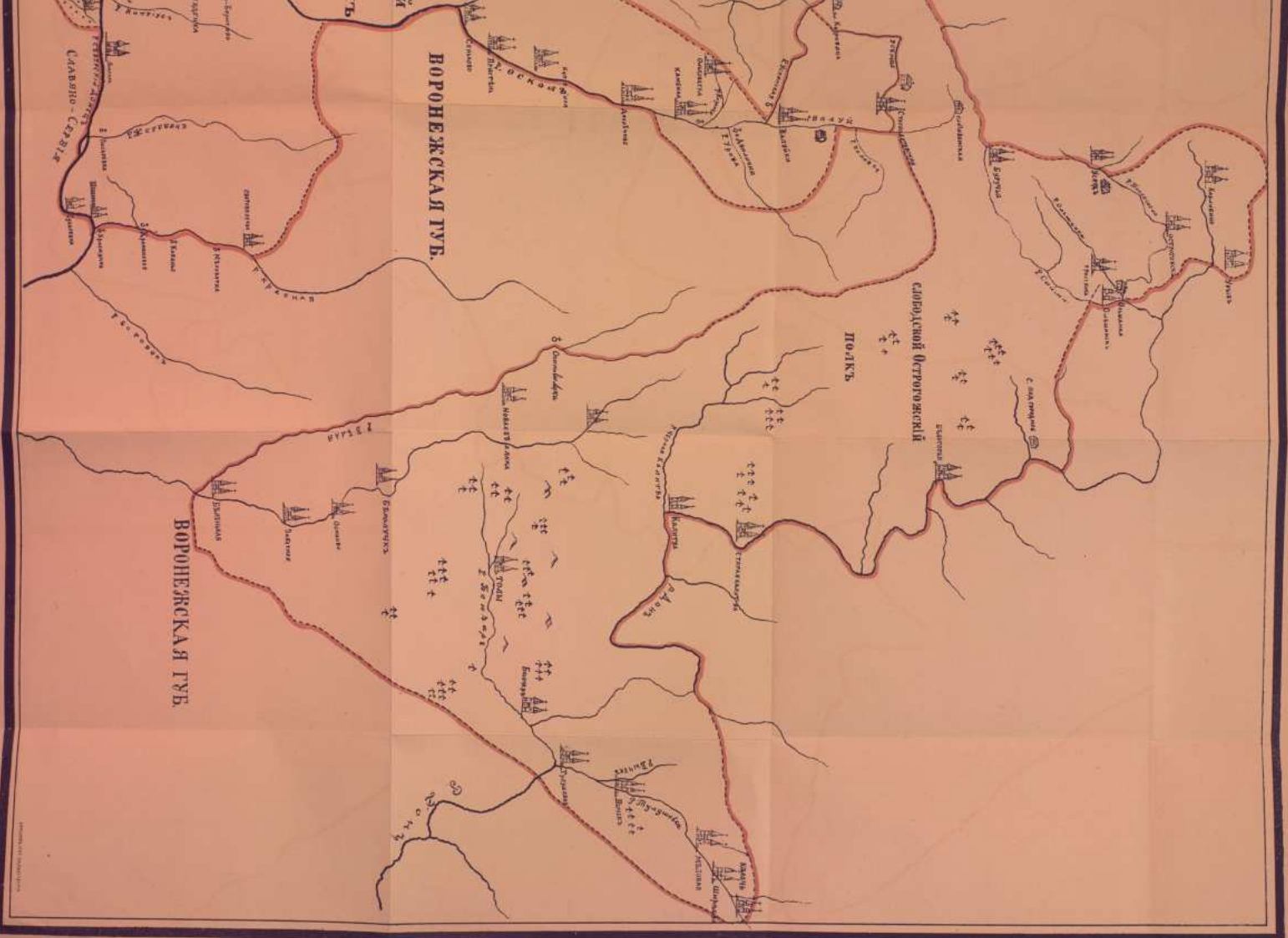
Пропѣвъ такимъ образомъ три раза, онѣ этимъ самымъ сер-
панкомъ завязываютъ неvěсту, оставляя одни глаза; затѣмъ
отецъ неvěсты даетъ ей бутылку водки, и она выходитъ изъ-
за стола, угощаетъ всѣхъ своихъ подругъ, цѣлуется съ ними,
т. е. прощается, и здѣсь всѣ дѣвки уходятъ, а ее опять бла-
гословляютъ вмѣстѣ съ женихомъ, даютъ въ руки жениху
хлѣбъ, а ей—образъ и выводятъ во дворъ, гдѣ возлѣ порога
стоитъ „дижа“, а на ней лежитъ хлѣбъ; тутъ дружка беретъ за
руки молодыхъ и три раза обводитъ ихъ вокругъ „дижи“, чтобы
они любили другъ друга, причемъ поетъ:

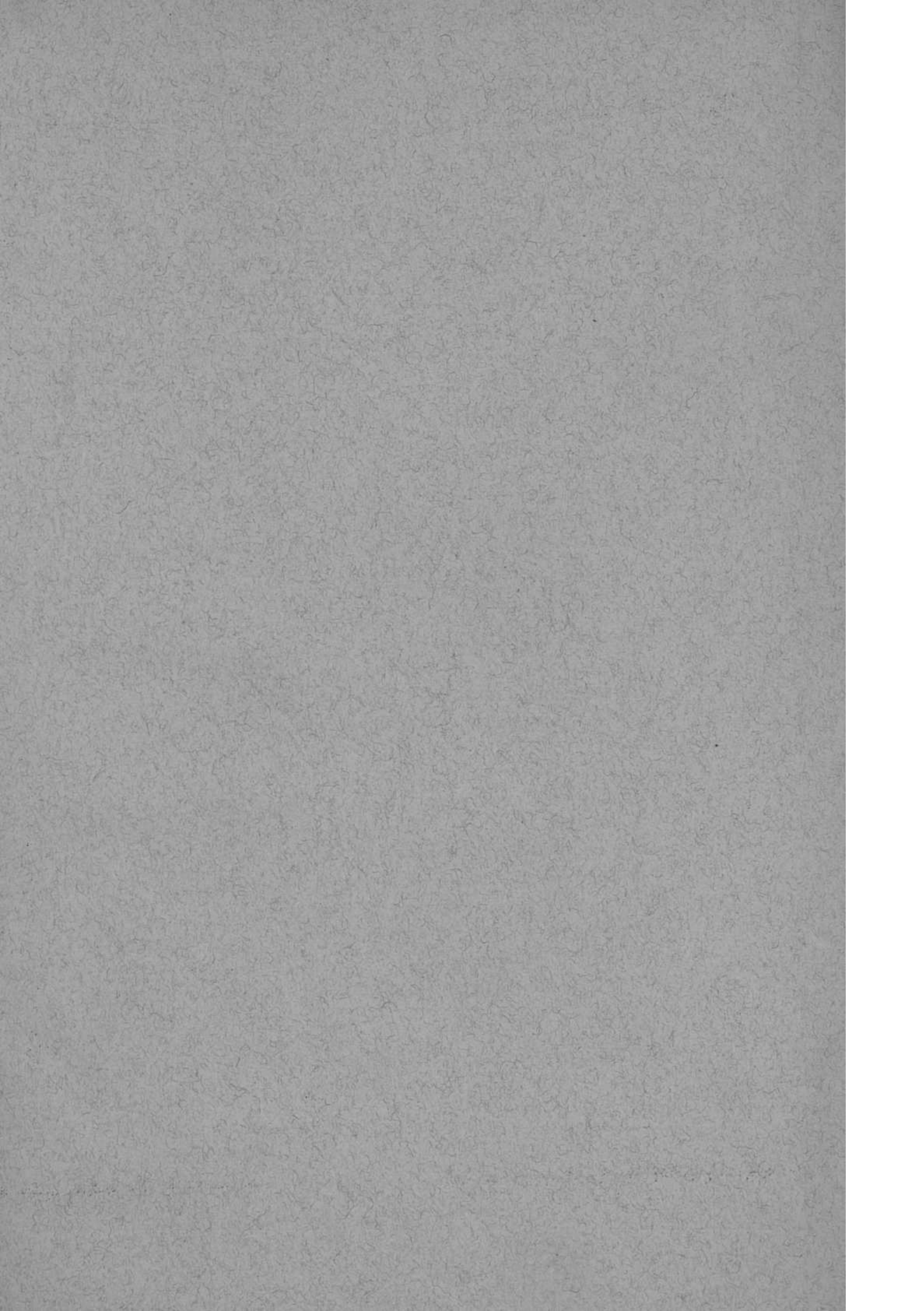
„Старый оселѣдько	Не вспивъ оженѣцьця,
Не стоѣ за рѣдьку,	Ставъ зъ жѣнкою быцьця“.

Послѣ этого женихъ ведетъ неvěсту къ санямъ, усаживаетъ
ее, а самъ садится верхомъ на лошадь, объѣзжаетъ три раза
кругомъ неvěсты и бьетъ ее плетью, чтобы она боялась его,
и самъ во весь опоръ выѣзжаетъ изъ двора; за нимъ тро-
гается весь поѣздъ, вслѣдъ поѣзду разлаются выстрѣлы; возлѣ
двора жениховыхъ родителей женихъ ожидаетъ поѣздъ, и тутъ
всѣ переѣзжаютъ черезъ огонь, который лежитъ въ воротахъ;
потомъ опять женихъ подходитъ къ санямъ, беретъ неvěсту за
„зѣру“ и вводитъ въ хату своихъ родителей; тутъ ихъ встрѣчаютъ
съ образомъ, они кланяются въ ноги роднымъ и заходятъ за
столъ; подають ужинъ, но молодые не ѣдятъ, а только пьютъ
по рюмкѣ водки; посидѣвъ съ $\frac{1}{4}$ ч., дружка говоритъ: „ста-
росты, панѣ пидстаросты, благословѣть дѣтей на покѣй итѣ“.
Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть усѣи трычи разомъ“. Моло-
дые выходятъ въ приготовленную для нихъ комнату, а старики
гуляютъ до поздней ночи,—и затѣмъ веселятся цѣлую недѣлю.

Тремпольцева.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Литература о Харьковской губ. (Библиографическій указатель). *И. А. Устинова*. Ц. 50 к.

Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г. *І. С. Чирикова*. Ц. 20 к.

Карта Харьковской губерніи. Ц. 25 к.

Забутые труды по изслѣдованію народной жизни (Кадастръ Харьковской губ.). *В. В. Иванова*. Ц. 25 к.

Современная деревня въ Харьковской губ. *В. В. Иванова*. Ц. 10 к.

„Житіе Григорія Сковороды“ (съ портретомъ). *М. И. Ковалинскаго*. Ц. 20 коп.

Духоборцы въ Слободской Украинѣ. *А. С. Лебедева*. Ц. 40 к.

Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. *А. Д. Твердохльбова*. Ц. 20 к.

Харьковъ по переписи 1892 года. *А. А. Русова*. Ц. 10 к.

О сбереженіи почвенной влаги и возвышеніи доходности земли. *В. И. Мезенцова*. Ц. 25 к.

Лѣченіе домашнихъ животныхъ. *В. И. Выжниковича*. Ц. 10 к.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Ц. 30 к.

Руководство къ устройству народныхъ библіотекъ. Ц. 20 к.

Христофоръ — первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. *Н. А. Лащенкова*. Ц. 1 руб.

Исторія Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка (съ картою Слободскихъ полковъ 1764 г.). *Е. А. Альбовскаго*. Ц. 2 руб.

Харьковскій Сборникъ. Вып. 1—7-й. Ц. 40 к. Вып. 8 и 9. Ц. 60 к.

18A

с 595 Хар.
Х 23

Харьковский сборн.
Лит.-научн. прилож
к "Харьк. календарю"
на 1895г. Вып. 9.